

ВЕСТНИК
Томского государственного университета
2018. № 430. Май

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL
2018. № 430. May

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; Е.В. Борисов, д-р
филос. наук, проф.; Д.С. Воробьев, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; А.А. Глазунов,
д-р техн. наук, проф.; А.М. Горцев, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; С.К. Гураль, д-р
пед. наук, проф.; Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; В.П. Зиновьев, д-р ист. наук,
проф.; В.И. Канов, д-р экон. наук, проф.; А.Г. Коротаев, канд.
физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; И.Ю. Малкова, д-р пед. наук,
проф.; В.П. Парначев, д-р геол.-минерал. наук, проф.;
О.В. Петрин, директор Издательского Дома Томского
государственного университета; Т.С. Портнова, канд. физ.-мат.
наук, доц., директор Издательства НТЛ; А.И. Потекаев, д-р физ.-
мат. наук, проф.; Л.М. Прокументов, д-р юрид. наук, проф.;
З.Е. Сахарова, канд. экон. наук, доц.; Ю.Г. Слизов, канд. хим.
наук, доц.; В.С. Сумарокова, директор Издательства ТГУ;
С.П. Сущенко, д-р техн. наук, проф.; П.Ф. Тарасенко,
канд. физ.-мат. наук, доц.; Г.М. Татьянин, канд. геол.-
минерал. наук, доц.; В.А. Уткин, д-р юрид. наук, проф.;
О.Н. Чайковская, д-р физ.-мат. наук, проф.; Э.И. Черняк, д-р
ист. наук, проф.; В.Г. Шилько, д-р пед. наук, проф.;
Э.Р. Шрагер, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); D. Katunin, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); V. Bertsun, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; Ye. Borisov, Dr. of
Philosophy, Professor; D. Vorobyov, PhD in Biology, Associate
Professor; S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; A. Gortsev, Dr. of
Engineering, Professor; L. Grinkevitch, Dr. of Economics,
Professor; S. Gural, Dr. of Education, Professor; T. Demeshkina,
Dr. of Philology, Professor; Yu. Yershov, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; V. Kanov, Dr. of Economics,
Professor; A. Korotaev, PhD in Physics and Mathematics, Senior
Researcher; I. Malkova, Dr. of Pedagogy, Professor; V. Parnachev,
Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; O. Petrin, Head of
Tomsk State University Publishing House; T. Portnova, PhD in
Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific
and Technical Literature Publishing House; A. Potekaev, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor; L. Prozumentov, Dr. of Law,
Professor; Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor;
Yu. Slizhov, PhD in Chemistry, Associate Professor;
V. Sumarokova, Director of TSU Publishing House;
S. Sushchenko, Dr. of Engineering, Professor; P. Tarasenko, PhD
in Physics and Mathematics, Associate Professor; G. Tatianin, PhD
in Geology and Mineralogy, Associate Professor; V. Utkin, Dr. of
Law, Professor; O. Chaikovskaya, Dr. of Physics and Mathematics,
Professor; E. Chernyak, Dr. of History, Professor; V. Shilko, Dr. of
Education, Professor; E. Shrager, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –

Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor

Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Волков И.О. В.А. Жуковский и И.С. Тургенев (К вопросу о творческой преемственности)	5
Лиханов М.В., Куликов И.А. Посмотрите на вазу: как языковые маркеры влияют на глазоувидательную активность (на материале жанра экскурсия)	15
Путилина Т.Г. Оппозиция жизнь / смерть в произведении Н.Д. Кашкина «Воспоминания о П.И. Чайковском»	25
Сергодеев И.В., Олизко Н.С. Текст, гипертекст и интертекст в произведениях Дж. Моррисона	33
Тулякова А.А. Читатель на распутье: «дублированные» сюжеты в «круге чтения» Л.Н. Толстого	39
Цуй Л. «Китайский текст» и эмигрантский миф в поэзии русской дальневосточной эмиграции 1920–1950-х гг.	45
Шереметьева З.В. Французские предлогные выражения «en forme de» и «sous (la) forme de»: опыт лексикографического, синтаксического и семантического анализа	52

ФИЛОСОФИЯ

Клёцкин М.В. Об объективности познания в квантовой механике	58
Пилушенко А.В. К вопросу о социально-философском содержании человеческого капитала личности	64

ИСТОРИЯ

Избасарова Г.Б. Государственная деятельность А.И. Тевкелева по реализации юго-восточной политики Российской империи в XVIII в.	68
Казьмин В.Н., Казьмина М.В. Правозащитная деятельность в Российской Федерации в 60-х гг. XX в. – начале XXI в.	77
Кротт И.И. Реализация мер по борьбе с «немецким засильем»: немецкие предпринимательские хозяйства Западной Сибири в годы Первой мировой войны	86
Муратшина К.Г. Российско-китайская выставка ЭКСПО и его роль в сотрудничестве российских регионов с КНР	93
Пасицка О.И. Международная ярмарка «Восточные торги» во Львове (20–30-е гг. XX в.): мировой опыт и местные реалии	107
Печерский В.А. Прокурорские органы Хакасской автономной области в постсталинский период (1953–1960 гг.).	110
Почекаев Р.Ю. Несбывшиеся ожидания: император Петр III и казахские правители	120
Рычков А.В. Перестройка в «человеческом измерении»: деятельность министра В.И. Черноиванова в защиту аграрной науки	126
Степнов А.О. Ученые г. Томска – лауреаты Сталинской премии в области науки за достижения в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	132

ПЕДАГОГИКА

Евдокимова Е.Г., Махова Е.Е. Возможности реализации эвристического потенциала исследовательской деятельности на уроках истории	139
Камалеева А.Р. О внедрении механизма реализации нового образовательного стандарта в интеграции с разработанными профессиональными стандартами	144

CONTENTS

PHILOLOGY

Volkov I.O. V. Zhukovsky and I. Turgenev (to the question of creative continuity)	5
Likhanov M.V., Kulikov I.A. Take a look at the vase: lexical markers affect oculomotor activity (on the material of excursion genre)	15
Putilina T.G. The opposition “life/death” in <i>Memories of P.I. Tchaikovsky</i> by N.D. Kashkin	25
Sergodeev I.V., Olizko N.S. Text, hypertext and intertext in the works of J. Morrison	33
Tulyakova A.A. A reader at the crossroads: “binary” plots in Leo Tolstoy’s <i>A Circle of Reading</i>	39
Cui Lu. The “Chinese text” and the emigrant myth in the poetry of the Russian Far Eastern emigration of the 1920s–1950s	45
Sheremeteva Z.V. French prepositional expressions “en forme de” and “sous (la) forme de”: the elements of lexicographical, syntactical and semantic analysis	52

PHILOSOPHY

Kletsin M.V. On the cognition objectivity in quantum mechanics	58
Pilyushenko A.V. On the sociophilosophical concept of an individual’s human capital	64

HISTORY

Izbassarova G.B. A.I. Tevkelev’s state activity on the implementation of the south-eastern policy of the Russian Empire in the 18th century	68
Kazmin V.N., Kazmina M.V. Human rights activities in the Russian Federation in the 1960s – early 21st century	77
Krott I.I. Implementation of measures for the fight against German dominance: German entrepreneurial farms in Western Siberia during the First World War	86
Muratshina K.G. The Russia-China EXPO and its role in the cooperation of Russian regions with China	93
Pasitska O.I. International fair ‘Eastern Trades’ in Lviv (1920s–1930s): world experience and local realities	107
Pecherskiy V.A. Public prosecution bodies of the Khakass Autonomous Region during the post-Stalin period (1953–1960)	110
Pochekaev R.Yu. Vain hopes: Emperor Peter III and Kazakh rulers	120
Rychkov A.V. The perestroika in the “human dimension”: the activities of minister V.I. Chernov	126
Stepnov A.O. Tomsk scientists – Stalin Prize winners in the field of science for their achievements during the Great Patriotic War (1941–1945)	132

PEDAGOGICS

Evdokimova E.G., Makhova E.E. Possibilities for fulfilling the heuristic potential of research activities in history lessons	139
Kamaleeva A.R. On the application of the mechanism for implementing the new educational standard in integration with the developed professional standards	144

Протасова Е.К. Обучение условно-стилизованному изображению как средство развития абстрактно-образного мышления студентов.....	152	Protasova E.K. Teaching stylised image as a means to develop abstract imaginative thinking in students	152
Резник С.Д., Чемезов И.С. Институт аспирантуры российского вуза: состояние, проблемы и перспективы развития	159	Reznik S.D., Chemezov I.S. Postgraduate education in Russian universities: state, problems and prospects of development	159
ПРАВО		LAW	
Варданян А.В. Криминалистическая превенция в системе государственных мер по предупреждению преступности	169	Vardanyan A.V. Crime prevention in the system of state measures for crime prevention	169
Жмуров Д.В. Криминальная алкоголизация за рулем: взгляд правоприменителя и перспективы профилактики	174	Zhmurov D.V. Criminal drink-driving: a look of a law enforcement agent and perspectives of prevention	174
Исаева А.А. Система источников правового регулирования статуса религиозных объединений в Российской Федерации и проблемы регионального законодательства	180	Isaeva A.A. Sources of legal regulation of the status of religious associations in the Russian Federation and problems of regional legislation	180
Минева О.К., Каширская Л.В. Нормативно-правовое обеспечение процесса аутсорсинга и аутстаффинга персонала	188	Mineva O.K., Kashirskaya L.V. Legal support of personnel outsourcing & outstaffing	188
Никитин А.М., Лосева С.Н. Женщины-заключенные в дореволюционной России (по материалам исследований М.Н. Гернета)	196	Nikitin A.M., Loseva S.N. Women-prisoners in pre-revolutionary Russia (on the materials of M.N. Gernet's research)	196
Петров А.В., Зырянов А.В. Дискурс методологических подходов в современных юридических исследованиях	205	Petrov A.V., Zyryanov A.V. Discourse of methodological approaches in modern legal studies	205
Черкасов К.В., Осипов Д.А. Принципы организации и деятельности представителей органов государственной власти субъектов Российской Федерации: вопросы теории и практики	213	Cherkasov K.V., Osipov D.A. Principles of organisation and activities of commissioners of the authorities of the subjects of the Russian Federation: theory and practice	213
Юрковский А.В., Кузьмин И.А. О перспективах и первичных результатах компаративных исследований в сфере конституционно-правовой охраны в государствах Северо-Восточной Азии	219	Yurkovsky A.V., Kuz'min I.A. On perspectives and primary results of comparative studies in the sphere of constitutional legal protection in northeast Asian states	219
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	226	BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	226

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

И.О. Волков

В.А. ЖУКОВСКИЙ И И.С. ТУРГЕНЕВ (К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ)

На материале повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир» (1870) рассматривается творческая преемственность художественно-эстетических открытий В.А. Жуковского. Обнаруживается связь эмоционально-психологического состояния главного героя с теоретическими положениями статьи «О меланхолии в жизни и в поэзии» (1846). Важным аспектом сопоставительного исследования становится элегическая тональность природного изображения в повести Тургенева, которая со всей очевидностью восходит к поэтике Жуковского («Славянка», 1815).

Ключевые слова: В.А. Жуковский; И.С. Тургенев; «О меланхолии в жизни и в поэзии»; «Славянка»; «Степной Король Лир».

1

Вопрос о существовании творческой преемственности между В.А. Жуковским и И.С. Тургеневым в отечественном литературоведении поставлен. Обычно имя Жуковского встраивают в ряд «романтических имен», из которого выводят художественную традицию, наследуемую Тургеневым в период раннего творчества [1–3]. Однако значение его для писателя имеет гораздо больший масштаб. Учитель А.С. Пушкина, близкий друг семьи И.П. Тургенева, воспитатель царя-освободителя, один из ярчайших поэтов начала XIX в. – все это сыграло огромную роль в формировании для Тургенева живого образа Жуковского и, конечно, оставило свой глубокий след в его собственном творчестве.

Знаменитый современник представлялся Тургеневу живым классиком, поэтому и отношение к нему имело особый характер. Поэт, чье творчество обозначило целую эпоху в развитии русской литературы, чей язык «вошел важной составной частью в фонд русского поэтического языка» [4. Р. 208], являл писателю образец высокого искусства слова. Идеино-эстетический комплекс романтического мировидения в глубоком соединении с пафосом гуманизма остался навсегда актуален для Тургенева¹.

Проблему «лирического диалога» поэта и писателя на современном этапе разрабатывает К.А. Ефименко. Исследователь обнаруживает очевидную связь думы Тургенева «Вечер» с одноименной элегией Жуковского. Важное проявление сходства К.А. Ефименко видит в «элегическом строе стихотворения, в особенностях интонационного и ритмического строя, в повторяющихся образах и мотивах» [6. С. 2146]. Обращаясь к элегическому опыту Жуковского, Тургенев внутренний мир лирического героя тесно связывает с вопросами надличностного, бытийного характера. В этом сказывается общая специфика восприятия им творческих открытий поэта. Если Жуковский понятия всеобщего делает достоянием индивидуальной духовной жизни, то Тургенев через нравственно-философское осмысление включает личное в содержание общечеловеческого.

О том, что проблема творческого диалога Тургенева с Жуковским требует решения и на материале

прозы, справедливо говорит С.М. Аюпов. В статье «Лирико-романтические традиции В.А. Жуковского в художественном мире И.С. Тургенева. “Дворянское гнездо”» исследователь утверждает, что «анализ стиля, языка, самой словесной ткани романа выявляет принципы его лиризации, ритмизации» [7. С. 83]. Именно лирика Жуковского через многочисленные скрытые цитаты (реминисценции) сыграла «существенную роль в создании особой поэтической атмосферы романа» [Там же]. По утверждению С.М. Аюпова, со всей наглядностью это проявляется в «построении главных образов», композиции и «в создании возвышенно-поэтического строя» [Там же. С. 87].

Проблему традиции Жуковского в романе «Дворянское гнездо» также частично затрагивает В.Г. Щукин. Исследователь полагает, что связанный с образом Лизы Калитиной мотив «тихого ангела» автор заимствует из поэзии Жуковского, обращаясь к категории невыразимого [8].

Н.М. Мовнина находит отзвук «идеального топоса поэзии Жуковского» [9. С. 118] в тургеневской повести «Переписка» (1856). По ее мнению, взгляд главного героя, обращенный в прошлое, опирается на ««исходный» в поэтической традиции комплекс “счастливой молодости” Жуковского» [Там же]. В форме «биографического самопонимания» Алексея Петровича Н.М. Мовнина видит явные признаки элегического [Там же].

При этом важно заметить, что проблема творческой связи позднего Тургенева с эстетикой и поэтикой Жуковского не только не решается, но и не ставится вообще, хотя уже современники писателя находили в его произведениях отголоски художественного мира Жуковского. Так, Н.С. Лесков, критикуя в своей статье «Русские общественные заметки» (1869) новый рассказ Тургенева «Странная история» (на немецком языке, 1869), мимоходом замечает о близости автора к Жуковскому в понимании сверхъестественного («Нечто о привидениях», 1848) [10].

Примечательной является характеристика Жуковского, которую дал А.Н. Веселовский в предисловии к своей известной книге. Исследователь называет его «поэтом кружка» и говорит, что «долгое пребывание за границей отчудило его от движения русской живой

действительности» [11. С. 10]. Такое определение в некотором смысле соотносится с фактами биографии и творчества Тургенева. Писатель в годы юности испытал влияние философии и эстетики кружка Н.В. Станкевича, а в период учебы в Берлинском университете пережил серьезное увлечение немецким идеализмом. Противоречивое отношение к литературно-философским объединениям Тургенев высказывает в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» (1848). Он воспроизводит драму мыслящей и чувствующей личности, которая пришла к осознанию своей оторванности «от движения русской живой действительности».

2

Тургенев вступил на поле литературной деятельности в 1834 г. с написанием драматической поэмы «Стено», в которой ясно угадывается следование романтической традиции. Далее следует целый ряд лирических произведений – дума, баллады, поэмы, стихотворения, – отмеченных влиянием А.С. Пушкина [12], М.Ю. Лермонтова [13], Дж. Байрона [14], И.-В. Гёте [15]. Щедрая дань Тургенева романтическим увлечениям в самом начале творчества не была «случайностью в его литературном развитии» [16. С. 13]. Обращение к опыту романтиков оказалось непременным атрибутом в процессе художественного воспитания целого поколения, а для Тургенева эстетика романтизма явилась одним из основополагающих факторов формирования и развития собственной системы словесного искусства.

В романтическом мировидении Тургенев находил для себя «основу жизненного и творческого энтузиазма» [17. С. 22]. Поэтому совершенно очевидно, что особенности романтического восприятия действительности и, соответственно, ее художественного моделирования оставили свой отпечаток на всем многообразии его творчества [18. С. 47–63]. Следуя в начале своего пути по «тропе романтизма», писатель, безусловно, не мог пройти мимо «литературного Колумба Руси, открывшего ей Америку романтизма в поэзии» [19. С. 460].

В шестнадцатилетнем возрасте, будучи студентом Санкт-Петербургского университета, Тургенев не только хорошо усвоил принципы романтического жизнетворчества В.А. Жуковского², но даже успел свести личное знакомство с поэтом³ – «изящным и одаренным тонким музыкальным чувством» [21. Т. 12. С. 510], по его собственному признанию. Примечательно, что Варвара Петровна Тургенева, гордившаяся тем, что близкий ко двору Жуковский входит в круг ее знакомых, в письмах к сыну Ивану часто цитирует (иногда не совсем точно) строки знаменитого поэта [22].

Эстетика Жуковского прочно вошла в сознание писателя – многие стихотворения он знал и читал наизусть, вел беседы о природе творческого дара поэта. В начале 1837 г. Тургенев присутствовал на литературном вечере у П.А. Плетнева, где в числе прочего проходило обсуждение поэзии Жуковского, его перевода «Ундины» Ла Мотт-Фуке.

Особенно восхищался Тургенев изумительным талантом Жуковского-переводчика, словно заново воссоздающего первоисточник. В рецензии на перевод «Вильгельма Телля», выполненный Ф.Б. Миллером (1843), Тургенев замечает: «...переводчики, подобные Жуковскому, появляются слишком редко» [21. Т. 1. С. 194]. А в другой критической статье о переводе «Фауста» М.П. Вронченко (1845) он заключает: «Они одарены глубоким и верным пониманием красоты, уже выраженной другим, способностью поэтически воспроизводить впечатления, производимые на них любимым их поэтом; элемент восприимчивости преобладает в них, и собственный их творческий дар отзывается страдательностью, необходимостью опоры. Они по большей части бывают люди с тонким вкусом, с развитой рефлексией. Таков был Шлегель, таков был и Фосс. Невольная симпатия привлекает их к тому поэту, которого они стараются передать (вспомним о Жуковском и Шиллере); всякий хороший перевод проникнут любовью переводчика к своему образцу, понятной, разумной любовью, то есть читатель чувствует, что между этими двумя натурами существует действительная, непосредственная связь...» [Там же. Т. 11. С. 228].

В конце 1860-х гг. Тургенев сблизился с сыном Жуковского, Павлом Васильевичем, вступил с ним в живую переписку. Именно в этот период писатель внимательнейшим образом изучал вышедший «Очерк развития поэтической деятельности В.А. Жуковского» (1869) Карла Зейдлица. Спустя год очерк в дополненном варианте вышел отдельной книгой [23], которую Тургенев получил в подарок от самого автора. В письме Бернгарду Бере писатель замечал о ней: «Она столь же интересна, как и красиво издана» [20. Т. 10. С. 468]. В 1875 г. сын поэта, выражая свою признательность, подарил Тургеневу перстень А.С. Пушкина с печаткой-надписью на иврите⁴. В том же году писатель выступил своеобразным посредником между М.М. Стасюлевичем и Павлом Васильевичем в деле по подготовке публикации избранных произведений В.А. Жуковского в книжной серии «Русская библиотека».

Таким образом, Жуковский органично вошел в художественно-эстетическое сознание Тургенева. Через него он усвоил «стремление уловить неуловимое, тщательное всматривание в природу, мотив невыразимого...» [25. С. 95]. Своеобразная предрасположенность писателя к романтической эстетике, понимаемой как целостность художественно-философского мира, была важным явлением в формировании собственной концепции литературного творчества. Поэзия Жуковского для Тургенева олицетворяла гармоническое единство художественного образа и способа его воплощения. Первый русский романтик в сознании писателя воплощал основные ценности европейского романтизма.

Прозаическим произведениям Тургенева элементы романтического придают особый качественный характер. Романтическое мироощущение, источником которого «является сама жизнь – осердеченная мысль», у писателя «органично сливается с принципами реалистического изображения» [26. С. 4–5].

Примером подобной эстетической гармонии явился рассказ «Яков Пасынков» (1855). Образ главного героя, соединяющий в себе черты Н.В. Станкевича и В.Г. Белинского, со всей очевидностью раскрывает тот пietet, с каким автор относился к своему романтическому прошлому. Кроме того, Тургенев говорит здесь о романтизме как о достоянии не только личного бытия, но и всей культуры. Многозначительно цитирование Яковом Пасынковым заключительных строк стихотворения И.И. Козлова «К другу В<асилию> А<ндреевичу> Ж<уковскому>» (1825).

3

Влияние романтической эстетики Жуковского на прозу Тургенева исключительно. Творческое наследие поэта, где «глубоко раскрывается сложность человеческих переживаний, стремление к нравственному и эстетическому идеалу, печаль от сознания несовершенства жизни» [27. С. 82], во-первых, оказало воздействие на особый лирический характер эпических произведений Тургенева, а во-вторых, способствовало оформлению нравственно-философской линии в способах осмысления человеческой личности. Ярким проявлением такого лирико-философского развития прозы Тургенева позднего периода творчества стала повесть «Степной Король Лир» (1870).

В произведении 1870 г. Тургенев по художественной канве трагедии У. Шекспира моделирует историю обыкновенного степного помещика, чей внешний и внутренний мир исполнен глубоких противоречий. Главный герой Мартын Петрович Харлов по масштабу своих притязаний находится в истинно трагическом положении шекспировского Лира. Он ощущает себя королем «от головы до ног» [28. С. 143], поместье приравняет к державе, а власть над имением и его обитателями оказывается подобна безграничному могуществу древнего монарха Британии.

На первый план в характере Мартына Харлова выдвигаются две определяющие черты – страсть гордыни и страх смерти. Их столкновение и борьба внутри чувствующего мира героя терзают и причиняют огромные страдания, в итоге получающие трагическую развязку. Гордыня Харлова исходит от твердого сознания природности своего величия, унаследованного от далекого предка «вшеда Харлуса»: «...не силою своею он гордился, а своим званием, происхождением, своим умом-разумом» [21. Т. 8. С. 160]. Другая же сторона его нравственного облика тесно связана с состоянием меланхолии: «...на этого несокрушимого, самоуверенного исполина находили минуты меланхолии и раздумья» [Там же. С. 164].

Описание меланхолического настроения Харлова, его причин и следствий очень точно совпадает с определением сущности меланхолического самочувствия человека, которое было предложено Жуковским в статье «О меланхолии в жизни и в поэзии» (1846)⁵.

«Одно из важнейших понятий сентиментально-романтического мирозерцания» [30. С. 513] Жуковский в 1840-е гг. осмысляет с позиции христианства: «Я говорю здесь в смысле христианина» [31. Т. 12. С. 385]. Вступая в спор с Ж. де Сталь, которая утвер-

ждает, что христианство открыло для литературы «мощные средства воздействия на читателя, тающие в меланхолии» [32. С. 158], Жуковский отвергает принадлежность меланхолии к христианской вере и противопоставляет ей скорбь. По определению поэта, меланхолия – это «грустное чувство, объемлющее душу при виде изменчивости и неверности благ житейских, чувство или предчувствие утраты невозвратимой и неизбежной» [31. Т. 12. С. 383].

Называя меланхолию «элементом (курсив Жуковского. – И.В.) мира древнего» [Там же. С. 386], он тесно связывает ее с категорией смерти. По мысли Жуковского, человека античности (язычника) неизменно тяготила мысль о неминуемом конце жизни, и поскольку он не находил духовного утешения своим гнетущим размышлениям, ему приходилось все больше погружаться в мир удовольствия и наслаждения. Результатом, а также подтверждением этого «искусства употребления жизни» [Там же. С. 387] стали поэзия и скульптура.

Скорбь же, как утверждает Жуковский, есть признак *христианского* мира, это печаль души, которая томима «внутренней болезнью, из самой души истекающей» [Там же. С. 385]. В этом оказывается одно из главных отличий меланхолии от скорби. Если первая извлекается «из неверности, непрочности и ничтожности всего житейского, ничем не заменяемого по утрате его» [Там же. С. 386], то вторая исходит исключительно из свойств внутреннего характера. По Жуковскому, скорбь – это своеобразное самосознание падшей души, ее рефлексия над сомнением и неверием. По своей сути она является эволюцией меланхолии, следствием ее серьезной трансформации под влиянием христианства. Но в ходе этого изменения связь с мортальной семантикой не утрачивается, а приобретает дополнительные аспекты.

Со статьей Жуковского Тургенев, по всей видимости, ознакомился после ее первой публикации в «Русской беседе» в 1856 г. Из Жуковского в этом номере были также опубликованы стихотворение «Розы» (1852) и статья «Нечто о привидениях» (1848). Писатель в этот период проявлял активный интерес к новому периодическому изданию, организованному при непосредственном участии братьев Аксаковых. В его Спасской библиотеке сохранились все номера журнала за 1858 г.

Мучительный страх смерти становится ключевым моментом меланхолических терзаний героя Тургенева. Состояние уныния, которое наступает совершенно неожиданно и продолжается длительное время, автор прямо связывает с боязнью лишиться всего и бездной тягостной неизвестности, открывающейся перед человеком. В приступе меланхолии Харлов практически в полном одиночестве запирается в своей комнате «и гудел – именно гудел, как целый пчелиный рой» [21. С. Т. 8. С. 164]. Он предается мучительным размышлениям «о бренности, о том, что все пойдет прахом, увянет, яко былие; преидёт – и не будет!» [Там же. С. 165].

Неизменными атрибутами, окружающими Харлова в эти моменты чрезвычайного нравственно-философского напряжения, оказываются три симво-

лических предмета. Во-первых, «заунывная песенка» народного характера, которую своему «королю» исполняет верный казачок Максимка, – в финальных звуках этой песни ясно слышится мотив убийства: «О... у... у... би... и... и... и... ла!» [21. Т. 8. С. 165]. Во-вторых, «картинка, изображавшая горящую свечу, в которую со всех сторон, напрягши щеки, дуют ветры» – внизу ее стояла восклицательная фраза «Такова жизнь человеческая!» [Там же]. Автор многозначительно замечает, что в обычное, «не меланхолическое» время герой предпочитал не смотреть на эту картинку и отворачивал ее к стене – «чтобы не смущала» [Там же]. Наконец, в третьих, это масонский журнал Н.И. Новикова «Покойщийся трудолюбец», который читает Мартыну Петровичу его юный «оруженосец». Моделируя в повести сцены чтения этого масонского издания, Тургенев цитирует два небольших отрывка из двух статей и дает к ним подробные сноски⁶.

Акцент на меланхолические страдания Харлова в повести ставится несколько раз, причем делается это двумя ключевыми персонажами: во-первых, героем-рассказчиком, юношей пятнадцати лет – это непосредственный впечатлительный наблюдатель всех перипетий судьбы «степного Лира»; во-вторых, Натальей Николаевной Б., «благодетельницей» Харлова, наиболее близким к нему человеком, к которому он испытывает исключительное доверие.

В главе X повести главный герой появляется в доме Натальи Николаевны, чтобы объявить свое решение о разделе имения. Матушка рассказчика, отмечая необычность его настроения и поведения, крайнюю озадаченность, дважды предполагает, что виной всему меланхолия: «Али опять меланхолия на тебя нашла?» [Там же. С. 174], «Всему этому, я полагаю, твоя меланхолия причиной» [Там же. С. 177]. Эти предположения Харлов решительно отвергает, а в последнем случае загадочно замечает: «Тут, быть может, свыше сила действует, а вы: меланхолия!» [Там же].

Но прежде чем перейти к собственно рассказу о своем намерении, Харлов задает Наталье Николаевне вопрос, объясняющий его неожиданное появление и встревоженное состояние. Между героями происходит следующий микродиалог:

«...а позвольте вас спросить, сударыня, вы о смерти как полагаете?»

Матушка всполохнулась.

– О чем?

– О смерти. Может ли смерть кого ни на есть на сем свете пощадить?

– Это ты еще что вздумал, отец мой? Кто из нас бессмертный? Уж на что ты великан уродился – а и тебе конец будет.

– Будет! ох, будет! – подхватил Харлов и потупился» [Там же. С. 174].

Из этого отрывка очевидно, как сильно героя гнетет страх смерти, который в результате и послужил причиной поспешного раздела имения. Кроме того, из-за своей суеверной природы Харлов принимает сон о «вороном жеребенке» за предзнаменование скорого конца жизни: «предостережение мне было» [Там же. С. 181]. Страх тургеневского героя перед фактом смерти во многом основан на отмеченных Жуковским

«неверности благ житейских» и «предчувствии утраты невозвратимой и неизбежной» [31. Т. 12. С. 383]. По мысли Жуковского, человеку (мира античности) было свойственно страдать меланхолией, поскольку он осознавал для себя «незаменимость здешней жизни, раз утраченной» [Там же. С. 383]. То есть он пребывал в действительности, которая не предполагала для него надежды на духовное спасение – это существование без твердого религиозного убеждения в бессмертии души. Именно в такой ситуации отсутствия абсолютной уверенности в обязательном духовном преображении для грядущего прошла вся сознательная жизнь Харлова, который фактом своего рождения застал век Просвещения. Герой оказывается вне христианской (православной) веры, соответственно, он не мыслит для себя нового, внеземного этапа после смерти.

Показательно, как Харлов прерывает меланхолический припадок – он противопоставляет мучительным раздумьям одно из любимых своих занятий – лихую езду: «начнет посвистывать – и вдруг громогласным голосом прикажет заложить себе дрожки и покатит куда-нибудь по соседству, не без удали потрясая свободной рукою над козырьком картуза» [21. Т. 8. С. 165]. Усиливая смысловую значимость харловского отрицания и пренебрежения, в которых ясно обозначилась мощь характера, автор использует в описании фразеологизм «все трын-трава» [Там же].

Такое знаковое «противление» Харлова соответствует мыслям Жуковского: «отвратив глаза от Парки» [31. Т. 12. С. 387], человек стремился найти утешение в радостях жизни. Признавая свое бессилие перед бытийными законами и не имея серьезной духовной опоры, он заслоняет страх ожидания смерти доступными ему удовольствиями земного существования. В то же время в повести Тургенева подчеркивается глубоко национальная природа удалого отрицания Харлова: описывая способ выхода героя из меланхолического состояния, повествователь многозначительно замечает: «Русский был человек!» [21. Т. 8. С. 165]. Это авторское стремление к типизации характера нового, пореформенного времени.

В ходе развития повествовательного действия меланхолия Харлова переживает сущностную модификацию – настрой героя трансформируется в глубокую скорбь. Путь к такому изменению был продиктован содержанием журнала Новикова, который вносит в понимание смерти дополнительную интерпретацию – смерть как осознание слабости и порочности собственной души, греховности своей земной жизни. Поэтому из чтения масонского журнала герой выносит для себя своеобразную программу необходимого духовного совершенствования. Идеи серьезной нравственной работы и внутреннего созидания, изложенные в статье Жуковского, также невозможно глубоко осмыслить без учета масонского контекста. Поэт нашел «синтез философского и психологического начал», во многом «отталкиваясь от принципов масонской антропологии» [34. С. 188].

По Жуковскому, христианская скорбь как осознание человеком своей падшей природы ведет человека «к светлому миру и смирению» [31. Т. 12. С. 390].

Именно такого результата пытается в своих исканиях достичь Харлов: он сбрасывает «заботы трудной царской власти» [28. С. 51], чтобы «без ноши на плечах плестись ко гробу» [Там же], разделяет степное имение, желая «о душе помыслить и к смертному часу как следует приготовиться» [21. Т. 8. С. 188].

Представляя скорбь как непрестанную работу души по обретению веры и гармонии, Жуковский укачивает и на то, что она может без должного усердия привести «к унынию и отчаянию» [31. Т. 12. С. 390], может быть «разрушительна и убийственна» [Там же. С. 385]. Этот аспект ярко реализуется в повести Тургенева: герой не справляется с намеченной для себя «программой» внутреннего совершенствования, терпит абсолютный крах. В момент высокого напряжения происходит новый перелом в психологическом состоянии Харлова – кротость и безропотность резко сменяются мятежной борьбой, «взрывом», в результате которого гордая природа героя вырывается наружу.

Такой акт «личного бунта» Жуковский называет отрицанием и в качестве яркого примера проводит два образа: Дж. Байрона и Сатану (Дж. Мильтон «Потерянный рай»). Подробно останавливаясь на последнем, поэт видит его губительную силу именно в проявленном высокомерии: «он все отверг по гордости» [Там же. С. 390]. Здесь уместно вспомнить примечательное высказывание Тургенева из его письма П. Виардо (от 19 декабря 1847 г.). Писатель, восхищенный «Поклонением кресту» П. Кальдерона, восклицает: «Тем не менее я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, образец возмущения и индивидуализма. Как бы мал я ни был, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати» [20. Т. 1. С. 377].

Таким образом, изменение сложного психологического состояния Харлова, его качественная градация – от уединенной меланхолии к скорби и яростному отрицанию – значимо перекликается с содержанием статьи Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии». Тургенев во многом выстраивает путь духовного движения своего героя по нравственно-философской траектории, обозначенной поэтом.

Особым сходством также отмечены авторские позиции в статье и повести. Жуковский строит рассуждение не на абстрактной теории, но подкрепляет свои мысли примерами и доводами, прямо соотносящими с категорией искусства, областью словесного творчества. Он «пытается раскрыть природу меланхолии в романтизме, связать ее с психологическими открытиями в поэзии» [30. С. 513]. Вопросы неуведаемости души, нравственного совершенствования человека, значения смерти решаются поэтом в непосредственной связи с размышлениями о сущности поэзии, искусства вообще. Форма выражения Жуковским своих идей, безусловно, связанных с традицией русского масонства, избавлена от сурового догматизма. Интересно привести заметку поэта из его записной книжки (от 6 декабря 1807 г.): «Я не понимаю тех философов, которые беспрестанно говорят: *помни смерть* (курсив Жуковского. – И.В.), жизнь ничто; желания, удовольствия – все мечта. Если смерть есть прекращение жизни, то могу ли забыть, могу ли отвергать то сокро-

вище, которое дано мне на краткое время, однажды которое утратив, утрачу навеки и никогда не заменю. Если же смерть есть только переход к бессмертию, то жизнь составляет сущность бессмертия и не может и не должна быть забыта. Напротив обрати на нее внимание, чтобы ее сделать бессмертия достойною» [31. Т. 13. С. 49].

Позиция Жуковского, ее гуманистический характер, важная проблема духовного воспитания, которая «была основой теории жизнестроения» [35. С. 109], не могли не вызвать сочувственного отношения со стороны Тургенева. Во-первых, писателю был интересен нравственно-этический и философский пафос идеи совершенствования человеческой личности. Во-вторых, нравственное развитие человека, его «духовное образование» также мыслились им в тесном контакте с областью искусства. Подобно Жуковскому Тургенев не может принять чрезмерной аскетической направленности идей и учений о смысле жизни и смерти, природе души. Такой окраской, в частности, отличается содержание масонского журнала «Покойщийся трудолюбец», который подчеркивает сложность образа главного героя тургеневской повести. Явная ирония по отношению к идее абсолютного «упразднения» действительного существования личности точно характеризует точку зрения автора.

4

Другой аспект творческого восприятия Тургеневым художественно-эстетических открытий Жуковского основан на особом характере лиризма его прозы. В частности, это касается тонкой поэтической тональности в оформлении пейзажных картин. Повесть «Степной Король Лир» в этом смысле дает очень яркий пример изображения природы в состоянии тишины и спокойствия – самое начало главы XVIII.

Зарисовка представляет собой небольшой фрагмент, состоящий всего из нескольких предложений, но малость текстового пространства разворачивается в насыщенную картину ясного осеннего дня в роще. Сжатое изображение создает эффект активного восприятия, развернутого впечатления. Герой-охотник воспроизводит конкретность собственных ощущений от нахождения в небольшом природном топосе.

Прежде всего повествователь обращает внимание на исключительность тишины, царящей вокруг, которая делает явным и особенно выразительным любой незначительный шорох: «Тишь стояла такая, что можно было за сто шагов слышать, как белка перепрыгивала по сухой листве» [21 Т. 8. С. 195]. Это именно та живая тишина, которая делает для человека предельно ощутимым восприятие природного мира и открывает особое состояние, преисполненное спокойствия, величия, но хранящее в себе недоступную тайну. В этом активном безмолвии проявляется возможность гармонической связи между человеком и природой. Очевидно, что Тургенев здесь наследует традицию одного из «характернейших для Жуковского образов» [27. С. 202]. В его лирике (см. например, элегию «Вечер») природная тишина, далекая от семантики увядания или угасания, сливается с тишиной

человеческой души. Она оказывается символом духовного единения и даже объединения природного и человеческого.

В описании Тургенева образ тишины осложняется введением значимой дополнительной детали. Акцентируя качественный характер наблюдаемой бесшумности, повествователь прорисовывает звуковую осязаемость падения оторвавшегося сучка: «...сперва слабо цеплялся за другие ветки и падал, наконец, в мягкую траву» [21. Т. 8. С. 195]. Такое сосредоточенное внимание к происходящему движению обыкновенной веточки просто не может не отсылать к подобному изображению в «элегии панорамного типа» [36. С. 148] «Славянка» (1815). Падение сучка в мягкую траву генетически восходит к строкам Жуковского: «Лишь, сорван ветерка минутным дуновеньем, / На сумраке листок трепещущий блестит, / Смущая тишину паденьем...» [31. Т. 2. С. 21]. Шум от падения листка, услышанный поэтом, – это «начало новой эры в лирике» [27. С. 105], Жуковский открывает значимые конкретности природного мира и прямо соотносит их с непосредственным впечатлением человека⁷.

Наблюдение за падением сучка Тургенев нагружает философским смыслом, плавно продолжая описание элегическим размышлением героя-повествователя. Путешествующий охотник замечает, что сучок «падал навсегда: он уж не шелохнется, пока не истлеет» [21. С. Т. 8. С. 195]. Образ навсегда упавшей сухой ветки и размышление о ее дальнейшей участи исполнены ощущением неизбывной грусти. Здесь интересно привести высказывание Тургенева из письма П. Виардо (от 1 мая 1848): «Странное впечатление природа производит на человека, когда он один... В этом впечатлении есть *осадок горечи* (здесь и далее курсив мой. – И.В.), свежей, как благоухание полей, немного *меланхолии*, ясной, как бывает в пении птиц ... Я без волнения не могу видеть, как ветка, покрытая молодыми зеленеющими листьями, отчетливо вырисовывается на голубом небе – почему? Да, почему? По причине ли контраста между этой маленькой живой веточкой, колеблющейся от малейшего дуновения, которую я могу сломать, *которая должна умереть*, но которую *какая-то великодушная сила оживляет и окрашивает*, и этой вечной и пустой беспредельностью, этим небом, которое благодаря земле сине и лучезарно?» [20. Т. 1. С. 392].

Хотя наблюдение малой смерти в природном мире лишено трагического звучания, так как это лишь часть естественного цикла, за которым последует новое рождение, оно все же ассоциативно наводит на осознание факта неминуемого ухода в сфере человеческого существования. Такие мысли ясно прослеживаются и в «Славянке» Жуковского, в частности поэт замечает: «Все здесь свидетель нам, сколь блага наших дней, / Сколь все величия мгновенны» [31. Т. 2. С. 21]. Однако тягостные раздумья лирического героя в элегии сменяются вновь открывающейся картиной природы, словно примиряющей человека с неотменяемыми законами жизни.

Очень старательно Тургенев работает над описанием воздуха, особенного ощущения от своеобразного в него погружения. Это ярко проявлено на этапе

чернового автографа⁸, когда писатель, будто подчеркивая эфирное свойство окружающего пространства, дважды прибегает к сравнению с парным молоком и дважды же вычеркивает его: «~~ни~~ ^{про}тёплый, ни свежий ~~как парное молоко~~» и «~~ни~~ ^{про}обливался ~~парным молоком вокруг~~» [37].

Автор стремится в словесной форме воспроизвести необычайные свежесть и легкость природного состояния («пахучий ~~и несказанно лёгкий уж такой~~ ^{несказанно лёгкий} ~~и~~ ^{словно}») [Ibid.], которые безраздельно передаются герою-рассказчику, захватывают все его физическое существо («~~и кругом головы и глаз~~ ^{кисельный} ~~и~~ ^{вливался в грудь} ~~и гру рук и всего тела шек и глаз~~») [Ibid.]. Позже писатель дополняет чувствительную невесомость природного пространства еще одним элементом: «Тонкая, как шелковинка, с белым клубочком посередине, длинная паутина плавно налетала и, прильнув к стволу ружья, прямо вытягивалась по воздуху» [21. Т. 8. С. 195].

Парное свойство воздуха, неопределенность его характеристики – «ни теплый, ни свежий» и предельная физическая осязаемость ассоциативно напоминают образ тумана, широко распространенный в словесной традиции романтизма⁹. В русской литературе именно поэтические тексты Жуковского оказываются «насыщены мотивом тумана как ничьи другие» [38. С. 231], а туманный пейзаж – это «одна из самых ярких примет» его поэтической стилистики [Там же]. Однако в зарисовке Тургенева «туманный воздух» лишен романтической конкретности, т.е. он не связан исключительно с понятиями мечты, призрачности, таинственности, унылости. Здесь больше подчеркивается впечатлительная природа героя-рассказчика, особая чуткость его восприятия, которая олицетворяет своеобразный живой диалог человека и природы. В этом очевиден след натурфилософской эстетики Жуковского.

Показательно, как завершается пейзажная зарисовка у Тургенева – она заключается элегическим замечанием о мягком солнечном свете, подобном лунному: «Солнце светило, но так кротко, хоть бы луне» [21. Т. 8. С. 195]. Кротость света и его сравнение со свечением луны оказываются эстетической памятью о «романтической селенологии», носителем идей которой «в России стал прежде всего В.А. Жуковский» [39. С. 55]. Здесь отзываются таинственность и печальное предчувствие романтического ощущения от созерцания луны, ее сияния¹⁰. Не случайно рассказчик, отметив необычную мягкость солнечного света и указав на его лунную природу, после выхода из рощи тут же наталкивается на дочь и зятя Харлова. До слуха героя-повествователя доносятся слова Евлампии и Слёткина, явно свидетельствующие о скрытом жестоком замысле:

«– Так бы ты и сказал, – послышался женский голос.

– Толкуй! – перебил другой голос, голос мужчины. – Нешто можно все разом?» [21. Т. 8. С. 195].

Подобно установке Жуковского (в частности, послание «Подробный отчет о луне», 1820), лунная фи-

лософия переводится в сферу этической рефлексии. Образ луны оказывается знаком «чувственного предвидения» рассказчиком дурных намерений харловского семейства, направленных против «степного Лира».

Таким образом, живописный рисунок Тургенева несет на себе явный отпечаток романтических открытий Жуковского. Движение героя-рассказчика по роще, сопряженное с созерцательно-описательным действием, не может не отсылать к его поэзии – «зримой и вещественной в своей сюжетно-описательной основе» [36. С. 148]. Творческая преемственность изображения заключается, во-первых, в характере живописания, особенностях создания объемной по своему содержанию картины природы. Внимательный взгляд лирического героя повести Тургенева, отмечающий мельчайшие проявления природного мира и живо передающий их динамику, непосредственно восходит к «вещественной пластике» [Там же. С. 153] элегического рисунка Жуковского.

Во-вторых, значимым оказывается сходство чувственного восприятия путешествующего субъекта. Элегическая тональность пейзажа оформляет специфику душевных переживаний его непосредственного наблюдателя. Юноша-охотник в своей чистой непосредственности и открытости в высшей степени оказывается способен к чуткому созерцанию малейших

природных метаморфоз, которые он неизменно пропускает через личное переживание. Предельное вслушивание и пристальное вглядывание в жизненные процессы мира природы, проходящие в тесном контакте с ощущениями души, дают человеку возможность понять и на мгновение принять утраченную гармонию. «Атмосфера таинственных предчувствий» [36. С. 153], охватывающая лирического героя «Славянки», в конкретном мироощущении героя Тургенева воплощается через яркую уточняющую деталь – печальную участь упавшего сучка. Обозначенный здесь элемент драматического предчувствия далее в повести развернется в контрастном описании бурной стихии, которое органично включается в парадигму шекспировской образности.

В итоге оказывается совершенно очевидным, что «масштаб личности Жуковского, размах его деятельности, литературно-художественной и общественно-просветительской» [40. С. 3], был органично воспринят Тургеневым и повлиял на некоторые особенности формирования его собственного творчества. «Эстетическая память» о романтических открытиях «литературного Колумба» во многом давала писателю возможность лирического обобщения и изображения, а также этико-философского осмысления важнейших проблем человеческого существования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интересно сопоставить значение эстетических принципов Жуковского для Тургенева с особенностью того «творческого обаяния», под которым находился Н.В. Гоголь [5].

² В 1831 г. Тургенев в письме к дяде отмечает понравившиеся ему строфы из послания Жуковского «К Воейкову» и цитирует их [20. Т. 1. С. 126, 128].

³ Описание своей весьма примечательной встречи с Жуковским Тургенев поместил в «Литературных и житейских воспоминаниях» (1854–1883) [21. Т. 11. С. 68].

⁴ Осенью 1880 г. Тургенев предоставил перстень для Пушкинской выставки в Петербурге, сопроводив его запиской: «Перстень этот был подарен Пушкину в Одессе княгиней Воронцовой. Он носил почти постоянно этот перстень – (по поводу которого написал свое стихотворение «Талисман») – и подарил его на смертном одре поэту Жуковскому. От Жуковского перстень перешел к его сыну, Павлу Васильевичу, который подарил его мне» [21. Т. 12. С. 375]. История пушкинского перстня со всей подробностью изложена в специальной статье Т.И. Краснобородько [24].

⁵ По указанию М.И. Гиллельсона, статья по своему происхождению почти полностью составляет содержание письма В.А. Жуковского к П.А. Вяземскому, за исключением начальной и финальной частей [29].

⁶ Тургенев цитирует статьи «Рассуждение о беспорядках, производимых страстями в человеке, и о средствах, какие в таких случаях употреблять должно» и «Письмо с того света в Москву от Муамииа к сыну малая земли Муравью, живущему в Муравейнике» [33].

⁷ Образ падающего листка из «Славянки» Жуковского Тургенев использует уже в думе «Вечер»: «листа неслышное паденье» [21. Т. 1. С. 9].

⁸ При работе с черновым автографом повести «Степной Король Лир» для маркирования правок, которые произвел И.С. Тургенев, были использованы следующие условные обозначения: ^{резким} – знак вставки; ^{сильным} – знак зачеркивания; ^{обильнее} – знак восстановления.

⁹ В повести «Призраки» Тургенев использует сравнение с «полупрозрачным, молочным туманом» [21. Т. 7. С. 193].

¹⁰ Весьма примечательно, что Харлов в беседе с Натальей Николаевной говорит: «Она [меланхолия] у меня к новолунию бывает» [21. Т. 8. С. 174].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ямпольский И.Г. Поэзия И.С. Тургенева // Тургенев И.С. Стихотворения и поэмы. Л. : Сов. писатель, 1970. С. 5–59.
2. Захарченко Н.А. Лирическое начало в творчестве И.С. Тургенева 40–50-х годов XIX века : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 226 с.
3. Дубинина Т.Г. Пушкинские традиции в творчестве И.С. Тургенева 1840-х – начала 1850-х годов : дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 203 с.
4. Топоров В.Н. «Сельское кладбище» Жуковского: к истокам русской поэзии // Russian Literature. 1981. Vol. X. P. 207–286.
5. Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь. (К вопросу о творческой преемственности) // Жуковский и русская культура : сб. науч. тр. Л. : Наука, 1987. С. 244–260.
6. Ефименко К.А. Трансформация содержания и поэтики мотива вечера в лирике И.С. Тургенева // Сборник научных статей Международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае»: фундаментальные проблемы науки и образования. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 2145–2150.
7. Аюпов С.М. Лирико-романтические традиции В.А. Жуковского в художественном мире И.С. Тургенева. «Дворянское гнездо» // Романтизм и его исторические судьбы : материалы междунар. науч. конф. (VII Гуляевских чтений), 13–16 мая 1998 г. : в 2 ч. Тверь : Изд-во ТвГУ, 1998. Ч. 1. С. 83–87.
8. Щукин В.Г. Тихий Ангел. К истории одного из константных мотивов русской литературы. Статья Вторая. Невыразимое: от Жуковского к Тургеневу // Имагология и компаративистика. 2014. № 2. С. 70–91.
9. Мовнина Н.С. Поэтика тургеневской повести 1850-х годов: к проблеме взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 156 с.

10. Лесков Н.С. Собрание сочинений : в 11 т. М. : ГИХЛ, 1958. Т. 10. С. 72–96.
11. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. 546 с.
12. Фридман Н.В. Поэмы Тургенева и пушкинская традиция // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1969. Т. XXVII, вып. 3. С. 232–243.
13. Глухов А.И. Лермонтовская традиция и поэмы И.С. Тургенева // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1981. № 6. С. 11–18.
14. Николаев Н.И. «Манфред» Байрона и «Стено» Тургенева. К вопросу о характере подражания русского писателя // Проблемы культуры, языка, воспитания. Архангельск, 2004. Вып. 6. С. 86–90.
15. Гутман Д.С. Тургенев и Гёте // Ученые записки Елабужского государственного педагогического института. 1959. Т. 5. С. 149–183.
16. Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л. : Сов. писатель, 1990. 640 с.
17. Гражис П.И. Тургенев и романтизм. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1966. 50 с.
18. Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев – художник слова. М. : Изд-во МГУ, 1987. 301 с.
19. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. 797 с.
20. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. М. : Наука, 1981.
21. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. М. : Наука, 1978–1986.
22. «Твой друг и мать Варвара Тургенева» : письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838–1844). Тула : Гриф и К., 2012. 584 с.
23. Seidlitz K. Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein russisches Dichterleben. Mitau : E. Behres Verlag, 1870. 240 S.
24. Краснобородько Т.И. «Жаль кольца...» (невысказанный документ о судьбе пушкинского перстня-«талисмана») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 5–29.
25. Ефименко К.А. В.А. Жуковский и И.С. Тургенев: два «Вечера» // Коммуникативные аспекты языка и культуры : XIV Междунар. науч.-практ. конф. студентов и молодых ученых : сб. материалов. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2014. Ч. 1. С. 90–95.
26. Курляндская Г.Б. Романтика в реалистических произведениях И.С. Тургенева // Спасский вестник 13 : сб. ст. Спасское-Лутовиново, 2006. С. 4–15.
27. Семенко И.М. Жизнь и поэзия Жуковского. М. : Худож. лит., 1975. 254 с.
28. Король Лир : трагедия в пяти действиях Шекспира / пер. А.В. Дружинина. СПб., 1857. 176 с.
29. Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры : новые открытия : ежегодник 1979. Л. : Наука, 1980. С. 34–75.
30. Янушкевич А.С. Примечание к статье В.А. Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии» // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 2012. Т. 12. С. 513–514.
31. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 1999.
32. Сталь Ж. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М. : Искусство, 1989. 475 с.
33. Волков И.О. Идеи русского масонства в творчестве И.С. Тургенева 1870-х гг. // Вестник Томского государственного ун-та. 2017. № 415. С. 5–11.
34. Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX в. / отв. ред. В.И. Сахаров. М. : УРСС, 2000. С. 179–192.
35. Жиликова Э.М. Проблема духовно-нравственного воспитания личности в переписке В.А. Жуковского и А.П. Елагиной // Православие и развитие духовной культуры в Сибири (к 400-летию юбилею г. Томска и 200-летию Томской губернии) : материалы духовно-исторических чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ЦНТИ, 2004. Т. 2. С. 109–113.
36. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 523 с.
37. Tourguéniev I. L'Infortunée. Le Roi Lear de la steppe. L'Exécution de Troupman. Mazon. 26. M. 12 : manuscrits parisiens // Bibliothèque nationale de France. – Département des Manuscrits. 1801–1900. Slave 85. Manuscrits parisiens XII.
38. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. «Германия туманная» // Онегинская энциклопедия : в 2 т. М. : Русский путь, 1999. Т. 1. С. 231–234.
39. Янушкевич А.С. Мотив луны и его русская традиция в литературе XIX века // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы. Новосибирск : Ин-т филологии СО РАН, 1995. С. 53–61.
40. Канунова Ф.З. Вопросы мировоззрения и эстетики В.А. Жуковского (по материалам библиотеки поэта). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 182 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 февраля 2018 г.

V. ZHUKOVSKY AND I. TURGENEV (TO THE QUESTION OF CREATIVE CONTINUITY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 5–14.

DOI: 10.17223/15617793/430/1

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Keywords: V. Zhukovsky; I. Turgenev; “On Melancholy in Life and Poetry”; “Slavanka”; “A Lear of the Steppes”.

The article describes the assimilation of Russian romanticism discoveries by I. Turgenev. The moment of writer's creative interaction with the lyric and epic tradition of V. Zhukovsky is examined. The famous coeval was a living classic for Turgenev that is why he had a special attitude to him. The poet, whose literary work marked a whole epoch in Russian literature and whose language made an important part of the Russian poetic language, was an ideal of the high art of writing for Turgenev. The story “A Lear of the Steppes” (1870) gives an exceptional material for research work of this creative continuity. First of all, the emotional connection of the main character with the theoretical theses of the article “On Melancholy in Life and Poetry” (1846) is very significant. Turgenev makes the way of “A Lear of the Steppes” a spiritual movement mostly according to Zhukovsky's philosophic trajectory. The qualitative gradation of his psychological state from solitary melancholy to sorrow and furious negation is obviously concerned with the content of Zhukovsky's article. The author's attitude in the story is also similar to Zhukovsky's one. They also consider the moral development of a person, their “spiritual education” in a close connection with the art sphere. Turgenev, like Zhukovsky, does not accept an excessive ascetic ideas and studies about the meaning of life and death, about the nature of the soul. The elegiac tonality of nature in Turgenev's story is another aspect of comparative analysis. The picturesque image made by Turgenev has an explicit imprint of Zhukovsky's romantic discoveries. The storyteller's movement in the grove, connected with meditation and description, refers to Zhukovsky's poetry. First of all, the creative continuity of the images consists in the pictorial character of writing, in the creation of a substantial nature image. Turgenev's lyric character notices the smallest nature and the natural world manifestation very carefully and actively conveys their dynamics. This fact is also connected with the “material plasticity” of Zhukovsky's elegiac image. Secondly, the similarity of the sensory perception of the travelling subject turns out to be significant. The elegiac tonality of the landscape frames the specifics of the spiritual experiences of the direct observer. Ultimate listening to and careful gazing into the life

processes of the natural world, which are in close contact with the sensations of the soul, give the person the opportunity to understand the lost harmony and to accept it for a moment. In the concrete world view of Turgenev's character the "atmosphere of mysterious premonitions" embracing the lyric character of the elegy "Slavianka" (1815) is embodied through a bright clarifying detail – the sad fate of the fallen knot.

REFERENCES

1. Yampol'skiy, I.G. (1970) Poesiya I.S. Turgeneva [Poetry of I.S. Turgenev]. In: Turgenev, I.S. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
2. Zakharchenko, N.A. (2005) *Liricheskoe nachalo v tvorchestve I.S. Turgeneva 40–50-kh godov XIX veka* [Lyrical principle in I.S. Turgenev's works of the 1840s–1850s]. Philology Cand. Diss. Samara.
3. Dubinina, T.G. (2011) *Pushkinskie traditsii v tvorchestve I.S. Turgeneva 1840-kh – nachala 1850-kh godov* [Pushkin's traditions in I.S. Turgenev's works of the 1840s – early 1850s]. Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Toporov, V.N. (1981) "Sel'skoe kladbishche" Zhukovskogo: k istokam russkoy poezii ["A Rural Cemetery" by Zhukovsky: to the origins of Russian poetry]. *Russian Literature*. X. pp. 207–286.
5. Smirnova, E.A. (1987) Zhukovskiy i Gogol'. (K voprosu o tvorcheskoy preemstvennosti) [Zhukovsky and Gogol. (On the issue of creative continuity)]. In: Iezuitova, R.V. (ed.) *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian culture]. Leningrad: Nauka.
6. Efimenko, K.A. (2014) [Transformation of the content and poetics of the motive of the evening in the lyrics of I.S. Turgenev]. *Sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy konferentsii "Lomonosovskie chteniya na Altai": fundamental'nye problemy nauki i obrazovaniya* [Collection of articles of the International Conference "Lomonosov Readings in the Altai": fundamental problems of science and education]. Barnaul: Altai State University. pp. 2145–2150. (In Russian).
7. Ayupov, S.M. (1998) [Lyrical and romantic traditions of Zhukovsky in the artistic world of I.S. Turgenev. "The Noble Nest"]. *Romantizm i ego istoricheskie sud'by* [Romanticism and its historical destinies]. Proceedings of the international conference (VII Gulyaev Readings). May 13–16, 1998: in 2 parts. Part 1. Tver: Tver State University. pp. 83–87. (In Russian).
8. Shchukin, V.G. (2014) The Still Angel. On the history of one of the constant motifs of Russian literature. Article Two. The Ineffable: from Zhukovsky to Turgenev. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 2. pp. 70–91. (In Russian).
9. Movnina, N.S. (2000) *Poetika turgenevskoy povesti 1850-kh godov: k probleme vzaimodeystviya poezii i prozy v russkoy literature* [Poetics of Turgenev's story of the 1850s: the problem of the interaction of poetry and prose in Russian literature]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
10. Leskov, N.S. (1958) *Sobranie sochineniy: v 11 t.* [Works: in 11 vols]. Vol. 10. Moscow: GIKhL. pp. 72–96.
11. Veselovskiy, A.N. & Zhukovskiy, V.A. (1904) *Poeziya chuvstva i "serdechnogo voobrazheniya"* [Poetry of feeling and "heart imagination"]. St. Petersburg: tip. Imp. Akad. nauk.
12. Fridman, N.V. (1969) *Poemy Turgeneva i pushkinskaya traditsiya* [Turgenev's poems and Pushkin's tradition]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literaturnaya i yazyk.* XXVII:3. pp. 232–243.
13. Glukhov, A.I. (1981) Lermontovskaya traditsiya i poemy I.S. Turgeneva [Lermontov's tradition and Turgenev's poems]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki*. 6. pp. 11–18.
14. Nikolaev, N.I. (2004) "Manfred" Bayrona i "Steno" Turgeneva. K voprosu o kharaktere podrazhaniya russkogo pisatelya ["Manfred" by Byron and "Steno" by Turgenev. On the nature of the imitation of the Russian writer]. In: Esyukov, A.I. & Lizunov, P.V. (eds) *Problemy kul'tury, yazyka, vospitaniya* [Problems of culture, language, education]. Is. 6. Arkhangelsk: PGU. pp. 86–90.
15. Gutman, D.S. (1959) Turgenev i Gete [Turgenev and Goethe]. *Uchenye zapiski Elabuzhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 5. pp. 149–183.
16. Byalyy, G.A. (1990) *Russkiy realizm. Ot Turgeneva k Chekhovu* [Russian realism. From Turgenev to Chekhov]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
17. Grazhis, P.I. (1966) *Turgenev i romantizm* [Turgenev and romanticism]. Kazan: Kazan State University.
18. Pustovoyt, P.G. (1987) *I.S. Turgenev – khudozhnik slova* [I.S. Turgenev, the artist of the word]. Moscow: Moscow State University.
19. Belinskiy, V.G. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete works: in 13 vols]. Vol. 6. Moscow: USSR AS.
20. Turgenev, I.S. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
21. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Compositions: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
22. Levin, E.N. & Pavlov, L.A. (2012) "Tvoj drug i mat' Varvara Turgeneva": pis'ma V.P. Turgenevoy k I.S. Turgenevu (1838–1844) ["Your friend and mother Varvara Turgeneva": letters of V.P. Turgeneva to I.S. Turgenev (1838–1844)]. Tula: Grif i K.
23. Seidlitz, K. (1870) *Wasily Andreyewitsch Joukoffsky. Ein russisches Dichterleben* [Vasily Andreyevich Zhukovsky. A Russian poet's life]. Mitau: E. Behres Verlag.
24. Krasnoborod'ko, T.I. (2012) "Zhal' kol'tsa..." (nevostrebovanny dokumet o sud'be pushkinskogo perstnya-"talismana") ["It is a pity about the ring..." (an unclaimed document about the fate of Pushkin's "talismans" ring)]. In: Tsar'kova, T.S. (ed.) *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2011 god* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2011]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
25. Efimenko, K.A. (2014) V.A. Zhukovskiy i I.S. Turgenev: dva "Vechera" [V.A. Zhukovsky and I.S. Turgenev: two "Evenings"]. *Kommunikativnye aspekty yazyka i kul'tury* [Communicative aspects of language and culture]. Proceedings of the XIV International conference of students and young scientists. Pt. 1. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 90–95. (In Russian).
26. K[Online] Available from: yandskaya, G.B. (2006) *Romantika v realisticheskikh proizvedeniyakh I.S. Turgeneva* [Romance in the realistic works of I.S. Turgenev]. In: Levina, E.N. (ed.) *Spasskiy vestnik 13* [Spassky Herald 13]. Spasskoe-Lutovinovo: Grif i K, pp. 4–15.
27. Semenko, I.M. (1975) *Zhizn' i poeziya Zhukovskogo* [Life and poetry of Zhukovsky]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
28. Shakespeare, W. (1857) *Korol' Lir: tragediya v pyati deystviyakh Shekspira* [King Lear: a tragedy in five acts of Shakespeare]. Translated into Russian by A.V. Druzhinin. St. Petersburg: V tipografii Glavnago shtaba Ego Imperatorskago Velichestva po voenno-uchebnym zavedeniyam.
29. Gille'son, M.I. (1980) Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo (1842–1852) [Correspondence of P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky (1842–1852)]. In: *Pamyatniki kul'tury: novye otkrytiya: ezhegodnik 1979* [Cultural Monuments: New Discoveries: Yearbook 1979]. Leningrad: Nauka. pp. 34–75.
30. Yanushkevich, A.S. (2012) Primechanie k stat'e V.A. Zhukovskogo "O melankholii v zhizni i v poezii" [Note to the article by V.A. Zhukovsky "On Melancholy in Life and in Poetry"]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 12. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
31. Zhukovskiy, V.A. (1999–cont.) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
32. Staël, G. (1989) *O literature, rassmotrennoy v svyazi s obshchestvennymi ustanovleniyami* [On literature, considered in connection with public institutions]. Translated from French by V.A. Milchina. Moscow: Iskusstvo.
33. Volkov, I.O. (2017) The ideas of the Russian masonry in I. Turgenev's works of the 1870s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta – Tomsk State University Journal*. 415. pp. 5–11. DOI: 10.17223/15617793/415/1
34. Yanushkevich, A.S. (2000) V.A. Zhukovskiy i masonstvo [V.A. Zhukovsky and Masonry]. In: Sakharov, V.I. (ed.) *Masonstvo i russkaya literatura XVIII – nachala XIX vv.* [Masonry and Russian literature of the 18th – early 19th centuries]. Moscow: URSS.

35. Zhilyakova, E.M. (2004) Problema dukhovno-nravstvennogo vospitaniya lichnosti v perepiske V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy [The problem of spiritual and moral education of a person in the correspondence between V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina]. In: *Pravoslavie i razvitie dukhovnoy kul'tury v Sibiri (k 400-letnemu yubileyu g. Tomsk i 200-letiyu Tomskoy gubernii): mater. dukhovno-istoricheskikh chteniy v chest' svyatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiya: v 2 t.* [Orthodoxy and the development of spiritual culture in Siberia (to the 400th anniversary of Tomsk and the 200th anniversary of Tomsk Province): Proceedings of the religious historical readings in honor of the Holy Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius: in 2 vols]. Vol. 2. Tomsk: Izd-vo Tom. TsNTI.
36. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the world of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
37. National Library of France. Department of Manuscripts. 1801–1900. Slavic 85. Paris Manuscripts XII. Mazon. 26. M. 12: Paris Manuscripts. Tourguéniev, I. *L'Infortunée. Le Roi Lear de la steppe. L'Exécution de Troupman* [The Unfortunate. A Lear of the Steppes. The execution of Troupman]. (In French).
38. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (1999) "Germaniya tumannaya" ["Foggy Germany"]. In: Mikhaylova, N.I. (ed.) *Oneginskaya entsiklopediya: v 2 t.* [Onegin encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy put'.
39. Yanushkevich, A.S. (1995) Motiv lunny i ego russkaya traditsiya v literature XIX veka [The motif of the moon and its Russian tradition in the literature of the 19th century]. In: Romodanovskaya, E.K. & Shatin, Yu.V. (eds) *Rol' traditsii v literaturnoy zhizni epokhi. Syuzhety i motivy* [The role of tradition in the literary life of the era. Plots and motives]. Novosibirsk: Institute of Philology, SB RAS.
40. Kanunova, F.Z. (1990) *Voprosy mirovozzreniya i estetiki V.A. Zhukovskogo (po materialam biblioteki poeta)* [Issues of ideology and aesthetics of V.A. Zhukovsky (based on the library of the poet)]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 27 February 2018

ПОСМОТРИТЕ НА ВАЗУ: КАК ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ВЛИЯЮТ НА ГЛАЗОДВИГАТЕЛЬНУЮ АКТИВНОСТЬ (на материале жанра экскурсии)

Экспериментально исследуется проблема влияния типа лексического маркера на глазодвигательную активность адресата. В ходе эксперимента 1 было выяснено, что время-до-цели меняется в зависимости от типа использованного маркера. Локативный и визуально-локативный типы маркера показали наименьшее время-до-цели. Эксперимент 2 подтвердил результаты первого эксперимента, однако наименьшее время-до-цели показали визуальные маркеры. Более того, время осмотра объекта изменяется в зависимости от категории маркера.

Ключевые слова: глазодвигательная активность; внимание; жанр экскурсионной метки; экскурсант; время осмотра; время-до-цели.

Введение

Современные экспериментальные методы (в частности, айтрекер) позволяют исследовать взаимодействие лингвистических стимулов и референтов в реальном мире с позиции глазодвигательной активности [1. С. 1105–1122]. Исследования последовательно показывают, что адресат использует визуальную информацию, чтобы ограничить набор возможных целевых референтов [2. С. 409–436; 3. С. 95–127]. Все большее количество исследований свидетельствует в пользу того, что информация, заложенная в лексему, используется для формирования ожидания объекта, следующего за этой лексемой [4. С. 1995–2024].

Первыми это продемонстрировали Гэрри Альтманн и Юки Камиде в 1999 г. [5. С. 247–264]. Ученые показали, что распределение внимания участников было связано с тем предложением, которое они слышали. Например, если участники слышали глагол «есть», «ожидающие» глаза двигались в сторону съедобных объектов в визуальной сцене, заданной простыми рисунками и пиктограммами. Позже ученые обнаружили, что для этого адресат пользуется окружающим контекстом, заданным визуальной информацией из реального мира [6. С. 55–71; 7. С. 455–469].

Дальнейшие исследования показали, что направление движения взгляда связано с речью и в фотореалистичных сценах [8. С. 208–216]. Участник исследования смотрел на фотографию одновременно с тем, как ему зачитывались заранее записанные предложения, в которых упоминался какой-либо объект с фотографии. Ученые наблюдали фиксацию на объекте спустя значительный промежуток времени (~ 2 500 мс) после его номинации. Этот эффект был позже реплицирован в серии экспериментов [4. С. 1995–2024]. Результаты исследований позволяют сделать вывод, что мозг использует контекстуальную информацию из окружающего мира и направляет взгляд на объект в визуальном поле, максимально релевантный лексической информации. Например, когда объект назван, но отсутствует, участники фиксируются на контекстно релевантных объектах (например, на столе, если услышали глагол «есть»). Во втором эксперименте ученые показали, что взгляд движется в сторону релевантных объектов, даже если сцена исчезает после предъявления лексического стимула, делая вывод о

том, что «ожидающие» движения глаз базируются на контекстуальной информации в памяти, на основании которой принимается решение. Таким образом, мы можем сказать, что мозг использует доступную визуальную информацию и фиксируется на релевантном объекте после его номинации.

В предыдущих исследованиях связи движений глаз и лексических единиц, как правило, использовались слова, не указывающие напрямую на необходимость визуальной активности. В этом контексте остается неясным то, как движения глаз связаны с лексикой, содержащей такое указание. Цель данной статьи – исследовать глазодвигательную активность под руководством лексического стимула, содержащего указание на объект интереса. Экскурсионная коммуникация позволяет исследовать глазодвигательную активность под руководством лексического стимула ввиду своей специфики как полисемiotичной системы [10. С. 90–93], где рассказ неразрывно связан с показом. В ситуации общения у экскурсовода появляется необходимость в жанре, выполняющем прагматическую функцию и служащем для максимально эффективного и быстрого связывания объекта показа и той информации, которая ему посвящена, – жанре экскурсионной метки.

Исследуя тексты экскурсий, мы обнаружили, что жанр обслуживается гетерогенными по своему семантическому значению единицами-маркерами, среди которых выделяются следующие категории: локативные, визуально-локативные, нулевые и указательные, в соответствии с наличием или отсутствием соответствующих семантических компонентов выполняющие, однако, одну функцию – указания на объект, о котором идет речь. Например, единица «посмотрите здесь», относящаяся к визуально-локативной категории, используется наравне с единицей «это», относящейся к указательной категории. Ввиду того, что жанр предполагает управление глазодвигательной активностью слушателя, возникает вопрос: меняются ли как-то характеристики этой активности экскурсанта при использовании экскурсоводом единиц разных категорий.

Опираясь на вышесказанное, мы выдвинули гипотезу о том, что эффективность управления глазодвигательной активностью экскурсанта изменяется в зависимости от категории маркера указания на объект, использованного адресантом-экскурсоводом.

Мы проверили данную гипотезу в двух экспериментах на разных выборках.

Исследование 1 – «разведочный» эксперимент

Введение

Для исследования коммуникативно-прагматического аспекта экскурсионной коммуникации в первом исследовании мы стремились приблизить ситуацию экспериментального общения между адресантом и адресатом к реальной экскурсионной коммуникации, поэтому остановились на полевом дизайне исследования и использовании мобильного айтрекера. Такой тип айтрекера позволяет проводить исследования вне лабораторных условий, использовать более экологически-валидное окружение и исследовать сложные виды взаимодействия участника исследования с окружающим миром, однако накладывает ряд ограничений, касающихся точности замеров: ограничение доступных метрик и наличие шума в статистических данных, вызванного, например, жестами экскурсовода.

Для исследования степени эффективности управления глазодвигательной активностью экскурсанта мы остановились на показателе «время-до-цели», позволяющем отследить, насколько быстро происходила первая фиксация на объекте показа после его номинации.

Мы выдвинули гипотезу о том, что эффективность управления глазодвигательной активностью экскурсанта, выраженная во времени-до-цели, изменяется в зависимости от категории маркера указания на объект, использованного адресантом. Эффект жеста контролировался.

Методы

Участники. 30 человек (возраст, $M = 18,1$, $SD = 1,1$; 14 женщин) приняли участие в исследовании. Все участники заполнили информированное согласие. Все участники обладали хорошим зрением, не имели травм головы и получили баллы по курсам за участие. Исследование было проведено в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации «О персональных данных» (152-ФЗ) и Этическим кодексом психолога, принятым 14 февраля 2012 г. V съездом Российского психологического общества.

Процедура. Участники заходили в Музей книги Научной библиотеки ТГУ по одному, на них надевались очки SMI Eye Tracking Glasses v.1.8 (далее ETG), и экскурсовод проводил индивидуальную экскурсию для каждого. Экскурсовод всегда работал только с одним экскурсантом. Нами были предварительно отобраны четыре экскурсионных витрины, имеющие филологическую специфику (две, посвящены литературе XX в. и еще две – цензуре), которые экскурсовод мог посещать в произвольном порядке, руководствуясь своей логикой и логикой экскурсии. Условия проведения экскурсии были максимально приближены к естественным, что делает исследование экологически валидным (Ecological validity), но снижает эксперимен-

тальный контроль (Experimental Control). Движения глаз были записаны на протяжении осмотра всех четырех витрин.

Стимулы. Экскурсионные объекты были отобраны так, чтобы в экскурсии присутствовали как экспонаты, при осмотре которых экскурсант фокусировал взгляд на мелких деталях объекта, так и экспонаты, где требовалось осмотреть объекты целиком. Все стимулы были естественными и являлись частью выставки Музея книги Научной библиотеки ТГУ. В качестве экскурсионных объектов использовались экспонаты, представленные в витринах музея (см. пример витрины в Приложении 1).

Для сохранения естественного течения экскурсии ее текст был индивидуален для каждого из участников. Использование маркеров указания на объект и их категории не обсуждались с экскурсоводом. По результатам предварительного анализа речевые маркеры адресанта включали следующие категории:

- локативные: «наверху слева» + номинация, «здесь справа» + номинация;
- визуально-локативные: «посмотрите вверх» + номинация, «здесь можете видеть» + номинация;
- нулевые: только номинация;
- указательные: «вот» + номинация.

Оборудование. Для записи движений глаз были использованы очки-айтрекер SMI ETG v.1.8, соединенные с записывающим устройством на базе КПК. Заявленные производителем характеристики:

- частота видеорегистрации 30 Гц;
- пространственная разрешающая способность 0,1°;
- точность определения направления 0,5°;
- диапазон регистрации глаз 80° по горизонтали, 60° по вертикали.

Обработка данных. Для обработки данных использовали стандартное программное обеспечение BeGaze v 3.5. Записанные данные импортировались в программу, в которой выполнялись обработка и экспорт количественных показателей глазодвигательной активности. Программа Sony Vegas v.10 использовалась для корректировки измерений времени аудио. Категории маркера указания на объект были выделены на основе представленности или отсутствия семантического компонента.

Статистика. Для проверки гипотезы был использован однофакторный дисперсионный анализ с повторяющимися измерениями (Repeated measures ANOVA), где время-до-цели было использовано в качестве зависимой переменной, а категория маркера – в качестве независимой.

Время-до-цели считалось как время от начала фокации слова, номинирующего объект, до первой фиксации на объекте. Ввиду того, что экспериментальные исследования последовательно демонстрируют, что движения глаз, происходящие при посредничестве речи (language-mediated eye-movements), как правило, начинаются спустя 200 мс после начала фокации стимула-слова (см.: [9. С. 151–171] для обсуждения), время-до-цели, меньшее 200 мс, было удалено как противоречащее теоретическим выкладкам до усреднения внутри участника. Два выброса было удалено для первого участника и для семнадцатого

($\pm 3,29$ SD). После этого распределение времени-до-цели внутри категорий маркера для всех участников стало соответствовать критерию нормальности.

Время жеста считалось как время от начала фоциации слова, номинирующего объект, до конца движения руки экскурсовода, указывающего на объект речи. Жест всегда следовал за началом фоциации номинации объекта. Две пробы без жеста были удалены из дальнейшего анализа, оставив 206 проб с жестом ($M = 126,5$, $SD = 35,81$). Для контроля времени жеста были посчитаны стандартизованные регрессионные остатки, где время жеста использовалось в качестве независимой переменной, а время-до-цели – зависимой ($M = 0$, $SD = 1$). Таким образом, мы убрали влияние жеста на время-до-цели. Эти регрессионные остатки использовались в качестве нового показателя времени-до-цели в дальнейшем анализе.

Вследствие того, что количество объектов показа было примерно одинаковым у всех экскурсентов (автор-экскурсовод мог говорить, а мог и пропускать

некоторые объекты, но в среднем их количество оставалось единым), количество маркеров в одной экскурсии в среднем почти не менялось ($M = 30,8$, $SD = 1,2$). Однако количество маркеров в каждой из категорий варьировало между людьми ($M = 7,8$, $SD = 1,2$; $M = 6,2$, $SD = 0,8$; $M = 7,7$, $SD = 0,5$; $M = 7,3$, $SD = 1,1$ для локативных, визуально-локативных, нулевых и указательных соответственно). Для дальнейшего анализа мы использовали среднее время-до-цели для каждой категории внутри отдельного человека.

Тест Моучли показал, что допущение о сферичности было нарушено ($\chi^2(5) = 12,71$, $p = ,026$), поэтому мы использовали поправку Гринхауса – Гэйсера [11. С. 461].

Статистический анализ данных проводился в IBM SPSS ver. 23.

Результаты

Описательные статистики времени-до-цели для каждой категории представлены в табл. 1.

Таблица 1
Описательные статистики времени-до-цели для отдельных семантических категорий маркеров, используемых адресантом

Категория маркера	Среднее	Стандартное отклонение	Количество
Локативный	-,86	,29	30
Визуально-локативный	-,58	,57	30
Нулевой	1,37	,64	30
Указательный	,06	,43	30

Однофакторный дисперсионный анализ с повторяющимися измерениями

Результаты однофакторного дисперсионного анализа с поправкой Гринхауса – Гэйсера показали, что время-до-цели значимо отличалось для разных категорий маркера ($F(2,259, 65,52) = 111,95$, $p < ,05$). Апостериорный тест с использованием поправки Бонферрони показал, что время-до-цели значимо отличалось для всех категорий ($p < ,05$), кроме локативных и ви-

зуально-локативных маркеров ($p = ,109$). Наименьшее время-до-цели (в миллисекундах) показала категория локативных и визуально-локативных маркеров ($M = 879,56$, $SD = 279,46$; $M = 1\,178,46$, $SD = 613,57$ соответственно). Наибольшее время-до-цели показала категория нулевых маркеров ($M = 3\,295,83$, $SD = 727,63$). Среднее время-до-цели для указательной категории составило $1\,875,93$ мс ($SD = 477,26$). Распределение среднего времени-до-цели показано на рис. 1.

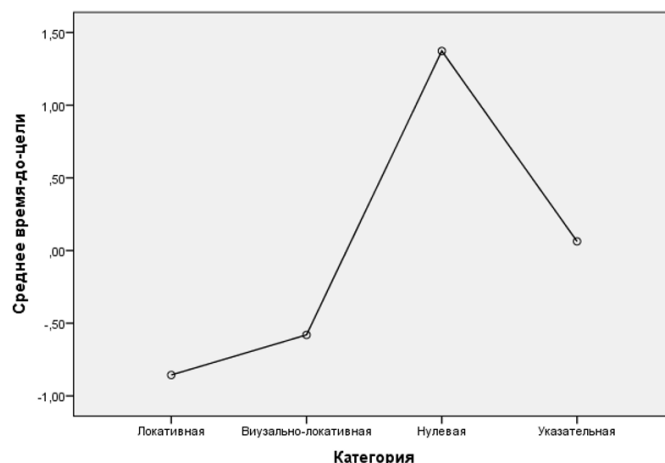

Рис. 1. Время-до-цели в зависимости от категории речевого маркера указания на объект

Обсуждение

Маркеры были разделены на категории на основании различий в семантике, в частности по наличию или отсутствию компонента в семантике. Было выделено четыре категории маркеров: локативная, содер-

жащая отсылку к местоположению объекта в визуальном поле; визуально-локативная, где к локативному компоненту добавлялся показатель необходимости визуальной активности; указательная, указывающая на тот объект, о котором идет речь; нулевая, только номинирующая объект, не указывающая на него или

его местонахождение и не апеллирующая к визуальной активности. Наши данные показывают связь между произнесенным текстом и движениями глаз: время до первой фиксации адресата на объекте изменяется в зависимости от категории маркера, использованного адресатом. Время-до-цели при использовании нулевого маркера было значимо больше времени-до-цели для других типов маркера. Возможным объяснением этого может являться тот факт, что нулевые маркеры не содержат прямого указания на необходимость визуальной активности (фокусировки на объекте) и локализацию необходимого объекта, что выражается в большем времени-до-цели. Локативная и визуально-локативная категории маркера показали наименьшее время-до-цели. Отметим, что жест присутствовал во всех пробах, взятых в анализ, и в какой-то степени компенсировал отсутствие указания на объект. Однако разница во времени-до-цели проявилась и при контроле влияния жеста, что косвенно свидетельствует в пользу влияния категории маркера, а не характеристик жеста, на время-до-цели.

Визуально-локативные маркеры не отличались статистически значимо от других типов по времени-до-цели, несмотря на наличие как визуального, так и локативного компонентов. Возможным объяснением отсутствия значимости может быть избыточность апелляции к визуальной активности при наличии жеста, что стало причиной отсутствия значимых статистических отличий между нулевой и визуально-локативной категориями. Необходимо реплицировать этот эффект для того, чтобы делать какие-либо выводы.

К ограничениям для выводов текущего исследования можно отнести несколько факторов:

- вариабельность текстов экскурсий;
- присутствие жестов, которые могли повлиять на время-до-цели;
- использование мобильного айтрекера, позволявшего участнику совершать движения головой.

Исследование 2

Введение

В данном исследовании мы хотели реплицировать результаты, полученные в первом исследовании. Однако, учитывая ограничения первого исследования, мы решили перенести эксперимент в лабораторные условия. Мы стремились приблизить ситуацию взаимодействия экскурсовода и экскурсанта к реальной жизни и поэтому решили исследовать взаимодействие глазодвигательной активности и речевого маркера именно в актуально произнесенном тексте, а не в изолированном высказывании. Одновременно с этим мы стремились ограничить посторонние влияния на поведение участника, указанные в ограничениях прошлого эксперимента. Во-первых, в данном исследовании был использован стационарный айтрекер вместо мобильного, что позволило одновременно убрать факторы жестов экскурсовода и движений головы экскурсанта. Во-вторых, в исследовании использовался один фиксированный текст экскурсии, в котором менялись только маркеры указания на объект. Более

того, на данном этапе было принято решение сфокусироваться только на одном «эталонном» маркере из семантической группы. Эталонный маркер для каждой группы был отобран путем обращения к частотным словарям и экспертной оценке (см. секцию «Материалы»). Это позволило повысить статистическую мощность, поскольку вариабельность внутри группы стимулов отсутствовала и потенциальным фактором, снижающим мощность, оставалась только индивидуальная вариабельность участников исследования [13]. В тексте было представлено 5 разных категорий маркера, т.е. один человек слышал один маркер из категории. Это предъявило определенные требования к количеству участников, необходимых для получения той же статистической мощности, что и в первом исследовании. G*Power калькулятор [14. С. 175–191] показал, что для получения в однофакторном дисперсионном анализе такого же размера эффекта, что и в первом эксперименте, будет необходимо 40 человек, и у каждого из них будет по одной реакции на стимул каждой категории.

Таким образом, мы хотели проверить, сохранится ли паттерн, наблюдаемый в первом исследовании (увеличение времени-до-цели при использовании нулевого стимула или сокращение его при использовании визуально-локативного стимула), во втором эксперименте.

Как отмечалось выше, визуально-локативные маркеры не отличались значимо от маркеров других групп. Однако мы считаем, что маркеры этой категории должны были иметь наименьшее время-до-цели ввиду наличия как локативного компонента, упрощающего нахождение объекта интереса в визуальном поле, так и визуального, указывающего на необходимость визуальной активности. Чтобы уменьшить вариабельность внутри категории, было принято решение тщательнее подойти к семантическому анализу стимулов категории. Мы обнаружили, что данную категорию можно разделить на две: визуально-локативную и «визуально-императивную», ввиду различий в семантике. Типологизирование с использованием обновленного критерия привело к выделению пяти групп: визуальной («посмотрите» + номинация объекта), локативной («здесь» + номинация объекта), визуально-локативной («посмотрите здесь» + номинация объекта), указательной («это» + номинация) и нулевой (только номинация объекта показа).

Также мы хотели проверить, сохранится ли паттерн, наблюдаемый в первом исследовании, при применении другого показателя. В качестве этого показателя было использовано время, потраченное на осмотр объекта.

Таким образом исследование имело три основных гипотезы:

Гипотеза 1: Эффективность управления вниманием, манифестируемая во времени-до-цели, изменяется в зависимости от категории маркера (репликация исследования 1).

Гипотеза 2: Визуально-локативные маркеры имеют меньшее время-до-цели, чем маркеры остальных категорий.

Гипотеза 3: Эффективность управления вниманием, манифестируемая в количестве времени, затра-

ченном на осмотр объекта, изменяется в зависимости от категории маркера.

Методы

Участники. 42 человека (возраст, $M = 21,5$, $SD = 2,2$; 28 женщин) приняли участие в исследовании. Все участники заполнили информированное согласие. Все участники обладали хорошим зрением, не имели травм головы и получили подарочный сертификат в кофейню за участие.

Процедура. Участники заходили в комнату по одному и заполняли форму информированного согласия. Затем участник садился на стул в 60 см от айтрекера и надевал наушники. После этого запускался эксперимент, в начале которого человек должен был прочитать инструкцию, указать свой пол, возраст и род занятий, а затем пройти процедуру калибровки айтрекера. В качестве стандарта калибровки было принято отклонение не более $0,5^\circ$ по осям X и Y. Среднее отклонение для настоящего исследования составило 0,45 и 0,41 для X и Y соответственно. После этого начиналась основная часть эксперимента, в ходе которой участнику предъявлялся снимок витрины, сделанный в Музее книги Научной библиотеки ТГУ. На витрине было расположено 10 объектов разного размера (см. прил. 1). Одновременно с этим участник слушал текст, записанный на аудио. После прослушивания текста участник должен был ответить на несколько вопросов о содержании экскурсии.

Оборудование. Бинокулярная запись движений глаз происходила с помощью стационарного айтрекера SMI RED 500 (<https://www.smivision.com/>) с частотой регистрации 500 Гц.

Обработка данных. Осуществление эксперимента и обработка данных производились с помощью штатного программного обеспечения айтрекера: Experiment Center 3.7 и BeGaze 3.7.

Этические основания. Исследование было одобрено этическим комитетом междисциплинарных исследований Томского государственного университета.

Материалы. В этом эксперименте текст был одинаков для всех участников (см. прил. 2). В качестве стимулов использовались эталонные слова для каждой из 5 категорий маркеров. Маркеры были отобраны с помощью экспертной оценки и словарей частотности. Так, в качестве эталонного маркера визуальной категории (1) с помощью экспертной оценки было выбрано словосочетание «посмотрите на» как самое часто встречающееся в рамках экскурсионной коммуникации. Для сравнения, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) [15] частотность для лексемы «видеть» составляет 818,2 ipm, а для «посмотреть» – 314,2 ipm. Более того, единица «видит», как правило, используется в вопросительных конструкциях (например, «видите, книга?»). В эксперименте мы хотели избавиться от лишних наслоений (вопроса) и решили выбрать лексему «посмотрите». В качестве эталонной единицы для локативных маркеров (3) мы использовали лексему «здесь». Лексема имеет одинаковую встречаемость с лексемой «тут»: $\sim 10\,000$ ipm по НКРЯ. Ю.Д. Апресян [16. С. 9–41] отмечает, что

лексема «здесь» имеет пространственное употребление в 88% процентов случаев. Опираясь на вышесказанное, в качестве визуально-локативного маркера (2) мы использовали словосочетание «посмотрите здесь», комбинацию из первых двух маркеров. Нулевым маркером (4) считалось отсутствие какого-либо значимого маркера, указывающего на расположение объекта или необходимость визуальной активности. Автор-экскурсовод текста лишь номинировал объект интереса. В качестве указательного маркера (5) использовалась лексема «это» как наиболее частотная (5 707,8 ipm) в сравнении, например, с лексемой «вот», также выполняющей дейктическую функцию (1 785,1 ipm) по НКРЯ.

Для компенсации эффектов «первой встречи» маркера в тексте (разницы во времени-до-цели для первого маркера в тексте и для последнего), разного размера объектов, количества слов между маркерами разных категорий и начальных звуков лексемы [17. С. 460–482], обозначающей этот объект, порядок маркеров в тексте был псевдорандомизован: мы использовали пять разных последовательностей маркеров: 12 345, 23 451, 34 512, 45 123, 51 234 (см. выше). Например, в качестве первого маркера в тексте для первого участника был использован визуальный маркер, за которым шел визуально-локативный, в то время как для второго участника визуально-локативный маркер был первым, за ним следовал локативный и т.д. Текст экскурсии был записан на диктофон таким образом, чтобы вместо слов «Маркер», выделенных жирным шрифтом в Приложении 2, можно было подставить любое слово-маркер, например «посмотрите здесь», не перезаписывая остальной текст.

Статистика. Для проверки первой и второй гипотез был использован однофакторный дисперсионный анализ с повторяющимися измерениями (Repeated measures ANOVA), где время-до-цели было использовано в качестве зависимой переменной, а категория маркера – в качестве независимой. Для проверки третьей гипотезы в качестве зависимой переменной использовалось время осмотра.

Время-до-цели считалось как время от начала фонации слова, номинирующего объект будущей фиксации, до первой фиксации на объекте. Ввиду того, что экспериментальные исследования последовательно демонстрируют, что движения глаз, происходящие при посредничестве речи (language-mediated eye-movements), как правило, начинаются спустя 200 мс после начала фонации стимула-слова (см. [9. С. 151–171] для обсуждения), время-до-цели, меньшее 200 мс, было удалено как противоречащее теоретическим выкладкам до усреднения внутри участника. Одна реакция была удалена для девятнадцатого участника ($\pm 3,29$ SD). После этого распределение времени-до-цели внутри категорий маркера для всех участников стало соответствовать критерию нормальности. Тест Моучли показал, что допущение о сферичности было нарушено для времени-до-цели ($\chi^2(9) = 54,73$, $p = ,001$), поэтому мы использовали поправку Гринхауса – Гэйссера [11. С. 461].

Время осмотра считалось как совокупное время фиксации на объекте. Среднее количество возвратов составило 3,23 (SD = 1,11). Корреляция между временем осмотра и количеством возвратов была не значима ($p = ,442$), параметр «количество осмотров» не был включен в модель. Тест Моучли показал, что допущение о сферичности было нарушено для времени осмотра ($\chi^2(9) = 67,51$, $p = ,001$), поэтому мы использовали поправку Гринхауса – Гэйссера [11. С. 461].

Корреляционный анализ показал, что время осмотра отрицательно коррелировало со временем-до-цели, $r(210) = -198$, $p = ,004$.

Статистический анализ данных проводился в IBM SPSS ver. 23.

Результаты

Время-до-цели. Описательные статистики представлены в табл. 2.

Таблица 2

Описательные статистики «время-до-цели» для отдельных семантических категорий маркеров, используемых адресантом

Категория	Среднее	Стандартное отклонение	Количество
Визуальная	1 316,04	609,44	42
Визуально-локативная	1 811,88	759,69	42
Локативная	2 359,88	2 095,65	42
Нулевая	2 974,31	1 011,99	42
Указательная	2 764,89	1 981,48	42

Результаты однофакторного дисперсионного анализа с поправкой Гринхауса – Гэйссера показали, что время-до-цели значимо отличалось для разных категорий маркера ($F(2,44, 100,16) = 13,94$, $p = ,0001$, эта квадрат = ,25). Апостериорный тест с использованием поправки Бонферрони показал, что время-до-цели для визуальных маркеров значимо отличалось от всех категорий. Визуально-локативные маркеры значимо отличались по времени-до-цели для всех категорий

кроме локативной. Локативные маркеры отличались значимо только от визуальной категории. Нулевые маркеры отличались значимо только от визуальной и локативной категорий. Указательные маркеры отличались значимо только от визуальных и визуально-локативных маркеров. Наименьшее время-до-цели показала визуальная категория (рис. 2).

Время осмотра. Описательные статистики представлены в табл. 3.

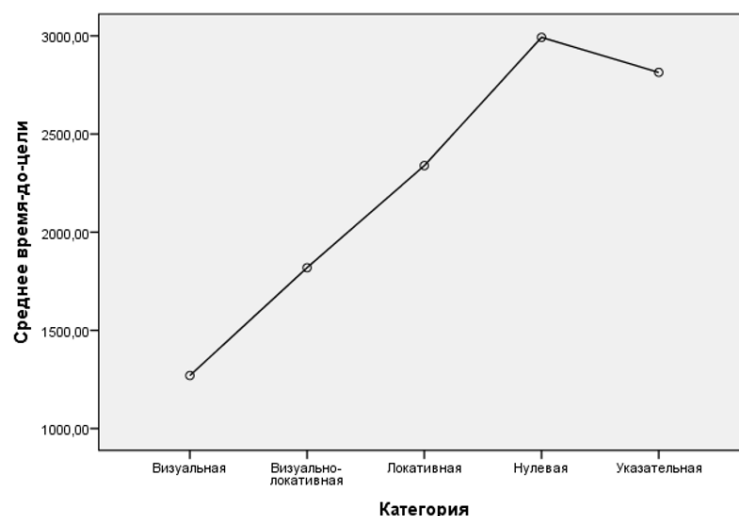

Рис. 2. Время-до-цели в зависимости от категории речевого маркера указания на объект

Таблица 3

Описательные статистики времени осмотра для отдельных семантических категорий маркеров, используемых адресантом

Категория	Среднее	Стандартное отклонение	Количество
Визуальная	4 087,84	3 552,86	39
Визуально-локативная	3 899,07	3 065,98	39
Локативная	2 363,32	2 095,65	39
Нулевая	1 066,72	1 011,99	39
Указательная	3 650,72	2 981,48	39

Результаты однофакторного дисперсионного анализа с поправкой Гринхауса–Гэйссера показали, что время осмотра значимо отличалось для разных категорий маркера ($F(2,21, 84,02) = 11,02$, $p = ,0001$, эта квадрат = ,22). Апостериорный тест с использованием

поправки Бонферрони показал, что время осмотра для визуальных маркеров незначимо отличалось от локативных, визуально-локативных и указательных маркеров ($p > ,05$). Время осмотра для категории нулевых маркеров значимо отличалось от всех категорий

($p < ,05$). Локативная категория значимо отличалась от всех категорий за исключением визуальной ($p > ,05$).

Наименьшее время осмотра показала категория нулевых маркеров (рис. 3).

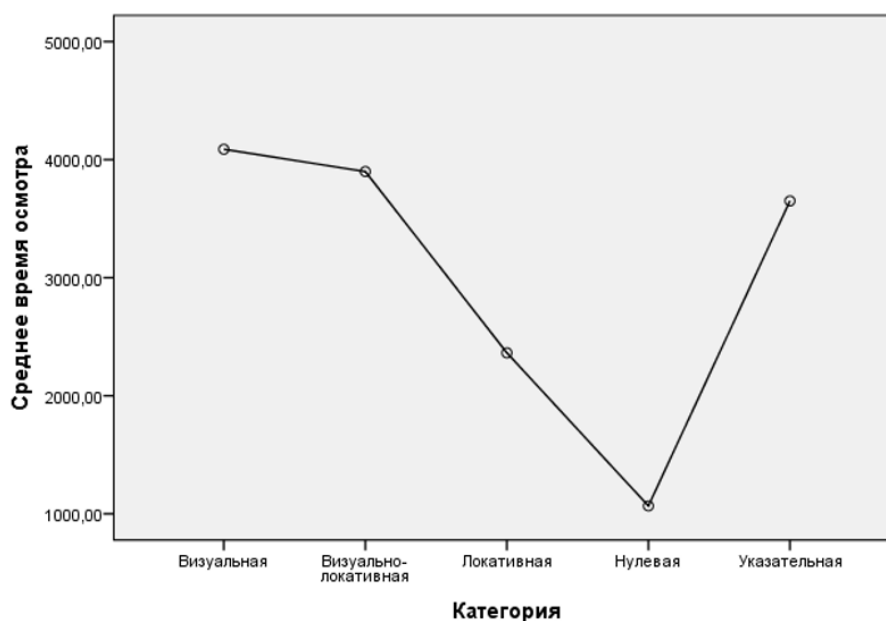

Рис. 3. Время осмотра в зависимости от категории речевого маркера указания на объект

Обсуждение

Данные показали, что время-до-цели адресанта действительно изменяется в зависимости от категории маркера, таким образом реплицировав эффект, найденный в первом исследовании.

Визуальные маркеры показали наименьшее время-до-цели среди всех остальных категорий маркеров, что свидетельствует о том, что апелляция к визуальной активности ведет к сокращению времени до первой фиксации адресанта на объекте, а значит, более эффективно управляет вниманием адресанта.

Наши данные опровергают вторую гипотезу так как визуально-локативные маркеры имеют большее среднее время-до-цели, чем маркеры визуальной категории. Визуально-локативные маркеры отличались незначимо от локативной категории. Мы можем предположить, что дополнительная апелляция к визуальной активности при наличии локативного компонента и ограниченного визуального поля (фотографии в нашем случае) являлась избыточной в визуально-локативных маркерах, что привело к отсутствию статистически значимых различий между этой категорией и категорией локативных маркеров. Возможным объяснением этого может быть то, что данные для каждой из категорий маркеров не усреднялись на уровне человека, что стало причиной больших стандартных отклонений и незначимых различий между категориями в результате. В дальнейших исследованиях необходимо увеличить размер выборки, усреднить данные внутри участника или обратиться к смешанным моделям.

Результаты исследования показали, что количество времени, затраченное на осмотр объекта, изменяется в зависимости от категории маркера, подтвердив, таким образом, третью гипотезу. При этом апостери-

орный тест показал, что только категория нулевых маркеров значимо отличалась от всех остальных. Опираясь на эти данные, мы можем сделать вывод о том, что маркеры любой категории более эффективны, чем «чистая» номинация объекта. Отметим, что визуальные маркеры показали наибольшее среднее время осмотра по сравнению с другими категориями маркеров, не отличаясь, однако, значимо от других категорий (за исключением нулевой).

Возможным ограничением для выводов этого исследования может являться тот факт, что в качестве локативного маркера мы использовали лексему «здесь» как самую частотную единицу с локативным значением, которая в рамках ограниченного визуального поля могла не добавлять информацию о местоположении объекта. В дальнейших исследованиях будет необходимо проверить эффект такого локативного маркера, который будет напрямую указывать на местоположение объекта, например «наверху» или «слева». К ограничениям данного исследования можно отнести тот факт, что мы использовали только один эталонный маркер, что привело к большим стандартным отклонениям и не позволило использовать смешанные модели со случайным эффектом slope и intercept.

Заключение

Подводя итог, мы можем сказать, что категория маркера, используемая адресантом-экскурсоводом, оказывает влияние на визуальную активность адресанта во время проведения экскурсии. Наши данные еще раз подтверждают гипотезу Г. Альтмана и Ю. Камиде [5. С. 247–164; 18. С. 133–156; 6. С. 55–71] о связи глазодвигательной активности респондентов с семантикой слова. В данной статье мы исследовали глазо-

двигательную активность адресата речи как в реальной ситуации, так и при просмотре фотореалистичной сцены, что еще раз подтверждает результаты Андерсона и соавторов [8. С. 208–216], показавших связь движений глаз и лексического стимула в фотореалистичной сцене.

Наши данные, полученные с помощью мобильного и стационарного айтрекеров, свидетельствуют, что категория используемого маркера действительно оказывает влияние на глазодвигательную активность. Результаты обоих экспериментов показали, что в случае использования нулевого маркера человек может просто пропустить объект, не обратив внимания на номинацию этого объекта экскурсоводом.

Отдельного обсуждения требует противоречие между паттерном результатов первого и второго экспериментов во времени-до цели. В первом эксперименте наименьшее время-до-цели показали локативные и визуально-локативные маркеры, в то время как во втором наименьшее время-до-цели принадлежало типу визуальных маркеров. Возможным объяснением может быть тот факт, что первое исследование было максимально приближено к обычной экскурсии, где экскурсовод пользовался дополнительными средствами передачи информации, в частности жестами, для указания на объект, в то время как во втором эксперименте жесты отсутствовали. Во время живой коммуникации функцию указания на объект берет на себя жест, дублируя локативный маркер, уточняя локализацию объекта и уменьшая время до фиксации на цели. Во время второго эксперимента участник мог пользоваться только аудиальной информацией, полученной от адресанта (см.: дистантная коммуникация; [19]), что сделало апелляцию к визуальной активно-

сти посредством визуального маркера более актуальным источником информации. Визуальный маркер указывал адресату на то, что объект есть в визуальном поле, и на то, что на него нужно обратить внимание, в то время как остальные типы маркеров содержали избыточную информацию в ограниченном визуальном поле фотографии, использовавшейся в качестве стимула. Следует отметить, что при отсутствии жеста (в эксперименте 2) визуальные маркеры показали как наименьшее время, необходимое адресанту, чтобы переключиться на объект, так и наибольшее время осмотра объекта при использовании этих маркеров.

Наши данные, таким образом, свидетельствуют в пользу наибольшей эффективности маркеров, содержащих визуальный и локативный компоненты, и могут быть интересны в более широком контексте за пределами лингвистических исследований, например при подготовке экскурсоводов, где данные результаты могут служить свидетельством большей восприимчивости адресата к маркерам именно этой категории по сравнению с другими и, как следствие, более эффективными для управления его вниманием. Более того, результаты исследования свидетельствуют в пользу того, что при отсутствии жеста (например, в аудиоэкскурсии) экскурсовод должен не просто называть объект (нулевой маркер), но и указывать на него, используя указательные, визуальные или локативные маркеры, в то время как в рамках обычной экскурсии наиболее эффективными будут являться локативные и визуально-локативные местоимения. Методические рекомендации такого рода особенно актуальны в мире визуального восприятия информации и той образовательной цели, которую преследует экскурсионная коммуникация.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tanenhaus M.K., Brown-Schmidt S. Language processing in the natural world // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2008. Vol. 363. P. 1105–1122. URL: <https://doi.org/10.1098/rstb.2007.2162>
2. Eberhard K.M., Spivey-Knowlton M.J., Sedivy J.C., Tanenhaus M.K. Eye movements as a window into real-time spoken language comprehension in natural contexts // *Journal of Psycholinguistic Research*. 1995. Vol. 24 (6). P. 409–436. URL: <https://doi.org/10.1007/BF02143160>
3. Knoeferle P., Crocker M.W., Scheepers C., Pickering M.J. The influence of the immediate visual context on incremental thematic role-assignment: Evidence from eye-movements in depicted events // *Cognition*. 2005. Vol. 95 (1). P. 95–127. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2004.03.002>
4. Coco M.L., Keller F., Malcolm G.L. Anticipation in Real-World Scenes: The Role of Visual Context and Visual Memory // *Cognitive Science*. 2016. Vol. 40 (8). P. 1995–2024. URL: <https://doi.org/10.1111/cogs.12313>
5. Altmann G.T.M., Kamide Y. Incremental interpretation at verbs: Restricting the domain of subsequent reference // *Cognition*. 1999. Vol. 73 (3). P. 247–264. URL: [https://doi.org/10.1016/S0010-0277\(99\)00059-1](https://doi.org/10.1016/S0010-0277(99)00059-1)
6. Altmann G.T.M., Kamide Y. Discourse-mediation of the mapping between language and the visual world: Eye movements and mental representation // *Cognition*. 2009. Vol. 111 (1). P. 55–71. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2008.12.005>
7. Ferreira F., Tanenhaus M.K. Introduction to the special issue on language-vision interactions // *Journal of Memory and Language*. 2007. Vol. 57 (4). P. 455–459. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jml.2007.08.002>
8. Andersson R., Ferreira F., Henderson J.M. I see what you're saying: The integration of complex speech and scenes during language comprehension // *Acta Psychologica*. 2011. Vol. 137 (2). P. 208–216. URL: <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2011.01.007>
9. Huettig F., Rommers J., Meyer A.S. Using the visual world paradigm to study language processing: A review and critical evaluation // *Acta Psychologica*. 2011. Vol. 137. P. 151–171. URL: <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2010.11.003>
10. Бахвалова Л.Е. Лингвопрагматические параметры экскурсионной речи // *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова*. 2010. № 4. С. 90–93.
11. Field A. Andy Field – Discovering Statistics Using SPSS. Lavoisier. Fr. 2013. URL: https://doi.org/10.1111/j.1365-2648.2007.04270_1.x
12. Levene H. Robust tests for equality of variances // Olkin I., Hotelling H. et al. *Contributions to Probability and Statistics: Essays in Honor of Harold Hotelling*. Stanford University Press, 1960. 278–292.
13. Hedge C., Powell G., Sumner P. The reliability paradox: Why robust cognitive tasks do not produce reliable individual differences // *Behavioral Research Methods*. 2017. URL: <https://link.springer.com/article/10.3758/s13428-017-0935-1> doi: 10.3758/s13428-017-0935-1.
14. Faul F., Erdfelder E., Lang A.-G., Buchner A. G Power 3: A flexible statistical power analysis program for the social, behavioral, and biomedical sciences // *Behavior Research Methods*. 2007. Vol. 39. P. 175–191.
15. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1090 с.

16. Апресян В.Ю. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов // Русский язык в научном освещении. 2014. № 27. С. 9–41. URL: <http://publications.hse.ru/articles/106984009> (дата обращения: 05.10.2017).
17. Huettig F., McQueen J.M. The tug of war between phonological, semantic and shape information in language-mediated visual search // Journal of Memory and Language. 2007. Vol. 57 (4). P. 460–482. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jml.2007.02.001>
18. Kamide Y., Altmann G.T.M., Haywood S.L. The time-course of prediction in incremental sentence processing: Evidence from anticipatory eye movements // Journal of Memory and Language. 2003. Vol. 49 (1). P. 133–156. URL: [https://doi.org/10.1016/S0749-596X\(03\)00023-8](https://doi.org/10.1016/S0749-596X(03)00023-8)
19. Земская Е.А. Русская разговорная речь : лингвистический анализ и проблемы обучения. М. : Рус. яз., 1979. 240 с.

Приложение 1

Фотография витрины, использовавшаяся в качестве стимула

Приложение 2

Текст экскурсии, использовавшийся в качестве стимульного материала во втором исследовании

Добро пожаловать в Музей книги Научной библиотеки ТГУ. Сегодня мы с вами остановимся на витрине, посвященной русской словесности и, в частности, Василию Андреевичу Жуковскому. **Маркер** портрет молодого Жуковского. Тогда он еще не был в составе Императорской Российской академии, но позже он станет наставником Царевича Александра Николаевича.

Его книжная коллекция составляет значительную часть нынешнего фонда библиотеки. Основная масса книг ушла в дублетный фонд. В XIX в. переплеты были владельческие, и богатство переплета отражало состояние владельца. **Маркер**. «Русская слава», например. Достаточно скромно оформлена. По такой обложке можно было узнать владельца, так как они были индивидуальные.

Книги в фонде исследовались, и было замечено, что Жуковский был не просто собирателем книг или накопителем. **Маркер** резачок, которым разрезались страницы. В его библиотеке было очень мало неразрезанных книг, значит, большинство из них было прочитано.

Жуковский с книгой работал. **Маркер**, карандашик. Он был найден в одной из книг Жуковского. Это был его личный карандашик, он был сделан в Лондоне, кстати.

И каким образом он работал? **Маркер** пометы, он оставлял их в своих книгах. Поэтому его библиотека интересна не только с позиции того, какие книги в ней есть, но и как дневник переводчика, активно работавшего с книгой.

Спасибо, приходите в Музей книги Научной библиотеки ТГУ, чтобы узнать больше.

Маркеры:

- 1) визуальный – «посмотрите на»
- 2) визуально-локативный – «посмотрите здесь»
- 3) локативный – «здесь»
- 4) нулевой – отсутствовал
- 5) указательные – «этот»

Статья представлена научной редакцией «Филология» 7 апреля 2018 г.

TAKE A LOOK AT THE VASE: LEXICAL MARKERS AFFECT OCULOMOTOR ACTIVITY (ON THE MATERIAL OF EXCURSION GENRE)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 15–24.

DOI: 10.17223/15617793/430/2

Maxim V. Likhanov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maximus.minimus@mail.ru

Ivan A. Kulikov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kulikov.ivan.tsu@gmail.com

Keywords: oculomotor activity; attention; excursion genre; excursionist; time-on-target; time-to-target.

The present paper is devoted to an investigation of the role of lexical markers, which are used by the tour guide to guide the excursionist's attention during an excursion. The aim of this study was to check whether the addressee's eye movements will vary as a

function of the marker category used by the tour guide. In order to do so, the authors conducted two eye tracker studies, allocating head-mounted and stationary eye tracker in Study 1 and Study 2, respectively. In Study 1, the authors checked whether the effectiveness of the tour guide manipulation of the addressee's eye movements, manifested in time-to-target, would vary as a function of the marker category. In Study 1, data from 30 participants were analysed (age, $M = 18.1$, $SD = 1.1$, 14 female). The eye movements of the participants were recorded individually during the excursion in the Museum of Rare Books, Tomsk State University. The text of the excursion was individual for each participant. The data were recorded in a natural environment, the tour guide was not advised on the usage of any special markers and talked freely. An ANOVA with repeated measures were used with marker category as an independent variable and time-to target (time from the nomination of object to the first fixation on it, TtT) as a dependent variable. The effect of gesture was controlled. The data showed four distinct categories of a lexical marker: visual-locative, locative, indicative and zero. Results of the first study showed that TtT varies as a function of the marker category used, $F(2.259, 65.52) = 111.95$, $p < .05$, with locative and visual-locative markers having the smallest TtT. In Study 2, the authors checked whether the effectiveness of the tour guide manipulation of the addressee's eye movements, manifested in time-to-target and time-on-target, would vary as a function of the marker category. The data from 42 participants were analysed (age, $M = 21.5$, $SD = 2.2$; 28 female). The participants were presented with a photo of the museum screen while listening to the recorded text on rare books. The text was the same for each participant. The order of markers was pseudorandomised for each participant to account for the effects of first encounter. Each participant was presented with one marker from a category, which was picked by experts as an iconic for the category. Marker categories were adjusted and now five categories were used: visual, visual-locative, locative, indicative and zero. The TtT and the time-on target (dwell time on a target, ToT) were investigated. An ANOVA with repeated measures was used with the marker category as an independent variable and time-to-target as a dependent variable. Also, an ANOVA with repeated measures was used with the marker category as an independent variable and ToT as a dependent variable. The data from Study 2 replicated the findings of the head-mounted eye tracker study; although, the pattern of the results was slightly different. TtT varied as a function of the marker category, $F(2.44, 100.16) = 13.94$, $p = .0001$. In this study, the visual marker category had the smallest TtT. The results of the study showed that ToT also varied as a function of the marker category, $F(2.21, 84.02) = 11.02$, $p = .0001$. The post-hoc test showed significant differences in ToT between the zero category and all other categories. The smallest ToT was shown by the zero category. Overall, the results are discussed in the framework of semantic differences between categories and in the more general language-mediated eye movement paradigm. The data bring evidence that the addressee's eye movements indeed vary as a function of the marker category, with visual, visual-locative and locative being the most effective.

REFERENCES

1. Tanenhaus, M.K. & Brown-Schmidt, S. (2008) Language processing in the natural world. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 363. pp. 1105–1122. DOI: 10.1098/rstb.2007.2162
2. Eberhard, K.M., Spivey-Knowlton, M.J., Sedivy, J.C. & Tanenhaus, M.K. (1995) Eye movements as a window into real-time spoken language comprehension in natural contexts. *Journal of Psycholinguistic Research*. 24 (6). pp. 409–436. DOI: 10.1007/BF02143160
3. Knoefler, P., Crocker, M.W., Scheepers, C. & Pickering, M.J. (2005) The influence of the immediate visual context on incremental thematic role-assignment: Evidence from eye-movements in depicted events. *Cognition*. 95 (1). pp. 95–127. DOI: 10.1016/j.cognition.2004.03.002
4. Coco, M.I., Keller, F. & Malcolm, G.L. (2016) Anticipation in Real-World Scenes: The Role of Visual Context and Visual Memory. *Cognitive Science*. 40 (8). pp. 1995–2024. DOI: 10.1111/cogs.12313
5. Altmann, G.T.M. & Kamide, Y. (1999) Incremental interpretation at verbs: Restricting the domain of subsequent reference. *Cognition*. 73 (3). pp. 247–264. DOI: 10.1016/S0010-0277(99)00059-1
6. Altmann, G.T.M. & Kamide, Y. (2009) Discourse-mediation of the mapping between language and the visual world: Eye movements and mental representation. *Cognition*. 111 (1). pp. 55–71. DOI: 10.1016/j.cognition.2008.12.005
7. Ferreira, F. & Tanenhaus, M.K. (2007) Introduction to the special issue on language-vision interactions. *Journal of Memory and Language*. 57 (4). pp. 455–459. DOI: 10.1016/j.jml.2007.08.002
8. Andersson, R., Ferreira, F. & Henderson, J.M. (2011) I see what you're saying: The integration of complex speech and scenes during language comprehension. *Acta Psychologica*. 137 (2). pp. 208–216. DOI: 10.1016/j.actpsy.2011.01.007
9. Huettig, F., Rommers, J. & Meyer, A.S. (2011) Using the visual world paradigm to study language processing: A review and critical evaluation. *Acta Psychologica*. 137. pp. 151–171. DOI: 10.1016/j.actpsy.2010.11.003
10. Bakhvalova, L.E. (2010) Lingvopragmaticheskie parametry ekskursionnoy rechi [Linguopragmatic parameters of the excursionist's speech]. *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova*. 4. pp. 90–93.
11. Field, A. (2013) *Andy Field – Discovering Statistics Using SPSS*. Lavoisier. Fr. DOI: 10.1111/j.1365-2648.2007.04270.1.x
12. Levene, H. (1960) Robust tests for equality of variances. In: Olkin, I. et al. *Contributions to Probability and Statistics: Essays in Honor of Harold Hotelling*. Stanford: Stanford University Press.
13. Hedge, C., Powell, G. & Sumner, P. (2017) The reliability paradox: Why robust cognitive tasks do not produce reliable individual differences. *Behavioral Research Methods*. 50 (3). pp. 1166–1186. DOI: 10.3758/s13428-017-0935-1.
14. Faul, F., Erdfelder, E., Lang, A.-G. & Buchner, A. (2007) G Power 3: A flexible statistical power analysis program for the social, behavioral, and biomedical sciences. *Behavior Research Methods*. 39 (2). pp. 175–191. DOI: 10.3758/BF03193146
15. Lyashevskaya, O.N. & Sharov, S.A. (2009) *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka)* [Frequency dictionary of the modern Russian language (on the materials of the National Corpus of the Russian language)]. Moscow: Azbukovnik.
16. Apresyan, V.Yu. (2014) Tut, zdes' i seychas. O vremennykh znacheniyakh prostranstvennykh deyticheskikh slov [Here, there and now. On the temporal meanings of spatial deictic words]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 27. pp. 9–41. [Online] Available from: <http://publications.hse.ru/articles/106984009>. (Accessed: 05.10.2017).
17. Huettig, Fund & McQueen, J.M. (2007) The tug of war between phonological, semantic and shape information in language-mediated visual search. *Journal of Memory and Language*. 57 (4). pp. 460–482. DOI: 10.1016/j.jml.2007.02.001
18. Kamide, Y., Altmann, G.T.M. & Haywood, S.L. (2003) The time-course of prediction in incremental sentence processing: Evidence from anticipatory eye movements. *Journal of Memory and Language*. 49 (1). pp. 133–156. DOI: 10.1016/S0749-596X(03)00023-8
19. Zemskaya, E.A. (1979) *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskiy analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial speech: linguistic analysis and problems of teaching]. Moscow: Russkiy yazyk.

Received: 7 April 2018

Т.Г. Путилина

ОППОЗИЦИЯ ЖИЗНЬ / СМЕРТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Н.Д. КАШКИНА «ВОСПОМИНАНИЯ О П.И. ЧАЙКОВСКОМ»

Рассматривается оппозиция жизнь / смерть на материале произведения Н.Д. Кашкина «Воспоминания о П.И. Чайковском». Делается вывод о том, что лексема «жизнь» в произведении обозначает пространственно-временной континуум, имеющий разные грани – направления деятельности и конец – «смерть». По своей значимости в системе смыслов произведения жизнь намного превосходит смерть, поэтому смерть почти не может быть противопоставлена жизни, что является следствием авторской особенности языковой картины мира.

Ключевые слова: оппозиция; лексическое значение; антонимия; жизнь / смерть; языковая картина мира; жанр воспоминаний.

Задача изучения особенностей языковой личности и ее индивидуальной авторской картины мира, транслируемой через речь, является важнейшей в современной лингвистике. В.И. Карасик в труде «Языковой круг: личность, концепты, дискурс» отметил: «Носителем языкового сознания является языковая личность, т.е. человек, существующий в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [1. С. 7]. Важность изучения языковой личности подчеркивает Ю.Н. Караулов: «Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [2. С. 7].

Картина мира, присущая носителям какого-либо языка, формулируется В.И. Поставаловой следующим образом: «Наиболее адекватным пониманием картины мира представляется определение ее как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека» [3. С. 21]. В отношении же творчества она отмечает: «Ситуация плюрализма картин мира (художественных мировидений) существует и в искусстве. Но это сходство лишь внешнее. В искусстве скорее можно говорить не о картине мира, а о картинах мира, вопрос о синтезе которых с целью получения единого миропонимания лишен смысла» [Там же. С. 17]. Следовательно, исследование особенностей языка литературных произведений актуально как способ изучения языковой личности – автора произведения и его языковой картины мира.

Объектом исследования в данной работе является оппозиция *жизнь / смерть*. Актуальность изучения оппозиций как элементов описания картины мира отмечает М.Б. Талапина: «Изучение основных бинарных семантических оппозиций, таких как мужское–женское, правое–левое, нечет–чет, верх–низ, белое–черное, позволит выявить асимметричный характер знаковых систем человека, а вместе с тем более полно и систематизировано описать картины мира соответствующих языков» [4. С. 1676]. То, что рассматриваемая оппозиция является важнейшей смысловой составляющей для любой культуры человечества, вряд ли может быть оспорено. В литературных произведе-

ниях часто именно такая оппозиция содержит авторские семантические особенности. Об этом пишет в своей статье А.А. Талицкая: «В мировой поэтической традиции базовой антитезой, определяющей характер взаимоотношений человека и мира, является антитеза жизни и смерти, осмысляемая каждым художником в рамках собственного видения мира» [5. С. 159]. Данное положение относится не только к поэзии, но и к прозаическим сочинениям. Для воспоминаний оппозиция *жизнь / смерть* особенно значима в связи со спецификой жанра. Таким образом, наша работа вносит некоторый вклад в изучение русской языковой картины мира.

Произведение Н.Д. Кашкина¹ «Воспоминания о П.И. Чайковском» [6] было написано сразу после смерти композитора, автор являлся непосредственным свидетелем жизни и творчества П.И. Чайковского. Публикация воспоминаний была осуществлена в журнале «Русское обозрение» в 1894 г. Отдельным изданием книга вышла в 1896 г. Анализ данного текста представляет собой часть комплексного исследования оппозиции *жизнь / смерть* в воспоминаниях, написанных людьми, принадлежавшими к творческим кругам и описавшими жизнь своих выдающихся знакомых современников (в том числе «Воспоминания о передвижниках» Я.Д. Минченкова [10], «Воспоминания о Блоке» А. Белого). Автор воспоминаний, являющийся объектом анализа в данной статье, интересен тем, что, будучи деятелем в музыкальной области, имел также непосредственное отношение к литературе. Он был музыкальным сотрудником «Русских Ведомостей», потом «Московских Ведомостей». Его главные труды: наиболее распространенный русский учебник элементарной теории музыки (Москва, 1875 г.; много раз переиздавался), перевод учебника контрапункта Людвиг Бусслера (Москва, 1885 г.), Очерк истории русской музыки (Москва: Л. Юргенсон, 1908 г.), Оперная сцена Большого Московского Театра (Москва, 1897 г.).

Сами «Воспоминания о П.И. Чайковском» получили высокую оценку у музыкантов и любителей творчества композитора. Так, С.И. Шлифштейн пишет во вступительной статье: «...ни фундаментальная биография Модеста Чайковского, ни другие работы не смогли заменить собой скромной книжечки Кашкина, – так много ценного содержала она и в обрисовке личности композитора, и в свидетельствах, касаю-

щихся его музыкальных и художественных вкусов» [6. С. 3].

Цель работы – проанализировать функционирование слов, имеющих отношение к оппозиции *жизнь / смерть*, случаи их противопоставления, выявить наиболее характерные для данного автора смыслы, вкладываемые в эти понятия, сделать выводы о том, как авторские особенности осмысления влияют на способы употребления этих слов в произведении.

Слова, относящиеся к оппозиции *жизнь / смерть*, использованы в произведении в различных значениях. Большинство из них общеязыковые, однако имеются факты смещения смысловых акцентов, которые выражают особенности авторского восприятия этих базовых категорий в системе знаний человечества.

В данной работе мы будем рассматривать значения и противопоставления слов из тематических групп *жизнь / жить / живой* и *смерть / умереть / мертвый*, а также однокоренных и синонимичных им, и случаи имплицитных упоминаний об этих явлениях.

Для наиболее адекватного соответствия языку автора значений, используемых нами для анализа, мы будем обращаться к словарю Даля 3-го издания 1903 года [7. Т. 1].

В данном словаре отмечается четыре значения слова «жизнь»:

Значение № 1 – существование отдельной личности. Но в первом значении есть еще три градации этого состояния: «в обширном смысле жизнь обусловлена только питанием и усвоением пищи, и в этом значении она дана двум царствам природы, животному и растительному; в тесном смысле она требует произвольного движения и чувств, принадлежа одним животным; в высшем значении как бытие она относится к душе или к смерти плоти».

Значение № 2 – жизнь человека, век его, все продолжение земной жизни его, от рождения до смерти.

Значение № 3 – род и образ жизни его, быт, деяния, поступки, похождения.

Значение № 4, отмеченное как «стар.», – животы, нажитое, пожитки [Там же. С. 1346].

Конец XIX – начало XX в. – переломный период в истории России. В советское время были изданы нормативные толковые словари русского языка, в которых значения слов *жизнь* и *смерть* сформулированы иначе, чем в словаре Даля. Бесспорно, словарь В.И. Даля нельзя считать полным и точным отражением семантики слов своего времени, но на основании сравнения его со словарем под редакцией Д.Н. Ушакова можно предположить, что существовала тенденция к изменению семантики слов из группы *жизнь / жить / живой* в сторону увеличения количества значений. Уже в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова, выпущенном в 1935 г. [8], у слова «жизнь» выделено 13 значений, в том числе «самое дорогое для человека», «энергия, внутренняя бодрость, полнота духовных и нравственных сил». Устарел и уже не указан тот оттенок смысла, который у Даля отмечен как *жизнь* в высшем значении, – «относится к душе». Возможно, это связано с тем, что данный словарь является словарем советской эпохи. Тем не менее утрата актуальности этой смысловой составляющей реально произошла.

Значения слова «смерть», представленные в словаре Даля, следующие:

Значение № 1 – конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умирание, состояние отжившего. Смерть человека, конец плотской жизни. Воскресение, переход к вечной, духовной жизни. Смерть животного, конец бытия его или возвращение жизненных сил его в общий источник и разложение плоти. Смерть растения, то же, отделение от него растительной силы или поступление его во власть законов неживой природы.

Значение № 2 – смерть олицетворяется под видом человеческого остова, с косою и склянками, суеверные видят ее в разных образах, костяком в саване, костлявым стариком, старухой, оборотнем и пр.

Значение № 3 (нар) – очень, сильно, больно, крепко, ужасно, порато [7. Т. 4. С. 285].

В отличие от слова «жизнь», слово «смерть» проявляет другую тенденцию. Она состоит в том, что количество значений не увеличивается, но они по-другому формулируются. Это можно заключить, ознакомившись с соответствующей словарной статьей в словаре Ушакова 1935 г.:

Значение № 1. Прекращение жизни, гибель и распад организма.

|| перен. Гибель, прекращение, уничтожение (книжн.).

Значение № 2 в знач. нареч., только ед., со словом «как» или без него. Очень, в высшей степени, чрезвычайно (разг. фам.) [8].

Как можно заметить, появилось упоминание о переносном значении, но ничего не сказано об олицетворении.

Значения остальных слов, необходимых для описания интересующей нас оппозиции, мы будем приводить по ходу анализа сразу.

Проанализируем примеры, найденные нами, в которых видны особенности употребления автором слова «жизнь» в произведении.

Первое, что необходимо отметить, – наличие четко прослеживаемой связи между *временем–пространством* и *жизнью–смертью* в индивидуальной картине мира автора. Конечно, такая семантическая связь является общеязыковой, что отражено в значении № 2. Но особенность в том, что для Кашкина второе значение превалирует над первым. Это выражается в следующих языковых фактах.

1. Многие предложения, в которых встречаются слово *жизнь* и его производные, так или иначе относятся ко времени или к месту. Относящиеся ко времени:

А) *Очень хорошим временем в жизни П.И. Чайковского были те три недели, когда он писал музыку к «Снегурочке» Островского, появление которой было вызвано случайным обстоятельством.*

Б) *...тяжелый год в жизни композитора отнюдь не выразился ослаблением деятельности; скорее можно думать, что он именно в усиленной работе искал исцеления и находил его.*

Относящиеся к месту:

А) *Хотя жизнь в Москве в то время была много дешевле, нежели теперь, но и тогда 50 рублей в месяц были деньги небольшие...*

Б) Несмотря на всю его любовь к порядку в распределении занятий, условия городской жизни, товарищеские отношения и знакомства все-таки иногда, хотя и в редких случаях, нарушали ту педантичную правильность в работе, к которой он постоянно стремился; всего же более тяготили его, конечно, консерваторские классы, которым Петр Ильич должен был отдавать лучшие часы дня.

В) Тем кончилось московское житье Петра Ильича, и больше он уже не покушался обзаводиться квартирой в городе.

Предложение, объединяющее время и место:

Так окончился московский период жизни и деятельности моего дорогого друга и начался новый, в котором уже не приходилось видаться так часто, как прежде.

В примерах, относящихся ко времени, актуализируется второе значение слова *жизнь*. В предложениях, в которых жизнь связана с местом, актуально значение – род и образ жизни его, быт, деяния, поступки, похождения. Однако, в этом случае требуется уточнение – этот быт и поступки привязаны к определенному месту или местности.

Кроме того, есть даже указание на наличие определенных «типов» жизни, характерных для конкретного пространственно-временного континуума:

Островский в своих созданиях с рельефностью ваятеля запечатлел дореформенные типы московской жизни; тогда еще родные братья и сестры героев и героинь его комедий встречались везде, так что исполнителям можно было копировать живую натуру...

Иначе говоря, в обозначенных автором координатах времени (до реформы) и пространства (Москва) идет жизнь своеобразного, неповторимого типа.

Здесь же следует отметить, что глагол *жить* в произведении используется часто, 16 раз, если не считать других глаголов этого же корня (прожить – 3 раза), и в большинстве случаев обозначает именно отношение к месту, т.е. имеет значение пребывать где-либо, обитать, иметь жилище, пребывание.

А) На лето Петр Ильич уехал, если не ошибаюсь, на балтийское побережье и жил преимущественно в Гапсале...

Б) Петр Ильич жил в деревне почти безвыездно, по несколько месяцев не показываясь в Москву, и у него никто не бывал тоже по несколько месяцев.

В) Я теперь живу среди чудной природы, в Швейцарии, через неделю я уеду в еще более чудную страну – Италию...

Г) ...но в 1885 году он жил в селе Майданове (или «Майдине», как говорят местные крестьяне) близ Клина;

Д) Итак, весь год я проживу за границей и возвращусь домой 1 сентября будущего года.

Как можно заключить из примеров, при употреблении глагола *жить* в большинстве случаев обозначено именно место и время. То есть вопросы «где» и «когда» являются наиболее актуальными при обозначении «жизня».

2. При описании событий и явлений слова *жизнь* и *смерть* применяются в качестве рамок, обозначающих некоторый отрезок на направленной прямой времени:

А) Она живет до сих пор в одном из небольших городков южной Франции и хранит память о своем воспитатнике. Петр Ильич, расставшийся с ней в десятилетнем возрасте, если я не ошибаюсь, навещал ее за год или менее до своей смерти ...

Б) Петр Ильич уехал в то время, если не ошибаюсь, в киевскую губернию, в имение своей сестры, умершей года за полтора до его смерти.

В) П.И. всегда чувствовал к Г.А. Ларошу большую привязанность, несколько не ослабевающую в нем до конца жизни, поэтому переселение такого дорогого ему человека в Москву увеличило в его глазах ее притягательную силу, и он постепенно делался все более и более москвичом, каким и сошел в могилу.

Г) Начиная с этого времени и до конца жизни Петр Ильич нередко выступал в качестве капельмейстера в России и за границей.

Д) Это посещение относилось, вероятно, к осени 1891 года, и с тех пор при жизни Чайковского я уже не бывал в Клину и его окрестностях.

Эти выражения, в которых автор описывает жизнь Чайковского, говорят об остром осознании временных рамок, в которые заключено существование любого человека. *Смерть* и *конец жизни* выступают здесь в прямом значении как кончина, умирание. Это точки, ограничивающие временной отрезок. Но и жизнь – лишь точка на линии времени, на которой любое ограниченное существование равно бесконечно малой величине.

3. Понимание конечности существования человеческой личности выражается в смысловой избыточности. С самого начала произведения мы узнаем, что произошло трагическое событие – смерть великого композитора. Это делает ненужным дальнейшие уточнения о статусе Чайковского по отношению к жизни. Тем не менее встречаются выражения, еще раз говорящие о том же:

А) Нужно прибавить раскладывание пасьянса, которым покойный друг мой иногда занимался...

Б) Жизнь людей, подобных моему почившему другу, как я имею смелость называть его, представляет настолько выдающийся интерес, что даже мелкие подробности ее могут быть ценными, позволяя иногда яснее понимать и ценить совершенное ими в мире искусства.

В) ...но едва ли не половина клинских извозчиков меня знают, знают они все и дом, где жил мой умерший друг, и один из них меня доставил туда.

Такие же выражения автор употребляет и при упоминании о друзьях самого Чайковского:

Я был уверен, что *смерть* Н.Г. Рубинштейна не пройдет бесследно в творчестве Чайковского, и не ошибся. Весь 1881 год едва ли не был посвящен композиции в память усопшего друга, по крайней мере автограф трио для фортепиано, скрипки и виолончели, посвященного «памяти великого артиста», помещен Rota, Genova 1882 г., а я знаю, что трио это писалось очень долго.

Автор использует синонимический ряд: покойный, почивший, умерший, усопший. Значения этих слов в словаре Даля объясняются друг через друга: «Почивший – покойник, усопший. Покойный – покойник,

умерший». Так или иначе, это указание на то, что человек мертв.

Как мы можем предположить, возникновение такой смысловой избыточности связано с тем, что автор считает статус умерших людей настолько кардинально отличным от живых, что невозможно говорить о них так же, как о живых, не упоминая о нем.

Это подтверждает и следующее замечание автора:

*...человеческая натура так счастливо устроена, что людей, **выходящих из рядов живых**, скоро забывают, как бы ни поклонялись им перед тем.*

Здесь подчеркивается различное отношение к людям, которое, как можно понять, обусловлено именно их принадлежностью или не принадлежностью к «живым». С физической смертью для человека все бесповоротно кончено, и никакие творческие достижения не изменят этого факта. То есть для автора очень важна оппозиция *живой / мертвый*, что означает принадлежность / не принадлежность к континууму **жизни**.

То, что для автора крайне важны временные рамки жизни того или иного человека, подтверждают примеры, в которых автор обязательно указывает хотя на приблизительное время смерти людей, о которых упоминает:

А) *Недели за полторы профессор университета, **давно уже умерший** К.К. Герц, бывший инспектором научных классов в консерватории и читавший в ней лекции эстетики, принес торжественный марш...*

Б) *...пригласить <...> Г.Г. Кросса, **бывшего** потом профессором фортепиано в Петербургской консерватории и **скончавшегося** несколько лет назад.*

В) *В 1972 году **скончалась** великая русская княгиня Елена Павловна, основательница Русского музыкального общества и покровительница обеих консерваторий.*

Г) *В марте 1875 года за границей **умер** Ф. Лауб, которого Чайковский ставил выше всех ему известных скрипачей; кроме того они были в дружеских отношениях.*

Слова употреблены в прямых значениях: *умереть, умирать, умирывать, умерть* – помирать, мереть, кончать земную жизнь, расстаться с нею, скончаться, испустить дух, дыханье; *умерший* – см. умереть [7. С. 1010–1011]; *скончаться* – умереть, отдать Богу душу [Там же. С. 203].

4. Свидетельством связи между временем и жизнью также являются следующие выражения, общий смысл в которых – неотвратимость смерти и безвозвратность этого для любой, даже самой одаренной, личности:

А) *...отголоски их были последним артистическим напутствием его в иной мир... Телеграммы из Петербурга и Москвы, извещавшие об этих исполнениях, были получены Берлиозом **уже на смертном одре, вскоре затем он угас навеки.***

Б) ***Смерть** дорогого человека и артиста глубоко потрясла Петра Ильича, и он, между прочим, напечатал в «Московских ведомостях» письмо, где, на основании парижских толков, обвинил русских медиков в отправке за границу уже **обреченного на смерть** человека.*

В) *Репетиция шла очень гладко, все были довольны, только сам композитор имел вид **приговоренного к смерти**.*

В данном случае выражение «приговоренный к смерти» используется в переносном значении. Таким образом говорится о сильном переживании в связи с первым исполнением оперы.

Г) *Во время пребывания в Англии Петра Ильича **умер** один из наших общих друзей, К.К. Альбрехт; впрочем, это не было неожиданностью, потому что **неизбежность его близкой кончины** была известна уже за несколько месяцев раньше.*

Д) *Невольно пришла в голову мысль: чей-то будет ближайший черед **безвозвратного ухода**?*

Е) *...через две недели мы предполагали опять **свидетелься**, а возможность **вечной разлуки**, конечно, не приходила нам в голову.*

Ж) *Оказалось потом, что это была горькая ошибка – **неотразимая опасность** только наступала тогда, когда посылалась в Москву успокоительная телеграмма.*

Свойство необратимости, движения только в одну сторону – это физическое свойство времени (если не учитывать современные знания о возможности обратного движения времени при достижении скорости, превышающей скорость света), подчеркивающееся как свойство жизни. Возможность проведения аналогии между жизнью и временем отмечалась и ранее. Например, В.А. Маслова, описывая концепт «*время*», подчеркнула: «Философы утверждают, что время – другое название для жизни» [9. С. 74].

Для Кашкина личность Чайковского не равна его творчеству и самоценна в своих разнообразных проявлениях, даже совсем не относящихся к музыке, в отличие от позиции, представленной в других воспоминаниях о творческих людях [10]. Например, в произведении Я.Д. Минченкова «Воспоминание о передвижниках» (раздел «Воспоминания о Н.Н. Дубовском») часто в слове *жить* ядерной становится сема «влиять на умы других людей, быть частью актуальной деятельности в некоей области (в нашем случае – искусства)». Автор делает логический вывод – эти художники «ушли» из бытовой жизни, но живы в главном – живы в своих идеях, в искусстве.

Н.Д. Кашкин же остро осознает потерю друга, несмотря на оставшееся творческое наследие. Это выражено в том, что автор описывает известие о смерти Чайковского как неумолимый факт:

*...мы ничего определенного не знали, и только часов в 8 утра в понедельник, 25 октября, меня известил Д.А. Гринмут из «Московских ведомостей», что **моего дорогого друга не стало.***

Безличная конструкция «не стало» категорично указывает на отсутствие человека в противовес наличию, отсылает к общей базовой оппозиции *есть / нет*.

Творчество, даже сочинения, так и не изданные или не сохранившиеся в целом виде, отрывки которых разбросаны по другим произведениям, вполне можно восстановить, в отличие от умершего человека:

А) *Вероятно, наследники Чайковского могут, если пожелают, **восстановить едва не уничтоженное сочинение** и вряд ли оскорбят этим память покойного.*

Б) *Кантата эта сохранилась и, мне кажется, ее бы следовало напечатать, да и сам автор даже в последнее время своей жизни говорил, что совсем не считает эту кантату очень слабой работой и охотно увидел бы ее в печати.*

Из вступительной статьи к «Воспоминаниям» мы узнаем, что благодаря этой книге так и случилось: «Так, благодаря «Воспоминаниям» и тем указаниям, которые в них содержатся относительно оркестровых голосов уничтоженной Чайковским партитуры «Воеводы», удалось восстановить эту оперу и возродить ее к новой сценической жизни» [6. С. 3–4].

О том, что музыкальные произведения в системе смыслов книги могут иметь собственную жизнь, свидетельствует и следующее предложение:

Я не мог выжать из себя ни одной живой нотки – факт любопытный.

Это строчка из письма самого Чайковского, в котором он говорит о творческом кризисе. Тем не менее это часть произведения, и понятно, что значение прилагательного, актуализировавшееся здесь, – близкое к тому, которое в словаре Даля относится к языку, слогу писателя: «полный жизни, теплый, кипучий и естественный». Но в нашем случае требуется уточнение – «нотки, пригодной для произведения, задуманного автором – пьесы по случаю открытия памятника Белини». То есть Чайковский хотел написать произведение, которое было бы достаточно хорошо для того, чтобы иметь свою самостоятельную «жизнь» как часть музыкальных достижений человечества.

Итак, исходя из приведенных примеров, *жизнь* в произведении в основном фигурирует как пространственно-временной континуум, который ограничен, концом является *смерть* – *конец жизни*, а происходящие события можно обозначить на нем точками, длящиеся отношения или некую деятельность – отрезками.

5. Следующее свойство выявленного нами континуума жизни – его многогранность. Движение человека в этом континууме может происходить не только однонаправленно во времени и разнонаправленно в пространстве, но и по разным областям, являющимся, по сути, его гранями. Это можно видеть в следующих примерах:

А) *Петр Ильич питал в то время к А. Рубинштейну просто чувство обожания, и сказанное им решило его судьбу бесповоротно: служба и светская жизнь отошли совершенно в сторону, их сменило страстное увлечение занятиями музыкой.*

Б) *Между тем жизнь шла на широкую ногу, les plaisirs de la table [удовольствия стола] всегда играли значительную роль в жизни Зверева...*

В) *Со Зверевым его сближали преимущественно практические стороны жизни...*

Г) *Иногда он позволял себе вступать в полемику по поводу несимпатичных ему явлений в музыкальной жизни и на этом поприще потерпел поражение, потому что его противники перенесли все дело на почву личных нападок, уязвлений, недосказанных намеков.*

Д) *С этим переходом к жизни искусства, которому посвящена была вся жизнь, автор письма меняет тон и говорит совсем иным языком, языком страстного увлечения в симпатиях и антипатиях.*

Е) *Сколько мне кажется, вечеров тоскливого одиночества все-таки у Чайковского было немного, чаще же он по-прежнему мог жить в сочинении...*

В последнем примере значение слова «жить» требует уточнения. Из значений по словарю Даля ближе всего к данному контексту четвертое – «вести род жизни» [7. С. 1354]. Но больше соответствует данному употреблению значение из словаря под редакцией Ушакова: «...перен., кем-чем. Быть чем-н. поглощенным, видеть в чем-н. смысл жизни» [8].

Итак, континуум жизни имеет много различных сторон, каждая из которых в некоторой степени присутствует всегда, но может по-разному иметь отношение к определенному человеку. Человек может отойти от светской жизни, перейти к жизни искусства, но практические стороны жизни так же оказывают влияние на его существование, ведь так или иначе он вынужден заниматься обустройством своего быта.

Даже когда речь идет о видах деятельности – составляющих жизни, это понятие не теряет значения континуальности. Следующий пример демонстрирует существование непосредственной связи между сферой деятельности, временем и местом как атрибутами жизни в восприятии автора:

Со смертью Рубинштейна для Чайковского многое умерло в Москве, она во всяком случае перестала быть отчиной творчества Чайковского, и Петербург стал брать перевес в артистических симпатиях композитора.

Как видно из примера, смерть значимого человека и музыканта привела к перестановке ценностных приоритетов. Выражение «*многое умерло в Москве*» осмысливается как лишение пространства Москвы творческой составляющей. Соответственно в континууме жизни Чайковского музыкальная грань переместилась в Петербург.

В своих рассуждениях Кашкин вынужден заменять слово *жизнь* синонимом *существование*, так как иначе получилась бы тавтология, а также из-за того, что здесь автор разделяет два значения слова *жизнь*, второе и третье. То есть «земное существование» – время жизни, а «внутренняя жизнь» – то, что происходит в душе и в мыслях, т.е. во внутреннем мире человека. Действительно, существование в физическом смысле является в системе взглядов автора лишь условием возможности получать удовольствие от разных жизненных проявлений:

В дни молодости Чайковский боялся самой мысли о смерти, но с приближением старости страх этот исчез совершенно, хоть и оставалось во всей силе желание продлить по возможности земное существование, в котором наибольшую прелесть для него представляли его собственная внутренняя жизнь и наслаждение природой, любовь к которой доходила у него до обожания.

Особенность авторского осмысления жизни здесь состоит в том, что слово не имеет практически никакого коннотативного компонента в значении. В работе О.А. Ивановой по концепту *жизнь* в русском языке отмечается обратное: «Жизнь в целом в русской языковой картине мира концептуализируется как нечто

положительное» [11]. При этом исследователь считает характерным маркером неполноты жизни замещение слова «жизнь» другим словом: «В русской языковой картине мира идеальная жизнь должна обязательно обладать некой целью, а также должна быть обязательно полной, т.е. включать определенный набор социальных, духовных, физиологических действий, а также материальных благ. Если какого-либо параметра не хватает, и говорящий расценивает этот параметр как существенный, то не образуется идеальной целостности, полноты и становится невозможным употребление слова жизнь. В этом случае вместо слова жизнь используются слова-синонимы, сигнализирующие об отсутствии в жизни какой-либо существенной составляющей» [Там же]. В данном же случае жизнь не противопоставлена существованию. Существование, напротив, является тем, в чем заключена жизнь, и это не маркируется никакой коннотацией. Жизнь содержит нечто положительное, благодаря чему ее хочется продлить, однако сама по себе она коннотативно не оценивается.

В произведении есть высказывания, в которых лексема *жизнь* противопоставлена другим словам в различных контекстах:

А) «Манфред мне **стоит** *целого года жизни*», — **именно «жизни», а не работы**, потому что композитору, кажется, приходилось до известной степени насилловать себя.

Б) Одним словом, его занимали думы и планы **относительно жизни, а не смерти**; о **смерти** мы уже несколько лет говорили, как о **приближающейся неизбежной развязке нашего существования**, и в последние дни несколько не больше, нежели ранее.

В первом примере слова *жизнь—работа* противопоставлены по семантическому множителю *степень влияния на человека*, так что *работа*, а именно написание симфонии «Манфред», приравнивается к *жизни*. Значение, которое актуализируется в данном случае, содержит в себе компоненты как значения № 2, так и значения № 3. Речь идет о потерянном годе жизни. Но на самом деле Чайковский прожил этот год, только не так, как остальные, т.е. не мог вести обычный для себя образ жизни, занимаясь симфонией.

Во втором примере общеязыковое противопоставление *жизнь—смерть* приведено в значениях *жизнь—деятельность человека*, соответственно, *смерть—конец земной жизни*. Однако в значении слова *смерть* на первый план выходит сема «невозможность никакой деятельности», так как именно планы, продолжение работы есть то, на чем акцентирует внимание автор.

В словаре антонимов русского языка Л.А. Введенской пара *жизнь / смерть* взята как один из примеров типичных антонимов: «Регулярное противопоставление антонимов друг другу приводит к тому, что, взятые вне контекста, они вызывают в нашем сознании представление противоположности. Так, для ряда слов, имеющих антонимы, например: *высокий, тонкий, радость, жизнь*, — любой человек, владеющий русским языком, легко назовет соответствующие антонимы: *низкий, толстый, горе, смерть*» [12. С. 6]. Особенность языковой картины мира автора можно увидеть в том, что слова *жизнь/смерть* в системе

смыслов Кашкина не являются явными антонимами, и данное противопоставление лишь подтверждает это утверждение. В последнем примере, бесспорно, эти слова противопоставлены. Но противопоставляться могут не только антонимы (так, Кашкин противопоставляет лексемы *жизнь* и *работа*, которые не являются языковыми антонимами). Автор использует противопоставление *смерть / жизнь* для того, чтобы опровергнуть безосновательные домыслы людей о том, что Чайковский во время работы над шестой симфонией думал о смерти и писал «*последний завет живущим*» [6. С. 184].

Отметим, что автор на протяжении всего произведения придерживается реалистичного описания, избегая туманных намеков или отсылок к мистике даже в виде сравнений или метафор. И только в конце, когда он после смерти Чайковского оказывается в доме, в котором жил композитор, и обстановка заботливо сохранена слугой в неизменном виде, Кашкин позволяет себе отклониться от этого правила:

Я рано улегся спать, встал также довольно рано и провел еще несколько часов, окруженный предметами, живо напоминавшими невозвратное прошлое. Все в комнатах оставалось в том порядке, как было при покойном; шкафы с книгами, нотами, портреты на стенах, всякие мелкие вещи на письменном столе, не исключая и карт для пасьянса, все было на своих местах, недоставало только хозяина, но казалось, что он просто ушел на прогулку и вот-вот вернется.

Я испытал тихое, сладкое чувство удовольствия, точно кроткий дух моего друга витал около меня.

По этому примеру можно заключить, что автор описывает попадание в континуум *жизни* Чайковского. По крайней мере, *пространство* настолько неизменно, что притягивает за собой *время* — «*невозвратное прошлое*». И только при этих условиях появляется намек на некое возвращение героя, пусть и в виде смутного чувства присутствия.

Следовательно, значение слова *жизнь* в произведении Кашкина «Воспоминания о П.И. Чайковском» представлено как пространственно-временной континуум, имеющий конец — смерть человека. Данный континуум многогранен, в нем происходят все события, различные его стороны могут быть в большей или меньшей степени важны для человеческой личности в разные отрезки времени. Лексема *жизнь* в авторской картине мира является коннотативно нейтральной. Для автора оппозиция *жизнь / смерть* в основном выражена семантикой слов *живой / умерший (покойный, почивший, усопший)*, а антонимы *жизнь / смерть* в авторской языковой картине мира почти не могут быть противопоставлены, так как *жизнь* несопоставимо важнее *смерти* по значимости, являясь единственным, что дает человеку возможность действовать, т.е. обогащать свой внутренний мир, творить и получать удовольствие от общения с природой. Указанная особенность является важнейшей чертой идиостиля Н.Д. Кашкина, отражающего его языковую картину мира.

Перспективой исследования в этой области является анализ других воспоминаний о знаменитых твор-

ческих людях, написанных их знакомыми, представителями той же области творчества. Можно также проследить изменения значения оппозиции во времени,

анализируя воспоминания, написанные до и после указанного периода, и сравнить значения оппозиции *жизнь / смерть* с уже имеющимися результатами.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Николай Дмитриевич Кашкин (27 ноября (9 декабря) 1839, Воронеж – 15 марта 1920, Казань) – русский музыкальный критик, педагог, писатель. Профессор Московской консерватории по классам обязательной теории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В.И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
3. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке : язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М. : Наука, 1988. С. 8–69.
4. Талапина М.Б. Ахроматическая семантическая оппозиция как фактор формирования картины мира // В мире научных открытий. 2011. № 11.6. С. 1675–1684. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17345612> (дата обращения: 15.11.2017).
5. Талицкая А.А. Языковая репрезентация концепта «смерть» в произведениях Н. Заболоцкого 1929–1937 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 158–161.
6. Кашкин Н.Д. Воспоминания о П.И. Чайковском. М. : Государственное музыкальное издательство, 1954. 226 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. СПб. : Типография поставщиков Двора Его Императорского Величества товарищества М.О. Вольф, 1903.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова : в 4 т. М. : Сов. энциклопедия : ОГИЗ, 1935–1940. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 15.11.2017).
9. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие. Минск : ТетраСистемс, 2004. 256 с.
10. Путилина Т.Г. Оппозиция живое / мертвое в произведении «Воспоминания о передвижниках» // Молодая филология : сб. статей молодых ученых / под ред. Т.И. Стекловой. Новосибирск : Изд. НГПУ, 2017. С. 117–126.
11. Иванова О.А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 24 с. URL: cheloveknauka.com/kontsept-zhizni-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira (дата обращения: 15.11.2017).
12. Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка (предисловие). М. : Астрель : АСТ, 2008. С. 3–32.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 16 декабря 2017 г.

THE OPPOSITION “LIFE/DEATH” IN *MEMORIES OF P.I. TCHAIKOVSKY* BY N.D. KASHKIN

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 25–32.

DOI: 10.17223/15617793/430/3

Tatiana G. Putilina, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: push.lock2012@gmail.com

Keywords: opposition; lexical meaning; antonymy; synonymy; life/death; language picture of world; genre of memoirs.

The article deals with the problem of the study of the author's language worldview on the material of the opposition *life/death* usage in the text of memoirs. The aim of this work was to analyse the functioning of the words related to the opposition *life/death*, cases of the opposition, as well as to reveal the meanings, most typical for the author, and to come to conclusions on how the author's features of comprehension influence the use of these words in the work. N.D. Kashkin's *Memories of P. I. Tchaikovsky*, written just after the death of the composer and published in 1894, was used as the material for this study. To analyse the meanings in a tight correspondence with the author's language the third edition of V.I. Dahl's dictionary (1903) was used. The research is made with the methods of component and contextual analysis. Relevant meanings of the words *life*, *death* from the material are compared with their dictionary meanings, the most frequent variants and relevant senses of meanings are investigated in the article. The analysis found the following language facts: 1. Many sentences show the word *life* and its derivatives in the expressions designating time or place (*year of life*, *life period*, *life in Moscow*, *in St. Petersburg*). 2. The words *life* and *death* are used as reference points to describe events and phenomena on the directed timeline. 3. The semantic excess expresses the author's understanding of the human existence limit. The author cannot speak about the dead in the same way as about the alive. Synonyms *pokoyny*, *pochivshyy*, *umershiy*, *usopshiy* are used to focus on the fact that the person is dead. The above mentioned synonyms are semantically excessive. 4. The expressions meaning the inevitability of death and the irrevocability of it for any, even the most gifted, person underline the connection between time and life. 5. The continuum of life is many-sided. The movement of the person in this continuum can happen not only in one direction in time and in different directions in space, but also in different areas. The word *life* in Kashkin's *Memories of P. I. Tchaikovsky* means the existential continuum having one end – the death of the person. All events occur in this continuum, its various parts can be important to a greater or lesser extent for the person in different intervals of time. The lexeme *life* in the author's picture of the world is connotatively neutral. For Kashkin, the opposition *life/death* is generally expressed by the semantics of the words *alive/dead*, the antonyms *life/death* almost cannot be opposed as life is incomparably more important than death. This peculiarity is the essential feature of the idiosyncrasy of Kashkin, reflecting his language picture of the world.

REFERENCES

1. Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.
2. Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. 7th ed. Moscow: Izd-vo LKI.
3. Postovalova, V.I. (1988) *Kartina mira v zhiznedeatel'nosti cheloveka* [The picture of the world in human life]. In: *Serebrennikov, B.A. et al. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: language and picture of the world]. Moscow: Nauka.
4. Talapina, M.B. (2011) Achromatic semantic opposition as a factor of forming picture of the world. *V mire nauchnykh otkrytiy – In the World of Scientific Discoveries*. 11.6. pp. 1675–1684. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17345612>. (Accessed: 15.11.2017). (In Russian).

5. Talitskaya, A.A. (2010) Language Representation of the Concept “Death” in N. Zabolotsky’s Works in 1929–1937. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 3. pp. 158–161. (In Russian).
6. Kashkin, N.D. (1954) *Vospominaniya o P.I. Chaykovskom* [Memories of P.I. Tchaikovsky]. Moscow: Gosudarstvennoe muzykal’noe izdatel’stvo.
7. Dahl, V.I. (1903) *Tolkovyy slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka Vladimira Dal’ya: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language by Vladimir Dal: in 4 vols]. St. Petersburg: Tipografiya postavshchikov Dvora Ego Imperatorskago Velichestva tovarishchestva M.O. Vol’f.
8. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Moscow: Sov. entsikLeningrad: OGIZ, [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>. (Accessed: 15.11.2017).
9. Maslova, V.A. (2004) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Minsk: TetraSistems.
10. Putilina, T.G. (2017) Oppozitsiya zhivoe / mertvoe v proizvedenii “Vospominaniya o peredvizhnikakh” [The opposition “alive/dead” in the work “Memories of the Wanderers”]. In: Steksova, T.I. (ed.) *Molodaya filologiya* [Young Philology]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, pp. 117–126.
11. Ivanova, O.A. (2005) *Kontsept “zhizn” v russkoy yazykovoy kartine mira* [The concept “life” in the Russian language picture of the world]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg. [Online] Available from: cheloveknauka.com/kontsept-zhizn-v-russkoy-yazykovoy-kartine-mira. (Accessed: 15.11.2017).
12. Vvedenskaya, L.A. (2008) *Slovar’ antonimov russkogo yazyka (predislovie)* [Dictionary of antonyms of the Russian language (foreword)]. Moscow: Astrel’: AST. pp. 3–32.

Received: 16 December 2017

И.В. Сергодеев, Н.С. Олизко

ТЕКСТ, ГИПЕРТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. МОРРИСОНА

Рассматривается понятие «точка неустойчивости» поэтического текста, выступающего открытой и подвижной лингвосинергетической системой. Незамкнутость поэтического текста обеспечивает обмен информацией с другими текстами посредством различных видов интертекстуальных отношений. Выделение внешнего и внутреннего текстового пространства, разграничение интекстуальных и гипертекстуальных отношений позволяют разработать эффективный алгоритм выделения точек неустойчивости поэтического текста.

Ключевые слова: точка неустойчивости; наблюдаемость; незамкнутость; статичность; динамичность; интертекстуальность; поэтический текст; лингвосинергетика.

Синергетика как наука дает возможность построить концептуально-многомерную модель сложного объекта, отражающую, с одной стороны, его специфические черты, с другой – общие закономерности, характерные для всех сложных систем. Объектом лингвосинергетики выступает текст как синергетическая система (Н.Ф. Алефиренко, В.И. Аршинов, В.Н. Базылев, В.Г. Борботько, И.А. Герман, Г.Г. Москальчук, Н.Л. Мышкина, В.А. Пищальникова и др.), а также понятие фрактальности текста (Н.Н. Белозерова, В.А. Копчик, В.В. Тарасенко и др.). Задачей лингвосинергетики является создание интегральной концепции языка, которая позволит обнаружить общие свойства у функционирующих в единстве систем. В рамках лингвосинергетического подхода поэтический текст может быть представлен в качестве наблюдаемой незамкнутой языковой системы, имеющей иерархическую структуру и пребывающей в статическом и динамическом состоянии. Свойство наблюдаемости поэтического текста как синергетической системы позволяет судить о процессах, происходящих внутри нее. Свойство незамкнутости поэтического текста предполагает взаимодействие системы со своим окружением. «Каждый иерархический уровень развивается, усложняется при обмене веществом, энергией, информацией с другими уровнями. При переходе от одного положения гомеостаза к другому в области сильной нелинейности система становится обязательно открытой (незамкнутой) в точках неустойчивости. Несмотря на первоначально замкнутую модель, в точках неустойчивости система расширяется до открытой (незамкнутой)» [1. С. 164]. В какой-то степени признак незамкнутости коррелирует с понятием диалогичности М.М. Бахтина. Соответственно, под незамкнутостью поэтического текста мы будем понимать его способность обмениваться информацией с другими текстами посредством интертекстуальных связей. Подобного рода отношения порождают многозначность поэтического текста посредством таких элементов данной системы, как точки неустойчивости.

Для определения понятия «точка неустойчивости» необходимо представить поэтический текст цепью событий – линией (прямой или кривой), на которой последовательно зафиксированы текстовые события, обеспечивающие траекторию движения текста. В рамках интертекстуального подхода точка неустойчивости может быть представлена как текстовая еди-

ница (слово, словосочетание, предложение), допускающая множество контекстологических значений благодаря интертекстуальным связям с подобными ей единицами в рамках одного и того же произведения или в рамках разных произведений внешнего и внутреннего текстовых пространств.

При этом точки неустойчивости выступают начальными условиями текста. Когда в ходе анализа точка неустойчивости приобретает несвойственный ей до этого смысл, начальные условия текста меняются, а значит, меняется его семантика. В этом случае будет существовать столько вариантов перемены траектории движения поэтического текста, сколько смыслов могут принять точки неустойчивости данного текста в совокупности.

Остановимся на понятии траектории поэтического текста. Представим, что на некотором рисунке изображены все возможные значения двух или более точек неустойчивости текстового фрагмента так, что в одной группе находятся все смыслы первой точки неустойчивости, в другой группе – все смыслы второй точки неустойчивости. Соответственно, под траекторией текста понимается линия, соединяющая между собой по одному смыслу, произвольно выбранному из каждой группы.

Следует отметить, что поэтический текст находится одновременно в статическом и динамическом состоянии. Это означает, что текст как статическая система является неизменным, но, в то же время, его динамичность свидетельствует о существовании множества смыслов точек неустойчивости данного текста, т.е. множества вариантов развития траектории данного текста. Следовательно, варианты траектории поэтического текста существуют одновременно в рамках одного и того же поэтического текста.

Как уже было отмечено выше, система называется наблюдаемой, если по выходу системы представляется возможным судить о процессах, происходящих внутри нее. Под выходом системы понимается совокупность воздействий внешней среды на систему и воздействий системы на среду. Мы считаем поэтический текст наблюдаемой лингвосинергетической системой, поскольку представляется возможным установить ряд процессов, которые происходят внутри нее: мы можем определить местонахождение точек неустойчивости цепи событий поэтического текста, а

также механизмы перемены их смыслов; мы можем установить особенности интертекстуальных связей, которые позволяют точке неустойчивости текста вступать в диалог с точками неустойчивости других текстов; мы можем описать взаимовлияние поэтического текста и внешнего / внутреннего текстовых пространств.

Разработанная нами модель лингвосинергетического анализа точек неустойчивости (представлена ниже) функционирует посредством интертекстуальных связей.

С точки зрения функциональной дифференциации И.П. Смирнов выделяет реконструктивный и конструктивный типы интертекстуальности. «В процессе реконструктивной интертекстуальной работы писатель регистрирует общность двух (или более) источников в плане выражения, постигая на этой основе их смысловую связность. Конструктивная интертекстуальность, напротив, предусматривает, что автор, установив сходство (внешне не сходных) источников в плане содержания, будет стремиться далее к тому, чтобы связать их означающие элементы внутри собственного произведения» [2. С. 20]. Возможно также выделение в особый тип смешанной – реконструктивно-конструктивной – интертекстуальной ситуации, возникающей тогда, «когда писатель, используя какой-либо источник, прослеживает независимые друг от друга филиации этого прототекста в позднейшей литературе» [Там же]. Наряду с дифференциацией реконструктивной и конструктивной интертекстуальности И.П. Смирнов различает интертекстуальность диахроническую и синхроническую. Последняя подразумевает не физическое, но культурное время, в котором предшествующие и последующие тексты могут выражать установку одной и той же эпохи. При этом всякий диахронический тип интертекстуальности находит воплощение как в парадигматическом, так и в синтагматическом подтипах. «Парадигматическая интертекстуальность предполагает, что текст конструируется как результат отбора, предпринятого автором на некотором множестве источников» [Там же. С. 99]. Синтагматически ориентированный текст манифестирует не результат, но процесс перехода от источника к источнику. «Читателю указывается не столько на то, что он должен помнить в области источников, как в случае парадигматической интертекстуальности, сколько на то, в каком порядке ему надлежит их запомнить» [Там же].

П.Х. Тороп предлагает считать любой акт соотношения текстовых элементов метакоммуникацией, так как для интерпретации языкового выражения, связывающего данный текст (часть текста) с другим текстом (частью текста), необходимо выявить его функцию в данном тексте и фиксировать актуальную связь с исходным текстом, т.е. определить его толкование при помощи исходного текста. «Текст, представленный какой-либо своей частью в другом тексте, становится тем самым описываемым текстом, метатекстом» [3. С. 39]. Далее Тороп вводит понятие интекста – «семантически насыщенной части текста, смысл и функция которой определяются, по крайней мере, двойным описанием» [Там же]. При классификации

интекстов ученый принимает во внимание способ примыкания метатекста к прототексту (утвердительный или полемический), уровень примыкания (явный или скрытый), а также фрагментарность или целостность примыкающего текста.

Соответственно, под интертекстуальностью может пониматься сложная многомерная связь частей текста между собой, данного текста с текстами внутреннего текстового пространства творчества отдельного автора, данного текста с текстами внешнего текстового пространства творчества отдельного автора. К внутреннему текстовому пространству автора мы относим все тексты данного автора, к внешнему – все остальные тексты семиосферы. Взаимодействие этих двух пространств, а также текстов внешнего пространства происходит через интекстуальный тип связи. Взаимодействие текстов внутреннего пространства происходит через гипертекстуальный тип связи. Типы интертекстуальных отношений классифицируются согласно следующей схеме: «Гипертекстуальность – отношения между текстами – произведениями отдельного автора, объединенными общим эстетико-философским содержанием и особенностями лингвистического построения; паратекстуальность – отношение текста к своему заглавию, подзаголовку, предисловию, послесловию, эпиграфу и примечаниям; архитекстуальность реализуется посредством установления в отдельном тексте множества характеристик, типично ассоциируемых с тем или иным прецедентным жанром; интекстуальность – текстовые включения, вносящие в данный текст информацию о различных прецедентных феноменах и отражающие цитатность постмодернистского мышления – насыщенность произведений постмодернизма различного рода реминисценциями» [4. С. 106–107]. В рамках данной работы мы относим к гипертекстуальности связи между произведениями отдельного автора, отношение текста к своему заглавию, подзаголовку, эпиграфу и примечаниям, а также авторский комментарий на особенности построения собственного текста. К интекстуальности мы относим всякий текст семиосферы, находящийся вне рамок творчества данного автора, вступающий в диалог с его произведениями посредством разного рода реминисценций.

Опираясь на вышеизложенный материал, мы предлагаем следующий механизм выделения точек неустойчивости:

1. Выделить единицу поэтического текста (слово, словосочетание, предложение), которая является интертекстуальной ссылкой.

- 1.1. Установить, с какими именно текстами связана данная единица.

- 1.2. Выделить подобную единицу в каждом из найденных текстов.

2. Дать характеристику интертекстуальных отношений между рассматриваемой единицей поэтического текста и подобными ей единицами других текстов.

Для этого:

- 2.1. Выявить тип текстового пространства (внутреннее или внешнее), к которому относятся единицы текстов, взаимодействующие с рассматриваемой единицей поэтического текста.

2.2. Определить тип интертекстуальной связи (интертекстуальность, гипертекстуальность) и средство реализации этой связи (аллюзия, аллюзивный факт, цитирование, упоминание; самоаллюзия, самоцитирование).

3. Определить смыслы каждой из указанных единиц текстов.

3.1. Установить, будет ли меняться семантика исходного фрагмента поэтического текста в случае последовательного замещения смысла его единицы аналогичным смыслом каждой полученной единицы других текстов.

Если все предложенные выше действия выполнены успешно, то рассматриваемую единицу поэтического текста можно считать точкой неустойчивости, а найденные единицы других текстов – подобными ей точками.

Приведем пример выделения точек неустойчивости “city”, “dogs” и “doors of passage to the other side” в поэме американского певца и поэта Дж. Моррисона “The Lords: Notes on Vision” (1969). По структуре данная поэма представляет собой монолог оратора, или проповедника, частично перетекающий в автоинтервью. Автор описывает несколько фактов из развития кино и приводит свои философские комментарии.

Анализ текстовой единицы “city”.

1. Рассмотрим текстовый фрагмент поэмы Дж. Моррисона “The Lords: Notes on Vision” и выделим единицу поэтического текста, являющуюся интертекстуальной ссылкой и выраженную существительным “city”.

Look where we worship.

We all live in the city [5. С. 12].

Посмотри, где мы поклоняемся.

Мы все живём в городе [Там же. С. 13].

1.1. Существительное “City” является интертекстуальной ссылкой на поэму “Celebration of the Lizard” (1968), другой фрагмент рассматриваемой нами поэмы “The Lords” и текстовый фрагмент поэмы “The New Creatures” (1969).

1.2. Выделим подобную текстовую единицу в каждом отрывке упомянутых произведений.

Celebration of the Lizard. В рукописном блокноте поэта за первой строчкой “Look where we worship” поэмы “The Lords” следовала еще одна, содержащая текстовую единицу, выраженную существительным “town”, которую Дж. Моррисон вычеркнул из конечного варианта, однако добавил ее в поэму “Celebration of the Lizard” (1968) [Там же. С. 469].

And the rain falls gently on the town [Там же. С. 286].

А дождь нежно струится на город [Там же. С. 287].

The Lords. В отрывке данной поэмы мы выделяем текстовую единицу, выраженную существительным “city”:

The city forms – often physically, but inevitably psychically – a circle. A Game. A ring of death with sex at its center [Там же. С. 12].

Город образует – порой физически, но неизбежно психологически – круг. Это игра. Кольцо смерти, в центре которого секс [Там же. С. 13].

The New Creatures. В рамках данной поэмы мы находим текстовый фрагмент, содержащий подобные текстовые единицы, выраженные существительным “city”:

The City. Hive, Web, or severed insect mound. All citizens heirs of the same royal parent.

The caged beast, the holy center, a garden in the midst of the city <...>

<...> A city gone mad w/fever <...>

<...> Cancer city <...>

<...> The city sleeps [5. С. 50–60].

Город. Улей. Паутина, или разобитый муравейник. Все граждане произошли от одного царственного предка.

Зверь в клетке, центр святости,

Сад посередине города <...>

<...> Город сошел с ума от лихорадки <...>

<...> Город рака <...>

<...> Город спит [Там же. С. 51–61].

2. Дадим характеристику интертекстуальных отношений выделенных текстовых единиц.

2.1. Тип текстового пространства – внутреннее текстовое пространство, так как все найденные текстовые единицы представлены в рамках произведений Дж. Моррисона.

2.2. Тип интертекстуальной связи – гипертекстуальная, выраженная посредством самоаллюзии (упоминания) во всех случаях.

3. Определим смыслы каждой из указанных текстовых единиц.

The Lords (1-й отрывок). Текстовая единица “city” имеет один смысл – город, населенный пункт.

Celebration of the Lizard. Смысл текстовой единицы “town” совпадает с описанным выше смыслом.

The Lords (2-й отрывок). Метонимия “The city forms a circle” показывает, что смысл текстовой единицы “city” – философская категория, обозначающая «порочный круг».

The New Creatures. Метонимия “A city gone mad w/fever” и метафора “Cancer City” подчеркивают, насколько бедственно положение жителей города. Они заражены страшной болезнью, однако сами не знают об этом. Метонимия “The city sleeps” подчеркивает неведение горожан. Следующий текстовый фрагмент поэмы “The New Creatures” показывает, что смысл текстовой единицы “city” является аллегорией духовного разложения людей, а не их физических страданий.

So many wild pigeons.

Animals ripe w/new diseases.

“There is only one disease

and I am its catalyst”.

cried doomed pride of the carrier [5. С. 50].

Так много диких голубей.

Животные страдают от новых болезней.

«Существует только одна болезнь,

и я её причина», –

воскликнула обреченная гордыня переносчика [Там же. С. 51].

Олицетворение “...and I am its catalyst, cried doomed pride of the carrier” четко обозначает причину бедствия «города». Его жители ослеплены грехом гордыни.

3.1. Логика и структура начального отрывка “The Lords” позволяет текстовой единице “city” принять

каждое из описанных смыслов подобных ей текстовых единиц. При этом сохраняется связность рассматриваемого текстового отрывка. Таким образом, семантика рассматриваемого отрывка может меняться в зависимости от значения, которое принимает текстовая единица “city”.

На основе проведенного анализа мы можем считать текстовую единицу “city” точкой неустойчивости.

Анализ текстовой единицы “dogs”.

1. Рассмотрим другой текстовый фрагмент поэмы Дж. Моррисона “The Lords Notes on Vision” и выделим единицу поэтического текста, являющуюся интертекстуальной ссылкой и выраженную существительным “dogs”.

These disturbing connections:

an infant’s cry and the stroke of silk; the whorl
of an ear and an appearance of dogs in the yard [5. С. 36]

Эти волнующие связи:

*плача младенца и прикосновения шелка; завитка
ушной раковины и появления собак во дворе [Там же. С. 37].*

1.1. Существительное “dogs” является интертекстуальной ссылкой на текстовые фрагменты двух поэм Дж. Моррисона: “The New Creatures” (1969) и “The Soft Parade” (1969).

1.2. Выделим подобную текстовую единицу в каждом отрывке упомянутых произведений.

The New Creatures (1-й отрывок). В рамках данного текстового фрагмента мы встречаем текстовую единицу, выраженную существительным “dogs”.

They seem to speak
to their friends

the dogs

who teach them trails

<...> Who can make them come inside? [5. С. 60]

Похоже, они разговаривают

со своими друзьями

псами,

которые учат их разбираться в следах

*<...> Кто сможет их заставить войти
внутрь? [5. С. 61]*

The New Creatures (2-й отрывок). Здесь мы видим подобную текстовую единицу – существительное “dogs”.

Jackal, we sniff after the survivors of caravans.

We reap bloody crops on war fields.

No meat of any corpse deprives our lean bellies.

Hunger drives us on scented winds.

Stranger, traveler,

peer into our eyes & translate

the horrible barking of ancient dogs [Там же. С. 56].

Шакалы, мы чуем, кто из каравана уцелел.

Мы – жнецы кровавой жатвы на полях сражений.

Мясо всех трупов попадает в наши тощие желудки.

Голод ведет нас вслед запахам.

Чужеземец, путешественник,

посмотри в наши глаза и переведи

ужасный лай древних псов [Там же. С. 57]

The Soft Parade. Выделим ещё одну подобную текстовую единицу – существительное “dogs”.

We need someone or something new

Something else to get us thru

Calling the dogs (3)

Calling in the dogs

Calling all the dogs

Calling on the gods [Там же. С. 296]

Нам нужен кто-то или что-то новое,

Что-то ещё, чтобы прорваться,

Призывая псов (3),

Приглашая псов,

Вызывая всех псов,

Призывая богов [Там же. С. 297]

2. Дадим характеристику интертекстуальных отношений выделенных текстовых единиц.

2.1. Тип текстового пространства – внутреннее текстовое пространство, так как все найденные текстовые единицы представлены в рамках произведений Дж. Моррисона.

2.2. Тип интертекстуальной связи – гипертекстуальная, выраженная посредством самоаллюзии (упоминания) во всех случаях.

3. Определим смысл каждой из указанных текстовых единиц.

The Lords. Смысл текстовой единицы “dogs” – псы, животные.

The New Creatures (1-й отрывок). Стилистический прием метаморфозы приводит к изменению смысла текстовой единицы “dogs”. Автор наделяет псов способностью обучать детей искусству охоты, чтобы никто не смог заставить детей войти внутрь (вероятно, имеется в виду центр города). Другими словами, псы являются здесь положительными персонажами, оберегающими детей от города (значения точки неустойчивости “city” рассмотрены выше).

The New Creatures (2-й отрывок). Из данного примера видно, что шакалы, они же псы (семейство псовых), являются здесь отрицательными персонажами. Сравнение шакалов с жнецами на полях сражений (“We reap bloody crops on war fields”), эпитеты “horrible” и “ancient” показывают, что шакалы – древние создания, которые всегда испытывают голод и убивают выживших в бою воинов или одиноких путешественников. Текстовая единица “dogs” принимает следующие значение: псы – убийцы одиноких воинов и путешественников.

The Soft Parade. Анаграмма “calling all the dogs/Calling on the gods” показывает, что псы сравниваются автором с богами, обладают некой сверхъестественной силой, которая поможет «нам прорваться». Пес из данного примера является аллюзией, отсылающей к египетскому Анубису, древнему боже-ству с головой шакала и телом человека, проводнику умерших в загробный мир. Таким образом, смысл текстовой единицы “dogs” – боги, проводники умерших в загробный мир.

3.1. Анализ показывает, что текстовая единица “dogs” способна принять каждое из описанных смыслов. Таким образом, семантика рассматриваемого отрывка может меняться в зависимости от значения, которое принимает текстовая единица “dogs”.

На основе проведенного анализа мы можем считать текстовую единицу “dogs” точкой неустойчивости.

Анализ текстовой единицы “doors of passage to the other side”.

1. Рассмотрим текстовую единицу поэмы Дж. Моррисона “The Lords Notes on Vision”, выраженную фразой “doors of passage to the other side”.

Doors of passage to the other side,

The soul frees itself in stride [5. С. 38]

Дверь ведёт на другую сторону.

Шаг – и душа освобождается [Там же. С. 39]

1.1. Текстовая единица “doors of passage to the other side” является интертекстуальной ссылкой на поэму Уильяма Блейка “The Marriage of Heaven and Hell” («Бракосочетание Рая и Ада», 1790–1793), стихотворения Дж. Моррисона “Break on through” (1967), “Little game” (1968) и поэму “The Soft Parade (1969)”.

1.2. Выделим подобную текстовую единицу в каждом отрывке упомянутых произведений.

The Marriage of Heaven and Hell. Данный текстовый фрагмент содержит текстовую единицу, выраженную именным словосочетанием “doors of perception”.

If the doors of perception were cleansed every thing would appear to man as it is, infinite [6]

Если бы двери восприятия были чисты, всё представало бы человеку таким, как оно есть – бесконечным [Ibid]

Break on through. В рамках данного стихотворения находится текстовая единица, выраженная фразовым глаголом и именным словосочетанием “break on through to the other side”.

Break on through to the other side [Ibid]

Прорвись на другую сторону [Ibid]

Little game. Здесь мы видим текстовую единицу, выраженную фразовым глаголом “break through”

Release control, we’re breaking Thru [5. С. 285].

Ослабь контроль, и мы прорвёмся [Там же. С. 286].

The Soft Parade. Текстовая единица “get through”.

We need someone or something new

Something else to get us thru [Там же. С. 296]

Нам нужен кто-то или что-то новое,

Что-то еще, чтобы прорваться [Там же. С. 297].

2. Дадим характеристику интертекстуальных отношений выделенных текстовых единиц.

2.1. Тип текстового пространства – внешнее текстовое пространство (поэма Уильяма Блейка “The Marriage of Heaven and Hell”); внутреннее текстовое пространство (“Break on through”, “Little Game”, “The Soft Parade”).

2.2. Тип интертекстуальной связи – интекстуальная, выраженная посредством аллюзивных реалий (поэма Уильяма Блейка “The Marriage of Heaven and Hell”); гипертекстуальная, выраженная посредством самоцитации (“Break on through”, “Little Game”, “The Soft Parade”).

3. Определим смысл каждой из указанных текстовых единиц.

The Lords. В данном случае смысл текстовой единицы “doors of passage to the other side” прямое – двери, ведущие на другую сторону.

The Marriage of Heaven and Hell. Метафора “Doors of perception” показывает, что образ «двери» связан с изменением восприятия мира, освобождением сознания, просветлением. Двери ведут «на ту сторону»,

разделяют реальный мир и духовный, хотя в контексте стихов У. Блейка духовный мир больше похож на мир чистого воображения. Смысл текстовой единицы “doors of perception” – буквальное (двери восприятия).

Базовые смыслы указанных текстовых единиц стихотворений “Break on through”, “Little game” являются идентичными, так как получены посредством самоцитации из фрагментов, имеющих одинаковый контекст. Дж. Моррисон часто ассоциирует образ прорыва «на другую сторону» с образом смерти, в результате чего человек переходит из физического мира в мир духовный. В рассмотренных нами аллюзивных рядах внутреннего текстового пространства творчества Дж. Моррисона прослеживается взаимосвязь. В философской системе поэта два указанных выше мира разделяются дверями, проход через которые означает смерть: “There are things known, and things unknown, and in between are the doors (Существует известное и существует неизвестное, а между ними двери)” [6]. В контексте указанных стихотворений человек может пройти через двери посредством намеренного расстройств всех чувств, осознанного безумия, т.е. под влиянием опьяняющих веществ (Дж. Моррисон, вероятно, позаимствовал эту идею у А. Рембо).

The Soft Parade. Прорыв через двери совершается посредством чего-то или кого-то, а именно посредством божества – псов (анаграмма dogs / gods).

Текстовая единица “doors of passage to the other side” может иметь смыслы, полученные из внешнего и внутреннего текстовых пространств. Таким образом, семантика изначального отрывка может меняться в зависимости от значения, которое принимает текстовая единица “doors of passage to the other side”. На основе проведенного анализа мы можем считать текстовую единицу “doors of passage to the other side” точкой неустойчивости.

Подводя итог, отметим, что синергетика как междисциплинарное направление предлагает философско-семиотико-синергетическое толкование языковых процессов. С позиций данного подхода поэтический текст представляет собой наблюдаемую незамкнутую неустойчивую языковую систему, отличающуюся иерархичностью и обладающую способностью пребывать в статическом и динамическом состоянии, что обеспечивает вариативность интерпретации.

Изучаемые интертекстуальные конструкции, основанные на введении в ткань произведения закодированных фрагментов из других текстов, требуют от реципиента интерпретации этих «зашифрованных автором посланий». Практический анализ свидетельствует о том, что при выявлении межтекстовых связей и их источников большое значение приобретает предварительное знание, совокупность сведений культурно- и материально-исторического, географического и прагматического характера, которые предполагаются у адресата. Расшифровка полученных сведений носит личностный характер и зависит от уровня подготовки реципиента и глубины его знаний в исследуемой области. При этом неоспоримую помощь реципиенту оказывают различного рода ссылки, направляющие

адресата в нужном направлении. На языковом уровне сигналы интертекстуальности подразделяются на несколько видов. Это может быть авторский комментарий на особенности построения произведения, ссылки на различные прототексты или на другие произведения этого же автора. Соответственно, мы можем говорить о следующих разновидностях интертекстуальности – гипертекстуальности и интекстуальности. К гипертекстуальности относятся связи между произведениями отдельного автора, отношение текста к своему заглавию, подзаголовку, эпиграфу и примечаниям, а также авторский комментарий к особенностям построения собственного текста. К интекстуальности мы относим любой текст семиосферы, находящийся

вне рамок творчества данного автора, вступающий в диалог с текстами его творческого пространства посредством разного рода реминисценций.

Необходимо отметить, что любое произведение, выстраивая свое интертекстуальное поле, переструктурирует весь предшествующий культурный фонд и создает собственную историю культуры. Более того, посредством установления связей отдельного произведения с ранее созданными текстами интертекстуальность выступает эффективным способом отражения процесса формирования смысла и обеспечивает возможность разноуровневого прочтения, превращая поэтический текст в нелинейную смысловую структуру с нарастающей энтропией смысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буданов В.Г. Методологические принципы синергетики // Новое в синергетике. М., 2006.
2. Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Пастернака. 2-е изд. СПб., 1995.
3. Тороп П.Х. Проблема интекста // Текст в тексте : труды по знаковым системам XIV. Тарту, 1981.
4. Олишко Н.С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе. Челябинск, 2009.
5. Моррисон Д.Д. Произведения Джима Моррисона. М., 2013.
6. Jim Morrison Quotes // Good reads. URL: https://www.goodreads.com/author/quotes/7855.Jim_Morrison

Статья представлена научной редакцией «Филология» 24 апреля 2018 г.

TEXT, HYPERTEXT AND INTERTEXT IN THE WORKS OF J. MORRISON

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 33–38.

DOI: 10.17223/15617793/430/4

Ilya V. Sergodeev, Snezhinsk Physics and Technology Institute of the National Research University “MEPhI” (Snezhinsk, Russian Federation). E-mail: olizko@yandex.ru

Natalya S. Olizko, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: olizko@yandex.ru

Keywords: instability point; observability; open character; static character; dynamism; intertextuality; poetic text; linguosynergetics.

The poetic text is an observable open language system that has a hierarchical structure and can stay in a static and a dynamic condition. The property of observability of the poetic text gives information about the processes occurring within it. The text as a static system is unchanged. At the same time, its dynamics indicates the existence of various meanings of the points of instability of the text, that is, a development trajectory of the text. Under the open character of the poetic text, the authors understand its ability to exchange information with other texts through intertextual connections. Within the intertextual approach, the instability point can be represented as a text unit (word, phrase, sentence), allowing many contextual values due to the intertextual relations with similar units within the same or different compositions of the external and the internal text space. The internal text space includes all the texts of the author, the external text space includes all the other texts of the semiosphere. The interaction of these two spaces as well as the texts of the outer space is realised with the help of the intextual type of communication. The interaction of the internal space texts occurs through the hypertextual type of communication. Hypertextuality includes relations between the works of an individual author, the relation of the text to its title, subtitle, epigraph and notes, as well as the author's comments on the peculiarities of the text construction. Intextuality applies to every text of the semiosphere that engages in dialogue with different works through various types of reminiscences. The article proposes the following mechanism of instability points selection: 1. To allocate a unit of the poetic text (word, phrase, sentence) which is an intertextual reference. 1.1. To establish which texts this one is related with. 1.2. To allocate a similar unit in each of the found texts. 2. To characterise the intertextual relations between the poetry unit and similar units in other texts. To do this, it is necessary: 2.1. To identify the type of the text (internal or external) which includes units of texts that are related to the unit of the poetic text. 2.2. To determine the type of intertextual relations (intextuality, hypertextuality) and means of achieving this (allusion, citation, mention, self-allusion, self-citation). 3. To determine the meanings of each of these pieces of texts. 3.1. To determine the semantic changes of the original fragment of the poetic text in the case of sequential substitution of the meaning of its units by similar units of other texts. If all the above steps are completed successfully, the unit of the poetic text can be considered to be a point of instability.

REFERENCES

1. Budanov, V.G. (2006) Metodologicheskie printsipy sinergetiki [Methodological principles of synergetics]. In: Malinetskiy, G.G. (ed.) *Novoe v sinergetike* [New in synergetics]. Moscow: Nauka.
2. Smirnov, I.P. (1995) *Porozhdenie interteksta. Elementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. Pasternaka* [Intertext generation. Elements of intertextual analysis with examples from the works of B. Pasternak]. 2nd ed. St. Petersburg: Language Center of St. Petersburg State University.
3. Torop, P.Kh. (1981) Problema inteksta [The problem of intext]. In: Lotman, Yu. (ed.) *Tekst v tekste: trudy po znakovym sistemam XIV* [Text in the text: works on sign systems XIV]. Tartu: University of Tartu.
4. Oliz'ko, N.S. (2009) *Semiotiko-sinergeticheskaya interpretatsiya osobennostey realizatsii kategoriy intertekstual'nosti i interdiskursivnosti v postmodernistkom khudozhestvennom diskurse* [Semiotic and synergetic interpretation of features of verbalisation of categories of intertextuality and interdiscursiveness in postmodern artistic discourse]. Chelyabinsk: [s.n.].
5. Morrison, J.D. (2013) *Proizvedeniya Dzhima Morrisona* [Works by Jim Morrison]. Translated from English. Moscow: Izdatel'stvo IP Galin A.V.
6. Good reads. (n.d.) *Jim Morrison Quotes*. [Online] Available from: https://www.goodreads.com/author/quotes/7855.Jim_Morrison

Received: 24 April 2018

А.А. Тулякова

ЧИТАТЕЛЬ НА РАСПУТЬЕ: «ДУБЛЕТНЫЕ» СЮЖЕТЫ В «КРУГЕ ЧТЕНИЯ» Л.Н. ТОЛСТОГО

Анализируется структура фикциональных «недельных чтений», входящих в состав свода афоризмов «Круг чтения» Л. Толстого, и прослеживается специфика их сюжетной организации. В «недельных чтениях» выявляются дублетные сюжеты, представляющие альтернативные сценарии решения одной и той же «этической ситуации» и позволяющие потенциальному читателю сделать выбор в пользу той или иной стратегии поведения. Подобная альтернатива рассматривается как попытка Толстого отказаться от собственного «Я», что является установкой писателя с начала 1880-х гг.

Ключевые слова: Л. Толстой; «Круг чтения»; «недельные чтения»; дублетные сюжеты; читатель; этика.

«Круг чтения» (1904–1908) – свод мудрых мыслей на каждый день, о составлении которого Л. Толстой задумался еще в 1884 г. [1. С. 557]. В работах, посвященных «Кругу чтения», как правило, анализируются источники и способы заимствования Толстым афоризмов и их трансформация под влиянием мировоззренческих установок писателя [2. С. 24–29; 3], выявляется генезис этих высказываний [4] и их связь с идеологией автора [5. С. 5–20]. Если жанровая природа «Круга чтения» привлекала внимание исследователей [6. С. 55–149], то принципы его структурной организации до сих пор остаются невыясненными, однако именно они позволяют небезосновательно говорить о том, что перед нами сборник текстов, который при всей его гетерогенности обладает собственной поэтикой.

Кроме афоризмов Толстой поместил в «Круг чтения» художественные и публицистические произведения или отрывки из них, получившие название «недельных чтений» и коррелировавшие с темой того дня, который завершали. Объектом нашего исследования станут структура и функция фикциональных «недельных чтений»¹. Используя структурный подход к анализу сюжетов и мотивов, мы покажем, что в шестнадцати «недельных чтениях» из тридцати двух прослеживается одна и та же закономерность, которую мы назвали «бинарной структурой» и выявление которой становится возможным при сопоставительном анализе их сюжетов. Такая форма позволяет углубить понимание «Круга чтения» как текста гибридного, вмещающего в себя подчас взаимоисключающие афоризмы и сюжеты. Для объяснения этих противоречий мы рассматриваем «Круг чтения» в контексте мировоззрения и философии позднего Толстого, корректируя концепцию Ирины Паперно, представленную в ее недавней книге [7].

Исследуя «Круг чтения» и доверяя автохарактеристике самого Толстого, Паперно утверждает, что он, переписывая других авторов, не различает голоса свой и чужой, тем самым его сознание «сливается» с сознанием человечества в лице его мудрецов [Ibid. P. 152–154]. Универсализм «Круга чтения» для Паперно становится ярким примером отказа Толстого от собственного «Я», самости, личности Толстого-автора, к чему он стремился еще с 1880-х гг.

Стоит, однако, заметить, что та форма, в которую Толстой облакает чужие «недельные чтения», связана

с его собственными взглядами. Исправляя тексты стилистически (реже – изменяя сюжет), Толстой вкладывает в них новые, важные для него идеи и тем самым все-таки не сливается с другими авторами, а, напротив, утверждает заново свое первенство над ними, в очередной раз проявляя авторскую волю. В этом смысле автохарактеристику Толстого следует понимать не буквально, но метафорически.

Изучив репертуар тем всех «недельных чтений», мы выявили наиболее частотные и назвали их *этическими ситуациями* (курсив наш. – А.Т.), которые больше всего занимают Толстого и обязательно коррелируют с Евангелием. Каждая этическая ситуация иллюстрируется двумя или тремя примерами-нарративами. Их мы назвали *микросюжетами* (курсив наш. – А.Т.), или дублетными сюжетами, поскольку они представляют разные, альтернативные сценарии решения одной и той же «этической ситуации».

Мы полагаем, что концепция Паперно проясняет в большей степени поздние литературные тексты Толстого вне «Круга чтения», для которых общей будет идея единства людей и их мировоззрения. Это мы можем проследить, например, в переведенных и переработанных Толстым произведениях («Ассирийский царь Асархадон», «Это ты» и др.). «Недельные чтения», представленные в «Круге чтения», воплощают идею общности людей непоследовательно, что объясняется, как мы полагаем, особенностями их структуры. Среди всех этих текстов мы выявили дублеты – в зависимости от «этической ситуации», которой посвящен тот или иной сюжет, и способа ее разрешения.

Поскольку сборник афоризмов мыслился Толстым как назидательный текст, то и «недельные чтения» содержат мораль, но подается она нарративно. Читатель как будто бы должен сам выбрать верный вариант из нескольких рассказанных историй. Это значит, что положенная в основу повествования ситуация может разрешаться по-разному – в пользу или не в пользу героя, т.е. у каждого текста с позитивным финалом имеется текст-«двойник / дублет» с негативным². Положительный финал зависит от возможности героя поступать по христианским законам, влияние которых преображающим образом сказывается не только на самом герое, но и на окружающих его персонажах. Опишем далее все выявленные нами в «недельных чтениях» дублетные сюжеты и заложенные в них «этические ситуации». Для этого мы воспользуемся мето-

дом концептуального пересказа, который позволит сжато и схематично изложить основные сюжетные узлы и повторяющиеся мотивы, а также обозначить в парных «этических ситуациях» как их сходство, так и раздвоение в финале. Первые две ситуации будут объяснены подробно, остальные – более кратко.

1. Преступление: прощение vs. непростение

К «этической ситуации» «преступление» Толстой обращается в «Круге чтения» дважды. В первый раз в рассказе «Уличный торговец» (по Анатолю Франсу) Толстой изображает трагическую судьбу торговца, ошибочно уличенного в оскорблении полицейского. Тот не прощает героя, доводит дело до ареста, вследствие чего Жером Кренкебиль оказывается в тюрьме и выходит из нее опустившимся человеком.

В «дублетном» рассказе «Епископ Мириэль» – эпизоде из романа В. Гюго «Отверженные» – епископ прощает ограбившего его Жана Вальжана, что становится этапом его возрождения. В обоих текстах, подвергнутых Толстым стилистической правке, исходная ситуация идентична. Герой совершает необдуманный поступок в погоне за прибылью. Уличный торговец ослушивается приказа полицейского, потому что желает получить плату за проданные овощи, а Жан Вальжан крадет серебро у епископа Мириэля и сбегает. Дальнейшая судьба героев зависит от того, будут ли они прощены «пострадавшими» – т.е. полицейским, который в словах торговца услышал оскорбление в свой адрес, и епископом, из чьего дома пропало серебро.

«Этической ситуацией» в этом случае будет ситуация преступления, в которой есть преступник и пострадавший, микросюжеты – прощение и непростение.

2. Насилие: сострадающий взгляд ребенка vs. взгляд взрослого

Исходной «этической ситуацией» для сопоставляемых текстов будет наказание провинившегося человека. В первом случае ребенок бессилен перед равнодушными взрослыми, исполняющими свой долг, во втором его слезы спасают не только отца, но и толпу, от совершения необдуманного поступка.

В рассказе Вавиловой «Первое горе» использован толстовский прием «остранения»: мальчик, привязавшийся к осужденному за конокрадство крестьянину, не понимает причин, по которым люди наказывают его друга. Сцена плача ребенка манифестирует его бунт против жестоких законов взрослых, их логики насилия, по Толстому, не имеющего под собой морального основания. В финале рассказа страдание ребенка остается почти незамеченным: крестьянина Игната арестовывают, его жена просит семью Гриши позаботиться о воспитании их дочери. Хотя такая концовка предсказуема, читатель понимает, что правда на стороне ребенка.

В переработанном Толстым рассказе Гюго «Сила детства» мы также наблюдаем слезы ребенка, которые спасают человека от казни. Сын героя, приговоренного к смерти, выбегает из толпы и бежит к отцу. Толпа, до этого требовавшая казни, начинает сочувствовать горю мальчика и решает отпустить преступни-

ка. Освобожденный берет сына на руки и убегает. В этом тексте слезы и страдание мальчика ставятся выше человеческих предрассудков и, как следствие, – выше закона, потому что существует другой закон – праведный, апеллирующий к «естественному чувству». С точки зрения Толстого, им нужно руководствоваться в первую очередь.

«Этической ситуацией» этих сюжетов выступает наказание преступника на глазах у ребенка, микросюжетами – отклик на детское страдание и полное равнодушие к нему.

3. Смерть близкого человека: деятельное смирение vs. несмирение

Сюжет о смирении реализуется Толстым также в двух текстах. В одном из них – рассказе «Молитва» – речь идет о нежелании матери смириться со смертью единственного сына. Она видит сон, в котором ее служанка Матреша предстает в виде ангела и показывает матери будущее ее ребенка, когда он, уже старик, ведет неправедную жизнь. Не подвергая сомнению аргументы Матрешы, мать, тем не менее, не хочет понять, как случилось, что Бог забирает у нее сына.

В дублетном тексте «Бедные люди» (по В. Гюго) жена рыбака берет к себе детей умершей соседки, несмотря на бедственную и тяжелую жизнь собственной семьи. Когда ее муж возвращается с рыбной ловли, она сообщает ему, что подруга мертва и от нее остались двое маленьких детей. Он предлагает забрать их, еще не зная, что дети в их доме.

Сюжет о внезапной смерти близкого человека является сюжетной ситуацией текстов, а его реализация – деятельное смирение перед смертью и ее неприятие.

4. Образ жизни: отказ от благ vs. сохранение неравенства

В переложении легенды о Будде Толстой повествует о пути юноши к мудрости. Герой наблюдает три процесса (болезнь, старость и смерть), о которых ничего не знал ранее, после чего решает оставить двор и посвятить себя религии. Чужое горе приводит его к самосовершенствованию.

В «дублетной» этой легенде статье «Неужели так надо?» Толстой изображает труд шахтеров, вынужденных тяжким трудом зарабатывать хлеб, и проезжающих мимо веселых господ, наблюдающих за происходящим, но не испытывающих по отношению к рабочим ни жалости, ни сочувствия. Социальную иерархию и несправедливое распределение жизненных благ они воспринимают как должное.

«Этическая ситуация» текстов – контраст богатства и бедности, микросюжеты – отказ от него в пользу подлинно христианского образа жизни и полное равнодушие к ним при сохранении своего социального статуса.

5. Спор о вере: равенство религий vs. религиозный конфликт

В «Архангеле Гаврииле» Толстой утверждает, что религиозная принадлежность человека не играет

определяющей роли в вопросе веры. В комплементарной этому рассказу «Суратской кофейне» герои спорят о приоритете одного вероисповедания перед другим. Толстой дает понять, что религиозная полемика ведет к конфликту и разрозненности людей, что противоречит идее человеколюбия и единения, важной для любой религии.

«Этическая ситуация» – разница в вероисповедании, микросюжеты – равенство всех религий в вопросе веры и религиозный конфликт.

6. Суд: отрицание суда vs. легитимность

В отредактированном Толстым рассказе Лескова «Воров сын» герой отказывается судить людей, потому что сам был сыном вора, впоследствии прощенным благородными людьми и воспитанным ими в лучших традициях. В ситуации выбора между божеским судом и человеческим предпочтение, по Толстому, следует отдать первому.

Дублетный текст, «Суд над Сократом», разоблачает несправедливость государственного суда, при котором виновными оказываются люди, не совершившие преступления, каким и явился Сократ, осудивший себя сам.

«Этическая ситуация» суда раскрывается в двух микросюжетах – его справедливости и несправедливости.

7. Труд: крестьянское трудолюбие vs. барская праздность

Рассказ «Зерно с куриное яйцо» повествует о праведном труде крестьян, которые собирали хороший урожай, потому что были трудолюбивы. Со временем ситуация изменилась – люди стали меньше заботиться о возвращении зерна, из-за чего исчезли крупные зерна, необходимые для поддержания жизни многих людей.

В рассказе «Ягоды» мы, напротив, наблюдаем веселую трудовую жизнь крестьянских детей, которая подается Толстым на контрасте с жизнью дворянской семьи, где главной заботой становится вопрос о питании и стуле младенца.

«Этической ситуацией» в этом случае будет ситуация труда, микросюжеты – крестьянский труд и дворянская праздность.

8. Жизненная трагедия: смирение vs. гордыня

Рассказы «За что?» и «Божеское и человеческое» принадлежат Толстому. В первом речь идет о герое и героине, полюбивших друг друга и решивших бежать с каторги. Побег почти удался, но их поймали и сослали повторно. Счастье оказывается невозможным, героиня ропщет и не понимает, за что им приходится страдать.

«Божеское и человеческое» рассказывает о молодом человеке, осужденном за оппозиционные идеи и пытавшемся принять скорую смерть. Светлое лицо юноши во время казни видит старик и решает узнать у однокашника этого юноши, как тому удалось до-

биться просветления перед собственной кончиной. Старику эта истина недоступна.

Герои двух рассказов по-разному реагируют на случившееся с ними несчастье: первые не принимают своей участи, а потому продолжают страдать, юноша смиряется с наказанием и, как следствие, обретает вечный покой еще до казни.

Описанные ситуации и сюжеты, их иллюстрирующие, позволяют объяснить, в каком направлении шла мысль Толстого, когда он работал над наполнением «Круга чтения» очень разными типами текстов. Прежде всего, негативный финал таких сюжетов, как правило, связан с ошибкой героя, которая приводит к роковым последствиям не только для самого персонажа, но и для тех, на кого неверное действие было направлено. Благополучный исход событий также соответствующим образом влияет на окружающих. Так, в «недельных чтениях», построенных по определенной схеме, мы наблюдаем, что в основе сюжета часто лежит мотив преумножения (кумуляции) добра или зла, когда они не являются статичными и расширяются, захватывая все большее пространство и скапливаясь на судьбах других персонажей (прием, в чистом виде представленный в «Фальшивом купоне») [8. С. 180–259].

Таким образом, в пределах «Круга чтения» писатель предоставляет читателю выбор из двух возможностей – выбор не широкий, но примечательный. Потенциальный (идеальный) читатель книги при сквозном ее прочтении, очевидно, должен был заметить тематические переключки между дублетными сюжетами, которые были разнесены по разным неделям. Обнаружив единство ситуации, читатель мог следить за альтернативным развитием сюжета и догадаться, какая из развязок является нравственно приемлемой для Толстого. При этом сама мораль в готовом виде читателю не дана, поскольку она «запакована» в фикциональные тексты (а не только афоризмы), пусть и достаточно однозначные, но все же требующие от читателя навыков интерпретации авторской позиции.

Как известно, в педагогических статьях писатель всегда осуждал навязчивое повторение, заучивание наизусть и зубрежку, поэтому можно говорить, что уже в том, каким образом Толстой подает «недельные чтения», заключается незначительный, но все же своеобразный элемент свободного выбора.

Похожую, но далеко не идентичную, структуру можно встретить в «Азбуке», написанной для детей и состоящей, как показали Ю.К. Щеглов и А.К. Жолковский [9. С. 29–30], из инвариантных сюжетно-тематических блоков, структура которых следующая: 1) мирная жизнь; 2) катастрофа; 3) неадекватная деятельность; 4) спасительная акция; 5) возвращенный покой). В «Круге чтения», который играет роль азбуки для взрослых, подобная структура в текстах «недельных чтений» не вычленяется, потому что они имеют другую, более прихотливо устроенную поэтику. Если в текстах публицистических Толстой продолжает выступать ригористом и критикует многие аспекты современного ему социального и политического строя, то в литературных текстах «Круга чтения», где речь в основном идет об этике, он менее

категоричен. Бинарная структура «недельных чтений», их дублетные сюжеты ослабляют идеологический напор.

Парадокс «Круга чтения» заключается в том, что Толстой, конечно же, позиционирует собственную мораль как единственно верную, однако инсценирует перед читателем ситуацию морального выбора – на уровне нарративов пытается показать, какая из стратегий поведения предпочтительнее и каковы последствия выбора героев того или иного пути. Читатель выбирает из двух вариантов, и хотя истина в конечном итоге будет заключаться в христианском поведении, альтернатива смягчает прежнюю категоричность писателя.

«Круг чтения» оказался не первым текстом, в котором Толстой прибегает к вариативности сюжета. В этом отношении уместно вспомнить повесть «Дьявол» (1889), а также драму «Власть тьмы» (1886), четвертое действие которой печаталось в двух редакциях, что было санкционировано самим Толстым для издательства «Посредник».

В 90-томном собрании сочинений «Дьявол» помещается в разделе «Неоконченное», и, хотя мы не знаем, какой финал в конечном итоге предпочел бы Толстой (в первую публикацию 1911 г. были включены оба), в свете нашей проблемы важно, что он мыслит финал повести бинарно. Оба его варианта предлагают альтернативные решения судьбы героя, которые, однако, можно трактовать в обоих случаях как негативные с точки зрения христианской морали, потому что речь идет об убийстве и самоубийстве.

Сюжет повести восходит к действительной истории жизни и смерти тульского судебного следователя Фридрихса. Через три месяца после женитьбы на девушке своего круга он застрелил крестьянку Степаниду, прежнюю возлюбленную, а через два месяца его самого нашли раздавленным поездом. Повесть имеет два финала. В первом варианте герой Евгений Иртенев стреляет в себя, во втором – убивает Степаниду также выстрелом из револьвера. В конце апреля 1890 г. Толстой, размышляя о повести, пишет: «Думал за это время о повести Фридрихса. Перед самоубийством раздвоение: хочу я или не хочу? Не хочу, вижу весь ужас, и вдруг она в красной паневе, и все забыто. Кто хочет, кто не хочет? Где я? Страдание в раздвоении, и от этого отчаяние и самоубийство» [10. С. 716].

В драме «Власть тьмы» четвертое действие имеет две редакции, отличающиеся способом подачи кульминационного события – убийства младенца. В первой из них изображается убийство ребенка с точки зрения самих убийц – Никитки, его матери Матрены и жены Анисьи, во втором читатель наблюдает за происходящим через реакцию девочки Анютки, которая беседует со стариком Митричем и параллельно прислушивается к тому, что происходит в погребке.

И хотя в «Дьяволе» и во «Власти тьмы» альтернативные финалы не противопоставлены друг другу с точки зрения морального императива, они показательны как примеры-дублеты, которые Толстой использует, чтобы спрогнозировать будущее героев (в первом случае) и дать оценку их поступкам с разных точек зрения (во втором случае). Такая альтерна-

тивность также предполагает воздействие на читателя, а варианты финалов – лишь форма, при помощи которой автор хочет продемонстрировать итоги неправедной жизни героев. Можно предположить, что, используя формулу «двоящегося», расширяющегося зла и оценив ее суггестивность, в «недельных чтениях» Толстой упрощает ее и осмысляет в виде антитезы верного или неверного сценария – бинарной структуры сюжетов. Объяснение такого упрощения может быть двояким. С одной стороны, «Круг чтения» как текст дидактический предполагает наличие отчетливых оппозиций, а с другой – ориентируясь на широкую аудиторию, Толстой расставляет акценты таким образом, чтобы мораль, заложенная в текстах, однозначно прочитывалась в том числе неискушенным, даже необразованным читателем.

Обращение к дублетным сюжетам, предполагающим позитивное или негативное разрешение «этической ситуации», было связано, как мы считаем, с глубинным самоощущением Толстого, его этической доктриной, в разные годы формулируемой по-разному. Внутреннее противоречие Толстого [11], определяемое им самим в 1870-е гг. как борьба между добром и злом, – одна из главных этических проблем, которая тревожила писателя и которую он пытался разрешить на протяжении всей жизни. В дневниках и записных книжках писателя мы находим многочисленные высказывания, которые свидетельствуют о дихотомии его внутреннего мира³.

Однако в позднем творчестве раздвоение между добром и злом приобретает для Толстого иной смысл. Теперь оно связывается с вопросом об истинном знании и заблуждении, которые определяют поведение человека и его выбор в той или иной этической ситуации.

«Моя двойственность. То я поутру и ночью истинно мудрый и хороший человек, то я – слабое, жалкое существо, не знающее, что с собой делать. Разница в том, что первое – настоящее, а во втором состоянии я знаю, что я в тумане заблуждений» [13. С. 178].

«Круг чтения», который можно воспринимать как один из итоговых текстов Толстого, наследует тот же прием раздвоения, который особенно ярко проявляется в позднем периоде его деятельности.

Перерабатывая чужие тексты, Толстой не «сливается», а лишь ситуативно солидаризируется со взглядами мыслителей, чьи имена возникают в «Круге чтения» (в том числе тех, чьи взгляды Толстой в прошлом не принимал – например Ницше). Можно предположить, что отобранные для «недельных чтений» тексты не нуждались в сильной «идеологической» правке, поскольку уже изначально подбирались писателем с ориентацией на тот или иной тип сюжета.

Таким образом, реализуя свою ключевую идею о терпимости к чужому мировоззрению и о духовном единстве людей с различными взглядами и образом жизни (ср. рассказ «Это ты»), Толстой в самой форме «Круга чтения» пытается преодолеть собственное авторское «Я», ослабляя категоричность этических суждений. Несмотря на это, как мы показали, он все же манифестирует свою писательскую и редакторскую ипостась через дублетные сюжеты, которые предоставляют читателю выбор в той или иной пове-

денческой ситуации. На первый взгляд кажется, что в возможности выбора, а не постулировании единственно верного решения, и будет заключаться отказ Толстого от «Я», однако структура сюжетов показывает, что правда в конечном счете остается за тем, что в христианскую мораль вписывается. В этом, несомненно, прослеживается опосредованное воздействие Толстого на читателя и пусть прикрытое, но все же утверждение собственной позиции, подкрепленной

авторитетом Евангелия. Можно думать, что «Круг чтения» – компиляция текстов разной жанровой природы (афоризмов, художественной прозы, публицистики), но обнаруженные дублетные сюжеты показывают, что сама структура «Круга чтения» имеет фикциональную природу, следовательно, Толстой по-прежнему проявляет себя как автор, который оказывается не в состоянии преодолеть собственное писательское «Я».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Дублет «Неужели так надо?» для текста «Будда» был взят нами из публицистических «недельных чтений». И хотя комментаторы юбилейного собрания сочинений определили жанр «Будды» как «статья», мы отнесли его к фикциональным текстам в силу ярко выраженного сюжета.

² Подобная неоднородность, как было отмечено ранее, может прослеживаться и на уровне некоторых афоризмов, соотнесенных с темой одного дня. Например, 10 сентября посвящено теме совести и включает в себя следующие мудрые мысли: «Указания совести безошибочны, когда они требуют от нас не утверждения своей животной личности, а жертвы ею» и «Человек, живущий для тела, может заблудиться в запутанных лабиринтах созерцательной или чувственной жизни, но душа всегда безошибочно знает истину (Люси Малори)». Сопоставление с другими афоризмами этого дня приводит к выводу, что понятия «совесть» и «душа» подаются здесь Толстым как синонимичные. В то время как второй афоризм трактует безошибочность душевной истины как абсолют по отношению к «чувственной жизни», первый подвергает этот абсолют сомнению, поскольку содержит условие его реализации – «жертва... животной личностью». Один афоризм не исключает другого, однако при сходстве содержания мы наблюдаем различную его подачу, что в контексте одного дня может гипотетически восприниматься как внутреннее противоречие.

³ См., например, дневниковую запись от 2 июня 1878 г.: «Что значит и зачем то раздвоение – добра и зла, которые я чувствую в себе?» [12. С. 188].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / ред. коллегия: Н.К. Гудзий, Н.Н. Гусев, Н.К. Пиксанов и др. М., 1957. Т. 42.
2. Кавацца А. «Круг чтения» Л.Н. Толстого // Русская речь. 1988. № 6.
3. Карлик Н.А. «Круг чтения» Л.Н. Толстого : дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
4. Толстой Л.Н. Круг чтения / сост., вступ. ст. А.Н. Николюкина : в 2 т. М., 1991.
5. Гродецкая А.Г. «Ищи же истину – она этого хочет» : [предисл.] // Толстой Л.Н. Мысли мудрых людей на каждый день. СПб., 2012.
6. Карлик Н.А. Афористика Л.Н. Толстого: сборник мудрых мыслей «Круг чтения» : монография. СПб., 2012.
7. Paperno I. «Who, what am I?»: Tolstoy struggles to narrate the self. Ithaca ; London, 2014.
8. Реформатский А.А. Структура сюжета у Толстого // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. М., 1987.
9. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Ex ungue leonem. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М., 2016.
10. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / ред. коллегия: Н.К. Гудзий, Н.Н. Гусев, Н.К. Пиксанов и др. М., 1936. Т. 27.
11. Густафсон Р. Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. СПб., 2003.
12. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / ред. коллегия: Н.К. Гудзий, Н.Н. Гусев, Н.К. Пиксанов и др. М., 1952. Т. 48.
13. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / ред. коллегия: Н.К. Гудзий, Н.Н. Гусев, Н.К. Пиксанов и др. М., 1937. Т. 55.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 марта 2018 г.

A READER AT THE CROSSROADS: “BINARY” PLOTS IN LEO TOLSTOY’S *A CIRCLE OF READING*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 39–44.

DOI: 10.17223/15617793/430/5

Anastasia A. Tulyakova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: anastasia.tulyakova93@gmail.com

Keywords: L. Tolstoy; *A Circle of Reading*; “weekly readings”; binary plots; reader; ethics.

The article aims to explore the structure and poetics of the late collection of aphorisms *A Circle of Reading* written by Leo Tolstoy in 1904–1908. On the basis of the ideologically important fictional parts of the book, the so-called “weekly readings”, the author proves that the collection, despite its heterogeneity, has its own poetics. Using the structural approach to the analysis of plots and motifs, the study has revealed a certain plot pattern in the sixteen of the 32 “weekly readings”. The pattern consists in pairs of structurally and thematically similar but semantically different plots. Such a form, which can be called a “binary structure” and whose identification becomes possible by the comparative analysis of the plots, allows deepening our understanding of *A Circle of Reading* as a hybrid text that contains mutually exclusive aphorisms and plots. To explain these contradictions, the author considers *A Circle of Reading* in the context of Tolstoy’s views and philosophy. The discovered tendency is closely related to the most relevant principle of Tolstoy’s late works, the intention to abandon the writer’s self, which Tolstoy did not accomplish completely. Using Irina Paperno’s idea that Tolstoy’s authoritative voice in *A Circle of Reading* was balanced by the voices of the wise men and their aphorisms as a reference point, the author argues that “weekly readings” not so much demonstrate the idea of a community of people and their shared outlook, but, on the contrary, increase the influence of the author’s personality on the reader through the doublet structure of “weekly readings”. The idea of mental and social solidarity is typical for Tolstoy’s later literary texts, but the “weekly readings” in *A Circle of Reading* subvert this tendency, so that the idea of community is embodied there inconsistently. The author concludes that this attitude towards the reader’s involvement (according to it, the reader has the opportunity to observe the alternative development of the plot and to decide which of the outcomes is the most acceptable from the moral point of view) softens Tolstoy’s previous categorically expressed ethics. At the same time, the structure of the binary plots shows that the preferable behaviour is connected with the evangelical precepts. This pattern enables Tolstoy to influence the reader and impose his authoritative stance, however, indirectly. Although Tolstoy provides the reader with a relative freedom of choice, he nevertheless manifests the author’s power by reference to Christian morality, which is stressed in one of the binary plots. Ultimately, the fictional plots being part of the generically heteroge-

neous book *A Circle of Reading* show that Tolstoy still positions himself as an author who, despite his attempts to abandon the writer's self in the 1890s, is not yet ready to overcome it.

REFERENCES

1. Tolstoy, L.N. (1957) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols]. Vol. 42. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Kavatitsa, A. (1988) "Krug chteniya" L.N. Tolstogo ["A Circle of Reading" by L.N. Tolstoy]. *Russkaya rech'*. 6.
3. Karlik, N.A. (1998) "Krug chteniya" L.N. Tolstogo ["A Circle of Reading" by L.N. Tolstoy]. Philology Cand. Diss. Moscow.
4. Tolstoy, L.N. (1991) *Krug chteniya: v 2 t.* [A Circle of Reading: in 2 vols]. Moscow: Politizdat.
5. Grodetskaya, A.G. (2012) "Ishchi zhe istinu – ona etogo khochet": [predisl.] ["Look for the truth – it wants it": [foreword]]. In: Tolstoy, L.N. *Mysli mudrykh lyudey na kazhdy den'* [Wise Thoughts for Every Day]. St. Petersburg: Lenizdat.
6. Karlik, N.A. (2012) *Aforistika L.N. Tolstogo: sbornik mudrykh mysley "Krug chteniya"* [Aphoristics of Leo Tolstoy: a collection of wise thoughts "A Circle of Reading"]. St. Petersburg: GPA.
7. Paperno, I. (2014) *"Who, what am I?": Tolstoy struggles to narrate the self.* Ithaca; London: Cornell University Press.
8. Reformatskiy, A.A. (1987) Struktura syuzheta u Tolstogo [The structure of the plot in Tolstoy]. In: Reformatskiy, A.A. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow: Nauka.
9. Zholkovskiy, A.K. & Shcheglov, Yu.K. (2016) Ex ungue leonem. Detskie rasskazy L. Tolstogo i poetika vyrazitel'nosti [Ex ungue leonem. Children's stories by L. Tolstoy and the poetics of expressiveness]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Tolstoy, L.N. (1936) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols]. Vol. 27. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
11. Gustafson, R. (2003) *Obitatel' i Chuzhak. Teologiya i khudozhestvennoe tvorchestvo L'va Tolstogo* [The Inhabitant and the Stranger. Theology and artistic creativity of Leo Tolstoy]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
12. Tolstoy, L.N. (1952) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols]. Vol. 48. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
13. Tolstoy, L.N. (1937) *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols]. Vol. 55. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Received: 14 March 2018

Л. Цуй

«КИТАЙСКИЙ ТЕКСТ» И ЭМИГРАНТСКИЙ МИФ В ПОЭЗИИ РУССКОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ 1920–1950-х гг.

Рассматриваются особенности формирования «китайского текста» в русской поэзии дальневосточного зарубежья 1920–1950-х гг. и его трансформация в «эмигрантский миф». Основное внимание при анализе уделено отражению и восприятию жизни и культуры Китая в стихах В.Ф. Перелешина (Салатко-Петрище), Вс.Н. Иванова, А.П. Паркау, А.А. Ачаира (Грызова) и других поэтов. Выявлена ценность китайской культуры для самосознания поэтов дальневосточной диаспоры. Показано, что в поэзии русской эмиграции складываются два противоположных доминантных мотива: мотив отчуждения от «иной» культуры и мотив ее постижения. Рассмотрены центральные оппозиции «китайского текста», такие как свой – чужой, я – другой, Восток – Запад, воспоминание – забвение. Показано, что с 1930-х гг. представление о Китае как чужом пространстве отступало на второй план. Мифологемы «смерти себя прежнего» и «возрождения себя нового» наполнялись китайской национальной традицией.

Ключевые слова: литература русского зарубежья; поэзия дальневосточной эмиграции; традиционная культура Китая; «китайский текст»; оппозиции Запад – Восток; свой – чужой; «эмигрантский миф».

Поэзия русской дальневосточной эмиграции 1920–1950-х гг. формировалась под влиянием восточной культуры. Образ Китая занимает в ней существенное место и способствует формированию сверхтекстового единства. Китай понимается русскими поэтами, покинувшими родину, не только как неповторимая географическая и геокультурная целостность, но и как «иная» культура. Понятие «китайский текст» вводится нами на основе семиотических исследований «петербургского текста» русской культуры, проведенных Ю.М. Лотманом [1] и В.Н. Топоровым [2]. «Петербургский текст» осмысливается исследователями как некий «сверхтекст», с которым связываются высшие смыслы и цели, превышающие эмпирически-возможное в самой реальности. Научное обоснование подобных направлений породило обширный корпус частных исследований. К настоящему времени можно говорить об исследованиях «московского текста» [3], «итальянского текста» [4], «пермского текста» [5], «крымского текста» [6] и др. В интерпретации подобных явлений выделен концепт «локальный текст», предложенный В.В. Абашевым [5. С. 11–14]. Наша работа основана также на культурно-историческом сравнительно-типологическом методе с использованием принципов компаративистики и рецептивной эстетики.

Проблема изучения «китайского текста» – сравнительно новая в литературоведении. В этом плане накоплен еще небольшой опыт изучения «китайского текста», понимаемого исследователями как сверхтекст (см., например: [7, 8]). Понятие «китайский текст» важно для изучения влияния китайской культуры на русскую эмигрантскую поэзию, развивающуюся на Дальнем Востоке и, прежде всего, в таких крупнейших центрах Китая, как Харбин, Шанхай или Пекин. Но китайское влияние изучается чаще всего как проблема усвоения традиций восточной культуры. Например, в работе Ли Иннань «Образ Китая в русской поэзии Харбина» говорится о том, чем привлекала китайская культура русских поэтов [9]. Проблематика, интересующая нас, рассмотрена также в трудах А.А. Забияко и А.П. Забияко. В них большое внимание

уделяется особенностям становления этнокультурной идентичности у поэтов русского Харбина в условиях межкультурного взаимодействия [10]. Вместе с тем намеченная нами проблема формирования «китайского текста» нуждается в специальном исследовании. В научно-исследовательской парадигме интересующая нас проблематика – это поиск метатекстовой реальности в творчестве поэтов.

«Китайский текст» представляется нами в перспективе изучения темы, прежде всего, как зеркало самосознания поэта, отчужденного от родины и постигающего пространство природы, социума и культуры Китая как второй Родины. Это духовная и знаковая реальность сознания, определяющая ментальность русского человека на чужбине. «Китайский текст» стал открытием новых смыслов человеческого существования в условиях изоляции. Русские поэты, жившие в Китае и приобщившиеся к древнейшей культуре мира, открывают для себя новое пространство реальности и духовного бытия. Как пишет В.Н. Топоров, рассматривая «петербургский текст» русской литературы, «здесь начало историософского и метафизического осмысления... при котором целью становится не выбор между двумя противоречащими друг другу и взаимоисключающими или-или, но совместное держание их: космического порядка, правила, закона, гармонии и хаотического беспорядка, непредсказуемости, произвола, дисгармонии» [2. С. 6].

Как известно, русские поэты в изгнании не приняли новой советской культуры. Находясь в стране другой культуры, поэты переживали не менее глубокую психологическую травму в изоляции от родины, вдали от европейских центров эмигрантского мира, что вело к формированию экзистенциального типа сознания. Это, с одной стороны, ощущаемое чувство пустоты и ностальгии по России, с другой – вера в то, что можно обрести опору в «иной» культуре. Сходится стремление эмигрантов к воссозданию мифа о дореволюционной России и их интерес к самопознанию в инокультурном окружении. В творческом сознании дальневосточной диаспоры актуализируется потребность осмысления и утверждения значимости бытия

человека, его жизненного мира как культурной ценности. В противоположность «национальному мифу» формируется новый тип идентичности – «эмигрантский миф». Это миф эмигранта как последнего хранителя и продолжателя русской культуры; миф как возможность найти замену и принять другую реальность; миф как необходимость создания литературы переходного типа.

А. Млечко и М. Балабанова обосновали структуру и целесообразность существования феномена «эмигрантского мифа» как социально-политического. Предпосылка его зарождения, как пишут исследователи, вызвана кризисом культуры в переходную эпоху, одновременно сопряженным с революцией и эмиграцией. Кризис, по мнению ученых, «рождает инвариантные по своей сути мифологемы, которые, становясь конструктами определенных, обусловленных культурно-исторической парадигмой мифов, наполняются конкретным содержанием и закрепляются в соответствующих идеологических текстовых образованиях» [11. С. 173]. При этом системообразующую роль играют пространственно-временные категории и мифологемы «космоса», «хаоса», «смерти и возрождения», восходящие к космогонической мифологии.

Если рассматривать миф как набор определенных мифологем, то можно заметить близость функции мифологемы и мотива в образовании некоего целостного единства, так как мифологема – мифологический код мотива или сюжета, и она может воплощать в себе событийность. В методологическом плане важный подход к исследованию сюжетно-мотивных комплексов намечен И.В. Силантьевым, который показывает, какую роль в образовании мотивов играет событие и событийность [12. С. 111].

В поэзии дальневосточного зарубежья мифологемы «космоса» и «хаоса» довольно устойчивы. Они взаимодействуют с событийным планом сознания как набором устойчивых мотивно-образных и смысловых доминант. В то же время формирующаяся мифопоэтическая модель мира основана на системе противоположностей, как считает В.Н. Топоров [13. С. 161–164]. Поэтому эмигрантский миф как способ конструирования художественной картины мира образуется в поэзии эмиграции через оппозиции Россия – Китай, Запад – Восток, свой – чужой, прошлое – настоящее, воспоминание – забвение и т.д. Наша задача состоит в рассмотрении трансформации формирующегося «китайского текста» в «эмигрантский миф» в поэзии русской дальневосточной эмиграции и прежде всего в творчестве В.Ф. Перелешина (1913–1992), А. Паркау (1889–1954), Вс.Н. Иванова (1888–1971), А.А. Ачаира (1896–1960) и других поэтов.

Мифологемы «космоса» в сознании поэтов ассоциировались с дореволюционной Россией. В Харбине, например, существование русской диаспоры еще до возникновения института эмиграции было во многом основано на ностальгии по России¹. Причем попытки сохранения национальной идентичности в связи с ностальгией по родине приводили к созданию мифа о дореволюционной России, о национальной культуре. Сохранение русскости считалось долгом эмигрантов

старшего поколения, в душе которых, как в стихотворении Паркау, «все прошлое горит, горит былая слава» («Горит Москва», 1921) [14. С. 21]. Реминисценции из русских классиков в стихах эмигрантов также стали способом воплощения тоски по России. Как утверждал В. Перелешин, «русские игнорировали Китай, ошибочно полагая, что изгнание скоро закончится» [15. С. 262].

Важно рассмотреть мифологемы «хаоса» в контексте непринятия русскими эмигрантами новых социальных условий и охарактеризовать их в наиболее репрезентативных тематических проявлениях: мотивах «смятения», «бегства», «одинокства», «смерти», «забвения», «бренности бытия», характеризующих ядро эмигрантской поэзии. Наблюдая жизнь китайцев как «чужих», русские поэты руководствовались своим желанием постичь чужую для них культуру. В столкновении «своего» и «чужого» определяющими стали формы репрезентации китайской культуры, сложившиеся в России и прежде всего в русской литературе. Русские поэты часто использовали традиционные этнические маркировки китайцев, принятые в русской литературе, например, такие как «желтолицые», «узкоглазые», «раскосые» и др.

Причем реализации мотивов отчуждения и бренности бытия сопутствуют представления о нищете и бедности жизни китайского населения. С одной стороны, восприятие «чужих» как нищих, страшных фиксирует стереотип существующих предрассудков, природа которых кроется в непонимании и желании сохранять русскость в окружении чужой культуры. С другой стороны, в круге многочисленных наблюдений, отразившихся в поэзии, перед нами предстает пестрый социальный и культурный мир Китая: от чиновников и купечества до крестьянства. Выделяются представители маргинального сословия Китая, например, такие как рикша, разбойник Хунхуэ², человек, играющий в маджан³ или курящий опиум, и др. Сходство судьбы и общность темы «маленького человека» позволяли эмигрантам испытывать сопричастность жизни китайского народа.

По мнению Г. Струве, 1925–1939 гг. – период самоопределения для русских эмигрантов, когда приходит понимание, что эмиграция будет надолго [17. С. 11]. Стремление «жить как у себя дома» продолжалось до 1932 года⁴. Вынужденное рассеяние по городам на Дальнем Востоке вызывало желание осмыслить роль Китая в жизни эмиграции. С конца 1920-х гг. дальневосточная диаспора начала обнаруживать попытки осознания своей «региональной самоценности» [18. С. 17], наметился повышенный интерес к восточным духовным ценностям. Это было обусловлено философской и мифопоэтической традицией на рубеже веков, в развитие которой большой вклад внес философ и мыслитель В.С. Соловьев. Его идеи единства мировой культуры и творчество таких представителей Серебряного века, как А.А. Блок, К.Д. Бальмонт, Н.С. Гумилев, оказали большое воздействие на мировоззрение эмигрантов на Дальнем Востоке.

Кроме того, в развитии общественно-культурной деятельности эмигрантов на Дальнем Востоке боль-

шую роль сыграли идеи евразийства. Об этом говорит, например, художественная ориентация таких объединений, как «Понедельник» (1929–1934), «Восток» (1933–1935), созданных в Шанхае. В одной из статей сборника «Врата», изданного объединением «Восток», говорилось: «Живя в обстановке стран древних азиатских культур, мы поставлены в особо выгодные условия для продолжения культурно-исторической роли нашей Родины – связующего и связывающего звена между Востоком и Западом, черпающего и сплавляющего в себе лучшее, что есть в обоих, для создания чего-то Третьего, которому, быть может, и суждено примирить современную культуру с современной цивилизацией» [19. С. 2].

Стремление к диалогу с культурой страны рассеяния можно обнаружить во многих стихах поэтов. Можно сказать, что мотивы и сюжеты «возрождения» в поэзии эмиграции на Дальнем Востоке развиваются в духе евразийства. Главой евразийства дальневосточного зарубежья считался публицист и писатель Вс.Н. Иванов, который призывал русских читателей к пониманию своих азиатских истоков, указывая, что «только перетряхивая полным пересмотром историю Востока, найдем мы самих себя» [20. С. 13]. Он стремился к общему, объединяющему началу. Его поэзия на китайскую тему является отражением его философских идей. Показательно стихотворение «Дракон», опубликованное в 1930 г. в журнале «Понедельник», который сыграл важную роль в ознакомлении русского читателя с культурными ценностями Востока. В стихотворении «Дракон» Вс. Иванова разворачивается мотив поиска первопричины, который сопрягается с экзистенциальными для поэта мотивами творения, создания и открытия мира. Образ дракона характерен для космологических мифов о сотворении мира в древнекитайской мифологии, в системе которой дракона ассоциируют, с одной стороны, с водной стихией, с другой – с небесной силой. Этот древний образ как элемент «китайского текста» прочно вошел в сознание русских эмигрантов и представлен в сюжете возвращения к праистокам.

Итак, в парадигму «китайского текста» вписывался созданный поэтами дальневосточной эмиграции образ Китая как воплощение мифа о спасении и обретенном рае. Представление о Китае как месте спасения выходило на первый план. Такое изменение мы особенно наблюдаем в произведениях старшего поколения поэтов эмиграции (А. Паркау, А. Несмелов (Митропольский) (1889–1945), Б. Бет (Буткевич) (1895–1931) и др.). Например, в раннем творчестве Паркау постоянно звучит мотив ностальгии по России. В ее стихотворении «На шаланде», опубликованном уже в 1937 г., образ китайца создан на основе трансформации эллинского мифа. Шаланда, плывущая по Сунгари, намекает на скитание изгнанников. Поэтесса не скрывает свою глубокую симпатию к сильному кормчему, который воспринимается ею как спаситель от повседневности. В 1930-е гг. поэт Несмелов создал немало стихотворений на тему деревенской жизни в Китае («Гряды» (1935); «Юли-юли» (1936); «Наша весна» (1939) и др.) [21]. Эта те-

ма противопоставлена эмигрантской тоске и городской суете как выражению экзистенциального сознания. Для эмигрантов важен не растраченный до конца потенциал оптимизма и веры в духовно-нравственное возрождение. В китайской традиционной культуре дальневосточные эмигранты усматривают духовную мощь, помогающую обретению истинного смирения, веры и любви.

Осознанное желание многих беженцев создать утопическую модель обретенного на чужбине рая обусловило их установку на романтизацию образа Китая. Мотивы очарования, влечения и любования экзотикой играют большую роль в преодолении маргинального сознания поэтов-эмигрантов. Среди них можно назвать таких, как К. Батурин (1903–1971), Н. Светлов (Свиньин) (1908 – начало 1970-х гг.), Е. Яшнов (1881–1943), М. Щербаков (1880–1956) и др.

Рассмотрим тяготение эмигрантов к принципам восточной поэзии и ориентальным темам на примере стихотворения «В пути» (1931) Батурина из журнала «Понедельник». Поэт писал: «Бамбуковая роща за каналом / И дом, крытый черепицей. / Медленно поворачивает вол черпало / Спица за спицей. / Каменной аркой перекинулся мост, / И фанзы на сваях обступили воду. / Дракон на крыше, загнувший хвост, / Старится год от году <...> От старой кумирни остались обломки / В стертых узорах знаков. / В заросли тополей бамбук тонкий / Растет из могил монахов» [18. С. 155–156]. Не случайно в названии стихотворения обозначен путь поиска духовных ценностей, путь к высшей истине, которая воплощена в китайских традиционных образах жилища на фоне пейзажа. Мотивы и образы китайской культуры вплетаются в общее смысловое поле и акцентируют причастность к восточной древности и вечности. Эти образы, восходящие к восточной поэзии и мифологии, воссоздают синкретический образ древнего Китая, представляют собой отголосок «эмигрантского мифа» как новой реальности, в которой живет душа.

Таким образом, семантическое поле «китайского текста» в поэзии эмиграции можно описать с помощью определений «тихий», «древний», «вечный», «неподвижный», «медленный». Оно противопоставлено хаотическому бытию изгнанничества. Поэтому поэт Яшнов, например, констатировал: «Все в мире суета и тлен, / Недвижим лишь Китай» («Зажги, Пекин, вечные огни...», 1937) [Там же. С. 639].

В этом плане мотив обращения к древности становился структурообразующим для «китайского текста». Осознав, что эмиграция будет долгой, русские поэты в 1930-е гг. стали обращаться к вечным ценностям, к онтологическим вопросам о единстве мирового бытия. В то же время знание китайского языка и переводческая деятельность некоторых русских эмигрантов позволяли им найти особый способ восприятия реальности, способ видения мира людьми иной культуры через переводы китайской поэзии⁵.

Русских поэтов тянуло к древности в силу понимания общности человеческого бытия, определенной концепцией всеединства В.С. Соловьева. Нередко мы встречаем в поэзии русских эмигрантов обращение к

китайским историческим персонажам, таким, например, как императрица Цы Си, поэты Ли Бо, красавица Ян Гуэй-фей и др. Они представлены как устойчивые национальные составляющие «китайского текста». Обращаясь к древним темам, русские эмигранты пришли к познанию самих себя, к созданию новой идентичности. Например, стихотворение В.Ф. Перелешина «Ночь на Сиху» (1951) полно исторических воспоминаний. В единый миф о поиске истины объединяются персонажи из различных пространственно-временных пластов – пророк Моисей, романтические поэты Китая Цюй Юань⁶ и Ли Бо⁷. Мы читаем: «Как говорят, “окно полно луной”. / Луна везде! И я, отныне юный, / Впадаю в мир уже почти родной. / Печаль, с которой сердце не сживется, / Поверг Цюй Юань в речную быстрину. / Седой Ли Бо нашел на дне колодца / Похмельную и низкую Луну...» [22. С. 27].

Образ луны в китайской культуре рассматривается как воплощение нравственности и предмет, вызывающий ассоциацию с ностальгией. В стихотворении русского поэта луна приобретает символическое значение. Экзистенциальное сознание направлено на самораскрытие, поиск «своего» в «другом», «общего» на чужбине. Причем проникновение в этнокультурную среду позволяет эмигрантам создать личную мифологию, о чем иронично писал А. Киржниц (про эмигрантов Марта и Камышнюка), что «они сами так погрязли в харбинском болоте, что вряд ли им уже удастся выбраться из него» [23. С. 44–45].

По мнению Е. Антошина, процесс формирования нового типа идентичности в условиях эмиграции отражается, в частности, в экспериментальном использовании поэтического языка [24. С. 116]. В поэзии почти всех дальневосточных эмигрантов можно выделить слова-китаизмы, такие как фанза⁸, кан⁹, гао-лянь¹⁰, джонка¹¹ и многие другие, свидетельствующие об их адаптации к языку «другой» культуры. Следует отметить, что восточный стиль, характеризующийся внешней сдержанностью и внутренней глубиной, присущ стихотворениям А. Ачаира, В. Марта, М. Щербакова, В. Перелешина, Вс. Иванова и других поэтов, которые стремились к постижению духовных основ китайской культуры.

Приведем в качестве примера стихотворение «Подражание китайскому» В.Ф. Перелешина, переводчика китайской поэзии. В названии стихотворения видно желание поэта воплотить принципы, присущие китайской поэзии: «Твой мир прям / хлеб да рты / я не там / я не ты / но и здесь / ложь да спесь / быть же вся / ты не я / лег меж нас / злой верст круг/слеп скрест глаз / вял смык рук / сух глаз блеск / слаб крыл всплеск / хил плеч двиг / нем душ крик» [25. С. 15]. Сцена, полная динамичного внутреннего драматизма, представлена в лаконической форме. Однословные слова, которые включают краткие прилагательные и имена существительные, создают ощущение простоты, вещности, фрагментарности, как в китайской каллиграфии. Стихотворение воплощает конфликт «ты не я» / «я не ты». Внешне очевидное противоречие русского языка и восточной формы как бы отражает внутренний конфликт в сознании поэта. С другой

стороны, стихотворения, состоящие из одних ударных слогов, встречаются в экспериментах русских поэтов начала XX в., например, таких как брахиколон.

Исследователями также отмечается сходство между сонетом и твердыми формами четверостиший китайской поэзии [27. С. 17]. Можно отметить, что после отъезда из Китая Перелешин сконцентрировал все силы на создании сонетов и на переводах китайских классических стихов, которые у него глубоко между собой связаны принципами поэтики. М. Щербакову принадлежат сонеты на китайскую тему, что представляет собой очевидный эксперимент [28. С. 285–312]. На наш взгляд, в форме сонета воплощены черты западной рациональности и собственной идентичности русского эмигранта, который чувствовал их близость к древнекитайской поэзии.

Как утверждал эмигрант М. Волин, «русская молодежь, оторванная от родины и заброшенная в полукитайский Харбин, особенно увлекалась поэзией, инстинктивно чувствуя, что именно в слове таится залог будущего возрождения России» [29. С. 218]. Причем мифологемы «смерти себя прежнего», «смерти и возрождения» и мотивы возвращения в поэзии дальневосточного зарубежья наполняются китайской духовной традицией, которая воспринимается как спасительная утопия.

Новые возможности для духовного совершенствования русские эмигранты усматривали также в буддийской философии. Буддизм вместе с даосизмом и конфуцианством во многом определили культурные традиции Китая. В поэзии эмигрантов слышны буддийские мотивы уединенной тишины, нирваны, преобразования сознания, отрешения от действительности, стремления к постижению природы Будды, прозрения и т.д. Отзвуки буддийской философии сливаются в стихах русских поэтов с мотивом тоски по родине и с темой судьбы. В буддийском представлении осмысление природы Будды соотносится с осознанием пустоты жизни. Важное место занимает образ Будды, в котором воплощена «забытая мудрость большого Китая» [18. С. 510]. Обращение к образу Будды, который мыслится русскими эмигрантами как духовная истина, помогает им вырваться из воспоминаний об изгнании, найти смысл жизни, свое внутреннее Я. Приобщение поэтов к китайской духовной традиции на уровне мифологизации эмигрантских реалий вытесняет описание повседневности на чужбине. Например, в китайской фруктовой лавчонке поэт Ачаир ощущает состояния сознания, близкие буддийским: «Рыбацкая воля, / купцовая леность, / буддийская вечность / и желтый закат. / И нежные зори. / Кристальность. Нетленность. / Нирвана. Беспечность» [30. С. 6]. Китайская действительность воспринимается поэтом в контексте буддийской традиции, согласно которой абсолютная истина заключается и во всех живых существах, и в обывательской жизни, и в чудесном пейзаже. В лаконичных строчках стихотворения эмигрант воплощает желание преобразовать все суетное и бренное для достижения просветления.

Рефлексия о вечной духовной основе китайской культуры у дальневосточных поэтов часто преломля-

ется в теме отцов и детей, которая получает оригинальное отражение в концепции «сыновнего благочестия». Как важная норма социального порядка древнего Китая и первый из всех моральных принципов, особенно для благородного человека, эта идея конфуцианства является ключом для понимания конструктивной системы «китайского текста». В стихотворении «Три души» В. Марта (В.Н. Матвеева) (1896–1937) она мыслится как ответственность сына перед отцом в старости. А поэт В. Перелешин толкует закон благочестия как строгое повиновение младшего старшим, детей – родителям в стихотворении «Заблудившийся аргонавт» (1947). Он писал: «Я б родился в городе южном – / В Баошане или Чэнду – / В имени-том, степенном, дружном, / Многодетном старом роду. / Мне мой дед, бакалавр ученый, / Дал бы имя Свирель Луны, / Или строже: Утес Дракона, / Или тише: Луч Тишины. <...> Лет пятнадцати, вероятно, / По священной воле отца, / Я б женился на неопрятной, / Но богатой дочке купца» [22. С. 22–23]. Однако Перелешин отнюдь не критикует старозаветные традиции, а возвращает нас к древнекитайским этическим традициям. Мотивы возвращения и возрождения реализуются тождеством семейных традиций и духовных начал, вечного прошлого и истинного бытия. Все мятежные настроения эпохи как будто выносятся за пределы стихотворения Перелешина, культуры Запада и Востока не вступают в противоречие. Это во многом было определено русской «всемирной отзывчивостью», присущей сознанию лирического героя: «Я широк, как морское лоно: / Все объемля и все любя, / Все заветы и все знамена, / Целый мир вбираю в себя» [Там же. С. 22].

Стихотворение «Заблудившийся аргонавт», написанное Перелешиним в последний период пребывания в Китае, можно считать воплощением эмигрантского мифа. Заглавие отсылает нас к стихотворению «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилева, который стремился искать истину в синтезе традиций Востока и Запада. В то же время миф об аргонавте, отправившемся в далекий путь за «золотым руном», транс-

формируется в поэзии Перелешина. В маленьком замкнутом мире китайской семьи он нашел возможность возрождения и обретения гармонии. Однако нужно сказать, что образы Китая и китайцев напоминают ему о России. Поэтому в концовке стихотворения «Заблудившийся аргонавт» автор пишет: «Я – до костного мозга русский / Заблудившийся аргонавт» [22. С. 23].

Характеризуя отличительные черты, присущие китайскому этносу, русские поэты воплощают в «китайском тексте» две семантические доминанты, которые основаны на мысли об ежедневном убогом прозябании китайского «маленького человека» и одновременно о вечных истоках древнейших родников духовной культуры. Они противоречивы и глубоко взаимосвязаны, вписываясь в символическую парадигму мифологем «космоса» и «хаоса». На их основе формировались мотивы отчуждения и бренности бытия, психологической травмы в изгнании, мотивы притяжения и непринятия «чужой» культуры. А с мифом о «возвращении», соответственно, соотносилась главная тема «китайского текста» – постижение и обретение рая, образ которого стал выражением экзистенциального прозрения. Он свидетельствует о том, что русские поэты стремились к пониманию всеобщности и вечности различных культур.

Таким образом, в поэзии русского дальневосточного зарубежья «китайский текст» представляет собой не только сверхтекстовое единство, тематически связанное с культурным представлением о Китае, но и духовную реальность сознания, воплощающую историю познания и открытия себя в «чужой» культуре. Он существует как новый вариант идентичности, который, как пишет о литературе русского зарубежья Е. Антошина, порожден не столько воздействием чужой культуры, сколько является новым шагом в самосознании исходной культуры [24. С. 111]. «Китайский текст» способствовал формированию «эмигрантского мифа», нашедшего воплощение в поэзии русской дальневосточной диаспоры как идентификации себя в культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По словам политического деятеля Н.В. Устрялова: «Харбин производит впечатление совсем патриархальное. Даже не дореволюционный, а прямо довоенный стиль жизни. Что-то совсем старомодное – словно “страна воспоминаний” из “Синей птицы”» [16. С. 25–26].

² «Краснобродые» – члены организованных банд, действовавших в Маньчжурии.

³ Популярными азартными играми в Китае с использованием игральные кости.

⁴ С приходом японских армейских подразделений началось вытеснение русских из Харбина. Многие из них были вынуждены переехать в город Шанхай, который для харбинцев был чужим.

⁵ Характерно, что русские поэты в эмиграции обращались к переводам китайской поэзии и прозы. В русских переводах вышли антологии поэтических произведений китайской литературы, например, такие как первая русская антология китайской поэзии (1926), изданная Я. Аракиным, сборник «Цветы китайской поэзии» (1928) под редакцией А. и И. Серебренниковых. Были изданы уже после войны антология «Стихи на веере» В. Перелешина (1970) и книга переводов Ай Цина «К солнцу» (1946), подготовленная Н. Светловым. Знали китайский язык и переводили древних поэтов В. Март, М. Щербаков, Ф. Камышнюк и др.

⁶ Цюй Юань (340–278 до н.э.), знаменитый поэт Китая, автор одной из самых больших и сложных поэм в Китае «Лисао», долгие годы скитался по окраинам государства. Когда Цюй Юань узнал, что родина была захвачена врагами, он покончил с собой, бросившись в воды реки Милу.

⁷ Ли Бо (Ли Бай) (701–762/763 г.) – знаменитый поэт Китая. О личности Ли Бо В.Ф. Перелешин писал, что «всю свою жизнь Ли Бай прожил беспутно – он много скитался по стране, состоял в Кружке Восьми Бессмертных Пьяниц и, в конце концов, утонул в колоде, пытаясь поймать в воде отражение луны. Такова, по крайней мере, широко распространенная легенда о его смерти» [26. С. 37].

⁸ Фанза – тип традиционного жилища, распространенный на Дальнем Востоке у коренных народов.

⁹ Кан – отопительная система в жилище в Восточной Азии.

¹⁰ Гаолян – зерновая культура.

¹¹ Джонка – традиционное китайское парусное судно для плавания по рекам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города. Избранные статьи. Таллин : Александра, 1992. Т. 2. С. 9–22.
2. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. СПб. : Искусство-СПб, 2003. 617 с.
3. Лотмановский сборник. М. : РГГУ, 1997. Вып. 2. С. 483–804.
4. Гардзонни С. Семантический ореол итальянских имен и названий в «итальянском тексте» русской поэзии // Имя: Внутренняя структура, семантическая аура, контекст : тез. междунар. науч. конф. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2001. Ч. 2. С. 186–188.
5. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
6. Люсий А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб. : Алетейя, 2003. 314 с.
7. Кондаков Б.В., Красноярова А.А. «Китайский текст» русской литературы (к постановке проблемы) // Казанская наука. 2017. № 9. С. 34–38.
8. Хабибуллина М.Н. Репрезентация «культурного иног» в романе Д.А. Пригова «Катя китайская» // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 251–255.
9. Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века : итоги и перспективы изучения : сб. науч. трудов, посвящ. 60-летию проф. В.В. Агеносова. М. : Советский спорт, 2002. С. 271–285.
10. Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин : опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2015. 462 с.
11. Млечко А.В., Балабанова М.А. Эмигрантский миф культуры русского зарубежья : генезис и мифологемы // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Философия. 2016. № 4 (34). С. 171–176.
12. Силантьев И.В. Лирический мотивный комплекс // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск : Гео, 2011. С. 106–114.
13. Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2 т. М. : Рос. энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 161–164.
14. Паркау А. Горит Москва (Драматический эскиз) // Русское обозрение. 1921. № 4. С. 21–22.
15. Перелешин В. Русские дальневосточные поэты // Новый журнал. 1972. № 107. С. 255–262.
16. Устрялов Н.В. Иркутск–Харбин // Русский Харбин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Моск. ун-та ; Наука, 2005. 349 с.
17. Струве Г. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. М. : Русский путь, 1996. 448 с.
18. Русская поэзия Китая : Антология / сост. В. Крейд и О. Баккич. М. : Время, 2001. 720 с.
19. Врата : Литературно-художественный журнал. Шанхай, 1934. Кн. 1. 206 с.
20. Иванов В.С. Мы : Культурно-исторические основы русской государственности. Харбин : Бамбуковая роща, 1926. 370 с.
21. Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1 : Стихотворения и поэмы. Владивосток, 2006. 207 с.
22. Перелешин В.Ф. Южный дом : пятая книга стихотворений. Мюнхен : Изд. автора, 1968. 47 с.
23. Киржниц А. У порога Китая. М., 1924. 70 с.
24. Антошина Е.В. Роль литературы в сохранении и развитии культурной идентичности в условиях русской эмиграции 1920–1940-х гг. (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2 (40). С. 109–121.
25. Перелешин В.Ф. Стихи // Россияне в Азии. Торонто. 1994. № 1. С. 7–16.
26. Перелешин В.Ф. Стихи на веере : Антология китайской классической поэзии. Frankfurt an Main : Посев, 1970. 41 с.
27. Ярославцев Г. Тайны танских четверостиший // Китайские четверостишия. Горечь разлуки. М., 2000. 448 с.
28. Щербаков М. В. Одиссеи без Итаки : повесть, рассказы, очерки, стихи, переводы / сост. А. Колесова. Владивосток : Рубеж, 2011. 480 с.
29. Волин М. Гибель молодой Чураевки // Новый журнал. 1997. № 209. С. 216–240.
30. Ачаир А. В фруктовой лавчонке // Рубеж. 1938. № 25.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 февраля 2018 г.

THE “CHINESE TEXT” AND THE EMIGRANT MYTH IN THE POETRY OF THE RUSSIAN FAR EASTERN EMIGRATION OF THE 1920S–1950S

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 45–51.

DOI: 10.17223/15617793/430/6

Cui Lu, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: cuilujiayou@mail.ru

Keywords: Russian literature abroad; poetry of Far Eastern emigration; traditional Chinese culture; “Chinese text”; oppositions “West/East”; “own/alien”; “emigrant myth”.

The article deals with the transformation of the forming “Chinese text” into an “emigrant myth” in the poetry of the Russian Far East emigration in the works of V.F. Perelyshin (Salatko-Petrishche), Vs.N. Ivanov, A.P., Parkou, A.A. Achair (Gruzov) and other poets. The “Chinese text” is understood as a mirror of the consciousness of poets who were alienated from Russia, and comprehended the traditional culture of China like the world of the second homeland. In contrast to the “national myth,” a new type of identity – an “emigrant myth” is being formed. As a way of constructing the artistic picture of the world, it is formed in the poetry of emigration through oppositions, such as Russia – China, West – East, I – the Other, past – present, memory – oblivion, etc. The article explores the proximity of the function of the mythologeme and the motive in the formation of a kind of an integral unity. In the “Chinese text”, Russian poets embody two semantic dominants, which are based on the thought of the daily life of the poor Chinese “little man” and, at the same time, of the eternal sources of the ancient spiritual culture. They are contradictory and deeply interrelated, fitting into the symbolic paradigm of the mythologemes of “cosmos” and “chaos”. On their basis, the motives of alienation and psychological trauma in exile, motives of acceptance and non-acceptance of the “alien” culture were formed. And, respectively, the main theme of the “Chinese text” – comprehension and finding paradise, the image of which became an expression of existential insight, – was correlated with the myth of “return”. It is shown that the motives and themes of “revival” in the emigrant mentality develop in the spirit of Eurasianism. It is concluded that since the 1930s the idea of China as a foreign space was receding into the background. As the embodiment of the salvation myth and the new paradise, the image of China integrated into the paradigm of the “Chinese text”. Mythologemes of the “death of the old me” and the “rebirth of the new me” were filled with the Chinese national tradition. On the basis of the analysis, it is proved that in poetry Russian emigrants recreate the syncretic image of ancient China. It is an echo of the “emigrant myth” as a new reality in which the soul lives. The aspect of immersion in the Other’s culture is considered, which reflects the process of formation of a new type of identity. It is determined that the motive of comprehending the religious culture of China, in which Russian poets see the possibility of revival and the attainment of harmony, plays a big role in the development of the

“Chinese text”. In the poetry of the Russian Far East, the “Chinese text” is not only a supertextual unity, thematically related to the cultural notion of China, but also the spiritual reality of consciousness, embodying the history of cognition and discovering oneself in the “Other” culture. It exists as a new version of identity, contributing to the formation of an “emigrant myth”.

REFERENCES

1. Lotman, Yu.M. (1992) *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda. Izbrannye stat'i* [The symbolism of Petersburg and the problems of the semiotics of the city]. Vol. 2. Tallin: Aleksandra. pp. 9–22.
2. Toporov, V.N. (2003) *Peterburgskiy tekst russkoy literatury* [Petersburg text of Russian literature]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
3. Lotman, Yu.M. (ed.) (1997) *Lotmanovskiy sbornik* [Lotman's collection]. Is. 2. Moscow: RSUH. pp. 483–804.
4. Gardzonio, S. (2001) [The semantic halo of Italian names and names in the “Italian text” of Russian poetry]. *Imya: Vnutrennyaya struktura, semanticheskaya aura, kontekst* [Name: Internal structure, semantic aura, context]. Abstracts of the international conference. Pt. 2. Moscow: Institute of Slavic Studies, RAS. pp. 186–188. (In Russian).
5. Abashev, V.V. (2000) *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text. Perm in the Russian culture and literature of the 20th century]. Perm: Perm State University.
6. Lyusy, A.P. (2003) *Krymskiy tekst v russkoy literatury* [Crimean text in Russian literature]. St. Petersburg: Aleteya.
7. Kondakov, B.V. & Krasnoyarova, A.A. (2017) Chinese text of Russian literature (to the statement of the problem). *Kazanskaya nauka – Kazan Science*. 9. pp. 34–38.
8. Khabibullina, M.N. (2013) Representation of the “cultural differences” in Prigov's novel “The Chinese Katya”. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 4. pp. 251–255. (In Russian).
9. Li, I. (2002) Obraz Kitaya v russkoy poezii Kharbina [The image of China in the Russian poetry of Harbin]. In: Alekseev, A.A. et al. *Russkaya literatura XX veka: itogi i perspektivy izucheniya* [Russian literature of the XX century: results and perspectives of the study]. Moscow: Sovetskii sport.
10. Zabyako, A.A., Zabyako, A.P., Levoshko, S.S. & Khisamutdinov, A.A. (2015) *Russkiy Kharbin: opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: experience of life-building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Blagoveshchensk: Amur State University.
11. Mlechko, A.V. & Balabanova, M.A. (2016) Emigrantskiy mif kul'tury russkogo zarubezh'ya: genezis i mifologemy [The emigrant myth of culture of the Russian abroad: genesis and mythologemes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 7, Filosofiya*. 4 (34). pp. 171–176.
12. Silant'ev, I.V. (2011) Liricheskiy motivnyy kompleks [Lyrical motive complex]. In: Romadanovskaya, E.K. (ed.) *Syuzhetno-motivnye komplekсы russkoy literatury* [The plot-motive complexes of Russian literature]. Novosibirsk: Geo.
13. Toporov, V.N. (1994) Model' mira (mifopoeticheskaya) [Model of the world (mythopoetic)]. In: Tishkov V.A. (ed.) *Mify narodov mira: Entsiklopediya: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Rossiyskaya entsiklopediya.
14. Parkau, A. (1921) Gorit Moskva (Dramaticheskii eskiz) [Moscow is burning (A dramatic sketch)]. *Russkoe obozrenie*. 4. pp. 21–22.
15. Pereleshin, V. (1972) Russkie dal'nevostochnye poety [Russian Far-Eastern poets]. *Novyy zhurnal*. 107. pp. 255–262.
16. Ustryalov, N.V. (2005) Irkutsk–Kharbin [Irkutsk–Harbin]. In: Taskin, E.P. (ed.) *Russkiy Kharbin* [Russian Harbin]. 2nd ed. Moscow: Moscow State University; Nauka.
17. Struve, G. (1996) *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile]. 3rd ed. Moscow: Russkiy put'.
18. Kreyd, V. & Bakich, O. (2001) *Russkaya poeziya Kitaya: Antologiya* [Russian poetry of China: Anthology]. Moscow: Vremya.
19. *Vrata: Literaturno-khudozhestvennyy zhurnal*. (1934) 1. 206 pp.
20. Ivanov, Vs. (1926) *My: Kul'turno-istoricheskie osnovy russkoy gosudarstvennosti* [We: Cultural and historical foundations of Russian statehood]. Harbin: Bambukovaya roshcha.
21. Nesmelov, A. (2006) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 1. Vladivostok: Rubezh.
22. Pereleshin, V.F. (1968) Yuzhnyy dom: pyataya kniga stikhotvoreniy [A southern house: the fifth book of poems]. Myunkhen: Izd. avtora.
23. Kirzhnits, A. (1924) *U poroga Kitaya* [At the threshold of China]. Moscow: Krasnaya nov'.
24. Antoshina, E.V. (2015) The role of literature in the preservation and development of cultural identity in the context of Russian emigration of the 1920s–1940s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (40). pp. 109–121. (In Russian).
25. Pereleshin, V.F. (1994) Stikhi [Poems]. *Rossiyan v Azii*. 1. pp. 7–16.
26. Pereleshin, V.F. (1970) *Stikhi na veere: Antologiya kitayskoy klassicheskoy poezii* [Poems on the fan: An anthology of Chinese classical poetry]. Frankfurt: Posev.
27. Yaroslavtsev, G. (2000) Tayny tanskikh chetverostishiy [Secrets of Tang quatrains]. In: Filatova, G.N. (ed.) *Kitayskie chetverostishiya. Gorech' razluki* [Chinese quatrains. Bitterness of separation]. Translated from Chinese. Moscow: Letopis'-M.
28. Shcherbakov, M.V. (2011) *Odissei bez Itaki: povest', rasskazy, ocherki, stikhi, perevody* [Odyssey without Ithaka: story, short stories, essays, poems, translations]. Vladivostok: Rubezh.
29. Volin, M. (1997) Gibel' molodoy Churaevki [The death of the young Churaevka]. *Novyy zhurnal*. 209. pp. 216–240.
30. Achair, A. (1938) V fruktovykh lavchonke [In a fruit shop]. *Rubezh*. 25.

Received: 27 February 2018

З.В. Шереметьева

ФРАНЦУЗСКИЕ ПРЕДЛОЖНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ «EN FORME DE» И «SOUS (LA) FORME DE»: ОПЫТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО, СИНТАКСИЧЕСКОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Представлены результаты анализа функционирования двух французских предложных выражений «en forme de» и «sous (la) forme de». Материалом исследования послужили французские публицистические тексты, выбранные из электронных архивов газет, а также словарные статьи французского толкового словаря. Особое внимание уделяется синтаксическим и семантическим особенностям каждого предложного выражения. Рассматривается вопрос о степени синонимичности двух служебных единиц.

Ключевые слова: служебная лексика; предлог; синтаксис; конструкции; семантика; тождество.

Служебная лексика постоянно находится в центре внимания лингвистов независимо от меняющихся ведущих направлений исследований и смены научных парадигм в целом.

В настоящее время во многих языках происходит активное пополнение класса служебных слов за счет знаменательных. Это обусловило повышенный интерес исследователей к *производным* служебным единицам. Производные служебные слова рассматриваются исследователями в аспекте грамматикализации [1–4]; актуально сопоставительное изучение служебных единиц двух языков [5–8], а также анализ единиц одного языка, обладающих признаками синонимии [9, 10].

Объектом настоящего исследования стали две производные служебные единицы французского языка *en forme de* и *sous (la) forme de*, выполняющие в предложении функцию предлога.

Для наименования служебных единиц подобного типа в лингвистике не существует единого термина. Это связано с проблемой лексико-грамматической квалификации служебных слов, образованных на основе знаменательных частей речи.

Исследователи относят служебные единицы данного типа к разным лексико-грамматическим классам. Ч. Филлмор предлагает рассматривать служебные слова подобного типа в качестве *конструкций*, план содержания или план выражения которых не выводятся напрямую из значений составных частей конструкций [11]. Фактически конструкция рассматривается как *идиоматическое* выражение. Похожие идеи высказывал А.Г. Назарян, с функциональной точки зрения он предлагал выделять коммуникативные и некоммуникативные фразеологизмы, а в группе некоммуникативных фразеологизмов – *фразеологизмы служебные* (сложные союзы и предлоги) [12. С. 60]. В русистике единицы этого типа чаще всего относят к классу *производных предлогов*. С такой позиции это явление описывается в работах М.В. Всеволодовой [13, 14], М.И. Конюшкевич [15], З.Д. Поповой [16] и др. Однако, по мнению Е.С. Шереметьевой, не все единицы, выполняющие предложную функцию, могут быть названы предлогами. Она вводит термин *отыменные релятивы* [17]. Этим термином называются как производные предлоги, так и существительные, выполняющие функцию, аналогичную

функции предлога, и стоящие на разных ступенях грамматикализации.

Во французских словарях для наименования единиц подобного класса используется термин *«locution prépositionnelle»* (дословно *предложное выражение*). Мы также будем пользоваться термином *предложное выражение* для обозначения исследуемых нами единиц.

Выбор французских предложных выражений *en forme de* и *sous (la) forme de* для лингвистического анализа обусловлен несколькими причинами:

- данные предложные выражения не становились объектом специального лингвистического анализа, хотя их значения представлены в толковом словаре французского языка *Trésor de la Langue Française Informatisé* (далее – TLFi) [18];

- французское существительное *forme* является ядром двух предложных выражений *en forme de* и *sous (la) forme de*, имеющих в некоторых случаях синонимическое значение;

- данные предложные выражения, наряду с некоторыми другими, входят в группу служебных единиц со значением *тождества*; определенные единицы этой группы уже становились объектами описания в предыдущих наших статьях [19, 20].

В данной работе представлены результаты лексикографического анализа, проведенного по данным словаря TLFi, синтаксического анализа конструкций, формируемых с помощью описываемых единиц, и семантического анализа, базирующегося на изучении синтагматических возможностей названных предложных единиц.

Материалом послужили публицистические тексты, выбранные из электронных версий французских газет *Le Monde* [21] и *Le Figaro* [22], электронной текстовой базы «Национальный корпус русского языка» [23], а также словарные статьи французского толкового словаря TLFi [18].

Лексикографический анализ. На основе французского существительного *la forme* (форма; внешний вид) образовались два предложных выражения *en forme de* и *sous (la) forme de*, которые в определенных условиях обладают близким значением.

По данным французского толкового словаря TLFi, предложное выражение *en forme de* образовано на базе следующего значения существительного *la forme*:

«apparence, aspect, traits caractéristiques de quelque chose» – *внешний вид, облик, характерные черты чего-либо*. В словаре TLFi у выражения *en forme de* выделяется несколько значений:

1. *Dont l'aspect, la structure rappelle celui (celle) de (quelque chose)* – облик, структура напоминает облик, структуру чего-либо.

В этом значении предложное выражение может употребляться как с предметными существительными, например, *la girouette en forme d'oiseau* (P. Vidal de La Blache. *Principes de la géographie humaine*. 1921. P. 167) – *флюгер в виде птицы*, так и с существительными, обозначающими интеллектуальную или артистическую деятельность, например, *se mémoire, en forme d'argumentation* <...> (Ch. Sainte-Beuve. *Port-Royal*. 1859. Т. 4. P. 79) – *доклад в виде аргументации*.

2. *Sous la forme de*: <...> *rassembler en forme de notes tous mes matériaux* <...> (B. Constant. *Journaux*. 1805. P. 224) – *объединить все свои материалы в виде заметок*.

3. *En guise de* (под видом, в качестве): *L'homme <...> lui dit en forme d'excuse <...>* (F. Stendhal. *La Chartreuse de Parme*. 1839. P. 185) – *Человек <...> сказал в виде извинения <...>*.

По данным словаря TLFi, предложное выражение *sous (la) forme de* имеет два значения, сформированных на основе двух разных значений существительного *la forme*.

В первом случае предложное выражение *sous (la) forme de* образовано на базе того же значения слова *la forme*, что и единица *en forme de*: «apparence, aspect, traits caractéristiques de quelque chose» – *внешний вид, облик, характерные черты чего-либо*:

– *avec l'aspect, la structure de (quelque chose)* – обладая внешностью / обликом, структурой чего-либо.

Исследуемое предложное выражение употребляется с предметными существительными: <...> *supportées par des anges sous forme d'enfants ailés* (L. Ménard. *Histoire des anciens peuples de l'Orient*. 1882. P. 155) – *поддерживаемые ангелами в виде детей с крыльями*, а также с абстрактными существительными: *Les pensées <...> se glissent <...> sous forme de note <...>* (R. Martin du Gard. *Souvenirs autobiographique et littéraires*. 1948. P. cxxx) – *мысли <...> проскальзывают <...> в виде заметок <...>*.

Другое употребление предложного выражения *sous (la) forme de* связано со следующим значением существительного *la forme*: «modalité, manière, état dans lequel se manifeste une réalité concrète ou abstraite» – *качество, свойство, манера, состояние, в котором проявляется факт конкретной или абстрактной действительности*.

– *Sous forme de*: <...> *une médication spéciale, administrée sous forme de pilules <...>* (P. Duhamel. *Le Combat contre les ombres*. 1939. P. 40) – *специальное лекарство, даваемое в виде пилюль*.

Данные словарной статьи TLFi, посвященной французскому существительному *la forme*, указывают на то, что два предложных выражения, образованных на базе этого существительного, имеют точки пересечения. Одно из значений предложного выражения *en forme de* (значение 2) толкуется с помощью синони-

мической единицы, которой является предложное выражение *sous (la) forme de*. Таким образом, можно сказать, что значение одного предложного выражения (*en forme de*) включает в себя значение другого (*sous (la) forme de*), и первое является, соответственно, более широким по значению.

Анализ синтаксических конструкций. Термин «конструкция» используется не только в том значении, в каком он введен Ч. Филлмором, но и как сокращенное наименование *синтаксических конструкций*. Синтаксическая конструкция понимается как автономная, независимая от предикативной схемы предложения «грамматическая структура, выражающая некоторое синтаксическое отношение», обладающая формой и содержанием и правилами внутреннего строения [24. С. 376–377]. В первую очередь термин «синтаксическая конструкция» применяется по отношению к структурам, в построении которых участвуют союзы и их аналоги, однако в последнее время сфера его функционирования расширилась и распространилась на служебные слова предложного типа [25].

Предложное выражение *en forme de* может участвовать в формировании двух типов синтаксических конструкций: двучленной именной и трехчленной конструкции.

(1) *Les deux hommes se sont vu remettre, comme tous les lauréats présents, un trophée en forme de grande horloge <...>* (Les rats qui portent du polyester sont moins sexy... c'est un « anti-Nobel » 2016 qui le dit // *Le Monde*. 23.09.2016). – Двоим мужчинам, как и другим присутствующим лауреатам, вручили *приз в виде* больших настенных часов <...>.

Пример (1) демонстрирует двучленную именную синтаксическую конструкцию *un trophée en forme d'horloge (приз в виде часов)*, сформированную с помощью французского предложного выражения *en forme de*. Ее составляющими являются два существительных, связанных между собой предложным выражением.

Существительное, стоящее слева от предложного выражения, мы называем *левым компонентом* синтаксической конструкции (в приведенном примере это слово *un trophée – приз*), а существительное, расположенное справа, – *правым компонентом* (*l'horloge – часы*).

(2) <...> *dans le musée <...>, où ils avaient organisé une rétrospective en forme de foire d'art contemporain <...>* (Elmgreen et Dragset se paient le Grand Palais à eux tout seuls // *Le Monde*. 21.06.2016). – <...> в музее <...>, где они организовали персональную выставку *в виде ярмарки* современного искусства <...>.

Пример (2) демонстрирует трехчленную синтаксическую конструкцию *organiser une rétrospective en forme de foire – организовать персональную выставку в виде ярмарки*, сформированную на базе предложного выражения *en forme de*.

Составляющими такой синтаксической конструкции являются два имени существительных (правый компонент – *la foire (ярмарка)*, левый компонент – *la rétrospective (персональная выставка)*) и общий член, представленный глаголом *organiser – организовать*.

(общий компонент морфологически может быть представлен как личными, так и неличными глагольными формами, реже – отглагольными существительными). Предложное выражение оформляет две линии связи – между именами существительными и между маркированным предложной единицей именем и общим членом.

Для предложного выражения *en forme de* двучленные синтаксические конструкции, по типу примера (1), являются более частотными – около 80% от всех проанализированных контекстных употреблений. Это связано с особенностями синтагматики, о которых речь пойдет ниже.

В отличие от *en forme de*, с помощью предложного выражения *sous (la) forme de* строятся в основном трехчленные синтаксические конструкции:

(3) *Elles [les discussions] doivent se poursuivre, ensuite, sous la forme de rencontres bilatérales <...>* (SNCF: *négos sur le temps de travail ouvertes* // Lefigaro.fr. 24.03.2016). – Они [дискуссии] должны в дальнейшем продолжиться в виде двусторонних встреч – трехчленная конструкция *elles doivent se poursuivre sous la forme de rencontres bilatérales* (они должны продолжиться в виде двусторонних встреч), где общим компонентом является глагол в форме инфинитива *se poursuivre* (продолжиться), левым компонентом – личное местоимение *elles* (они), а в качестве правого компонента выступает именная группа *les rencontres bilatérales* (двусторонние встречи).

В результате анализа типов синтаксических конструкций, формируемых двумя французскими предложными выражениями, можно сделать следующий вывод: в тех случаях, когда с помощью единицы *en forme de* строится трехчленная синтаксическая конструкция, *en forme de* чаще всего выступает в своем втором значении, т.е. является синонимом выражения *sous (la) forme de*.

Семантический анализ. С точки зрения синтагматических возможностей отмечается существенное различие между двумя единицами.

Предложное выражение *en forme de* чаще всего связывает предметные существительные, например: *un corps en forme de patate* – тело в форме картошки; *des lobes en forme de tête de canard* – лопасти в форме головы утки; *la table en forme de fer à cheval* – стол в форме подковы.

В противоположность этому предложное выражение *sous (la) forme de* в основном устанавливает отношения между предикатными существительными: *la vente sous forme de leasing* – продажа в виде аренды; *pénalités sous la forme d'aides* – штрафы в виде помощи; *un accompagnement sous la forme d'un Civis* – поддержка в виде контракта.

Кроме того, левым компонентом синтаксической конструкции с предложным выражением *sous (la) forme de* (в отличие от конструкций с *en forme de*) может быть одушевленное существительное со значением лица. Например:

(4) *Les quatre artistes seront représentés sous la forme d'hologrammes, soit des images virtuelles reconstituées par ordinateur <...>* (Claude François, Dalida, Mike Brant et Sacha Distel vont remonter sur scène //

Lefigaro.fr. 11.04.2016). – Четыре артиста будут представлены в виде голограмм, а именно в виде виртуальных изображений, сконструированных на компьютере <...>.

Отметим, что оба французских предложных выражения могут сочетаться как с предметными, так и с предикатными существительными (на что указывают примеры из словарной статьи TLFi), однако по частотности сочетаемости с двумя типами существительных эти единицы значительно различаются.

Русскими аналогами предложных выражений *en forme de* и *sous (la) forme de* являются производные предлоги *в виде* и *в форме*, их семантико-синтаксические особенности были описаны В.В. Гавриленко [9]. В большинстве случаев русские производные единицы *в виде* и *в форме* являются взаимозаменяемыми – «значение одной единицы толкуется через другую» [Там же. С. 38]. С точки зрения их сочетаемости с предметными и предикатными существительными различий не фиксируется [Там же]. Оба русских предлога строят как трехчленные, так и двучленные синтаксические конструкции [Там же. С. 39]. Следовательно, русские предлоги *в виде* и *в форме* могут являться аналогами обоих французских выражений.

Мы рассматриваем предложные выражения *en forme de* и *sous (la) forme de* наряду с такими предложными единицами: *en qualité de*, *à titre de*, *en manière de*, *dans un geste de*, *en guise de*, etc и их русскими аналогами *в качестве*, *в роли*, *в функции*, *в порядке*, *в лице* и т.д., объединенными общей семантикой тождества.

Основанием для объединения названных выше форм является общая семантика тождества.

Предложные выражения, входящие в данную группу, могут устанавливать отношения функционального или сущностного тождества. Общим является формирование между компонентами конструкции субъектно-предикатных отношений.

Отношения сущностного тождества формируются тогда, когда субъектно-предикатные отношения указывают только на эквивалентность явлений, названных правым и левым компонентами конструкции.

О функциональном тождестве мы говорим в том случае, когда субъектно-предикатные отношения указывают на приравнивание функций предметов, названных компонентами синтаксической конструкции, но не на эквивалентность самих предметов. Ср.:

- а) использовать щепочку в качестве лопатки;
- б) выбрать компанию № в качестве партнера.

В конструкции (а) между компонентами устанавливается отношение функционального тождества: щепочка используется в функции лопатки. О конструкции (б) мы можем говорить как о конструкции с отношениями сущностного тождества: компания № становится партнером («компания № есть партнер»).

Французское предложное выражение *sous (la) forme de* также может устанавливать между компонентами конструкции два типа отношений тождества. Например:

(5) *Une partie de ces pénalités est en effet versée sous la forme d'aides* à la construction de logements sociaux

ou d'assistance aux foyers surendettés. (Subprime: l'amende de 5, 1 milliards de dollars de Goldman Sachs ne satisfait pas tout le monde // Lefigaro.fr. 12.04.2016). – В действительности часть этих *штрафов вкладывается в виде помощи* в строительство социального жилья или *поддержки* семей с большими задолженностями.

В примере (5) смысл выделенной части предложения можно трактовать как «штрафы *выполняют функцию* помощи и поддержки», следовательно, в конструкции устанавливается отношение *функционального* тождества.

(6) Elles [les discussions] doivent se poursuivre, ensuite, sous la forme de rencontres bilatérales <...> (SNCF: négos sur le temps de travail ouvertes // Lefigaro.fr. 24.03.2016). – Они [дискуссии] должны затем продолжиться в виде двусторонних встреч <...>.

В примере (6) именная группа в позиции правого компонента (*rencontres bilatérales*) называет определенный способ существования или проявления того явления, которое названо левым компонентом (*les discussions*). Таким образом, можно утверждать, что в данной конструкции выражаются отношения *сущностного* тождества.

В некоторых случаях трудно провести четкую границу между отношениями функционального и сущностного тождества. Ср.:

(7) Il a ajouté que la hauteur exacte sera annoncée à la fin des travaux, en soulignant que sa compagnie souhaite *présenter la nouvelle tour sous forme de «cadeau à Dubaï avant 2020»*, année fixée pour l'Exposition universelle. (Dubaï va construire une tour plus haute que la Burj Khalifa // Lefigaro.fr. 10.04.2016). – Он добавил, что точную высоту объявят к концу работ, подчеркнув, что его компания хочет *преподнести* новую *башню в виде «подарка* Дубаю до 2020 года», года Всемирной выставки.

С одной стороны, в конструкции *présenter la nouvelle tour sous forme de cadeau* (*преподнести* новую *башню в виде подарка*) можно увидеть значение функционального тождества – башня выполняет функцию подарка; с другой стороны, здесь можно увидеть и значение сущностного тождества – башня является подарком.

В конструкциях, строящихся с помощью предложного выражения *en forme de*, не обнаруживается примеров отношений тождества *функционального*, между компонентами конструкции устанавливаются отношения *сущностного* тождества:

(8) *Ce concert* du 8 octobre *en forme d'hommage* au Théâtre du Châtelet, est l'occasion d'inviter des instrumentistes ou chanteurs britanniques <...> (Des concerts à réserver, savourer, réécouter : notre sélection musicale // Le Monde. 03.10.2016). – Этот *концерт* 8 октября *в виде знака уважения* к театру Шатле – возможность пригласить британских инструменталистов или певцов <...>.

Конструкции, вводимые французской предложной единицей *en forme de*, помимо отношений сущностного тождества, могут устанавливать отношения *сход-*

ства. Этот тип отношений выделяется также у русского предлога *в форме* [9. С. 38]. Ср.:

(9) En ouvrant la réunion, autour de *la table en forme de fer à cheval*, le secrétaire général de l'ONU, Ban Ki-moon, en a rappelé les enjeux <...> (Au conseil de sécurité de l'ONU, impasse diplomatique totale sur la Syrie // Le Monde. 22.09.2016). – Открывая собрание за *столом в форме подковы*, генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун напомнил о целях <...>.

(10) Les chercheurs attendaient *un corps en forme de patate*, ils en ont eu *un en forme de « canard »* avec tête, cou et corps (Un crash sur une comète... Et ainsi se termina la mission Rosetta // Le Monde. 30.09.2016). – Ученые ожидали обнаружить *тело в форме картошки*, а увидели *тело в форме «утки»* с головой, шеей и туловищем.

(11) Почему бы не напомнить себе об этом, разместив в спальне или гостиной ажурную *подставку* под цветы, выполненную *в форме сердечка* (Преврати свой дом в цветущий сад! // Даша. 2004).

В примерах (9)–(11) правый и левый компоненты называют предметы, один из которых по внешнему виду похож на другой, поэтому мы можем говорить об установлении между компонентами конструкции отношений *сходства*.

Этот тип отношений связан со значением существительного *la forme*, лежащего в основе предложного выражения *en forme de*: «apparence, aspect, traits caractéristiques de quelque chose» – *внешний вид, облик, черты, характеристики чего-либо* [18].

Проведенный анализ синтаксических и семантических особенностей двух предложных выражений, а также анализ их лексикографического описания позволяет сделать следующие выводы:

– в определенных случаях (чаще всего в трехчленных конструкциях с параллельными членами) предложные выражения *en forme de* и *sous (la) forme de* могут выступать в качестве синонимов; выражение *en forme de* включает в себя одно из значений выражения *sous (la) forme de*;

– оба предложных выражения могут участвовать в формировании двух типов синтаксических конструкций (трехчленной и двучленной именной) и сочетаться как с предметными, так и с предикатными существительными, однако *en forme de* чаще сочетается с предметными существительными и формирует двучленные именные конструкции, а *sous (la) forme de*, напротив, сочетается в первую очередь с предикатными существительными и организует трехчленные конструкции;

– обе исследуемые формы могут устанавливать отношения *тождества* между правым и левым компонентами синтаксических конструкций, а предложное выражение *en forme de* помимо отношений *тождества* может также устанавливать отношения *сходства*.

Таким образом, мы не можем говорить о полной синонимичности описываемых предложных выражений. В определенных контекстах они являются взаимозаменяемыми, однако наблюдаются существенные различия в синтаксических и семантических свойствах двух выражений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М. : Наука, 1967. 280 с.
2. Fagard B., De Mulder W. La formation des prépositions complexes : grammaticalisation ou lexicalisation ? // *Langue française*. 2007. № 156. P. 9–29.
3. Fagard B., Prévost S. Grammaticalisation et lexicalisation : la formation d'expressions complexes // *Langue française*. 2007. № 156. P. 3–8.
4. Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке : от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // *Вопросы языкознания*. 2016. № 1. С. 25–50.
5. Волгина О.В. Английский предлог AGAINST и русский ПРОТИВ: семантика локализации // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2015. № 7 (49), ч. 1. С. 22–26.
6. Инькова-Минзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 451 с.
7. Суровцева С.И. Структурные и семантические свойства лексических и фразеологических предлогов со значением темпоральности в современном русском и французском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 24 с.
8. Мулюкина Л.Р. Особенности функциональной транспозиции предложных сочетаний на уровне текста : на материале французского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007. 160 с.
9. Гавриленко В.В. Семантико-синтаксические особенности производных предлогов «в форме» и «в виде» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2013. № 3 (21), ч. 1. С. 37–40.
10. Legallois D., Schnedecker C. Par manière de/en manière de : éléments de description diachronique et synchronique // *Autour de la préposition*. Caen, 2009. P. 117–128.
11. Fillmore C.J., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions : The Case of Let Alone // *Language*. 1988. Vol. 64, № 3. P. 501–538.
12. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. шк., 1987. 288 с.
13. Всеволодова М.В. Предлог как грамматическая категория : проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики // *Вопросы функциональной грамматики* : сб. науч. тр. Гродно : Изд-во ГрГУ, 2002. Вып. 4. С. 14–25.
14. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Кн. 1 : Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М. : ЛИБРОКОМ, 2014. 304 с.
15. Конюшкевич М. О механизме опредложивания знаменательной лексики // *Лінгвістичні студії* : зб. наук. праць. Донецьк : ДонНУ, 2005. Вип. 13. С. 65–70.
16. Попова З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предлогами в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). Воронеж, 2014. 232 с.
17. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток : Изд-во Дальневосточ. ун-та, 2008. 236 с.
18. Trésor de la Langue Française Informatisé. URL: <http://www.cnrtl.fr/definition/> (дата обращения: 13.10.2017).
19. Морева Н.С., Шереметьева З.В. Французские предложные выражения «en qualité de», «à titre de», «en guise de» на фоне русского предлога «в качестве» // *Филологические науки : вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2015. № 9 (51), ч. 2. С. 139–143.
20. Шереметьева З.В. Структурно-семантические особенности русских производных предлогов «под видом», «под предлогом» и их французских аналогов // *Научный диалог*. 2017. № 4. С. 99–109.
21. Le Monde. URL: <http://www.lemonde.fr/> (дата обращения: 15.09.2017).
22. Le Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения: 15.09.2017).
23. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.09.2017).
24. Прияткина А.Ф. Область конструктивного синтаксиса и синтаксическая конструкция // *Язык: поиски, факты, гипотезы* : сб. статей к 100-летию со дня рождения академика Н.Ю. Шведовой / отв. ред. М.В. Ляпон. М. : ЛЕКСПУС, 2016. С. 375–380.
25. Шереметьева Е.С. Понятие «конструкция» как языковое явление и как инструмент описания служебных слов предложного типа // *Филологические науки : вопросы теории и практики*. Тамбов : Грамота, 2015. № 11 (53), ч. 3. С. 218–220.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 11 марта 2018 г.

FRENCH PREPOSITIONAL EXPRESSIONS “EN FORME DE” AND “SOUS (LA) FORME DE”: THE ELEMENTS OF LEXICOGRAPHICAL, SYNTACTICAL AND SEMANTIC ANALYSIS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 52–57.

DOI: 10.17223/15617793/430/7

Zinaida V. Sheremeteva, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: sheremeteva_zv@students.dvfu.ru

Keywords: functional words; preposition; syntax; constructions; semantics; identity.

This article presents the results of a comparative analysis of two French prepositional expressions, *en forme de* and *sous (la) forme de*. These two prepositional units have never become the object of a special linguistic analysis though they are described in some explanatory dictionaries. Both expressions are formed on the basis of the French noun *forme* and, according to the French explanatory dictionary *Trésor de la Langue Française Informatisé* (TLFI), have some cross points in their use, so they can be referred to as synonyms in some cases. The article starts from the lexicographical analysis based on the TLFI entries and continues with syntactical and semantic ones. Special attention is given to the constructional peculiarities and collocation features. The language material is collected with the help of electronic text bases (the French newspaper archives and the Russian language corpus). According to the language facts, both French prepositional expressions can form three-component syntactical constructions that consist of the left component (a noun on the left of the prepositional unit), the right component (a noun on the right of the prepositional unit) and the general component (a verb form). The prepositional expressions *en forme de* and *sous (la) forme de* connect the left component to the right one and at the same time the general component to the right component. This type of constructions is more frequent with the *sous (la) forme de* prepositional expression. Typical constructions formed with the help of *en forme de* are two-component noun constructions where the prepositional unit connects two parallel nouns. These syntactical peculiarities can be explained by the collocation features of each prepositional expression. *En forme de* is more often used with material and concrete nouns, for example, *la table en forme de fer à cheval* (the table in the form of a horseshoe), where the prepositional unit connects two material nouns, *une table* (a table) and *un fer à cheval* (a horseshoe). On the contrary, *sous (la) forme de* usually connects abstract nouns, for example, *pénalités sous la forme d'aides* (fines in the form of help). In the sentence, both prepositional expressions along with some other French and Russian prepositions can establish identity relations. But *en forme de*, unlike *sous (la) forme de*, can also have a comparative mean-

ing in some cases. Therefore, two French prepositional expressions *en forme de* and *sous (la) forme de* can have synonymic meanings in some contexts. Nevertheless, in many cases they have considerable differences in syntax and semantics and, thus, in use.

REFERENCES

1. Cherkasova, E.T. (1967) *Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi* [The transition of notional words into prepositions]. Moscow: Nauka.
2. Fagard, B. & De Mulder, W. (2007) La formation des prépositions complexes: grammaticalisation ou lexicalisation? [The formation of complex prepositions: grammaticalisation or lexicalisation?]. *Langue française*. 156. pp. 9–29.
3. Fagard, B. & Prévost, S. (2007) Grammaticalisation et lexicalisation: la formation d'expressions complexes [Grammaticalisation and lexicalisation: the formation of complex expressions]. *Langue française*. 156. pp. 3–8.
4. Vinogradova, E.N. (2016) Grammatikalizatsiya v russkom yazyke: ot formy sushchestvitel'nogo k predlogu (na materiale somatizmov) [Grammaticalisation in Russian: from the form of a noun to a preposition (on the basis of somatisms)]. *Voprosy yazykoznanija*. 1. pp. 25–50.
5. Volgina, O.V. (2015) English preposition *against* and Russian *protiv*: semantics and localisation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 7 (49):1. pp. 22–26. (In Russian).
6. In'kova-Minzotti, O.Yu. (2001) *Konnektory protivopostavleniya vo frantsuzskom i russkom yazykakh (sopostavitel'noe issledovanie)* [Connectors of opposition in French and Russian languages (a comparative study)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
7. Surovtseva, S.I. (2006) *Strukturnye i semanticheskie svoystva leksicheskikh i frazeologicheskikh predlogov so znacheniem temporal'nosti v sovremennom russkom i frantsuzskom yazykakh* [Structural and semantic properties of lexical and phraseological prepositions with the meaning of temporality in modern Russian and French languages]. Abstract of Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
8. Mulyukina, L.R. (2007) *Osobennosti funktsional'noy transpozitsii predlozhnykh sochetaniy na urovne teksta: na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Features of the functional transposition of prepositional combinations at the level of the text: on the material of the French and Russian languages]. Philology Cand. Diss. Ufa.
9. Gavrilenko, V.V. (2013) The semantic-syntactic features of derivative prepositions “v forme” and “v vide”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 3 (21):1. pp. 37–40. (In Russian).
10. Legallois, D. & Schnedecker, C. (2009) Par manière de/en manière de: éléments de description diachronique et synchronique [By way of / in way of: elements of diachronic and synchronic description]. In: François, J., Gilbert, E., Guimier, C. & Krause, M. (eds) *Autour de la préposition* [Around the preposition]. Caen: Presses Universitaires de Caen. pp. 117–128.
11. Fillmore, C.J., Kay, P. & O'Connor, M.C. (1988) Regularity and Idiomaticity in Grammatical Constructions: The Case of Let Alone. *Language*. 64:3. pp. 501–538.
12. Nazaryan, A.G. (1987) *Frazeologiya sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Phraseology of modern French]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
13. Vsevolodova, M.V. (2002) Predlog kak grammaticheskaya kategoriya: problemy definitivnosti, tipologiya, morfologicheskie i sintaksicheskie kharakteristiki [The preposition as a grammatical category: definition problems, typology, morphological and syntactic characteristics]. In: Konyushkevich, M.I. (ed.) *Voprosy funktsional'noy grammatiki* [Issues of functional grammar]. Is. 4. Grodno: Grodno State University. pp. 14–25.
14. Vsevolodova, M.V., Kukushkina, O.V. & Polikarpov, A.A. (2014) *Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa. Materialy k funktsional'no-grammaticheskomu opisaniju real'nogo upotrebleniya* [Russian prepositions and means of prepositional type. Materials to the functional-grammatical description of real use]. Book 1. Moscow: LIBROKOM.
15. Konyushkevich, M. (2005) O mekhanizme opredelozhivaniya znamenatel'noy leksiki [On the mechanism of describing notional vocabulary]. *Lingvistichni studii*. 13. pp. 65–70.
16. Popova, Z.D. (2014) *Predlozhno-padezhnye formy i oboroty s proizvodnymi predlogami v russkikh vyskazyvaniyakh (sintaksicheskie otnosheniya i funktsii)* [Prepositional-case forms and constructions with derivative prepositions in Russian utterances (syntactic relations and functions)]. Voronezh: Voronezh State University.
17. Sheremet'eva, E.S. (2008) *Otymennyye relyativy sovremennogo russkogo yazyka. Semantiko-sintaksicheskie etyudy* [Noun-based relatives of the modern Russian language. Semantic-syntactic studies]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
18. Trésor de la Langue Française Informatisé [Computerised Thesaurus of the French Language]. [Online] Available from: <http://www.cnrtl.fr/definition/>. (Accessed: 13.10.2017).
19. Moreva, N.S. & Sheremet'eva, Z.V. (2015) French prepositional expressions “en qualité de”, “à titre de”, “en guise de” against the background of the Russian preposition “as”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 9 (51):2. pp. 139–143. (In Russian).
20. Sheremet'eva, Z.V. (2017) Structural and Semantic Features of Russian Derivative Prepositions, and Their French Counterparts *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 4. pp. 99–109. (In Russian).
21. Le Monde. [Online] Available from: <http://www.lemonde.fr/>. (Accessed: 15.09.2017).
22. Le Figaro. [Online] Available from: <http://www.lefigaro.fr/>. (Accessed: 15.09.2017).
23. National Corpus of the Russian Language. [Online] Available from: <http://ruscorpora.ru/>. (Accessed: 15.09.2017). (In Russian).
24. Priyatkina, A.F. (2016) Oblast' konstruktivnogo sintaksisa i sintaksicheskaya konstruktivnaya [The domain of constructive syntax and syntactic construction]. In: Lyapon, M.V. (ed.) *Yazyk: poiski, fakty, gipotezy: sb. statey k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika N.Yu. Shvedovoy* [Language: searches, facts, hypotheses: articles to the 100th anniversary of the birth of Academician N.Yu. Shvedova]. Moscow: LEKSUS.
25. Sheremet'eva, E.S. (2015) Concept “construction” as a linguistic phenomenon and as an instrument to describe the auxiliary words of prepositional type. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 11 (53):3. pp. 218–220. (In Russian).

Received: 11 March 2018

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.42

М.В. Клёцкин

ОБ ОБЪЕКТИВНОСТИ ПОЗНАНИЯ В КВАНТОВОЙ МЕХАНИКЕ

Статья посвящена специфике познания физических объектов в квантовой механике. Проанализирована взаимосвязь категорий «объективность», «причинность», «истинность», «сущее» и предложена праксеологическая модель их объединения. Обосновывается утверждение о том, что знание о природе значимо и выражает ценностное отношение познающего индивида. Анализируется специфика потенциального существования квантово-механических объектов. Показываются границы использования понятия «объективность» в естественнонаучном познании.

Ключевые слова: сущее; познание; объективность; субъективность; истина; ценностное отношение; квантовая физика; потенциальность.

Большинство современных физиков исходят в понимании сущего из механической парадигмы, в которой природа представлена как некая машина. В этой модели понимания сущее представлено рациональному субъекту как нечто подсчитываемое и структурированное. Сущее-само-по-себе и мышление «выносятся за скобки» как пустые абстракции из-за их ненаблюдаемости. Однако перед физиками неизбежно встает вопрос о происхождении «объективной реальности». Эта реальность действительно объективна, поскольку состоит из взаимодействующих *объектов познания* – сущностей наличного бытия. Она также является *истиной бытия*, поскольку представляет собой ценностный образ находимого сущего – материал для деятельности [1]. *Но объективная реальность не есть отдельно от мышления.* Поэтому задачей физической теории становится преодоление абстрактности онтологии физики Нового времени, ее оторванности от контекста практического освоения и изменения сущего. Такая задача ставит перед физикой неизбежные «метафизические» вопросы. «Старое разделение мира на объективный ход событий в пространстве и во времени, с одной стороны, и душу, в которой отражаются эти события, – с другой, иначе говоря, картезианское различие *res cogitans* и *res extensa* уже не может служить отправной точкой в понимании современной науки» [2. С. 303–304]. Отчужденная от самости бытия, абстрактно понятая «объективная реальность» должна быть переосмыслена как часть целостного сущего, как один из аспектов представленности физического сущего в сознании исследователя.

Принципиальным для сторонников классической физической парадигмы является вопрос об «объективности» квантовой механики. Они готовы признать, что объекты квантовой механики существуют независимо от сознания наблюдателя, но участие мышления в становлении квантовомеханической действительности категорически отрицают и относят к мистике. «Материал квантовой механики дает основание для обоснованной и последовательной критики только идеи „сущего самого по себе“, объекта, который существует независимо от экспериментальной установки, но вовсе не идеи существования объекта вне и независимо

от сознания» [3. С. 99]. «Объект» в переводе с латинского языка обозначает то, на что направлено внимание и устремление индивида. Очевидно, что речь в данном случае идет о внимании мышления. Таким образом, исходя из смысла категорий объекта и мышления, а также стремясь к научной строгости и логической непротиворечивости выражения мысли, мы должны утверждать, что *объект* (но не сущая-само-по-себе вещь) не может существовать вне процесса мышления. Вне мышления существует только сущее-само-по-себе. Осмысление находимого в процессе познания сущего создает «объективное» бытие (в классической немецкой философской традиции называемое «*Dasein*» – «наличным бытием»). Объективное бытие – это, таким образом, не сущее-само-по-себе, а уже *осмысленное*, действительное сущее. Непонимание этого тонкого момента создает недопонимание между физиками и философами.

Е.А. Мамчур, борясь с доктриной эпистемологического релятивизма, выделяет две противоположных точки зрения на проблему «объективности»: «Одна из них [проблем эпистемологии] это проблема *объективности* описания (термин Э. Шредингера), т.е. описание реальности такой, какой она существует сама по себе, без отсылки к наблюдателю. Другая – проблема „объективности“ в смысле адекватного описания действительности. В методологическом сознании оба понятия часто оказываются неразличимыми, как бы „склеенными“, хотя на самом деле речь идет о разных вещах. И это порождает путаницу в аргументации и спорах» [4. С. 125]. Всякое естественнонаучное знание «объектно», поскольку объектом исследования является независимое от сознания индивида сущее, и «объективно» в смысле стремления к адекватности научных суждений действительности. С такой интерпретацией можно согласиться. Мы говорим об «объективности» истины в смысле направленности мышления на изучение сущего-самого-по-себе, но сам термин «объективность» по отношению к истине не считаем неудачным, так как он может создавать иллюзию существования истины как объекта действительного бытия. Кроме того, само словосочетание «объективная истина» является тавтологичным, поскольку, по крайней мере в научном познании, истина

всегда объективна, т.е. относится к суждениям об объектах (сущностях) изучаемой реальности.

Было бы правильным, на наш взгляд, в качестве основной характеристики научной рациональности рассматривать не оппозицию объективности–субъективности, а оппозицию истина–ложь. В последней оппозиции ложь понимается именно как «субъективная» кажимость, не имеющая подтверждения в практике обращения с сущим, представленным как наличная объектность [5]. Дело в том, что всякое суждение объективно в том смысле, что высказывается об объекте (сущности), но не всякое так понятое объективное суждение истинно, поскольку о наличном бытии объекта могут высказываться и ложные суждения (неадекватные действительности). В новоевропейской метафизике истина определяется рациональным «субъектом», ставшим центром мироздания, а интерпретируется как адекватное отношение «субъекта» к «объекту». В крайнем случае истинность знания сводят к его «объектности», т.е. понимают истинное познание как независимое от наблюдателя и условий наблюдения исследование. Мы не согласны с такой интерпретацией. Истина не есть отношение или материальный объект, она непосредственна как бытие сущего-самого-по-себе и необходима как действительность. Поясним далее этот тезис.

О действительности как непосредственной истине сущего говорится уже в античной метафизике. Например, связь истины с бытием (соответственно, и с сущим) последовательно проводится Аристотелем во всех его работах по логике. В частности, в определении силлогизма: «Силлогизм же есть *логос*, в котором каким-то положенным с необходимостью *сопутствует что-то другое* для положенных, благодаря их [т.е. положенных] бытию» [6. An. Pr. 24b 18–22]. Исходные посылки силлогизмов выражают то, что «не может быть иначе», т.е. существует необходимо как что-то действительное. «Вещь, по видимому, – каким-то образом причина бытия истинного логоса; ибо из-за бытия или не [бытия] вещи логос [суждение] сказывается истинным или ложным» [7. Cat. 14b 19–22]. Когда сущее обнаруживается через действительность, становится объектом познания, его бытие для индивида приобретает характер сознательно необходимо-принудительного (*ἀναγκαιόν* – естественные потребности, принудительное, насильственное, мучительное). До Аристотеля на истину как бытие сущего указывал и Платон: «Οὗτος ος ἀν τὰ οντά λέγῃ ὡς ἐστίν, ἀληθής ος δ' ἀν ὡς οὐκ ἐστίν, ψευδής (Вот кто говорит о сущих как о том, что есть, истинно говорит; кто же, как о том, что не есть, – ложно)» [8. Crat. 385b].

Ложным, на наш взгляд, является следующее утверждение Лейбница: «Истины разума необходимы, и противоположное им невозможно; истины факта случайны, и противоположное им возможно» [9. С. 418]. *Истина необходима* в любом случае, что бы мы ни понимали под «истинами разума» и «истинами факта», причем необходима всегда с учетом временного фактора. Что же касается возможности противоположного истине, то, согласно известному принципу, «возможно все», а значит, «истины разума» и «ис-

тины факта» в этом отношении не отличаются. Само разделение на эти два вида рода истин показывает зависимость учения Лейбница от картезианской философской парадигмы, разрушающей имманентную связь между сущим и бытием, существовавшую в античной философии. Разрушающей в том числе и в логике, где суждения о действительности сущего рассматриваются как исходные посылки истинных умозаключений. «Речь о чем-то так же истинна, как и это нечто» [10. С. 102]. «Бытие» как связка суждения означает единство различаемого в суждении сущего-самого-по-себе и мышления, ведь мышление и есть «начало» бытия (но никак не сущего-самого-по-себе). *Суждение выражает состояние мышления как его истину*. Сущее истинно не само по себе, но только как осуществившееся в бытии (мышлении). С изменением знаний о сущем меняются способы его использования и, следовательно, значения различаемых индивидом сущностей и их ценность для индивида. Обогащение знаний о мире происходит не путем простого накопления фактических знаний, а путём перестройки всей системы знаний и сменой ценностных установок ученых при обращении с сущим. Меняются принципы и идеалы познания, что наиболее ярко проявляется во время научных революций.

Современное естествознание постепенно отказывается от абсолютизации объектности научного познания, что мы наблюдаем на примере развития квантовой физики. Одновременно оно приходит к признанию важной роли ученого в процессе познания. Ученый становится не пассивным наблюдателем и «зеркалом», отражающим объективное сущее, а подлинным субъектом (основанием) познания, понимаемого как деятельность, имеющая прагматическую цель. Познание ищет способы реализации прагматической цели. Поэтому в настоящее время непродуктивно, на наш взгляд, из последних сил цепляться за устаревшие, во многом продиктованные идеологической борьбой с «буржуазной» философией формы представления и решения эпистемологических проблем. Как следствие, возникает необходимость прояснить и уточнить терминологию, используемую в философии науки и онтологии.

«Объектность описания», понимаемая как неискаженное «отражение» в сознании сущего, невозможна, но вот об объективности в смысле «адекватности теоретического описания реальности действительному положению дел в мире... можно смело утверждать, что квантовая теория объективна в той же мере, что и классическая физика» [4. С. 127]. *Реальность* сущего, безусловно, объективна (сущностна), также объективен квантово-механический мир (поскольку существует как объект познания), но это не противоречит признанию конститутивной роли мышления в становлении «объективной реальности» (в кавычках, потому что реальность всегда объективна, поэтому добавление прилагательного «объективной» тавтологично). Отказ от неудачного, на наш взгляд, термина «объективность» для обозначения истинности познания не означает отказа от понимания истинности как «адекватности знания действительности». Знание *должно быть* адекватным бытию, в этом его смысл и телос.

Однако новоевропейская терминология, описывающая эту адекватность, устарела, что постоянно подчеркивается как многими современными философами, так и современными физиками-теоретиками. Неудачен, с нашей точки зрения, и термин «субъективное бытие». Если понимать под «субъективностью» индивидуальность бытия, то мы приходим к тавтологии, ведь бытие – всегда бытие индивида. Кроме того, если индивидуальное бытие назвать «подлежащим» («субъективным» переводится как «лежащее внизу»), то все качества, роды и виды должны сказываться о нем как о своей основе. Но разве не является такой основой материальное бытие сущего-самого-по-себе? Традиционно, начиная с Аристотеля, «подлежащим» (субъектом) суждения называют какие-либо сущности, но не индивида, размышляющего о сущностях.

Согласно новоевропейской традиции принято различать познавательный и ценностный подходы к познанию действительности. Под первым понимают построение «объективно истинной» картины действительности, выявление предзаданных причинно-следственных зависимостей; под второй – *субъективный* (основанный на личных предпочтениях) выбор цели, норм поведения, когда ценность выступает как психологическое основание выбора. Результаты познавательной деятельности – знания, картину действительности – ученый Нового времени стремится представить максимально «очищенными» от таких «субъективных» факторов. Мы же утверждаем, что ход познавательной деятельности определяется в том числе и определенными потребностями и стремлениями индивида. Свойства вещей исследуются в науке в конечном счёте для их использования в практической деятельности, для решения встающих перед индивидом проблем. То, что помогает решать такие проблемы, становится положительно окрашенным знанием, то, что мешает – отрицательно окрашенным, не приносящим удовлетворения, путем в никуда. Ценностное отношение фиксирует на предсознательном уровне положительные и отрицательные ориентиры, образующие сложную систему разнообразных методов достижения определенных целей познания. Эта система ориентиров задаёт ценностную структуру научных теорий.

Плюралистичность истины, отказ от понимания наблюдателя как инстанции, устанавливающей истинность суждений о физическом мире, ведут к релятивизму. Если релятивистская точка зрения верна, то не должно существовать никакого «кросс-парадигмального» содержания, составляющего единую основу всех сменяющих друг друга научных парадигм. Но такое содержание существует. Мы утверждаем, что принцип детерминизма, например, остается неизменным в квантовой механике, а все разговоры физиков о его крахе являются следствием непонимания онтологической структуры бытия и сути детерминизма. Чаще всего под индетерминизмом квантовой механики понимается невозможность точно предсказать поведение квантовых объектов. Но если мы выходим за рамки абстрактных теоретических построений и изучаем постоянно меняющуюся действительность, то *абсолютно точно предсказать будущее*

вообще невозможно, о будущем не может быть истинного знания в настоящее время. Например, невозможно предсказать эволюцию в животном мире.

Принцип причинности – один из основных принципов упорядочивания знаний, когда для каких-либо явлений изыскиваются определенные основания. Такие основания должны быть «ближайшими», т.е. максимально конкретным и раскрывающими суть явления. Поиск причин конституирует онтологическую структуру бытия, упорядочивает знания о нем. Квантовая теория в ее так называемой «стандартной интерпретации» не предсказывает, в какой точке пространства в данный момент времени находится элементарная частица, поскольку может предсказывать лишь вероятность такого нахождения. Однако это не является основанием для объявления квантовой физики индетерминистской. Всякое физическое явление имеет свое основание в сущем-самом-по-себе, а значит, имеет свою причину бытийного существования, познание которой формирует истинные знания об этом явлении. Но часто мы этих причин актуально не знаем. Об этом говорил Лейбниц в формулировке закона достаточного основания: «...ни одно явление не может оказаться истинным или действительным, ни одно утверждение справедливым, – без достаточного основания, почему именно дело обстоит так, а не иначе, хотя эти основания в большинстве случаев вовсе не могут быть нам известны» [11. С. 455]. Незнание причин явления не означает несуществования таких причин.

Камнем преткновения для многих ученых-естествоиспытателей становится следующий вопрос о физическом сущем: «Но спросим себя, если нет *никакой* формы, *никакой* сущности, то что же тогда выступает из потенции? Что и как описывается в квантовой электродинамике – если *нет ничего*? Чему же мы придаем тогда какие-то характеристики – заряд, массу и т.д.?» [3. С. 125]. Попытаемся ответить на эти вопросы следующим образом.

1. У сущего-самого-по-себе нет формы, оно не является сущностью-понятием, но именно оно составляет содержание потенциального бытия. Есть сущее-само-по-себе и именно оно «выступает» из потенциальности, становясь действительным бытием, имеющим определенную форму. «Есть актуальное – то, что мы видим здесь и сейчас. Однако существует ряд феноменов, где пространственно-временное описание неприменимо. Это мир квантовых феноменов. Вся квантовая нелокальность связана с проявлением именно этого модуса. То, что мы видим, – это своеобразная «проекция»... Первична не информация, а конкретное материальное окружение» [12. С. 48]. Потенциальность не есть сущее, а лишь одна из его характеристик и один из способов бытийного существования. Сущее-само-по-себе потенциально, но познание, различающее в сущем отдельные сущности, придает ему бытийную форму. «Никакое элементарное явление нельзя считать явлением, пока оно не наблюдалось» [13. С. 551]. То есть *актуальной* сущности нет до и отдельно от познания, как нет и возможности самой по себе, поскольку потенциальность определяется лишь по отношению к действительности. Из потенции «выступает» не форма, а сущее.

2. В квантовой механике структурируется физическое сущее, на основе опытных данных создается его математическая модель. До познания существует *неопределенное сущее*. В современной физической теории ближе всего к нашему пониманию физического сущего стоит концепция вакуума в квантовой физике. Вакуум понимается современными физиками не как абсолютная пустота или ничто, а как низшее («основное») энергетическое состояние квантованного поля, т.е. как состояние чистой потенциальности. Как сущее-само-по-себе (вместе с мышлением) порождает мир наличного бытия, так и вакуум порождает физические частицы. До восприятия такие частицы существуют как «виртуальные». В «пустом» пространстве «темной материи» (сущего-самого-по-себе) происходят так называемые нулевые (ненаблюдаемые) колебания полей. Процесс становления в квантовой теории поля может быть метафорически представлен как «вырождение вакуума» при спонтанном нарушении симметрии. Материальность вакуума доказывается в физике так называемым «эффектом Казимира» – вызываемым флуктуациями вакуума взаимным притяжением близко расположенных незаряженных тел различной геометрии. В физическом вакууме идет непрерывный процесс рождения и поглощения виртуальных (пока ненаблюдаемых) частиц. Нулевые колебания (флуктуации) вакуума могут служить матрицей всех квантовых физических явлений.

3. Характеристики физическим сущностям не придаются, эти характеристики находятся в процессе различения как свойства или случайные качества физических сущностей. Открытие (как процесс познания) делает физические сущности из возможных действительными, придает им форму. «Но все значения, имеющие отношение к способности [возможности], относятся к ее первичному смыслу, а это есть начало изменения вещи, находящееся в ином или в ней самой, поскольку она иное» [9. С. 164]. По нашему мнению, в данном случае Аристотель говорит о значениях сущего-самого-по-себе, воспринимаемого сознанием индивида как нечто материальное (порождающее) и «иное» по отношению к индивиду. Говоря языком квантовой механики, сущее как потенциальное бытие находится в состоянии суперпозиции. Сознание, безусловно, не влияет на протекание физических процессов непосредственно (опосредованно влияет через практику), поскольку физическое движение имеет свое начало лишь в сущем-самом-по-себе, а сознание влияет только на понимание физических процессов. Опыты по интерференции электромагнитных волн доказывают, что изменения условий таких опытов полностью меняют их результаты, т.е. их понимание. Современное естествознание «описывает и объясняет природу не так просто, что она является как бы сущей „самой по себе“». Она скорее является частью взаимной игры между природой и нами самими» [14. С. 66].

Как мы говорили выше, новоевропейская наука сузила материальный мир лишь до бытия «объективного» (наличного), не видя разницы между наличным бытием сущего и сущим-самим-по-себе. Квантовая механика возвратила физиков к античному пониманию физической реальности, которое включает как

необходимые моменты сущее-само-по-себе и мышление этого сущего. «Мы как бы вводим субъективный элемент в теорию» [14. С. 34]. Как подчеркивал В. Гейзенберг, «модифицированная логика квантовой теории неизбежно влечет за собой модификацию онтологии» [2. С. 161]. Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что попытки построения новой квантовомеханической онтологии модифицируют только новоевропейское понимание физической реальности, но не основы онтологии, сформулированные еще в античности. Модификация затрагивает сферу понимания законов физического мира учеными-естествоиспытателями. К такому же выводу приходят сами физики: «Классическая логика оказывается существенно необходимым (и неустранимым) элементом в построении всего каркаса квантовой теории» [15. С. 231]. На основании глубокого анализа интерпретаций квантовой механики А.Ю. Севальников утверждает, что «рассматриваемые „неореалистические“ трактовки, указывая на те или иные аспекты квантовой механики (будь то целостность (Бом), возможность или даже нелокальность), оставляют без изменения основной принцип „классичности“ – идею субстанциальности» [3. С. 144]. Активное неприятие естествоиспытателями тезиса о «созидании» сознанием реальности имеет причиной, по нашему мнению, его слишком прямолинейную трактовку. Научная рефлексия создает мысленный образ, научную картину находимого мышлением сущего, но, конечно же, не создает само сущее, ведь сущее существует независимо от его осознания. Тут существует тонкая грань между сущим-самим-по-себе и бытием этого сущего для сознания, часто неосознаваемая учеными-естествоиспытателями.

Понимание времени как «числа движения» также остается неизменным в квантовой механике. «Все утверждения квантовой механики имеют следующий вид: если теперь, в момент времени t , провести некое измерение, то с вероятностью p его результат окажется равным a . Все статистики квантовая механика описывает как функции одного точного временного параметра» [16. С. 265]. Сохранение понятия «стрелы времени», «выделенный статус» времени в квантовой механике свидетельствуют о фундаментальности понятия *движения*, ведь время, на наш взгляд, производно от движения и является мерой осмысления его процессуальности. «Время есть мера движения и нахождения [тела] в состоянии движения» [17. С. 152]. Необратимость времени в квантовой механике связана с необратимостью движения сущего, осмысляемого как становление бытия.

Нельзя согласиться и с утверждением об особом характере существования квантово-механических объектов в сравнении с объектами классической физики. Различение актуального и потенциального бытия, например, универсально. Становление и осмысление наличного бытия микрообъектов ничем не отличается от осмысления макрообъектов, кроме момента необходимости использования технических устройств для фиксации существования микрообъектов и наблюдения за ними. Так же как и для описания макрообъектов, в квантовой механике используются эмпирические методы познания, индукция и анализ.

Сущее в квантовой физике бытийно существует *относительно* прибора (которым могут считаться и органы чувств человека), а не само по себе – это важнейшее *метафизическое* положение новой, постнеклассической физики. Микрочастица становится доступной познанию только во взаимодействии с прибором. Прибор преобразует сущую-саму-по-себе сущность в бытийную, о-значает воздействие сущего и тем самым обуславливает его пригодность. Физическая сущность существует для сознания как знак, но знак, укорененный в сущем. Различаемый знак открывает физическое сущее в горизонте его использования. Описание физического мира на основе принципа его относительности к сознанию позволяет точнее понимать и эффективнее использовать информацию о микрообъектах, чем это было возможно в рамках пространственно-временных абстракций классической физики. Новые принципы познания природы привели к усовершенствованию математического аппарата физически: теории линейных операторов, их собственных значений, теории групп, бинарных отношений и т.д. Новый математический аппарат представляет мир не как зеркально «отраженный» в сознании, а как, прежде всего, вероятностный и потенциальный, и таким образом восстанавливает в правах физику Аристотеля.

Квантовая механика, на наш взгляд, в новом свете представила старые проблемные вопросы онтологии

познания. Онтология показывает, как человеческое мышление о-сваивает сущее, подчиняет его, а также праксеологию такого подчинения, в которой бытие сущего с самого начала имеет ценностный характер. Что такое борьба «интерпретаций» в квантовой механике, как не создание новой онтологии физики, отличной от «классической» картезианско-ньютоновской принципиально иным пониманием бытия сущего? В свое время немецкая классическая философия совершила революцию в новоевропейской онтологии и тем самым подготовила методологическую базу для революции в естественных науках. Успехи современного естествознания доказывают необходимость этой революции. «Изменение ценностных установок в эпоху постнеклассической науки не меняет фундаментальные нормы научной деятельности, остающиеся инвариантными со времен античности. Меняется их исторически конкретное понимание и воплощение в научной практике соответственно специфике предмета научного исследования и способа обращения с сущим. В этой [квантовой] теории изменились представления об объектности описания, но не об объективности» [18. С. 271]. Это мы и попытались продемонстрировать на примере формирования методологии познания квантовой механики. Объективность, понимаемая как действительное бытие сущего, остаётся и в постнеклассической науке основанием и критерием истинности научного познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клещкин М.В. Ценностное отношение в научном познании // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2016. № 2 (152). С. 49–59.
2. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
3. Севальников А.Ю. Философский анализ онтологии квантовой теории : дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. 200 с.
4. Мамчур Е.А. Квантовая механика и объективность научного знания // 100 лет квантовой теории. История, физика, философия : тр. междунар. конф. М.: НИА-Природа, 2002. С. 125–129.
5. Клещкин М.В. Релятивизм в науке и ценностное отношение // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 4 (28). С. 50–56.
6. Aristotelis. *Analytica priora et posteriora* / ed. by W.D. Ross. Oxford : Clarendon Press, 1964.
7. Aristotle. *Categories and De Interpretatione* / tr. with notes by J.L. Ackrill. Oxford : Clarendon Press, 1963.
8. *Platonis opera*: in 5 vols. / Ed. by J. Burnet. Oxf.: Clarendon Press, 1900–1905.
9. Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 550 с.
10. Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
11. Лейбниц Г.В. Монология // Антология мировой философии : в 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. 776 с.
12. Проблема реализма в современной квантовой механике : материалы дискуссии // Философия науки и техники. 2016. Т. 21, № 2. С. 34–64.
13. Уилер Дж.А. Квант и вселенная. Астрофизика, кванты и теория относительности. М.: Мир, 1982. 560 с.
14. Heisenberg W. *Gesammelte Werke* Abt. C Bd. II. *Physik und Erkenntnis 1956–1968*. München, Zürich : Piper Verlag GmbH. 1984. 440 s.
15. Lenk H. *Interpretation und Realität. Vorlesungen über Realismus in der Philosophie der Interpretationskonstrukte*. Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1995. 268 s.
16. Шредингер Э. Специальная теория относительности и квантовая механика // Эйнштейновский сборник. 1982–1983. М.: Наука, 1986.
17. Аристотель. Собрание сочинений : в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. 613 с.
18. Мамчур Е.А. Образы науки в современной культуре. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2008. 400 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 19 марта 2018 г.

ON THE COGNITION OBJECTIVITY IN QUANTUM MECHANICS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 58–63.

DOI: 10.17223/15617793/430/8

Mikhail V. Kletschin, Samara State Medical University (Samara, Russian Federation). E-mail: samkoms@mail.ru

Keywords: entity; cognition; objectivity; subjectivity; truth; value relation; quantum physics; potency.

The article is devoted to the specificity of cognition of physical objects in quantum mechanics. It analyses the relations among such categories as objectivity, causality, truth, entity, and suggests a praxeological model of their association. The research illustrates that knowledge is always significant and expresses the value relation of the individual's cognition. The author of the article analyses the specifics of the potential existence of quantum mechanical objects. The article also shows the use of the concept “objectivity” in natural science cognition. Modern physics inevitably faces the question of the origin of “objective reality”. This reality is really objective and true, that is, it has all the characteristics of “objectivity”. But usually the fact is ignored that objective reality is not sepa-

rate from thinking about it, that is, it does not exist without an “observer”. The task of the physical theory is to overcome the abstractness of the ontology of the physics of modern times, its isolation from the context of practical development and change of entity. A physical object (but not a self-existent thing) cannot exist outside the process of thinking, because only for thinking it exists as an object. Outside of thinking there is only existent-self-in-itself, something that Kant called a “thing-in-itself”. Objective being is, thus, not being-self-in-itself, but already a meaningful, real entity. We are talking about the “objectivity” of truth in the sense of the orientation of thinking on the study of existence-most-in-itself, but the term “objectivity” in relation to truth is failing, since it can create an illusion of the existence of truth as an object of actual being. Modern science gradually refuses to absolutise the objectivity of scientific knowledge, which can be observed on the example of the development of quantum physics. Knowledge must be adequate to being; this is its meaning and telos. However, the new European terminology that describes this adequacy is outdated. In the author’s opinion, the main characteristic of scientific rationality is the opposition “truth – false”, rather than “objectivity – subjectivity”. The pluralistic nature of truth, the refusal to understand the observer as an instance that establishes the truth of judgements about the physical world lead to relativism. The new-European science narrowed the material world only to the existence of the “objective” (available), not seeing the difference between the existing being and the existent-self-in-itself. Quantum mechanics returned physicists to the ancient understanding of physical reality, which includes both the necessary moments of being-self-in-itself and the thinking of this being.

REFERENCES

1. Kletskin, M.V. (2016) Value Relation in Scientific Cognition. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshchestvennye nauki – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 3. Social and Political Sciences*. 2 (152). pp. 49–59. (In Russian).
2. Geyzenberg, V. (1987) *Shagi za gorizont* [Steps beyond the horizon]. Moscow: Progress.
3. Seval'nikov, A.Yu. (2005) *Filosofskiy analiz ontologii kvantovoy teorii* [Philosophical analysis of the ontology of quantum theory]. Philosophy Dr. Diss. Moscow.
4. Mamchur, E.A. (2002) [Quantum mechanics and the objectivity of scientific knowledge]. *100 let kvantovoy teorii. Istoriya, fizika, filosofiya* [100 years of quantum theory. History, physics, philosophy]. Proceedings of the international conference. Moscow: NIA-Priroda. pp. 125–129. (In Russian).
5. Kletskin, M.V. (2016) Relativism in science and value relations. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”*. 4 (28). pp. 50–56. (In Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2016-4-50-56
6. Ross, W.D. (ed.) (1964) *Aristotelis. Analytica priora et posteriora*. Oxford: Clarendon Press.
7. Aristotle. (1963) *Categories and De Interpretatione*. Translated from Old Greek by J.L. Ackrill. Oxford: Clarendon Press.
8. Burnet, J. (ed.) (1900–1905) *Platonis opera: in 5 vols*. Oxford: Clarendon Press.
9. Aristotle. (1975) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
10. Aristotle. (1978) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
11. Leibniz, G.W. (1970) *Monadologiya* [Monadology]. Translated from German. In: Sokolov, V.V. et al. (eds) *Antologiya mirovoy filosofii: v 4 t.* [Anthology of world philosophy: in 4 vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
12. *Filosofiya nauki i tekhniki*. (2016) Problem of realism in modern quantum mechanics. Materials of discussion. *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*. 21:2. pp. 34–64. (In Russian). DOI: 10.21146/2413-9084-2016-21-2-34-64
13. Wheeler, J.A. (1982) *Kvant i vseennaya. Astrofizika, kvanty i teoriya otnositel'nosti* [Quantum and the universe. Astrophysics, quanta and the theory of relativity]. Translated from English. Moscow: Mir.
14. Heisenberg, W. (1984) *Gesammelte Werke Abt. C* [Collected Works, Dept. C]. Vol. II. Munich, Zurich: Piper Verlag GmbH.
15. Lenk, H. (1995) *Interpretation und Realität. Vorlesungen über Realismus in der Philosophie der Interpretationskonstrukte* [Interpretation and reality. Lectures on Realism in the Philosophy of Interpretation Constructs]. Frankfurt: Suhrkamp Verlag.
16. Shredinger, E. (1986) *Spetsial'naya teoriya otnositel'nosti i kvantovaya mekhanika* [Special theory of relativity and quantum mechanics]. In: *Eynshteynovskiy sbornik. 1982–1983* [Einstein's collection. 1982–1983]. Moscow: Nauka.
17. Aristotle. (1981) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from Old Greek. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
18. Mamchur, E.A. (2008) *Obrazy nauki v sovremennoy kul'ture* [Images of science in modern culture]. Moscow: Kanon+ ROOI Reabilitatsiya.

Received: 19 March 2018

А.В. Пилюшенко

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ СОДЕРЖАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с включением категории человеческого капитала личности в социально-философскую плоскость. Обозначена смысловая основа формирования человеческого капитала с точки зрения социально-философского его содержания – личное благополучие человека. Раскрыто понимание человеческого капитала личности как целостности экономического, социокультурного и экзистенциального его компонентов.

Ключевые слова: человеческий капитал; личное благополучие; воспитание; образование.

Высокие темпы социальных изменений и усиление тенденции к глобализации основополагающих параметров социальной жизни являются главными причинами необходимости пересмотра содержания основных понятий социальной философии, включения в плоскость социально-философского поиска понятий и категорий, активно используемых в других областях знания. Одним из таких понятий, разрабатываемых в рамках экономической науки, является понятие человеческого капитала как некой собирательной категории, характеризующей знания, умения и навыки человека, которые определяют степень эффективности его участия в экономическом производстве.

Сегодня проблемы экономического развития отходят на второй план: все более актуальными становятся вопросы антропосоциальной тематики, человеко-размерности целей и направленности социального развития. Это определяется тем, что экономический рост не является гарантом личного и социального благополучия, которое все в меньшей степени определяется экономическими причинами и все чаще звучит в контексте экзистенциальной проблематики.

К вопросам качества и уровня жизни все чаще обращаются с точки зрения не объективного (объективной фиксации и интерпретации ряда показателей), а субъективного подхода (субъективной оценки человеком личного благополучия), что, в свою очередь, делает современное гуманитарное знание все более человекоцентристским. Все более ощутимой становится значимость внеэкономического капитала.

Совершенно очевидно, что экономикоориентированность теории и практики имела большое значение в достижении благосостояния общества и отвечала актуальным социальным потребностям, но вместе с тем игнорирование социокультурных и антропосоциальных параметров привело к отрыву ориентиров общественного развития от потребностей человека.

Итак, экономический смысл человеческого капитала сводится к осуществлению инвестирования в образование и здоровье с целью получения экономической выгоды посредством эффективного участия в общественном производстве.

Говоря о социально-философском содержании человеческого капитала, важно отметить следующие моменты. Во-первых, человеческий капитал в данном случае трактуется как некая совокупность знаний, умений, навыков, личностных качеств и черт характера, которые полезны человеку не столько в экономи-

ческом смысле, сколько в смысле достижения личного благополучия. Во-вторых, экономическая составляющая данного понятия не исключается, а дополняется социокультурным и экзистенциальным компонентами. В-третьих, в значительной степени меняются характер и содержание инвестиций в человеческий капитал.

Рассмотрим каждый пункт отдельно.

Человеческий капитал как фактор личного благополучия. Человек непрерывно приобретает знания и навыки. В ходе повседневного опыта и непрерывного социального взаимодействия формируются черты его характера и личностные качества. Жизнедеятельность человека – источник необходимой для его жизни информации. Процесс восприятия и обработки информации, ее освоение, обучение в целом несводимы к экономической функции человека; общекультурные, социальные и бытовые знания и навыки, навыки межличностного общения, социальные навыки также необходимы человеку для комфортной жизнедеятельности, личного и социального благополучия. Именно человек, его потребности и ценности определяют направленность общественного развития, а потому вопрос человеческого капитала не может сводиться к чисто экономическому смыслу: ценности человека, его желания и интересы, экзистенциальный бэкграунд его жизни не ограничиваются экономическими аспектами, но связаны с человеческим капиталом.

Все знания и навыки, получаемые человеком на протяжении жизни, определяют его способность к полноценной и позитивной реализации личностного творческого потенциала. Именно в акте творчества проявляются личная уникальность человека, свобода его деятельности, невозможная без знания. Сделать что-либо, не зная как, невозможно. И если необходимые аспекты деятельности человека могут реализовываться спонтанно, без предварительной подготовки и обучения, то свободная деятельность всегда связана с процессом предварительного постижения знания. Как утверждал Ф. Бэкон, «мы можем столько, сколько знаем». И действительно, свобода – это не только отсутствие необходимости при конкретных обстоятельствах, а наличие способностей. Настоящая свобода человеческой деятельности проявляется в полной мере через наличие широкого спектра альтернатив, формирующихся посредством приобретения соответствующих навыков и знаний. Свобода человека, реализующаяся в акте творчества, является несомненным

условием личного благополучия, определяющим самореализацию личности, ее зрелость и целостность.

Содержание процесса обучения в этом смысле многогранно, он может носить спонтанный, неосознанный характер или выраженную целенаправленность и осмысленность, имеет специфику, связанную с возрастными, гендерными характеристиками, особенностями образа жизни и прочими параметрами и обстоятельствами жизненного пути человека. Результатом такого обучения является совокупность знаний и навыков, которые выражаются в актуальной или потенциальной предметной деятельности человека, но всегда способны принимать речевые формы, что обусловлено социальной природой процесса обучения. Эта способность определяет возможность свободной передачи знаний в рамках социальной коммуникации различного характера. Мышление, речь и язык – главные инструменты в передаче и накоплении знаний, а значит, и главные инструменты в формировании человеческого капитала. И если в своем экономическом значении человеческий капитал формируется путем получения специфических знаний, относящихся к сфере производственных интересов человека (в речевом аспекте выражающихся в оформлении особого языка – профессиональных терминов), то в своем социальном значении накопление человеческого капитала состоит в получении любого знания, обладающего субъективной ценностью (в речевом аспекте выражающегося в наращивании субъективного языкового максимума [1. С. 125]).

Говоря о личном благополучии как результате формирования человеческого капитала, нельзя не отметить, с одной стороны, его субъективный характер, с другой – тесную взаимосвязь с социокультурной средой. Личное благополучие – результат индивидуальной деятельности, которая осуществляется в конкретных социокультурных условиях. Взаимообусловленность социального и индивидуального в аспекте личного благополучия определяется еще и тем обстоятельством, что ценностно-смысловая основа деятельности человека, представленная в виде совокупности ценностей, интересов, личных жизненных целей и задач, формируется на стыке индивидуального и общественного и вне социума оформиться не может. Социальная среда, несомненно, оказывает существенное влияние на деятельность человека, его человеческий капитал, его благополучие, но справедливо и обратное – социальную среду формирует каждый конкретный человек как носитель социальных функций, и в этом смысле человеческий капитал является также фактором социального благополучия.

Это отчетливо проявляется на примере усвоения и реализации человеком норм морали, в основе которых лежит наиважнейший принцип межличностного взаимодействия, основанный на осознании негативных и позитивных последствий собственных действий, адекватной их корректировке в сторону общесоциальных ценностей и потребностей. Нормы морали – механизм регуляции социального взаимодействия, как правило, имеющий выраженную рациональную основу. Это его качество определяет низкую способность к естественному, спонтанному, интуитивному усвое-

нию требований и правил морали человеком, а значит, проявляет большую значимость обучения при формировании нравственности. При этом обучение здесь не может сводиться к простому изложению этических законов, поскольку их знание не гарантирует их реализации. Это сложный процесс, включающий воспитание личностно-волевых качеств, обеспечивающих их выполнение.

На примере нравственности личности как слагаемого ее человеческого капитала представляется возможным выявить существенную роль обучения и воспитания в формировании здоровой социальной среды, которая, несомненно, включает в себя и экономический аспект, но является более широким понятием. Это обращает нас к необходимости рассмотрения следующего пункта.

Человеческий капитал личности как целостность экономического, социокультурного и экзистенциального компонентов. Экономический компонент – неотъемлемая часть человеческого капитала, потому как знания и навыки, определяющие способность человека к продуктивной деятельности, прежде всего ориентированы на удовлетворение базовых потребностей, обеспечивающих его выживание. Знания и навыки человека, определяющие возможность его участия в экономическом производстве, детерминируют его состоятельность как жизнеспособного, с точки зрения реализации экономической функции, индивида, его способность к самостоятельной жизни.

Социокультурный компонент человеческого капитала связан с вопросами взаимоотношений человека и общества, формирует социальное здоровье личности. Социальное здоровье личности – важнейшая категория, отражающая качество взаимоотношений общества и человека; это некое интегральное понятие, характеризующее ее продуктивную социальную жизнедеятельность, взаимоориентированность личных и общественных интересов и потребностей [2. С. 161].

Основу формирования социокультурного компонента человеческого капитала составляют воспитание (включая самовоспитание), аксиологические и культурные установки: усвоение норм морали и их реализация, осознание личной ответственности перед обществом в целом, отдельными людьми, природой, соразмерность личных жизненных целей с социальными потребностями и направленностью общественного развития.

Экзистенциальный компонент связан с личными качествами, зрелостью и целостностью личности, ее духовным развитием, утверждением позитивного смысла и цели жизни, удовлетворенностью жизненными обстоятельствами, личными достижениями, характеристиками жизненного пути. Этот компонент напрямую связан с субъективной оценкой личного благополучия человека, однако в меньшей степени представлен в виде целенаправленных и осмысленных действий по его формированию. Экзистенциальный компонент формируется посредством самопознания и самовоспитания, выработкой личностно-волевых навыков, положительных черт характера.

Экзистенциальный, социокультурный и экономический компоненты человеческого капитала тесно

переплетены и взаимосвязаны, в этом смысле формирование каждого из них прямо или косвенно влияет на формирование двух других. Так, в рамках экзистенциального компонента не могут игнорироваться вопросы профессиональной самореализации и состоятельности, продуктивности и позитивности межличностного общения, социального благополучия. Социокультурный компонент, в свою очередь, также обращен к способности человека эффективно участвовать в экономическом производстве, его личной зрелости и духовному развитию. Так, нравственность и личные качества человека могут прямо отражаться на его профессиональной состоятельности и успешности.

Тем не менее подходы к формированию указанных компонентов человеческого капитала различны, что определяет необходимость рассмотрения следующего пункта.

Характер и содержание инвестиций в человеческий капитал в рамках социально-философского подхода. Понимание человеческого капитала как фактора личного благополучия определяет необходимость пересмотра характера и содержания инвестирования в его накопление. Ранее было отмечено, что экономическая составляющая человеческого капитала не утрачивается в рамках социально-философского подхода. Таким образом, традиционное понимание инвестиций в человеческий капитал как экономической категории не утрачивает своей актуальности: инвестиции в образование и здоровье, несомненно, являются важными направлениями инвестиций и рамках социально-философского подхода. Однако включение социокультурного и экзистенциального компонентов предполагает включение и других аспектов инвестирования в человеческий капитал, обращенных более к личному благополучию человека как смысловой основе его формирования.

Как отмечает Г.Н. Бойченко, «образование – это процесс непрерывного приращения индивидуального и социокультурного опыта личности, дающего людям возможность взять на себя ответственность за создание устойчивого будущего» [3. С. 20]. Обращение к личному благополучию как смысловой основе деятельности человека, его воспитания и обучения, формирования необходимых навыков, морально-волевых и личностных качеств сегодня происходит все чаще. Оформляется особая ниша образовательных услуг, ориентированных на воспитание личных и социальных навыков, не связанных с реализацией экономической функции человека, а обращенных к вопросам его самопознания, самореализации, успешности в различных областях деятельности (практико-ориентированные и психологические тренинги, семинары, курсы).

Наряду с этим оформляется и получает все большее развитие культура досуга. Досуг – это особый вид

деятельности человека, непосредственно связанный с его интересами, ценностями, творческой самореализацией, личными предпочтениями. В связи с этим инвестирование в досуговую деятельность справедливо можно определить как одно из направлений инвестирования в человеческий капитал. Более того, подавляющее большинство видов активного досуга предполагает прохождение обучения и формирования необходимых навыков, что определяет долговременный характер получения выгоды от такого инвестирования. Помимо этого, досуг, как правило, способствует развитию и социальных навыков, а значит, данный вид инвестирования способствует накоплению не только экзистенциального, но и социокультурного компонента человеческого капитала.

Тем не менее инвестирование в экзистенциальный и социокультурный компоненты в меньшей степени носит сознательный и целенаправленный характер, по сравнению с экономической его составляющей. Большая доля личных и социальных навыков, условно относящихся к накоплению социокультурного и экзистенциального компонентов, формируется спонтанно в процессе жизнедеятельности: в процессе межличностного общения, повседневного опыта, самопознания.

Таким образом, деятельность по инвестированию в человеческий капитал, в рамках его социально-философского содержания, представляется весьма разнообразной, она не имеет стоимостного выражения, и не всегда связана с затрачиванием физических или духовных усилий, может носить спонтанный характер и интуитивную реализацию.

Пересмотр подходов к пониманию сущности и содержания человеческого капитала как важнейшей социальной категории – закономерная необходимость, обусловленная спецификой современных социокультурных процессов. Осознание важности создания благоприятных условий для формирования социального и экзистенциального его компонентов – необходимый шаг в преодолении эконоцентристского мировоззрения современного человека, установлении новых человекоразмерных целей общественного развития. Все это, в свою очередь, требует значительных изменений в организации деятельности воспитательных и образовательных институтов в современном обществе: формирование производственных компетенций должно дополняться воспитанием социальных навыков, чувства личной ответственности перед другими людьми, обществом в целом и будущими поколениями, умением реализовывать личностный творческий потенциал и продуктивно решать жизненные цели и задачи. Именно такой многомерный подход в понимании человеческого капитала отвечает истинным социальным и личным потребностям, определяет значимость его накопления на протяжении всего жизненного пути человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некипелова И.М. Организация и самоорганизация языковой системы как механизмы ее оптимизации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 8 (26), ч. 2. С. 124–127.
2. Пилюшенко А.В., Шишкина А.А. Социальное здоровье личности в рамках экологической этики // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 161–163.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 декабря 2017 г.

ON THE SOCIOPHILOSOPHICAL CONCEPT OF AN INDIVIDUAL'S HUMAN CAPITAL

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 64–67.

DOI: 10.17223/15617793/430/9

Alexandra V. Pilyushenko, Kalashnikov Izhevsk State Technical University (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: Chepi@yandex.ru

Keywords: human capital; personal well-being; upbringing; education.

The article addresses the problem of determining the content of human capital of the individual, requiring its revision in the context of the growing anthroposociocentric trend of modern scientific knowledge, the human proportionality of goals and orientation of social development. The aim of the article is to reveal the socio-philosophical content of the human capital of the individual. The study was conducted within the framework of the methodology of the socio-philosophical approach, which allowed to consider the category “human capital” as a multidimensional phenomenon. The application of the socio-philosophical approach to the understanding of human capital implies an appeal to personal and social well-being as a semantic basis for its accumulation and use. The reference to the methodology of the system approach allowed to distinguish the personality as a socio-philosophical phenomenon with its existential, socio-cultural and economic components, as well as to explore the nature of their relations, in the structure of human capital. The author reveals the importance of human capital as a factor of personal well-being, considers the peculiarities of its accumulation and formation. Personal well-being as a semantic basis for the formation of human capital is investigated as an object of conscious management. When considering the existential, socio-cultural and economic components of human capital, the nature and content of investing in each of them was investigated, their mutual conditionality and mutual orientation is shown, the possibilities and prospects of social regulation of their formation are determined. As a result, the author has made a number of conclusions related to this research objective. Firstly, it is emphasised that investment in existential and socio-cultural components is less conscious and goal-oriented comparing to its economic one. A large number of personal and social skills which are viewed as related to accumulating socio-cultural and existential components are developed spontaneously throughout human life. Secondly, investment in social and existential components of an individual's human capital cannot be ignored at the social level. This fact determines the necessity of considerable changes in the way modern educational institutions are organised: the development of occupational competencies must be accompanied with acquiring social skills, the sense of responsibility before other people, society and future generations, the ability to unlock one's personal creative potential and achieve personal goals productively. Thirdly, the educational process of acquiring personal skills accompanies people continuously throughout their life responding, among other things, to the instability of their life's socio-cultural conditions.

REFERENCES

1. Nekipelova, I.M. (2013) Organization and self-organization of language system as mechanisms for its optimization. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 8 (26):2. pp. 124–127. (In Russian).
2. Pilyushenko, A.V. & Shishkina, A.A. (2017) Personality's social health in the perspective of environmental ethics. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 7 (81). pp. 161–163. (In Russian).
3. Boychenko, G.N. & Kundozerova, L.I. (2012) *Obrazovanie kak tsennost' lichnosti, sem'i, sotsiuma* [Education as the value of the individual, family, society]. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov*. 3 (12). pp. 20–25.

Received: 05 December 2017

ИСТОРИЯ

УДК 94(47)+950(=574)

Г.Б. Избасарова

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.И. ТЕВКЕЛЕВА ПО РЕАЛИЗАЦИИ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII в.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Научного Фонда в рамках проекта РНФ
«Имперская политика аккультурации и проблема колониализма», проект № 17-18-01008.*

На основе архивных источников и опубликованных документов изучается деятельность «птенца гнезда Петрова» Кутлу-Мухаммеда (Алексея Ивановича) Тевкелева по реализации юго-восточной политики Российской империи, анализируется пройденный им путь от переводчика «ориентальных языков» до одного из «устроителей» Оренбургского края, изучаются механизмы управления казахским обществом, разбираются методы по регулированию конфликтов, возникших между оренбургским губернатором И.И. Неплюевым и ханом Абулхаиром Кажыулы.

Ключевые слова: А. Тевкелев; Российская империя; Младший жуз казахов; Коллегия иностранных дел; Петр I; Абулхаир хан; башкиры; Оренбургский край.

После завоевания Иваном IV Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в. Московское государство инкорпорировало в свой состав территории, компактно заселенные нерусскими народами, т.е., по сути, инородные политические сообщества, превратив Россию в многонациональное государство. Как показывает Майкл Ходарковский, заключая договор с русским царем, кабардинские принцы или же шамхал Дагестана верили в то, что вступают в союз с равным себе, в то время как русская сторона неизменно трактовала соглашения как подчинение младших правителей русскому суверену [1. С. 177].

В 1721 г. Петр I принял титул императора и превратил Россию в империю. Император стал «отцом отечества», и «отныне отношения между государем и подданными должны были покоиться не на наследственном праве и личным обязательстве, а на обязанности служить государству» [2. С. 97].

В этот же период черноморское направление внешней политики России было изменено на юго-восточное. В 30-х г. XVIII в. после обращения хана Младшего жуза казахов Абулхаира о принятии подданства в Коллегии иностранных дел (КИД) возникает новая внешнеполитическая проблема – «киргизкайсацкие дела», главной составляющей которой была инкорпорация казахов и Российский протекторат над ним.

Этим вопросом от начала до конца занимался сотрудник КИД, в прошлом старший переводчик Петра I по секретным делам, Кутлу-Мухаммед Мамешев, или Алексей Иванович Тевкелев (1674/75–1766), о происхождении которого встречаются несколько точек зрения. По мнению Я.В. Ханькова [3. С. 19], В.Н. Витевского [4. С. 135], родоначальником Тевкелевых был ордынский выходец Уразлей, принявший в XVI в. русское подданство. По мнению И. Крафта [5. С. 23] и А.И. Добросмыслова [6. С. 8], он происходил из татарских мурз Уфимской губернии или, как думал А.С. Пушкин [7. С. 59], был «природ-

ным башкирцем». Яков Владимирович Ханьков приводит данные о роде Тевкелева, согласно которым выстраивается следующее генеалогическое древо: Уразлей – Ураз-Мухаммед – Давлет – Мухаммед – Мамеш Тевкелев – Кутлу-Мухаммед Тевкелев [3. С. 19]. Все перечисленные предки К.-М. Тевкелева служили «белому царю». Многие представители рода Тевкелева находились на дипломатической службе в качестве переводчиков. Так, например, двоюродный дядя К.-М. Тевкелева Рамазан Абдрахманович Тевкелев был «переводчиком ориентальных языков» Посольского Приказа, а его сын Муртаза, коллежский асессор, служил переводчиком в Коллегии иностранных дел. Муртаза Тевкелев был автором комментариев, составленных к труду Абулгазы Бахадур-хана «Родословное древо тюрков» [8. С. 80]. Сам Кутлу-Мухаммед Тевкелев начал службу в качестве переводчика в КИД.

Русское имя Кутлу-Мухаммеда – Алексей Иванович, является данью российской официальной эпонимической традиции, побуждавшей царских чиновников-иноверцев (мусульман, католиков, протестантов, буддистов и т.д.) иметь двойные имена: русские – на государственной службе, а тюркские, монгольские или немецкие – в повседневном обиходе и личных контактах с родственными им по культуре сослуживцами и знакомыми [9. С. 7].

А. Тевкелев начал дипломатическую деятельность в ранней молодости в допетровское время и дожил до глубокой старости в екатерининское время. В 1711 г. во время Прутского похода Петра Великого начинается служба А. Тевкелева в качестве переводчика. Как известно, данный поход Петра закончился неудачно. Среди причин поражения была измена иностранных наемников. По мнению Д.Ю. Арапова, «неясно, был ли тот момент временем первой встречи Тевкелева с Петром Великим, но, судя по всему, государь смог тогда однозначно убедиться в верности и преданности Кутлу-Мухаммеда интересам России» [10. С. 33].

Он был включен в 1716 г. в состав экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву. Получив указ Петра I об отправлении в Индию и Иран, он отделился от отряда А. Бековича-Черкасского, отправился в далекие страны через Закавказье и Персию, тогда как все остальные отправились по восточному побережью Каспия. Эта случайность и спасла А. Тевкелева от гибели, уготованной в Хиве всем участникам экспедиции (как известно, многие были убиты хивинским ханом Ширгазы, а остальные находились в плену). А.И. Тевкелев был командирован в Индию «для разследования тамошних обстоятельств, а особенно о тех местах и реках, где достают золото», но, задержанный персидскими властями в Астрабаде, не мог исполнить возложенное на него поручение [11. С. 28]. А. Тевкелев в Астрабаде «по сомнительству тамошнего командира» был арестован, заключен в тюрьму и освобожден лишь после вмешательства русского посланника Вольтерского [8. С. 79]. В 1722–1723 гг. мурза Тевкелев участвует в Персидском походе Петра I. Как пишет сам А. Тевкелев, в 1722 г. во время Персидского похода он был старшим переводчиком в секретных делах. Во время данного похода и в Астрахани Петр Великий получил сведения о казахских жузах у астраханского губернатора А.П. Вольтерского (1719–1724), который имел постоянные контакты с ними, и от сибирского губернатора князя А.М. Черкасского (1717–1724), который также не раз докладывал императору о «песочном царстве» и о выгодах продвижения на юг. Тогда же император «изволил иметь желание для всего отечества Российской империи полезное намерение в приведении издревле слышимых и в тогдашнее время почти неизвестных обширных киргиз-кайсацких орд в российское подданство и высокою своею монаршею особою меня, низжайшего, к тому употребить намерение имел с тем, буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться мне, несмотря на великие издержки, хотя бы до мели она держать, но токмо, чтоб только они одним листом под протекциею Российской империи быть обязались» [12. Л. 2–2 об.].

А.И. Тевкелев был образованный человек «государственной канцелярии поверенный переводчик ориентальных языков». Он знал в совершенстве татарский, казахский, башкирский, узбекский, персидский языки, а также владел некоторыми европейскими языками [9. С. 8]. В 1719 г. был отправлен из КИД в Саратов к стольнику Дмитрию Бахметеву для изучения калмыцкого языка в Астрахани и непосредственно в калмыцких улусах.

Большие способности А. Тевкелева показал в переговорах с турецкими посланцами на Немировском конгрессе в 1737 г. вместе с И. Неплюевым, А. Вольтерским, заменив для возобновления переговоров отсутствовавшего австрийского переводчика [6. С. 75–76]. Однако наиболее энергичная деятельность А. Тевкелева теснейшим образом связана с историей Оренбургского края, Башкирии и Казахстана, где он выполнял роль дипломата и государственного деятеля. Он отличался «выдающимся красноречием», и это умение было искусно применено в ханской ставке в 1731 г.

В 30-е гг. XVIII в. начался длительный процесс присоединения казахской степи к Российской империи. Это было началом продвижения России через Казахстан в Среднюю Азию и далее на Восток.

Не останавливаясь подробно на предпосылках присоединения Казахстана к России, отметим лишь тот факт, что 30 апреля 1730 г. в Уфу прибыло посольство Абулхаира во главе со Сеиткулом Койдагуловым и Кутлумбетом Коштаевым, обратившееся с посланием к Анне Иоанновне с просьбой принять его с подвластным ему народом в российское подданство. Среди причин обращения к северному соседу можно выделить следующие: обострение казахско-джунгарских отношений, столкновения за пастбища и водные источники казахов с подвластными империи башкирами и калмыками, а также, как отмечал сам Абулхаир, «хан, только имя носит ханское, а воли над подданными ни жадной не имеет <...>, хан, не имеет себе оборонителя и избрал, яко лутчее есть, иметь подданство великого монарха, и желает видеть в свету» [13. С. 53]. Башкирский вопрос был одним из главных в принятии российского подданства казахами [14].

Правительство также опасалось вероятности будущих совместных действий казахов и башкир, направленных против России. Было признано целесообразным использовать новые благоприятные возможности для основательного изучения башкирских территорий, которые оставались долгое время почти недостижимыми для уфимских властей. Так, в инструкции КИД, предоставленной переводчику А. Тевкелеву, отправленному во главе посольства к хану Абулхаиру, для принятия от него присяги подданству России уделяется немалое внимание состоянию дел как в Башкирии, так и в киргиз-кайсацкой орде. А. Тевкелев должен был вести журнал, в котором фиксировались бы данные «о башкирцах, какие они имеют жилища или кочевья, города, селы или деревня и какое их правление и состояние, и промыслы, и пожитки, такожде и о внутри той земли, где живут, и о расположении оной, и нет ли еще каких других городов, с которыми они граничат, и, одним словом, генерально описать всю внутри их землю, сколь возможно будет. Второе, между теми башкирцы и киргисцы далеко ль расстояние, какие, где жилища есть, и какие ж званием и великостию реки и ныне воды, и чрез оные, где и какие переправы, леса и степи, и далеко ль одно от другого разстоянием, и не имеется ль каких засек, или перекопей, или других каких к обороне их крепостей» [15. С. 15]. А.И. Тевкелев должен был собрать сведения и о казахской степи, о хане Абулхаире «какова состояния он есть», сколько городов, дворов он имеет, сколько человек находится под его управлением, есть ли другие ханы, кроме Абулхаира, подчиняются ли все они ему, какие виды налогов собирает хан и сколько раз в год, развита ли торговля, ремесленные искусства и т.д. [Там же. С. 16].

Для сообщения казахам Младшего жуза о принятии в российское подданство и приведения к присяге на подданство России 30 апреля 1731 г. в казахскую степь было направлено специальное посольство во главе с А. Тевкелевым, которое 4 июля 1731 г. прибы-

ло в Уфу, где велись последние приготовления для поездки в Младший казахский жуз. 26 августа А.И. Тевкелев, покинув Уфу, отправился в казахские кочевья.

Свиту русского посла составляли в Уфе свыше 60 человек, в числе сопровождающих также были башкирские старшины, такие как Алдарбай Исекеев, Таймас Шаимов, Косемиш Бекходжин, Оразай Обозинов, Кидрас Моллакаев, Шима-батыр Калтечаков, Отжаш Разманкулов, Ака мулла. Следует отметить, что башкирские старшины не случайно участвуют в конвое А. Тевкелева. Они были ему необходимы в разрешении острого башкирского вопроса, возникающего каждый раз при поступлении новых фактов межплеменных столкновений.

Про Таймаса Шаимова А. Тевкелев писал: «он у башкирцев человек знатный и у них в великом кредите» [16. С. 37]. Таймас управлял Каратабынской-Баратынской волостью, и ему было поручено собирать ясак с принявших подданство башкир, а в дальнейшем за верную службу он был пожалован в тарханы [17. С. 6]. Таймас защищал А. Тевкелева от резких выпадов раздраженных старшин, и именно он посоветовал российскому послу в трудную минуту обратиться к казахскому батыру Бокенбаю¹ как к одному из сильнейших и уважаемых людей. Уже в первые месяцы пребывания посла в ставке Абулхаира он выполняет различные поручения хана в его конспиративных отношениях с Тевкелевым. Таймас и Кидрас Моллакаев пользовались большим доверием у хана. Последний был одним из тех, кого был направляли в ставку к Абулхаиру для встречи с посольством. И, как сообщает Кидрас, «Абулхаир хан безмерно-де радовался», когда ему стало известно о прибытии А. Тевкелева в Уфу [13. С. 46–47]. В ночь с 6 на 7 октября 1731 г., после окончания очередной тайной встречи Абулхаира с А. Тевкелевым, на Кидрыса, при выполнении просьбы хана проводить его к кибитке, напали противники Абулхаира, которые «били и спрашивали, не свел ли он переводчика Тевкелева с Абулхаир ханом» [Там же. С. 50]. Кидрас ничего не сказал, до утра находился под караулом, и лишь утром 7 октября возвратился к А. Тевкелеву. Чуть позже И.К. Кириллов, представляя список к награждению, отмечал также и про башкира Алдарбая, что «сей (Алдарбай) привел сперва к подданству Меньшой киргиз-кайсацкой орды Абулхаир хана и привел от них с прошением посланцев» [18. Л. 114]. Некоторые батыры, такие как Машкар, Мойнак, используются А. Тевкелевым и ханом в качестве шпионов, которым поручается разведать о настроении противников присоединения Младшего жуза к России.

10 октября 1731 г. на курултае казахов А.И. Тевкелев, используя свой ораторский талант и дипломатическое искусство, выступив со словами «Российская империя в свете славное государство, и такому славному монарху с вами... быть в миру неприлично, ибо Российская империя от киргиз-кайсаков никакого опасения не имеет, и в них нужды нимало нет, а им, киргиз-кайсакам, от подданных Российской империи великая опасность есть: первая – от калмык, второе – от башкирцев, третье – от сибир-

ских городов, четвертое – от яицких казаков понеже всегда они, киргиз-кайсаки, от них побеждены и разорены быть имеют» и заявив, что в случае отказа поддержать прошение хана Абулхаира о российском подданстве, он не будет их принуждать к этому, но и «чинить» мирный договор с ними также не согласится, ибо «такого бесславия Российской империи он, Тевкелев, не принесет, и более в подданство приводить домогаться не будет» [13. С. 54]. В поддержку хана Абулхаира выступил авторитетный казахский батыр Бокенбай. В тот же день Абулхаир хан, Бокенбай батыр, Есет батыр, Кудайназар мурза и 27 знатных казахских старшин присягнули на подданство Российской империи.

Посол империи находился в опасности. Противники принятия подданства не раз покушались на его жизнь, требуя от А.И. Тевкелева вернуться в Уфу, но каждый раз ему на помощь приходили люди хана, Бокенбай батыр и др.

По возвращении в столицу А. Тевкелев в 1734 г. за свой труд был пожалован императрицей Анной Иоанновной из переводчиков в полковники с армейским полным жалованьем [12. Л. 5]. Императрицей были обещаны немалые награждения за приведение казахов к присяге, но ее кончина не позволила А. Тевкелеву получить обещанное.

Расширение империи на Восток требовало от правительства России решения ряда вопросов, где главным оставался вопрос укрепления позиции на окраине. С установлением новых государственных границ имперская политика переходила в длительную фазу интеграции новых территорий и народов в единое политическое и социокультурное пространство [19. С. 223].

Следующим этапом продвижения на восток была Оренбургская экспедиция. Ближайший сподвижник первых правителей Оренбургского края (И.К. Кириллова, В.А. Урусова, И.И. Неплюева) А. Тевкелев до 1760 г. состоял на государственной службе, был сотрудником Иностранной коллегии.

После смерти И.К. Кириллова начальником Оренбургской экспедиции был назначен В.Н. Татищев. Отношения между двумя «устроителями» края не сложились. В.Н. Татищев выступал против карательных мер по отношению к восставшим башкирам в 30–40-е гг. XVIII в. А.И. Тевкелев, наоборот, в дни башкирских восстаний против политики империи отличился жестокостью и крутыми мерами в подавлении восстаний, за что получил прозвище «дьявол». Он был сторонником решительных действий и силового участия. По словам Ю.Н. Смирнова, «Тевкелев претендовал, и здесь с ним уже никто не спорил, на роль хранителя заветов Петра Великого, полученных из уст самого императора, относительно необходимости разработки казахско-среднеазиатского направления движения России на Восток» [20. С. 97].

В начале 1739 г. начальник Оренбургской экспедиции В.Н. Татищев выехал в Петербург для согласования большого числа дел. Вслед за ним выехал и А. Тевкелев. Правительство, также обеспокоенное столь жесткими мерами, вызвало его в столицу, и он по-прежнему состоял на службе в КИД.

После 2-летнего пребывания в ставке хана мурза Тевкелев стал его советником и своего рода храните-

лем. В свое время хан в обращении с А. Тевкелевым употреблял эпитеты «истинный», «почтенный», «древний и сердечный приятель». Казахский хан Абулхаир не раз просил правителей империи отправить к нему переводчика Мамет-мурзу Тевкелева для «поправления дел». Хан отмечал, что мурза Тевкелев «киргиз-кайсацкий язык, и здешнее состояние, и обычай знает» [13. С. 98]. Хан, отправляя свои письма, первым адресатом указывал начальников Оренбургской экспедиции (И.К. Кириллова, В.Н. Татищева), а вторым упоминал имя А. Тевкелева. Например, в 1736 г. начальнику Оренбургской экспедиции статскому советнику И.К. Кириллову и Алексею Ивановичу сообщал о торговле с Ташкентом и просил не брать пошлин с казахских купцов [Там же. С. 125], в письме 1737 г. тайному советнику В.Н. Татищеву и полковнику А.И. Тевкелеву докладывал о нападении хивинцев и каракалпаков на казахов Младшего жуза [21. С. 117] и т.д. После назначения ханом Нуралы в 1754 г. также обращался оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву и бригадиру А. Тевкелеву с возражением против строительства крепостей по рекам Яик (Урал), Илек. Хан просил сохранить кочевья на степной стороне Яика и пользоваться свободно Илецкой солью [13. С. 533–534].

Абулхаир хан в своих письмах просил содействия у полковника Тевкелева в освобождении пленных казахов и возврата их в степь. Со словами «Я, Бопай ханша², а ваша сноха, желаю Вам на бесчисленные лета доброго здравия» обращалась к А. Тевкелеву байбише³ Абулхаира. Отмечая достоинства А. Тевкелева, как знатока Степи, благодаря его за слова «Я-де кроме хана ни на кого не смотрю, только-де мне надобен он, хан», Бопай ханша просила оказать содействие хану. Именно на бригадира она надеялась в тяжелые дни Абулхаира. «хану бес помощи вашей, одному, никакого дела совершить невозможно», – писала она [21. С. 210–211].

В следующем письме к А.И. Тевкелеву она напоминала о словах Абулхаир хана, который «понаследно приказывал быть на месте своем ханом Нуралею» и просила бригадира поддержать их семью назначением Нуралы ханом Младшего и Среднего жузов [Там же. С. 212–213].

А.И. Тевкелев, как знаток казахской Степи и друг семьи хана Абулхаира, неоднократно отправлялся в Младший жуз для разрешения возникших конфликтов между оренбургской администрацией и казахской элитой. Так, например, в 1747 г. указом императрицы Елизаветы Петровны по представлению канцлера графа А.П. Бестужева-Рюмина А. Тевкелев был отправлен к хану. К этому времени конфликт между оренбургским правителем И.И. Неплюевым и казахским ханом Абулхаиром разгорелся с такой силой, что хан в течение восьми лет не приезжал в Оренбург, не давал в аманаты своих детей, участвовали набеги казахов на линии, часто происходили столкновения казахов с подвластными империи – калмыками, башкирами. Именно к А. Тевкелеву обращается Сенат по вопросу определения места содержания казахского аманата. Дело в том, что 5 января 1746 г. в Петербурге между аманатом султаном Кожа Ахметом и нахо-

дившимся при нем старшиной Казбеком произошла ссора, которая переросла в драку и чуть не закончилась убийством Кожа Ахмета. После данного инцидента указом Правительствующего Сената, согласно мнению А. Тевкелева, было решено содержать султана в Казани, в Татарской слободе [22].

А.И. Тевкелев также предлагал впредь ханских детей и других аманатов содержать в Казани, там же приготовить особый дом, «и ежели оный единожды учредить и в порядок ввести, то впредь дальняго затруднения и от побегу опасности быть не видится». По его мнению, хан Абулхаир «может взять в рассуждение, что в Казани всякая провизия дешевле оренбургского <...> хан будет знать, что то, как уже учреждено и впредь, и спору и беспокойству причины иметь не может» [23. С. 62].

В июне 1747 г. А. Тевкелев выехал из столицы в Оренбург, получив инструкцию, как вести переговоры с ханом Абулхаиром и двумя грамотами. Одна предназначалась хану, а другая – всему казахскому народу. А. Тевкелев должен был переговорить с ханом о его жестоком обращении с переводчиком Арасланом Бахметевым, которого хан арестовал и «бил плетью», о его письме к И.И. Неплюеву, написанном «весьма в непристойных и грубых терминах». Бригадир должен был настаивать на том, чтобы Абулхаир извинился перед оренбургским губернатором и отпустил А. Бахметева. Предполагая, что хан будет жаловаться на И.И. Неплюева, КИД вменила А. Тевкелеву в обязанность помирить его с губернатором [Там же. С. 72–73].

Таким образом, бригадир А. Тевкелеву должен был: 1) удержать казахов от нападений на русские линии, добиться возвращения пленных людей и угнанного скота; 2) помирить хана с И. Неплюевым; 3) аманата Кожа-Ахмета заменить другим сыном; 4) внушить хану и старшинам о невозможности возвращения людей в степь, уличенных в воровстве и набегах на российские селения и т.д.

Вмешательство А. Тевкелева, его встречи в мае – августе 1748 г. с ханом, старшинами дали результат. Хан отправил вместо Кожа-Ахмета в аманаты следующего сына – Айшуака [24]. Абулхаир согласился вернуть российских пленных, дал обязательство, что казахи не будут нападать на русские границы. По вопросу возврата пленных калмыков, хан требовал указа императрицы, так как калмыки «причинили разорения казахам».

После встречи с ханом в сентябре 1748 г. А. Тевкелев отправил в КИД свои соображения о казахских жузах. Он выделил несколько пунктов: 1) устроить в Орской крепости для торговли с казахами Среднего жуза и отдаленными в степи казахами Младшего жуза сперва деревянный, а затем каменный двор; 2) увеличить в Орской крепости гарнизон; 3) командировать ежегодно, на время торгового члена Оренбургской губернии для свидания с казахской элитой, старшинами, биями и т.д. Он предлагал оренбургскому губернатору также приезжать в Орскую крепость для встречи с казахской знатью и решения возникших вопросов; 4) хан и старшины Младшего жуза должны были ежегодно

встречаться с оренбургским губернатором и получать от него наставления; 5) определить в Младший и Средний жуз казахов одного хана, но не по выбору казахов, а назначать его по указу императрицы, с назначением ему содержания из казны. За жалованием хан должен был сам приезжать ежегодно в Оренбург или Орскую крепость, в случае его болезни, жалование можно было выдать и на следующий год [25. Л. 59 об.– 61, 241–243 об.].

А. Тевкелев свое видение по управлению краем сообщил в письменном виде оренбургскому начальнику, но не почувствовал поддержки с его стороны. Напротив, И.И. Неплюев, резко высказавшись о предложениях А. Тевкелева, отправил видения бригадира в КИД с критическими замечаниями.

В августе 1748 г. был убит хан Абулхаир султаном Среднего жуза Бараком. Тогда же Барак намеревался лишить жизни второго сына хана Абулхаира – Ералы, который в этот время находился на р. Сары-Тургай вместе с султаном Среднего жуза Аблаем⁴ в походе против верхних каракалпаков. Для этой цели Барак послал своих людей к Аблаю, чтобы тот содействовал ему в исполнении его плана. Но Аблай султан предупредил Ералы, который сразу же выехал на кочевку к матери Бопай [23. С. 81; 26. С. 294].

Ханша Бопай и старший сын хана Нуралы обращаются именно к А. Тевкелеву, сообщая ему о своем горе, и просят поддержать их стремление отомстить за смерть хана, также сообщают, что на курултае казахов было предложено самому Нуралы «идти для отомщения над Бараком» [25. Л. 48 об.].

Через А. Тевкелева ханша Бопай и султан Кожак-Ахмет отправляют письма к оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву также оказать помощь в отмщении за смерть мужа и отца.

В целом в середине XVIII в. на юго-восточной окраине империи сложилась ситуация совместного управления краем И.И. Неплюева и А.И. Тевкелева. Последний, находясь в Орской крепости, пытался превратить его во второй центр торговли после Оренбурга. Во время отъезда оренбургского начальника И.И. Неплюева в столицу А. Тевкелев замещал его на этом посту. В 1751 г. в связи с пребыванием И.И. Неплюева в Петербурге вопрос о замене аманатов было поручено решить бригадиру, почитаемому казахами А. Тевкелеву [27. С. 33]. Ему было поручено стараться взять в аманаты старшего сына хана Нуралы; если он не согласится, то можно было взять и Магомед Алия с хорошими старшинскими детьми [25. Л. 57]. А.И. Тевкелев пригласил хана и Бопайханым в Оренбург. Хан остановился в Оренбурге с 8 июля по 7 августа.

В 1752 г. А.И. Тевкелев выдает инструкцию отправленному в Средний жуз капитану Яковлеву, который по заданию КИД должен был склонить находящихся у Аблайджунгарских нойонов Даваца и Амурсану прибыть в Оренбург. Опасения КИД вызывало то, что Даваца как претендент на джунгарский трон мог привлечь на свою сторону казахов, а это было недопустимо.

В 1742 г. за прекращение восстания под предводительством Карасакала А. Тевкелев получил

чин бригадира и был вызван в столицу. Тогда же он был назначен приставом при персидском после [12. Л. 5].

В 1755 г. поднялась новая волна восстаний в Башкирии. После подавления восстания башкиры бежали в казахскую степь. С самого начала они рассматривали территорию казахских жузов как тыл. Оренбургский губернатор решил применить способ, предложенный 20 лет тому назад И. Кирилловым и А. Тевкелевым: он искусно натравил казахов на башкир и добился взаимной вражды этих народов [14]. В конце августа 1755 г. казахская степь стала свидетельницей ужасного события, когда под руководством хана Нуралы и его братьев Ералы, Айшуака, Шынгыса казахи из поколения алшын учинили нападение на казахов поколения жетыру, которые, приняв к себе башкир, не пожелали отдать их на разграбление и «разобрание» их не по семейно, а по «одиначкам» хану и его сторонникам [28. С. 100]. В течение четырех дней алшынцы грабили и убивали как башкир, так и своих соплеменников [29. Л. 35].

Сложившаяся ситуация подтолкнула часть башкир возвратиться на прежние места, потеряв при этом матерей, сестер, своих жен и дочерей. Часть башкир оставалась еще в казахских жузах. Обеспокоенный тем, что «эти злодеи (башкиры. – Г.И.) приведут в сметение и казахов», правитель Оренбургского края продолжает настаивать на возвращении всех «беглецов».

За оказанное содействие начиная с 25 августа 1755 г. по предоставлению И.И. Неплюева Нуралы хану было назначено жалование по 600 руб. в год [30. С. 44].

1 сентября 1755 г. императрица российская Елизавета Петровна подписала указ, где объявлялась всеобщая амнистия башкирам и указывались сроки добровольного возвращения повстанцев. Те, что находятся в Башкирии, должны были вернуться в течение двух месяцев, а которые находились за ее пределами – в течение шести месяцев [31. Л. 149]. Но все это оказалось невыполнимым. Участились случаи, когда под видом повинной башкиры приходили «к командирам, чтоб тем для свободного в Башкирии бытия письменную визу от них получить, а самим пойти воровать» [Там же. Л. 408].

Не все старшины Младшего и Среднего жузов были намерены возвращать башкир. Видя бессилие хана Нуралы, который не мог настоять на выполнении требований российской администрации, в Сенате решили отправить в казахскую степь известного «своим искусством и влиянием на казахов» бригадира А. Тевкелева.

3 сентября Сенат пожаловал А. Тевкелева в генерал-майоры [Там же. Л. 231]. Он встал во главе специально образованной комиссии, целью которой было добиться от казахов выдачи российскому правительству всех бежавших к ним башкир, «дабы видя здешние иноверцы, что прежние беглецы в киргиз-кайсацкой орде приняты и живут на свободе, и избегают наказания, там же убежище нашли, начнут тоже противности чинить» [Там же. Л. 207 об.]. Правительство боялось объединения в казахской степи «прибывающих к ним с разных сторон таковых

же беглецов». 15 сентября того же года генерал-майору А. Тевкелеву была вручена инструкция КИД.

А. Тевкелеву предоставлено действовать приласканием, подарками, «трактованием» казенною пищею, водкою и вином, а на все это выделялось из Оренбургской казны 10 000 руб. «ибо при сем нужном случае и на убыток невзирая, надобно токмо о настоящем деле стараться» [31. Л. 216]. В инструкции говорилось: «если киргиз-кайсаки сами добровольно не отдадут беглецов, то и силою того помогаться», «учинить над киргизами поиск и отомщение местными легкими войсками», т.е. казачьими и калмыцкими. Во-первых, надо было определить число бежавших башкир, и те казахские роды, которые приняли повстанцев. Далее, учитывая бессилие хана, а также то, что успех дела зависит не только от хана, а и в не меньшей мере также от старшин, основной упор делается на них, «стараться чтоб при хане было сколько возможно больше старшин». При встрече с ханом и старшинами «изъяснить им, что они могут лишиться милости императрицы удерживанием у них башкирцев, которые им не только не полезны, но со временем еще вредны быть могут, кражею скота и возмущением одного рода на другой» [Там же. Л. 212]. Казахам напоминали, что «хотя они и являются подданными России, но они не платят никакой подати и службу не несут, и если вдруг императрица разгневется на киргиз-кайсаков за не отдачу башкир, то посланы будут яицкие, волжские, донские казацкие войска и калмыки, и в таком случае им киргиз-кайсакам иного делать будет нечего, разве только в Аральском море топиться» [Там же. Л. 216].

Что касается отдачи башкир, ушедших в Средний жуз, то из-за его отдаленности А. Тевкелеву не рекомендовалось ехать туда. Ему предлагали написать письмо султану Аблаю и другим знатым старшинам с требованием выдачи беглецов. Не полагаясь на казахов Среднего жуза, А. Тевкелеву советовали, чтобы он требовал от хана Нуралы склонить казахов Среднего жуза к возвращению башкир. Если все эти мероприятия не дадут результатов, то А. Тевкелеву разрешалось сделать барымту весной в Троицкой крепости [Там же. Л. 219].

Затем А. Тевкелеву поручалось через геодезиста снять «скрытым образом» план местности за Яиком, определить места расположения рек, озер, леса, а особенно «против Индерских гор». Для безопасности в пути А. Тевкелеву разрешалось взять с собой конвой из 300–400 человек.

Следовательно, генерал-майору были разрешены все меры от «ласкания» до учинения над киргизами поиска и отмищения местными «легкими» войсками, лишь бы вернуть бежавших башкир и не дать объединиться «не коренным народам» Российской империи.

Абла́й султан отказался выдавать бежавших в Средний жуз башкир. Как докладывал И.И. Неплюев, «Абла́йсалтан такой ответ дал, что, хотя сколько у них в Средней Орде таких беглецов башкирцов ни было, он их не отдаст» [32. С. 172]. В январе 1756 г.

А. Тевкелев доносил, что по сведениям казахов Младшего жуза, в Среднем жузе находятся до двух или трех тысяч башкир с оружием, там же находился и руководитель восстания Батырша [Там же. С. 173].

По прибытии в Оренбургский край А. Тевкелев встретился с ханом Нуралы сначала в Кулагинской крепости, а потом в Илецкой. Весной 1756 г. хан Нуралы, султаны Айшуак, Ералы, знатные старшины прибыли в Илецкую крепость, куда прибыл и генерал А. Тевкелев. Здесь было решено всех башкир с женами и детьми возвратить на их прежнее жительство, что «по своему обыкновению и молитвою утвердили».

В феврале 1758 г. И.И. Неплюев оставил службу в Оренбурге. Временно, до прибытия нового начальства исправление обязанностей начальника края лежало на генерал-майоре А. Тевкелеве совместно с советником П.И. Рычковым. Теперь главной заботой А. Тевкелева стало регулирование отношений с Китаем. Побег Амурсаны и его близких в Россию, принятие нойонами Шереном, Лоуянджапом и Хошотцием русского подданства, убийство ими нескольких китайских офицеров во время побега осложнили отношения Российской империи с Китаем. Цинский двор требовал выдачи Амурсаны, а после его смерти – тела умершего. Отказ исполнить требования цинского двора привел к конфликту и возможности начала военных действий. С другой стороны, султан Среднего жуза Аблай отправив свое посольство в Пекин, начал склонять казахов не только Среднего, но и Младшего жуза к принятию подданства цинского императора.

Ввиду сложившейся непростой ситуации Сенат предписал генерал-майору Тевкелеву самому или его сыну Осипу Тевкелеву отправиться в степь, чтобы при личном свидании с правителями казахов отвратить их от китайского подданства. Нуралы хан обещал выставить в случае войны с Китаем тридцатитысячное войско и отправиться с ним к сибирским границам [25. Л. 75–78]. А. Тевкелев высказал мысль, что самым верным средством отклонить Аблая от Китая могло бы быть возведение его в ханское достоинство, тем более что большая часть казахов, ему подвластных, называет его ханом [23. С. 132].

В 1758 г. И.И. Неплюев был вызван в Петербург. К этому моменту А. Тевкелев и П.И. Рычков, сознавая ошибочный и несправедливый характер многих распоряжений и указов центрального правительства, пытались смягчить их неблагоприятные последствия для казахов и поэтому, «снисходя... киргиз-кайсакам, чрез указ киргиз-кайсацкой скот на внутреннюю сторону реки Яика перепускали», с учетом смерти в Оренбурге двух сыновей Нуралы хана, поочередно находившихся там в качестве аманатов, «знатно неосторожным внушением» убедили хана больше не отдавать детей в аманаты и возобновить свои требования к императрице о «дозволении перегонять скот их, в зимние времена на здешнюю сторону» [9. С. 44].

В 1759 г. оренбургским губернатором был назначен А.Р. Давыдов. Генерал-майор А. Тевкелев

продолжил свою службу в крае. Он принимает хан-ханских малолетних сыновей в аманаты. Для безопасности аманатов, предохранения от болезней и лечения малолетних детей Пиралы, Магомед Али, Яналы он содержит в своем доме.

В период правления А.Р. Давыдова обострились отношения начальника края с казахской элитой. Если казахи в период правления И.И. Неплюева, затем А.И. Тевкелева, получив разрешение, кочевали на правом берегу Урала, а конфликты, возникавшие между уральскими казаками и казахами, регулировались быстро, то с приходом нового губернатора казахская элита перекочевывает без разрешения, и эти переходы сопровождались столкновениями между казаками, калмыками и казахами, которые иногда заканчивались убийством. Хан Младшего жуза Нуралы и его братья, султан Среднего жуза Аблай рассматривают как один из вариантов протеста откочевку к границам Цинской империи или же на юг. Султан Ералы говорил открыто: «Для чего за такую безделицу, как один перепуск скота на внутреннюю сторону Яика, давать аманатов. Кроме Яика земли много, и Яик можно оставить» [33. С. 133]. Обычное кочевание казахов на правой стороне Урала признавалось новым оренбургским начальником невозможным, так как это могло привести к тому, что со временем казахи могли совсем перебраться сюда, дойти до Волги, и вступить в конфликт с беспокойными калмыками.

Казахский хан Нуралы в своих письмах в столицу сообщал о недружелюбной встрече А.В. Давыдова в период пребывания хана и его братьев в Оренбурге, о несправедливости со стороны нового начальника [25. Л. 100–101 об.]. В 1759 г. А. Тевкелев дает прошение о своей отставке. 10 января 1760 г. он был уволен «по глубокой старости».

В сентябре 1760 г. в казахской степи был убит башкирами племянник хана Мамбет-Али с 19 сопровождавшими его кочевниками. Мамбет-Али привозил в Оренбург нового аманата сына Нуралы –

Бегалы султана. Этот случай возмутил не только хана, старшин, но и Сенат. А.В. Давыдову было поручено расследовать дело. Несмотря на то, что Нуралы точно указывал на подозрительных людей, где у одного видели одежду Мамбет-Али, а у других – вещи убитых, А.В. Давыдов заявил, что «дело исследовать неудобно, в виду возможности замешания со стороны башкир» [33. С. 133]. Постоянный «конфуз» в отношениях оренбургского губернатора с казахской элитой подтолкнул А.Р. Давыдова написать прошение императрице Елизавете Петровне об отставке в связи болезнью и старостью. Он просил назначить оренбургским губернатором А. Тевкелева или другого генерала.

В 1763 г. А.Р. Давыдов был уволен в отставку за преклонностью лет. А.И. Тевкелев надеялся получить должность оренбургского губернатора, и по степи распространился слух о его назначении. Но в «разсуждении его магометанского закона» императрица Екатерина II сочла невозможным такое назначение. Указом императрицы от 1 июня 1763 г. А. Тевкелев должен был изложить свое мнение по казахским делам князю Голицыну. Однако генерал-майор отказался это сделать, на что императрица приказала: «генерал-майора Тевкелева оставить в покое и с ним ничего не разсуждать более по киргизским делам» [Там же. С. 141]. Скончался А.И. Тевкелев 13 апреля 1766 г.

Таким образом, российский дипломат, один из «устроителей» Оренбургского края, администратор А.И. Тевкелев, прожив большую часть своей жизни на окраине России, сыграл главную роль в определении политики империи по отношению к казахам. Выступая посредником между казахами и российской администрацией, А. Тевкелеву удалось расположить к себе элиту кочевого общества. К его советам и предложениям прислушивались не только оренбургские начальники, но и петербургские сановники.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бокенбай Караулы – казахский батыр из рода табын, поколения жетыру. Один из первых, кто поддержал хана Абулхаира на курултае казахской элиты и старшин 10 октября 1731 г. Вторым после хана присягнул на подданство Российской империи.

² Бопайханым (умерла 31.05.1780) – жена и сподвижник Абулхаира хана.

³ Байбише – старшая жена.

⁴ Султан Аблай – чингизид, потомок казахского хана Жанибека. С 1771 г. хан Среднего и большей части Старшего жузов. Указом императрицы от 24 мая 1778 г. был утвержден в звании только хана Среднего жуза, хотя просил признания за ним титула главного казахского хана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суни Рональд. Диалектика империи : Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И.В. Герасимова и др. Казань : Центр исследования национализма и империи, 2004. С. 163–196.
2. Уортман Ричард. Сценарии власти : мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая II. М. : ОГИ, 2002.
3. Ханыков Я.В. Сведения о роде Тевкелевых // Временник Московского Общества истории и древностей Российской. М., 1852. Кн. XIII. Смесь. С. 19–21.
4. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прошлом его составе до 1758 года. Казань, 1889–1897. Т. 1–4.
5. Крафт И. Принятие киргизами Российского подданства // Известия Оренбургского Общества РГО. Оренбург, 1897. Вып. XII.
6. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского Общества РГО. Оренбург, 1900. Вып. XV.
7. Модестов Н. Основание города Оренбурга и первоначальное благоустройство его // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Оренбург, 1917. Вып. XXXV.
8. Гилязов И.А. Помещики Тевкелевы в XVIII – начале XIX в. (К вопросу об исторических судьбах татарского феодального класса) // Классы и сословия России в период абсолютизма : межвуз. сб. статей. Куйбышев, 1989. С. 77–86.

9. Ерофеева И.В. Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731–1759) // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков / сост. И.В. Ерофеева. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. Т. 3. С. 5–50.
10. Арапов Д.Ю. Первый русский генерал-мусульманин Кутлу-Мухаммед Тевкелев // Сборник Русского исторического общества. М. : Русская панорама, 2002. Т. 5 (153). С. 32–37.
11. Безгин И.Г. Князя Бековича-Черкасского экспедиция в Хиву и посольства флота поручика Кожина и мурзы Тевкелева в Индию к великому моголу (1714–1717). СПб. : Тип. Р. Голике, 1891. 239 с.
12. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 122. Оп. 122/1. Д. 1. 1722–1755 гг.
13. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. : сб. док. и материалов / под ред. В.Ф. Шахматова. Алма-Ата : Изд-во АН Каз ССР, 1961. Т. 1.
14. Избасарова Г.Б. Российский фактор в казахско-башкирских отношениях в I-й четверти XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 5. Ч. 2. С. 63–68.
15. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции) : сб. док. / сост. М.Г. Масевич. Алма-Ата : Изд-во АН Каз ССР, 1960.
16. Из истории Казахстана // Красный архив. М., 1936. Т. 5 (78).
17. Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург : Оренбург. губ. стат. комитет, 1896. 93 с.
18. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
19. Ремнев А.В. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Новая имперская история постсоветского пространства / под ред. И.В. Герасимова и др. Казань : Центр исследования национализма и империи, 2004. С. 223–242.
20. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII в. Самара : Самар. ун-т, 1997. 190 с.
21. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов : в 2 т. / сост. и отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы : АО «Abdi Компани», 2014. Т. 1. 696 с.
22. Избасарова Г.Б. Аманат в традиционной культуре казахов и в российской политике XVIII в. // Российская история. 2017. № 1. С. 103–112.
23. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Оренбург : типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. Т. 1, вып. 1. 125 с.
24. Избасарова Г.Б. «Почетные заложники» как отражение государственной политики Российской империи к подвластным народам в XVIII–XIX вв. (на примере казахов Младшего жуза) // Клио. 2016. № 6 (114). С. 44–51.
25. Рычков П.И. Экстракт исторический о киргиз-кайсацком народе (1734–1771) // Отдел рукописи Российской государственной библиотеки. Ф.222/8. Панины.
26. Тевкелев А. Журнал происходящим по комиссии бригадира Тевкелева киргиз-кайсацким делам 1748 года // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков / сост. И.В. Ерофеева. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. Т. 3. С. 143–297.
27. Крафт И.И. Тургайский областной архив. Описание архивных документов с 1731 г. по 1782 г. относящихся к управлению киргизами. СПб. : Тип. Лопухина, 1901. 140 с.
28. Избасарова Г.Б. Взаимоотношения казахов и башкир в ходе башкирского восстания 1755 года : неизвестные страницы // Отантарихы (Отечественная история). 1999. № 3. С. 99–102.
29. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 67.
30. Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург : Типо-лит. Жаринова, 1898. 532 с.
31. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37.
32. Из истории Казахстана // Красный архив. М., 1938. Т. 2(87). С. 172.
33. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Оренбург : Типо-лит. Тургайского областного правления, 1901. Т. 1, вып. 2.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 марта 2018 г.

A.I. TEVKELEV'S STATE ACTIVITY ON THE IMPLEMENTATION OF THE SOUTH-EASTERN POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18TH CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 68–76.

DOI: 10.17223/15617793/430/10

Gulbanu B. Izbasarova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: iz_gulbanu@mail.ru

Keywords: A. Tevkelev; Russian Empire; Junior Horde of the Kazakhs; College of Foreign Affairs; Peter the Great; Abul Khair Khan; Bashkirs; Orenburg region.

The aim of this article to study the activities of Kutlu-Muhammad (Aleksey Ivanovich) Tevkelev, the “baby bird of Peter’s nest”, in the implementation of the precepts of Peter the Great in order to materialise the southeastern policy of the Russian Empire. The aim is achieved by researching the following issues: the analysis of his career from the translator of “oriental languages” to one of the “organisers” of the Orenburg region; the study of the mechanism of the Kazakh society government; the determination of his role in the regulation of conflicts between Orenburg Governor I.I. Neplyuev and Khan Abul Khair Kazhyuly; the review of relations among the Kazakh elite by example of Abul Khair Khan, Bopay Khanym and their eldest son Nuraly with the first Muslim General A. Tevkelev. The research is based on the archival materials, the unpublished manuscript by P.I. Ryckov the author found in the funds of the Russian State Library and also a wide range of various published sources. The sociocultural approach, which shows the behaviour of people to each other, based on their conventions, in direct communication in real situations, as well as in diverse circumstances, from normal to abnormal, is used. This approach leads to the transformation of the analytical perspective, which significantly enhances cognitive capacity and deepens the content of the study. The micro- and macro approaches in history are used. The specificity of micro-history is not in the scale of its object: both macro- and micro-historical studies can have the same object. Micro-history can show embryos of an alternative development. This is clearly shown by A. Tevkelev’s views and actions in order to determine the administrative and political mechanisms of imperial government of the Kazakhs of the Junior Horde. During the conducted research the author came to the following conclusions: 1. The main activity of A. Tevkelev is closely linked to the history of the Orenburg region, Bashkiria and Kazakhstan where he carried out the role of a diplomat and a statesman. 2. A. Tevkelev “determined” the policy of the empire in relation to the Kazakhs, tried to make Orsk the second administrative and trade centre in the region. 3. He managed to build trust with the Kazakh elite that, during the difficult moments, turned to him as the Kazakh steppe expert and the regulator of the relations between the Kazakhs and the empire. 4. During the Bashkir revolts of the 18th century, he supported their rigid suppression. A. Tevkelev received his main ranks for his service on the regulation of the relations between the empire, the Kazakhs and the Bashkirs.

REFERENCES

1. Sunni, R. (2004) *Dialektika imperii: Rossiya i Sovetskiy Soyuz* [Dialectics of the Empire: Russia and the Soviet Union]. Translated from English. In: Gerasimov, I.V. et al. (eds) *Novaya imperskaya istoriya postsovetского prostranstva* [A New Imperial History of the Post-Soviet Space]. Kazan: Tsentr issledovaniya natsionalizma i imperii.
2. Wortman, R. (2002) *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoy monarkhii ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya II* [Scenarios of power: myths and ceremonies of the Russian monarchy from Peter the Great to the death of Nicholas II]. Translated from English. Moscow: OGI.
3. Khanykov, Ya.V. (1852) *Svedeniya o rode Tevkelevykh* [Information about the Tevkelev family]. In: Belyaev, I.D. (ed.) *Vremennik Moskovskogo Obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskoy* [The journal of the Moscow Society of Russian History and Antiquities]. Vol. 8. Moscow: Univ. tip.
4. Vitevskiy, V.N. (1889–1897) *I.I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v proshlom ego sostave do 1758 goda* [I.I. Neplyuev and the Orenburg region in its past composition until 1758]. Vols 1–4. Kazan: tipo-lit. V.M. Klyuchnikova.
5. Kraft, I. (1897) *Prinyatie kirgizami Rossiyskogo poddanstva* [The acceptance of the Russian citizenship by the Kirghiz]. *Izvestiya Orenburgskogo Obshchestva RGO*. XII.
6. Dobrosmyslov, A.I. (1900) *Turgayskaya oblast'*. *Istoricheskiy ocherk* [Turgai region. A historical essay]. *Izvestiya Orenburgskogo Obshchestva RGO*. XV.
7. Modestov, N. (1917) *Osnovanie goroda Orenburga i pervonachal'noe blagoustroystvo ego* [The foundation of the city of Orenburg and its initial development]. *Trudy Orenburgskoy Uchenoy Arkhivnoy Komissii*. XXXV.
8. Gilyazov, I.A. (1989) *Pomeshchiki Tevkelevy v XVIII – nachale XIX v. (K voprosu ob istoricheskikh sud'bakh tatarskogo feodal'nogo klassa)* [The Tevkelev landowners in the 18th and early 19th centuries. (On the issue of the historical fate of the Tatar feudal class)]. In: Smirnov, Yu.N. (ed.) *Klassy i sosloviya Rossii v period absolutizma* [Classes and estates of Russia in the period of absolutism]. Kuybyshev: Kuybyshev State University.
9. Erofeeva, I.V. (2005) *Sluzhebnye i issledovatel'skie materialy rossiyskogo diplomata A.I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhskoy stepi (1731–1759)* [Official and research materials of the Russian diplomat A.I. Tevkelev on the history and ethnography of the Kazakh steppe (1731–1759)]. In: Erofeeva, I.V. (ed.) *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th–20th centuries]. Vol. 3. Almaty: Dayk-Press.
10. Arapov, D.Yu. (2002) *Pervyy russkiy general-musul'manin Kutlu-Mukhammed Tevkelev* [The first Russian Muslim General Kutlu-Muhammed Tevkelev]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*. 5 (153). pp. 32–37.
11. Bezgin, I.G. (1891) *Knyazya Bekovicha-Cherkasskogo ekspeditsiya v Khivu i posol'stva flota poruchika Kozhina i murzy Tevkeleva v Indiyu k velikomu mogolu (1714–1717)* [Expedition to Khiva of Prince Bekovich-Cherkassky's and embassies of the Fleet Lieutenant Kozhin and Murza Tevkelev to India to the Great Mogul (1714–1717)]. St. Petersburg: Tip. R. Golike.
12. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 122. List 122/1. File 1. 1722–1755. (In Russian).
13. Shahmatov, V.F. (ed.) (1961) *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.* [Kazakh-Russian relations in the 16th–18th centuries]. Vol. 1. Alma-Ata: Kazakh SSR AS.
14. Izbasarova, G.B. (2016) The Russian factor in the Kazakh-Bashkir relations in the 1st quarter of the 18th century. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Social Educational Ideas*. 8 (5):2. pp. 63–68. (In Russian). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-5/2-63-68
15. Masevich, M.G. (ed.) (1960) *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana (so vremeni prisoedineniya Kazakhstana k Rossii do Velikoy Okt'yabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii)* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan (from the time of Kazakhstan's accession to Russia to the Great October Socialist Revolution)]. Alma-Ata: Kazakh SSR AS.
16. Krasnyy arkhiv. (1936) *Iz istorii Kazakhstana* [From the History of Kazakhstan]. *Krasnyy arkhiv*. 5 (78).
17. Rychkov, P.I. (1896) *Istoriya Orenburgskaya (1730–1750)* [History of Orenburg (1730–1750)]. Orenburg: Orenburg. gub. stat. komite.
18. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 1. List 1. File 1. (In Russian).
19. Remnev, A.V. (2004) *Vdvinut' Rossiyu v Sibir'. Imperiya i russkaya kolonizatsiya vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka* [Push Russia into Siberia. Empire and Russian colonisation of the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Gerasimov, I.V. (ed.) *Novaya imperskaya istoriya postsovetского prostranstva* [A new imperial history of the post-Soviet space]. Kazan: Tsentr issledovaniya natsionalizma i imperii, pp. 223–242.
20. Smirnov, Yu.N. (1997) *Orenburgskaya ekspeditsiya (komissiya) i prisoedinenie Zavolzh'ya k Rossii v 30–40-e gg. XVIII v.* [The Orenburg expedition (commission) and the accession of the Zavolzhye to Russia in the 1730s–1740s]. Samara: Samara State University.
21. Erofeeva, I.V. (ed.) (2014) *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravayshchey elity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov: v 2 t.* [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite of 1675–1821. Collection of historical documents: in 2 vols]. Vol. 1. Almaty: AO “Abdi Kompani”.
22. Izbasarova, G.B. (2017) *Amanat v traditsionnoy kul'ture kazakhov i v rossiyskoy politike XVIII v.* [The Amanat in the traditional Kazakh culture and in Russian the politics of the 18th century]. *Rossiyskaya istoriya*. 1. pp. 103–112.
23. Dobrosmyslov, A.I. (1900) *Turgayskaya oblast'*. *Istoricheskiy ocherk* [Turgai region. A historical essay]. Vol. 1. Is. 1. Orenburg: tipo-litografiya F.B. Sachkova.
24. Izbasarova, G.B. (2016) “Pochetnye zalozhniki” kak otrazhenie gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy imperii k podvlastnym narodam v XVIII–XIX vv. (na primere kazakhov Mladshego zhuzha) [“Honorable hostages” as a reflection of the state policy of the Russian Empire to the subject peoples in the 18th–19th centuries (on the example of the Kazakhs of the Younger Zhuz)]. *Klio*. 6 (114). pp. 44–51.
25. Manuscript Department of the Russian State Library. Fund 222/8. Paniny [The Panins]. Rychkov, P.I. *Ekstrakt istoricheskoy o kirgiz-kaysatskom narode (1734–1771)* [Historical extract about the Kirghiz-Kaisak people (1734–1771)].
26. Tevkelev, A. (2005) *Zhurnal proiskhodyashchim po komissii brigadira Tevkeleva kirgis-kaysatskim delam 1748 goda* [The journal of the commission of the foreman Tevkelev on Kirghiz-Kaisak cases of 1748]. In: Erofeeva, I.V. (ed.) *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th–20th centuries]. Vol. 3. Almaty: Dayk-Press.
27. Kraft, I.I. (1901) *Turgayskiy oblastnoy arkhiv. Opisanie arkhivnykh dokumentov s 1731 g. po 1782 g. otnosyashchikhsya k upravleniyu kirgizami* [Turgai Regional Archive. Description of archival documents from 1731 to 1782 relating to the governance of the Kirghiz]. St. Petersburg: Tip. Lopukhina.
28. Izbasarova, G.B. (1999) *Vzaimootnosheniya kazakhov i bashkir v khode bashkirskogo vosstaniya 1755 goda: neizvestnye stranitsy* [Mutual relations of the Kazakhs and the Bashkirs during the Bashkir uprising of 1755: unknown pages]. *Otantikhi (Otechestvennaya istoriya)*. 3. pp. 99–102.
29. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 3. List 1. File 67. (In Russian).
30. Kraft, I.I. (1898) *Sbornik uzakoneniy o kirgizakh stepnykh oblastey* [Collection of laws about the Kirghiz of the steppe regions]. Orenburg: Tipo-lit. Zharinova.
31. State Archive of Orenburg Oblast (GAOO). Fund 3. List 1. File 37. (In Russian).
32. Krasnyy arkhiv. (1938) *Iz istorii Kazakhstana* [From the History of Kazakhstan]. *Krasnyy arkhiv*. 2(87). pp. 172.
33. Dobrosmyslov, A.I. (1901) *Turgayskaya oblast'*. *Istoricheskiy ocherk* [Turgai region. A historical essay]. Vol. 1. Is. 2. Orenburg: Tipo-lit. Turgayskogo oblastnogo pravleniya.

Received: 28 March 2018

В.Н. Казьмин, М.В. Казьмина

ПРАВООЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 60-х гг. XX в. – начале XXI в.

Рассматривается содержание основных этапов правозащитной деятельности в СССР и современной России начиная с 60-х гг. XX в. до начала XXI в. Определены ключевые предпосылки для возникновения явлений: демократизации в жизни общества, гуманизации законодательства, относительной свобода творчества. Сформулированы критерии выделения этапов правозащитной деятельности, характер отношений и методы борьбы государственных органов с правозащитниками, в том числе в регионах Западной Сибири. Выявлены характерные черты, особенности и проблемы правозащитной деятельности на современном этапе.

Ключевые слова: Россия; этапы правозащитной деятельности; репрессии; права человека.

В условиях реализации доктрины правового государства все больше обращает на себя внимание правозащитная деятельность как самостоятельная разновидность юридической деятельности, основу которой составляет совокупность взаимодействующих звеньев правового механизма, обеспечивающих защиту нарушенных прав и свобод.

Правовое регулирование защиты прав и свобод человека и гражданина начинается с включения его в основы конституционного строя России, с возведения такой защиты в ранг конституционной обязанности государства. Это особо важно в силу приближающегося в 2018 г. 70-летнего юбилея принятия Всеобщей декларации прав человека 10 декабря 1948 г.

Становление правового государства, реализация демократии в стране требуют осмысления пройденного Россией пути. В этой связи актуальным представляется изучение прошлого нашей страны связанного с зарождением инакомыслия, правозащитной деятельности, особенно в советский период.

Цель статьи – проанализировать исторические предпосылки возникновения и содержание основных этапов правозащитной деятельности в СССР и перспективы таких действий в современной России. Определить: принципы, которыми руководствовались правозащитники; масштаб и эффективность их работы; характер взаимоотношений с властью; отношения с регионами страны, в том числе и в Западной Сибири; взаимодействие с иностранными правозащитными организациями; проблемы развития в настоящее время.

В научной литературе существуют различные точки зрения на процесс возникновения правозащитной деятельности в советское время. С классической точкой зрения, правозащитные действия начинают оформляться в период хрущевской оттепели. В это время происходят ослабление запретов на контакты с другими странами, расширение демократии и свободы слова в рамках советской системы. Это вызвало определенный оптимизм, прежде всего, в интеллигентской среде [1. С. 21].

Однако многие правозащитники, отмечают влияние, которое оказал на них и, как следствие, на принципы правозащитного движения, предыдущий (сталинский) период. Без рассмотрения некоторых особенностей того политического режима, общественных

умонастроений трудно было бы осознать причины появления правозащитников.

Важным является утверждение, что на формирование мировоззрения правозащитников периода 60–80-х гг. XX в. оказали влияние два важных компонента. Первый носил идеологический характер и включал в себя революционность в построении справедливого общества. Второй имел политический характер (какими средствами и методами для достижения этой цели пользовалась власть). В период строительства социалистического общества государственная власть широко применяла насильственные, репрессивные методы в борьбе с инакомыслием.

Именно неприятие насильственных, репрессивных мер повлияло на мировоззрение правозащитников. На определенном этапе истории советского общества, когда произойдет либерализация политического режима, у представителей части интеллигенции появится возможность открыто выражать свое отношение к свободе слова, требовать исполнения прав человека, закрепленных в Конституции СССР, принятой в декабре 1936 г.

После смерти И.В. Сталина 5 марта 1953 г. завершился определенный период в жизни страны. Прекратились ранее проводимые политические процессы, были ликвидированы внесудебные органы. XX съезд КПСС осудил культ личности Сталина.

Существенные изменения происходят в уголовном законодательстве и нормативной базе, касающейся политических репрессий. Так, мы можем говорить о смягчении ответственности за деяния, которые классифицировались как антисоветская деятельность. Это, прежде всего, касается ст. 70 УК РСФСР, которая заменяла известную прежде ст. 58–10.

В первоначальной редакции она звучала следующим образом: «Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания – наказывается лишением свободы на срок от шести месяцев до семи лет и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки, или ссылкой на срок от двух до пяти лет.

Те же действия, совершенные лицом, ранее осужденным за особо опасные государственные преступления, а равно совершенные в военное время – наказывались лишением свободы на срок от трех до десяти лет со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки» [2. С. 43]. В последующем данная статья постоянно дополнялась в сторону усиления мер наказания.

Таким образом, изменения в правовом пространстве страны носили неоднозначный характер. Несмотря на смягчение репрессивной составляющей в Уголовном кодексе РСФСР, власть четко расставляла ограничения и барьеры в вопросах, затрагивающих идеологические основы Советского государства.

Определенные уступки со стороны центра были сделаны и в других сферах. В общественно-политической жизни страны начался период, получивший название «оттепель». Он привел к частичному восстановлению норм «социалистической демократии и права». У граждан появилась надежда реализовывать права, закрепленные в Конституции СССР, принятой 5 декабря 1936 г.

Новая политическая ситуация прежде всего сказалась на деятельности интеллигенции, которая получила возможность для реализации творческих начал. Это способствовало развитию многих видов науки и искусства. Возникли новые творческие коллективы и журналы. Изменилась тематика художественных произведений, где ставились проблемы дальнейшего развития гуманистических и правовых начал в стране.

Однако относительная свобода творчества вскоре начала свертываться, что вызвало протесты и недовольство среди определенных слоев граждан страны. Эти протесты выходили за рамки законодательства. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. возникает ряд нелегальных организаций. Например, в Ленинграде в 1964 г. был создан «Всероссийский социально-христианский союз освобождения народа». Он объявил о необходимости создания демократического государства в России. Участники этой группы пытались осуществить свою деятельность в регионах Западной Сибири. Главное направление их деятельности – распространение антисоветской литературы [3. Л. 18].

Новым явлением было возникновение бесцензурной печати (самиздата). Это рукописные и машинописные копии текстов писателей и ученых, неугодных властям. В основном это были стихи и художественная литература. Широкое распространение получили произведения М. Цветаевой, А. Ахматовой и др. Среди интеллигенции в рукописном виде ходили и стихи И. Бродского. Таким образом, во времена лидерства Н.С. Хрущева начали созревать предпосылки для протестов в связи с нарушением прав человека государством.

Среди исследователей существует мнение, что с приходом Л.И. Брежнева к власти репрессии против правозащитников усилились. Точку зрения о том, что началась политика «ресталинизации», они связывают с судебным процессом над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем, которые публиковались за границей. Их арестовали и предъявили обвинение по

ст. 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда, направленная на подрыв или ослабление советской власти» [2. С. 43].

Суд носил гласный характер. На нем присутствовали журналисты и простые граждане. А. Синявский и Ю. Даниэль получили большие сроки лишения свободы, что дало повод части интеллигенции заявить об усилении репрессивной политики против инакомыслия [4. С. 18]. Однако документы не подтверждают такую точку зрения.

В материалах КГБ СССР говорится, что за период с 1967 по 1975 г. по ст. 190-1 (введена в сентябре 1966 г.) и 70 УК РСФСР было осуждено 1 583 человека. Это гораздо меньше, чем за 1958–1966 гг., когда число осужденных за антисоветскую агитацию и пропаганду составляло 3 448 человек. За 1958 г. (период оттепели) по политической статье было осуждено 1 416 человек [5. С. 93]. Таким образом, приведенная статистика позволяет утверждать, что в 1967–1975 гг. число лиц, привлеченных по ст. 190-1 и 70 УК РСФСР в сравнении с 1958–1966 гг. сократилось в 2,2 раза.

О более жестких мерах в борьбе с инакомыслием в период хрущевской оттепели свидетельствуют и документы регионального характера. Например, в г. Томске в антисоветской деятельности был обвинен ряд преподавателей вузов. Среди них известный философ Э. Юдин, который был осужден на 10 лет лишения свободы [6. С. 215–218].

Небольшая часть советских людей отнеслась к суду над А. Синявским и Ю. Даниэлем как к нарушению статей Основного закона страны. С этого времени и предпринимаются попытки совершать организованные действия в защиту прав человека и советской Конституции. Первые организованные действия (демонстрация) были совершены 5 декабря 1965 г. Это и стало началом относительно массовых правозащитных действий в разных формах.

Одной из них было написание писем в органы власти о нарушениях прав человека [4. С. 19–21]. В ответ в сентябре 1966 г. в Уголовный кодекс РСФСР были внесены дополнения в ст. 190-1 и 190-3. Статья 190-1 УК РСФСР «Систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания» предусматривала до трех лет лишения свободы.

Статья 190-3 УК РСФСР «Организация, а равно активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти или повлекших нарушения работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий» предусматривала наказание до трех лет лагерей [7. С. 1038]. Принятые статьи и новые дополнения в УК РСФСР нарушали конституционные права советских граждан, что привело к усилению противоречий между государством и личностью.

Логично выделить ряд этапов в правозащитной деятельности. С конца 60-х гг. XX в. начинает форми-

роваться мировоззренческая программа правозащитников. Она излагается в статье А.Д. Сахарова «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Автор высказывает ряд положений:

- о характере современной войны и необходимости мира;
- роли сталинского террора в судьбе страны;
- демографических проблемах и загрязнении среды обитания;
- роли, которую может сыграть наука и научно-технический прогресс [8. С. 11].

А.Д. Сахаров предостерегал, что разобщенность мира приведет человечество к гибели. Он выступал за сотрудничество с другими странами и свободу выражения своих взглядов.

Главное, что надо людям в современных условиях, подчеркивал А.Д. Сахаров, это «свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков... Поэтому свобода мысли нуждается в защите всех мыслящих и честных людей. Это задача не только интеллигенции, но всех слоев общества, и в особенности наиболее активной и организованной его прослойки – рабочего класса» [Там же. С. 13–14]. Таким образом, правозащитники получили определенную программу действий.

На рубеже 1960–1970-х гг. формируются организационные структуры правозащитников. К ним следует отнести центры в разных регионах страны, между которыми устанавливаются определенные связи для распространения самиздата.

Первая правозащитная организация под названием «Инициативная группа защиты прав человека в СССР» была создана в мае 1969 г. В ее состав вошло более 10 человек, которые направили в Организацию Объединенных Наций (ООН) письмо, где говорилось, что в нашей стране нет реакции со стороны власти на нарушения прав человека. Защиту этих прав они связывали с действиями данной организации и ее органов [9. С. 218]. Ответа на это письмо и другие обращения в ООН не последовало.

Цели и действия группы определялись следующим образом:

- нести личную ответственность за защиту прав человека, за все происходящее в стране;
- обеспечить прогрессивное развитие страны за счет развития свободы [Там же. С. 220].

В начальный год существования организация опубликовала материалы в защиту арестованных правозащитников А. Марченко, Н. Горбаневской, В. Новодворской и др. [Там же. С. 222]. Со временем группа начала собирать материалы о нарушениях прав человека в регионах и создавать различные ассоциации по направлениям деятельности. Всего в деятельности данной группы можно выделить три этапа и прекращение ее работы в 1976 г. в силу арестов ряда правозащитников [1. С. 27–28].

Вскоре была создана новая правозащитная организация в ноябре 1970 г. – Комитет прав человека в СССР. Ключевую роль в ней играли В.Н. Чалидзе, А.Н. Твердохлебов, А.Д. Сахаров. Инициатором со-

здания был В.Н. Чалидзе, который предложил изучать положение дел с правами человека в стране и обратился к А.Д. Сахарову с предложением информировать о нарушениях прав человека правительства зарубежных стран. А.Д. Сахаров согласился с этой идеей, но высказал опасение, что это вызовет негативную реакцию власти страны [10. С. 191].

Организация начала свою работу 4 ноября 1970 г. Об этом было заявлено в самиздате, в частности в одном из номеров «Хроники текущих событий» [11]. Информация о создании Комитета была опубликована в зарубежной прессе и озвучена радиостанциями, вещавшими в СССР.

Со временем в деятельности Комитета прав человека в СССР стали участвовать и другие видные правозащитники: И. Шафаревич, А. Есенин-Вольпин, А. Солженицын, А. Галич.

Комитет определил следующие цели и задачи:

- информировать власть СССР о нарушениях конституционных прав человека;
 - изучать международные документы о правах человека и практику их применения в советском обществе;
 - вести правовое просвещение граждан;
 - пропагандировать международные и советские документы по правам человека [12. С. 66].
- Комитет прав человека стал первой организацией в СССР, которая была признана в зарубежных странах и ООН. В 1971 г. он вошел в состав Международной лиги прав человека и в Международный институт права. Определились конкретные проблематика и направления работы:
- отражение правовой тематики в советской правовой системе в сравнении с мировой практикой;
 - право на защиту в советском суде;
 - права лиц, признанных психически больными;
 - содержание термина «политзаключенные» и прав этой категории лиц;
 - содержание термина «тунеядец» и запрет на преследование лиц, отнесенных к этой категории в стране;
 - защита прав репрессированных народов и др. [13. С. 218].

Комитет являлся неполитической организацией, и этим объяснялось то, что его члены не могли входить ни в какую политическую партию или общественную организацию.

Со временем КГБ начинают преследовать членов организации. В записке Председателя Комитета Государственной безопасности Ю.В. Андропова в ЦК КПСС отмечалось, что данная организация представляет угрозу для советского общества и отрицательно влияет на граждан страны. Он предлагал ее скомпрометировать, используя специальные каналы, которые распространяют материалы, порочащие комитет по защите прав человека.

Опасаясь арестов, члены Комитета привлекли к сотрудничеству влиятельных ученых не только Москвы, но и регионов, например, новосибирского ученого, академика А.Д. Александрова (Институт математики СО АН СССР), которого в силу его известности было трудно скомпрометировать [9. С. 42].

Западные средства массовой информации стали широко освещать деятельность правозащитников, называя их политической оппозицией. Они писали, что влияние правозащитников расширяется, у них появляются свои лидеры, недовольные существующей политикой советских властей. Лидерами правозащитников западные средства массовой информации называли Ж. и Р. Медведевых, А. Амальрика, В. Буковского, П. Григоренко, А. Марченко, М. Растропова, В. Чалидзе, В. Турчина, П. Капицу [12. С. 67].

Инакомыслие появилось и во многих регионах России, в которых развернулась деятельность самиздата, где обобщались факты о нарушении прав граждан. В Западной Сибири центром инакомыслия был Академгородок в г. Новосибирске, где действовали разнообразные дискуссионные клубы. Причем студенты поднимали острые проблемы, в том числе о роли молодежи в жизни страны.

В октябре 1972 г. глава КГБ СССР и Генеральный прокурор СССР выступили перед руководством страны с новой инициативой по борьбе с инакомыслием. Они считали, что необходимо вести предупредительную работу с лицами, которые склонны к нарушению социалистической законности.

Для этого надо ввести официальные письменные предупреждения от имени органов власти с требованием прекращения проводимой ими политически вредной деятельности и разъяснения последствий, которые могут иметь место в результате продолжения. Если это не подействует, то необходимо их привлечь к уголовной ответственности [14. Л. 4].

Предложения были рассмотрены и одобрены руководством страны. В документе, который назывался «О применении органами государственной безопасности предостережения в качестве меры профилактического воздействия», отмечалось, что вводится практика объявления предостережения. Для этого лицо вызывается в органы государственной безопасности с целью профилактического воздействия. Если впоследствии лицом будет совершено преступление, то вынесенное ранее предупреждение о нанесении ущерба интересам государственной безопасности приобщается к уголовному делу.

В дальнейшем профилактическая работа КГБ СССР станет главной в борьбе с инакомыслием в регионах страны. В особых случаях будут применяться статьи уголовного кодекса РСФСР: 70 (антисоветская агитация и пропаганда) и 190–1 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй).

Таким образом, в 70-е гг. XX в. тактика в борьбе с инакомыслием принципиально меняется. Ключевое значение для органов КГБ СССР приобрела профилактика. Этой мере воздействия, по данным КГБ, в 1971–1974 гг. было подвергнуто 1 839 антисоветских групп, 63 108 человек [5. С. 93].

По нашим подсчетам, в основе которых лежат статистические данные Министерства юстиции РСФСР, численность осужденных по политическим мотивам в 1976–1979 гг. (период разрядки) составляла 110–170 человек в год, по диссидентским статьям – около 70 человек. Основное внимание уделялось «профи-

лактированию». Уголовные дела по инакомыслию от количества «профилактируемых» составляли чуть более 5% [15. С. 253]. Органы старались применять разные методы в зависимости от опасности, которую, по их мнению, представлял для страны и власти тот или иной человек. То есть наблюдалось сочетание профилактики и уголовных мер.

Конечно, были затронуты и отношения с правозащитниками. Власти заявляли, что не допустят враждебных действий со стороны российских правозащитников и вмешательства во внутренние дела со стороны международных правозащитных организаций [5. С. 94]. В результате давления власти правозащитные организации вступили в полосу кризиса, который будет продолжаться до середины 70-х гг. XX в. Многие члены организаций находились в заключении, но при этом поддерживали связь с оставшимися на свободе правозащитниками [13. С. 236].

Известный знаток истории правозащитного движения А.Ю. Даниэль, рассуждая о причинах кризиса, отмечал, что правозащитники часто переходили грань дозволенного законом и властью, им не хватало ответственности и это порождало у граждан чувство недоверия к их позиции. Они не считали их своими, и потому у них не было широкой поддержки в советском обществе [15. С. 242]. Это была относительно небольшая группа столичной и региональной интеллигенции.

Следует отметить, что правозащитники в этот период прошли существенный путь от выступления одиночек до создания организаций. Они сформулировали цели и задачи, определили лидеров, установили связь с регионами и наладили систему доставки самиздата по стране. Доминирующими принципами являлись уважение к закону и ненасилие, открытость движения.

Новый этап в движении правозащитников начинается со второй половины 70-х гг. XX в. Именно в это время осуществляется трансформация принципов правозащитников, действия которых начали носить политический характер. Они создали организации с четкими уставными требованиями, выстроили своеобразную иерархию правозащитников (лидеры, исполнители).

В этот время образуется Московская Хельсинская группа (МХГ), формированию которой способствовали, прежде всего, международные обстоятельства. В 1975 г. произошло важное в мире событие – общеевропейское Совещание стран Европы и США, где был принят Заключительный акт. В документе окончательно устанавливались границы, существовавшие после Второй мировой войны, и нормы отношений с европейскими государствами.

Объявлялась политика разрядки, в рамках которой в связи с подписанием положений о правах человека место и роль правозащитников России могли измениться. Это отметили зарубежные писатели и политики. Они считали, что возможен свободный выезд из СССР, прежде всего лиц еврейской национальности, взамен на улучшение экономических отношений СССР и западных стран [16. С. 11].

Правозащитники получали благоприятные возможности для расширения своего влияния. Обычно

это связывают с возникновением и работой правозащитной организации – Московской Хельсинской группы. Ее становление происходило достаточно сложно. Некоторые правозащитники считали, что Заключительный акт – обман, и СССР не будет его выполнять, особенно в части защиты прав человека. Такая точка зрения высказывалась известным диссидентом П. Григоренко, который являлся правозащитником с 1960-х гг. и не раз подвергался арестам и заключению в психиатрическую больницу.

Однако существовали и другие взгляды на содержание Заключительного акта и отношение к нему среди правозащитников. У истоков создания группы стоял физик Ю. Орлов. Он обосновал связь между борьбой за права человека и созданием системы гарантий международной безопасности.

Орлов сделал вывод о том, что можно усилить влияние правозащитников, опираясь на статьи Заключительного акта, сделав акцент на установление связи с западными правительствами и общественностью [16. С. 12].

Для этого необходимо создать такую организацию, которая следила бы за выполнением документов совещания и давала информацию общественности через газеты и самиздат.

Вскоре, 12 мая 1976 г., было объявлено о создании Группы содействия выполнению Хельсинских соглашений в СССР, или Хельсинской группы. Поставив такую задачу, по мнению историка М. Гефтера, правозащитники взяли на себя ответственность перед советским обществом, создавали предпосылки для формирования гражданского общества, устанавливали связи с мировой общественностью [17. С. 156].

МХГ определилась с программой действий, включавшей следующее:

- способствовать выполнению гуманитарных статей Заключительного акта;
- выявлять нарушения прав человека в стране и информировать об этом общественность и правительства, стран – участниц совещания в Хельсинки.

Вскоре после образования члены группы дали оценку влияния Совещания в Хельсинки на выполнение прав человека в СССР. Они заявили, что в стране существуют проблемы со стороны властей по выполнению принятых обязательств по гуманитарным статьям. Это проявлялось в том, что в местах заключения находилось достаточно много репрессированных по политическим и религиозным убеждениям. По-прежнему присутствовала практика заключения в психиатрические учреждения, преследовались независимые средства массовой информации. КПСС запрещала создавать независимые гражданские организации.

Кроме того, тактика советской власти по отношению к инакомыслящим изменилась. Боясь потерять престиж в западных странах, власть начала маневрировать и делать некоторые уступки и послабления в отношении диссидентов.

Принципиально позиция СССР по обеспечению прав человека не изменилась. По-прежнему осуществлялись аресты правозащитников и практиковалось заключение их в психиатрические больницы. Но

если эти факты становились известны западной общественности, то наказания относительно смягчались.

Вместе с тем, и после подписания Заключительного акта в Хельсинки были арестованы несколько человек. Например, за организацию демонстрации около шведского посольства был направлен на медицинское обследование в институт им. Сербского научный сотрудник Сибирского отделения АН СССР Анатолий Уваров.

Не изменилась политика власти и по отношению к вопросам эмиграции. Так, не имели прав на выезд из страны люди, желавшие эмигрировать не для воссоединения семьи, а по политическим и религиозным мотивам. В средствах массовой информации проводилась дискредитация данных лиц.

В связи с этим члены МХГ считали, что необходимо привести законодательство страны в соответствие с международным правом и конвенциями по правам человека. Они полагали, что репрессивные статьи за инакомыслие в Уголовном кодексе РСФСР противоречат статьям Конституции СССР.

Только в течение двух месяцев работы МХГ было передано западным правительствам пять информационных документов о нарушениях прав человека в стране.

Таким образом, мы видим принципиально разный подход в деятельности правозащитников во второй половине 1970-х гг. в отличие от их предшественников. Акцент смещается с развития внутреннего самиздата на сотрудничество и информирование правительств западных государств о нарушениях прав человека в стране. Правозащитники претендовали на установление связей с западными организациями и государствами.

Естественно, поставив такие задачи, МХГ не могла не попасть в поле зрения КГБ СССР. Вскоре ее деятельность была проанализирована органами безопасности. Было заявлено, что по существу создана опасная для государства и власти организация, связанная с западными правительствами для того, чтобы осуществлять давление на политику страны. КГБ СССР отметил и особую роль Ю. Орлова в создании такой организации и необходимости ее дискредитации [18. С. 404].

Особо опасным было то, что МХГ пыталась установить связь с правительственными органами США. Это подтверждали встречи Ю. Орлова с представителями посольства США. КГБ СССР определил меры по ликвидации группы. Положение Советского Союза усугублялось тем, что подобные группы начали возникать в регионах страны и социалистических странах.

По нашему мнению, МХГ не просто вступила в конфликт с властью, но и взяла на себя надзорные функции прокуратуры. Отсюда и стремление прокуратуры, так же как и КГБ, изолировать правозащитников. Стремления к поиску компромисса, сотрудничества не было ни у одной из сторон, хотя они могли дополнять друг друга в защите прав человека. Таким образом, правозащитники МХГ сами обострили отношения с властными структурами страны.

Со временем вокруг МХГ начали объединяться специализированные правозащитные группы. В ос-

новном они занимались защитой прав лиц, помещенных в психиатрические клиники. Заключение в эти учреждения было одной из форм борьбы власти с инакомыслием. В них содержалось немало видных правозащитников. Наибольшую известность получило дело о содержании в психиатрической больнице диссидента В. Буковского.

Другой важной специализированной группой был Христианский комитет защиты прав верующих. Он также проделал значительную работу, защищая права верующих в регионах страны [15. С. 243]. Таким образом, за короткий срок восстанавливается сеть открытых правозащитных ассоциаций и устанавливаются связи с региональными правозащитниками. Но особую опасность представляла деятельность МХГ. Власти необходим был лишь повод для разгрома организации и в целом правозащитного движения.

Поводом для усиления репрессивной политики послужило событие января 1977 г. – в Московском метро был осуществлен террористический акт с человеческими жертвами. Ранения получили десятки человек. Семеро погибли. У органов появился удобный случай связать этот теракт с деятельностью правозащитников. Конечно, обвинения были не прямые. Но намеки на их причастность появлялись, прежде всего, в средствах массовой информации.

Правозащитники были вынуждены реагировать на такое развитие событий. Для этого была созвана пресс-конференция. По ее итогам правозащитники опубликовали заявление, где говорилось: «...диссиденты имеют различные политические, религиозные, философские взгляды, а объединяет их то, что, добиваясь осуществления основных прав человека, они полностью отвергают призывы к насилию, как средству осуществления своих целей. Диссиденты относятся к террору с негодованием и отвращением» [19].

Эти события обострили характер отношений органов КГБ и правозащитников. Когда стали известны имена исполнителей теракта, то и это не смягчило конфронтацию власти и диссидентов. Власть возложила на них нравственную ответственность за совершенный террористический акт. Борьба разгорелась с новой силой. Начинается новая кампания по их дискредитации. О реализации такого плана в ЦК КПСС докладывали Ю. Андропов и Генеральный прокурор СССР Р. Руденко.

Они считали, что необходимо предпринять более жесткие меры к некоторым правозащитникам на основе действующего законодательства. В записке говорилось, что меры должны показать правящим кругам запада «...бесперспективность проведения в отношении Советского Союза политики шантажа и давления. Политическое значение этих мер будет состоять в том, что они окажут свое влияние на положение дел в ЧССР, ПНР и других социалистических странах, которые сейчас подвергаются массивному нажиму со стороны враждебных элементов международной империалистической реакции» [18. С. 404].

Начались преследования, обыски и аресты наиболее активных диссидентов. Некоторые из них обратились за поддержкой и помощью к властным структурам США и получили ее [16. С. 129]. То есть правоза-

щитники оказались втянутыми в политические отношения и претензии друг к другу ведущих стран. Обе стороны, исходя из своих интересов, обстоятельств, могли использовать этот фактор как способ давления друг на друга. Фактически так и произошло. США использовали этот фактор как способ давления на СССР. СССР обвинил США во вмешательстве во внутренние дела и вовлечении в шпионскую деятельность некоторых правозащитников (конкретно – Н. Щаранского и др.) [5. С. 205].

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. главный удар со стороны власти был нанесен по московским правозащитникам. В Москве находились наиболее крупные ассоциации и наиболее известные лица. За период 1980–1981 гг. около 40 активных правозащитников оказались в заключении. В сентябре 1982 г. прервалась деятельность Московской Хельсинской группы. Основным итогом работы КГБ СССР в 1982 г. ее руководитель В. Чебриков считал, что «...завершено разложение пытавшихся действовать в СССР так называемых “русской секции международной амнистии”, “хельсинских групп” и некоторых других подобных группирований; 17 наиболее активных их участников привлечены к уголовной ответственности» [Там же. С. 256].

Были подавлены основные центры инакомыслия и в регионах страны. В Западной Сибири прошла серия арестов и судебных процессов. Особый резонанс вызвало «Томское дело». В 1982 г. аресты производятся в г. Томске, что послужило началом судебного процесса по «Томскому делу», который получил освещение в последнем номере «Хроники текущих событий».

У начальника Томского филиала Центральной Сибирской научно-исследовательской лаборатории криминалистики А.А. Чернышова был проведен обыск. За хранение и распространение самиздатовской литературы он был арестован [20].

Обыск был произведен и у заведующего лабораторией биологии и биофизики при Томском государственном университете А.Ф. Ковалевского. У него были изъяты самиздатовская литература, два фотоаппарата, фотоувеличитель и пишущая машинка. А.Ф. Ковалевскому предъявили обвинения по ст. 190–1 [21. С. 411].

Он так вспоминает о своей работе в ТГУ: «Отличительной особенностью моей работы были многие командировки в Москву, Ленинград и другие города. Пришлось многое повидать и увидеть, что далеко не гладко в нашем государстве. Ну и попытка разобраться в причинах этого, конечно, неизбежно привела к чтению самиздата. Хотелось выяснить причины многих наших неудач.

Первое, что я прочел из самиздата, была стенограмма процесса по делу поэта И. Бродского... На многое открыло глаза чтение работы А. Авторханова „Технология власти”. Потом читал все, что удавалось достать: „Архипелаг ГУЛАГ”, „Мои показания” А. Марченко, работу Л. Копелева „Хранить вечно” и др.

Прочитанное обсуждал со знакомыми. Часто с Вильгельмом Фастом, сотрудником ТГУ. Делился своими мыслями с судебным экспертом Анатолием

Чернышевым. Большого криминала в чтении не видел, так как информацию не распространял среди знакомых и сотрудников. В 1982 г. во время обыска в квартире нашли и изъяли работу А. Зиновьева „Коммунизм как реальность”. Меня арестовали примерно через неделю...

Следует сказать, что никакого битья, даже оскорблений при допросах не было, но иногда звучали фразы типа: „Мы можем к вам применить не статью 190-1, а 70“. А это была гораздо более суровая статья, по которой давали, нередко, 7 лет лагерей. Главный пункт обвинения – распространение клеветнических измышлений на существующий строй...» [21. С. 412–413].

А.Ф. Ковалевскому суд определил полтора года лишения свободы, которые он отбыл в Асиновском лагере Томской области. В 1983 г. вышел из лагеря. В течение пяти лет его нигде не принимали на работу.

Вместе с ним в 1982 г. также был арестован и В.М. Кендель, философ, научный сотрудник лаборатории конкретных социологических исследований при ТГУ. Его обвинили по ст. 190-1 и приговорили к полутора годам лишения свободы [Там же. С. 413].

Таким образом, следует сделать вывод, что к середине 1980-х гг. деятельность правозащитников, которая была значимым фактором внутренней и международной жизни, в своих прежних формах перестала существовать.

Следующий этап правозащитной деятельности связан с политикой перестройки, когда на государственном уровне были провозглашены принципы развития демократии и гласности, свобод и прав человека. К выработке такой политики были причастны и правозащитники 1960–1980-х гг. Хронологически этот период можно определить со второй половины 1980-х гг. по настоящее время.

С наступлением политики перестройки, которую начал проводить М.С. Горбачев, правозащитники и граждане, недовольные властью, вновь получили возможность для распространения своих взглядов и практических действий. Страна вступила в новый этап идеологических и политических потрясений.

Эпоха перестройки принесла либерализацию и демократизацию политического режима в СССР. Правозащитники вступили в новый период деятельности. Для него характерны постепенная легализация действий, вовлечение ряда его активных членов в демократические партии, объединения, выдвижение более жестких требований в отношении власти. Опыт правозащитного и диссидентского движения 1960–1970-х гг. будет использован для формирования неправительственного правозащитного сектора в России. Одной из первых таких организаций станет восстановленная в 1989 г. Московская Хельсинская группа.

В ее состав вошли ветераны правозащитного движения. В мае 1996 г. группу возглавила вернувшаяся в 1993 г. из эмиграции Людмила Алексеева, которая остается ее лидером до настоящего времени. За вклад в развитие правозащитной деятельности в России Л.А. Алексеева получила Государственную премию РФ в 2017 г.

Группа постоянно пополнялась новыми авторитетными гражданами, активными участниками дви-

жения в защиту прав человека. Главная задача группы в настоящее время – содействие практическому выполнению гуманитарных статей Заключительного акта Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), а также всех остальных международно-правовых обязательств Российской Федерации в области прав человека.

В 1990-е гг. при поддержке правозащитных организаций стали активно создаваться общественные организации по защите прав отдельных групп населения, шел процесс дифференциации общественных движений. В это время были созданы следующие общественные объединения: фонд «Право матери» (комитеты солдатских матерей), «Движение против насилия», «Движение в защиту беженцев и вынужденных переселенцев», «Женское движение», «Движение потребителей» и др. [22. С. 93].

Начиная с перестройки и до настоящего времени в правозащитном движении появляются новые направления, течения и организации. Деятельность их направлена на защиту социально-экономических, политических и гражданских прав человека.

РФ только находится на пути к настоящему правовому государству, и ей предстоит пройти еще очень долгий путь. Можно привести множество примеров нарушения естественных, социальных прав, прав на свободу вероисповедания, на свободу слова, нарушения избирательного права, экономических прав человека.

Так, в 2015 г. количество жалоб, поступивших к Уполномоченному по правам человека в России, резко возросло – на 43,6% по сравнению с 2014 г. В 2015 г. Уполномоченному поступило 59 100 обращений граждан, государственных и общественных организаций. Из них 32 382 – жалобы и обращения граждан. В 2016 г. Уполномоченному поступило 64 189 обращений граждан, государственных и общественных организаций и иных документов, что на 18% больше, чем в 2015 г. Из них непосредственно жалоб физических и юридических лиц – 38 093 [23].

Приоритетным в развитии правозащитных организаций, в целом неправительственного сектора, является, по нашему мнению, характер взаимодействия и правового регулирования этих структур с политическими институтами государства. Определенные позитивные шаги в этом направлении сделаны в связи с созданием при Президенте РФ в 2004 г. Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека (СПЧ) и Общественной палаты РФ (ОП РФ) в 2005 г.

Однако это не означает, что между государством и неправительственным сектором не существует проблем. Правозащитное движение в Российской Федерации нуждается в поиске разумных, реальных средств и методов защиты человеческих и гражданских прав. Представители правозащитных организаций и движений сталкиваются с такой проблемой, как препятствие деятельности общественных активистов, позиция которых противоречит интересам отдельных представителей органов государственной и местной власти, коммерческих структур.

Существенной проблемой является недостаточность информации о выполнении правительством

своих обязательств, которые установлены различными международными договорами в области прав человека. Отсюда часто возникает противостояние между государственными органами и правозащитниками. Формируется образ правозащитника как противника интересов общества и государства. Правда, следует отметить, что иногда сами правозащитники дают поводы для таких обвинений в силу юридической некомпетентности или политической конъюнктуры.

Правозащитное движение в настоящее время в России, несомненно, имеет перспективы развития внутри страны и международного сотрудничества с другими странами. Это позволит продолжить демо-

кратические преобразования, ослабить напряженность в социальной и политической областях, повысить уровень правовой культуры. В условиях сложной экономической обстановки и политического давления со стороны иностранных держав правозащитная деятельность может стать одним из стабилизирующих факторов как во внутренней жизни, так и во взаимоотношениях с другими государствами. Для этого необходимы ответственная социально-экономическая политика со стороны институтов государства и общественный контроль и защита прав человека со стороны негосударственных структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилова А.В. Общественные объединения в правозащитной деятельности. Кемерово, 2016. 234 с.
2. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953–1991) Ч. 2: Законодательство РСФСР / сост. Н.С. Захаров, В.П. Малков. Казань, 1995. 304 с.
3. Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф. 89. Оп. 28. Д. 19. Л. 18.
4. Терц А. Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989. 526 с.
5. Власть и диссиденты. Из документов КГБ и ЦК КПСС. М., 2006. 282 с.
6. Томские заморозки в период хрущевской оттепели : сб. док. и материалов. Томск, 2010. 302 с.
7. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 38.
8. Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1991. 336 с.
9. Клайн Э. Московский комитет прав человека. М., 2004. 232 с.
10. Сахаров А.Д. Воспоминания // Звезда. 1991. № 1.
11. Хроника текущих событий. Вып. 17. URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm>
12. Казьмин В.Н. Идеино-политическая борьба в регионах России. 1971–1991 гг. Кемерово, 2009. 280 с.
13. Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М., 1992. 352 с.
14. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 25. Д. 41. Л. 4.
15. История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР. М., 2002. 504 с.
16. Голдберг П. Заключительный акт. М., 2006. 214 с.
17. Гефтер М. Из тех и этих лет. М., 1991. 480 с.
18. Козлов В.А., Мироненко С.В. Крамола : Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. М., 2005.
19. Хроника текущих событий. Вып. 44. URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm>
20. В. Крюков. В свете нашего опыта // Томский вестник. 1991. 19 марта.
21. В. Ханевич. «Томское дело» в судьбе Александра Ковалевского // Каменный мост. Томск, 2005.
22. Ковалев С.А. Заметки на полях кризиса // Мир, страна, личность. М., 2000. 176 с.
23. Сайт Уполномоченного по правам человека Российской Федерации. URL: <https://rg.ru/2016/03/24/ombudsman-doklad-dok.html>

Статья представлена научной редакцией «История» 16 февраля 2018 г.

HUMAN RIGHTS ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 1960S – EARLY 21ST CENTURY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 77–85.

DOI: 10.17223/15617793/430/11

Vladimir N. Kazmin, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: vladkaz231@yandex.ru

Margarita V. Kazmina, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Rita-KMV@yandex.ru

Keywords: Russia; stages of human rights activities; repressions; human rights.

According to the authors, the aim of the article is to identify the historical background of human rights activities in the USSR, the content of the main stages and the prospects of these activities in modern Russia. In the second half of the 1950s – mid-1960s, the preconditions for human rights activities appeared. First, this was manifested in the relative democratisation of the society, the humanisation of legal relations, which enabled part of the intelligentsia to expand their opportunities for demonstrating the freedom of creativity and demand the fulfilment of human rights enshrined in the 1936 Constitution of the USSR. However, in time, the government established a rigid ideological framework to be observed, which some citizens did not accept. The ideology of dissent, which is personified, first, by human rights activists, started to form. The authors consider that in the second half of the 1960s, relatively massive human rights activities began to shape in various forms: sending letters to government structures, rallies and demonstrations in connection with the violation of citizens' rights. In the late 1960s, the world outlook programmes of human rights defenders were developed. Through the network of "samizdat" literature, human rights defenders established contacts with their supporters in the regions of the country, including Western Siberia. Some human rights organisations (the Human Rights Committee in the USSR) were first recognised in foreign countries and the UN, which caused opposition from power structures that acted thoughtfully and flexibly, combining the methods of "prevention" and criminal penalties. A new stage in the work of human rights defenders that occurred in the second half of the 1970s is associated with the period of easing of international tension. The Moscow Helsinki Group, established in the USSR, assumed responsibility for monitoring the implementation of humanitarian articles of the all-European meeting held in 1975. It began to inform the government and the public of Western countries about human rights violations in the country. That is, the activities of human rights defenders acquired a political character. The end of the policy of detente essentially meant the use of repressive measures against them in the centre (Moscow) and in the regions ("Tomsk case"). In the mid-1980s, the next stage of human rights activities, which has been going on until now, began. It is connected with the policy of the perestroika, the demand for ideas of dissidents and their active participation in the political struggle for power. The human rights movement has been

legalised. Non-governmental organisations have been established to protect political, civil, social and economic human rights. Thus, the authors conclude that human rights activities can become one of the stabilising factors both in internal life and in relations with other states. This requires both responsible social and economic policies on the part of state institutions and the establishment of an effective human rights protection system on the part of non-state actors.

REFERENCES

1. Gavrilova, A.V. (2016) *Obshchestvennye ob"edineniya v pravozashchitnoy deyatel'nosti* [Public associations in human rights activities]. Kemerovo: Kemerovo State University.
2. Zakharov, N.S. & Malkov, V.P. (eds) (1995) *Sbornik dokumentov po istorii ugovnogo zakonodatel'stva SSSR i RSFSR (1953–1991)* [Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR (1953–1991)]. Pt. 2. Kazan: Kazan State University.
3. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 89. List 28. File 19. Page 18. (In Russian).
4. Terts, A. (1989) *Tsena metafory, ili Prestuplenie i nakazanie Sinyavskogo i Danielya* [The price of a metaphor, or Crime and punishment of Sinyavsky and Daniel]. Moscow: Kniga.
5. Makarov, A.A. et al. (eds) (2006) *Vlast' i dissidenty. Iz dokumentov KGB i TsK KPSS* [Power and dissidents. From the documents of the KGB and the CPSU Central Committee]. Moscow: Moskovskaya Khel'sinskaya Gruppya.
6. Kupert, Yu.V. & Pril, L.N. (eds) (2010) *Tomskie zamorozki v period khrushchevskoy ottepeli: sb. dok. i materialov* [Tomsk frosts during the Khrushchev thaw: documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
7. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. (1966) 38.
8. Sakharov, A.D. (1991) *Trevoga i nadezhda* [Anxiety and hope]. Moscow: Inter-Verso.
9. Klayn, E. (2004) *Moskovskiy komitet prav cheloveka* [Moscow Committee for Human Rights]. Moscow: Prava cheloveka.
10. Sakharov, A.D. (1991) *Vospominaniya* [Memories]. Zvezda. 1.
11. *Khronika tekushchikh sobytij – Chronicle of Current Events*. (1970) 17. [Online] Available from: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm>. (In Russian).
12. Kaz'min, V.N. (2009) *Ideyno-politicheskaya bor'ba v regionakh Rossii. 1971–1991 gg.* [Ideological and political struggle in the regions of Russia. 1971–1991]. Kemerovo: Kemerovo State University.
13. Alekseeva, L. (1992) *Istoriya inakomysliya v SSSR. Noveyshiyy period* [History of dissent in the USSR. The newest period]. Moscow: Vest'.
14. Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fund 89. List 25. File 41. Page 4. (In Russian).
15. Shelokhaev, V.V. (ed.) (2002) *Istoriya politicheskikh repressiy i soprotivlenie nesvobode v SSSR* [The history of political repression and resistance to lack of freedom in the USSR]. Moscow: Mosgorarkhiv.
16. Goldberg, P. (2006) *Zaklyuchitel'nyy akt* [Final Act]. Translated from English. Moscow: Moskovskaya Khel'sinskaya Gruppya.
17. Gefter, M. (1991) *Iz tekh i etikh let* [From these and those years]. Moscow: Progress.
18. Kozlov, V.A. & Mironenko, S.V. (2005) *Kramola: Inakomyslie v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve. 1953–1982 gg.* [Sedition: Dissent in the USSR under Khrushchev and Brezhnev. 1953–1982]. Moscow: Materik.
19. *Khronika tekushchikh sobytij – Chronicle of Current Events*. (1977) 44. [Online] Available from: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/index.htm>.
20. Kryukov, V. (1991) *V svete nashego opyta* [In the light of our experience]. *Tomskiy vestnik*. 19 March.
21. Khanevich, V. (2005) "Tomskoe delo" v sud'be Aleksandra Kovalevskogo [The "Tomsk case" in the fate of Aleksandr Kovalevsky]. *Kamennyy most*.
22. Kovalev, S.A. (2000) *Zametki na polyakh krizisa* [Notes on the margin of the crisis]. In: Kovalev, S.A. *Mir, strana, lichnost'* [World, country, person]. Moscow: Izograf.
23. The site of the Commissioner for Human Rights of the Russian Federation. (2016) *Report of the Ombudsman for Human Rights in the Russian Federation for 2015*. [Online] Available from: <https://rg.ru/2016/03/24/ombudsman-doklad-dok.html>. (In Russian).

Received: 16 February 2018

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ПО БОРЬБЕ С «НЕМЕЦКИМ ЗАСИЛЬЕМ»: НЕМЕЦКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ХОЗЯЙСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются вопросы реализации в годы Первой мировой войны масштабной кампании, направленной против немцев, как германских, так и российских подданных. Сделан вывод о том, что политика властей по отношению к немецкому сельскохозяйственному предпринимательству в годы Первой мировой войны на территории Западной Сибири свелась к принятию дискриминационных мер, направленных, прежде всего, на ущемление и ликвидацию имущественных, в том числе земельных, прав, а также этнокультурной самобытности немецкого населения.

Ключевые слова: Первая мировая война; немецкое предпринимательство; сельские предпринимательские хозяйства; Западная Сибирь; кампания «борьбы с немецким засильем»; антинемецкая кампания; ликвидационные законы; «вражеские подданные»; «российские подданные, выходцы из стран, воюющих с Россией».

История Первой мировой войны и участие в ней России всегда были в центре внимания профессионального исторического сообщества. Юбилей «Великой войны» еще более актуализировал исследования по изучению различных ее аспектов. К числу интересных, но в то же время мало исследованных вопросов истории Первой мировой войны относится масштабная кампания, направленная против определенных меньшинств, вдруг ставших для государственной и политической элиты, всего российского общества опасным «внутренним врагом». Первоначально данные мероприятия были акцентированы на «неприятельских подданных», т.е. граждан в военное время вражеских государств, но со временем кампания в России быстро распространилась и на тех подданных, которых государство посчитало «неблагонадежными» в силу национальности и / или этнического происхождения. Вопросы «борьбы с немецким засильем» в военный период рассматривали многие авторы. Среди них можно выделить С.В. Бааха, С.Г. Нелиповича, А.И. Шубину, И.Г. Соболева, Э. Лора и др. [1].

В годы Первой мировой войны в практике многих европейских государств были мероприятия, направленные против вражеских подданных, ограничивающих их экономическую деятельность [2. С. 9–10]. В России эта кампания имела свои особенности. Ее специфика заключалась в том, что во многих странах Европы иммигранты из других государств были экономическими и социальными маргиналами, а в России подданные в будущем враждебных государств занимали ключевые позиции в экономике, являясь крупными предпринимателями, землевладельцами, инвесторами, высокооплачиваемыми служащими и квалифицированными специалистами. Более того, в России общественно-государственная кампания затрагивала не только иностранных граждан, но и широкие круги уже натурализовавшихся иммигрантов, российских подданных, чья лояльность, как указывает современный американский историк Э. Лор, «подвергалась сомнению по причинам этнической и конфессиональной принадлежности или страны происхождения» [Там же. С. 12].

Самой многочисленной группой этнических меньшинств, пострадавшей от ограничительной поли-

тики российских властей в военный период, были немцы. Инициатором мероприятий по «борьбе с немецким засильем» выступала центральная власть, на региональном уровне в процессе реализации ее решений административные практики не всегда совпадали с «политикой центра» и в принципе иногда отличались друг от друга в том или ином районе империи. Где-то местная власть шла по пути ужесточения и без того однозначно дискриминационной политики, где-то, напротив, старалась по возможности смягчить инициативы и распоряжения, исходящие от центральной власти. Не концентрируясь на применении ограничений ко всем «вражеским подданным», или «российским подданным, выходцам из стран, воюющих с Россией», данное исследование сосредоточено на изучении политики государственных органов власти и управления в отношении немецкого сельскохозяйственного предпринимательства Западной Сибири. Следует отметить, что о положении немецкого населения в регионе в условиях Первой мировой войны писали П.П. Вибе, А.Э. Маттис, В.Н. Шайдуров, Г.Н. Алишина, М.В. Шиловский, Н.В. Греков и др.

Настоящее исследование основывается на использовании широкого спектра репрезентативных исторических источников, включающих как опубликованные, так и архивные документы, многие из которых в научный оборот вводятся впервые. Работа выполнена в рамках междисциплинарного синтеза, что обусловило использование категорий и методов социальной истории, сочетание макроаналитических стратегий и микроисторического подхода. Методологической основой исследования выступают элементы универсальной схемы развития диаспоры (З.И. Левина), теория «торговых меньшинств» (В.И. Дятлова), а также теория «о призванной диаспоре» (Дж. Армстронга), которые послужили объяснительной моделью при рассмотрении характера взаимоотношений немецкого населения с российскими властями [3–5].

В современной научной литературе неоднократно отмечалось, что Первая мировая война оказала существенное влияние на функционирование сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири. В более сложном положении находились предприниматели-немцы.

Антинемецкие настроения в России появились задолго до Первой мировой войны. В разные годы современники обращали внимание как на возрастающее влияние немецких предпринимателей в промышленности, так и на рост немецкого землевладения [6. С. 47]. Западная Сибирь в этом отношении также не была исключением. Еще в 1910–1913 гг. в центральных газетах «Объединение», «Новое время», «Голос Руси», «Дым Отечества», «Свет» и других появился целый ряд публикаций, в которых авторы били тревогу по поводу «нашествия немцев» в Западную Сибирь [7, 8]. Однако, несмотря на подобные публикации, по мнению современного томского историка Г.Н. Алишиной, «"немецкий вопрос" до событий 1914 г. так и не обрел особой популярности, уступая позиции куда более "явной" "еврейской угрозе"» [9. С. 196–197]. Поэтому политика центральной власти и как следствие – региональных административных элит по отношению к российским немцам в предвоенный период была доброжелательной [10, 11]. Немецкие колонисты, представители бизнеса не были стеснены в своей хозяйственной деятельности и культурной жизни. Более того, бывший министр внутренних дел П.Н. Дурново в феврале 1914 г. в записке на имя царя указывал, что немцы верно служат царю и, в отличие от других иностранных инвесторов, постоянно проживают в империи, их предприятия являются частью народного хозяйства, а враждебное отношение к ним лишь подрывает государственную власть [2. С. 34].

Вступление России в Первую мировую войну изменило ситуацию. Практически сразу началась широкомасштабная кампания по борьбе с «немцем внутри страны». В новых российских реалиях этническое происхождение стало маркером политической лояльности. Так, влиятельная и массовая консервативная газета «Новое время» задавала тон этой кампании, помещая массу материалов о немцах, проживающих на территории империи, обвиняя их в шпионаже, расселении на русских землях согласно «германскому колонизационному плану», завоевании значимых позиций в имперской экономике [Там же. С. 37]. Мероприятия, из которых эта кампания состояла, были различными. К ним можно отнести формирование «образа врага» в сознании общественности, переименование населенных пунктов и ограничение преподавания на немецком языке, депортацию российских немцев из прифронтовой полосы, а также наступление на немецкое землевладение, механизмом которого стали «ликвидационные законы» от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. [6, 7]. Был даже создан Особый Комитет по борьбе с немецким засильем, положение о котором было Высочайше утверждено 1 июня 1916 г. [12]. Следует так же отметить, что в целом сценарий развития «антинемецкой кампании» в европейской части империи и в Западной Сибири был одинаков.

Первыми ощутили на себе ограничительные меры подданные воюющих с Россией держав, т.е. лица, находившиеся в германском, австрийском или турецком подданстве и оказавшиеся на момент начала боевых действий на территории Российской империи. 28 июля 1914 г. Штаб корпуса жандармов и Военное

министерство телеграфировали в военные округа России о том, что «все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной военной службе, считаются военнопленными и подлежат немедленному аресту, а запасные чины также признаются военнопленными и высылаются из местностей Европейской России и Кавказа в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии, а из Сибири – в Якутию» [13. С. 151]. Государственные органы сработали слаженно. Так, уже вечером 28 июля Акмолинский губернатор отдал распоряжение начальнику Омского жандармского управления выяснить, «нет ли на территории области состоящих в военном резерве германских подданных. Если таковые имеются, то их объявить военнопленными и под охраной доставить в казармы 43-го полка» [Там же. С. 152]. Жандармам не нужно было наводить какие-либо справки, искать дополнительную информацию, так как с 1909 г. они составляли подробные списки германских и австрийских подданных, проживающих в городах и уездах Сибири, которые ежегодно уточняли. Поэтому первые аресты начались оперативно, с конца июля 1914 г. [Там же. С. 152].

К началу октября 1914 г. на территории Степного края было арестовано 246 германских подданных, впоследствии отправленных в Тобольск. Из них большинство проживали в сельской местности, и занималось хлебопашеством. Остальные имели разную сферу приложения труда – техники, мастера колбасного дела, пивовары, конторщики. Так, наиболее видное положение до ареста в Омске занимали немецкие купцы, братья Пауль, Оскар и Рихард Нольте. При этом Оскар Нольте был нештатным германским консулом в Омске. Следует указать, что многие из арестованных еще до войны подавали прошения о вступлении в русское подданство [Там же. С. 152–153].

В этот период в Сибири имело место и исключение вражеских подданных из различных общественных организаций. Так, в Томской губернии по постановлению местной администрации было решено «исключить из состава биржевых комитетов лиц, принадлежащих к германскому или австрийскому подданству» [14].

Далее на подданных Германии и Австро-Венгрии, проживавших в Сибири, началось давление с целью ущемления их имущественных прав. В том же Томске чиновники описали и конфисковали на пивоваренном заводе германского подданного Р.И. Крюгера, 35 лет безвыездно прожившего в России, всех лошадей, конскую упряжь и повозки. В результате данных ограничений мероприятий более 200 человек лишились работы [15. С. 186]. Перечисленные меры центральных и местных властей по отношению к подданным вражеских держав не были исключительно российским явлением, так как подобная практика была широко распространена во многих странах и являлась в какой-то степени нормой для многих воюющих государств.

В военное время сибирские немцы, независимо от гражданства, стали объектом для подозрений. С начала войны и в последующие годы в канцелярии сибирских губернаторов поступали массово доносы и жало-

бы на подозрительное поведение или антирусские речи немцев. Проверку информации вели жандармы, но, как правило, доносы содержали явную ложь. Отметим такой интересный факт, что в плане борьбы с «немецким засильем» образцом чисто народного творчества стало обошедшее всю азиатскую окраину империи известие о бегстве Е.О. Шмита [15. С. 221]. Массовые доносы, жалобы на подозрительное поведение граждан были и в самой Германии, только там жаловались на англичан, русских и др. [13. С. 155].

Идея ликвидации немецкого землевладения и землепользования, которая вызывала жаркие споры в Европейской России и в предвоенный период, была очень популярна в Сибири. Сельскохозяйственные предприниматели-немцы составляли в регионе существенную группу арендаторов и землевладельцев. По данным Крестьянского поземельного банка, к началу мировой войны в Омском уезде немцам принадлежало 73 участка с общей площадью 63 995 дес., что составляло 44% всей частновладельческой земли в уезде. В Петропавловском уезде они владели 17 участками общей площадью 13 362 дес. земли (13% от частновладельческого фонда). В Тобольской губернии у лиц немецкой национальности было 37 участков, площадь которых составляла 16 681 дес., или 5% всех частных земель губернии. В Каинском уезде Томской губернии к 1916 г. немцы использовали в хозяйственных целях более 4 тыс. десятин земли [16. С. 38].

Предприниматели-немцы составляли существенную группу арендаторов земель Сибирского казачьего войска. По данным за 1905 г., т.е. в начале массовой аграрной колонизации региона, из 42 заарендованных на длительные сроки участков казачьих земель 9 участков (21,4%) арендовали сельские хозяева-немцы. А в 1912 г. из 115 крупных владений, названных в «Памятной книжке Акмолинской области» за этот год, немцам принадлежали 53 (46,0%) участка [17. С. 65–66].

Заметим, что в Сибири отношение к немцам во многом определялось позицией высшего начальства. Так, начало Первой мировой войны вызвало всплеск антинемецких настроений в управленческой элите. Степной генерал-губернатор, обладатель немецкой фамилии Е.О. Шмит, заложил начало ассимиляционной политике в отношении немцев в Сибири. Он призывал подведомственные ему полицейские органы к «репрессивной борьбе с колониями немцев внутри нашего отечества» [18].

С 1915 г., когда Степным генерал-губернатором и командующим войсками Омского военного округа стал генерал Н.А. Сухомлинов – ярый противник присутствия немцев в регионе, в Западной Сибири интенсивнее стали претворяться в жизнь ограничительные меры [19]. По мнению исследователей, в Степном крае в годы войны имела место настоящая антинемецкая «истерия» [13. С. 136]. Такого размаха шпиономании не было зафиксировано больше нигде в Сибири. Население края неустанно сообщало о вражеских аэропланах, которые якобы приземлялись для дозаправки в немецких колониях, причем наиболее часто в качестве мест приземления летательных аппаратов фигурировали немецкие предприниматель-

ские хозяйства, в которых имелись мельницы [13. С. 137].

Однако антинемецкие настроения не затронули сознания подавляющего большинства простых жителей региона. За весь период войны в Сибири не наблюдалось антинемецких погромов, а также общественных организаций, направленных против российских немцев. Омские хулиганы, которые летом 1915 г. открыто готовили погромы в немецких домах, на самом же деле, по донесению жандармов, намеревались разграбить магазины русских купцов [20]. Но, тем не менее, в регионе отмечался рост взаимного недоверия между русским и немецким населением. Так, осенью 1915 г. Барнаульский уездный исправник в донесении Томскому губернатору указывал на «скрытое, ничем пока не проявляемое враждебное настроение» по отношению к немцам и «заметное враждебное отношение ко всему русскому». При этом, по свидетельству исправника, в форму явного проявления недовольства эти настроения не выливались [21].

В противовес этим свидетельствам можно привести выдержки из отчетов других чиновников, описывающих совершенно иное отношение к немцам. Крестьянский начальник 3-го участка Томского уезда, например, утверждал, что взаимоотношения немецких колонистов с местными жителями «такое же, как отношение друг к другу русского населения» [22. Л. 5]. Заведующий Купинским подрайоном Томского района сообщал, что «взаимоотношения немцев с местными жителями русского населения довольно миролюбивые» [23. Л. 46]. Все это позволяет утверждать, что население, по крайней мере, Томской губернии не выступало инициатором в борьбе с «внутренними немцами» и не являлось в большинстве своем проводником и носителем антинемецких настроений.

Выше мы уже указывали на то, что в годы Первой мировой войны среди представителей сибирской администрации была очень популярна идея ликвидации немецкого землевладения и землепользования. После принятия 2 февраля 1915 г. первого ликвидационного закона, основная идея которого сводилась к тому, чтобы запретить выходцам из Германии приобретать право собственности и залога, а также право владения и пользования недвижимым имуществом по всей территории империи, антинемецкая кампания приобретает юридическую основу и в Сибири. Запутанность текста нормативного акта, неопределенность в ограничительных статьях (происхождение или подданство), преобладание среди немцев региона русских подданных порождали сомнения у местных властей по поводу целесообразности проведения акции. Но чуть позже центральная власть пошла дальше, она принимает следующий ликвидационный закон от 13 декабря 1915 г.

Томский губернатор в 1915 г. предписал всем крестьянским начальникам и уездным исправникам ознакомиться с текстом первого закона, приняв его к сведению и руководству [12. С. 59]. Позже в циркулярных распоряжениях для Алтайского округа также была дана рекомендация при первой возможности стремиться к расторжению арендных договоров, заключенных с лицами немецкой национальности [13. С. 37].

При этом отметим, что единоличные договоры можно было оставить в силе только со следующими категориями немцев-арендаторов: меннонитами, если они докажут это документально; немцами, перешедшими в русское подданство до 1 января 1880 г.; родственниками по восходящей или нисходящей линии тех, кто участвует в действиях русской армии или флота против неприятеля; немцами, принявшими православие до 1 января 1914 г. Товарищеские договоры расторгались в том случае, если среди товарищей по аренде было хотя бы одно лицо, не удовлетворяющее требованиям закона от 2 февраля 1915 г. [7. С. 252].

Несмотря на поток жалоб немцев-арендаторов на имя начальника Алтайского округа, в которых приводились аргументы в пользу культурного значения их хозяйств, доказательства русского подданства владельцев, договоры с арендаторами по инициативе региональных властей стали расторгаться. К концу 1916 г. в Алтайском округе наблюдается сокращение численности немцев, арендующих земельные угодья, с 104 до 67 чел. При этом с 37 из них договоры аренды были расторгнуты раньше предполагаемого срока [5. С. 50]. По мнению омского историка П.П. Вибе, подобные действия властей были абсурдными, поскольку немцы арендовали у Кабинета Его Величества всего лишь 10 439,11 дес. земли в малопригодных для земледелия районах, или 0,14% от всей площади земель, обрабатываемых на Алтае [14. С. 33].

8 сентября 1916 г. с подачи командующего Омским военным округом и генерал-губернатора Степного края генерал-лейтенанта Н.А. Сухомлинова действие ликвидационных законов 1915 г. было распространено на Каинский уезд Томской губернии, а также на Тюкалинский и Ишимский уезды Тобольской губернии [23. Л. 67 об. – 69]. В соответствии с положением от 8 сентября владельцам частных хозяйств отводился определенный срок для отчуждения принадлежавшего им недвижимого имущества «по добровольным соглашениям», после чего неотчужденное имущество должно было быть выставлено на публичные торги. Вскоре выяснилось, что земли, на которых расселены в большинстве своем немцы, им не принадлежат, а получены от Переселенческого управления [Там же. Л. 164, 165–165 об.]. Поэтому 20 октября 1916 г. было утверждено положение Совета министров от 7 октября, которым устанавливался особый порядок прекращения немецкого надельного землевладения в указанных выше уездах Томской и Тобольской губерний [Там же. Л. 156–157, 203–206]. В соответствии с этим новым положением одна часть земель должна была перейти в распоряжение Переселенческого управления, а другая – в распоряжение обществ старожильческих селений. За изъятие у немцев земли предусматривалось вознаграждение в следующем размере: 20 р. за десятину в Ишимском уезде, 21 р. в Тюкалинском уезде и 73 р. в Каинском уезде. За постройки и инвентарь выплачивалась сумма по их действительной стоимости [24. С. 39].

В отношении собственников земли, которых было не очень много, применялся общий порядок отчуждения с предоставлением срока на самостоятельную ликвидацию, по истечению которого нераспроданное имущество выставлялось на публичные торги.

Действие «ликвидационных законов» на практике первыми ощутили частновладельцы, многие из которых вели предпринимательское хозяйство. 16 декабря 1916 г. Тобольское губернское управление объявило, что если в течение 6 месяцев немцы, проживающие в Ишимском и Тюкалинском уездах, не ликвидируют свое недвижимое имущество, то оно будет выставлено на публичные торги [25. Л. 15]. К объявлению прилагался подробный список хозяйств, расположенных как на частных, так и на арендованных землях. В него попали, помимо хозяйств немецких колонистов и предпринимательские хозяйства, в частности хозяйства И.Ф. Вибе (6 400 дес.), В.Я. Энса (500 дес.), И.О. Гептинга (313 дес.) в Ишимском уезде. В Тюкалинском уезде предполагались к ликвидации хозяйства Г.А. Брауна (1 500 дес.), К.К. Эзау (1 400 дес.), И.И. Готмана (613 дес.), братьев Б.И., Д.И., Я.И. Дик (720 дес.) и др. [Там же. Л. 13–15, 68].

В Каинском уезде Томской губернии применение ликвидационных законов напрямую коснулось 30 меннонитских хозяйств, расположенных в Татарской волости. Их список, согласно общему порядку, был обнародован в начале 1917 г. Однако из-за смены власти в стране дальнейшая деятельность по ликвидации земельной собственности немецких колонистов была приостановлена [26. С. 35].

Мы уже отмечали, что в Степном крае получила широкое распространение история с «таинственным аэропланом», ставшая «апогеем шпионмании в Сибири» и используемая местной администрацией для «разжигания антинемецких настроений» [Там же. С. 40]. В августе 1915 г. в г. Омске стали распространяться слухи о появлении загадочного аэроплана в районе железнодорожного моста через р. Иртыш, который должен был его взорвать, чтобы вызвать затруднения в доставке с востока империи боевых припасов к линии фронта [27, 30]. 17 августа 1914 г. в газете «Омский телеграф» за подписью Н.А. Сухомлинова было опубликовано объявление, в котором обещалась награда тому, кто сообщит о местопребывании «вражеского аэроплана» [28. Л. 5–5 об.].

После публикации указанного объявления в «Омском телеграфе» в канцелярию степного генерал-губернатора стали поступать многочисленные сведения разных лиц о полетах аэропланов. В справке, подготовленной в сентябре 1915 г. чиновником особых поручений при степном генерал-губернаторе на основе заявлений «очевидцев», отмечалось, что большинство лиц сообщали, будто аэропланы скрывались в хозяйствах немецких предпринимателей Ф.Ф. Штумпфа, братьев Б.И., Д.И., Я.И. Дик, на мельницах Лехнера, Изаака, Бретмана и др. [28. Л. 41, 124–124 об., 159–161, 224–228, 299]. Для наблюдения за ними были специально созданы «особые, вооруженные винтовками наблюдательные посты, усиленные конными разъездами» [Там же. Л. 160 об., 162]. Никаких летательных аппаратов в этих хозяйствах обнаружено не было, но данный факт не вносил спокойствия в деятельность предпринимателей.

Примечательно, что «таинственные аэропланы» часто фигурировали в отчетах и в других губерниях региона. Так, в Барнаульском уезде Томской губернии

появление аэропланов «наблюдалось» якобы в предпринимательских хозяйствах Ф.П. Вибе, Г.Г. Фота [28. Л. 270]. Подобные факты фиксировались и в Курганском уезде Тобольской губернии. Парадоксально, но аэропланы видели даже под Иркутском [15. С. 187]. В итоге кампания по розыску «таинственных аэропланов» выполнила свою основную задачу. «Образ врага, усиленно формировавшийся представителями местной администрации, — по мнению П.П. Вибе, — еще сильнее стал отождествляться с сибирскими немцами-колонистами и предпринимателями» [24. С. 41].

Характерной чертой того времени стали доносы русских граждан на лиц иностранного происхождения или носящих фамилии, воспринимаемые на слух как немецкие. Так, громоотвод и сигнализацию от воров, установленные на доме торговой фирмы «Эльворти» в Омске, некоторые бдительные обыватели принимали за особое устройство, приспособленное для беспроводного телеграфирования в Германию [29. С. 75–76, 81]. Таким образом, шпиономания, охватив локальное сообщество, стала частью текущего политического дискурса и основной чертой как российского, так и регионального политического пейзажа.

«Антинемецкая политика» генерал-губернатора Н.А. Сухомлинова объясняется, прежде всего, тем, что он открыто выступал за ликвидацию немецкого землевладения и землепользования, неоднократно высказывался за передачу этих земель в войсковой запас Сибирского казачьего войска, что, по его мнению, «даст возможность войску удовлетворить насущную потребность в земле увеличивающемуся казачьему населению» [30]. Отметим, что на 1915 г. в Степном крае у лиц немецкой национальности в собственности было 73 840 дес., а в долгосрочной аренде — 83 034 дес. земли [31. Л. 357а, 358, 430 об.]. При этом многие из них были известными в регионе предпринимателям, которые вели крупные высокотоварные и культурные хозяйства.

29 января 1916 г. в Петрограде под председательством сенатора И.Е. Ильешенко состоялось совещание, на котором рассматривался вопрос о применении

ликвидационных законов в Степном генерал-губернаторстве. Рассмотрев проект Н.А. Сухомлинова, после продолжительных споров совещание признало «хотя и желательным, но преждевременным в хозяйственном отношении распространять ограничительные правила на весь Степной край» [24. С. 43]. Позже, 6 февраля 1917 г. ликвидационные законы все же были распространены также на Акмолинскую и Семипалатинскую области, Барнаульский и Змеиногорский уезды Томской области и земли Сибирского казачьего войска [25. Л. 409 об., 424]. Однако после падения самодержавия 11 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление о приостановлении действия ликвидационных законов вплоть до решения данного вопроса Учредительным собранием [13. С. 139].

Таким образом, фактического отчуждения земель у немцев, состоявших в иностранном и российском подданстве, в Сибири почти не наблюдалось. Это объясняется позицией местных властей, которые не проявляли инициативы и активности в «немецком земельном вопросе», а многие циркуляры из центра выполняли довольно формально. Следует учитывать и такой немаловажный факт, что, оказавшись в Сибири в иноэтничной среде, немецкие предприниматели не считали себя изгоями, так как со временем втягивались в новые хозяйственные, культурные и общественные коммуникации. Уровень натурализации, познаний в русском языке и культурной ассимиляции среди представителей немецких предпринимательских кругов был очень высок.

С другой стороны, «антинемецкая кампания» обозначила более четкое желание в объединении различных немецких сообществ региона перед лицом общей угрозы, помогая усилить осознание единства и национальной идентичности. В различных источниках этого периода отчетливо прослеживается тенденция, что с 1917 г. представители немецкого сообщества, в том числе и предпринимательского, начинают активно заниматься политикой, отстаивая идею национально-культурной автономии сибирских немцев [Там же. С. 193–206].

ЛИТЕРАТУРА

1. Кириллов В.М. Современная отечественная историография кампании «борьбы с немецким засильем» в годы Первой мировой войны // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 2 (29). С. 88–97.
2. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. 304 с.
3. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. 176 с.
4. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М., 2000. 190 с.
5. Armstrong J. Mobilized and Proletarian Diasporas // American Political Science Review. 1976. Vol. 70, № 2. P. 393–408.
6. Алишина Г.Н. Борьба с «внутренним немцем» в годы Первой мировой войны в Томской губернии // Немцы Сибири: история и культура. матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.Б. Смирнова. Омск, 2010. С. 47–53.
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее ЦГА РК). Ф. 64. Оп. 1. Д. 5948. Л. 8, 106–109 об., 162, 163, 165; Д. 5959. Л. 2, 8, 16.
8. Бюджетное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области» (далее БУ Иса). Ф. 366. Оп. 1. Д. 413. Л. 2.
9. Алишина Г.Н. Немцы Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: стратегия и практика диаспорализации : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 324 с.
10. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 391. Оп. 6. Д. 316. Л. 4, 37.
11. Государственный архив Томской области (далее ГАО). Ф. 3. Оп. 45. Д. 1274. Л. 14, 16.
12. РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.
13. История и этнография немцев в Сибири / сост., науч. ред. П.П. Вибе. Омск : Изд-во ОГИК музея, 2009. 752 с.
14. Сибирская жизнь. Томск, 1914. 14 сентября.
15. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.

16. Вибе П.П. Образование и становление немецких колоний в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Немцы. Россия. Сибирь : сб. статей. Омск, 1996. С. 5–57.
17. Зашибина Е.Л., Киселев А.Г. Немецкие коммерсанты в Омском Прииртышье в начале XX века // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 63–78.
18. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 2695а. Л. 16.
19. БУ ИсА. Ф. 272. Оп. 1. Д. 195. Л. 185.
20. БУ ИсА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 44а. Л. 13.
21. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 4201. Л. 167, 175.
22. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4204.
23. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316.
24. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007. 368 с.
25. Государственной учреждение Тюменской области Государственный архив г. Тобольска. Ф. 335. Оп. 1 (607). Д. 30. Л. 15.
26. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX в. Омск, 2011. 320 с.
27. БУ ИсА. Ф. 270. Оп. 1. Д. 652. Л. 31.
28. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 6059.
29. Котвицкая Г.А. Отношение к Первой мировой войне в массах. 1914–1916 гг. (по материалам Омского жандармского управления) // Страницы методологии и истории : сб. науч. статей / под ред. В.Н. Худякова, А.Г. Киселева. Омск, 2003. С. 72–82.
30. БУ ИсА. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2930. Л. 126.
31. РГИА. Ф. 391. Оп. 6. Д. 316.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 ноября 2017 г.

IMPLEMENTATION OF MEASURES FOR THE FIGHT AGAINST GERMAN DOMINANCE: GERMAN ENTREPRENEURIAL FARMS IN WESTERN SIBERIA DURING THE FIRST WORLD WAR

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 86–92.

DOI: 10.17223/15617793/430/12

Ivan I. Krott, Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: ivkrott@mail.ru

Keywords: World War I; German entrepreneurship; rural entrepreneurial economy; Western Siberia; campaign “fight against German dominance”; anti-German campaign; liquidation laws; “alien citizens”; “Russian citizens, coming from countries at war with Russia”.

On the basis of archival and published sources, the issues of implementation of a large-scale campaign against the Germans, both German and Russian nationals, who suddenly became dangerous “internal enemies” for the state and political elite and the Russian society are discussed in the article. The aim of this study is to understand the authorities’ policy towards German agricultural entrepreneurship in Western Siberia during the First World War. The methodological basis of the research is elements of the universal scheme of a diaspora development (Z.I. Levin), the theory of commercial minorities (V.I. Dyatlov) as well as the theory of mobilised diaspora (J. Armstrong), which served as an explanatory model for considering the nature of the relations of the German population with the Russian authorities. The author concluded that the authorities’ policy towards German agricultural entrepreneurship in the First World War on the territory of Western Siberia was reduced to the adoption of discriminatory measures (infringement and elimination of property, including land rights, of ethnic and cultural identity of the German population). The actual alienation of land from the Germans of foreign and Russian citizenship was almost never observed in Western Siberia, but their economic and social statuses were threatened. However, in these difficult circumstances, German agribusiness preserved its business and public reputation. This was due to the position of the local authorities, who enforced many circulars from the centre rather formally, in the administrative practice mode. Another important fact to be taken into account is that while being in a different ethnic environment in Siberia German entrepreneurs did not consider themselves outcasts, as eventually they were drawn into the new economic, cultural and social communication. On the other hand, the “anti-German campaign” marked the desire to unite various German communities of the region in the face of a common threat, helping to strengthen the awareness of unity and national identity. Since 1917, representatives of the German business community began to actively engage in politics, defending the idea of the national-cultural autonomy of Siberian Germans.

REFERENCES

1. Kirillov, V.M. (2015) Contemporary national historiography on the campaign of “the fight against german dominance” during World War I. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 2(29). pp. 88–97. (In Russian).
2. Lor, E. (2012) *Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: Kampaniya protiv “vrazheskikh poddannyykh” v gody Pervoy mirovoy voyny* [Russian nationalism and the Russian Empire: Campaign against “enemy subjects” during the First World War]. Translated from English by V. Makarov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Levin, Z.I. (2001) *Mentalitet diaspor (sistemnyy i sotsiokul’turnyy analiz)* [The mentality of the diaspora (systematic and sociocultural analysis)]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.
4. Dyatlov, V.I. (2000) *Sovremennyye torgovye men’shinstva: faktor stabil’nosti ili konflikta? (Kitaytsy i kavkaztsy v Irkutске)* [Modern trade minorities: a factor of stability or conflict? (Chinese and Caucasians in Irkutsk)]. Moscow: Natalis.
5. Armstrong, J. (1976) Mobilized and Proletarian Diasporas. *American Political Science Review*. 70:2. pp. 393–408.
6. Alishina, G.N. (2010) [Struggle against the “inner German” during the First World War in Tomsk Province]. *Nemtsy Sibiri: istoriya i kul’tura* [Germans of Siberia: history and culture]. Proceedings of the VI international conference. Omsk: Nauka. pp. 47–53. (In Russian).
7. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. File 5948. Pages 8, 106–109 rev., 162, 163, 165. (In Russian).
8. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund 366. List 1. File 413. Page 2. (In Russian).
9. Alishina, G.N. (2013) *Nemtsy Tomskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX v.: strategiya i praktika diasporalizatsii* [The Germans of Tomsk Province in the late 19th – early 20th centuries: strategy and practice of diasporalisation]. History Cand. Diss. Tomsk.
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 391. List 6. File 316. Pages 4, 37. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 45. File 1274. Pages 14, 16. (In Russian).
12. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1483. List 1. File 1. Page 2 rev. (In Russian).
13. Vibe, P.P. (ed.) (2009) *Istoriya i etnografiya nemtsev v Sibiri* [History and ethnography of Germans in Siberia]. Omsk: Izd-vo OGIK muzeya.
14. *Sibirskaya zhizn’*. (1914) 14 September.

15. Shilovskiy, M.V. (2015) *Pervaya mirovaya voyna 1914–1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914–1918 and Siberia]. Novosibirsk: Avtograf.
16. Vibe, P.P. (1996) Obrazovanie i stanovlenie nemetskikh koloniy v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – nachale XX vv. [Education and formation of German colonies in Western Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Nemtsy. Rossiya. Sibir'* [Germans. Russia. Siberia]. Omsk: Izd-vo OGIK muzeya.
17. Zashibina, E.L. & Kiselev, A.G. (1997) Nemetskie kommersanty v Omskom Priirtysh'e v nachale XX veka [German merchants in the Omsk Irtysh region in the early 20th century]. In: Vibe, P.P. (ed.) *Nemtsy. Rossiya. Sibir'* [Germans. Russia. Siberia]. Omsk: Izd-vo OGIK muzeya.
18. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. Op.1. File 2695a. Page 16. (In Russian).
19. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund 272. List 1. File 195. Page 185. (In Russian).
20. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund 271. List 1. File 44a. Page 13. (In Russian).
21. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 12. File 4201. Pages 167, 175. (In Russian).
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 3. List 44. File 4204. (In Russian).
23. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 391. List 6. File 316. (In Russian).
24. Vibe, P.P. (2007) *Nemetskie kolonii v Sibiri: sotsial'no-ekonomicheskiy aspekt* [German colonies in Siberia: the socio-economic aspect]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
25. State Archive of Tobolsk. Fund 335. List 1 (607). File 30. Page 15. (In Russian).
26. Vibe, P.P. (2011) *Nemetskie kolonii v Sibiri v usloviyakh sotsial'nykh transformatsiy kontsa XIX – pervoy trety XX v.* [German colonies in Siberia under the conditions of social transformations of the late 19th – first third of the 20th centuries]. Omsk: [s.n.].
27. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund 270. List 1. File 652. Page 31. (In Russian).
28. Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK). Fund 64. List 1. File 6059. (In Russian).
29. Kotvitskaya, G.A. (2003) Otnoshenie k Pervoy mirovoy voyne v massakh. 1914–1916 gg. (po materialam Omskogo zhandarmskogo upravleniya) [Attitude to the First World War among the masses. 1914–1916. (On materials of Omsk gendarmerie administration)]. In: Khudyakov, V.N. & Kiselev, A.G. (eds) *Stranitsy metodologii i istorii* [Pages of methodology and history]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
30. Historical Archive of Omsk Oblast (BU IsA). Fund 67. List 2. File 2930. Page 126. (In Russian).
31. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 391. List 6. File 316. (In Russian).

Received: 28 November 2017

К.Г. Муратишина

РОССИЙСКО-КИТАЙСКАЯ ВЫСТАВКА ЭКСПО И ЕЕ РОЛЬ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ С КНР

Подробно изучен такой формат сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, как Российско-Китайское ЭКСПО. Проанализирована его роль в сотрудничестве регионов РФ и КНР; оценена эффективность участия российской стороны во всех проведенных к настоящему моменту с 2014 г. выставках; выявлены основные результаты и проблемы, требующие решения; сформулированы условия успешного для России развития этого института взаимодействия. Выводы делаются на основании анализа совместных документов РФ и КНР, изучения актуальных материалов российских и китайских СМИ, а также интервью с представителями российских предприятий, принимавших участие в ЭКСПО.

Ключевые слова: РФ; КНР; российско-китайские отношения; межрегиональное сотрудничество; выставки; Российско-Китайское ЭКСПО.

Выставочная деятельность в условиях развития межрегиональных связей в глобализирующемся мире является одним из важных факторов успешного представления регионов и страны в целом на международной арене. В новейшей истории отношений Российской Федерации и Китайской Народной Республики уже более 25 лет значительное внимание уделяется связям регионов двух стран. В 2006 г. была проведена первая крупная совместная выставка (Российская национальная выставка в Пекине в рамках Года России в Китае), а с 2014 г. развивается новый формат сотрудничества – Российско-Китайское ЭКСПО, которая проводится ежегодно и является масштабным совместным выставочным форумом, представляющим практически все сферы промышленности и сельского хозяйства. Ранее сотрудничество в этой сфере состояло лишь в обмене делегациями, принимавшими участие в выставках в России и в Китае, проводившихся на многосторонней основе, без выделения страны-партнера, на общих основаниях. Российско-Китайское ЭКСПО, при сохранении участия других стран, является, прежде всего, совместной выставкой, на которой в первую очередь представляются достижения промышленности, соответственно, России (если ЭКСПО проходит на территории КНР) или Китая (если выставку принимает российская сторона).

Однако, несмотря на развитие и институционализацию выставочной сферы в двусторонних отношениях, в ней сохраняются пробелы. Представляется, что отсутствие прорыва в диверсификации российского экспорта в Китай и закрепление в этом процессе сырьевой специализации сибирских и дальневосточных регионов связаны с проблемами в самопозиционировании и репрезентации российских производителей и региональных чиновников, в том числе и в выставочной деятельности. В данном исследовании анализируются особенности и результаты участия российской стороны в совместных ЭКСПО, а также делается попытка выявить возможные проблемы и оценить возможности эффективного использования Россией этой формы сотрудничества в своих интересах.

Стоит отметить, что, несмотря на динамичное развитие и практическую значимость, выставочная деятельность как отдельный сегмент взаимодействия пока практически не исследуется в российском

китаеведении. О ней лишь упоминается в отдельных работах, затрагивая Российскую национальную выставку 2006 г. [1]; Харбинскую международную ярмарку [2, 3]; Урумчийскую торговую ярмарку [4]; Всемирную выставку «ЭКСПО–2010» в Шанхае [4, 5]; участие в выставках в Азии межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» [6] и отдельные аспекты сотрудничества – туризм [7], научно-техническую сферу [8, 9], сопутствовавший первому Российско-Китайскому ЭКСПО экспертно-аналитический форум [10].

Отражение выставочной деятельности в двусторонних документах РФ и КНР

Планы выставочной деятельности стали появляться в двусторонних документах РФ и КНР сравнительно недавно, что можно связать с возросшим стремлением российской стороны к диверсификации сотрудничества, увеличению доли высокотехнологичного сегмента и развитию новых направлений взаимодействия. Первый раз упоминание о ней встречается в Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР [11], которая рекомендует организовывать «международные туристические выставки» в регионах двух стран и создать в г. Муданьцзяне международный выставочный центр «Дальний Восток». Затем в межправительственном Меморандуме о сотрудничестве в области модернизации экономики 2011 г. сторонам предписывается «взаимодействие между ассоциациями деловых кругов в приоритетных отраслях модернизации», «регулярный диалог между бизнес-сообществами и органами исполнительной власти», а также «содействие российским и китайским организациям в участии в выставках и конференциях в России и Китае» [12].

Конкретная рекомендация по «проведению ежегодных Российско-Китайских ЭКСПО» появляется в Совместном заявлении РФ и КНР об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия 2015 г. [13]. Далее на важность такой формы сотрудничества указывается в заявлении по итогам 20-й регулярной встречи глав правительств РФ и КНР 2015 г. [14]. Наконец, в коммюнике по итогам 21-й

регулярной встречи глав правительств 2016 г. говорится о том, что стороны договорились «укреплять механизмы бизнес-диалога, включая активное участие компаний в ведущих ярмарках, выставках и конференциях международного уровня, проводимых на территории РФ и КНР; всемерно развивать положительный опыт совместного проведения Российско-Китайского ЭКСПО и поощрять более активное участие в ЭКСПО предприятий двух стран» [15].

Российско-Китайское ЭКСПО 2014 г.

Рассмотрим совместные ЭКСПО, проведенные с момента запуска этого формата. 22 октября 2013 г. представителями Минэкономразвития РФ, Минкоммерции КНР и руководством провинции Хэйлунцзян было подписано соглашение о преобразовании Харбинской международной торгово-экономической ярмарки 2014 г. в Российско-Китайскую ЭКСПО. На тот момент ярмарка, организуемая Минкоммерции КНР и региональными властями Северо-Востока, являлась одной из крупнейших в Китае [16].

Первое Российско-Китайское ЭКСПО было проведено с 30 июня по 4 июля 2014 г. В оргкомитет выставки вошли представители Минэкономразвития РФ, Минпромторга РФ, Минкоммерции КНР, управления конференционной и выставочной деятельности и департамента коммерции провинции Хэйлунцзян [17]. Программа включала «Дни российских регионов» (т.е. презентацию их продукции и инвестиционного потенциала); стратегическую сессию по российско-китайскому сотрудничеству на Дальнем Востоке, организованную Минвостокразвития РФ [18]; форум по вопросам услуг финансового рынка в РФ и КНР; конференцию по развитию туризма [19]; круглые столы, посвященные двустороннему сотрудничеству в особых экономических зонах, в модернизации предприятий, построенных в КНР еще Советским Союзом, в сфере сельского хозяйства, лесопереработки, а также обсуждение промежуточных итогов реализации Программы сотрудничества приграничных регионов. Экспозиция российской стороны состояла из тематических зон для презентаций и переговоров, стендов регионов, госкорпораций, отраслевых кластеров компаний и финансово-кредитных организаций [20]. Территория ЭКСПО состояла из 5 залов и внешних выставочных площадок, в том числе павильона РФ, зон сельского хозяйства и экологически чистых продуктов питания, электроники, искусства (выставка работ российских художников), международных зон [21].

Представленные на выставке отрасли включали энергетику, металлургию, машиностроение и металлообработку, химическую, фармацевтическую, легкую, пищевую, лесоперерабатывающую промышленность, научные исследования, транспорт и логистику [22]. Наиболее крупными экспонентами от России стали Внешэкономбанк, Сбербанк, КАМАЗ [23], «Ростехнологии», «ОАК», «Вертолеты России», «НОВАТЭК», «ИнтерРАО» и другие компании [24]. Заместителем министра по развитию Дальнего Востока РФ был проведен брифинг, посвященный обсуждению сотрудничества РФ и КНР в области инноваций,

прошел съезд Российско-Китайской Палаты по содействию торговле машинно-технической и инновационной продукцией. Его участникам была продемонстрирована презентация Сколковского института науки и технологий [25]. Наконец, в рамках выставки были проведены заседания клуба молодых предпринимателей России и Китая и ассоциации медицинских университетов двух стран [26. С. 199], т.е. выставка ЭКСПО была использована еще и как площадка для молодежных обменов.

Всего от РФ было представлено более 100 предприятий из 39 регионов страны [27. С. 159]. От КНР в ЭКСПО приняли участие представители 20 провинций и городов [21]. Кроме того, пусть и в гораздо меньшем объеме, свою продукцию представили участники еще из 23 государств [28]. В рамках «Дней российских регионов» экспонентами выступили 20 субъектов РФ. По итогам выставки были заключены контракты на сумму более 230 млн долл., из которых 10 были подписаны китайской стороной с представителями деловых кругов Якутии, а также протоколы и соглашения о намерениях приблизительно на 840 млн долл. Представители руководства Забайкальского края и провинции Хэйлунцзян подписали соглашение о создании Амазарской зоны торгово-экономического сотрудничества [29]. Делегация Приморского края презентовала возможности крупнейшего на Дальнем Востоке контейнерного терминала ООО «Восточная стивидорная компания», начались переговоры о возможном сотрудничестве [30].

Как отмечается в релизе Координационного совета Российского союза промышленников и предпринимателей в Дальневосточном федеральном округе, результатом ЭКСПО стали не только заключенные контракты и соглашения, но и «поддержание и установление контактов между органами власти и представителями бизнеса России и Китая» [19]. А Минэкономразвития РФ приводит цифру в 5 млрд долл. как общий объем контрактов, заключенных не только непосредственно на выставке, но и после, в продолжение переговоров между ее участниками [31].

Российско-Китайское ЭКСПО 2015 г.

Местом проведения II Российско-Китайского ЭКСПО 12–16 октября 2015 г. вновь стал Харбин. Была заметно расширена экспозиция; площади, выделенные российской стороне, выросли на треть, до 3 тыс. кв. м. Увеличилось и число участников [32]. Что касается географического охвата, то на ЭКСПО были представлены предприятия 24 российских регионов и 24 провинций КНР. С руководителями регионов двух стран встретились вице-премьер Правительства РФ Д.О. Rogozin и вице-премьер Госсовета КНР Ван Ян [33]. Вновь были организованы специализированные круглые столы, презентации российских регионов. Сравнительно новыми направлениями стали обсуждение развития электронной торговли, презентации действующих в России инжиниринговых центров и семинар по техническому регулированию. Центральной темой презентаций российской стороны был инвестиционный потенциал Сибири и Дальнего

Востока, и основные переговоры сторон велись именно в этом русле. Китайской стороне была представлена концепция территорий опережающего развития (ТОР) [34].

Результаты выставки показывают, что в определенном смысле высокотехнологичный сегмент получил развитие: это показала, например, презентация Объединенной двигателестроительной корпорации (ОДК), ведущей с партнерами из КНР работу над двигателем промышленного применения ПС-90ГП-25 с механизмом газоперекачивающего агрегата российского производства и китайским компрессором, производимым партнерами ОДК в г. Шэньян. По итогам выставки в ОДК заявили, что рассчитывают на возможность участия в тендерах на поставку агрегата для газотранспортной системы КНР и интерес со стороны крупных китайских энергетических компаний [35]. Были подписаны соглашения о создании совместного предприятия в Гонконге между компанией «Даурия Аэропейс» и инвестиционным фондом Cybertaut; поставке 5 тыс. куб. м полуфабриката для производства торфогуминового улучшителя между российской компанией «Биотекс Агро» и китайской «Биотех» (провинция Хэйлунцзян); строительстве на Дальнем Востоке заводов по сборке автомобилей HOWO, по производству рукавов высокого давления и фитингов (в ТОР «Комсомольск») и др. [36].

Однако наиболее крупные сделки были все же заключены в ставших привычными отраслях – горнодобывающей, инфраструктурной, лесной [34]. Не был подписан ожидавшийся российской стороной контракт по поставкам в Китай вертолетной техники и созданию сервисных центров ее обслуживания. Это говорит о разнице приоритетов сторон и большей заинтересованности Китая в сырьевых проектах и увеличении экспорта лишь своей промышленной продукции в РФ.

Тем не менее в целом российской стороной выставка была оценена как успешная. По словам заместителя министра экономического развития РФ А.Е. Лихачева, «смысл ЭКСПО не только в уже заключенных контрактах. Многие компании и регионы ориентированы на презентацию своих возможностей, т.е. на самые первые контакты, которые становятся начальной ступенью к переговорам и, соответственно, к реализации совместных проектов как в Китае, так и в России» [33].

Российско-Китайское ЭКСПО 2016 г.

III Российско-Китайское ЭКСПО было проведено с 11 по 14 июля 2016 г. в Екатеринбурге. Выбор места проведения неслучаен – как в силу давних дружественных связей с Харбином, так и благодаря удобному географическому расположению столицы Урала, которая является крупнейшим логистическим узлом и промышленным хабом.

Основным экспонентом выставки стал Китай. Нужно отметить, что подготовилась китайская сторона к демонстрации своих достижений продуманно и всесторонне. Свою продукцию представили более 250 компаний, крупнейшие из которых – China Rail-

way Construction, HIT Robot Group, China Harbour Engineering, Heilongjiang Great Northern Wilderness Agribusiness Group и др. [37]. Свою экспозицию представили самые разные компании, от авиационных корпораций до предприятий пищевой промышленности [38], из провинций Хэйлунцзян, Гуандун, Цзянсу, Цзилинь, Шаньдун, Ганьсу, Автономного района Внутренняя Монголия, г. Шанхай и др. Как отмечала китайская сторона, в выставке участвовали как фирмы, имевшие опыт сотрудничества с Россией, так и новые игроки, заинтересованные в поиске российских партнеров [39]. Что касается российской стороны, то ее участники были представлены на площадке работавшей параллельно выставке «Иннопром», которая проводится с 2010 г. и является крупнейшим международным выставочным форумом в России.

В рамках ЭКСПО было проведено 18 отраслевых форумов [40. С. 135]. В деловую программу выставки был добавлен саммит руководителей Уральского, Сибирского и Дальневосточного таможенных управлений РФ и приграничных таможен Северо-Востока КНР [41], также сравнительно новым стало активное участие в ЭКСПО китайских банков [42].

Что получили российские участники от такого «смотра» китайской промышленности? Главным образом – возможность найти партнеров и познакомиться с их опытом ведения бизнеса. Но ситуация уже второй год в большей степени определялась завышенными ожиданиями и несколько идеологизированным, направленным на безусловное и безальтернативное сотрудничество с Китаем политическим подходом российской стороны. Так, например, в ходе выставки было проведено мероприятие с достаточно странным, если не сказать абсурдным, названием «Круглый стол по развитию двусторонней торговли и российско-китайского сотрудничества в области импортозамещения» [41]. Как соотносить «импортозамещение» и сотрудничество с внешним партнером? В 2015 г., кстати, также в ходе ЭКСПО, договоренности по «импортозамещению», причем в такой «чувствительной» сфере, как радиоэлектронная промышленность, были заключены ФГУП «НПП „Гамма”» (сфера деятельности этого предприятия – разработка технологий защиты информации) и 41-м институтом Харбина, входящим в состав Китайской корпорации электронных технологий. Был подписан, как сообщает официальный релиз Минпромторга РФ, протокол о намерениях по развитию сотрудничества [44]. Возникает вопрос: заключаются ли подобные договоренности «для галочки», имеет ли место целенаправленное использование китайской стороной в своих интересах российской риторики о «противостоянии с Западом» и «повороте на Восток», или стороны просто будут заниматься «импортозамещением» параллельно каждая у себя в своих границах? Пока это остается неясным. Но вряд ли третий вариант потребовал бы оформления такого процесса специальным двусторонним документом. Тогда что это – непонимание чиновниками проблем безопасности или погоня ФГУП за выгодой?

Что касается количественных результатов, то в Екатеринбурге было подписано 24 документа, среди

которых генеральное соглашение между Сбербанком России и Банком Харбина о постфинансировании аккредитивов в юанях для оплаты импорта товаров из Китая, соглашение о сотрудничестве в области производства смартфонов между компанией Yota и международным технопарком Харбина, большое количество соглашений на региональном уровне. Наиболее крупными презентрованными проектами стали забайкальский «Новый сухопутный зерновой коридор Россия – Китай», планы сотрудничества китайской «Бэйдоу» и российской «ГЛОНАСС» в разработке новых технологий для автомобильного Интернета в целях сокращения количества ДТП, совместные проекты «Русской медной компании» и китайских предприятий SIMM, NERIN, China Kind Mining Investment Company Limited [45].

Российско-Китайское ЭКСПО 2017 г.

IV Российско-Китайское ЭКСПО прошло с 15 по 19 июня 2017 г. в Харбине. Основным экспонентом, на правах гостя, стала российская сторона. Крупнейшие российские участники остались прежними, а вот региональное представительство расширилось. Впервые на ЭКСПО были представлены продукция и проекты таких российских регионов, как Курганская область, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа [46]. Площадь экспозиции российской стороны вновь была увеличена [47]. В рамках выставки был апробирован ряд новых форматов работы: презентационная площадка «Евразийский мост» [48], выделение по одному региону от России и Китая в качестве главных партнеров ЭКСПО, получавших больше выставочных площадей и возможностей для презентации своих проектов (ими стали Челябинская область и провинция Гуандун) [49], трехсторонние (с Монголией) консультации таможенных ведомств, Российско-китайский агрофорум, конференция «Сотрудничество в сфере машиностроения и внедрения технологических инноваций», выездная сессия Восточного экономического форума [50]. Главным изменением в составе предприятий-участников можно назвать увеличение числа компаний, представляющих малый и средний бизнес [47]. Основным объемом заключенных сделок, согласно официальной статистике, обнародованной Минэкономразвития РФ, составили соглашения о намерениях на общую сумму около 4,4 млрд долл. [51]. Это значит, что для перевода их в стадию контрактов еще понадобятся дополнительные усилия, время, консультации, переговоры.

Анализ участия российских регионов в ЭКСПО 2017 г. показывает, что в их подготовке и работе на выставке появились принципиальные качественные изменения. Российская сторона заметно поменяла свой подход к организации участия в ЭКСПО: китайским партнерам были представлены в первую очередь конкретные и полностью детально проработанные инвестиционные проекты преимущественно несырьевого характера. Акцент был сделан на принципиальной локализации производства в РФ (как, например, в представленных Иркутской областью проектах изготовления карбида кремния на Ангарском электролиз-

ном химическом комбинате, создания этно-туристического комплекса «Гофаларская усадьба» и производства в Иркутске тест-полосок для глюкометров [52] или в проектах экспортно-ориентированных пищевых производств в ТОРах Еврейской автономной области [53]), значимости той или иной инициативы для модернизации моногородов (как, например, в проектах Челябинской области [54]). Многие крупные и конкурентоспособные проекты относятся к таким сферам, как логистика [55], пищевая промышленность [56], лесопереработка [47], туризм [57], производство высококачественных отделочных материалов [47].

Предложила российская сторона и высокотехнологичные образцы продукции на экспорт. Например, госкорпорация «Ростехнологии» представила новейшие образцы спутниковой геодезической аппаратуры. Линейку высокоточного оборудования для кадастровых и геодезических работ (мультисистемные многочастотные спутниковые приемники, базовая станция, полевой контроллер, смарт-терминал) представил входящий в состав корпорации и холдинга «Швабе» Уральский оптико-механический завод. Вся техника поддерживает основные глобальные навигационные спутниковые системы, в том числе китайскую «Бэйдоу» [58].

Даже те регионы, которые представляли проекты для инвестиций сырьевой направленности (например, добыча золота и серебра в Камчатском [59] и Хабаровском [60] краях или экспорт из Свердловской области в Китай торфа для производства удобрений [47], вызывающие, по меньшей мере, недоумение – ведь выгоднее создавать добавленную стоимость на своей территории), наряду с ними выдвинули и более прагматичные варианты в обрабатывающей промышленности, сфере туризма и т.д. Так, камчатская делегация предложила создание курортно-рекреационных зон в районах термальных источников и туристско-рекреационного кластера в историческом центре Петропавловска-Камчатского [59], Хабаровский край – строительство деревообрабатывающих предприятий, портовой инфраструктуры и объектов долгосрочного плана развития Комсомольска-на-Амуре [60], а Свердловская область – проекты по деревообработке и производству противовирусных препаратов [47].

Такое изменение политики российских регионов можно объяснить влиянием целого ряда факторов: это и недостаток инвестиций, и желание диверсифицировать свой экспорт и улучшить имидж на международной арене, и, хочется думать, извлечение уроков из опыта предыдущих ЭКСПО и из анализа экспозиции китайских партнеров в 2016 г. Не случайно, например, Уральская торгово-промышленная палата в преддверии ЭКСПО провела серьезную предметную работу над расширением номенклатуры экспортных товаров, поставляемых в Китай [61]. Одним из результатов контактов, которые продолжались и после ЭКСПО, можно считать договоренность об инвестициях китайской компании Kingsun Development Co и российско-китайского предприятия «ЛесКом Развитие» в создание производства с глубокой переработкой древесины в ТОР «Краснотурьинск». Инвестиции в проект оцениваются в 81 млн руб., планируется создать 163 постоянных рабочих места, из них 40 должны появиться до конца 2017 г. [62].

Вместе с тем в участии российских регионов в выставке 2017 г. есть моменты, которые требуют очевидной доработки. Камчатский край отправил на выставку практически ту же делегацию, что была на предыдущих Российско-Китайских ЭКСПО, но не решила поставленных задач, поскольку, по оценкам местных СМИ, ее участники не отличаются ни знанием китайской экономики, ни пониманием психологии китайских предпринимателей [63]. Это означает, что местные власти не проработали политику своего участия в выставке и не извлекли уроков из предыдущих форумов. Похожий пример и в случае с Башкирией: республиканская делегация лишь приняла к рассмотрению проекты, предложенные партнерами из КНР, не выдвигая своих конкурентоспособных вариантов [64], хотя это явно не лучший способ обеспечить реализацию интересов развития своего региона.

Челябинская область, презентовавшая в том числе свои возможности по экспорту продовольствия, после ЭКСПО рассматривает предложения китайской стороны по совместным предприятиям в агропромышленной сфере, но в регионе и в СМИ идет достаточно серьезная полемика о целесообразности и безопасности этих планов и особенно использования китайских технологий и рабочей силы [54]. Местные власти почему-то поставили себе цель «изо всех сил понравиться неторопливому соседу, при этом толкаясь локтями за такую возможность, защищая и скрывая свои договоренности от соседних регионов-конкурентов», и «достигнуть паритета в торговом балансе Южного Урала и Китая» [Там же]. Хотя каждому жителю Среднего и Южного Урала известно, что Челябинская область на протяжении последних полутора десятилетий буквально задыхается от потока китайских сельхозработчиков, по большей части нелегальных, которые выращивают с чудовищными нарушениями санитарных норм овощи в теплицах, контролируемых недобросовестными представителями местного бизнеса. Из-за того что деятельность местных надзорных служб не всегда оказывается достаточно скоординированной, на место только что депортированных нелегалов пребывают новые, загрязненную землю бросают, и теплицы просто переносят на новое место, а продукция сбывается через рынки, киоски и даже некоторые магазины. Под напором общественности в последнее время область увеличила господдержку местных российских производителей, начала модернизацию крупных предприятий [65], но планы сотрудничества с китайцами остаются.

Многие российские регионы показали своими инвестиционными проектами, что хотят развивать туристические связи с Китаем, увеличивать турпоток оттуда. Но, наверное, в первую очередь нужно подумать не о простом валовом увеличении, а о рациональной организации этой сферы и защите интересов российской стороны. Чтобы не происходило таких вопиющих инцидентов, как в июле 2017 г., когда из-за поломки одного из паромов на Байкале, использующихся для сообщения с островом Ольхон, на линии временно оказалось только два, и около 300 китайских туристов, поток которых, по утверждениям местных жителей, «не вписывается ни в какие нормы», вместо того,

чтобы спокойно подождать своей очереди, заблокировали погрузку на паром машин (а по технике эксплуатации каждый паром берет на борт сначала определенное количество автомобилей, а уже потом – 96 пассажиров, в соответствии с грузоподъемностью и количеством спасательных средств) и начали «брать штурмом» судно, избивая экипаж, пытавшийся соблюсти регламент. В итоге капитан парома принял решение уйти без погрузки, а на место прибыл наряд полиции [66]. Любой туристический проект должен учитывать большое количество рисков и доказать свою целесообразность.

Ямал представил специальные «арктические» туристические маршруты, согласовав их в том числе с местным коренным населением [57]. Согласование с населением – это уже большой шаг вперед, однако в описании маршрутов ничего не говорится об оценке возможных экологических рисков для приарктической биосистемы от увеличения притока туристов. На каком транспорте они будут передвигаться? Как избежать увеличения количества мусора, от которого буквально стонет, например, все Прибайкалье? Еще интересный момент: китайским туристам на Ямале планируется предложить в том числе туры «Охота за северным сиянием», но практика показывает, что такие вещи иногда заканчиваются плохо, и опять же не до конца понятно, как застраховаться от инцидентов наподобие того, что произошел в феврале 2017 г. в Финляндии, где группа китайских туристов напала на гидов на аналогичном турмаршруте после того, как небо внезапно затянули облака, и рассмотреть северное сияние не получилось [67].

Основной же акцент делегацией ЯНАО на ЭКСПО был сделан на презентации возможностей производства продукции оленеводства. Здесь экологические аспекты оказались и вовсе за гранью всех возможных оценок. Шокирует, когда директор департамента агропромышленного комплекса российского региона заявляет, что «Китай нуждается в высококачественной продукции оленеводства, поэтому необходимо соединить наши возможности и усилия в реализации этого потенциала», а дальше его мысль развивает пресс-служба: «Возможности ямальской отрасли позволяют перерабатывать более 250 тонн пантового сырья, 700 тонн окостенелых рогов, 200 тонн крови, порядка 150 тонн эндокринно-ферментного и специального сырья и до 200 тыс. шкур ежегодно, что в разы повысит доходность и рентабельность отрасли» [46]. Как с этической, человеческой точки зрения вообще назвать и оценить то, что российский регион озабочен не созданием у себя, скажем, высокотехнологичной промышленности, не проектами в сфере науки, а поставками в Китай 200 тонн крови молодых оленей в год?

Наконец, на выставке 2017 г., как и на всех предыдущих, так и не были отмечены конкретными сделками обсуждавшиеся достаточно давно проекты сотрудничества в сооружении высокоскоростной железнодорожной магистрали, совместного производства тяжелых вертолетов и пассажирских авиалайнеров. Кстати, Китай за последнее время успел, в отличие от России (которая почему-то обязательно ищет партне-

ра), самостоятельно разработать и выпустить пассажирский самолет С919, который отвечает основным международным стандартам и уже находит своих первых покупателей [68, 69]. Безуспешно продолжает российская сторона добиваться и финансирования строительства логистических коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2». Возможности последних были продемонстрированы на ЭКСПО [70] и в последующих переговорах с компанией Hebei Port Group [71], однако пока конкретных результатов нет. Как бы не получилось, как с Челябинской областью, где в свое время много говорилось об участии китайской стороны в создании торгово-логистического комплекса (ТЛК) «Южноуральский», даже были подписаны соглашения о намерениях, но в итоге Китай от них отказался, ТЛК построили российские инвесторы, и сейчас объект просто не загружен на проектную мощность [54].

Последний пример более чем ясно говорит о необходимости не гнаться в двустороннем сотрудничестве за показателями товарооборота или какими-то иными цифрами, а ориентироваться исключительно на нужды своего региона, своей промышленности, своих людей, и уж никак не на неподтвержденные запросы иностранного партнера. Кроме того, в этой связи нельзя не отметить как проблему чрезмерный оптимизм российской стороны в поиске инвесторов в КНР. Дело доходило до того, что в Минэкономразвития заранее (!) подсчитывали, на какую сумму «российские и китайские компании могут подписать соглашения» на ЭКСПО [72]. Наверное, это извечная проблема российских чиновников: надежда на иностранных инвесторов вместо выверенной собственной стратегии развития, модернизации промышленности или нажима на контролирующих многие производства олигархов. Хотя научное сообщество многократно выступало с различными предложениями по модернизации регионов, прежде всего Сибири и Дальнего Востока, в том числе преимущественно с опорой на собственные силы. И на современном этапе, например, в западно-сибирских регионах ведутся исследования по использованию научного потенциала для разработки долгосрочной стратегии развития Сибири с учетом экономических особенностей и исторического опыта освоения территорий (см., например: [73, 74]).

Мнения участников ЭКСПО

В процессе исследования автором были проведены интервью с представителями предприятий, принимавших участие в Российско-Китайских ЭКСПО в составе делегации Свердловской области, а также представителем Корпорации развития Томской области в КНР. Приведем наиболее интересные оценки.

– «Было на что посмотреть. Кто хотел там что-то найти, тот нашел. Удалось посмотреть их технологические линии. Биржа контактов – шумно, тесно, немного сумбурно, самостоятельно сложно ориентироваться, переводчик обязателен» (Д.А. Стадниченко, зам. директора ООО «УПК»).

– «Соглашений не подписали, переговоры в процессе, но формат отличный, профессиональный, пять с плюсом. Экспертная поддержка от ТПП и торгпред-

ства была» (С.А. Димитров, директор по развитию компании «Оптим»).

– «Нам был важен мониторинг китайского рынка, его потребности. Организовано хорошо. В конкретные сделки не вылилось, но у нас пока и нет потребности в выходе на китайский рынок, интересен был опыт» (Г.В. Коновалова, начальник отдела продаж Ирбитского молочного завода).

– «Выставка не обширная, но были форумы, деловые встречи, можно было пообщаться. Что искали – нашли. Переводческая и экспертная поддержка – проблем не было» (И.С. Козьменко, директор ЗАО «Тура-Лес»).

– «Такие мероприятия удобны прежде всего тем, что получается убрать посредников из цепочки. Идет непосредственный обмен контактами, знакомство. Но важно, конечно, через торгпредство или ТПП проверять контракты и китайских партнеров, фирму – не однодневка ли» (А.В. Горбунов, директор Каменск-Уральского завода автомобильных агрегатов).

– «Выставка больше имела информационное значение. Минус в том, что часто попадают производители из китайских деревень, которые в гаражах что-то делают и уверяют, что якобы все могут сделать. Если человек так говорит – сразу понятно, что что-то не так. Что я буду с частником работать? Контрактоваться с китайцами можно только через ТПП, чтобы гарант был. Ну, встреча, хорошо, столы накрыл мэр (Харбина. – К.М.), но интереса – не вызвало. Для нас больше пользы оказалось от общения с уральскими коллегами, с которыми дома встретиться часто не хватает времени. Но информация о китайском бизнесе – познавательна» (Н.В. Филиппович, коммерческий директор ООО «Деловой партнер»).

– «Формат выставки политизирован, это мешает делу, смещает акценты. Организаторы должны сделать для себя выбор: если это правительственная тусовка – не морочить голову бизнесу и не отрывать людей от работы; если это мероприятие направлено на укрепление бизнес-сотрудничества, тогда бизнес и должен быть в центре внимания. Участие в любых российско-китайских мероприятиях – дело важное и нужное, особенно на той стадии развития двусторонних отношений, на которой мы находимся. Результатом поездки не обязательно является соглашение, диалог или что-то еще конкретное. Знакомство, общение, формальное и неформальное (то, что называется нетворкингом, гуаньси), – это именно то, что сейчас нужно. Учиться презентовать инвестиционный потенциал региона, писать резюме инвестпроектов, адекватно их китаизировать, кастомизировать под китайских партнеров, учиться вести конструктивный диалог с китайскими коллегами (не только говорить, но и слушать) – вот, что сейчас важно. Мы этой работе уделяем очень большое внимание» (М.Н. Шведов, представитель Корпорации развития Томской области в КНР).

Таким образом, можно отметить, что на местном уровне представители российского бизнеса стали оценивать сотрудничество с КНР достаточно реалистично, объективно, а такой формат сотрудничества, как ЭКСПО, дает возможность поиска и выбора; не

было в большинстве случаев проблем и с экспертной поддержкой.

«Китайская специфика» ЭКСПО

Один из вопросов, которые закономерно возникают при изучении опыта Российско-Китайского ЭКСПО, – какими соображениями мог руководствоваться Китай, соглашаясь на такой формат сотрудничества, и какие задачи китайская сторона решает в нем. Как представляется, главная мотивация КНР состоит в том, что страна и ее регионы в настоящее время объективно заинтересованы во всемерном развитии выставочной деятельности и продвижении любыми способами своей промышленной продукции. Это происходит в контексте двух трендов: политики возрождения старой промышленной базы Северо-Востока страны (см., например: [75]) и встраивания каждого ее района, по мере сил и возможностей, в проект «Один пояс, один путь» (см., например: [76]). В этой связи специалисты из КНР выделяют Российско-Китайское ЭКСПО как крупнейшую в двустороннем сотрудничестве выставку и форум; по масштабу в одном ряду стоит разве что Восточный экономический форум [77. С. 623].

В сотрудничестве в выставочной деятельности, как и в межрегиональных связях с Россией в целом, Китай явно ориентирован на решение строго собственных задач, а именно на всестороннее развитие своих регионов, повышение привлекательности своих товаров, а в отношении России – на развитие крупных инфраструктурных проектов и обеспечение ее транспортной доступности, которая необходима для экспорта товаров и импорта сырья. Одним из главных для китайской стороны является, например, вопрос о строительстве моста через Амур [78]. Об «улучшении транспортной инфраструктуры» в контексте участия России и ее регионов в строительстве Экономического пояса Шелкового пути высказывался бывший посол КНР в РФ, известный в Китае эксперт-россиевед Ли Фэнлинь [79].

Очевидно, что в результате инфраструктурных проектов на территории РФ КНР может получить двойную выгоду: во-первых, за счет освоения средств, выделенных на строительство (особенно – при освоении их силами китайских подрядчиков), а во-вторых, уже после появления инфраструктурных объектов, за счет получения больших возможностей для вывоза сырья и ввоза своей продукции. Такие задачи, по сути, организованного вывоза и использования сырьевых запасов Сибири и Дальнего Востока ставились региональными властями Северо-Востока КНР на протяжении уже не одного десятилетия [80. С. 65–66]. На современном этапе косвенно об этом свидетельствует организованное участие в Российско-Китайских ЭКСПО ведомств КНР по импорту и экспорту лечебно-профилактических средств, импорту и экспорту металлов, минералов и химикатов и, что особенно обращает на себя внимание, участие «торговых палат по подряду на строительные работы за рубежом» [37]. Это означает, что любые инвестиционные проекты в России Китай рассматривает отнюдь

не как реализуемые с равным представительством обеих сторон и взаимной выгодой, в том числе для развития регионов страны-стратегического партнера, а как предельно прагматичный способ обеспечить занятость своих граждан и заказы для своих предприятий. По сути, таков смысл и современных мегапроектов Пекина – Экономического пояса Шелкового пути и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций.

Тенденцию последних лет – стремление к расширению деятельности китайских банков на территории РФ – тоже можно рассматривать с разных точек зрения: с одной стороны, это может принести дополнительное удобство при освобождении расчетов от зависимости по отношению к доллару, но с другой – создать проблему корпоративного долга российских предприятий и организаций перед КНР, а следовательно, финансовой зависимости от нее.

Определенный интерес для китайской стороны совместное ЭКСПО представляет и как «платформа для сотрудничества органов местного самоуправления России и Китая» и гуманитарного взаимодействия двух стран [81], и как способ ознакомиться с деятельностью ведущих инновационных предприятий РФ, таких как «русская Силиконовая долина Сколково», при возможности интенсивного сотрудничества на уровне «предприятие – предприятие» [82]. Выставка дает определенное представление об экономической политике российского правительства и роли инноваций в ней [83]. Но еще более важным, по мнению китайских СМИ, является адресованная России и остальному миру презентация достижений высокотехнологичных отраслей китайской промышленности, например, роботостроения [84], а также обновленного Харбина, провинции Хэйлунцзян и в целом успехов модернизации китайской промышленности и китайских городов, более комфортной, усовершенствованной и экологичной городской среды [85], т.е. всего, что работает на имидж КНР за рубежом. В ходе обсуждения межрегионального сотрудничества и выставочной деятельности на международной конференции «Потенциал интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества» в Дальневосточном отделении РАН специалисты из КНР даже заявили, что китайская сторона хотела бы «принимать участие в организации выставок в России» [86] (т.е. реализовывать свои интересы еще с большей эффективностью).

Выводы

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы относительно особенностей Российско-Китайского ЭКСПО, его значимости для сотрудничества российских регионов с партнерами из КНР, а также условий эффективности такого сотрудничества:

1. Формат выставки ориентирован во многом именно на взаимодействие на региональном уровне, представление экономического и инвестиционного потенциала регионов, перспективных совместных проектов. Это обуславливает важность участия в вы-

ставке для регионов РФ, поскольку они получают еще один шанс представить свои возможности для насыщенной специализации и инновационного развития.

2. Выставка ориентирована во многом на демонстрацию достижений в высокотехнологичных отраслях промышленности, что содержит значительный потенциал для совершенствования промышленной кооперации РФ и КНР.

3. Тематика ЭКСПО следует рыночной конъюнктуре, в ней быстро появляются новые актуальные сферы сотрудничества, такие как электронная торговля или производство экологически чистых продуктов питания.

4. Выставка использует достаточно широкое разнообразие форм организации работы: «дни регионов», биржи контактов, стратегические сессии, специализированные круглые столы. Это позволяет диверсифицировать обсуждение различных вопросов на одной площадке.

5. Выставка не является исключительно двусторонней, она сохраняет международный характер, в ней участвуют в качестве экспонентов представители других государств, что создает конкурентную среду и дает дополнительные возможности для поиска партнеров и создания международных бизнес-альянсов.

6. В ходе ЭКСПО проводятся и мероприятия гуманитарного сотрудничества, что способствует дополнительным культурным, образовательным, молодежным обменам.

7. «Отдача» от участия российских регионов в выставке выражается в заключении перспективных сделок, развитии уже имеющихся связей и установлении контактов с новыми партнерами в КНР.

8. Участие с российской стороны таких структур, как Минэкономразвития, Минпромторг, курирование делегаций местными органами власти и торгово-промышленными палатами, заинтересованными в сотрудничестве, обеспечивают экспонентам РФ необходимую административную и экспертную поддержку. При условии сохранения координирующей роли государства, наличии гарантий и экспертной поддержки с его стороны контакты с китайским бизнесом на «низовом» уровне, непосредственно между предприятиями эффективны за счет отсутствия лишних посредников. В случае сомнений и риска заключения на мероприятии, подобном ЭКСПО, контракта с непроверенным поставщиком, на помощь придет опять же экспертиза со стороны ТПП. Кроме того, с делегациями работают подготовленные переводчики-консультанты.

Однако имеются и некоторые проблемы. Во-первых, если на «низовом» уровне расхождение интересов между российской и китайской сторонами бывает не очень велико и даже при наличии противоречий (если, условно говоря, китайская компания хочет поставлять готовую продукцию, а российская настаивает на своем участии в производстве) можно найти либо компромисс, либо другого партнера, то на макроуровне различие приоритетов более заметно. Китайской стороне важнее увеличение поставок из России сырья, а также крупные инфраструктурные проекты, позволяющие упростить логистику для продажи

готовых изделий большими партиями и опять же вывозить больше сырья. Представление китайских банков на ЭКСПО направлено на расширение финансового сотрудничества, которое объективно принесет большую выгоду, даже чисто за счет процентов, Китаю, тогда как у России может начаться существенный рост корпоративной задолженности перед КНР.

Второй проблемой является то, что российская сторона не всегда адекватно воспринимает потенциал сотрудничества с КНР, забывая порой о необходимости сохранения многовекторности во внешней политике и здоровой конкуренции во внешнеэкономических связях. По отзывам, например, уральских предпринимателей, продукция других партнеров из Азии – Индии, Вьетнама и других – порой превосходит по качеству китайскую и сопоставима с ней по цене. Почему надо действовать в ущерб себе? Желание развивать связи в первую очередь с Китаем якобы «в противовес» Западу (находящее, как можно заметить, отклик у китайских товарищей, которые в этой ситуации получают возможность за счет партнера, стремящегося к заключению как можно большего числа договоренностей, решить любые свои вопросы) порой доходит до абсурда, как в случае «российско-китайского сотрудничества в области импортозамещения».

И, наконец, в-третьих, даже несмотря на высокий статус выставки и структур, ответственных за ее проведение, среди участников с китайской стороны иногда встречаются непроверенные региональные производители, что может ввести российских партнеров в заблуждение. Хотя в основном совместное ЭКСПО является большой рекламой, «промо» для китайской промышленности, показывающей, при известном во всем мире качестве товаров из КНР, ее универсализм, гибкость, стратегию развития, умение четко решать поставленные задачи и следовать за покупательским спросом.

Для российской стороны, как показывают результаты проведенных ЭКСПО, есть также возможность говорить о некоторых заметных качественных сдвигах в сотрудничестве, прежде всего – в подходе к взаимодействию, к выстраиванию своей стратегии в нем. Практически все упомянутые проблемы ярешаемы, и работа в этом направлении стоит того, чтобы успешно развивать сотрудничество по линии совместных ЭКСПО. Потенциал ЭКСПО достаточно велик, хотя, как можно сделать вывод, используется не до конца. Наиболее важна предоставляемая им возможность показать китайским и другим партнерам совершенно новые идеи для сотрудничества, высокотехнологичные отрасли промышленности РФ. Условия для изменений в направлениях сотрудничества и исправлении сырьевого дисбаланса в торгово-экономических связях РФ с КНР есть, и грамотная выставочная деятельность – одно из них. При наличии экспертной поддержки, хорошем менеджменте, обязательной экспертизе всех совместных проектов, стратегическом подходе власти и бизнеса к взаимодействию с китайскими партнерами и защите интересов своей страны, регионов, предприятий, Российско-Китайское ЭКСПО можно считать форматом сотрудничества, способным приносить пользу обеим сторонам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дусенко С.В. Социальное пространство российско-китайского сотрудничества в сфере туризма: состояние и перспективы // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Экономика. Социология. Менеджмент. 2013. № 2. С. 145–156.
2. Иванов С.А. Без полномочий, ресурсов и целей : роль региональной власти Дальнего Востока в продвижении экономического сотрудничества с Китаем // Россия и АТР. 2016. № 2. С. 27–45.
3. Александрова М.В. Российско-китайские приграничные экономические отношения. М. : ОГНИ, 2005. 262 с.
4. Горбунова А.А., Иванова А.П. Архитектура русских павильонов на Всемирных выставках // Новые идеи нового века. Хабаровск : Тихоокеан. гос. ун-т, 2011. Т. 1. С. 309–313.
5. Простакишина Е.В., Кучинская Т.Н. Участие России в шанхайской выставке ЭКСПО-2010 // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 8. С. 41.
6. Луков Е.В. Внешнеэкономическая деятельность межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» в 1990-е гг. // Вестник Томского университета. 2014. № 386. С. 121–129.
7. Косова Л.С., Филандышева Л.Б., Бондаренко Е.С. Анализ туристских возможностей и продвижения регионального туристского продукта Томской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–7. С. 101–106.
8. Сырымкин В.И., Янь Б., Ваганова Е.В. Опыт регионального сотрудничества с Китаем на примере взаимодействия Ассоциации сибирских и дальневосточных городов и северо-восточных провинций Китая // Проблемы учета и финансов. 2011. № 3. С. 49–58.
9. Экономика Китая вступает в XXI век / отв. ред. и предисл. М.Л. Титаренко. М. : ИДВ РАН, 2004. 312 с.
10. Суслов Д.В. Первое Российско-Китайское ЭКСПО и международный форум аналитического центра китайско-российского экономического сотрудничества // Пространственная экономика. 2014. № 3. С. 184–187.
11. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг. // Портал «Право РФ и КНР». 2010. URL: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm (дата обращения: 04.05.2015).
12. Меморандум между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области модернизации экономики // Министерство экономического развития РФ. 2011. URL: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/98db1280497d5dc49953bb5f9eae86bc/memorandum.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=98db1280497d5dc49953bb5f9eae86bc> (дата обращения: 24.01.2013).
13. Совместное заявление РФ и КНР об углублении всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия и о продвижении взаимовыгодного сотрудничества // Сайт Президента РФ. 08.05.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4969> (дата обращения: 08.01.2016).
14. 20-я регулярная встреча глав правительств России и Китая // Правительство РФ. 17.12.2015. URL: <http://government.ru/news/21123/> (дата обращения: 15.10.2016).
15. Совместное коммюнике по итогам 21-й регулярной встречи глав правительств России и Китая // Правительство РФ. 07.11.2016. URL: <http://government.ru/info/25224/> (дата обращения: 10.11.2016).
16. Харбинская международная торгово-экономическая ярмарка // Экспоцентр-Москва. 2014. URL: <http://www.expocentr.ru/ru/exhibitions/expoabroad/hft2014/> (дата обращения: 15.10.2016).
17. Официальный пресс-релиз Первого Российско-Китайского ЭКСПО 2014 г. // Министерство экономического развития РФ. 30.06.2014. URL: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depAsiaAfrica/doc20140324_91 (дата обращения: 15.10.2016).
18. Глава Минвостокразвития прибыл с рабочим визитом на первую Российско-Китайскую ЭКСПО в Харбине // Министерство по развитию Дальнего Востока РФ. 30.06.2014. URL: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2054 (дата обращения: 15.10.2016).
19. Российско-Китайское ЭКСПО в Харбине // Российский союз промышленников и предпринимателей. Координационный совет в Дальневосточном федеральном округе. 04.07.2014. URL: <http://rspdf.ru/events/2014/07/04/rossijsko-kitajskoe-ekspo-v-harbine/> (дата обращения: 15.10.2016).
20. Определена программа Российско-Китайского ЭКСПО в Харбине // Россия и Китай. 18.04.2014. URL: <http://ruchina.org/heilongjiang-article/china/302.html> (дата обращения: 15.10.2016).
21. Крупнейшие российские предприятия зарегистрировались для участия в Китайско-Российском ЭКСПО // Жэньминь жибао. 29.05.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0529/c31518-8734520.html> (дата обращения: 16.11.2015).
22. ЭКСПО 2014 – 1-е Российско-Китайское ЭКСПО // Портал «Выставочная жизнь». 23.06.2014. URL: <http://www.expo-life.ru/news/14984.html> (дата обращения: 15.10.2016).
23. В Харбине открылось «Первое Российско-Китайское ЭКСПО» // Министерство экономического развития РФ. 30.06.2014. URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/201406305> (дата обращения: 15.10.2016).
24. Первое Российско-Китайское ЭКСПО началось с контрактов на сумму более 230 млн долл. // Министерство экономического развития РФ. 01.07.2014. URL: http://economy.gov.ru/minec/press/news/010720141914?presentationtemplate=m_activityFormMatherial (дата обращения: 15.10.2016).
25. Итоги Российско-Китайского ЭКСПО – сотрудничество в сфере инноваций получило новый импульс // Экоград. 03.07.2014. URL: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/itogi-rossijsko-kitajskogo-ekspo-sotrudnichestvo-v-sfere-innovatsij-poluchilo-novyy-impuls> (дата обращения: 15.10.2016).
26. Чжао Шуфан, Кузнецов С.И. Культурно-гуманитарное сотрудничество молодежи РФ и КНР: проблемы и перспективы // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2015. № 2 (18). С. 191–200.
27. Об итогах социально-экономического развития РФ в 2014 г. М. : Минэкономразвития РФ, 2015. 232 с.
28. Китайско-Российское ЭКСПО создает платформу всестороннего сотрудничества между двумя странами // Жэньминь жибао. 12.06.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0612/c31518-8740422.html> (дата обращения: 16.11.2015).
29. Подведены итоги Первого Российско-Китайского ЭКСПО // Спецтехника-инфо. 16.07.2014. URL: http://stidv.ru/news/show/?id_publicationArticle=1692 (дата обращения: 15.10.2016).
30. Китайско-Российское ЭКСПО: в поисках новых путей экономического взаимодействия // Жэньминь жибао. 02.07.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0702/c95181-8749862.html> (дата обращения: 16.11.2015).
31. Алексей Лихачев : Харбинская ЭКСПО, может быть, самая главная точка межрегионального диалога между Россией и Китаем // Министерство экономического развития РФ. 10.09.2015. URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/interview/2015100905> (дата обращения: 15.10.2016).
32. Выставка «Второе Российско-Китайское ЭКСПО» открылась сегодня в Харбине // Первый канал. 12.10.2015. URL: https://www.1tv.ru/news/2015/10/12/9485-vystavka_vtoroe_rossijsko_kitayskoe_ekspo_otkrylas_segodnya_v_harbine (дата обращения: 15.10.2016).
33. На экспорт в Европу санкции влияния почти не оказали // Министерство экономического развития РФ. 20.10.2015. URL: <http://economy.gov.ru/minec/press/interview/20151020> (дата обращения: 15.10.2016).
34. Новая экономическая политика Дальнего Востока обсуждалась на Втором Российско-Китайском ЭКСПО // Министерство по развитию Дальнего Востока РФ. 18.10.2015. URL: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3724&sphrase_id=35625 (дата обращения: 15.10.2016).

35. До конца года ОДК может выйти на рынок Китая с двигателем промышленного применения // ТАСС. 12.10.2015. URL: <http://tass.ru/ekonomika/2337274> (дата обращения: 15.10.2016).
36. Обзор Второго Российско-Китайского ЭКСПО 2015 // Торгово-промышленная палата Республики Бурятия. 26.10.2015. URL: <http://tpprb.com/levoe-menyu/napravleniya/czentr-vistavochnoy-deyatelnosti/otchyoty-ob-uchastii-delegacii-tpp-rb-v-zarubezhnykh-vystavkakh-i-forumax/6-ya-mezhdunarodnaya-vystavka-torgovli-i-logistiki%C2%BB-v-gorode-lini.html> (дата обращения: 15.10.2016).
37. Заявки на участие в Российско-Китайском ЭКСПО подали уже свыше 250 компаний из КНР // Областная газета. 01.06.2016.
38. Каталог участников // Сайт международной выставки «Иннопром». URL: http://www.innoprom.com/upload/Innoprom_2016_CATALOG.pdf (дата обращения: 15.10.2016).
39. Провинция Хэйлунцзян на Российско-Китайском ЭКСПО // Россия и Китай. 13.06.2016. URL: <http://ruchina.org/heilongjiang-article/china/1138.html> (дата обращения: 15.10.2016).
40. О текущей ситуации в экономике РФ в январе – сентябре 2016 г. М. : Минэкономразвития РФ, 2016. 142 с.
41. Деловая программа // Сайт международной выставки «Иннопром». URL: <http://www.innoprom.com/business-program/> (дата обращения: 15.10.2016).
42. Китайские банки профинансируют инвестпроекты в России // Областная газета. 14.07.2016.
43. Алексей Лихачев : Российско-Китайское ЭКСПО стало важнейшим механизмом развития экономических, торговых и межрегиональных отношений. Интервью заместителя министра экономического развития РФ // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. 13.07.2016. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depasiasafrica/2016130701> (дата обращения: 15.10.2016).
44. Российско-Китайское ЭКСПО открылось вчера в Харбине // Министерство промышленности и торговли РФ. 13.10.2015. URL: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!rossiyskokitayskoe_ekspo_otkrylos_vchera_v_harbine (дата обращения: 15.10.2016).
45. Итоги III Российско-Китайского ЭКСПО // Сайт III Российско-Китайского ЭКСПО. URL: <http://russia-china-expo.com/about/information/> (дата обращения: 15.10.2016).
46. Официальный каталог участников коллективной экспозиции Российской Федерации в рамках IV Российско-Китайского ЭКСПО. М. : Минпромторг РФ, 2017. 54 с.
47. Итоги IV Российско-Китайского ЭКСПО // Официальный сайт выставки. URL: <http://china-rus-expo.ru/ru/iv-rossijsko-kitajskogo-e-kspo-itogi/> (дата обращения: 06.10.2017).
48. Одиннадцать уральских инвестпроектов презентовали китайскому бизнесу на ЭКСПО в Харбине // ТАСС. 15.06.2017. URL: <http://tass.ru/ural-news/4338136> (дата обращения: 06.10.2017).
49. Челябинская область и провинция Гуандун выбраны главными партнерами ЭКСПО в Харбине // ТАСС. 20.04.2017. URL: <http://tass.ru/ural-news/4196640> (дата обращения: 06.10.2017).
50. Деловая программа IV Российско-Китайского ЭКСПО // Официальный сайт выставки. URL: <http://china-rus-expo.ru/wp-content/uploads/2017/06/04-proekt-delovoj-programmy-CHetvertogo-Rossiysko-Kitajskogo-E-KSPO.pdf> (дата обращения: 06.10.2017).
51. На Российско-Китайском ЭКСПО в Харбине были подписаны соглашения на сумму \$4,4 млрд // Минэкономразвития РФ. URL: <http://www.ved.gov.ru/news/23031.html> (дата обращения: 06.10.2017).
52. Иркутская область представила в Китае 13 перспективных инвестпроектов // Россия и Китай. 20.06.2017. URL: <http://ruchina.org/china-article/china/1325.html> (дата обращения: 06.10.2017).
53. Власти ЕАО предлагают поставщикам продуктов в Китай выпускать их в ТОП в регионе // Министерство по развитию Дальнего Востока РФ. 16.06.2017. URL: https://minvr.ru/press-center/news/5642/?phrase_id=163698 (дата обращения: 15.10.2017).
54. Российско-Китайское ЭКСПО: на что поставила Челябинская область? // Информационное агентство «Regnum». 21.06.2017. URL: <https://regnum.ru/news/2290749.html> (дата обращения: 06.10.2017).
55. Калужская область – один из самых активных российских регионов на Российско-Китайском ЭКСПО-2017 // Россия и Китай. 14.06.2017. URL: <http://ruchina.org/china-article/china/1315.html> (дата обращения: 06.10.2017).
56. Агросектор и особые экономические зоны (ОЭЗ) – ключевые направления сотрудничества России и Китая в рамках ЭКСПО-2017 // Россия и Китай. 09.06.2017. URL: <http://ruchina.org/china-article/china/1310.html> (дата обращения: 06.10.2017).
57. Ямал представит арктические турмаршруты на ЭКСПО в Китае // ТАСС. 17.05.2017. URL: <http://tass.ru/obshchestvo/4258108> (дата обращения: 06.10.2017).
58. «Швабе» показал новую геодезическую технику на Российско-Китайском ЭКСПО // Aviaport.ru. 23.06.2017. URL: <https://www.aviaport.ru/digest/2017/06/23/458141.html> (дата обращения: 15.10.2017).
59. Камчатскую делегацию на ЭКСПО-2017 ждет напряженная работа // Петропавловск-Камчатский.БезФормата.ру. 06.06.2017. URL: <http://petropavlovskkamchatskiy.bezformata.ru/listnews/kamchatskiyu-delegaciyu-na-ekspo-2017/57980826/> (дата обращения: 06.10.2017).
60. Инвестиционные возможности края представят на Четвертом Российско-Китайском ЭКСПО // Пресс-служба губернатора и правительства Хабаровского края. 14.06.2017. URL: <https://www.khabkrai.ru/events/news/164500> (дата обращения: 06.10.2017).
61. Делегация Свердловской области примет участие в IV Российско-Китайском ЭКСПО // Областная газета. 6.06.2017. URL: <https://www.oblgazeta.ru/pressreleases/18464/> (дата обращения: 15.10.2017).
62. Производитель палочек для мороженого откроет производство в ТОП «Красноурьинск» // Коммерсант-Урал. 17.08.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3385971> (дата обращения: 15.10.2017).
63. Холостой выстрел по ЭКСПО-2017 // Бизнес Камчатки. 6.06.2017. URL: http://kambusiness.ru/novosti_biznes_kamchatki/21086-holostoy-vystrel-po-ekspo-2017.html (дата обращения: 15.10.2017).
64. Делегация Башкирии участвует в IV российско-китайском форуме «ЭКСПО-2017» // Информационное агентство «Башинформ». 15.06.2017. URL: <http://www.bashinform.ru/news/1011783-delegatsiya-bashkirii-uchastvuet-v-iv-rossijsko-kitayskom-forume-ekspo-2017/> (дата обращения: 15.10.2017).
65. Теплицы в Чурилово модернизируются // Челябинск сегодня. 30.10.2012. URL: https://cheltoday.ru/articles/obshchestvo/tep-litsy_v_churilovo_moderнизiruyutsya-7036/ (дата обращения: 20.10.2017).
66. 300 китайцев взяли штурмом паром на Байкале и напали на экипаж // Телеканал «Звезда». 1.09.2017. URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201709011048-91by.htm (дата обращения: 2.09.2017).
67. Китайские туристы напали на финских гидов из-за северного сияния // Лента.ру. 9.02.2017. URL: https://m.lenta.ru/news/2017/02/09/tourists_finland/ (дата обращения: 28.07.2017).
68. С919 дэ шоу фэй ши Чжунго байнянь «Да фэйци мэнь» дэ лиши тупо :на кит. яз. (Первый рейс С919 – исторический прорыв и исполнение столетней китайской «мечты о больших самолетах») // Жэньминь жибао. 13.06.2017. URL: <http://military.people.com.cn/n1/2017/0613/c1011-29335350.html> (дата обращения: 13.10.2017).
69. С919 диндан дадао 600 цзя : на кит. яз. (На С919 уже есть 600 заказов) // Жэньминь жибао. 14.06.2017. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2017/0614/c1004-29337731.html> (дата обращения: 13.10.2017).
70. АПИ призвало бизнес-сферу КНР к производству товаров на Дальнем Востоке // Новости Владивостока. 18.06.2017. URL: <https://novostivl.ru/msg/23977.htm> (дата обращения: 15.10.2017).
71. Компания из КНР готова инвестировать в строительство портовой инфраструктуры в Приморье // Министерство по развитию Дальнего Востока РФ. 18.07.2017. URL: https://minvr.ru/press-center/news/6482/?phrase_id=163698 (дата обращения: 20.10.2017).
72. Россия может заключить на ЭКСПО в Харбине соглашения на \$1 млрд // ТАСС. 20.04.2017. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4196608> (дата обращения: 15.10.2017).

73. Историки ТГУ создадут новую модель развития Северной Азии // Сайт Томского государственного университета. 31.01.2017. URL: <http://www.tsu.ru/news/istoriki-tgu-razrabotayut-novuyu-model-razvitiya-s/> (дата обращения: 31.01.2017).
74. Зиновьев В.П. Сибирь в современной России : исторические традиции и перспективы модернизации // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 81–84.
75. Александрова М.В. Торгово-экономические отношения провинции Цзилинь с Россией и план Чанцзиту // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. № 17. С. 294–321.
76. Зуенко И.Ю. Реализация политики Центра в китайских регионах: некоторые аспекты проблемы (в контексте строительства Нового Шелкового пути) // Известия Восточного института. 2016. № 2. С. 4–12.
77. Мэн Фаньхун. О перспективе сотрудничества Китая и России в рамках концепции ЭПШП // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Благовещенск : Благовещ. гос. пед. ун-т, 2016. С. 621–624.
78. Китайско-Российское ЭКСПО: когда заработает транспортная артерия Хабаровск – Харбин? // Жэньминь жибао. 04.07.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0704/c31518-8750905.html> (дата обращения: 15.10.2016).
79. Китайско-российские отношения стали позитивным фактором обеспечения регионального мира и стабильности – эксперты // Жэньминь жибао. 30.06.2014. URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0630/c31521-8748609.html> (дата обращения: 15.10.2016).
80. Александрова М.В. Четверть века торгово-экономического сотрудничества РФ и КНР (на примере провинции Хэйлунцзян) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 56–72.
81. Чжун Э боланьхуэй : юсяо фанда Чжун Э хэцзо сюйцзо : на кит. яз. (Китайско-Российское ЭКСПО: эффективное развитие китайско-российского сотрудничества) // Синьхуа. 24.06.2014. URL: http://news.xinhuanet.com/expo/2014-06/24/c_126662699.htm (дата обращения: 21.10.2016).
82. Чжун Э боланьхуэй иньжу «хуляньван + чжаньхуэй» линиянь : на кит. яз. (Китайско-Российское ЭКСПО вводит понятие «Интернет-выставка») // Синьхуа. 16.09.2015. URL: http://news.xinhuanet.com/local/2015-09/16/c_128233358.htm (дата обращения: 21.10.2016).
83. Элосы Екацзелиньбао шукун цзичуан юй цзиньшу цзягун гунье боланьхуэй : на кит. яз. (Станкостроение и металлообрабатывающая промышленность на выставке в Екатеринбурге (Россия)) // Qufair.com. URL: <http://www.qufair.com/convention/3150.shtml> (дата обращения: 21.10.2016).
84. Ди эр цзе Чжун Э боланьхуэй кай гуань : на кит. яз. (Второе Китайско-Российское ЭКСПО) // Госсовет КНР. 12.10.2015. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-10/12/content_2945516.htm (дата обращения: 15.10.2016).
85. Шоуцзе Чжун Э боланьхуэй Харбин чжэнчжуан дайфа : на кит. яз. (Харбин готов к началу первого Российско-Китайского ЭКСПО) // China Daily. 20.06.2014. URL: http://www.chinadaily.com.cn/dfpd/hlj/bwzg/2014-06/20/content_17604462.htm (дата обращения: 21.10.2016).
86. Международная конференция «Потенциал интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества» // Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 15.09.2016. URL: <http://ihaeife.org/news/4268> (дата обращения: 15.10.2016).

Статья представлена научной редакцией «История» 28 ноября 2017 г.

THE RUSSIA-CHINA EXPO AND ITS ROLE IN THE COOPERATION OF RUSSIAN REGIONS WITH CHINA

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 93–106.

DOI: 10.17223/15617793/430/13

Ksenia G. Muratshina, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

Keywords: Russian Federation; People's Republic of China; Russian-Chinese relations; regional cooperation; exhibitions; Russia-China EXPO.

This paper discusses the Russia-China EXPO – a joint exhibition, which has been organised every year since 2014 by the economy, industry and commerce-related ministries of the Russian Federation and the People's Republic of China and their regional authorities. The aim of this paper is to discover and formulate the specific features of the joint EXPO as a new form of Russian-Chinese cooperation, as well as its results and role for the economic interaction of Russian regions with China. In Russian sinology and international studies, the topic of exhibitions-related bilateral cooperation has been under-investigated so far. This research is based on the analysis of bilateral documents, official reports, Russian and Chinese media and the author's interviews with representatives of EXPO participants from Sverdlovsk and Tomsk Oblasts. The paper consequently reviews each Russian-Chinese EXPO, held since 2014, paying attention to the changes in the organisation of the exhibition and to the outcome for Russian participants. Acknowledging the importance of the EXPO framework in current Russian-Chinese regional cooperation, the author concludes that the potential of the exhibition for enhancing the development of Russian regions, primarily the Siberian and Far-Eastern ones, and for the improvement of their cooperation with China, is not entirely realised. At the same time, the paper notes a number of positive developments in Russian policy, including the improvement in the quality of investment projects, which are proposed by Russian regional authorities to Chinese investors. Based on the experience of 2014, 2015 and 2016 exhibitions and the related business talks, in 2017 Russia obviously developed the understanding of how to fulfil its needs in cooperation with China, and generated new approaches. In the 2017 EXPO, Russian regions presented not only mining or infrastructure projects, but also exquisite plans of joint production and tertiary industry facilities. However, in spite of these developments and of the outstanding performance of a number of Russian companies and regions in the EXPO, as well as a certain increase in cooperation in hi-tech industries, there are several problems to solve. The major problem is the discrepancy in the goals of the two states. Russia is interested in developing joint projects in the hi-tech sector and generally in the manufacturing industry, while China is aimed at stimulating the increase in raw materials supplies from Russia, export of its own goods, large-scale infrastructural projects and participation of its banks in Russia. In addition, the paper discusses the importance of expert evaluation and analysis for such frameworks of cooperation as the Russian-Chinese EXPO, and for Russian-Chinese regional interaction on the whole.

REFERENCES

1. Dusenkov, S.V. (2013) Social Space of the Russian-Chinese Cooperation in the Tourism Sphere: State and Prospects. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment – Proceedings of the Southwest State University. Economy. Sociology. Management*. 2. pp. 145–156. (In Russian).
2. Ivanov, S.A. (2016) Without authority, resources and aims: how do regional authorities of the Russian Far East promote economic cooperation with China. *Rossiia i ATR – Russia and the Pacific*. 2. pp. 27–45. (In Russian).

3. Aleksandrova, M.V. (2005) *Rossiysko-kitayskie prigranichnye ekonomicheskie otnosheniya* [Russian-Chinese border economic relations]. Moscow: OGNI.
4. Gorbunova, A.A. & Ivanova, A.P. (2011) Arkhitektura russkikh pavil'onov na Vsemirnykh vystavkakh [Architecture of Russian pavilions at world exhibitions]. In: Luchkova, V.I. (ed.) *Novye idei novogo veka* [New ideas of the new century]. Vol. 1. Khabarovsk: Pacific State University.
5. Proskakishina, E.V. & Kuchinskaya, T.N. (2011) Uchastie Rossii v shankhayskoy vystavke EKSP-2010 [Participation of Russia in the Shanghai exhibition EXPO-2010]. *Mezhdunarodnyy zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. 8. pp. 41.
6. Lukov, E.V. (2014) International economic activity of the interregional association "Siberian Accord" in the 1990s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 386. pp. 121–129. (In Russian).
7. Kosova, L.S., Filandysheva, L.B. & Bondarenko, E.S. (2015) Analysis of tourism potential and regional tourist product promotion in Tomsk region. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2–7. pp. 101–106.
8. Syryamkin, V.I., Yan', B. & Vaganova, E.V. (2011) Opyt regional'nogo sotrudnichestva s Kitaem na primere vzaimodeystviya Assotsiatsii sibirskikh i dal'nevostochnykh gorodov i severo-vostochnykh provintsiy Kitaya [The experience of regional cooperation with China on the example of interaction between the Association of Siberian and Far Eastern cities and northeastern provinces of China]. *Problemy ucheta i finansov*. 3. pp. 49–58.
9. Titarenko, M.L. (ed.) (2004) *Ekonomika Kitaya vstupaet v XXI vek* [China's economy enters the 21st century]. Moscow: IFES RAS.
10. Suslov, D.V. (2014) Pervoe Rossiysko-Kitayskoe EKSP i mezhdunarodnyy forum analiticheskogo tsentra kitaysko-rossiyskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva [The First Russia-China EXPO and International Forum of the Analytical Center of China-Russia Economic Cooperation]. *Prostranstvennaya ekonomika*. 3. pp. 184–187.
11. Law of the Russian Federation and the People's Republic of China. (2010) *Programma sotrudnichestva mezhdur regionami Dal'nego Vostoka i Vostochnoy Sibiri RF i Severo-Vostoka KNR na 2009–2018 gg.* [Programme of cooperation between the regions of the Far East and Eastern Siberia of the Russian Federation and the Northeast of the PRC for 2009–2018]. [Online] Available from: http://www.chinaruslaw.com/RU/CnRuTreaty/004/201035210624_735729.htm. (Accessed: 04.05.2015).
12. The site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2011) *Memorandum mezhdur Pravitel'stvom RF i Pravitel'stvom KNR o sotrudnichestve v oblasti modernizatsii ekonomiki* [Memorandum between the Government of the Russian Federation and the Government of the PRC on cooperation in the field of economic modernisation]. [Online] Available from: <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/98db1280497d5dc49953bb5f9eae86bc/memorandum.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=98db1280497d5dc49953bb5f9eae86bc>. (Accessed: 24.01.2013).
13. The site of the President of the Russian Federation. (2015) *Sovmestnoe zayavlenie RF i KNR ob uglublenii vseob"emlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya i o prodvizhenii vzaimovыgodnogo sotrudnichestva* [Joint statement of the Russian Federation and the PRC on deepening the comprehensive partnership and strategic cooperation and on promoting mutually beneficial cooperation]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/supplement/4969>. (Accessed: 08.01.2016).
14. The site of the Government of the Russian Federation. (2015) *20-ya regul'yarnaya vstrecha glav pravitel'stv Rossii i Kitaya* [20th regular meeting of the heads of government of Russia and China]. [Online] Available from: <http://government.ru/news/21123/>. (Accessed: 15.10.2016).
15. The site of the Government of the Russian Federation. (2016) *Sovmestnoe kommyunike po itogam 21-y regul'yarnoy vstrechi glav pravitel'stv Rossii i Kitaya* [Joint communique on the results of the 21st regular meeting of the heads of government of Russia and China]. [Online] Available from: <http://government.ru/info/25224/>. (Accessed: 10.11.2016).
16. Expocenter-Moscow. (2014) *Kharbinskaya mezhdunarodnaya trgovо-ekonomicheskaya yarmarka* [Harbin International Trade and Economic Fair]. [Online] Available from: <http://www.expocentr.ru/ru/exhibitions/expoabroad/htf2014/>. (Accessed: 15.10.2016).
17. The site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2014) *Ofitsial'nyy press-reliz Pervogo Rossiysko-Kitayskogo EKSP 2014 g.* [Official press release of the First Russia-China EXPO, 2014]. [Online] Available from: http://economy.gov.ru/minec/about/structure/depAsiaAfrica/doc20140324_91. (Accessed: 15.10.2016).
18. The site of the Ministry for the Development of the Far East of Russia. (2014) *Glava Minvostokrazvitiya pribyl s rabochim vizitom na pervuyu Rossiysko-Kitayskuyu EKSP v Kharbine* [The head of the Ministry for the Development of the Far East of Russia arrived with a working visit to the first Russia-China EXPO in Harbin]. [Online] Available from: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=2054. (Accessed: 15.10.2016).
19. Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. Coordinating Council in the Far Eastern Federal District. (2014) *Rossiysko-Kitayskoe EKSP v Kharbine* [Russia-China EXPO in Harbin]. [Online] Available from: <http://rsppdf.ru/events/2014/07/04/rossijsko-kitajskoe-ekspo-v-harbine/>. (Accessed: 15.10.2016).
20. Rossiya i Kitay. (2014) *Opredelena programma Rossiysko-Kitayskogo EKSP v Kharbine* [The programme of the Russia-China EXPO in Harbin is determined]. [Online] Available from: <http://ruchina.org/heilongjiang-article/china/302.html>. (Accessed: 15.10.2016).
21. People's Daily. (2014) *Krupneyshie rossiyskie predpriyatiya zaregistririvalis' dlya uchastiya v Kitaysko-Rossiyskom EKSP* [The largest Russian enterprises registered for participation in the China-Russia EXPO]. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0529/c31518-8734520.html>. (Accessed: 16.11.2015).
22. Vystavochnaya zhizn'. (2014) *EKSP 2014 – 1-e Rossiysko-Kitayskoe EKSP* [EXPO 2014 – the 1st Russia-China EXPO]. [Online] Available from: <http://www.expo-life.ru/news/14984.html>. (Accessed: 15.10.2016).
23. The site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2014) *V Kharbine otkrylos' "Pervoe Rossiysko-Kitayskoe EKSP"* [The First Russia-China EXPO opened in Harbin]. [Online] Available from: <http://economy.gov.ru/minec/press/news/201406305>. (Accessed: 15.10.2016).
24. The site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2014) *Pervoe Rossiysko-Kitayskoe EKSP nachalos' s kontraktov na summu bolee 230 mln doll.* [The first Russia-China EXPO started with contracts worth more than \$ 230 million]. [Online] Available from: http://economy.gov.ru/minec/press/news/010720141914?presentationtemplate=m_activityFormMaterial. (Accessed: 15.10.2016).
25. Ekograd. (2014) *Itogi Rossiysko-Kitayskogo EKSP – sotrudnichestvo v sfere innovatsiy poluchilo novyy impuls* [The results of the Russia-China EXPO – cooperation in the field of innovation received a new impulse]. [Online] Available from: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/itogi-rossijsko-kitajskogo-ekspo-sotrudnichestvo-v-sfere-innovatsiy-poluchilo-novyy-impuls>. (Accessed: 15.10.2016).
26. Zhao Shufang & Kuznetsov, S.I. (2015) Kul'turno-gumanitarnoe sotrudnichestvo molodezhi RF i KNR: problemy i perspektivy [Cultural and humanitarian cooperation of the youth of the Russian Federation and the PRC: problems and prospects]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN*. 2 (18). pp. 191–200.
27. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2015) *Ob itogakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya RF v 2014 g.* [On the results of the socio-economic development of the Russian Federation in 2014]. Moscow: Minekonomrazvitiya RF.
28. People's Daily. (2014) *Kitaysko-Rossiyskoe EKSP sozdaet platformu vsetoronnego sotrudnichestva mezhdur dvumya stranami* [The China-Russia EXPO creates a platform for comprehensive cooperation between the two countries]. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0612/c31518-8740422.html>. (Accessed: 16.11.2015).
29. Spetstekhnika-info. (2014) *Podvedeny itogi Pervogo Rossiysko-Kitayskogo EKSP* [The results of the First Russia-China EXPO were summed up]. [Online] Available from: http://stdv.ru/news/show/?id_publicationArticle=1692. (Accessed: 15.10.2016).
30. People's Daily. (2014) *Kitaysko-Rossiyskoe EKSP: v poiskakh novykh putey ekonomicheskogo vzaimodeystviya* [China-Russia EXPO: in search of new ways of economic interaction]. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0702/c95181-8749862.html>. (Accessed: 16.11.2015).

31. The site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2015) *Aleksey Likhachev: Khabarskaya EKSP, mozhno byt', samaya glavnyaya tochka mezhregional'nogo dialoga mezhdu Rossiei i Kitaiem* [Aleksey Likhachev: Harbin EXPO may be the most important point of interregional dialogue between Russia and China]. [Online] Available from: <http://economy.gov.ru/minrec/press/interview/2015100905>. (Accessed: 15.10.2016).
32. Itv.ru. (2015) *Vystavka "Vtoroe Rossiysko-Kitayskoe EKSP" otkrylas' segodnya v Khabarske* [The Second Russia-China EXPO opened today in Harbin]. [Online] Available from: https://www.itv.ru/news/2015/10/12/9485-vystavka_vtoroe_rossiysko_kitayskoe_ekspo_otkrylas_segodnya_v_habarske. (Accessed: 15.10.2016).
33. The site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2015) *Na eksport v Evropu sanktsii vliyaniya pochti ne okazali* [There was almost no influence of the sanctions on exports to Europe]. [Online] Available from: <http://economy.gov.ru/minrec/press/interview/20151020>. (Accessed: 15.10.2016).
34. The site of the Ministry for the Development of the Far East of Russia. (2015) *Novaya ekonomicheskaya politika Dal'nego Vostoka obsuzhdalas' na Vtorom Rossiysko-Kitayskom EKSP* [The new economic policy of the Far East was discussed at the Second Russia-China EXPO]. [Online] Available from: http://minvr.ru/press-center/news_minvostok/?ELEMENT_ID=3724&sphrase_id=35625. (Accessed: 15.10.2016).
35. TASS. (2015) *Do kontsa goda ODK mozhno vyiti na rynek Kitaya s dvigatelem promyshlennogo primeneniya* [Until the end of the year, the UEC can enter the Chinese market with an engine of industrial application]. [Online] Available from: <http://tass.ru/ekonomika/2337274>. (Accessed: 15.10.2016).
36. The site of the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Buryatia. (2015) *Obzor Vtorogo Rossiysko-Kitayskogo EKSP 2015* [Review of the Second Russia-China EXPO 2015]. [Online] Available from: <http://tpprb.com/levoe-menyu/napravleniya/centr-vistavochnoy-deyatelnosti/otchyoty-ob-uchastii-delegatsiy-tpp-rb-v-zarubezhnykh-vystavkax-i-forumax/6-ya-mezhdunarodnaya-vystavka-torgovli-i-logistiki/C2%BB-v-gorode-lini.html>. (Accessed: 15.10.2016).
37. Oblastnaya gazeta. (2016) *Zayavki na uchastie v Rossiysko-Kitayskom EKSP podali uzhe svyshe 250 kompaniy iz KNR* [More than 250 companies from China applied for participation in the Russia-China EXPO]. *Oblastnaya gazeta*. June 1.
38. The site of the international exhibition "Innoprom". (2016) *Katalog uchastnikov* [Catalogue of participants]. [Online] Available from: http://www.innoprom.com/upload/Innoprom_2016_CATALOG.pdf. (Accessed: 15.10.2016).
39. Rossiya i Kitay. (2016) *Provintsiya Kheyluntszyan na Rossiysko-Kitayskom EKSP* [Heilongjiang Province at the Russia-China EXPO]. [Online] Available from: <http://ruchina.org/heilongjiang-article/china/1138.html>. (Accessed: 15.10.2016).
40. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2016) *O tekushchey situatsii v ekonomike RF v yanvare – sentyabre 2016 g.* [On the current situation in the economy of the Russian Federation in January–September 2016]. Moscow: Minekonomrazvitiya RF.
41. The site of the international exhibition "Innoprom". (2016) *Delovaya programma* [Business programme]. [Online] Available from: <http://www.innoprom.com/business-program/>. (Accessed: 15.10.2016).
42. Oblastnaya gazeta. (2016) *Kitayskie banki profinansiruyut investproekty v Rossii* [Chinese banks will finance investment projects in Russia]. *Oblastnaya gazeta*. July 14.
43. The site of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2011) *Aleksey Likhachev: Rossiysko-Kitayskoe EKSP stalo vazhneyshim mekhanizmom razvitiya ekonomicheskikh, torgovykh i mezhregional'nykh otnosheniy. Interv'yu zamestiteliya ministra ekonomicheskogo razvitiya RF* [Aleksey Likhachev: The Russia-China EXPO has become an important mechanism for the development of economic, trade and interregional relations. Interview of the Deputy Minister of Economic Development of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://economy.gov.ru/minrec/about/structure/depasiafrica/2016130701>. (Accessed: 15.10.2016).
44. The site of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation. (2015) *Rossiysko-Kitayskoe EKSP otkrylos' vchera v Khabarske* [The Russia-China EXPO opened in Harbin yesterday]. [Online] Available from: http://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!/rossiyskokitayskoe_ekspo_otkrylos_vchera_v_habarske. (Accessed: 15.10.2016).
45. The site of the III Russia-China EXPO. (2016) *Itogi III Rossiysko-Kitayskogo EKSP* [Results of the III Russia-China EXPO]. [Online] Available from: <http://russia-china-expo.com/about/information/>. (Accessed: 15.10.2016).
46. Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation. (2017) *Ofitsial'nyy katalog uchastnikov kollektivnoy ekspozitsii Rossiyskoy Federatsii v ramkakh IV Rossiysko-Kitayskogo EKSP* [The official catalog of participants of the collective exposition of the Russian Federation in the IV Russia-China EXPO]. Moscow: Minpromtorg RF.
47. The site of the IV Russia-China EXPO. (2017) *Itogi IV Rossiysko-Kitayskogo EKSP* [Results of the IV Russia-China EXPO]. [Online] Available from: <http://china-rus-expo.ru/ru/iv-rossijsko-kitajskogo-ekspo-itogi/>. (Accessed: 06.10.2017).
48. TASS. (2017) *Odinnadtsat' ural'skikh investproektov prezentovali kitayskomu biznesu na EKSP v Khabarske* [Eleven Ural investment projects were presented to the Chinese business at the EXPO in Harbin]. [Online] Available from: <http://tass.ru/ural-news/4338136>. (Accessed: 06.10.2017).
49. TASS. (2017) *Chelyabinskaya oblast' i provintsiya Guandun vybrany glavnymi partnerami EKSP v Khabarske* [Chelyabinsk Oblast and Guangdong Province are selected as the main partners of EXPO in Harbin]. [Online] Available from: <http://tass.ru/ural-news/4196640>. (Accessed: 06.10.2017).
50. The site of the IV Russia-China EXPO. (2017) *Delovaya programma IV Rossiysko-Kitayskogo EKSP* [Business programme of the IV Russia-China EXPO]. [Online] Available from: <http://china-rus-expo.ru/wp-content/uploads/2017/06/04-proekt-delovoj-programmy-CHetvertogo-Rossiysko-Kitajskogo-E-KSP.pdf>. (Accessed: 06.10.2017).
51. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. (2017) *Na Rossiysko-Kitayskom EKSP v Khabarske byli podpisany soglashiya na summu \$4,4 mlrd* [Agreements worth \$ 4.4 billion were signed at the Russia-China EXPO in Harbin]. [Online] Available from: <http://www.ved.gov.ru/news/23031.html>. (Accessed: 06.10.2017).
52. Rossiya i Kitay. (2017) *Irkutskaya oblast' predstavila v Kitae 13 perspektivnykh investproektov* [Irkutsk Oblast presented 13 promising investment projects in China]. [Online] Available from: <http://ruchina.org/china-article/china/1325.html>. (Accessed: 06.10.2017).
53. The site of the Ministry for the Development of the Far East of Russia. (2017) *Vlasti EAO predlozhat postavshchikam produktov v Kitay vypuskat' ikh v TOR v regione* [Authorities of the Jewish Autonomous Oblast will propose to suppliers of products to China to produce them in the priority development area in the region]. [Online] Available from: https://minvr.ru/press-center/news/5642/?sphrase_id=163698. (Accessed: 15.10.2017).
54. Regnum. (2017) *Rossiysko-Kitayskoe EKSP: na chto postavila Chelyabinskaya oblast'?* [Russia-China EXPO: what did Chelyabinsk Oblast bet on?]. [Online] Available from: <https://regnum.ru/news/2290749.html>. (Accessed: 06.10.2017).
55. Rossiya i Kitay. (2017) *Kaluzhskaya oblast' – odin iz samykh aktivnykh rossiyskikh regionov na Rossiysko-Kitayskom EKSP-2017* [Kaluga Oblast is one of the most active Russian regions at the Russia-China EXPO-2017]. [Online] Available from: <http://ruchina.org/china-article/china/1315.html>. (Accessed: 06.10.2017).
56. Rossiya i Kitay. (2017) *Agrosetor i osoby ekonomicheskie zony (OEZ) – klyuchevye napravleniya sotrudnichestva Rossii i Kitaya v ramkakh EKSP-2017* [The Agro Sector and Special Economic Zones (SEZ) are the key areas of cooperation between Russia and China within EXPO-2017]. [Online] Available from: <http://ruchina.org/china-article/china/1310.html>. (Accessed: 06.10.2017).
57. TASS. (2017) *Yamal predstavit arkticheskie turmarshruty na EKSP v Kitae* [Yamal will present Arctic tourist routes at EXPO in China]. [Online] Available from: <http://tass.ru/obschestvo/4258108>. (Accessed: 06.10.2017).
58. Aviaport.ru. (2017) *"Shvabe" pokazal novuyu geodezicheskuyu tekhniku na Rossiysko-Kitayskom EKSP* ["Schwabe" showed new geodesic machines at the Russia-China EXPO]. [Online] Available from: <https://www.aviaport.ru/digest/2017/06/23/458141.html>. (Accessed: 15.10.2017).

59. Petropavlovsk-Kamchatskiy.BezFormata.ru. (2017) *Kamchatskuyu delegatsiyu na EKSP0-2017 zhdet napryazhennaya rabota* [Kamchatka delegation to EXPO-2017 will work hard]. [Online] Available from: <http://petropavlovskkamchatskiy.bezformata.ru/listnews/kamchatskuyu-delegatsiyu-na-ekspo-2017/57980826/>. (Accessed: 06.10.2017).
60. Press Service of the Governor and Government of Khabarovsk Krai. (2017) *Investitsionnye vozmozhnosti kraya predstavlyat na Chetvertom Rossiysko-Kitayskom EKSP0* [Investment opportunities of the region will be presented at the Fourth Russia-China EXPO]. [Online] Available from: <https://www.khabkrai.ru/events/news/164500>. (Accessed: 06.10.2017).
61. Oblastnaya gazeta. (2017) *Delegatsiya Sverdlovskoy oblasti primet uchastie v IV Rossiysko-Kitayskom EKSP0* [The delegation of Sverdlovsk Oblast will participate in the IV Russia-China EXPO]. [Online] Available from: <https://www.oblgazeta.ru/pressreleases/18464/>. (Accessed: 15.10.2017).
62. Kommersant-Ural. (2017) *Proizvoditel' palochek dlya morozhenogo otkroet proizvodstvo v TOR "Krasnotur'insk"* [The manufacturer of ice cream sticks will open production in the Krasnoturinsk priority development area]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3385971>. (Accessed: 15.10.2017).
63. Biznes Kamchatki. (2017) *Kholostoy vystrel po EKSP0-2017* [A blank shot at EXPO-2017]. [Online] Available from: http://kambusiness.ru/novosti_biznes_kamchatki/21086-holostoy-vystrel-po-ekspo-2017.html. (Accessed: 15.10.2017).
64. Bashinform. (2017) *Delegatsiya Bashkirii uchastvuet v IV rossiysko-kitayskom forum "EKSP0-2017"* [The delegation of Bashkiria participates in the IV Russian-Chinese forum EXPO-2017]. [Online] Available from: <http://www.bashinform.ru/news/1011783-delegatsiya-bashkirii-uchastvuet-v-iv-rossiysko-kitayskom-forume-ekspo-2017/>. (Accessed: 15.10.2017).
65. Chelyabinsk segodnya. (2012) *Teplitsy v Churilovo moderniziruyutsya* [The greenhouses in Churilovo are being modernized]. [Online] Available from: https://cheltoday.ru/articles/obshchestvo/teplitsy_v_churilovo_moderniziruyutsya-7036/. (Accessed: 20.10.2017).
66. Zvezda TV Channel. (2017) *300 kitaysev vzyali shturmom parom na Baykale i napali na ekipazh* [300 Chinese stormed a ferry on the Baikal and attacked the crew]. [Online] Available from: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201709011048-91by.htm. (Accessed: 2.09.2017).
67. Lenta.ru. (2017) *Kitayskie turisty napali na finskikh gidov iz-za severnogo siyaniya* [Chinese tourists attacked Finnish guides because of the northern lights]. [Online] Available from: https://m.lenta.ru/news/2017/02/09/tourists_finland/. (Accessed: 28.07.2017).
68. People's Daily. (2017) *The first flight of C919, a historic breakthrough and the fulfillment of the 100-year-long Chinese "dream of large aircrafts"*. [Online] Available from: <http://military.people.com.cn/n1/2017/0613/c1011-29335350.html>. (Accessed: 13.10.2017). (In Chinese).
69. People's Daily. (2017) *There are already 600 orders for C919*. [Online] Available from: <http://finance.people.com.cn/n1/2017/0614/c1004-29337731.html>. (Accessed: 13.10.2017). (In Chinese).
70. Novosti Vladivostoka. (2017) *API prizvalo biznes-sferu KNR k proizvodstvu tovarov na Dal'nem Vostoke* [API urged China's business sphere to produce goods in the Far East]. [Online] Available from: <https://novosti1.ru/msg/23977.htm>. (Accessed: 15.10.2017).
71. The site of the Ministry for the Development of the Far East of Russia. (2017) *Kompaniya iz KNR gotova investirovat' v stroitel'stvo portovoy infrastruktury v Primor'e* [A company from China is ready to invest in the construction of port infrastructure in Primorye]. [Online] Available from: https://minvr.ru/press-center/news/6482/?sphrase_id=163698. (Accessed: 20.10.2017).
72. TASS. (2017) *Rossiya mozhet zaklyuchit' na EKSP0 v Kharbine soglasheniya na \$1 mlrd* [Russia can conclude an agreement for \$ 1 billion at the EXPO in Harbin]. [Online] Available from: <http://tass.ru/ekonomika/4196608>. (Accessed: 15.10.2017).
73. The site of Tomsk State University. (2017) *Istoriki TGU sozdadut novuyu model' razvitiya Severnoy Azii* [TSU historians will create a new model for the development of North Asia]. [Online] Available from: <http://www.tsu.ru/news/istoriki-tgu-razrabotayut-novuyu-model-razvitiya-s/>. (Accessed: 31.01.2017).
74. Zinov'ev, V.P. (2017) Siberia in contemporary Russia: historical traditions and perspectives of modernization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 46. pp. 81–84. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/46/10
75. Aleksandrova, M.V. (2012) Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya provintsii Tszilin' s Rossiei i plan Chantszitu [Trade and economic relations of Jilin Province with Russia and the Changjit plan]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. 17. pp. 294–321. (In Russian). DOI: 10.24411/9785-0324-2012-00008
76. Zuenko, I.Yu. (2016) Realizatsiya politiki Tsentra v kitayskikh regionakh: nekotorye aspekty problemy (v kontekste stroitel'stva Novogo Shelkovogo puti) [Implementation of the Center's policy in the Chinese regions: some aspects of the problem (in the context of the construction of the New Silk Road)]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2. pp. 4–12.
77. Meng Fanhong. (2016) [On the prospect of cooperation between China and Russia within the framework of the SREB concept]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: history and prospects for cooperation]. Proceedings of the international conference. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 621–624. (In Russian).
78. People's Daily. (2014) *Kitaysko-Rossiyskoe EKSP0: kogda zarabotat transportnaya arteriya Khabarovsk – Kharbin?* [China-Russia EXPO: when will the transport artery Khabarovsk–Harbin work?]. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0704/c31518-8750905.html>. (Accessed: 15.10.2016).
79. People's Daily. (2014) *Kitaysko-rossiyskie otnosheniya stali pozitivnym faktorom obespecheniya regional'nogo mira i stabil'nosti – eksperty* [China-Russia relations have become a positive factor for ensuring regional peace and stability, according to experts]. [Online] Available from: <http://russian.people.com.cn/n/2014/0630/c31521-8748609.html>. (Accessed: 15.10.2016).
80. Aleksandrova, M.V. (2009) Chetvert' veka torgovo-ekonomicheskogo sotrudnichestva RF i KNR (na primere provintsii Kheyluntszyan) [25 years of trade and economic cooperation between Russia and China (on the example of Heilongjiang Province)]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 6. pp. 56–72.
81. Xinhua. (2014) *China-Russia EXPO: Effective Development of China-Russia Cooperation*. [Online] Available from: http://news.xinhuanet.com/expo/2014-06/24/c_126662699.htm. (Accessed: 21.10.2016). (In Chinese).
82. Xinhua. (2015) *China-Russia EXPO introduces the concept of "web-exhibition"*. [Online] Available from: http://news.xinhuanet.com/local/2015-09/16/c_128233358.htm. (Accessed: 21.10.2016). (In Chinese).
83. Qufair.com. (2016) Machine-tool construction and metal-working industry at the exhibition in Yekaterinburg (Russia). [Online] Available from: <http://www.qufair.com/convention/3150.shtml>. (Accessed: 21.10.2016). (In Chinese).
84. State Council of the People's Republic of China. (2015) *The Second China-Russia EXPO*. [Online] Available from: http://www.gov.cn/xinwen/2015-10/12/content_2945516.htm. (Accessed: 15.10.2016). (In Chinese).
85. China Daily. (2014) *Harbin is ready to start the First Russia-China EXPO*. [Online] Available from: http://www.chinadaily.com.cn/dfp/hlj/bwzg/2014-06/20/content_17604462.htm. (Accessed: 21.10.2016). (In Chinese).
86. Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch, Russian Academy of Sciences. (2016) *Mezhdunarodnaya konferentsiya "Potentsial integratsionnykh protsessov v Severo-Vostochnoy Azii: problemy i perspektivy transgranichnogo sotrudnichestva"* [International Conference "The Potential of Integration Processes in Northeast Asia: Problems and Prospects of Cross-Border Cooperation"]. [Online] Available from: <http://ihaefe.org/news/4268>. (Accessed: 15.10.2016).

Received: 28 November 2017

О.И. Пасицка

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЯРМАРКА «ВОСТОЧНЫЕ ТОРГИ» ВО ЛЬВОВЕ (20–30-е гг. XX в.) : МИРОВОЙ ОПЫТ И МЕСТНЫЕ РЕАЛИИ

Рассматривается международная ярмарка «Восточные торги» во Львове как отдельное социально-экономическое явление в контексте выставочно-ярмарочной деятельности и мирового экономического развития. Охарактеризованы «Восточные торги» как выставка экспонатов и политическая демонстрация. Акцентируется внимание на отношении местного населения Львова, мирового сообщества к организации и проведению международной ярмарки как ежегодной государственной манифестации.

Ключевые слова: «Восточные торги»; выставочное мероприятие; Львов; международная ярмарка; внешняя торговля.

В 20-х гг. XX в. в мировом экономическом пространстве прослеживалось развитие экономики и фабрично-заводской промышленности, торговли, расширялась сеть финансовых институтов. Происходила концентрация производства путем создания монопольных объединений, усиливалась конкуренция товаропроизводителей на локальном и международном уровнях. В разных отраслях экономики важным средством укрепления позиции на рынке была выставочно-ярмарочная деятельность. Самыми популярными выставочными мероприятиями были ярмарки (торги). Они выполняли три важные функции: во-первых, удовлетворяли потребности предприятий в представлении продукции; во-вторых, способствовали укреплению позиций в условиях рыночной конкуренции; в-третьих, были способом ознакомления широких слоев населения с новыми товарами и услугами. Но основная цель международных ярмарок – сбыт продукции на местном и зарубежных рынках путем заключения договоров.

В первой трети XX в. ярмарки организовывали во многих странах мира. В апреле 1929 г., например, состоялись международные торги во Франкфурте-на-Майне, где были представлены товары из Австрии, Италии, Бельгии, Нидерландов, Венгрии, Югославии и других стран [1. С. 9]. В мае 1929 г. состоялась международная ярмарка в Будапеште – важном экономическом, политическом и культурном центре Венгрии. Участниками будапештской ярмарки были предприниматели из Восточной и Западной Европы. В 1930 г. состоялся ряд выставочных мероприятий, в частности в Барселоне (Испания) – международная промышленная выставка; в Стокгольме (Швеция) – ремесленная выставка; в Брно (Чехия) – выставка торговли и промысла; Эссене (Германия) – сельскохозяйственная выставка; в Лейпциге (Германия) – международная выставка меха, в которой участвовали США, Великобритания, Франция, Швеция, Норвегия, Голландия, Италия, Венгрия, Австрия, Дания [2. С. 13]. В октябре 1930 г. в Райхенберге (Германия) состоялась юбилейная выставка и торги, посвященные 10-летию юбилею торгов в Райхенберге [3. С. 13]. Обычно международные ярмарки сопровождались разнообразными развлекательными мероприятиями, театральными представлениями, музыкальными, спортивными, торговыми и промышленными конгрессами и служили толчком к развитию туризма.

В первые послевоенные годы Польша, в состав которой входила часть этнических украинских земель, взяла курс на восстановление экономики. В 1921 г. во Львове, который оставался хозяйственной столицей галицких земель, впервые проведена общепольская выставка-ярмарка «Восточные торги». Львов избрали не случайно, поскольку Галичина граничила с Чехословакией, Румынией, УССР. Международные ярмарки во Львове проходили ежегодно и были вторыми по масштабам после «Западных торгов» в Познани (Польша). «Восточные торги» организовывали на государственном уровне с целью налаживания торговых связей со странами Центральной и Восточной Европы. Как правило, в их открытии участвовали польские министры, представители экономических учреждений, а также заграничные делегаты из США, Великобритании, Бельгии, Дании, Эстонии, Франции, Югославии, Германии, Румынии, Венгрии.

Наиболее заинтересованными в проведении «Восточных торгов» во Львове были предприниматели и руководство Польского государства, которое планировало экономическое развитие. Для польских чиновников международные ярмарки «Восточные торги» были одним из важных факторов хозяйственной политики Польши, которая должна была исполнять роль торгового посредника между Западной и Восточной Европой, пропагандировать польскую экономику (промышленность, сельское хозяйство), сформировать единую хозяйственную систему [4. С. 5].

Во львовских «Восточных торгах» принимали участие большинство европейских государств, что содействовало развитию внешней экономики. В ярмарке участвовали 1 852 фирмы, из них 244 – заграничные (13,2%) [Ibid. С. 38]. Доминировали австрийские и французские фирмы. В 1925 г. в международной ярмарке во Львове участвовало свыше 1 500 предприятий, среди них 350 – зарубежные. Ярмарку посетило около 120 тыс. человек. На первых торгах выделялись товары металлургической промышленности, в том числе сельскохозяйственная техника. Широко была представлена легкая, пищевая, деревообрабатывающая, электротехническая, химическая промышленность. В 1929–1933 гг. в связи с экономическим кризисом количество заграничных предприятий уменьшилось. В юбилейной 10-й ярмарке свои стенды подготовили 1 483 фирмы, из них свыше 300 (20,29%) – из-за рубежа, которые представляли 19 стран. В час-

ности 1 016 фирм представляли промышленность и торговлю.

Впервые участвовали в выставке фирмы из Чили и Португалии. Больше всего фирм было из Венгрии, Австрии, Германии, Румынии [5. С. 2–4]. В 1933 г. лишь 650 фирм участвовали в ярмарке, из них 113 заграничных, а количество посетителей уменьшилась до 90 тыс. В послекризисный период прослеживалось оживление на международных торгах во Львове. В XVII «Восточных торгах» 1937 г. участвовало 1 158 фирм, в частности 254 заграничных [6. С. 50].

Большой популярностью на львовских торгах пользовались импортные товары, а именно: автомобили из Австрии, Франции, Германии; телефоны, галантерейные изделия, медицинская техника, оптические приборы из Австрии и Германии; ликеры и вина из Франции, Венгрии; часы из Чехословакии. С каждым годом количество румынских и венгерских товаров увеличивалось. В основном это была сельскохозяйственная продукция, табак, вино. Из Турции, Египта привозили ковры; из Португалии рыбные консервы; из Бельгии, Швейцарии, Швеции, США – бытовую технику и другие товары. На X «Восточных торгах» лучше всего была представлена пищевая (206 фирм), легкая (128 фирм) и металлургическая промышленность (125 фирм). Купцы из УССР заказывали ткани, сельскохозяйственную технику, канцелярские приборы. Западноевропейские покупатели скупали ковры, мех, дерево (сырье), стекло, электротехнические изделия [5. С. 14].

Общественность по-разному оценивала организацию, проведение, перспективы и результаты международных ярмарок во Львове. Польская и мировая пресса в основном положительно отзывалась о проведении выставочного мероприятия: «„Восточные торги“ во Львове могут иметь такое же значение, как имели ярмарки в Нижнем Новгороде. Географическое положение Львова и его традиции как выдающегося центра на старом торговом пути дает большую пользу» («Suisse». Женева 1922 г.) [4. С. 58]. Корреспондент популярного французского издания писал о вторых львовских торгах: «Их успех значителен, в сравнении с предыдущим годом» («L'information Financière», Париж, 1922) [Ibid. С. 50]. Генеральный консул Австрии Евгениуш Вурциан отмечал, что австрийское купечество надеется на «Восточных торгах» наладить отношения не только с польскими, но также с русскими, украинскими и румынскими покупателями, а значение Торгов заключается в том, что они являются связующим звеном торговли центрально-европейской с Востоком [Ibid. С. 65]. Зато местная украинская пресса критически отзывалась о международной ярмарке, отмечая, что с каждым годом уменьшалось количество участников и росли налоги [7–9; 10. С. 52].

«Восточные торги» во Львове имели и определенные негативные моменты. Местное население жаловалось на падение стоимости польской марки (впоследствии – злотого) и повышение цен на товары первой необходимости, на ярмарке было много иностранных товаров (25%). Для примера, на чешских международных торгах заграничных товаров было не больше 4%, что влияло на увеличение спроса на чешский товар и повышение стоимости кроны [11. С. 5].

Кроме экономических, были и общественно-политические причины, предопределенные локальными историческими особенностями. Галицкие украинцы-предприниматели и купцы почти не были задействованы в «Восточных торгах». Украинцы Галичины считали международную ярмарку политической акцией, которую организовывали во Львове с целью показать, что Восточная Галичина и Львов являются частью Польши [12. С. 7]. Подтверждение этому – многочисленные заявления руководящих органов Польши и само оформление выставочных мероприятий. В частности, на первом павильоне «Восточных торгов» была надпись: «*Laborem nostrum patriae*» (Наш труд Отчеству) [13. С. 14]. В печатных польских изданиях Торгово-промышленной палаты часто публиковали статьи под заглавием «Нет Польши и Львова без Восточных Торгов». Известный польский общественно-политический деятель и критик Адольф Новачинский в издании, посвященном V «Восточным торгам», трактовал международную ярмарку во Львове так: «Еще раз должны осознать, что львовские торги – это не только коммерция, это не только выставка экспонатов, это не только экзамен зрелости по „польской экономике“, это не только павильоны и базар! Это не только наследство традиционных давних славных „киевских контактов“, потому что это не только такие торги, как в Леоне, Стокгольме, Праге, Липске, Крулевце (Кенигсберге), нет, это не только ярмарка с развлекательными мероприятиями и коммерция, но это также „политика“, важное и серьезное заявление: «здесь стоим и здесь стоять будем», „поэтому я работаю“, „создаю и произвожу, поэтому заслуживаю на уважение, на веру, на кредит“» [13. С. 22]. Вице-министр Министерства иностранных дел Генрик Страсбургер также неоднократно делал акцент на том, что львовские торги имели не только хозяйственное, но и политическое значение [4. С. 6]. Таким способом поляки манифестировали перед украинцами и иностранцами тесную связь Львова с Польшей.

Международную ярмарку «Восточные торги» организовывали во Львове до 1939 г. Благодаря львовским торгам оживились внешнеэкономические связи Польши со странами Центральной и Восточной Европы, особенно с Болгарией, Румынией, Венгрией. Однако общественно-политические события препятствовали активизации роли Львова в мировой торговле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Франкфуртські торги 14–17 квітня 1929 р. // Український купець. 1929. Квітень. С. 9.
2. Виставки // Український купець. 1929. Травень. С. 13.
3. Ювілейна виставка в Райхенбергу // Український купець. 1929. Травень. С. 13.
4. Targi Wschodnie: rozwój i perspektywę. Lwow : Nakładem Targów Wschodnich, 1921. 67 s.
5. X jubileuszowe Targi Wschodnie: struktura i przebieg. Lwow : Nakładem Targów Wschodnich, 1923. 27 s.

6. Історія Львова. У трьох томах / редкол.: Я. Ісаєвич, М. Литвин, Ф. Стеблій. Львів : Центр Європи, 2007. Т. 3. 575 с.
7. X. jubileuszowe międzynarodowe Targi Wschodnie we Lwowie: oficjalny przewodnik i spis wystawców. Lwów, 1930. 68 s.
8. Przewodnik po drugich «Targach Wschodnich» we Lwowie od 5. XI do 15. XI. 1922: Spis wystawców. Warszawa, 1922. 70 s.
9. Безсмертний А. «Східні торги» у Польщі 1920-ті–1930-ті рр. XX ст. // Історична панорама. 2014. Вип. 19. С. 55–68.
10. Ілюстрований господарський календар на 1930 р. Львів, 1929. С. 52.
11. Правда про «Таргі всходне» // Слово. 1922. 1 жовтня. С. 5.
12. Д. П. Східні торги у Львові // Новий час. 1926. 7 вересня. С. 7.
13. Targi Wschodnie we Lwowie w świetle polityki gospodarczej Polski. Lwów : Słowo Polskie, 1925. 48 s.

Стаття представлена науочною редакцією «Історія» 12 марта 2017 г.

INTERNATIONAL FAIR 'EASTERN TRADES' IN LVIV (1920S–1930S): WORLD EXPERIENCE AND LOCAL REALITIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 107–109.

DOI: 10.17223/15617793/430/14

Oksana I. Pasitska, Institute of Ukrainian Studies named after I. Kryp'yakevych of National Academy of Sciences of Ukraine (Lviv, Ukraine). E-mail: pasitska@ukr.net

Keywords: 'Eastern Trades'; exhibition; Lviv; international fair; foreign trade.

For many world-leading countries, international fairs were important forms of economic policy in the 1920s–1930s. They were organised to improve foreign trade relations. Selected organisational aspects of the 'Eastern Trades' in Lviv are covered in various publications regarding the history of Lviv, most notably in the research carried out by the historian A. Bezsmertnyi. However, Lviv trades were not studied as a separate social and economic phenomenon, from the point of view of the world experience and local peculiarities, which forms the main sphere of the research of this article. The aim of this research is to present the international fair 'Eastern Trades' in Lviv in the 1920s–1930s as a socio-economic phenomenon in the context of the world economic development, of exhibitions and fairs held in Poland. The following controversial issues are discussed: what the purpose of organising international fairs in Lviv was, who was particularly interested in holding such events, which countries participated in them, how the local citizens and the world community reacted to the organisation and conduct of Lviv trades, why they did not have a dramatic influence on the role of Lviv in the world market. Materials used for writing the article are collected from the Galician press of the interwar period of the twentieth century, which presents the main aspects of the organisation, conduct and results of 'Eastern Trades' as well as the attitude of the local people to the given event. In addition, a number of specialised publications of the Chamber of Commerce and Industry in Lviv were used, where statistical materials were published, as well as the memoirs of the bidders. International fairs 'Eastern Trades' in Lviv, which were held at the country level between 1921 and 1939, were the second largest trading events, with the first place occupied by Poznań trades in Poland. Lviv trades were reminiscent of the world exhibitions, but they had their local peculiarities. These were not only economic exhibitions, but also political demonstrations. Exhibitions and fairs were attended by representatives of foreign firms from more than 20 countries, among them Hungary, Romania, Austria, Germany and France. 'Eastern Trades' revived Polish foreign trade relations with the countries of Central and Eastern Europe. However, due to the difficult social and political situation, they could not dramatically increase the participation of the local Ukrainian entrepreneurs and strengthen the role of Lviv in the international trade.

REFERENCES

1. Ukraïns'kiy kupets'. (1929) Frankfurts'ki torgi 14–17 kvitnya 1929 r. [Frankfurt trades, April 14–17, 1929]. *Ukraïns'kiy kupets'*. April. pp. 9.
2. Ukraïns'kiy kupets'. (1929) Vistavki [Exhibitions]. *Ukraïns'kiy kupets'*. May. pp. 13.
3. Ukraïns'kiy kupets'. (1929) Yuvileyna vistavka v Raykhenberru [Jubilee exhibition in Reichenburg]. *Ukraïns'kiy kupets'*. May. pp. 13.
4. Anon. (1921) *Targi Wschodnie: rozwoj i perspektywy* [Eastern Trades: development and perspectives]. Lviv: Nakładem Targów Wschodnich.
5. Anon. (1923) *Kh. jubileuszowe Targi Wschodnie: struktura i przebieg* [X Jubilee of Eastern Trades: structure and mileage]. Lviv: Nakładem Targów Wschodnich.
6. Isaevich, Ya, Litvin, M. & Stebliy, F. (eds) (2007) *Istoriya L'vova. U tr'okh tomakh* [History of Lviv. In three volumes]. Vol. 3. L'viv: Tsentr Evropi.
7. Anon. (1930) *Kh. jubileuszowe międzynarodowe Targi Wschodnie we Lwowie: oficjalny przewodnik i spis wystawców* [X Jubilee of the international Eastern Trades in Lviv: an official guide and list of exhibitors]. Lviv: [s.n.].
8. Anon. (1922) *Przewodnik po drugich "Targach Wschodnich" we Lwowie od 5. XI do 15. XI. 1922: Spis wystawców* [Guide to the second "Eastern Trades" in Lviv from 5th to 15th March, 1922: List of exhibitors]. Warsaw: [s.n.].
9. Bezsmertniy, A. (2014) "Skhidni torgi" u Pol'shchi 1920-ti–1930-ti rr. XX st. ["Eastern Procurement" in Poland in the 1920s–1930s]. *Istorična panorama*. 19. pp. 55–68.
10. Anon. (1929) *Ilyustrovaniy gospodars'kiy kalendar na 1930 r.* [Illustrated economic calendar for 1930]. Lviv: [s.n.]. pp. 52.
11. Slovo. (1922) *Pravda pro "Tarri vskhodne"* [The truth about "Eastern Trades"]. *Slovo*. 1 October. pp. 5.
12. D.P. (1926) *Skhidni torgi u L'vovi* [Eastern Trades in Lviv]. *Noviy chas*. 7 September. pp. 7.
13. Anon. (1925) *Targi Wschodnie we Lwowie w świetle polityki gospodarczej Polski* [The 13th Eastern Trades in Lviv in the light of Poland's economic policy]. Lviv: Słowo Polskie.

Received: 12 March 2017

ПРОКУРОРСКИЕ ОРГАНЫ ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В ПОСТСТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД (1953–1960 гг.)

Рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью прокурорских органов Хакасии в период между смертью И.В. Сталина и прекращением действия Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Сотрудникам прокуратур приходилось работать в новых политических условиях, основываясь на старом законодательстве. Прокурорские органы Хакасии в исследуемый период испытывали серьезные трудности с кадровым составом, при растущей численности населения области число прокурорских работников оставалось неизменным, поэтому возрастала нагрузка на имевшихся сотрудников.

Ключевые слова: Хакасская автономная область; прокурорские органы; постсталинский период; правопорядок.

После смерти И.В. Сталина 5 марта 1953 г. в стране начались реформы, в ходе которых прокурорским органам отводилась заметная роль.

Деятельности органов прокуратуры в период хрущёвской «оттепели» уделено внимание в учебном пособии под редакцией А.Г. Звягинцева [1]. Также перу А.Г. Звягинцева принадлежит книга о генеральном прокуроре СССР исследуемого периода Р.А. Руденко [2]. Жизнеописанию высокопоставленных прокурорских работников посвящен труд А.Г. Звягинцева и Ю.Г. Орлова [3]. Непосредственно история территориальных органов прокуратуры исследуется в диссертации М.В. Кирычева [4]. Функционирование прокурорских органов в Тувинской автономной области показано в работе З.Ю. Доржу и И.Д. Шмидта [5].

В данной статье речь пойдет о деятельности, структуре и кадровом составе прокурорских органов Хакасской автономной области с 1953 г. – даты смерти И.В. Сталина, до 1960 г., последнего года действия Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.

По мнению М.В. Кирычева, «сталинский период оставил тяжелое наследие системе прокурорского надзора СССР. Имея статус высшего надзорного органа, советская прокуратура вплоть до 1953 г. не имела возможности полностью выполнять возлагавшихся на нее задач по охране законности» [4. С. 12].

При всей спорности этого утверждения было ясно, что прокурорские органы нуждались в изменениях. Проведением таких реорганизаций занялся Р.А. Руденко, назначенный в июне 1953 г. Генеральным прокурором СССР. В своем приказе от 19 июня 1954 г. Роман Андреевич потребовал от прокурорских работников правильно и своевременно разрешать первичные материалы и сообщения о совершавшихся преступлениях [2. С. 163]. Приказ Р.А. Руденко от 4 августа 1955 г. усилил прокурорский надзор за соблюдением законности при задержании, аресте и привлечении к уголовной ответственности граждан. А приказ Генерального прокурора от 1 августа 1956 г. передавал надзор за следственными делами о государственных преступлениях, совершавшихся гражданскими лицами, от военных прокуратур прокуратурам областей, краёв, союзных и автономных республик [3. С. 83].

24 мая 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено Положение о прокурорском надзоре в СССР. Статья 1 этого нормативного правового акта подтверждала положение ст. 113

Конституции СССР, возлагавшей надзор за точным исполнением законов всеми министерствами и ведомственными им учреждениями, должностными лицами и гражданами СССР на Генерального прокурора СССР. Высший надзор имел целью укрепление в стране «социалистической законности» [7. С. 141].

Таким образом, взятый руководством страны курс на восстановление «социалистической законности» предусматривал в числе прочего увеличение роли прокуратуры в процессе поддержания законности. Это выразилось в активности прокурорских органов, возросшей в исследуемый период.

Так, по общенадзорной работе в 1953 г. прокурорскими органами Хакасской автономной области было проведено 754 проверки исполнения различных законов, в 1954 г. было проведено уже 867 таких проверок. По их результатам прокурорские работники в 1953 г. вынесли 203 протеста, в 1954 г. – 429, и внесли представлений 209 и 258 соответственно. По представлениям прокуроров в 1953 г. было привлечено к дисциплинарной ответственности 222 человека, в 1954 г. – 377. Таким образом, увеличилось не только количество проверок нарушения законов, но и эффективность таковых, в 1953 г. 79,6% проверок принесли результат, в 1954 г. – 94% [6. Л. 9].

Одним из наиболее распространенных видов правонарушений в исследуемый период было нарушение Устава сельскохозяйственной артели в колхозах. Жесткие рамки, в которые были поставлены коллективные хозяйства, заставляли их руководителей и членов нарушать законодательство. Масштаб таких отклонений от закона вынудил Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) принять 19 сентября 1946 г. Постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» [8. С. 173]. В Постановлении были отмечены «неправильное расходование трудодней, расхищение общественных земель колхозов, растаскивание колхозной собственности» [Там же]. Положения данного законодательного акта оставались актуальными до середины 1950-х гг., и сотрудники прокурорских органов области периодически проводили проверку их соблюдения. В 1953 г. в Хакасии были произведены 142 проверки в колхозах, в ходе 112 были выявлены нарушения, в 1954 г. таких проверок было уже 247, в процессе 223 обнаружили нарушения закона. В 1953 г. прокуратуры принесли 69 протестов и внесли 74 представления по делам о нарушении Уставов

сельхозартелей, в 1954 г. было 86 протестов и 67 представлений. По эти же делам в 1953 г. было привлечено к ответственности 89 человек, в 1954 г. – 136 [6. Л. 11].

Небрежное отношение к колхозной собственности с 1930-х гг. рассматривалось как уголовное преступление. Такое же отношение сохранялось и в 1950-е гг., поэтому проверки соблюдения устава сельхозартелей нередко заканчивались возбуждением уголовных дел. Колхозы являлись основой сельскохозяйственного производства в стране, и сохранение их производственной базы было одним из приоритетных направлений во внутренней политике Советского Союза.

Для проверки исполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» прокуратура ХАО в 1953 г. провела 167 проверок, а в 1954 г. – 172. Из них проверок, в ходе которых были выявлены нарушения закона в 1953 г., было 141, в 1954 г. – 162. В 1953 г. по названному Указу областной прокуратурой было принесено 8 протестов, в 1954 г. – 162, было внесено представлений 22 и 49 соответственно [Там же. Л. 16]. Прокурорские работники проявляли активность в духе нового времени в защите положений сталинского законодательного акта. Данный Указ действовал до 19 декабря 1960 г. и утратил силу в связи с вступлением в действие нового Уголовного кодекса РСФСР. До этого же времени прокурорским органам приходилось в точности исполнять и следить за тем, чтобы и другие исполняли репрессивные акты ушедшего времени.

Защищая права трудящихся, хакасские органы прокуратуры в 1953 г. произвели 137 проверок исполнения законов о труде, трудовой дисциплине и технике безопасности, в ходе 129 проверок были выявлены различные нарушения, в 1954 г. была 171 проверка, 168 выявили нарушения. Прокурорские работники в 1953 г. принесли 67 протестов и внесли 20 представлений, в 1954 г. – соответственно 193 и 53. За нарушение трудового законодательства в 1953 г. было привлечено к ответственности 4 человека, в 1954 г. – 22. Наиболее распространенным видом нарушения законов о труде было несоблюдение режима рабочего дня. Оно было выявлено в 1953–1954 гг. в таких организациях, как «Нефтеразведка», «Хакасзолото», «Хакасуголь» и «Хакаслес» [Там же. Л. 18]. Перечисленные тресты составляли основу экономики области, им было сложно выполнять государственные задания без нарушения режима рабочего дня. Такие отклонения от закона пресекались прокурорскими работниками, и руководителям производственных организаций приходилось искать законные пути для выполнения планов.

Нарушения устава сельхозартелей продолжали оставаться одним из наиболее распространенных видов правонарушений. В 1956 г. наибольшее количество таких деяний было зарегистрировано в Усть-Абаканском, Аскизском и Алтайском районах. По представлению областной прокуратуры эти вопросы были рассмотрены на заседании бюро обкома, которое обязало райкомы и райисполкомы исправить до-

пущенные ошибки. Главными нарушителями законов о труде в 1956 г. были МТС и совхозы. Там имели место незаконные удержания из заработной платы, нарушения законов о труде женщин и подростков, несоблюдение техники безопасности. У прокурорских органов имелись претензии и к районным финансовым отделам, которые нарушали закон при обложении граждан налогами и обязательными поставками сельхозпродуктов. Всего в 1956 г. органы прокуратуры опротестовали 445 незаконных правовых актов и внесли 195 представлений [9. Л. 30–32].

Меры, предпринятые прокурорскими органами в 1953–1954 гг. в отношении промышленных трестов дали определенный результат, однако нарушения трудового законодательства росли в других организациях, и прокурорским работникам пришлось перенести свое внимание туда. Устав сельскохозяйственной артели по-прежнему оставался сдерживающим фактором в развитии колхозов, о чем свидетельствовало большое количество его нарушений. Незаконное обложение граждан налогами являло собой пример некомпетентности сотрудников финансовых отделов.

Одной из самых важных функций прокурорских органов была защита прав и законных интересов граждан. В 1954 г. в органы прокуратуры Хакасии поступило 7 476 жалоб, из них в городские и районные прокуратуры – 1 224, остальные – в областную прокуратуру. Это было на 365 жалоб больше, чем за 1953 г. Люди шли жаловаться в прокуратуры, прежде всего на исполнение судебных решений по делам о взыскании алиментов и по трудовым правоотношениям.

За первые 10 месяцев 1957 г. в городские и районные прокуратуры области поступило 7 773 жалобы и заявления граждан, за тот же период 1958 г. – 6 607, из которых периферийные органы прокуратуры сами разрешили 75% жалоб, 25% направили в другие ведомства. Прокуроры удовлетворяли около 20% полученных жалоб. За первые 10 месяцев 1958 г. прокурорам поступило 506 жалоб на решения судов, из них было удовлетворено 6% [10. Л. 91–92]. Иной раз прокурорские органы оставались последней надеждой для граждан, которые не нашли справедливости в партийных органах, органах государственной власти, в судах.

В первые послесталинские годы актуальным был вопрос следственной работы прокурорских органов. В 1953 г. правоохранительные органы области расследовали 2 132 дела, из них 51,4% – прокуратуры. В 1954 г. было расследовано 2 132 дела, из них прокуратурами – 56,1% [6. Л. 23]. Роль прокуратуры как следственного органа возросла в 1954 г. в связи с падением всесильного главы МВД Л.П. Берии. Некогда подчиненное ему ведомство потеряло былое значение.

Растраты и хищения наносили огромный урон народному хозяйству СССР, поэтому расследованию этих преступлений в прокурорских органах уделялось особое внимание. В 1954 г. следователи прокуратур Хакасии окончили расследование 254 таких уголовных дел, из которых направили в суд 237 против 236 в 1953 г. К уголовной ответственности в 1954 г. было привлечено 355 расхитителей государственного и общественного имущества против 375 в 1953 г. Из при-

влеченных к уголовной ответственности за расхищение государственного и общественного имущества в 1954 г. 63 человека работали в государственной торговле, 58 – в потребительской кооперации, 18 – в промысловой кооперации, 104 – в колхозах, 72 – на промышленных предприятиях, 40 – в других организациях. Расхитители в 1954 г. нанесли материальный ущерб государственным и общественным организациям области на сумму 1 263 074 руб., в возмещение которого было описано имущества и изъято ценностей на 491 958 руб. [6. Л. 27].

Количество таких преступлений с годами росло. В 1956 г. в области было установлено 197 случаев растрат и хищений на сумму 891 800 руб., в 1957 г. таких случаев было 207, а государство потеряло 1 007 000 руб. В 1957 г. органы прокуратуры ХАО привлекли за растраты и хищения 81 сотрудника государственной торговли и потребительской кооперации, 52 работников совхозов, 24 членов колхозов и других лиц [11. Л. 11]. Хищения социалистической собственности имели место и на промышленных предприятиях, где частыми были случаи краж горюче-смазочных материалов. В 1957 г. областная прокуратура занималась расследованием по фактам хищения таковых из Абаканской нефтебазы, Хакасской автомобильной роты, Абаканской и Черногорской автотранспортной контор [12. Л. 9].

Большинство хищений совершалось в сфере торговли, работники которой имели доступ к денежным средствам и материальным ценностям. Дефицит товаров делал этот вид преступлений чрезвычайно выгодным, поскольку позволял расхитителям значительно

обогащаться, реализовывая краденое на черном рынке. Нехватка продуктов питания, бензина, машинного масла провоцировала хищения в сельском хозяйстве и промышленности.

Различные виды преступлений, с которыми приходилось бороться работникам прокуратуры, имели тенденцию и к росту, и к сокращению. Так, в 1953 г. в области было совершено 208 краж личной собственности, в 1954 г. – 140. Количество хулиганских проявлений сократилось с 411 в 1953 г. до 342 в 1954 г. Умышленных убийств в 1953 г. было 38, в 1954 г. – 42 [6. Л. 34].

Работая с населением, милиции и прокурорским органам удалось сократить число хулиганских проявлений и краж. Однако с 1953 по 1954 г. выросло количество преступлений против личности. Объяснялось это распространением употребления спиртных напитков, выходом на свободу большого количества бывших заключённых по Указу Президиума Верховного Совета СССР об амнистии от 27 марта 1953 г., общей атмосферой свободы, иногда переходящей во вседозволенность, возникшей после прекращения массовых репрессий.

Кроме борьбы с разными видами преступлений, работникам прокуратуры приходилось следить за работой милиции. В 1954 г. отделом по надзору за органами милиции областной прокуратуры было внесено 13 представлений в областное и краевое управления МВД о нарушениях служебных обязанностей сотрудниками милиции [Там же. Л. 47].

Одной из претензий к милиции со стороны прокуратуры была низкая раскрываемость преступлений, что видно из таблицы.

Раскрываемость преступлений в Хакасии [6. Л. 47]

Вид преступлений	Зарегистрировано преступлений		Из них раскрыто		Процент раскрываемости		Число преданных суду лиц	
	1954 г.	1953 г.	1954 г.	1953 г.	1954 г.	1953 г.	1954 г.	1953 г.
Разбой	35	59	24	46	68,5	77,9	53	71
Убийства	19	33	31	19	100	93,9	22	42
Кражи	374	560	250	380	66,8	67,8	372	443
Хулиганство	326	413	320	406	98,1	98	445	534

Данные областного управления милиции отличались от подлинного количества преступлений в указанный период. Это было связано с тем, что значительная часть дел расследовалась прокуратурами и эти дела не находились на учёте в милиции.

Вместе с ростом преступности падала раскрываемость преступлений. Недостаточная квалификация и неопытность сотрудников милиции не позволяли им раскрывать большее количество криминальных деяний, случавшихся в области. Расхождение данных о количестве преступлений не позволяло как милиционерам, так и прокурорским работникам составить целостную картину преступности в Хакасии, что мешало борьбе с ней, приводило к несогласованности в действиях различных ведомств.

Наметившееся в середине 1950-х гг. снижение преступности по РСФСР затронула и Хакасию. Анализируя криминальную обстановку в области в 1956 г., областной прокурор С.П. Адушкин отметил, что уровень преступности в Российской Федерации в 1956 г. по сравнению с 1946 г. снизился на треть, в области за

тот же период количество лиц, преданных суду, упало на 26%. При этом тенденция роста таких видов преступлений как убийства, изнасилования, нанесение тяжких телесных повреждений, злостное хулиганство, хищения социалистической и личной собственности, сохранялась. В 1956 г. число лиц, преданных суду за эти деяния, возросло по сравнению с 1955 г. на 28%. Увеличению количества некоторых видов преступлений, по мнению областного прокурора, способствовали рост числа направляемых в Хакасию осужденных для отбывания ссылки и низкая раскрываемость преступлений. Иной раз сотрудники милиции занижали уровень преступности, не регистрируя криминальные проявления. Так, областное УМВД заявляло, что все совершенные в 1956 г. убийства были раскрыты, а по сведениям Хакасской прокуратуры, два убийства остались не раскрытыми. Проверкой, проведенной сотрудниками прокурорских органов, было установлено, что в Туимском поселковом отделении милиции к началу ноября 1956 г. оставались незарегистрированными 38 различных преступлений, в большинстве

своем – кражи. В Усть-Абаканском районном отделении не было зарегистрировано 12 преступлений, Алтайском – 8, Черногорском городском – 9. В 1956 г. в хирургическое отделение Абаканской городской больницы поступило 37 человек с огнестрельными и ножевыми ранениями, при этом в городском отделе милиции было зарегистрировано лишь 13 эпизодов. Также имели место случаи, когда, раскрыв преступление, сотрудники милиции не затрудняли себя поиском всех виновных [9. Л. 2–5].

Большая загруженность работников отделений МВД, желание показать собственные достижения, скрыв часть преступлений, провоцировали у преступников чувство безнаказанности и в конечном счете приводили к росту криминальной активности.

Характерным примером такого равнодушного отношения милиционеров к своим обязанностям было расследование убийства молодого рабочего Анатолия Бахтина в Черногорске. 22 августа 1956 г. он был избит и ранен ножом на танцплощадке. После инцидента Анатолий жил еще 16 часов и был в сознании, однако сотрудники милиции не сочли нужным допросить молодого человека, поэтому мать погибшего 19 ноября 1956 г. обратилась с жалобой в областную прокуратуру, следователь которой установил личность убийцы [Там же. Л. 8–9].

Прокурорские органы вели следственную работу на более высоком уровне, чем милиция. В 1956 г. суды области вернули прокуратурам на дополнительное расследование 1,3% дел, что было ниже, чем в среднем по РСФСР и по Красноярскому краю, но в ряде случаев качество и полнота следствия, проводимого прокурорскими работниками, оставались неудовлетворительными. В 1956 г. прокурору Аскизского района Черкасову на доследование было возвращено 4 дела, Ширинского района Балакиреву – 3, Алтайского района Жихареву – 2. Областной прокурор был вынужден отметить, что сотрудники прокуратуры Ширинского района не только некачественно проводили расследования, но и безграмотно оформляли следственные документы. В 1957 г. работа данного органа ухудшилась, в первом квартале туда было возвращено 6 дел. Такие серьезные огрехи нельзя было объяснить только чрезмерной загруженностью прокурорских работников Ширинского района, в нем работали 2 следователя, которые в 1956 г. направили в суд 134 дела, за тот же период прокуратура Таштыпского района, в штате которой был один следователь, направила в суд 102 дела, из которых ни одно не было возвращено на доследование [Там же. Л. 11–12].

В конце 1950-х гг. в области сохранялся довольно высокий уровень преступности при достаточно низкой раскрываемости. В 1958 г. сотрудниками прокурорских и милицеских органов было раскрыто 93% совершенных в Хакасии преступлений. При этом нераскрытыми остались 12% грабежей, 17% краж государственной и 11% личной собственности. Не раскрыто было одно убийство. Наименьшая раскрываемость наблюдалась в областном центре, в Абакане она составляла 88%. По мнению С.П. Адушкина, низкая раскрываемость преступлений во вверенной ему области объяснялась «серьезными упущениями в рас-

следовании конкретных дел, а прокуроры не осуществляют должного руководства и надзора за следствием, поэтому часть преступлений остается не раскрытыми, по некоторым установлены не все преступники» [12. Л. 8]. В Абакане, самом большом городе Хакасии и крупном транспортном узле на юге Сибири, раскрывать преступления было сложнее, нежели в сельской местности.

Конец 1950-х гг. был отмечен либерализацией уголовного законодательства. К преступившим закон начали применяться меры наказания, не связанные с тюремным заключением. Важное место в процессе борьбы с преступностью стало отводиться обществу [13. С. 397].

О роли общественности на XXI съезде КПСС в январе 1959 г. сказал Н.С. Хрущев: «Наши общественные организации имеют не меньше возможностей, средств и сил для борьбы с нарушителями социалистического порядка, нежели органы милиции, суда и прокуратуры» [14. С. 104].

Несмотря на то, что после съезда органы правопорядка получили указания на более широкое применение методов убеждения и проведение предупредительных и профилактических мер, отказаться от тотальных репрессий они смогли не сразу. Поэтому Секретариат ЦК КПСС специальным Постановлением обратил внимание на то, что органы прокуратуры, суда и милиции не сделали правильных выводов из указаний руководства партии съезда: «Вместо усиления роли общественности в охране общественного порядка судебно-следственные органы допустили серьезные недостатки в практике привлечения граждан к судебной ответственности за малозначительные преступления» [15. Л. 1–3].

Инерция сталинских времен была столь велика, что даже мнение Первого секретаря ЦК КПСС, высказанное на главном партийном форуме, не явилось для правоохранителей указанием к действию. Для поворота бюрократической машины необходимо было издать не один законодательный акт и постоянно контролировать работу судебно-следственных органов, руководство которых в большинстве составляли старые кадры и поэтому с большим трудом приспосабливалось к новым условиям работы.

За первые 8 месяцев 1960 г. судебные, милицеские и прокурорские органы области передали на поруки трудовым коллективам и общественным организациям 487 человек, совершивших незначительные преступления. По данным, имевшимся у областной прокуратуры, лица, взятые на поруки, не допускали повторных правонарушений, добросовестно работали и хорошо вели себя в быту. Некоторые сотрудники судебных и правоохранительных органов буквально поняли распоряжение сверху о передаче части правонарушителей на перевоспитание и стали навязывать трудовым коллективам и общественным организациям таких нарушителей закона. Областная прокуратура предостерегала от подобной практики, предупреждала, что инициатива должна была исходить от самих коллективов, а не от следственных органов [Там же. 22–23].

Институт передачи на поруки был тем новшеством, с помощью которого Н.С. Хрущев хотел ди-

станцироваться от сталинской эпохи с ее жестким отношением ко всем категориям правонарушителей и завоевать симпатии в обществе. Кроме того, содержание заключенных обходилось государству слишком дорого и уменьшение их количества позволило бы сократить финансирование мест заключения.

По мнению Н.Б. Лебиной, в либерализации уголовного законодательства «не последнюю роль сыграло и целенаправленное изменение общественных представлений о преступлении как социальной аномалии» [13. С. 397]. С подачи Никиты Сергеевича преступники больше не считались окончательно потерянными для общества людьми, для них сохранялась надежда на возвращение к нормальной жизни.

Мягкое отношение к впервые преступившим закон повлияло на уровень преступности в области. За первые 8 месяцев 1960 г. прокурорские органы Хакасии возбудили на 15% меньше уголовных дел, чем за тот же период 1959 г. Снижение произошло за счет преступлений небольшой тяжести: мелких хищений, незлостного хулиганства, некоторых должностных преступлений. За то же время число умышленных убийств выросло на 35%, тяжких телесных повреждений – в 2 раза, изнасилований – на 26%, разбойных нападений – на 42, краж личной собственности граждан – на 26, хищений государственной и общественной собственности – на 7%. Всего опасных преступлений было больше на 23%. Наиболее значительный рост таких деяний был зафиксирован в Абакане, Черногорске и Усть-Абаканском районе [15. Л. 1].

Мониторинг криминальной ситуации в Хакасии, проведенный областной прокуратурой, показал причину этого явления. В 1954–1959 гг. в стране было несколько амнистий, за эти годы было досрочно освобождено почти 960 тыс. заключенных [16. С. 130–131]. Как отметил начальник следственного отдела областной прокуратуры Ерошин, «в конце 1959 г. и в первом полугодии 1960 г. в область прибыло большое количество лиц, освобожденных из мест заключения Комиссиями Верховного Совета Союза ССР. Значительная часть их не пожелала честно трудиться, вновь встала на преступный путь. За этой категорией граждан органами милиции следовало установить наблюдение, принять исчерпывающие меры к предупреждению новых преступлений» [15. Л. 7]. Недовольство работой органов милиции представитель областной прокуратуры выразил риторическим вопросом: «Разве можно признать нормальным, что в течение первого полугодия 1960 г. 22% досрочно освобожденных вновь совершили преступления и привлечены к уголовной ответственности?» [Там же].

Многие отбывшие наказание после освобождения вновь начинали вести преступный образ жизни, и прокурорский работник был возмущен тем, что значительное количество тех, кому государство оказало доверие, досрочно освободив из мест заключения, снова преступили закон. Также его претензии были адресованы милиции, которая не контролировала должным образом поведение потенциально опасных лиц.

Особое место в деятельности прокурорских органов занимала работа по соблюдению законности в

части арестов и обоснованности привлечения к судебной ответственности. Выполняя эти обязанности, прокуроры оказывались между двух огней: с одной стороны, они должны были защищать граждан от необоснованных заключений под стражу, с другой – помогать милиции и сами вести борьбу с преступностью. До 1954 г. прокурорские работники, стараясь перестраховаться, поэтому, как правило, подписывали как можно большее число санкций на арест. Позднее ситуация стала меняться.

Всего за 1954 г. городские и районные прокуратуры Хакасии выдали санкции на арест в отношении 839 человек. За это же время было освобождено из под стражи 37 человек, из них проходило по делам прокуратур – 17, по делам милиции – 20. Суды оправдали 4 обвиняемых, дела которых расследовались следователями прокуратур, и 3 – милицией. В стадии расследования были прекращены дела на одного, чье дело вела прокуратура, и 8 – милиция. Мера пресечения была изменена одному обвиняемому следователем прокуратуры и 9 – милицией. В связи с применением меры наказания, не связанной с лишением свободы, вышли на волю 11 человек, чьи дела расследовались сотрудниками МВД. Из 16 оправданных и тех, чьи дела были прекращены в стадии расследования, 3 были арестованы по санкции прокурора Усть-Абаканского района Алешина, 4 – прокурора Таштыпского района Алябьева, 3 – прокурора Богградского района Макаренко, 1 – прокурора Алтайского района Киселёва. Остальные арестовывались прокурорами Аскизского, Бейского и Богградского районов и Черногорска. Прокуроры Абакана, Саралинского и Ширинского районов не допустили ни одного случая необоснованного ареста. В 1954 г. за дачу незаконных санкций на арест понесли дисциплинарную ответственность прокуроры Асеева и Алешин. Поскольку наиболее неблагоприятно обстояли дела в Таштыпском районе, где каждый шестой арестованный освобождался из-под стражи, Алябьев был снят с работы [6. Л. 38].

Статья 17 Положения о прокурорском надзоре в СССР от 24 мая 1955 г. требовала «строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергся незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности» [7. С. 143]. А в статье 18 содержалось положение о том, что «при решении вопроса о санкции на арест прокурор обязан тщательно ознакомиться со всеми материалами, обосновывающими необходимость ареста и в необходимых случаях лично допросить лицо, подлежащее аресту» [Там же]. Хакасские прокуроры не всегда следовали этим положениям.

В советской судебной системе предварительному следствию принадлежала решающая роль в определении вины или невиновности подозреваемого. Судебным инстанциям зачастую лишь приходилось фиксировать выводы следователей, поэтому любое оправдание обвиняемых становилось ударом по репутации прокурорских органов, по санкции которых невиновный длительное время содержался под стражей.

4 августа 1955 г. Генеральный прокурор СССР издал приказ, в котором признавалось, что незаконные

задержания, аресты и необоснованные привлечение к уголовной ответственности до сих пор не изжиты и вызваны безответственным отношением прокуроров и работников следственных органов к исполнению служебных обязанностей. Р.А. Руденко отметил другой факт: прокуроры иногда необоснованно отказывали санкционировать аресты лиц, совершивших тяжкие преступления. И то и другое он расценивал как грубые нарушения закона, которые должны повлечь за собой строгую ответственность как прокуроров, так и следователей [3. С. 84]. Этот приказ требовал от прокурорских работников всячески лавировать, проявлять недюжинные аналитические способности и интуицию при выдаче санкций на арест.

В 1956 г. прокурорами Хакасии из-под стражи было освобождено 13 человек, арестованных их коллегами. Прокурор Алтайского района Жихарев подверг аресту 3, Ширинского района Балакирев и его помощник Чмыхалов и Таштыпского района Побежимов – по 1. Не допускали незаконных арестов прокуроры: Боградского района Грицун, Бейского – Асеева, Орджоникидзевского – Пивоваров, Усть-Абаканского – Алёшин. Областной прокурор предупредил Жихарева о том, что если он и дальше будет столь же безответственно относиться к своим обязанностям, то встанет вопрос о его дальнейшем пребывании в должности. Однако прокурор Алтайского района предупреждению не внял и в 1957 г. снова допустил незаконный арест. Взысканиям были подвергнуты все прокуроры, арестовывавшие освобожденных впоследствии граждан, С.П. Адушкин заверил обком в том, что «мы и впредь будем так поступать, ибо этого требует от нас партия и правительство» [9. Л. 16–17].

Некоторые прокуроры, такие как Асеева и Алёшин, сделали должные выводы и начали работать лучше. Набравшись опыта, они стали серьезнее оценивать доказательства, представлявшиеся им следственными органами, и перестали подвергать подозреваемых аресту по первому требованию следователей. Другие главы местных прокуратур были не столь щепетильны, и на них приходилось оказывать давление вышестоящему прокурору.

В 1958 г. суды области оправдали 20 человек, из которых под стражей содержалось 5. Дела 12 оправданных расследовались милицией, 8 – следователями прокуратур. Особенно «отличился» прокурор Ширинского района Балакирев, судебные органы оправдали 9 арестованных им подсудимых [15. Л. 8]. Прокуроры не всегда соглашались с оправдательными приговорами и пытались опротестовать таковые в вышестоящих судебных инстанциях. В 1958 г. областной суд по протестам прокуроров отменил 6 оправдательных приговоров народных судов [9. Л. 16–17]. Протесты на оправдательные или слишком мягкие приговоры были, в числе прочего, попыткой прокуроров обосновать свое решение об аресте того или иного гражданина.

При этом суды не всегда шли на поводу у прокурорских органов. В 1954 г. прокуратуры ХАО принесли 31 протест на мягкость приговоров, из которых областной суд удовлетворил 24, или 77,3% [6. Л. 55]. А за первые 8 месяцев 1960 г. прокуроры подали про-

тесты на 21 приговор судов, значительная часть из которых была отклонена областным судом [15. Л. 11]. Судебные инстанции становились все более независимыми и выносили решения исходя из закона и собственных убеждений.

Заметную роль органы прокуратуры играли и в отправлении гражданского судопроизводства. В 1954 г. городские и районные прокуратуры Хакасии предъявили 587 гражданских исков, на 207 больше, чем в 1953 г. Большинство исков прокуратуры предъявляли в пользу колхозов по взысканию дебиторской задолженности и возмещения нанесенного ущерба. Всего за 1954 г. народные суды области рассмотрели 5 768 гражданских дел, из них с участием прокуроров рассматривалось 1 588. Позднее эта цифра не подтвердилась. Целевые проверки и комплексные ревизии работы городских и районных прокуратур показали, что прокуроры в своих отчетах завышали показатели и на самом деле принимали участие в рассмотрении лишь 1 382 дел. За предоставление заведомо ложных данных к дисциплинарной ответственности была привлечена прокурор Бейского района Асеева. При этом прокурор Черногорска участвовал в разборе 473 гражданских дел из 1 213 рассмотренных в его городе в 1954 г. По мнению областного прокурора, его подчиненный выступал в суде, не учитывая важности и сложности дела, предъявляя иски на небольшие суммы и в интересах лиц, которые сами могли защищать свои права в суде. Областная прокуратура в 1954 г. принимала участие в рассмотрении 173 гражданских дел [6. Л. 69–72].

Советские прокуроры были лучше подготовлены в области уголовного права, и им порой было сложно заниматься гражданскими делами, что заставляло одних завышать цифры для отчетности, а других – принимать на себя обязательства по как можно большему числу несложных гражданских дел, чтобы повысить собственную значимость в данной сфере деятельности.

Недочеты в работе органов прокуратуры во многом объяснялись их проблемами с кадровым составом. В послевоенный период в Хакасии был отмечен рост горно-рудной промышленности, шло строительство железных дорог, в область прибывало большое количество ссыльных и спецпоселенцев. Все это приводило к росту населения, но численность правоохранительных органов оставалась прежней.

Ещё в октябре 1952 г. Хакасский обком по представлению областной прокуратуры сделал запрос на имя Генерального прокурора СССР Г.Н. Сафонова об увеличении штата прокуратур Абакана, Черногорска и Таштыпского района. Прокуратура СССР переадресовала эту просьбу в прокуратуру РСФСР, откуда пришел ответ, что для установления дополнительных должностей по штатам данных прокуратур необходимо было исключить такие же должности из штатов других прокуратур Красноярского края, с чем не были согласны ни республиканская прокуратура, ни прокуратура края [17. Л. 3]. Руководство краевой прокуратуры предпочитало держать своих хакасских коллег в «черном теле», уделяя внимание непосредственно подчиненным ему прокурорским органам. В результа-

те на прокурорских работников Хакасии ложилась слишком большая нагрузка.

На 10 апреля 1953 г. в Хакасской областной прокуратуре работали следующие сотрудники: должность областного прокурора занимал В.Д. Абрамов. На посту Василий Дмитриевич находился с 15 июля 1948 г. На тот момент его судьба была предрешена. В день похорон И.В. Сталина 9 марта 1953 г. он решил помянуть вождя обильным распитием спиртных напитков, что не понравилось вышестоящему начальству, и В.Д. Абрамов был исключен из партии и снят с должности [18. С. 200]. Новым прокурором области был назначен Степан Петрович Адушкин, занимавший эту должность до ноября 1965 г. Заместителем областного прокурора с 1 апреля 1949 г. был И.М. Хатуцкий. Израиль Менделевич имел среднее юридическое образование и трудился в органах юстиции с августа 1933 г. Помощником областного прокурора по кадрам с 7 августа 1950 г. был А.В. Баранов. Юридического образования Андриан Варфоломеевич не имел, что компенсировалось опытом работы в органах юстиции, где он служил с сентября 1933 г. Помощником областного прокурора по уголовно-судебному надзору с 25 июля 1946 г. была Р.М. Готлиб. Реля Моисеевна имела высшее юридическое образование, в органах юстиции работала с февраля 1943 г. В.К. Михайлова занимала должность помощника областного прокурора по спецделам с 5 сентября 1944 г. Общее образование Веры Михайловны ограничивалось девятью классами, а юридическое – курсами переподготовки. В органах юстиции она работала с 18 июня 1942 г. Помощником облпрокурора по следствию с 17 сентября 1952 г. был Н.З. Алешин. Николай Захарович имел незаконченное высшее юридическое образование, его работа в органах прокуратуры началась в июле 1949 г. Должность помощника главы областной прокуратуры по следствию с 10 мая 1951 г. занимал П.К. Каражаков. Пётр Кириллович имел среднее юридическое образование, в органах прокуратуры работал с 1946 г. Исполняющим обязанности помощника облпрокурора по надзору за милицией был назначен Г.Д. Анопоченко. Георгий Дмитриевич трудился в прокурорских органах с 1938 г., у него было среднее юридическое образование. В марте 1953 г. исполняющим обязанности помощника прокурора области по гражданско-судебному надзору была назначена А.С. Юскова. Анна Семёновна имела среднее юридическое образование, в органах прокуратуры была новичком. Исполняющим обязанности старшего следователя облпрокуратуры с 25 октября 1952 г. был Г.П. Падеров. Георгий Петрович имел среднее юридическое образование, в органах прокуратуры работал с 1950 г. Всего в областной, городских и районных прокуратурах Хакасии к указанной дате работало 36 человек. Почти все были членами КПСС, кандидатами в члены партии или комсомольцами [19. Л. 171–172].

Сотрудники областной прокуратуры в основном были опытными и подготовленными юристами. Стаж их работы в органах прокуратуры и на занимаемых должностях позволял профессионально исполнять свои обязанности. Большинство имели, по крайней

мере, среднее юридическое образование, все больше было специалистов с высшим и незаконченным высшим образованием. Но если качественный состав прокурорских работников был вполне удовлетворительным, то их количество не позволяло должным образом выполнять стоявшие перед ними задачи.

В исследуемый период население в Хакасии продолжало расти. Особенно это актуально было для Ширинского, Боградского, Таштыпского и Аскизского районов, где с 1954 г. началось освоение целинных и залежных земель. Там образовывались новые предприятия, совхозы и МТС. Росло и городское население. В 1954 г. прокуратура Ширинского района расследовала 200 дел, туда поступило 1 376 жалоб; прокуратура Таштыпского района провела расследование 92 дел и получила 629 жалоб, Аскизского района – 92 и 467, Боградского – 125 дела и 570 жалоб. При таком объёме работ аппарат этих прокуратур состоял лишь из прокурора и следователя, кроме прокуратуры Ширинского района, где был еще помощник прокурора. В прокуратуре Абакана в составе которой до 15 декабря 1954 г. имелось 5 оперативных работников, было расследовано в 1954 г. 125 дел, получено и разрешено 666 жалоб. При возрастающем объеме работы, превышавшем возможности указанных прокурорских органов, прокуратура РСФСР по-прежнему не шла навстречу областным властям в их просьбах об увеличении штатов местных прокуратур. В этих условиях областная прокуратура была вынуждена пойти на радикальный шаг – прокуратуре СССР было сделано предложение о ликвидации городской прокуратуры Абакана. Высвободившийся аппарат С.П. Адушкин предлагал использовать так: двух оперативных и одного технического работника зачислить в аппарат областной прокуратуры, других двух оперативных и одного технического работника направить в сельские районы, должности уборщицы и шофера сократить. Функции упраздненного ведомства предполагалось возложить на соответствующие отделы областной прокуратуры [20. Л. 2].

Данное предложение являлось вынужденной мерой, после того как вышестоящие инстанции отказали областной прокуратуре в помощи. Однако это могло дать лишь временное облегчение. Трех сотрудников было явно недостаточно для того, чтобы укрепить районные прокуратуры, при этом возрастала нагрузка на областную.

В 1955 г. кроме упразднения прокуратуры Абакана С.П. Адушкин предлагал объединить прокуратуры Алтайского и Бейского районов, создав межобластную прокуратуру [Там же. Л. 4]. Областной прокурор при этом ссылаясь на Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 14 октября 1954 г. «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата». В этом постановлении отмечалось, что «в министерствах и ведомствах грубо нарушены нормальные соотношения между начальствующим составом и исполнителями, в результате чего, как правило, на каждые 3–4 работника управленческого аппарата приходится один начальник» [8. С. 510]. Таким образом, объединение двух проку-

рорских органов предполагалось не только для оптимизации расходов, а еще и в исполнение политики борьбы с бюрократизмом.

Дальнейшим шагом в реформировании прокурорских органов было изменение их структуры в соответствии с новой политикой руководства страны. 7 апреля 1956 г. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР была утверждена новая структура центрального аппарата прокуратуры СССР. В аппарате образовывались 3 управления, 9 отделов, и приемная и канцелярия – на правах отделов [7. С. 148–149]. Приказом Генерального прокурора СССР от 10 апреля 1956 г. были упразднены отделы по надзору за органами милиции как в Прокуратуре СССР, так и в прокуратурах республик, краев и областей, а их функции передавались в следственные отделы. Переименовывался ряд отделов: отдел по специальным делам стал называться отделом по надзору за следствием в органах государственной безопасности; отдел уголовно-судебного надзора становился отделом по надзору за рассмотрением в судах уголовных дел; отдел гражданско-судебного надзора – отделом по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел; отдел по надзору – за местами заключения; справочно-информационный отдел – отделом систематизации законодательства [Там же. С. 149]. По мнению А.Г. Звягинцева, «новой структурой и переименованиями отделов руководство стремилось подчеркнуть те изменения, которые наметились в этой правоохранительной системе, как бы показывая, что с прошлым раз и навсегда покончено» [3. С. 85].

Новые названия отделов давали более четкие представления об объеме их полномочий. Довольно трудно было догадаться, чем, например, занимался отдел по специальным делам. Этим переименованием Генеральный прокурор стремился не только порвать с прошлым, но и показать открытость органов прокуратуры.

Реформа прокурорских органов СССР не помогла решению проблем прокуратур Хакасии. После упразднения в 1955 г. прокуратуры Абакана были увеличены штаты прокуратур Ширинского, Аскизского и Таштыпского районов. Однако с 1955 по 1959 г. в области в эксплуатацию были сданы Абазинский рудник, железная дорога Абакан – Сталинск (Новокузнецк), Усть-Абаканский гидролизный завод, было создано 14 новых совхозов, начато строительство новых предприятий. Штаты же прокурорских органов Хакасии оставались неизменными. Особенно

большая нагрузка приходилась на «укрепленные» за счет ликвидации Абаканской прокуратуры ведомства – прокуратуры вышеперечисленных районов и областную прокуратуру. Так, в 1958 г. прокуратура Ширинского района закончила расследование 255 уголовных дел. Два следователя этого ведомства не справлялись с таким объемом работы, и расследованием более 60 дел были вынуждены заниматься районный прокурор и его помощник. Четверо оперативных сотрудников прокуратуры Таштыпского района в 1958 г. закончили расследование 101 дела. Трое сотрудников Аскизской районной прокуратуры в 1958 г. занимались расследованием 151 уголовного дела. Чрезмерная нагрузка сотрудников прокурорских органов заставила прокурора области 20 февраля 1959 г. обратиться к Прокурору РСФСР А.А. Круглову с очередной просьбой об увеличении штатов и, в связи с территориальной разбросанностью подведомственных территорий, о выделении 2 легковых автомобилей для прокуратур Ширинского и Аскизского районов [21. Л. 4].

В исследуемое время органам юстиции и правопорядка приходилось работать по сталинским законам при изменившихся государственной политике и общественных настроениях. Законодательство начало меняться только к концу десятилетия, а до того работникам судебных и правоохранительных органов часто приходилось искать компромисс между требованиями законов и политической ситуацией.

В Хакасии прокурорские органы действовали в непростых условиях. ХАО как сибирский регион была местом отбывания наказания большого количества осужденных, многие из которых, освободившись, оставались в области на постоянное место жительства. Рост промышленности, транспорта и сельского хозяйства и последовавшее вследствие этого увеличение населения также сказались на криминальной ситуации в Хакасии. При этом численность прокурорских работников в области в середине 1950-х гг. уже не отвечала потребностям региона. Вышестоящие же прокуратуры были равнодушны к просьбам местных властей, и недостаток финансирования сказывался на периферийных прокуратурах, им самим приходилось искать решение проблем, что при скудных ресурсах было сложно. Нехватка прокурорских работников приводила к перегруженности имевшихся, это провоцировало волокиту при рассмотрении уголовных дел и заявлений граждан и дискредитировало саму прокурорскую работу.

ЛИТЕРАТУРА

1. История прокуратуры России. Историко-правовой анализ : учеб. пособие; под ред. А.Г. Звягинцева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 223 с.
2. Звягинцев А.Г. Руденко. М. : Молодая гвардия, 2007. 482 с.
3. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Заложники вождей. Советские и российские прокуроры. XX век. 1954–1992. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОСПЭН), 2006. 648 с.
4. Кирячев М.В. История территориальных органов прокуратуры СССР в 1953–1964 гг. (на материалах Центрального Черноземья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. 20 с.
5. Доржу З.Ю., Шмидт И.Д. Организация и функционирование органов прокуратуры Тувинской автономной области (1944–1961 гг.) // Вестник ТГПУ. 2016. № 5 (170). С. 151–158.
6. Национальный архив Республики Хакасия (далее НАРХ). Ф. Р-50. Оп. 2 с. Д. 122.
7. Советская прокуратура : сб. документов. М. : Юрид. лит., 1981. 288 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898–1971. Т. 6: 1941–1954. 8-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1971. 527 с.

9. НАРХ. Ф. Р-50. Оп. 2 с. Д. 123.
10. НАРХ. Ф. Р-50. Оп. 1. Д. 9.
11. НАРХ. Ф. 2 Оп. 1. Д. 2435.
12. НАРХ. Ф. Р-50. Оп. 2 с. Д. 124.
13. Лебина Н.Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб. : Крига; Победа, 2015. 484 с.
14. Внеочередной XXI Съезд Коммунистической Партии Советского Союза. 27 января – 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1959. 592 с.
15. НАРХ. Ф. Р-50. Оп. 2 с. Д. 126.
16. Земсков В.Н. Ситуация с заключёнными в первые послесталинские годы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3. С. 130–136.
17. НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2012. Л. 3
18. Гавриленко В.К. Казнь прокурора. Документальное повествование. Абакан : АОЗТ «Хакасинтерсервис», 2000. 240 с.
19. НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2008.
20. НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2013.
21. НАРХ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2519.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 ноября 2017 г.

PUBLIC PROSECUTION BODIES OF THE KHAKASS AUTONOMOUS REGION DURING THE POST-STALIN PERIOD (1953–1960)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 110–119.

DOI: 10.17223/15617793/430/15

Vladimir A. Pecherskiy, Khakassia Research Institute Language, Literature, History (Abakan, Russian Federation). E-mail: volody75.75@mail.ru

Keywords: Khakass Autonomous Region; public prosecutor's authorities; post-Stalin period; law and order.

The aim of this article is the study of various aspects of the activities of the public prosecutor's bodies of the Khakass Autonomous Region during the period from I.V. Stalin's death (1953) to the last year of the operation of the 1926 RSFSR Criminal Code (1960). The source basis of the research is documents from the National Archive of the Republic of Khakassia first introduced for scientific use, and published scientific works. The restoration of "socialist legality" went along with the strengthening of the role of the prosecutor's office. The activities of the public prosecutor's bodies amplified during the studied period. In the framework of general supervisory work, the public prosecutor's bodies of the Khakass Autonomous Region carried out 754 inspections of execution of various laws in 1953, 867 inspections of this kind were carried out in 1954. Inspections resulted in 203 objections in 1953, 429 in 1954. 222 persons were brought to disciplinary responsibility in 1953, 377 in 1954. Protection of rights and legitimate interests of citizens was one of the most important functions of the public prosecutor's bodies. In 1954 the prosecutor's office of Khakassia received 7476 complaints, of them 1224 complaints were to city and regional prosecutor's offices, the others to the regional prosecutor's office. It was 365 complaints more than in 1953. People complained to the prosecutor's offices about sentence execution on cases of collecting alimony and of labour legal relationship. A special place in the activity of prosecutor's bodies was occupied with work on observance of the law in the part of arrests and the reasonableness of bringing to justice. The city and regional prosecutor's offices of Khakassia issued sanctions to arrest 839 people in 1954. For the same period, 37 people were discharged from custody. Some prosecutors were brought to disciplinary responsibility for unreasonable issuing of sanctions for arrest. During the studied period public prosecutor's bodies of Khakassia experienced difficulties with personnel: there were not enough people to fully execute the duties. Public prosecutor's workers were excessively busy. In 1954 the prosecutor's office of the Shira District investigated 200 cases and received 1376 complaints, of the Tashtyp District investigated 92 cases and received 629 complaints, the prosecutor's office of the Askiz District had 92 cases and 467 complaints, the prosecutor's office of the Bograd District had 125 cases and 570 complaints. With this load, the prosecutor's offices consisted only of the prosecutor and the investigator; the prosecutor's office of the Shira District also had an assistant prosecutor. The author comes to a conclusion that the heads of the prosecutor's offices of the RSFSR and Krasnoyarsk Krai did not pay due attention to the needs of the public prosecutor's bodies of Khakassia; as a consequence, it was difficult for the latter to cope with their duties.

REFERENCES

1. Zvyagintsev, A.G. (ed.) (2010) *Istoriya prokuratury Rossii. Istoriko-pravovoy analiz* [History of the Prosecutor's Office of Russia. Historical and legal analysis]. Moscow: YuNITI-DANA.
2. Zvyagintsev, A.G. (2007) *Rudenko*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
3. Zvyagintsev, A.G. & Orlov, Yu.G. (2006) *Zalozhniki vozhdov. Sovetskie i rossiyskie prokurory. XX vek. 1954–1992* [Hostages of the leaders. Soviet and Russian prosecutors. 20th century. 1954–1992]. Moscow: ROSSPEN.
4. Kiryachev, M.V. (2006) *Istoriya territorial'nykh organov prokuratury SSSR v 1953–1964 gg. (na materialakh Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [History of the territorial bodies of the Prosecutor's Office of the USSR in 1953–1964 (on the materials of the Central Chernozem Region)]. Abstract of History Cand. Diss. Kursk.
5. Dorzhu, Z.Yu. & Schmidt, I.D. (2016) The organization and functioning of the prosecution of Tuva Autonomous Region (1944–1961 biennium). *Vestnik TGPU – TSPU Bulletin*. 5 (170). pp. 151–158. (In Russian).
6. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund R-50. List 2 pp. File 122. (In Russian).
7. Pavlishchev, K.S. & Shishkov, S.A. (eds) (1981) *Sovetskaya prokuratura: sb. dokumentov* [The Soviet Prosecutor's Office: documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
8. Fedoseev, P.N. & Chernenko, K.U. (eds) (1971) *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov TsK. 1898–1971* [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee. 1898–1971]. Vol. 6. Moscow: Politizdat.
9. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund R-50. List 2 pp. File 123. (In Russian).
10. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund R-50. List 1. File 9. (In Russian).
11. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund 2 List 1. File 2435. (In Russian).
12. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund R-50. List 2 s. File 124. (In Russian).

13. Lebina, N.B. (2015) *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy: Destruktsiya bol'shogo stilya: Leningrad, 1950–1960-e gody* [Everyday life of the space and corn epoch: Destruction of a great style: Leningrad, 1950s–1960s]. St. Petersburg: Kriga; Pobeda.
14. USSR CP. (1959) *Vneochednoy XXI S"ezd Kommunisticheskoy Partii Sovetskogo Soyuz. 27 yanvarya – 5 fevralya 1959 goda. Stenograficheskii otchet* [Extraordinary XXI Congress of the Communist Party of the Soviet Union. January 27 – February 5, 1959. Verbatim report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
15. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund R-50. List 2 pp. File 126. (In Russian).
16. Zemskov, V.N. (2014) Condition of prisoners in the first post-Stalin years. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 16:3. pp. 130–136. (In Russian).
17. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund 2. List 1. File 2012. Page 3. (In Russian).
18. Gavrilenko, V.K. (2000) *Kazn' prokurora. Dokumental'noe povestvovanie* [Execution of the prosecutor. A documentary narrative]. Abakan: AOZT "Khakasinterservis".
19. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund 2. List 1. File 2008. (In Russian).
20. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund 2. List 1. File 2013. (In Russian).
21. National Archive of the Republic of Khakassia (NARKh). Fund 2. List 1. File 2519. (In Russian).

Received: 27 November 2017

Р.Ю. Почекаев

НЕСБЫВШИЕСЯ ОЖИДАНИЯ: ИМПЕРАТОР ПЕТР III И КАЗАХСКИЕ ПРАВИТЕЛИ

Анализируются попытки казахских правителей середины XVIII в. наладить контакты с Петром III – в первую очередь как с наследником трона, а затем и как с российским императором. Поначалу представители казахской элиты связывали с ним определенные политические надежды, которые со временем не оправдались, и казахским правителям пришлось искать новые пути решения проблем, возникавших в процессе развития российско-казахских отношений. Этот процесс рассматривается на основе анализа посланий казахских ханов и султанов великому князю, а затем и императору Петру Федоровичу.

Ключевые слова: Казахстан в XVIII в.; Российская империя; имперская политика в степных областях; императрица Елизавета; Петр III; Екатерина II; послания казахских ханов и султанов.

Личность и деятельность императора Петра III (1728–1762, прав. 1761–1762) до сих пор вызывает многочисленные споры и дискуссии. Согласно официальной версии, он не сыграл и не мог сыграть никакой роли в политической истории Российской империи в силу отсутствия способностей к государственной деятельности. В последние же годы нередко поднимается вопрос об ангажированности такой оценки (изначально сформированной его супругой Екатериной II, свергнувшей мужа с трона и допустившей его убийство) и, соответственно, переоценке Петра III, его личностных качеств, способностей и талантов. Во всяком случае, некоторые политические круги Российской империи связывали определенные ожидания с его приходом к власти еще в те времена, когда он являлся великим князем – наследником императрицы Елизаветы Петровны.

И это касалось не только русской правящей элиты, придворных сановников и пр. Петр III привлекал интерес и региональных, а также национальных элит Российской империи. В частности, определенные надежды связывали с ним представители казахской правящей элиты – ханы и султаны Младшего и Среднего жузов.

В настоящей статье анализируются послания казахских ханов и султанов 1740-х – начала 1760-х гг., в которых проявляются их надежды на участие Петра III в развитии российско-казахских отношений. Мы намерены проанализировать, чего же именно надеялись добиться представители казахской правящей элиты от наследника трона, а затем и императора, как изменялось их отношение к императору и как это влияло на их дальнейшие контакты с Петром III и имперскими властями. Насколько нам известно, этот вопрос до сих пор в очень малой степени затрагивался исследователями русско-казахских отношений в середине XVIII в.

Полагаем, что первоначальный интерес к наследнику российского престола великому князю Петру Федоровичу у представителей казахской правящей элиты во многом был связан с противоречивым отношением к пребыванию в подданстве России, во главе которой стояли императрицы – сначала Анна Иоанновна (1730–1740), затем Елизавета Петровна (1741–1761). Несмотря на то, что в отношениях с российскими властями казахские правители никак не акцентировали

внимание на этом вопросе, по всей видимости, они испытывали некоторый «дискомфорт» от необходимости считаться вассалами представительниц женского пола. Джунгарские правители, не связанные вассалитетом с российскими монархиями, могли позволить себе более откровенно высказаться по этому поводу в переписке с казахскими партнерами: «мы де калмыки и кайсаки вдвоем – ястребы, а перед оной вороной (русской императрицей. – Р.П.) мы не станем на колени» (цит. по: [1. С. 61]).

Соответственно, назначение наследником внука Петра I было встречено казахскими правителями весьма положительно, и ему сразу были выданы щедрые «авансы».

Первым отреагировал на выход великого князя Петра Федоровича на политическую сцену влиятельный казахский родоплеменной предводитель Джанибек Кошкарулы, «первый тархан», который вскоре после издания манифеста императрицы Елизаветы о назначении наследника (от 7 ноября 1742 г.) поклялся признавать власть нового великого князя, а уже в июне 1743 г. принес присягу новому великому князю вместе со своими сыновьями и многочисленными казахскими «старшинами» [2. С. 233–234].

Среди казахских ханов и султанов первым отреагировал на назначение наследника престола Абулахир, хан Младшего жуза, который в письме от 26 июня 1743 г. оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву написал: «оного (великого князя. – Р.П.) поздравляем на многие лета со всею нашею неотменительною радостью» [3. № 99. С. 154].

Еще более яркое приветствие было выражено в послании соперника хана Абулхаира – султана Барака, который в июне 1745 г. направил послание уже лично великому князю, «присвоив» ему повосточному витиеватый титул, который, как представляется, и отражал ожидания казахской элиты от будущего правителя Российской империи. Позволим себе воспроизвести его полностью: «Вождь неишетенных войск, стотысячных неприятелей победитель, яко Рустям (т.е. пресильный и высокопочитаемый у них богатырь¹) и храбрый поразитель остротою и действием, яко лев гневом, яко облаки от всепресветлейших и державнейших великих древних государей, царей златая отрасль, достойная всероссийского высочайшего престола, всей верноподданной Киргис-

кайсацкой орды высочайшею милостию снабдитель, а Средней нашей орде, подобно горящей свеще, предрагий и ясносиятельный камень, щедрый, преблагий и правосудной великой державы наследный государь» [3. № 228. С. 264–265; 4. № 38. С. 125; 5. № 123. С. 315–316].

Подчеркивая свою радость от назначения наследника российского престола, Абулхаир в том же поздравительном послании отмечал, что он «со всем своим народом присягать в готовности находимся» [3. № 99. С. 154; 6. С. 211]. Султан же Барак, демонстрируя свою лояльность российским властям и лично будущему императору, информировал его, что сообщил о новом наследнике бухарскому хану (Абулфайзу. – *Р.П.*), кокандскому правителю Абдукарим-беку, о том, что «каракалпацкие ханы, хаджи и знатные люди в числе пятидесят тысяч народа вашему императорскому высочеству при мне в подданство пришли» [3. № 228. С. 265; 4. № 38. С. 126; 5. № 123. С. 316]. Тем самым соперничающие правители не только демонстрировали верноподданнические чувства великому князю, но и собственное влияние среди казахов и соседних народов, стараясь выстроить наиболее эффективные отношения с будущим императором.

При этом казахские правители практически сразу же попытались добиться и определенных выгод от наследника престола, которому выражали свою верность и лояльность. Тот же хан Абулхаир уже 12 июля 1745 г. направляет великому князю Петру Федоровичу послание о возвращении «в нашу орду» его сына султана Ходжа-Ахмада, взятого в заложники, мотивируя свою просьбу тем, что даже его заклятые враги джунгары уже отпустили его сыновей-заложников, тогда как он прежде «чрез Куран» присягал в верности ранее императрице, а теперь «присягу учинил» и самому наследнику престола [3. № 131. С. 181]. Учитывая большой политический опыт хана Абулхаира и его способность добиваться поставленных целей, сталкивая своих политических противников, полагаем, что и в данном случае он пытался выяснить, насколько значительным влиянием обладает великий князь, адресуя к нему ту просьбу, с которой ранее неоднократно уже обращался и к императрице Елизавете, и к губернатору И.И. Неплюеву. Впрочем, никакой реакции от наследника престола не последовало, и вопрос о возвращении Ходжа-Ахмада к отцу вновь был поднят лишь в 1747 г. – и то по собственной инициативе Неплюева [7. С. 152; 8. С. 366–367].

По всей видимости, этот и подобные факты отсутствия реагирования со стороны Петра Федоровича уже вскоре вызвали у казахских правителей первые сомнения в том, что великий князь играет значительную роль в государственной жизни Российской империи. Как показали дальнейшие политические события и имперская законодательная практика, ситуация не изменялась вплоть до смерти императрицы Елизаветы².

Эти сомнения довольно быстро нашли отражение в посланиях казахских правителей российским имперским властям. Так, султан Барак, еще только в июне 1745 г. столь активно старавшийся налаживать связи с великим князем, в октября того же года

направляет поздравление по случаю его бракосочетания (с будущей императрицей Екатериной II) – но уже в адрес императрицы Елизаветы Петровны, а не самого новобрачного! При этом великий князь упоминается в письме как «стоящий над нами ваш младший брат», который «по вашей священной воле и милости вступает в брак» [3. № 232. С. 267–268; 4. № 43. С. 133]. Подобное обращение позволяет сделать два вывода. Во-первых, казахский правитель использует характерное еще со времен Золотой Орды обозначение в официальной документации не прямых предков и потомков, соответственно как старших и младших братьев (см. подробнее: [10. С. 96–97]), т.е. в традиционных тюрко-монгольских политико-правовых воззрениях племянник императрицы вполне корректно фигурирует как «младший брат». Во-вторых, оборот «стоящий над нами» в изменяющихся обстоятельствах представляет, по сути, не более чем выказывание уважения к статусу наследника престола, его же реальное положение отражено в следующем обороте: «по вашей священной воле и милости». Весьма характерно, что и ответ султану Бараку пришел от имени императрицы Елизаветы, а не от ее наследника, которому были адресованы поздравления [11. С. 181].

Других посланий великому князю Петру Федоровичу вплоть до кончины императрицы Елизаветы казахские правители уже не направляли: и Абулхаир, и его наследник Нурали, и Барак, и другие взаимодействовали уже либо с представителями региональных властей, либо же, в редких случаях, адресовали свои послания непосредственно императрице.

Дочь Петра I скончалась 25 декабря 1761 г., и великий князь Петр Федорович наследовал российский престол под именем императора Петра III. Его политические интересы оказались всецело сосредоточены на европейских делах, что нашло отражение, в частности, в отзыве о его политике современницы – известной российской политической деятельницы и ученой княгини Е.Р. Дашковой: по ее словам, император направил все усилия на то, чтобы «отвоевать у датского короля клочок земли, на который он заявлял свои права» [12. С. 48; 13]. Нельзя не принимать во внимание, что сама Дашкова, будучи сторонницей и близкой подругой Екатерины II, несомненно, была настроена предвзято к ее супругу, но в целом ее характеристика достаточно четко отражает политическую ориентацию Петра III.

Не приходится удивляться, что по волеизъявлению на престол он даже не озаботился тем, чтобы обеспечить принесение присяги ему на верность со стороны казахских правителей. Впрочем, скорее всего, у этого решения были свои причины. Во-первых, часть казахской элиты принесла ему присягу вскоре после того, как он был объявлен наследником престола, и этого ему, вероятно, было достаточно. Во-вторых, от намерения потребовать от казахов принесения присяги его могли отговорить его приближенные или же руководство оренбургской администрации. Дело в том, что А.Р. Давыдов, сменивший И.И. Неплюева во главе Оренбургского края, как раз незадолго до воцарения Петра III умудрился весьма серьезно испортить отношения с ханом Младшего жуза Нурали, сыном и

наследником Абулхаира, и существовала большая вероятность, что хан не захочет подчиниться требованию принести присягу на верность новому императору. В то же время существенно активизировались контакты казахов Среднего и Младшего жузов с империей Цин: переписку с китайскими властями вели упомянутый Нурали, а также султаны Аблай и Абулфайз. Несмотря на то, что буквально через три дня после воцарения Петра III (28 декабря 1761 г.) султан Юлбарс лично объявил омским властям, что и он сам, и Аблай, и вообще весь Средний жуз «давно уже в российском подданстве состоит и ни с кем у них, киргисцов, никакова несогласия нет и от российского подданства и со всею ордою отстать не желают, но вечно быть в российском подданстве обязались» [14. № 112. С. 23–24], сомнения в лояльности казахских правителей оставались. В результате Петр III ограничился лишь направлением уведомления казахским ханам и султанам о своем вступлении на престол, что же касается присяги, то он предписал дожидаться, когда сами же казахские правители явятся в Оренбург и «буде случай додаст, тщание употребить, чтобы они и действительные присяги учинили» [6. С. 240–241; 15. С. 137–138; 16. С. 164].

Нельзя не отметить также, что в правление Петра III не было принято ни одного нормативного акта центральных российских имперских властей, касавшегося правового регулирования статуса казахов в составе империи. Последним таким актом до вступления этого императора на престол был сенатский указ от 28 ноября 1761 г., а следующий – это доклад Сената, высочайше утвержденный 9 октября 1762 г. уже новой императрицей Екатериной II [17. С. 31].

В глазах представителей казахской элиты подобная позиция императора, несомненно, свидетельствовала о пассивности и, как следствие, слабости нового российского монарха. Это немедленно нашло отражение в новых посланиях казахских ханов и султанов Петру III, тональность которых существенно изменилась по сравнению с пиететом, выражаемым в письмах 1743–1745 гг.

Весьма характерно, что три казахских правителя, три родных брата поздравили нового императора с вступлением на престол в разное время: султан Айчувак – 20 января 1762 г., хан Нурали – 23 января, а султан Ерали – 6 июня 1762 г. [18. № 466. С. 117, № 663. С. 339; № 735. С. 407], т.е. буквально за три недели до свержения Петра III, произошедшего 28 июня того же года!

Тем не менее представители казахской элиты, несмотря на несбывшиеся надежды в отношении Петра III, все же продолжали рассматривать его как своего сюзерена. А сюзерен, в понимании кочевых народов Центральной Азии, должен был, прежде всего, заботиться о своих вассалах и содействовать им в решении их проблем в отношениях между собой и с соседними народами и государствами. Соответственно, в ряде посланий казахских правителей Петру III содержатся просьбы о решении им ряда вопросов как политического и экономического, так и правового характера.

Больше всего «донимал» императора своими просьбами Нурали, хан Младшего жуза, который, как

упоминалось выше, имел натянутые отношения с оренбургским начальником А.Р. Давыдовым и предпочитал действовать через его голову.

Еще до официального поздравления Петру III в связи с вступлением на трон наследник Абулхаира направил ему послание, в котором просил вмешаться в его отношения с собственными подданными, запретить им занимать его собственные пастбища, а ему самому – построить «крепостицу», благодаря которой хан станет «укреплен и усилен» и сможет обеспечивать безопасность торговых караванов, идущих в Россию из Бухары, Хивы, Персии и Туркмении. Кроме того, Нурали не упустил случая нажаловаться императору на своего недруга А.Р. Давыдова, которого обвинил в самоуправстве: в ответ на разграбление казаками хивинского каравана губернатор задержал двух ханских подданных, которых Нурали просил императора вернуть, отмечая, что это «обрадует» его подданных [11. С. 196–197; 18. № 464. С. 113–115].

Буквально в тот же день, когда хан Младшего жуза направил официальное поздравление Петру III, т.е. 23 января 1762 г., он послал императору и другое, куда более объемное послание, в котором изложил сразу несколько просьб: возвращать казахам рабов, захваченных в набегах на Персию или Джунгарию и затем бежавших в Россию и принимавших там христианство, повысить жалование ему самому (поскольку назначенных императрицей Елизаветой 600 руб. в год, по словам хана, ему не хватало на подарки собственным приближенным, чтобы обеспечивать их преданность), установить жалование для ханского писаря башкира А. Сиюшова (по той причине, что фактически он служит не хану, а имперским властям) и, наконец, позволить перегонять скот на внутреннюю сторону р. Яик, т.е. в российские пределы [18. № 467. С. 118–119]. Нельзя не заметить, что все эти вопросы имели «локальный» характер и могли быть решены оренбургской администрацией, но хан демонстративно адресовал их монарху, намекая на разногласия с А.Р. Давыдовым и надеясь решить свои проблемы благодаря поддержке центральных имперских властей.

Наконец, 3 марта 1762 г. Нурали-хан направил императору еще одно послание, в котором пытался оправдаться за действия своих подданных, которые «по своему легкомыслию приняли худое намерение» напасть на калмыков – также подданных Петра III (!), – но были ими разгромлены, а часть попала в плен. При этом среди пленников оказался и зять самого хана Джахангир-султан, который, как утверждал Нурали, приехал отговорить нападавших от их намерения, но был насильно увезен ими в поход. Хан просил императора издать «высочайший указ» об освобождении Джахангир-султана из калмыцкого плена. При этом он оговаривает, что недавно еще одни подданные российского монарха, башкиры, убили ханского его племянника Магомедали-султана, из-за чего «находимся мы в неудовольствии и в сердечном смущении», тогда как освобождение Джахангира способно «нас обрадовать» [18. № 470. С. 121–123]. При этом нельзя не обратить внимания на весьма хитроумную формулировку хана, что эти «в степи кочующие киргис-кайсаки», т.е. казахи, пожелавшие напасть на калмыков, – не более

чем «по высочайшему и всемилостивейшему в. и. в. указу подчиненные мне»; тем самым хан как бы давал понять, что является не природным государем казахов Младшего жуза, а «назначенным» по воле императора правителем и, следовательно, не несет всей полноты ответственности за действия своих подданных, коль скоро не получает от своего сюзерена необходимой помощи для обеспечения контроля над ними. К подобной риторике хан Нурали неоднократно прибегал в общении не только с Петром III, но и с его предшественниками и преемниками³. В те же дни, в январе 1762 г., к Петру III обратился и султан Абулфаиз, прося предоставить ему возможность торговли в Самай-Болате (т.е. Семипалатинской крепости), заявляя, что казахам Среднего жуза неудобно торговать в Троицкой крепости, где производится торговля с казахами Младшего жуза. Торговля же через Семипалатинск более выгодна и удобна его отцу, хану Абулмамбету, который, сидя в Туркестане, контролирует торговые пути из Ташкента, Кашгара и Яркенда. При этом, желая сделать свое обращение более обоснованным, султан Абулфаиз несколько «удревнял» пребывание казахов в российском подданстве, уверяя императора, что первым его принял еще его прадед хан Тауке [3. № 345. С. 368–370; 14. № 113. С. 25–26], что, как известно, не соответствовало действительности.

Анализ тона и содержания упомянутых посланий не может не создать впечатления своеобразной снисходительности и некоторой доли «покровительственности» казахских правителей по отношению к Петру III. Ханы и султаны, несмотря на постоянные характеристики самих себя как верноподданных и даже «рабов» императора, при этом как бы «поучают» его, разъясняя, что будет выгодно для казахов, доставит им «удовольствие»!

Еще более важным представляется, что большинство вопросов, по которым казахские правители обращались непосредственно к императору, практически дословно воспроизводятся в их письмах другим представителям российских властей. Так, Нурали-хан свое письмо от 21 января 1762 г. фактически «продублировал» в письме от того же числа канцлеру графу М.И. Воронцову, а письмо от 23 января – тому же графу Воронцову, но уже в апреле 1762 г. [18. № 365. С. 115–117; № 473. С. 126–127]. А просьба хана о возврате из калмыцкого плена султана Джахангира была также изложена в двух письмах оренбургскому губернатору А.Р. Давыдову (с которым Нурали, вероятно, восстановил отношения к этому времени): первое датировано тем же числом, что и послание императору (3 марта 1762 г.), и содержит ту же просьбу с характерной оговоркой «не ожидая указа», второе – уже 16 мая 1762 г. [18. № 471. С. 123–124; № 474. С. 127–129], вероятно, в связи с тем, что ответы на предыдущие послания так и не были даны хану. Ерали-султан же свое вышеупомянутое поздравление Петру III в связи с восшествием на престол, равно как и свои объяснения по поводу боевых действий с Хивинским ханством (причинившем ущерб российско-хивинской торговле), адресует не самому императору, а тому же оренбургскому губернатору А.Р. Давыдову [18. № 663. С. 339]! Надо полагать, казахские

правители, исходя из уже сложившегося представления о новом императоре, вскоре осознали, что гораздо проще и эффективнее решать свои вопросы с другими представителями имперских властей.

Таким образом, отношение Петра III к казахам окончательно способствовало разочарованию в нем казахского общества. Неслучайно впоследствии стали «ждать чего-то нового» именно в связи с восшествием на престол его супруги Екатерины II [20. С. 38–39]⁴. Признание же Е.И. Пугачева в качестве Петра III, как представляется, отнюдь не означало популярности последнего среди казахов, а лишь представляло собой попытку казахской элиты выторговать себе дополнительные привилегии, лавируя между различными политическими силами Российской империи: они одновременно вели переписку и с самим Пугачевым, и с царскими властями и при этом доносили на своих политических конкурентов из числа казахской знати, что те поступали так же [21. С. 187–198]⁵. Подобную практику, впрочем, с успехом реализовали казахские ханы и султаны начиная с 1730-х гг. и вплоть до упразднения институтов ханской и султанской власти в Казахстане в 1850–1860-х гг.

Итак, анализ взаимоотношений казахских правителей с императором Петром III позволяет сделать вывод, что период пребывания этого монарха в качестве наследника престола и его собственного кратковременного царствования фактически стал началом радикального переустройства системы отношений российских властей с казахскими вассалами империи. В эпоху Анны Иоанновны и на начальном этапе правления Елизаветы Петровны казахские ханы и султаны неоднократно взаимодействовали непосредственно с монархинями и с центральными властями – по сути, как самостоятельные государи, несмотря на формальное выражение верноподданнических чувств по отношению к императрицам. Начиная же с середины 1740-х гг. имперские власти взяли курс на формальное «замыкание» казахских правителей на общение исключительно с представителями региональной (в первую очередь, оренбургской) пограничной администрации [22. С. 104]. Как представляется, пассивная роль Петра III в российско-казахских отношениях сыграла немалую роль в том, что сами представители казахской правящей элиты сочли целесообразным принять новый формат отношений, позволявший им более эффективно выстраивать отношения с государством-сюзереном и оперативно решать проблемы, возникавшие в связи с признанием российского подданства.

В дальнейшем императрица Екатерина II, стремясь контролировать региональные власти, несколько раз позволяла себе напрямую взаимодействовать с казахскими ханами, султанами и даже биями, однако эти ее действия являлись не более чем исключением – в реальности же «казахские дела» во второй половине XVIII в. уже окончательно передаются в ведение региональных властей с оренбургскими губернаторами во главе. И теперь именно от их компетентности и энергичности зависела эффективность выстраивания отношений Российской империи с казахскими жузами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Реплика переводчика ханского послания Я. Гуляева.

² В самом деле, в течение всех последующих лет ни один нормативный правовой акт Российской империи – начиная с указов императрицы и Сената и заканчивая актами региональных властей – не имеет ссылок также и на волю наследника престола как носителя власти (см.: [9]).

³ Эта уловка, эффективно действовавшая на российские власти в эпоху Елизаветы Петровны и Петра III, при Екатерине II оказалась несостоятельной: именно из-за неспособности контролировать собственных подданных хан Нурали в 1786 г. был лишен трона (см. подробнее: [6. С. 266; 19. С. 101–105]).

⁴ Интересно отметить, впрочем, что обстоятельства вступления Екатерины II на престол, по-видимому, заставили казахских правителей занять осторожную позицию в выражении ей своей лояльности. Так, например, султан Айчувак, получив известие о ее воцарении еще в июле 1762 г., поздравил ее с этим событием лишь в октябре 1764 г. [14. № 130. С. 54–55; 18. № 742. С. 411, 412].

⁵ Переписка казахских ханов и султанов во время восстания 1773–1775 гг. как с самим Е.И. Пугачевым, так и с имперскими властями публиковалась неоднократно, начиная с «Истории пугачевского бунта» А.С. Пушкина и заканчивая новейшими работами 2010-х гг. Однако поскольку данное исследование посвящено другому вопросу, мы не считаем нужным приводить полный перечень изданий, содержащих эту переписку, равно как и анализировать сами послания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трепавлов В.В. Белый царь. Образ монарха и представление о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература, 2007.
2. Ерофеева И.В. «Между всеми старшинами знатнейший». Первый казахский тархан Жанибек Кошкарұлы. Алматы: Б.и., 2013.
3. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов: сб. истор. док.: в 2 т. Т. I: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / сост., отв. ред., ком. И.В. Ерофеевой. Алматы: АБДИ Компани, 2014.
4. Материалы по истории Казахской ССР. Т. II, Ч. 2 (1741–1751 гг.) / под ред. М.П. Вяткина. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1948.
5. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках: сб. док. и материалов. Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1961.
6. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996.
7. А.Б. Из истории Казахстана XVIII в. // Красный архив. 1938. № 2 (87). С. 129–173.
8. Ерофеева И.В. Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик / 3-е изд., испр. и доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2007.
9. Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009.
10. Почекаев Р.Ю. Право Золотой Орды. Казань: Фэн, 2009.
11. Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в начале XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981.
12. Дашкова Е. Записки. М.: Мир книги; Литература, 2009.
13. Уткин Д.Е. Внешняя политика Петра III // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер: Гуманитарные науки. 2014. № 5–6. С. 41–45.
14. Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Ч. 2 / сост. К.Ш. Хафизова, В.А. Моисеев. Алма-Ата: Наука, 1989.
15. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Ч. 2 // Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. 1901. Вып. 16. С. 123–272.
16. Лапин Н.С. Деятельность О.А. Игельstroma в контексте казахско-российских взаимоотношений (1780-е – 1790-е гг.). Астана: Сарыарка, 2012.
17. Отепова Г.Е. История Казахстана на страницах Полного собрания законов Российской империи. Павлодар: Павлодар. гос. пед. ин-т, 2009.
18. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов: сб. истор. док.: в 2 т. Т. II: Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. / сост., отв. ред., ком. И.В. Ерофеевой. Алматы: АБДИ Компани, 2014.
19. Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: ИД Высшей школы экономики, 2017.
20. Бекмаханова Н. Легенда о невидимке (Участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773–1775 годах). Алма-Ата: Казахстан, 1968.
21. Казахи в крестьянской войне 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2004. С. 186–219.
22. Быков А.Ю. Российская правительственная политика в степных областях и трансформация традиционного казахского общества: 1731–1917 гг.: дис. ... докт. ист. наук. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2005.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 февраля 2018 г.

VAIN HOPES: EMPEROR PETER III AND KAZAKH RULERS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 120–125.

DOI: 10.17223/15617793/430/16

Roman Yu. Pochekaev, Higher School of Economics, St. Petersburg Branch (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: ropot@mail.ru

Keywords: Kazakhstan in 18th c.; Russian Empire; imperial policy in steppe regions; Empress Elizabeth; Peter III; Catherine II; letters of Kazakh khans and sultans.

The article is an analysis of relations between the Kazakh ruling elite and Peter III, at first as the heir to the throne and then as the emperor of the Russian Empire. The aim of the research is to clarify what hopes and perspectives were connected by Kazakh khans and sultans with the new Russian monarch, why their expectations did not come true and how it was reflected in the correspondence of the rulers of Kazakhstan with the Russian emperor and other imperial authorities. The sources the author of the article used are, first of all, letters of Kazakh khans and sultans (such as Abul Khair Khan, his sons Nurali, Erali, Aychuvak, sultans Barak, Yulbars, Abulfaiz, Biy Janibek Koshkaruly) to Peter III and other representatives of Russian imperial elite – from Empresses Elizabeth and Catherine II to the governors of Orenburg. Chronologically, these documents cover the period of 1743–1764. The rule of Peter III was very short-term and, as it is considered in historiography, did not influence substantially the Russian history, and even made more harm than benefits; although there are attempts to revise the negative evaluation of this monarch nowadays. However, the inter-

est in Peter as the heir to the throne was considerable among the Russian elite and among the national elites of the Russian Empire. It was reflected in the letters of Kazakh rulers sent just after his appointment the heir to the Russian throne. It is evident from these letters the representatives of the Kazakh elite expected from Peter Fyodorovich a more determined policy towards Kazakhstan than that of his aunt, both in administrative and in military fields. But with time, khans and sultans saw that the heir to the throne showed no interest towards his Kazakh subjects and no longer sent letters to him. When Peter III became the emperor, they resumed correspondence, but its tone changed substantially: Kazakh rulers demonstrated some condescension towards the emperor, explaining him what he should do to “please” the Kazakhs. Moreover, Kazakh rulers addressed most of their requests not only to the emperor, but also duplicated them to other authorities – Chancellor Count Vorontsov and especially to Orenburg governors – as they understood that their fate depended more on regional authorities than on the emperor in St. Petersburg. The author finds that the rule of Peter III, despite being short, was, in fact, a turning-point in the Russian-Kazakh relations during the imperial period. It was then that the Kazakh rulers stopped to address their requests and problems to emperors and central authorities and began to interact closely with the frontier imperial administration of Orenburg and Siberia regions.

REFERENCES

1. Trepavlov, V.V. (2007) *Belyy tsar'. Obraz monarkha i predstavlenie o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [The White Tsar. The image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia Xviii the 15th–18th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura.
2. Erofeeva, I.V. (2013) “*Mezhu vsemi starshinami znatneyshiy*”. *Pervyy kazakhskiy tarkhan Zhanibek Koshkaruly* [“The most noble among all the elders”. The first Kazakh Tarkhan Zhanibek Koshkaruly]. Almaty: [s.n.].
3. Erofeeva, I.V. (ed.) (2014) *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravyashchey elity 1675–1821 godov: sb. istorich. dok.: v 2 t.* [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite of 1675–1821: historical documents: in 2 vols]. Vol. I. Almaty: ABDI Kompani.
4. Vyatkin, M.P. (ed.) (1948) *Materialy po istorii Kazakhskoy SSR* [Materials on the history of the Kazakh SSR]. Vol. II. Pt. 2. Alma-Ata: Kazakh SSR AS.
5. Dzhangalin, M.O., Kireev, F.N. & Shakhmatov, V.F. (eds) (1961) *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh: sb. dok. i materialov* [Kazakh-Russian relations in the 16th–18th centuries: documents and materials]. Alma-Ata: Kazakh SSR AS.
6. Levshin, A.I. (1996) *Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaysatskikh ord i stepey* [Description of Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat.
7. A.B. (1938) *Iz istorii Kazakhstana XVIII v.* [From the history of Kazakhstan in the 18th century]. *Krasnyy arkhiv*. 2 (87). pp. 129–173.
8. Erofeeva, I.V. (2007) *Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik* [Abul Khair Khan: commander, ruler, politician]. 3rd ed. Almaty: Dayk-Press.
9. Tomsinov, V.A. (ed.) (2009) *Zakonodatel'stvo imperatritsy Elizavety Petrovny* [Legislation of Empress Elizaveta Petrovna]. Moscow: Zertsalo.
10. Pochekaev, R.Yu. (2009) *Pravo Zolotoy Ord* [Law of the Golden Horde]. Kazan: Fen.
11. Suleymenov, B.S. & Basin, V.Ya. (1981) *Kazakhstan v sostave Rossii v nachale XVIII – nachale XX veka* [Kazakhstan as part of Russia in the early 18th – early 20th centuries]. Alma-Ata: Nauka.
12. Dashkova, E. (2009) *Zapiski* [Notes]. Moscow: Mir knigi; Literatura.
13. Utkin, D.E. (2014) *Vneshnyaya politika Petra III* [Foreign Policy of Peter III]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Ser: Gumanitarnye nauki*. 5–6. pp. 41–45.
14. Khafizov, K.Sh. & Moiseev, V.A. (eds) (1989) *Tsinskaya imperiya i kazakhskie khanstva. Vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX v.* [The Ch'ing Empire and the Kazakh Khanates. The second half of the 18th – first third of the 19th centuries]. Pt. 2. Alma-Ata: Nauka.
15. Dobrosmyslov, A.I. (1901) *Turgayskaya oblast'. Istoricheskiy ocherk. Ch. 2* [Turgai region. Historical essay. Part 2]. *Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 16. pp. 123–272.
16. Lapin, N.S. (2012) *Deyatel'nost' O.A. Igel'stroma v kontekste kazakhsko-rossiyskikh vzaimootnosheniy (1780-e – 1790-e gg.)* [Activities of O.A. Igelstrom in the context of Kazakh-Russian relations (1780s–1790s)]. Astana: Saryarka.
17. Otepova, G.E. (2009) *Istoriya Kazakhstana na stranitsakh Polnogo sobraniya zakonov Rossiyskoy imperii* [The history of Kazakhstan on the pages of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical University.
18. Erofeeva, I.V. (ed.) (2014) *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoy pravyashchey elity 1675–1821 godov: sb. istorich. dok.: v 2 t.* [Epistolary heritage of the Kazakh ruling elite of 1675–1821: historical documents: in 2 vols]. Vol. II. Almaty: ABDI Kompani.
19. Pochekaev, R.Yu. (2017) *Gubernatory i khany. Lichnostnyy faktor pravovoy politiki Rossiyskoy imperii v Tsentral'noy Azii: XVIII – nachalo XX v.* [Governors and khans. Personality factor of the legal policy of the Russian Empire in Central Asia: 18th – early 20th centuries]. Moscow: ID Vysshey shkoly ekonomiki.
20. Bekmakhanova, N. (1968) *Legenda o nevidimke (Uchastie kazakhov v Krest'yanskoy voyne pod rukovodstvom Pugacheva v 1773–1775 godakh)* [The Legend of the Invisible (Participation of the Kazakhs in the Peasants' War under the guidance of Pugachev in 1773–1775)]. Alma-Ata: Kazakhstan.
21. Trepavlov, V.V., Bulgakov, M.B. & Marchukov, A.V. (eds) (2004) *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of the peoples of Russia in research and documents]. Moscow: IRH RAS. pp. 186–219.
22. Bykov, A.Yu. (2005) *Rossiyskaya pravitel'stvennaya politika v stepnykh oblastyakh i transformatsiya traditsionnogo kazakhskogo obshchestva: 1731–1917 gg.* [Russian government policy in the steppe regions and the transformation of traditional Kazakh society: 1731–1917]. History Dr. Diss. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Received: 10 February 2018

ПЕРЕСТРОЙКА В «ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТРА В.И. ЧЕРНОИВАНОВА В ЗАЩИТУ АГРАРНОЙ НАУКИ

Статья посвящена рассмотрению деятельности последнего советского министра-аграрника В.И. Черноиванова, направленной на сохранение сельскохозяйственного научного потенциала. Анализируются инициированные В.И. Черноивановым мероприятия по улучшению финансирования аграрной науки, поддержке функционирования научно-внедренческих структур. Автор приходит к выводу, что нарастание центробежных тенденций в СССР, противоборство союзной и российской властей не позволили добиться положительных результатов.

Ключевые слова: В.И. Черноиванов; перестройка; аграрная наука; научно-производственная интеграция; СССР.

В исторической науке пристальное внимание привлекают проблемы идеологии и содержания перестройки, причем исследователи не могут обозначить приемлемые для всех некие общие смыслы перестройки. Сделать это необычайно сложно, тем более, как показал последующий опыт, не представлял этого даже в самых общих чертах и сам инициатор перестройки М.С. Горбачев. Сравнение писателем Ю. Бондаревым перестройки «с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка», оказалось пророческим [1. С. 224]. Больше единства в научном сообществе в оценке результатов перестройки. Так, А.А. Зиновьев охарактеризовал перестройку как «катастрофу» [2]. Важно иметь в виду, что часть так называемых прорабов перестройки стремилась действовать по принципу «чем хуже, тем лучше», ориентируясь на создание рукотворного экономического хаоса и вызванное этим «народное возмущение» [3. С. 145–46]. Подобная деятельность вполне могла привести к еще более плачевным последствиям, полной потере управляемости социальными процессами и государственному коллапсу. Часть представителей союзной бюрократии потворствовала антигосударственным тенденциям, часть – безразлично взирала на происходящее, и лишь немногие оказывали противодействие разрушительным планам «прорабов», стремились в меру своих сил и возможностей поддерживать функционирование государственного механизма. Их имена достойны того, чтобы о них знали. При этом изучение эпохи перестройки в «человеческом измерении» позволит дополнить ее историю новыми «очеловеченными» страницами, избежать присущего многим исследованиям схематизма и, следовательно, углубить наши представления о перестройке.

К середине 1980-х гг. стало очевидным, что «ахиллесовой пятой» советской экономики, и прежде всего ее аграрной отрасли, является слабая восприимчивость к научным достижениям. Именно «соединение» науки с производством в начальный период перестройки рассматривалось М.С. Горбачевым как главный фактор повышения эффективности сельскохозяйственного производства [4. С. 20]. Поэтому в высшие управленческие структуры стали выдвигаться руководители, обладающие опытом научной и научно-производственной деятельности. В этих условиях и оказались

востребованы научная эрудиция и организаторский талант Вячеслава Ивановича Черноиванова.

В.И. Черноиванов многие годы своей жизни посвятил науке. Добросовестный и талантливый исследователь, инженер-технолог по образованию, в течение значительного времени был одним из руководителей Государственного всесоюзного технологического института ремонта и эксплуатации машинно-тракторного парка (ГосНИТИ), ведущего научного учреждения СССР в указанной области. Находясь в стенах данного научного учреждения, за научные заслуги В.И. Черноиванов в 30-летнем возрасте был отмечен высокой государственной наградой – Орденом Трудового Красного Знамени (что, признаемся, случается нечасто). В 1979–1985 гг. В.И. Черноиванов возглавлял научно-производственные структуры, отвечающие за улучшение технического оснащения сельского хозяйства СССР. Он последовательно занимал посты генерального директора Всесоюзного научно-производственного объединения по восстановлению изношенных деталей автомобилей, тракторов и сельскохозяйственных машин, заместителя председателя Государственного комитета СССР по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства. В 1984 г. за разработку и внедрение в практику крупномасштабной программы восстановления изношенных деталей машин Вячеслав Иванович был удостоен премии Совета Министров СССР.

В перестроечные годы В.И. Черноиванов занимал высокие посты в системе Госагропрома СССР и учрежденной после его упразднения Государственной комиссии Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам. Нужно сказать, что организационная неразбериха в последние годы существования Советского Союза имела следствием расформирование одних и появление других управленческих структур, деятельность которых была, как правило, кратковременна. Так появилось на закате советского государства – в марте 1991 г. – министерство сельского хозяйства и продовольствия СССР. Данное ведомство и возглавил В.И. Черноиванов, став, как оказалось, последним советским министром, отвечающим за сельское хозяйство. Именно на этом посту, занимать который Вячеславу Ивановичу довелось менее года в самое сложное для страны время, наиболее отчетливо проявились его государственно-научные подходы и не-

равнодушные к ситуации, складывающейся в аграрной отрасли.

Обостряющиеся проблемы аграрной экономики предстояло решать в условиях политической нестабильности, нарастающего экономического хаоса, все возрастающей опасности распада страны, возведения межреспубликанских и межобластных кордонов. И эти проблемы постоянно были в фокусе внимания В.И. Черноиванова. Но как ученый он не мог оставаться безразличным к ситуации, складывающейся в аграрной науке страны. Именно научные структуры более всего «страдали» от «прорабов перестройки», считавших, что рынок «отрегулирует» работу всех звеньев в цепи «наука – производство» и выступит мощным ускорителем развития аграрного сектора. Подобные установки определили направленность «реформ» в научной сфере, обусловили катастрофичность их результатов.

Следует подчеркнуть, что история сельскохозяйственной науки изучена далеко недостаточно, хотя ее роль в развитии аграрного производства в холодной северной стране велика. Вместе с тем исторические исследования (работы А.А. Калиновской, Г.В. Шойдиной, Л.Р. Зангеевой и др.) не только хронологически ограничены, но и выполнены, как правило, на региональном материале. В результате история сельскохозяйственной науки в СССР в период перестройки практически обойдена вниманием исследователей, и, следовательно, не изучена и научно-организационная деятельность В.И. Черноиванова. Кстати, Вячеслав Иванович проявлял живой интерес к аграрной истории страны, им, в частности, была написана книга о деятельности руководителей сельскохозяйственного ведомства России и СССР за 1837–1991 гг. [5]. Любопытно, что в очерке, посвященном «своей» деятельности на посту министра, аграрно-научные аспекты были практически не затронуты, В.И. Черноиванов скромно «умолчал» о своей деятельности в данном направлении, воздав должное своим коллегам: «Постоянный поиск путей, способных интенсифицировать сельскохозяйственное производство, был, собственно говоря, главной заботой наркомов и министров сельского хозяйства на протяжении всей истории СССР» [Там же. С. 427]. В целях некоторого исправления историографической ситуации в рамках данной статьи рассматривается деятельность министра сельского хозяйства и продовольствия СССР Вячеслава Ивановича Черноиванова в защиту аграрной науки страны.

Статья основана преимущественно на архивных материалах. Большая часть информации почерпнута в материалах фонда Министерства сельского хозяйства и продовольствия СССР (ф. 698) Российского государственного архива экономики. Использовалась отчетная документация научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству, содержащаяся в центральных и региональных архивах. Привлекалась также и специальная сельскохозяйственная литература.

Прежде всего, реформы коснулись системы финансирования сельскохозяйственной науки. В прежние, советские, годы финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ

осуществлялось за счет государственного бюджета и средств, централизуемых министерствами и ведомствами. С 1991 г. источник финансирования НИОКР за счет централизуемых средств был отменен. В результате в стране сложилась критическая ситуация с финансированием науки вообще и сельскохозяйственной науки в частности. Резко сократилось бюджетное финансирование науки. В мае 1991 г. В.И. Черноиванов в обращении к заместителю премьер-министра СССР Н.П. Лаврову так характеризовал сложившееся положение: «Создалась критическая ситуация с финансированием научно-исследовательских организаций аграрно-промышленного комплекса, особенно в области перерабатывающих отраслей, создания новой техники и оборудования, что привело к сокращению функционирования многих научных и конструкторских подразделений. Разрушается созданный в стране научно-технический потенциал» [6. Л. 41–42]. Правительство планировало ликвидировать указанный дефицит финансирования за счет отчислений предприятий соответствующим министерствам и ведомствам в размере: для машиностроительного комплекса – 0,9%, агропромышленного комплекса – 0,6% к себестоимости производимой продукции [Там же]. Однако в условиях экономического и политического хаоса, нарастания центробежных тенденций в развитии страны данные предложения не могли быть реализованы. Этот подход тогдашнего правительства, по мысли министра сельского хозяйства и продовольствия СССР, был нецелесообразен «в связи с трудностью централизации средств в данной сфере из-за большого количества промежуточных звеньев» [7. Л. 16]. Объективно попытка его реализации привела бы к полному уничтожению сельскохозяйственного научного потенциала.

Поэтому В.И. Черноивановым был поставлен вопрос перед вышестоящими инстанциями о выделении средств на финансирование отраслевых научно-технических программ из государственного бюджета и созданного правительством фонда стабилизации экономики. Обращение министра-аграрника к высшему руководству, к счастью, не осталось без ответа. Финансы, правда, в меньшем количестве, и в иных пропорциях, все-таки были выделены: было сокращено финансирование непосредственно аграрной науки, а средства направлялись для создания оборудования в перерабатывающих отраслях АПК [6. Л. 41–42]. Это позволило сохранить научно-производственную базу и кадры сельскохозяйственной науки, продолжить исследовательские разработки проблем аграрной отрасли экономики, важность которых в условиях радикальной общественно-экономической трансформации еще более возросла.

В период перестройки стало принято считать, что отношения союзного центра и входивших в СССР республик имеют неравноправный, несправедливый и излишне централизованный, бюрократизированный характер. Все это привело к тому, что в 1991 г. высшей властью была инициирована разработка нового союзного договора. Принял участие в этом важном деле и В.И. Черноиванов. Выступая сторонником сохранения тесных научных и хозяйственных связей

между республиками «обновленного» Союза, понимая трагичность их разрыва, Вячеслав Иванович предложил в раздел исключительных полномочий Союза ССР включить положение об «организации надежного обеспечения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем». Преодолению центробежных тенденций при опоре на совместно накопленный опыт научного обеспечения сельского хозяйства призваны были и отнесенные В.И. Черноивановым к ведению центральных органов власти полномочия по «установлению основ землеустройства, ветеринарии, карантина растений, семеноводства, племенного дела в животноводстве, природопользования и охраны окружающей среды. Организация и осуществление мероприятий по предупреждению и ликвидации эпизоотий, болезней растений, проведение согласованной экологической политики» [6. Л. 3].

Важная роль в сохранении единой «союзной» государственности, хотя и в совершенно ином, более децентрализованном варианте, была отведена В.И. Черноивановым аграрной науке. В новых условиях сосуществования суверенных республик, по мысли министра, ВАСХНИЛ призвана была сформировать «единое научно-техническое пространство». Для этого академия сельскохозяйственных наук должна была расширить научное обеспечение агропромышленного производства по ряду ранее неисследованных проблем. Это и вопросы конверсии оборонного комплекса в интересах АПК и прежде всего в создании нового оборудования для перерабатывающих отраслей, и система комплексного дилерского обслуживания разнообразных сельскохозяйственных товаропроизводителей, и создание новой техники для фермерского производства, и решение проблем введения рыночных отношений в систему технического обеспечения АПК, и т.д. Для ускоренного решения указанных проблем В.И. Черноиванов выступил с ходатайством перед вышестоящими инстанциями о введении в структуру ВАСХНИЛ дополнительной должности вице-премьера [Там же. Л. 134].

Предложения Вячеслава Ивановича сохранить «единое научно-техническое пространство» отвечали интересам всех республик. Структура аграрной науки в СССР строилась таким образом, что наиболее важные в теоретическом плане исследования аккумулировались в центральных отраслевых институтах ВАСХНИЛ, а научная сеть в республиках, как правило, призвана была обеспечить их «привязку» к местным условиям. Разведение аграрной науки по «национальным квартирам» нарушало структурные связи научных учреждений, вело к снижению эффективности научных разработок. Как показали последующие события, все это имело следствием значительное ограничение собственных позиций в сфере научного обеспечения сельскохозяйственного производства, формирования зависимости от «заграницы» в аграрно-научной сфере.

С высоты сегодняшнего дня совершенно ясно, что сохранить государственное единство в тех условиях было чрезвычайно трудно, почти невозможно. Дело в том, что в Советском Союзе существовала «двухуровневая» самоидентификация. Его граждане прежде

всего ощущали себя советскими людьми и только потом – русскими, украинцами, казахами, молдаванами и т.д. И как только это «во-первых» было подвергнуто осмеянию, на первую роль вышло «во-вторых». Формирующиеся республиканские национальные (точнее, националистические) элиты взяли курс на слом единого государства, чтобы безраздельно господствовать в своих «уделах». Данным настроениям были подвержены и широкие народные массы. Тем большее уважение вызывает позиция министра В.И. Черноиванова, стремившегося, вопреки тогдашнему политическому «мейнстриму», воспрепятствовать разрушительной государственной энтропии и, по возможности, сохранить единство связанных исторической судьбой народов.

Как нами было указано выше, на протяжении ряда лет деятельность В.И. Черноиванова была связана с научно-производственной сферой. Нужно сказать, что процессы интеграции аграрной науки и сельскохозяйственного производства в СССР имели достаточно противоречивый характер. В период господства в аграрной науке группы академика Т.Д. Лысенко использовались преимущественно административно-принудительные методы в области внедренческой деятельности. Результат от подобного «внедрения» печален. Но дело не только в экономических потерях, но и в том, что в среде практиков сельского хозяйства сформировалась и широкое распространение получила «антинаучная» психология. После развенчания Т.Д. Лысенко много времени и усилий было затрачено на поиск действительно эффективных научно-внедренческих форм. Путем проб и ошибок, обретений и потерь в конечном итоге пришли к пониманию того, что широкое внедрение научных достижений в производство следует осуществлять не административными мерами, а через использование «демонстрационного эффекта» разнообразных научно-производственных структур. Их деятельность имела особое значение для страны, в которой длительная аграрная историческая традиция носила экстенсивный характер. И эти научно-производственные структуры призваны были переломить данную традицию.

Однако в перестроечное время в качестве главного «интегратора» науки и производства рассматривался рынок. В аграрной отрасли, где кроме задач обеспечения населения продовольствием необходимо было решать и не менее важные задачи поддержания экологического равновесия, обеспечения продовольственной безопасности страны, рыночные отношения должны были соседствовать с активной государственной поддержкой «собственного» производства и его научного обеспечения. Но примитивно-рыночные представления «прорабов перестройки» поставили именно внедренческие подразделения на грань уничтожения. Их сохранение явилось одним из главных направлений в деятельности В.И. Черноиванова как министра сельского хозяйства и продовольствия СССР.

Важную роль в системе обучения и повышения квалификации специалистов сельского хозяйства всегда играли учебно-опытные хозяйства высших учебных заведений агропромышленного комплекса. Кроме

того, в вузах был установлен порядок, согласно которому производству рекомендовались только те научные разработки, которые были внедрены в учебно-опытном хозяйстве [8. С. 104]. Как правило, реализация этих задач требовала значительных дополнительных затрат. В прошлые годы эти затраты покрывались за счет собственных источников и ассигнований из бюджета. В 1991 г. финансовая ситуация обострилась в связи с тем, что учхозам был установлен налог на прибыль в размере 25%, а госбюджетное финансирование было прекращено вовсе. Тем самым оказались невозможными организация нормального учебного процесса со студентами, проведение обучающих мероприятий с производственниками, осуществление научно-исследовательской работы профессорско-преподавательским составом аграрных вузов. Вопрос был настолько неотложен и важен, что 24 июня 1991 г. последовало обращение В.И. Черноиванова к президенту СССР М.С. Горбачеву. В этом обращении Вячеслав Иванович, в частности, писал: «Министерство сельского хозяйства и продовольствия СССР просит Вас освободить от всех видов налогов учебно-опытные хозяйства и другие предприятия высших учебных заведений аграрно-промышленного комплекса. Высвобождающие при этом средства будут направлены на развитие учебно-научно-производственной деятельности учебно-опытных предприятий, что даст возможность улучшить техническую оснащенность учебного процесса и научных исследований, проводимых вузом» [6. Л. 137]. Ответа «сверху», от первого должностного лица государства, не последовало.

Внимание министра В.И. Черноиванова было привлечено и к судьбе отраслевых павильонов ВДНХ. Данные павильоны традиционно использовались как центры пропаганды и внедрения в производство новых прогрессивных технологий, места учебы специалистов, проведения семинаров, школ передового опыта, тематических выставок, ярмарок, смотров-конкурсов. Финансировались отраслевые павильоны за счет средств соответствующих министерств и находились на их балансе. В годы перестройки павильоны были переданы ВДНХ, на базе которых создавались хозрасчетные структуры. Как следствие, пропагандистско-внедренческая деятельность в них была сведена на нет. Поэтому перед руководящими органами В.И. Черноивановым был поставлен вопрос о передаче отраслевых аграрных павильонов на баланс министерства сельского хозяйства и продовольствия СССР [Там же. Л. 26]. Обращение министра-аграрника осталось без ответа.

Как же реагировала на ситуацию, складывающуюся в научно-производственных звеньях аграрной отрасли «альтернативная» союзной российской власть? Показательна в данном случае история с Межотраслевым государственным объединением по производству и переработке риса (МГО «Рис»). Объединение было создано в июне 1990 г. как самостоятельный научно-производственный комплекс с полным технологическим циклом производства и переработки риса и другой сельскохозяйственной продукции с целью сокращения сроков внедрения новых сортов риса,

прогрессивных технологий его возделывания, организации производства современных комплексов машин для возделывания, уборки и переработки риса, обеспечения тесной интеграции науки с сельскохозяйственным производством для значительного повышения его эффективности. Считая такую структуру перспективной, базирующейся на достижениях науки и требующей достаточного материально-технического обеспечения, Совет Министров СССР финансировал МГО «Рис» по отдельной статье. В 1991 г. существующий порядок финансирования был отменен, что означало, по сути, ликвидацию МГО. В середине апреля В.И. Черноиванов обратился к первому заместителю премьер-министра СССР В.Х. Догужиеву с настоятельной просьбой сохранить прежний характер финансирования [6. Л. 15]. Однако союзными структурами данный вопрос так и не был решен. Вот тут-то и проявили активность альтернативные союзным российские власти: в августе 1991 г. «в связи с предложением трудового коллектива» объединение перешло в юрисдикцию органов государственного управления РСФСР. Однако поскольку тогдашнее российское руководство действовало не столько в интересах развития отрасли, сколько «в пику» союзному центру, то в дальнейшем объединение ожидали многочисленные и не совсем продуманные реорганизации и, в конечном счете, ликвидация.

В 1970–1980-е гг. в СССР в результате многочисленных дискуссий и обсуждений ученые и производственники пришли к выводу, что задачам ускоренного внедрения научных рекомендаций в сельскохозяйственное производство будет способствовать формирование научно-производственных и производственных систем. Предполагали, что в данных структурах удастся, опираясь на взаимную заинтересованность и экономическую выгоду участников, минуя бюрократические барьеры, объединить усилия научных и производственных подразделений в деле научного обеспечения сельского хозяйства. Научно-производственные системы создавались как объединения, которые функционировали на добровольной основе с сохранением юридической самостоятельности входящих в них хозяйств. Головным учреждением научно-производственной системы выступали научно-исследовательское учреждение или вуз, а в производственной системе – базовые или «модельные» хозяйства. Взаимоотношения между головной организацией и хозяйствами-участниками были построены на хозрасчетной договорной основе. В 1987 г. в СССР насчитывалось около 200 научно-производственных систем [9. С. 47]. В 1991 г. их количество достигло 900, в орбиту их влияния было вовлечено свыше 15 тысяч колхозов, совхозов, других предприятий [10. Л. 133]. Следует подчеркнуть, что ученые-аграрники в то время с научно-производственными системами связывали большие надежды в плане успешной организации внедренческой деятельности [11. Л. 10].

В.И. Черноиванов именно научно-производственные и производственные системы считал «наиболее простым и эффективным средством», позволяющим «в короткий срок перевести любое производство на качественно новый уровень, наиболее полно исполь-

зовать в этих целях научные достижения, передовой опыт» [7. Л. 132]. Однако эффективная деятельность НПС и ПС невозможна была без соблюдения производственной технологической дисциплины, что, в свою очередь, напрямую зависело от организации поставок необходимых материально-технических ресурсов, обеспеченности подготовленными кадрами специалистов, тесной интеграции производственников с учеными-аграрниками. И Вячеслав Иванович в письме, направленном на имя заместителя премьер-министра СССР Ф.П. Сенько, обратился к руководству страны с предложением решить следующие неотложные задачи. Во-первых, выработать предложения по созданию и развитию консультативно-внедренческой службы на всех уровнях управления, в составе которой важное место отводилось научно-производственным и производственным системам. Во-вторых, при распределении материально-технических ресурсов прежде всего учитывать потребности научно-производственных и производственных систем. В-третьих, решить вопрос о подготовке, переподготовке и направлении специалистов для работы в системах. И, наконец, предусмотреть экономические стимулы для головных организаций, возглавляющих научно-производственные и производственные системы [Там же. Л. 136].

Данное обращение было направлено заместителю премьер-министра СССР 6 августа 1991 г. До известных событий, связанных с ГКЧП и перераспределением полномочий от союзного центра в сторону россий-

ских структур, оставалось совсем немного времени. Естественно, что никаких обозначенных в обращении мер союзными структурами уже принято не было. В конце августа министр сельского хозяйства и продовольствия СССР В.И. Черноиванов был переведен в разряд «исполняющего обязанности», а в ноябре было ликвидировано и министерство.

Таким образом, В.И. Черноиванов, в течение весны-лета 1991 г. находившийся на посту министра сельского хозяйства и продовольствия СССР, решал многочисленные вопросы сохранения аграрного научного потенциала. Особый акцент делался на финансировании научных учреждений, сохранении научно-производственных структур. В то время как поглощенные борьбой за власть высшие властные структуры СССР и РСФСР проблемами научного обеспечения сельского хозяйства интересовались мало. И подвижническая деятельность последнего советского министра-аграрника В.И. Черноиванова, как правило, не приводила к желаемым результатам. Вместе с тем эта деятельность была наполнена большим нравственным смыслом. В свое время Н.А. Некрасов написал: «Пушай наносит вред врагу не каждый воин, / Но каждый в бой иди. А бой решит судьба...» [12. С. 289]. Пользуясь образным выражением поэта, можно сравнить В.И. Черноиванова с «воином», который на последних рубежах сражался за науку. «Враг» в данном случае – государственное безволие одних и политическое лукавство других представителей высшей бюрократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня – 1 июля 1988 г. : стенографический отчет : в 2 т. М. : Политиздат, 1988. Т. 1. 352 с.
2. Зиновьев А. Катастрофа. М. : Эксмо, 2003. 480 с.
3. Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг. : курс лекций. М. : Аспект Пресс, 2002. 367 с.
4. Горбачев М.С. Нарастивать продовольственные ресурсы : выступление на совещ. парт.-хоз. актива обл. Казахстана, краев и обл. Сибири и Урала 7 сент. 1985 г. М. : Политиздат, 1985. 31 с.
5. Черноиванов В.И. Полтора века аграрных проблем. Сельскохозяйственное ведомство России в лицах. 1837–1991. М. : ГосНИТИ, 1999. 604 с.
6. Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 698. Оп. 1. Д. 24.
7. РГАЭ. Ф. 698. Оп. 1. Д. 25.
8. Постановление руководящих работников научно-исследовательских учреждений и вузов по сельскому хозяйству, проведенного Министерством сельского хозяйства СССР и Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина по вопросам повышения уровня научных исследований (30 марта – 1 апреля 1965 года, г. Москва) // Вестник сельскохозяйственной науки. 1965. № 5. С. 103–105.
9. Боев В.Р., Зельднер А.Г. Экономические рычаги ускорения научно-технического прогресса. М. : Агропромиздат, 1988. 63 с.
10. РГАЭ. Ф. 698. Оп. 1. Д. 26.
11. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 2076. Оп. 1. Д. 1407.
12. Некрасов Н.А. Стихотворения и поэмы / предисл. М. Бойко, примеч. А. Гаркави. М. : Худ. лит., 1980. 559 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 3 декабря 2017 г.

THE PERESTROIKA IN THE “HUMAN DIMENSION”: THE ACTIVITIES OF MINISTER V.I. CHERNOIVANOV IN DEFENCE OF AGRARIAN SCIENCE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 126–131.

DOI: 10.17223/15617793/430/17

Aleksandr V. Rychkov, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: alex-rychkov@mail.ru

Keywords: V.I. Chernoi Ivanov; perestroika; agrarian science; research and production integration; the USSR.

The article deals with the activities of V.I. Chernoi Ivanov, the minister of agriculture and food of the USSR, who defended agrarian science at the final stage of the perestroika. The primitive-market views of the initiators of the perestroika on the problems of research and production integration in agriculture had the effect of worsening the situation both directly in science and in scientific and production structures. The shift of the focus in financing the science towards market mechanisms in the face of the increasing economic entropy created the danger of destroying the scientific potential. At the same time, the unjustified reorganisation of scientific and innovative structures significantly limited their opportunities. V.I. Chernoi Ivanov as a scientist who headed the agrarian ministry actively resisted the destructive tendencies. He demanded an increase in the budgetary funding of science from higher authorities, proposed measures to improve the material and technical supply and staffing of scientific and production structures (sectoral pavi-

ions of the Exhibition of Achievements of the National Economy, educational and experimental farms of universities, research production and production systems), considered it necessary to abandon the questionable reorganisation. In order to improve the financial position of institutions of science, to maintain the functioning of innovation departments, he repeatedly appealed to the top leaders of the country, including the president of the USSR, M.S. Gorbachev. As a rule, these appeals remained unanswered. Participating in the discussion of the draft of the new union treaty, V.I. Chernoi vanov strove to ensure the preservation of the “single scientific and technical space”, the structural and scientific ties between the republics of the “renewed” Union, which was in the interests of science; he opposed the destructive processes in relations linked by the historical destiny of the peoples. The situation was complicated by the confrontation between the two centres of power – the Union and the alternative Russian. In the author’s opinion, the top management structures of the USSR and the RSFSR, absorbed in the struggle for power, were not interested in the scientific support of agriculture, their attention to science was purely situational in nature, it was determined by political opportunistic considerations. Therefore, the selfless work of the last soviet agrarian minister V.I. Chernoi vanov, as a rule, did not lead to the desired results.

REFERENCES

1. USSR CP. (1988) *XIX Vsesoyuznaya konferentsiya Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuza, 28 iyunya – 1 iyulya 1988 g.: stenograficheskiy otchet: v 2 t.* [XIX All-Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union, June 28 – July 1, 1988: verbatim report: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.
2. Zinov’ev, A. (2003) *Katastrofika* [Catastroika]. Moscow: Eksmo.
3. Barsenkov, A.S. (2002) *Vvedenie v sovremennuyu rossiyskuyu istoriyu 1985–1991 gg.: kurs lektsiy* [Introduction to modern Russian history. 1985–1991: lectures]. Moscow: Aspekt Press.
4. Gorbachev, M.S. (1985) *Narashchivat’ prodovol’stvennye resursy: vystuplenie na soveshch. part.-khoz. aktivy obl. Kazakhstana, kraev i obl. Sibiri i Urala 7 sent. 1985 g.* [To increase food resources: presentation at the meeting of the party kolkhoz activists of Kazakhstan regions, the regions of Siberia and the Urals on September 7, 1985]. Moscow: Politizdat.
5. Chernoi vanov, V.I. (1999) *Poltora veka agrarnykh problem. Sel’skokhozyaystvennoe vedomstvo Rossii v litsakh. 1837–1991* [One and a half centuries of agrarian problems. Agricultural department of Russia in persons. 1837–1991]. Moscow: GosNITI.
6. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 698. List 1. File 24. (In Russian).
7. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 698. List 1. File 25. (In Russian).
8. Vestnik sel’skokhozyaystvennoy nauki. (1965) *Postanovlenie rukovodyashchikh rabotnikov nauchno-issledovatel’skikh uchrezhdeniy i vuzov po sel’skomu khozyaystvu, provedennogo Ministerstvom sel’skogo khozyaystva SSSR i Vsesoyuznoy akademiiy sel’skokhozyaystvennykh nauk imeni V.I. Lenina po voprosam povysheniya urovnya nauchnykh issledovaniy (30 marta – 1 aprelya 1965 goda, g. Moskva)* [Decision of senior officials of scientific research institutions and universities on agriculture, conducted by the Ministry of Agriculture of the USSR and the All-Union Academy of Agricultural Sciences named after V.I. Lenin on raising the level of scientific research (March 30 – April 1, 1965, Moscow)]. *Vestnik sel’skokhozyaystvennoy nauki*. 5. pp. 103–105.
9. Boev, V.R. & Zel’dner, A.G. (1988) *Ekonomicheskie ryuchagi uskoreniya nauchno-tehnicheskogo progressa* [Economic levers for accelerating scientific and technological progress]. Moscow: Agropromizdat.
10. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 698. List 1. File 26. (In Russian).
11. State Archive of Novosibirsk Oblast. Fund 2076. List 1. File 1407. (In Russian).
12. Nekrasov, N.A. (1980) *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and poems]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Received: 03 December 2017

А.О. Степнов

УЧЕНЫЕ Г. ТОМСКА – ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ В ОБЛАСТИ НАУКИ ЗА ДОСТИЖЕНИЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

На материалах официальной документации, периодической печати и источников личного происхождения рассматривается Сталинская премия в области науки как маркер достижений ученых Томска, местных и эвакуированных в этот город, периода Великой Отечественной войны. Это 14 ученых, получивших премии с 1942 по 1950 г. Освещаются научно-исследовательский контекст этих достижений, их практическое значение, а также признание «большим» научным сообществом, в том числе за рубежом.

Ключевые слова: Сталинская премия; Томск; научное сообщество; Великая Отечественная война.

Комплекс вопросов, выстраиваемых вокруг Сталинской премии, традиционно окружен в некотором роде скандальным ореолом. Как известно, в 1953 г. премия была упразднена. Ее фонд формировался из гонораров И.В. Сталина, поэтому после смерти последнего распоряжение его средствами для премии стало некорректным. В 1966 г. после учреждения аналоговой Государственной премии СССР, «сталинским» лауреатам даже было предложено обменять старую атрибутику. Долгое время сама принадлежность к пантеону ученых, писателей и поэтов, деятелей искусства, отмеченных премией имени человека, противоречивый образ которого дуалистично вбирает в себя и «вождя народов», и тирана, было сопряжено с упреками, недопониманием и даже подозрениями в сервильности.

Особую критику в этом смысле по сей день вызывает номинация по литературе и искусству. Ведь Сталин лично принимал участие в заседаниях комиссии по ее вручениям, и, как вспоминал тот же Симонов, дух этих заседаний подчас не предполагал возражений на вопрос лидера государства «Какие еще будут мнения?» [1. С. 146–147]. Отсюда и наличие «идеологически верных», но мало признанных художественным сообществом, да и читателем, имен.

Обращает на себя внимание и определенная конъюнктурность премии: имена многих лауреатов не известны ни специалистам в области истории науки, литературы и искусств, ни, тем более, широкой аудитории. Встречается мнение, что в эпоху репрессий обладание премией «гарантировало автору неприкосновенность» [2]. Однако имеются биографии, опровергающие его. Так, например, один из первых лауреатов Сталинской премии советский ученый-баллистик, генерал-майор артиллерии П.А. Гельвих, награжденный премией первой степени с формулировкой «За научные работы: “О рассеивании, вероятности попадания и математическом ожидании числа попадания”, опубликованную в 1934 году, “Теоретические основания выработки правил стрельбы”, опубликованную в 1936 году, “Стрельба по быстро движущимся целям”, оконченную в 1940 году» [3. С. 1], дважды был репрессирован (до и после получения премии). Ниже мы рассмотрим другие примеры присуждения премий ранее осужденным по политическим мотивам ученым.

Вместе с тем среди лауреатов, в том числе и в рассматриваемой в настоящей статье номинации, немало достойных лиц, чьи заслуги и авторитет не вызывают сомнений. Данная премия маркирует их достижения и служит «культурным навигатором – отмеченные ей произведения входили в культурный канон» [2].

Мы подчас склонны недооценивать роль и значение науки СССР в реализации бесспорно грандиозного и во многом беспрецедентного по своим масштабам модернизационного проекта 1930–1940-х гг. Нам еще предстоит дать оценку этому «научному ренессансу», в поле которого для представителей научной мысли Сталинская премия была высшей формой национального признания, а для науки в целом – лакмусовой бумажкой научного прогресса. Потому и реакция на ее вручение всякий раз была резонансной: биографии и интервью лауреатов печатались на страницах союзных и местных газет, вручение сопровождалось характерным «обрядовым» чествованием. Победа ученого всегда означала победу вуза и локального научного сообщества.

В предвоенный период среди ученых Томска премией был отмечен лишь один человек – старейший профессор города, один из крупнейших специалистов в области паровозостроения своего времени, профессор Томского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта Н.И. Карташев.

Военные годы принесли новые перспективы научному сообществу города, который еще в эпоху индустриализации был институционализирован в качестве крупнейшего форпоста научно-практического освоения Сибири. Будущий президент АН СССР С.И. Вавилов еще в 1932 г., во время посещения Томска, отметил, что «основы исследования естественных богатств Сибири заложены томичами» [4. 1932. 14 июня].

Установка на практический, модернизационный аспект сохранялась в сообществе ученых Томска в годы войны как доминирующая. Это определяло то, что научно-образовательный комплекс города, координация деятельности которого в 1941–1945 гг. осуществлял Томский комитет ученых по содействию промышленности, транспорту и сельскому хозяйству в военное время (ТКУ), был направлен на генерирование и реализацию комплексных научно-практических проектов, требующих контингентного, междисциплинарного участия.

Стратегическими траекториями развития науки Томска рассматриваемого периода стали, помимо оборонной тематики, поиск и разработка лекарственного сырья, а также местного топлива, организация научной консультации и обслуживания промышленных, в том числе эвакуированных, предприятий, решение проблемы «Урал – Кузбасс», совершенствование методов медицинского обслуживания.

Это предопределило и тематику проводимых исследований. Сразу же отметим, что полученные за годы войны научные результаты имели впечатляющие масштабы, что нашло признание как государства, так и «большого» научного сообщества (в том числе и за рубежом).

Среди ученых г. Томска, в том числе находившихся здесь в эвакуации, разработки и труды которых были отмечены Сталинской премией, насчитывается 14 человек.

Непосредственно в годы войны ее были удостоены 8 ученых, работавших в Томске. В 1942 г. Лауреатами Сталинской премии 2-й степени стали В.Д. Кузнецов и М.А. Большанина «За научный труд “Физика твердого тела”, опубликованный в 1941 году» [5. С. 31]. «Получение Сталинской премии – великая честь, – отмечал в своей речи после вручения В.Д. Кузнецов. – Для меня это большое событие, смысл которого заключается в том, что наше правительство, несмотря на напряженную борьбу с лютым врагом, отметило деятельность в области таких научных дисциплин, к которым относится физика» [4. 1942. 19 авг.].

Еще в 1932 г. в свет вышел первый том «Физики твердого тела», сразу же получивший широкое признание коллег и открывший новую главу в развитии отечественной физической науки. В законченном в 1941 г. 2-м томе излагалась теория пластичности и прочности кристаллических твердых тел. Фундаментальные теоретические труды профессора В.Д. Кузнецова – основателя томской школы физики твердого тела, в годы Великой Отечественной войны нашли применение и на практике, в частности при выплавке бронестойкой стали.

Работы профессора В.Д. Кузнецова, написанные доступным и легким языком и виртуозно сочетающие в себе высокий научно-теоретический подход и эмпирическую составляющую, пользовались большой популярностью среди инженеров и техников. Свидетельством тому – огромное количество писем, на протяжении многих лет присылавшихся Владимиру Дмитриевичу из самых отдаленных районов страны. Данный аспект биографии профессора зафиксирован в очерке писателя А. Бека, который однажды встретился с Кузнецовым в поезде. Последний тогда признался случайному знакомому, что этими письмами у него заполнено шесть ящиков (11 тыс. писем) и что он мечтает, чтобы в Томск к нему приехал какой-нибудь писатель и «занялся бы этими письмами» [6. С. 7]. В связи с высоким прикладным потенциалом этого фундаментального исследования В.Д. Кузнецов одно время даже ходатайствовал о присвоении ему ученой степени доктора технических наук [7. Л. 89–89 об.].

«Физика твердого тела» определила имя В.Д. Кузнецова в науке и завершила процесс становления его

научной школы [8. Л. 104–106]. Отразилось это и в широком признании труда со стороны его коллег, в том числе иностранных. Интерес к книге проявил, например, немецкий профессор из Института Кайзера Вильгельма Полани, который еще в 1930-е гг. предложил перевести ее на немецкий язык и издать в Германии, доктор-инженер, профессор Закс из Франкфурта-на-Майне. На первый том ссылались немецкие ученые Э. фон Шмид и В. Боас в своей вышедшей в 1935 г. монографии «Kristallplastizität» [7. Л. 14, 15].

В 1943 г. В.Д. Кузнецов закончил работу над 3-м томом. «Предполагалось, что вторым томом будет исчерпана “Физика твердого тела”, – писал он в 1943 г., – но перспективы значительно расширились» [9. Л. 19].

В том же году лауреатом Сталинской премии 2-й степени стал А.А. Заварзин – за более раннюю работу «Очерки эволюционной гистологии нервной системы». Подчеркнем, что в 1936–1941 гг. он заведовал кафедрой гистологии в 1-м Ленинградском медицинском институте. После эвакуации в Томск получил должность профессора местного университета. В 1944 г. ему было присвоено звание Почетного члена Ученого совета Томского университета. Здесь Заварзин работал над следующим своим фундаментальным исследованием – «Очерки по эволюционной гистологии крови и соединительной ткани» (начал его в ноябре 1940 г.). Эта монография стала итогом более чем 30-летних исследований ученого.

В 1943 г. Сталинская премия (2-й степени) была вручена ученому из Томского индустриального института (ТИИ) К.В. Радугину с формулировкой «За открытие и изучение Усинского месторождения марганцевых руд» [10. С. 8].

Тогда же «За создание щитового метода разработки крутопадающих пластов» Сталинская премия была вручена Н.А. Чинакалу из того же ТИИ. Его щитовое крепление для шахт и система разработки мощных пластов угля были созданы еще в довоенные годы. Прославили же его как ученого они именно во время войны, когда получили широкое практическое применение. Щит Чинакала (такое упрощенное название для прессы получило его изобретение) позволил кардинально усовершенствовать технологии угольной промышленности. Данная конструкция обеспечивала резкое повышение производительности труда без новых капитальных затрат и увеличивала добычу угля (более подробно о данном изобретении см.: [11]).

С лета 1942 г. решением Государственного комитета обороны и Наркомугля началось внедрение щитовой системы в производство, в результате чего удалось снизить потери полезных ископаемых, сократить производственные расходы, повысить безопасность рабочих. Председатель Томского комитета ученых Б.П. Токин не без назидания отметил тогда, что ученые «придется равняться в помощи Кузбассу по Н.А. Чинакалу, который провел такую большую работу» [12. Л. 137].

В том же 1943 г. премии удостоились основатель томской школы синтетических лекарственных препаратов Л.П. Кулев (3-я степень «За разработку метода ускорения технического анализа»), томский профессор-хирург А.Г. Савиных (2-я степень «За работы по

хирургическому лечению органов средостения, завершённые научным трудом “Чрезбрюшинная медиастинотомия и её практическое значение”, законченным в 1942 году). Усилиями последнего широкое применение в госпиталях получили новаторские хирургические методы, в том числе предложенные Савиных способы хирургического лечения огнестрельных ранений и воспалений задне-нижнего отдела средостения, – ранее эти случаи считались смертельными.

Эвакуированный в Томск из Москвы почтенный профессор-транспортник С.П. Сыромятников в 1943 г. также был отмечен премией 2-й степени «За многолетние выдающиеся работы в области науки и техники» (более подробно о научной деятельности С.П. Сыромятникова и эвакуированного в Томск коллектива Московского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта в годы Великой Отечественной войны см.: [13]).

Как известно, в 1944–1945 гг. Сталинские премии не присуждались: поскольку в предыдущие военные годы почти все лауреаты перечисляли деньги в Фонд обороны, то и фонд премии, по всей вероятности, разумнее посчитали направить на поддержку Красной Армии. Однако в литературе высказываются и иные точки зрения. Так, имеется мнение, что причиной тому послужили идеологические конфликты вокруг журнала «Знамя» (в 1944 г. в нем был назначен новый редактор В. Вишневский), борьба против «политически вредных, враждебных настроений» деятелей советской культуры (Асеева, Зощенко, Сельвинского, Федина, Довженко и др.). Полагается, что именно в этом контексте Сталин принял решение «очередного присуждения премий не проводить», хотя списки за 1943 год были уже подготовлены [14. С. 77–81].

В 1946 г. за работы военных лет лауреатом Сталинской премии 1-й степени с формулировкой «За научный труд “Хирургическая анатомия грудного протока и главных лимфатических коллекторов и узлов туловища” (1945)» стал Д.А. Жданов, в годы войны – заведующий кафедрой нормальной анатомии, директор Томского медицинского института (ТМИ). Тогда же был награжден Б.И. Баяндуров (2-я степень «За научные исследования о влиянии головного мозга на обмен веществ в организме, обобщённые в монографии “Трофическая функция головного мозга”»). Последний считается основателем сибирской физиологической школы и последователем академика Павлова. На протяжении многих лет он совместно со своими учениками изучал влияние головного мозга на трофику различных органов, что получило практическое применение в медицине и сельском хозяйстве [4. 1939. 26 окт.].

Баяндурову же принадлежит идея «прибора для обнаружения металлических включений в теле человека», которая в годы войны была реализована научным сотрудником Сибирского физико-технического института Томского государственного университета (ТГУ) Б.П. Кашкиным и лаборантом ТИИ П.П. Одиновым. Баяндуров принял участие и в осуществлении крупного междисциплинарного проекта по поиску и

разработке лекарственного сырья, который требует особого упоминания (также см.: [15. С. 133–134]).

Впервые летом 1941 г. с инициативой об осуществлении данного проекта выступил заведующий кафедрой фармакогнозии ТМИ В.В. Ревердатто (по совместительству – профессор ТГУ) [16. Л. 3]. Связано это было с нуждами местного фармацевтического завода, который в то время не обладал запасами лекарственного сырья «даже на текущий квартал».

Дело в том, что в довоенный период вся фармацевтическая промышленность СССР использовала лекарственное сырьё, ввозившееся из Украины, с побережья Чёрного моря, из Ленинградской области. Наркомздрав в те годы руководствовался представлением о нерациональности использования лекарственных культур Сибири. Несмотря на то что дикорастущая флора Западной Сибири была очень разнообразна, например, Томский фармацевтический завод ввозил из европейской части СССР лекарственные травы, «обильно произрастающие на севере Новосибирской области».

В результате в первые же месяцы войны «основная масса плантаций лекарственных растений и большая часть предприятий фармпромышленности оказались во временно оккупированной или прифронтовой полосе» [17. Л. 96–97].

План «применения дико произрастающих в Сибири лекарственных растений взамен ранее импортируемых и ввозимых» был предложен коллективами ботанических кафедр, Ботанического сада и Гербария ТГУ и базировался на наработках сибирской научной ботанической школы, основателем которой был профессор П.Н. Крылов. Последний при жизни начал издание многолетнего труда «Флора Западной Сибири», работу над которым продолжили его ученики, прежде всего его преемница заведующая Гербарием ТГУ доцент Л.П. Сергиевская. Местным ботаникам было известно, что в Сибири тогда произрастало около 150 видов растений, обладающих лекарственными свойствами.

Инициатива нашла одобрение Комитета, и вскоре при нем было создано ботанико-фармакологическое бюро (позднее реорганизовано в медико-биологическое) для реализации проекта «по замене импортных лекарственных растений, их исследованию, сбору и снабжению ими гражданских и военных лечебных учреждений», к которому привлекались ботаники, химики, фармакологи и физиологи местных и эвакуированных (например, Б.И. Лаврентьев из Всесоюзного института экспериментальной медицины) вузов и НИИ.

В состав бюро вошли В.В. Ревердатто, профессор-фармаколог ТМИ Н.В. Вершинин, директор Ботанического сада А.Д. Бейкина (они составляли так называемую руководящую тройку), а также Л.П. Сергиевская, профессор-ботаник К.Т. Сухоруков, профессор-физиолог Б.И. Баяндуров, доцент ТМИ Л.Н. Дьяконова-Шульц, Н.Ф. Гофштадт и др. [18. С. 228–230].

Ученым удалось в сжатые сроки организовать сбор и заготовку местного лекарственного растительного сырья. Собирались не только растения в окрестностях Томска, но и, при помощи Новосибирской

конторы Лекартреста, произрастающие на Алтае и в Хакасии, в Саянах и степной полосе Сибири [19. Л. 74].

Параллельно осуществлялся и фармакологический проект, руководил которым профессор ТМИ Н.В. Вершинин. Еще в 1934 г. он совместно с коллективами кафедры фармакологии ТМИ и Новосибирским камфорным заводом впервые осуществил синтез лево-вращающей камфары из пихтового масла методом дегидрирования борнеола [20. С. 128]. Благодаря этому удалось доказать большую эффективность сибирской камфары в сравнении с японской, от импорта которой СССР отказался уже в 1936 г.

В годы войны исследования в этом направлении были актуализированы, и Н.В. Вершинин вместе с эвакуированным в Томск профессором-химиком В.А. Измаильским открыл способ замены импортной базиликовой камфары. Были проведены экспериментальные испытания в лабораторных условиях, после чего препарат был внедрен в медицинскую практику [21. С. 163].

Экспериментальное апробирование полученных препаратов на животных осуществлялось под руководством профессора Баяндурова. Терапевтическую апробацию проводил профессор Д.Д. Яблоков.

В итоге был заложен фундамент для формирования капитальной базы местного лекарственного сырья и значительного усиления фармацевтической промышленности региона [22. Л. 1–1 об.]. Уже к началу 1942 г. кластер ученых города, объединенных вокруг импортозамещения лекарственного сырья, сохранив установку на изыскание заменителей имеющихся и создание новых лекарственных веществ, поставил перед собой задачу обслуживать и помогать «хозяйственным организациям по использованию растительных ресурсов области для всей фармацевтической промышленности СССР» [23. Л. 147]. В январе 1942 г. Новосибирский обком ВКП(б) дал поручение ТКУ составить проект деятельности по лекарственному сырью в двух вариантах: «С расчетом обеспечения потребностей Новосибирской области исключительно местным лекарственным сырьем и с расчетом обеспечения сибирским лексырьем всей фармпромышленности СССР» [12. Л. 59–59 об.].

В 1943 г. Комитет ученых поставил вопрос о созыве всесоюзного совещания по лекарственному растительному сырью в Томске. Сибирская межобластная конференция по лекарственному растительному сырью состоялась 3 апреля 1944 г. В ней приняли участие медики и ботаники Новосибирска, Иркутска, Омска, Хабаровска, Ойрот-Туры, Барнаула, Свердловска, представители Наркомздрава СССР, Всесоюзного института лекарственных растений и других организаций. Конференция продлилась 3 дня. Было заслушано 25 докладов [4. 1944. 18 марта].

Данное мероприятие стало этапом институционализации нового стратегического научного направления. К моменту его проведения Ученый совет Наркомздрава и Государственный комитет по фармакопее уже приняли целый ряд предложений томских ученых по новым лекарственным растениям. Томск усилиями местного научного сообщества стал

центром зарождения независимой от импорта фармацевтической промышленности Сибири.

В 1947 г. Н.В. Вершинин, В.В. Ревердатто и Д.Д. Яблоков «За изучение новых лекарственных растений, получение из них лечебных препаратов и внедрение их в практику здравоохранения» получили звания лауреатов Сталинской премии 2-й степени. Данный проект на длительное время стал драйвером развития научных исследований в ботанике и фармакологии, физиологии и лечебной практике.

Наконец, в 1950 г. «За научный труд “Фитонциды”» Сталинской премии 3-й степени был удостоен Б.П. Токин. Его монография «Бактерициды растительного происхождения (фитонциды)», впервые опубликованная в Томске в 1942 г., стала результатом многолетних творческих поисков ученого. Теоретико-практическое значение этого открытия сразу получило высокие отзывы его коллег: А.А. Заварзина, Б.И. Лаврентьева, Д.Д. Яблокова, И.В. Торопцева, П.С. Купалова и др.

Тогда во многих зарубежных странах, прежде всего в США, задача поисков антисептиков растительного происхождения была актуальной [24. С. 4]. В том числе и поэтому в сентябре 1942 г. жена премьер-министра Великобритании Черчилля, председатель фонда Красного Креста «Помощь России» Клементина Черчилль обратилась к председателю Томского комитета ученых с просьбой сообщить ей подробности о «новом замечательном средстве» [4. 1942. 17 сент.].

К слову, в литературе имеется мнение (Л.А. Орбели, Н.Н. Бурденко, Б.Л. Исаченко и др.), что Токин должен считаться автором открытия не только фитонцидов высших растений, но и антибиотиков в целом [21. С. 426]. Отметим и то, что впервые Борис Петрович был выдвинут на Сталинскую премию в том же 1942 г.

ТКУ оценивал научные достижения и ряда других ученых, таких как математик Н.П. Романов [12. Л. 139 об.], физик Г.М. Кондратьев [25. Л. 248], выдвигая их на Сталинскую премию.

Немного о политическом аспекте. Среди перечисленных лауреатов двое ранее были репрессированы и имели в связи с этим не самое удобное для тех лет пятно в биографии. В 1928 г. по «Шахтинскому делу» был репрессирован и осужден на 6 лет строго режима Н.А. Чинакал [26]. Именно по этой причине его дальнейшая жизнь оказалась связанной с Сибирью (до этого его инженерная и научно-исследовательская деятельность была сосредоточена в шахтах Донбасса).

Б.П. Токин, который в 1936–1937 гг. являлся директором ТГУ, был отстранен от этой должности приказом наркома просвещения РСФСР А.С. Бубнова и вскоре после этого по многочисленным обвинениям (вредительство на посту директора университета, порочащие связи, бывшее членство в партии эсеров и т.д.) был исключен из партии, а в феврале 1938 г. и вовсе арестован. Пробыв в тюрьме ровно год, он был освобожден «за прекращением дела» [27. С. 36–42].

В.В. Ревердатто в 1935 г. при проверке документов был исключен из рядов ВКП(б) как «выходец из классово-враждебной среды». Восстановлен в ней

он был только в 1946 г. (хотя в 1951 г. исключен вновь) [21. С. 369].

Данные биографические факты позволяют нам сделать вывод, что ключевым критерием отбора лауреатов премии по преимуществу были «чистые» научные достижения, но не демонстрация лояльности и наличие «кристальной» партийной биографии.

Обладание премией, бесспорно, занимало важное место в профессиональном бытии ученых. Она выступила одним из краеугольных атрибутов успеха и признания – того, что П. Бурдые называл «символическим капиталом». К примеру, профессор В.Д. Кузнецов подчас не отказывал себе в удовольствии в направляемых в различные инстанции письмах подписывать себя как «Лауреат Сталинской премии» [7. Л. 89 об.]. Имели место и привилегии, дававшиеся вместе со званием (более подробно см.: [28. С. 135]). К тому же

номинал премии варьировался от 50 (2-я ст.) до 100 (1-я ст.) тыс. руб. в 1941 г., от 100 (2-я ст.) до 200 (1-я ст.) тыс. руб. в 1942–1943 гг. и от 50 (3-я ст.) до 200 (1-я ст.) тыс. руб. в послевоенные годы, что в те времена составляло, скажем так, немалую сумму.

В заключение вновь отметим, что изучение истории присуждений Сталинской премии важно для нас в том отношении, что в рассматриваемый период она выступала одним из ключевых маркеров динамики научного прогресса. По всей видимости, в силу факторов ментального характера, влияния академической традиции города Томска в годы Великой Отечественной войны здесь наблюдался всплеск научно-исследовательской активности, зарождались новые научные направления. Данное сочетание времени и места стало важной вехой в научных биографиях целого ряда ученых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения : Размышления о И.В. Сталине. М. : Книга, 1990. 253 с.
2. Венявкин И. Краткий путеводитель по Сталинской премии : Главная литературная СССР : рекордсмены, скандалы и курьезы // Онлайн-университет Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/978> (дата обращения 13.02.2018).
3. Постановление СНК СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки» от 13 марта 1941 года // Вестник АН СССР. 1941. № 4. С. 1–6.
4. Красное знамя. Орган Томского горкома ВКП(б) и Городского совета депутатов трудящихся (с августа 1944 г. – Томского обкома ВКП(б) и Областного совета депутатов трудящихся). Томск.
5. Постановление СНК СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки» от 10 апреля 1942 года // Вестник АН СССР. 1942. № 4. С. 31–35.
6. Встреча в вагоне // Бек. А.А. Зерно стали: рассказы и очерки. М. : Профиздат, 1950. 182 с.
7. Государственный архив Томской области (далее ГАТО). Ф. 1562. Оп. 1. Д. 700.
8. Костерев А.Г. Научная биография академика В.Д. Кузнецова : дис... канд. ист. наук. Томск, 2008. 215 л.
9. ГАТО. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 489.
10. Постановление СНК СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки» от 22 марта 1943 года // Вестник АН СССР. 1943. № 3. С. 6–13.
11. Степнов А.О. Томский комитет ученых и помощь Кузбассу в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война : исторические уроки и современность (70-летию Великой Победы посвящается) : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Великая Отечественная война : исторические уроки и современность (70-летию Великой Победы посвящается)» г. Иваново, 2 апреля 2015 г. Иваново: ИРОИО, 2015. С. 62–64.
12. Центр документации новейшей истории Томской области (далее ЦДНИ ТО). Ф. 1078. Оп. 1. Д. 10.
13. Степнов А.О. Томский комитет ученых и проблемы работы транспорта в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Сибирь в Великой Отечественной войне: сб. материалов Всерос. науч. конф., посв. 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне (Новосибирск, 27–28 апреля 2015 г.). Новосибирск : Институт истории СО РАН, Параллель, 2015. С. 332–339.
14. Сталинские премии. Две стороны одной медали : сб. документов и художественно-публицистических материалов / сост. В.Ф. Свиныгин, К.А. Осеев. Новосибирск : «Свиныгин и сыновья», 2007. 880 с.
15. Некрылов С.А., Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Наука и практическая медицина г. Томска в годы Великой Отечественной войны // Сибирский медицинский журнал. 2014. Т. 29, № 3. С. 131–138.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 2.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 12.
18. Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : документы и материалы / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2015. 480 с.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 6.
20. Профессора медицинского факультета Императорского (государственного) Томского университета – Томского медицинского института – Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003) : Биографический словарь. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. Т. 2. 402 с.
21. Профессора Томского университета : биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
22. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 2. Д. 1.
23. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 9.
24. Фитонциды. Научные исследования, доложенные на конференции по проблемам антисептиков биологического происхождения (Томск, 14–15 февраля 1944 г.). Томск : Красное знамя, 1944. 288 с.
25. ЦДНИ ТО. Ф. 1078. Оп. 1. Д. 4.
26. Зворыгин Л.В. Инженер, горняк, педагог, ученый: к 110-летию со дня рождения Николая Андреевича Чинакала // «Наука в Сибири». 1998. № 43–44. URL: <http://www.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?3+196+1> (дата обращения 16.04.2017).
27. Степнов А.О. Томский период жизни и творчества профессора Б.П. Токина : научная биография. Saarbrücken, Germany : Изд-во LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2015. 93 с.
28. Фоминых С.Ф., Степнов А.О. Повседневность ученых г. Томска в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 132–142.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 февраля 2018 г.

TOMSK SCIENTISTS – STALIN PRIZE WINNERS IN THE FIELD OF SCIENCE FOR THEIR ACHIEVEMENTS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 132–138.

DOI: 10.17223/15617793/430/18

Aleksey.O. Stepnov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ASAOM@yandex.ru

Keywords: Stalin Prize; Tomsk; scientific community; Great Patriotic War.

In the article, on the materials of official documents, periodicals and personal sources, the achievements of Tomsk scientists in the field of science during the Great Patriotic War that were marked with the Stalin Prize are considered. The perception of this award and its criticism for conjuncture and prejudice in the selection of winners are highlighted. Nevertheless, there was a high symbolic significance of the Stalin Prize. It was the highest form of national recognition for the soviet scientists during the modernisation and the “scientific Renaissance” of the 1930s–1940s, and it was the litmus test of scientific progress in the USSR. From 1942 to 1950, 14 scientists of Tomsk, some of whom were in this city in evacuation, were awarded the Stalin Prize for research achievements during the Great Patriotic War. Eight scientists (physicists V.D. Kuznetsov, M.A. Bolshanina, chemist L.P. Kulev, surgeon A.G. Savinykh, specialist in locomotive construction S.P. Syromyatnikov, histologist A.A. Zavarzin, geologist K.V. Radugin, specialist in mining N.A. Chynacal) in 1942 and 1943, and six scientists were awarded during the postwar years (surgeon D.A. Zhdanov, physiologist B.I. Bayandurov, pharmacologist N.I. Vershinin, botanist V.V. Reverdatto, therapist D.D. Yablokov, biologist B.P. Tokin). Their activities were integrated into the strategic directions chosen and coordinated by the Tomsk Committee of Scientists: research and development of medicinal raw materials, mineral deposits in Siberia, organisation of consultations and scientific support of industrial enterprises, solution to the “Ural-Kuzbass” problem, etc. The scientific context of the discoveries and works that were awarded and their practical application (introduction into industry, medical practice, transport, etc.) are analysed. The perception of these achievements by other scientists, the “large” scientific community, including international recognition, is reflected. The influence of political aspects on the selection of winners is considered. It is concluded that the Stalin Prize in the field of science during the period under review representatively reflected the main achievements of scientists, and it was a marker of research development, including on a regional scale. It is emphasised that, taking into account the impressive monetary value of this award and the privileges accompanying the title, the Stalin Prize was an important part of the “symbolic capital” of the soviet scientist during the Stalin era.

REFERENCES

1. Simonov, K.M. (1990) *Glazami cheloveka moego pokoleniya: Razmyshleniya o I.V. Staline* [With the eyes of a person of my generation: Reflections on I.V. Stalin]. Moscow: Kniga.
2. Venyavkin, I. (n.d.) *Kratkiy putevoditel' po Stalinskoj premii: Glavnaya literaturnaya nagrada SSSR: rekordsmeny, skandaly i kur'ezy* [A short guide to the Stalin Prize: The main literary prize of the USSR: record holders, scandals and curiosities]. [Online] Available from: <https://arzamas.academy/materials/978>. (Accessed 13.02.2018).
3. Vestnik AN SSSR. (1941) Postanovlenie SNK SSSR “O prisuzhdenii Stalinskikh premiy za vydayushchiesya raboty v oblasti nauki” ot 13 marta 1941 goda [Decree of the Council of People’s Commissars of the USSR “On awarding the Stalin Prizes for outstanding work in the field of science” of March 13, 1941]. *Vestnik AN SSSR*. 4. pp. 1–6.
4. *Krasnoe znamya*.
5. Vestnik AN SSSR. (1942) Postanovlenie SNK SSSR “O prisuzhdenii Stalinskikh premiy za vydayushchiesya raboty v oblasti nauki” ot 10 aprelya 1942 goda [Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR “On awarding the Stalin Prizes for outstanding work in the field of science” of April 10, 1942]. *Vestnik AN SSSR*. 4. pp. 31–35.
6. Bek, A.A. (1950) *Vstrecha v vagone* [Meeting in the rail car]. In: *Zerno stali: rasskazy i ocherki* [Grain of steel: stories and essays]. Moscow: Profizdat.
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 1562. List 1. File 700. (In Russian).
8. Kosterev, A.G. (2008) *Nauchnaya biografiya akademika V.D. Kuznetsova* [Scientific biography of Academician V.D. Kuznetsov]. History Cand. Diss. Tomsk, 215 l.
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1562. List 1. File 489. (In Russian).
10. Vestnik AN SSSR. (1943) Postanovlenie SNK SSSR “O prisuzhdenii Stalinskikh premiy za vydayushchiesya raboty v oblasti nauki” ot 22 marta 1943 goda [Decree of the Council of People’s Commissars of the USSR “On awarding the Stalin Prize for outstanding work in the field of science” of March 22, 1943]. *Vestnik AN SSSR*. 3. pp. 6–13.
11. Stepnov, A.O. (2015) [Tomsk Committee of Scientists and Assistance to Kuzbass during the Great Patriotic War]. *Velikaya Otechestvennaya vojna: istoricheskie uroki i sovremennost' (70-letiyu Velikoy Pobedy posvyashchaetsya)* [The Great Patriotic War: Historical Lessons and Modernity (dedicated to the 70th anniversary of the Great Victory)]. Proceedings of the all-Russian conference. Ivanovo. 2 April 2015. Ivanovo: IROIO. pp. 62–64. (In Russian).
12. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 10. (In Russian).
13. Stepnov, A.O. (2015) [Tomsk Committee of Scientists and the problems of transport in the years of the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Sibir' v Velikoy Otechestvennoy voyne* [Siberia in the Great Patriotic War]. Proceedings of the all-Russian conference on the 70th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War. Novosibirsk. April 27–28, 2015. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS, Parallel'. pp. 332–339. (In Russian).
14. Svin'in, V.F. & Oseev, K.A. (eds) (2007) *Stalinskie premii. Dve storony odnoy medal: sb. dokumentov i khudozhestvenno-publitsisticheskikh materialov* [The Stalin Prize. Two sides of the same coin: documents and artistic and journalistic materials]. Novosibirsk: “Svin'in i synov'ya”.
15. Nekrylov, S.A., Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2014) Science and practical medicine of Tomsk during the Great Patriotic War. *Sibirskiy meditsinskiy zhurnal – Siberian Medical Journal*. 29:3. pp. 131–138. (In Russian).
16. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 2. (In Russian).
17. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 12. (In Russian).
18. Fominykh, S.F. (ed.) (2015) *Tomskiy komitet uchenykh v gody Velikoy Otechestvennoy vojny 1941–1945 gg.: dokumenty i materialy* [Tomsk Committee of Scientists during the Great Patriotic War of 1941–1945: documents and materials]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 6. (In Russian).
20. Fominykh, S.F. (ed.) (2004) *Professora meditsinskogo fakul'teta Imperatorskogo (gosudarstvennogo) Tomskogo universiteta – Tomskogo meditsinskogo instituta – Sibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta (1878–2003): Biograficheskiy slovar'* [Professor of the Medical Faculty of the Imperial (State) Tomsk University – Tomsk Medical Institute – Siberian State Medical University (1878–2003): A biographical dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
21. Fominykh, S.F. et al. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A biographical dictionary]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.

22. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 2. File 1. (In Russian).
23. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 9. (In Russian).
24. Krasnoe znamya. (1944) *Fitontsidy. Nauchnye issledovaniya, dolozhennye na konferentsii po problemam antiseptikov biologicheskogo proiskhozhdeniya (Tomsk, 14–15 fevralya 1944 g.)* [Phytoncides. Scientific research, reported at a conference on the problems of antiseptics of biological origin (Tomsk, February 14–15, 1944)]. Tomsk: Krasnoe znamya.
25. Documentation Center of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1078. List 1. File 4. (In Russian).
26. Zvorygin, L.V. (1998) Inzhener, gornyyak, pedagog, uchenyy: k 110-letiyu so dnya rozhdeniya Nikolaya Andreevicha Chinakala [Engineer, miner, teacher, scientist: to the 110th anniversary of the birth of Nikolai Andreevich Chinakal]. *Nauka v Sibiri*. 43–44. [Online] Available from: <http://www.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?3+196+1>. (Accessed 16.04.2017).
27. Stepnov, A.O. (2015) *Tomskiy period zhizni i tvorchestva professora B.P. Tokina: nauchnaya biografiya* [The Tomsk period of life and work of Professor BP. Tokin: a scientific biography]. Saarbrücken, Germany: Izd-vo LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG.
28. Fominykh, S.F. & Stepnov, A.O. (2016) *Daily life of Tomsk scholars during the Great Patriotic War. (1941–1945). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 132–142. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/412/22

Received: 19 February 2018

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.14-057.875

Е.Г. Евдокимова, Е.Е. Махова

ВОЗМОЖНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭВРИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА УРОКАХ ИСТОРИИ

На примере учебного предмета «история» показаны факторы, необходимые для реализации эвристического потенциала исследовательской деятельности, на основе возрастных и личностных потребностей обучающихся, через призму исторических событий и исторических примеров.

Ключевые слова: исследовательская деятельность; эвристический потенциал; история; возрастные и личностные потребности обучающихся; творчество.

Ключевым элементом модернизации российской школы является Федеральный государственный стандарт (ФГОС), реализация которого закреплена новым Законом «Об образовании», где обосновывается широкое внедрение в образовательный процесс альтернативных форм и способов ведения образовательной деятельности. В качестве результатов педагогической деятельности акцент делается на умении учащихся контактировать с людьми, чувстве патриотизма и национальной идентичности, ответственном поведении и толерантном отношении к другим [1, 2].

Практика показывает, что решение поставленных задач наталкивается на определенные трудности, к которым можно отнести недостаточную разработанность методического инструментария и внимание к условиям реализации его развивающего потенциала. Наибольшими возможностями в решении поставленных задач обладают, на наш взгляд, применение исследовательского метода при изучении предметов гуманитарного цикла, в частности «Истории», и обращение к личностной составляющей учебного предмета в качестве условий его реализации.

Специфика истории состоит в том, что она, с одной стороны, являясь гуманитарной дисциплиной, имеет дело с текстом (хрониками, свидетельствами очевидцев, описаниями событий), а с другой стороны, выступает в определенном смысле сферой человековедения, ибо предметом её всегда являются события в жизни народа. Таким образом, для истории слово (текст) является не только предметом изучения, но и способом познания человеком себя и мира вокруг через слово и в слове, что эвристично для открытия учениками своего жизненного мира, осмысления собственного пути. Данное положение направляет нас на выявление возможностей учебного предмета «История» для осмысленности учения, включения в него учащегося на уровне как интеллектуальной, так и личностной и социальной активности.

Роль учебного предмета «История» в пробуждении личностной и социальной активности учащихся 5–9-х классов в значительной мере связана с тем, насколько он помогает им ответить на сущностные вопросы миропознания, миропонимания и мировоззрения: Кто я? Кто мы? Кто они? Что значит жить

вместе в одном мире? Как связаны между собой прошлое и современность?

Ответы на данные вопросы предполагают, во-первых, восприятие подростками младшего и среднего возраста основополагающих ценностей и исторического опыта своей страны, своей этнической, религиозной, культурной общности и, во-вторых, пробуждение их самосознания на основе творческого участия в процессе освоения знаний по истории человеческих цивилизаций и характерных особенностей исторического пути других народов мира.

Какие технологии необходимы для решения поставленных задач? Если в процессе обучения применяются технологии, направленные на обеспечение неразрывной связи эмоций, знаний и поступков, то учащиеся могут лучше понять свои личностные и национальные особенности, осмыслить ценности межкультурного общения. Данное положение особенно актуально для подрастающего поколения, когда происходят самоидентификация в культурной среде, соотнесение себя как личности с социальным опытом человечества, осваиваются умения работать с информацией вместе с другими людьми.

Одним из видов организации работы учащихся, в которой имеются предпосылки объединения эмоций, знаний и поступков учащихся, выступает исследовательская деятельность. Участвуя в подобных исследованиях на уроках истории, учащиеся получают возможность лучше узнать духовный мир других народов за счет погружения в историю их жизни.

Исследовательская деятельность рассматривается как один из эффективных методов, формирующих умение учащихся самостоятельно добывать новые знания, работать с информацией, делать выводы и умозаключения. Данный метод предполагает не только индивидуальный, но и групповой, совместный поиск нового знания обучающимися.

В педагогике исследовательская деятельность рассматривается в разных аспектах. Например, выявляются ее специфика, структура и алгоритм действий, основных этапов, характерных для исследования в научной сфере: постановка проблемы, изучение теории, подбор методик исследования, сбор собственного материала, его анализ и обобщение, научный комментарий, собственные выводы [3–5].

При этом в качестве основной задачи педагога, организующего исследовательскую деятельность, большинство авторов выделяют приобщение учащихся к объективным противоречиям развития научного знания и способам их решения. Остается нерешенным вопрос о том, каким образом привить интерес к исследованию у младших подростков, обеспечить ее значимость для них, остается практически неразработанным.

Необходимым условием вовлечения учащихся в исследовательскую деятельность, на наш взгляд, выступает обеспечение связи эмоций, знаний и поступков учащихся, предпосылки чего имеются как в самом учебном предмете «История», так и в исследовательском методе.

Именно деятельность, объединяющая эмоции, знания и поступки учащихся, позволяет им освоить личностную составляющую учебного предмета, т.е. воплотить свои замыслы, реализовать творческие способности, наладить кооперацию с другими людьми, получить признание своей деятельности. Рассматриваемая нами личностная составляющая учебного предмета подтверждается данными о возрастных возможностях учащихся.

При переходе от младшего школьного возраста к подростковому возрасту, важнейшим содержанием психического развития становится развитие самосознания. Интерес к себе, к собственной психической жизни и к качествам своей личности рождает потребность сравнить себя с другими, оценить себя. Стимулом к учению становится в большей степени стремление добиться признания со стороны сверстников и педагога, близких и родных людей; оценка окружающих мотивирует его на исследовательский поиск, дает возможность подтвердить свои способности, занять определенное положение в классе.

В подростковом возрасте происходит изменение характера познавательной деятельности. Подросток становится способным к более сложному аналитико-синтетическому восприятию предметов и явлений. У него формируется способность самостоятельно мыслить, рассуждать, сравнивать, делать относительно глубокие выводы и обобщения.

В 11–12 лет у детей появляется желание иметь свою точку зрения, склонность к экспериментированию, решать проблемы, находить сходства и различия, причину и следствие. Критичность подростков ведет к недоверию чужому опыту; ему необходимо лично удостовериться, насколько гипотезы соответствуют истине.

При этом ученики опираются в большей степени на собственное представление, а не теоретические положения, поскольку процесс формирования абстрактно-логического, дискурсивного мышления еще не завершен. Свое отношение к окружающей действительности они могут выражать с помощью фантазии, сочинительства, мечты и ее обсуждения [6].

Таким образом, учитель, ориентированный на личностный результат обучения, учитывает интересы учащихся при изучении истории, их способности интересоваться историческими реалиями, подключать творчество и воображение, организовывать себя, ста-

вить новые задачи и решать их, объединяясь при этом с другими людьми при создании нового образовательного продукта.

Вопросы, связанные с созданием учащимися нового образовательного продукта в современной педагогике, связывают с эвристической дидактикой, когда обучении рассматривается как открытие, а в качестве результатов выступают образовательные продукты в изучаемой деятельности. Эвристический потенциал учебного предмета, как и образования в целом, включает как возможности учащихся, так и возможности педагогов, всей системы образования, учебных программ т.п. [7]. В качестве продукта деятельности выступают гипотезы, исследования, которые впоследствии с помощью учителя сопоставляются с имеющимися достижениями в данной области, что способствует становлению личностных знаний, опыта учащихся. В качестве одной из трудностей внедрения эвристической дидактики выступает недостаточная разработанность методического обеспечения.

Эвристический потенциал учебного предмета, обеспечивающий развитие личности на основе создания нового образовательного продукта, требует дополнительных условий. Нами в качестве такого условия рассматривается ценностный аспект учебного исследования, акцентирующий внимание на его личностно значимом характере. В таком случае эвристический потенциал исследования реализуется в процессе того, как ученики обнаруживают совпадение интересов с учителем и другими учащимися, когда могут быть установлены новые контакты с товарищами, что обеспечивает возможность реализации собственного потенциала при создании нового образовательного продукта.

На основе учета личностных и возрастных особенностей учащихся 5-х классов (заинтересованность в приключениях, фантазировании, творчестве, критическом осмыслении информации, групповой работе, демонстрации успехов), нами разработана следующая схема организации исследовательской деятельности на уроках истории, направленная на вовлечение в деятельность, связанную с их интересами и позволяющую им реализовывать собственные запросы, развивать способности.

На первом этапе выявляются интересы и представления учащихся об исследовании в процессе беседы (опроса, анкетирования, группового обсуждения).

1. Что такое исследование? Для чего оно проводится?
2. Что ты уже исследовал?
3. Что бы ты хотел исследовать?
4. Что бы ты хотел исследовать на уроках истории?
5. С кем вместе ты хотел бы провести исследование?
6. Хотел бы ты рассказать о своем исследовании? Кому?

Первые два вопроса дают учителю информацию о том, что дети знают об исследовательской деятельности, участвовали ли они в подобной работе сами. Вопросы 3 и 4 направлены на выявление круга интересов и увлечений школьников, что может помочь при выборе темы исследовательской работы (в том числе

в рамках предмета). Вопросы 5 и 6 дают информацию о наиболее комфортных условиях подготовки и представления соей работы.

На основании проведенного опроса среди учащихся 5-х классов (59 человек; 2017 г.) получены следующие данные.

«Что такое исследование? Для чего оно проводится?»: изучение чего-то интересного (54%); экспедиция куда-то или раскопки (18%); получение новых знаний и информации (11%); «это расследование, когда исследуют преступление» (8%).

«Для чего проводится исследование?: чтобы получить новые знания, новую информацию (33%); получить знания о прошлом и найти древние находки (24%); для проверки и расследования улик (5%); это просто интересно (3%).

«Что ты уже исследовал?»: ничего (55%); исследовал растения (5%).

«Что бы ты хотел исследовать?»: космос – 16%; природу (животных, растений, природные явления) – 42%; технику, оружие – 20%; города, страны – 5%, научные достижения – 5%.

«Что бы ты хотел исследовать на уроках истории?»: как развивался человек – 15%, древние страны и города – 10%, техника и оружие – 13%, животных – 13%, письменность и знания – 10%, космос – 5%.

«С кем бы вместе ты хотел провести исследование?»: с другом, подругой, друзьями – 74%, с родителями – 15%, с одноклассником – 5%, с братом / сестрой – 5%, один – 3%, с учителем – 2% и т.д.

«Хотел бы ты рассказать о своем исследовании? Кому?»: «Да» – 66%, родителям – 35%, друзьям – 16%, всем, «Всему миру» – 15%, учителю – 10%, одноклассникам – 5%, «нет» – 16% учащихся; никому – 16%.

Таким образом, можно отметить, что при организации исследовательской деятельности на уроках истории в 5-м классе учитель может опираться на интересы детей к жизненным проблемам, учитывая имеющиеся у них представления и опыт подобной деятельности, включая сферу социальных отношений. Это позволит заинтересовать их, привлечь их к новому для них методу работы, обратить внимание на перспективы, которые открывает для них участие в исследовательской деятельности.

На втором этапе организации обучения на основе исследования учитель обращает внимание на поиск возможных переплетений содержания учебного предмета «История» и выявленных интересов учащихся, создает интегрированное направление работы, которое позволит учащимся связать жизненные интересы с программой изучаемого предмета. В нашей работе мы определили такое направление, как «Исследование как расследование жизненного мира».

Педагог предлагает учащимся выбрать возможные направления исследования в истории вещей, традиций и сопоставить, что из предложенного дошло до нас от Древнего мира и как оно трансформировалось в настоящем. Нужно сопоставить прошлое и настоящее и зафиксировать изменения по принципу «было – стало». Для следующих работ могут быть предложены другие принципы сопоставления: «меньше – больше»,

«ярче – менее ярко», «выше – ниже», «более значимо – менее значимо» и т.д.

Для анализа можно предложить следующие области жизнедеятельности: еда, одежда, жилище, тепло, игрушки, рисунки, краски, виды деятельности, украшения, макияж, технические приспособления, игры, домашние животные, письменность, деньги.

В процессе работы дети объединяются на основе общих интересов в группы (по 4–5 человек) и в течение 1–2 недель собирают информацию по выбранной теме. Реализация эвристического потенциала на данном этапе состоит в осознании учащимися возможности и необходимости выбрать тему исследования, разработать собственный план деятельности, выбрать напарников, определить экспертов для оценки своих исследований. Для осмысления указанных возможностей учитель организует беседу на основе следующих вопросов:

1. Что вам всем будет интересно расследовать?

2. Как вы назовете свое расследование?

3. Что вам нужно для расследования?

4. Где вы это возьмете?

5. Как мы узнаем, что вы нашли ответ на вопрос?

6. Каким образом и кому вы хотите представить результаты своего поиска?

7. Кому вы доверите оценить свое расследование?

8. С кем вы хотите разделить свой успех?

Ответив на эти вопросы, учащиеся могут самостоятельно сделать вывод о необходимости последовательности своих действий в ходе работы над выбранной темой.

На третьем этапе работы ученики вместе с учителем анализируют результаты проведенного исследования, после чего происходит презентация результатов «Финальное расследование» для тех слушателей, кого учащиеся считают значимыми для себя. Возможность проявить себя, получить эмоциональный отклик окружающих, увидеть перспективы, которые открывает для них участие в исследовательской деятельности, создание ситуации успеха для всех учащихся формируют возможность увлекательного продолжения работы в данном направлении.

В нашей работе получены результаты, которые свидетельствуют о развитии коммуникативных способностей учащихся, которые стали возможны за счет общения со сверстниками по поводу изучаемого предмета на основе общих интересов. Также можно отметить повышение инициативы учащихся, поскольку после проведения исследования большинство из них стали интересоваться у учителя о следующем «исследовании в группах». Кроме того, наблюдается значительное повышение познавательной активности и интереса к самому предмету на основании того, что учащиеся чаще чем прежде стали дополнять изучаемый материал, основываясь на собственном знании, а также на основе увеличения числа содержательных вопросов по предмету.

В качестве трудности учащихся, выявленной в процессе организации исследования, можно назвать недостаточное понимание ими необходимости составления плана исследования и его реализации в кооперативной деятельности. Данное затруднение может быть связано

как с общими возрастными особенностями учащихся, так и теми, что характерны для современного детства. Например, отмечается, что в иерархии ценностей подростков последние места занимают нравственные, эмоциональные, культурные и общественные [8].

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Выявленные нами эвристический потенциал учебного предмета, например «Истории», и условия его реализации рассматриваются через обращение к ценностному аспекту учебного исследования, акцентирующему внимание на его личностно значимом характере. Эвристический потенциал учебного предмета реализуется, когда учитель обращает внимание на поиск возможных переплетений содержания учебного предмета и выявленных интересов учащихся, создает интегрированное направление работы, которое позволит учащимся связать жизненные интересы с программой изучаемого предмета.

В таком случае создаются предпосылки развития личности учащихся на основе создания нового образовательного продукта, что происходит не автоматически на основе применения исследовательского метода, а требует дополнительных условий. Нами в качестве такого условия рассматривается опора на ценностный аспект учебного исследования, акцентирующий внимание учителя на его личностно значимом характере.

В таком случае эвристический потенциал исследования реализуется в процессе того, как ученики обна-

руживают совпадение интересов с учителем и другими учащимися. Когда у подростков появляются возможность воплощения мечты, подключения творчества и воображения к решению учебных задач, возникают предпосылки осмысления процесса самоорганизации, постановки новых задач в кооперации с другими людьми, т.е. раскрывать собственные возможности, развивать способности при создании нового образовательного продукта.

Представленные в статье вопросы для обсуждения с учащимися на 1-м и 2-м этапах исследования позволяют учителям проводить диагностическую работу по выявлению представлений учащихся, а также открывают перед учащимися возможность осмысления собственных действий.

Поскольку в большей степени эвристичными являются задачи, которые в данный момент не имеют точного ответа, а предполагают множество различных вариантов решения, то создается возможность расширить поле «незнания» мыслящего человека и разбудить его желание творить. Синтез эвристического начала и содержания учебных курсов позволяет найти подходы к одновременному решению традиционных образовательных задач и развитию творческих способностей учеников. Таким образом, организованный процесс исследования обретает эмоциональную окраску, что открывает перед школьниками возможность освоения и осмысления своего опыта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.03.2018). URL: <http://zakonobrazovani.ru/skachat-zakon-ob-obrazovanii>
2. Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования. URL: <http://минобрнауки.рф/543>
3. Богоявленская Д.Б. Исследовательская деятельность как путь развития творческих способностей / Д.Б. Богоявленская // Исследовательская деятельность учащихся в современном образовательном пространстве : сб. ст. М., 2006. С. 40–50.
4. Леонтович А.В. Концептуальные основания моделирования организации исследовательской деятельности учащихся / А.В. Леонтович // Исследовательская работа школьников. 2006. № 4. С. 24–26.
5. Савенков А.И. Методика исследовательского обучения младших школьников. URL: http://pedlib.ru/Books/7/0094/7_0094-3.shtml#book_page_top
6. Кожухова О.Ю. Младший школьник : от участника к субъекту проектной деятельности / О.Ю. Кожухова, Н.В. Григорьева, О.А. Брызжева // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 2, № 1 (36). С. 145–154. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mladshiy-shkolnik-ot-uchastnika-k-subektu-proektnoy-deyatelnosti>
7. Хуторской А.В. Эвристический потенциал отечественного образования и педагогические условия его реализации. Тезисы выступления на Бюро Отделения философии образования и теоретической педагогики РАО 30 сентября 2008 г. URL: <http://khutorskoy.ru/books/>
8. Фельдштейн Д.И. Приоритетные направления психолого-педагогических исследований в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Бюллетень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. 2010. № 4. С. 20–32.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 15 марта 2018 г.

POSSIBILITIES FOR FULFILLING THE HEURISTIC POTENTIAL OF RESEARCH ACTIVITIES IN HISTORY LESSONS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 139–143.

DOI: 10.17223/15617793/430/19

Elena G. Evdokimova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: a1-ero@yandex.ru

Ekaterina E. Makhova, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: a1-ero@yandex.ru

Keywords: research activity; heuristic potential; history; age and personal needs of students; creativity.

The article aims to substantiate the scheme of organisation of research activities in history lessons in the 5th grade. Research is one of the methods actively used in the learning process for the development of students. The specificity of history lies in the fact that it, as a humanitarian discipline, on the one hand, deals with the text and, on the other hand, acts as a sphere of human science, which creates preconditions for awakening the personal and social activity of students in the 5th grade through answers to essential questions: who am I? who are they? Students can get these answers in research activities. However, despite the developing capabilities of this method, it is not always possible to realise the inherent heuristic potential. Often, research does not contribute to students' understanding of their own life world through the prism of historical events and examples. In the article, the authors substantiate the possibility of heuristic potential realisation by the fact that the organisation of research activity takes into account the age and personal needs of students, such as the tendency to experiment, creativity, problem solving, critical thinking, etc. Methods of research include

1) theoretical and phenomenological analysis of personal and age characteristics of students in the 5th grade. The main characteristics are revealed: interest in adventures, fantasising, creativity, critical understanding of information, group work, demonstration of success; 2) qualitative and quantitative analysis of students' ideas about the study and their own role in its conduct, being diagnostic for the teacher and motivating for students. The main results of the study were an increase in the involvement of students and development of teaching materials: author's conversation to identify the interests and ideas of fifth-graders about research activities; schemes of the organisation of research activities in history lessons, allowing students to realise their own interests, to comprehend their own life through the prism of historical events and historical examples. The scheme consists of several stages: the author's conversation, orienting students to opportunities and the need to choose the topic of the study, to develop their own plan of activities, to choose partners, to identify experts to evaluate their research; the author's tasks "Research as an Investigation of the Life World", based on the possible interweaving of the content of history as an academic discipline and the identified interests of students, which will allow students to link their life interests with the program of the subject under study. With this organisation, the research becomes emotional, which opens up the opportunity for students to learn and comprehend their experience.

REFERENCES

1. Zakonobrazovani.ru. (2018) *Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 07.03.2018)* [On education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on 07.03.2018)]. [Online] Available from: <http://zakonobrazovani.ru/skachat-zakon-ob-obrazovanii>
2. Ministry of Science and Education of the Russian Federation. (2012) *Federal'nye gosudarstvennye obrazovatel'nye standarty obshchego obrazovaniya* [Federal state educational standards of general education]. [Online] Available from: <https://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/documents/543>.
3. Bogoyavlenskaya, D.B. (2006) *Issledovatel'skaya deyatel'nost' kak put' razvitiya tvorcheskikh sposobnostey* [Research as a way of developing creative abilities]. In: Obukhov, A.S. (ed.) *Issledovatel'skaya deyatel'nost' uchashchikhsya v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve* [Research activity of students in modern educational space]. Moscow: NII shkol'nykh tekhnologiy.
4. Leontovich, A.V. (2006) *Kontseptual'nye osnovaniya modelirovaniya organizatsii issledovatel'skoy deyatel'nosti uchashchikhsya* [Conceptual foundations for modeling the organisation of research activities of students]. *Issledovatel'skaya rabota shkol'nikov*. 4. pp. 24–26.
5. Savenkov, A.I. (2004) *Metodika issledovatel'skogo obucheniya mladshikh shkol'nikov* [Methodology of research education of junior schoolchildren]. [Online] Available from: http://pedlib.ru/Books/7/0094/7_0094-1.shtml.
6. Kozhukhova, O.Yu., Grigor'eva, N.V. & Bryzzheva, O.A. (2017) A junior student: from the participant to the subject of project work. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2:1 (36). pp. 145–154. [Online] Available from: <http://cyberleninka.ru/article/n/mladshiy-shkolnik-ot-uchastnika-k-subektu-proektnoy-deyatelnosti>.
7. Khutorskoy, A.V. (2008) *Evristicheskiy potentsial otechestvennogo obrazovaniya i pedagogicheskie usloviya ego realizatsii. Tezisy vystupleniya na Byuro Otdeleniya filosofii obrazovaniya i teoreticheskoy pedagogiki RAO 30 sentyabrya 2008 g.* [Heuristic potential of domestic education and pedagogical conditions for its implementation. Theses of presentation at the Bureau of the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy of RAE, September 30, 2008]. [Online] Available from: <http://khutorskoy.ru/books/>.
8. Fel'dshteyn, D.I. (2010) *Prioritetnye napravleniya psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy v usloviyakh znachimykh izmeneniy rebenka i situatsii ego razvitiya* [Priority directions of psychological and pedagogical research in conditions of significant changes in the child and the situation of its development]. *Byulleten' Vysshey attestatsionnoy komissii Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossiyskoy Federatsii*. 4. pp. 20–32.

Received: 15 March 2018

УДК 377.1

А.Р. Камалеева

О ВНЕДРЕНИИ МЕХАНИЗМА РЕАЛИЗАЦИИ НОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА В ИНТЕГРАЦИИ С РАЗРАБОТАННЫМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ СТАНДАРТАМИ

Статья посвящена изучению изменений процесса проектирования естественнонаучной и профессиональной подготовки обучающихся организаций профессионального образования в условиях интеграции новых образовательных и профессиональных стандартов. Представлены данные опроса преподавателей колледжей Центрального и Южного федеральных округов в условиях внедрения образовательного стандарта четвертого поколения и профессиональных стандартов по направлениям подготовки, объединяющим профессии и специальности.

Ключевые слова: образовательный стандарт; профессиональный стандарт; проектирование учебных курсов; преподаватели.

В начале 90-х гг. XX в. с учетом требований экономики в отечественной практике разрабатываются образовательные стандарты, основное назначение которых заключается в сохранении единого базового ядра образования в российских школах, средних специальных учебных учреждениях и вузах. Сохранение единого базового ядра образования обеспечивалось благодаря введению инвариантного минимально допустимого (достаточного) уровня содержания и требований к подготовке учащихся и студентов (по специальностям).

С 2005 г. утверждаются стандарты второго поколения, ориентированные на получение студентами средних и высших учебных учреждений знаний, умений и навыков. С 2011 г. российское профессиональное образование развивается в соответствии с образовательными стандартами нового типа – ФГОС 3, разрабатываемыми отдельно для каждой профессии и специальности. С 2015 г. в рамках Государственного задания Минобрнауки России разрабатывается концепция ФГОС СПО четвертого поколения [1]. Разработку ведут Центр профессионального образования (под руководством В.И. Блинова), представители экспериментальных площадок ФИРО в субъектах РФ [2].

В основу этих документов были положены работы ученых, касающиеся развития современного российского профессионального образования в контексте Копенгагенский процесса и стратегии «Европа 2020» в условиях интеграции образовательного и профессионального стандартов [3–7].

Цель любого образовательного стандарта – устанавливать нормы и правила, обязательные для исполнения в любой образовательной организации, реализующей основные образовательные программы. Анализ показал, что в отличие от этапов разработки образовательных стандартов первого и второго поколения, мотивы разработки ФГОС СПО 3 и ФГОС СПО 4 меняются кардинально. Отличия обуславливаются рядом позиций:

– переходом от парадигмы «образование на всю жизнь» к парадигме «образование через всю жизнь», от признания абсолютной ценности и самодостаточности знания к пониманию его как инструмента решения задач профессионального и личностного развития, поворотом к личности обучаемых, побуждению развития у них скрытых способностей;

– подготовкой нормативной базы для разработки и применения профессиональных стандартов, в частности разработка ФГОС СПО 4 осуществляется с учетом введенного понятия «профессиональный стандарт» (по каждой профессии / профессиональной области);

– «расширением» самостоятельности образовательных организаций в формировании содержания образования (опирающегося на принцип развивающего обучения, т.е. умение и желание «добывать», а не получать знания в готовом виде, а также модульно-компетентностный принцип формирования и реализации программ) и возрастание их ответственности за его результаты;

– в русле личностно ориентированной и деятельностно-развивающей педагогики, требования ФГОС СПО 4 реализуют очередной шаг к сближению профессионального образования и рынка труда;

– усилением ориентации к требованиям, касающихся как результатов образования, так и педагогических кадров. В частности, в ФГОС СПО 4 по-новому формулируются требования к условиям реализации образовательных программ. Так, основой для их установления станут аккредитационные показатели; они будут задавать систему коэффициентов для расчета нормативов финансирования; обеспечат применение зачетных единиц в СПО. Основным дескрипторами успешного обучения и качества полученного студентом образования выступают действия, умения, знания;

– изменение подхода к оценке степени и уровня освоения обучающимися профессиональной образовательной программы по специальности. В соответствии с ФГОС СПО 4 одна из форм контроля будет представлена в виде демонстрационного экзамена (демоэкзамена), представляющего собой форму оценки соответствия уровня знаний, умений, навыков студентов и выпускников, осваивающих программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих, специалистов среднего звена, позволяющих вести профессиональную деятельность в определенной сфере и (или) выполнять работу по конкретным профессиям или специальности в соответствии со стандартами WorldSkills Russia (WSR).

Необходимо отметить также, что ФГОС СПО 4 разрабатываются на укрупненную группу профессий

и специальностей, а не отдельно для каждой профессии и специальности СПО. В каждой укрупненной группе профессий и специальностей выделяются от одного до пяти направлений подготовки. Таким образом, на основе каждого государственного образовательного стандарта будет разрабатываться не одна образовательная программа по профессии или специальности СПО, как это было в ФГОС-3, а множество программ для обучения всем профессиям и специальностям, входящим в направление подготовки.

Кроме того, в новых стандартах СПО по-прежнему не прописаны компетенции, которые необходимо формировать у студентов в процессе обучения естественнонаучным предметам общеобразовательного цикла. В гуманитарных училищах и колледжах естественнонаучные предметы (физика, химия, биология) представлены в составе интегрированного курса «Естествознание». Это обуславливает необходимость разработки преподавателями соответствующих компетенций как в вариативной части, так и в основной части основной профессиональной образовательной программы (ОПОП) СПО [8] или же использовать преемственность стандартов средней школы, только входящих в курс предметов естественнонаучного цикла общеобразовательной школы в виде методики формирования универсальных учебных действий студентов [9].

Переход на ФГОС СПО нового поколения ставит перед преподавателями общеобразовательных естественнонаучных дисциплин профессиональных образовательных организаций проблему создания условий для обеспечения реализации требований стандарта к результатам образования не только среднего общего образования, но и формирования общих компетенций с целью достижения результатов стандарта профессионального образования. По-прежнему процесс реализации данных требований усложняется различными подходами к перечню результатов стандартов общего и профессионального образования: для среднего общего образования результаты образования выражаются в личностных, метапредметных и предметных результатах, для среднего профессионального образования результатом являются общие и профессиональные компетенции. На сегодняшний день отсутствует преемственность между двумя стандартами, нет механизма перехода.

В свете новых требований стандарта формирование содержания дисциплин естественнонаучного и профессионального цикла, нацеленного на подготовку специалиста, способного качественно решать профессиональные задачи на основе научно-технического процесса, должно осуществляться последовательно в несколько этапов [10]:

- на первом этапе – создание компетентностной модели будущего специалиста в соответствии с требованиями профессионального стандарта определенного направления (разработка учебных целей, соотношенных с особенностями профессии);

- на втором этапе – проектирование учебно-воспитательного процесса и среды, а именно проектирование содержания обучения в деятельностной форме, предполагающее перевод спроектированных

целей в учебные задачи, предъявляемые обучаемым в виде учебных заданий нескольких типов: на достижение учебных, развивающих и воспитательных целей (один и тот же тип задачи может содержать возможности достижения не одной цели, а конкретная цель достигается при выполнении не одного типа заданий), а также определение методов, форм, средств организации учебного процесса по преподаваемой дисциплине;

- на третьем этапе – проведение мониторинга, позволяющего наблюдать и по мере необходимости корректировать продвижение обучаемого от незнания к знанию. В технологически построенном учебном процессе контроль должен осуществляться на трех этапах: текущий контроль успеваемости в виде входного, оперативного и рубежного контроля; промежуточная аттестация: зачет, дифференцированный зачет, экзамен и квалификационный экзамен и итоговый (заключительный) этап в виде государственной итоговой аттестации.

При разработке же рабочей программы междисциплинарных курсов учет требований образовательного стандарта к знаниям, умениям и практическому опыту, общих и профессиональных компетенций соотносился с требованиями как профессиональных стандартов, так и стандартов WSR по компетенции. Поэтому итогом внедрения в содержание междисциплинарного курса требований профессионального стандарта, стандарта WSR должно служить выявленное направление подготовки студентов с учетом (рис. 1): требований WSR, не отраженных во ФГОС СПО 3, а также формирования трудовых функций, не предусмотренных в ФГОС СПО 3.

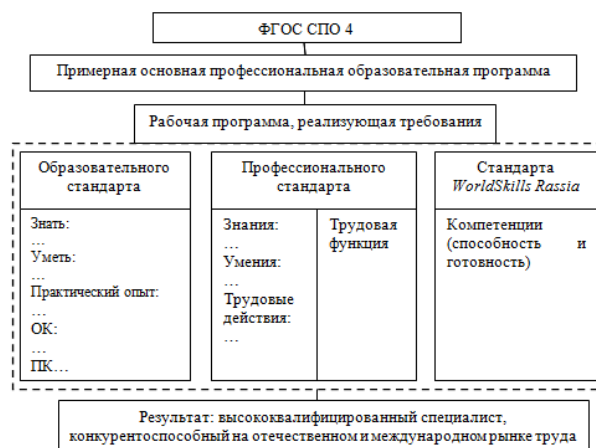

Рис. 1. Схема проектирования содержания междисциплинарного курса в условиях реализации требований ФГОС СПО 4

Например, проведенный совместно со старшим преподавателем, председателем цикловой комиссии Зеленодольского механического колледжа Республики Татарстан А.В. Парфеновым сравнительный анализ требований образовательного стандарта (по дисциплине «Основы программирования») к знаниям, умениям, практическому опыту и компетенциям с требованиями профессионального стандарта и стандартной спецификацией WSR позволил нам выявить направления подготовки студентов с учетом требований WSR, не отраженных во ФГОС-3 (например,

Таблица 1

Сравнительный анализ требований ФГОС, требований *WorldSkills Russia* и профессиональных стандартов на примере общеобразовательной дисциплины «Основы программирования»

Требования ФГОС	Требования WSR	Требования профессионального стандарта «Программист»	
Дисциплина «Основы Программирования»	Компетенция «Программные решения для бизнеса»	Необходимые знания, умения, трудовые действия	Трудовая функция
Знать: – Этапы решения задач на компьютере. – Типы данных. – Базовые конструкции изучаемых языков программирования. – Принципы структурного и модульного программирования. – Принципы объектно-ориентированного программирования	Знать и понимать: – Важность рассмотрения всех возможных вариантов и выбора лучшего решения для удовлетворения требований пользователя и интересов клиента. – Использование существующего кода в качестве основы для анализа и модификации. – Важность выбора наиболее подходящих средств разработки из предложенных вариантов. – Важность рассмотрения всех нормальных и ненормальных сценариев и обработки исключений. – Важность точного и постоянного контроля версий (управление версиями). – Важность использования методологий разработки системы (например, объектно-ориентированные технологии)	Знания: – Методы и приемы формализации задач. – Языки формализации функциональных спецификаций. – Методы и приемы алгоритмизации поставленных задач. – Нотации и программные продукты для графического отображения алгоритмов. – Алгоритмы решения типовых задач, области и способы их применения. Умения: – Использовать методы и приемы формализации задач. – Использовать методы и приемы алгоритмизации поставленных задач. – Использовать программные продукты для графического отображения алгоритмов. – Применять стандартные алгоритмы в соответствующих областях. Трудовые действия: – Составление форматизированных описаний решения поставленных задач в соответствии с требованиями технического задания или других принятых в организации нормативных документов. – Разработка алгоритмов решения поставленных задач в соответствии с требованиями технического задания или других принятых в организации нормативных документов. – Оценка и согласование сроков выполнения поставленных задач	Формализация и алгоритмизация поставленных задач

По представленной выше структуре преподавателем осуществляется заполнение таблицы в рамках рассматриваемых иных трудовых функций: написание программного кода с использованием языков программирования, определения и манипулирования данными; оформление программного кода в соответствии с установленными требованиями и т.д.

Для исследования процесса проектирования учебных программ естественнонаучных и профессиональных дисциплин в условиях интеграции профессионального и образовательного стандартов было разработано дидактическое средство – анкета, включающая 6 блоков из 34 вопросов, отражающих следующие позиции по оценке результатов проектирования: доля преподавателей, самостоятельно осуществляющих проектирование и усовершенствование учебных программ; проектирование учебных программ дисциплин; осуществление межпредметных связей; учет будущей профессиональной деятельности выпускников; учебно-методическое обеспечение проектирования учебных программ; затруднения, испытываемые в проектировании учебных программ, позволяющих оценить ситуацию не только проектирования, но и состояние преподавания естественнонаучных и общепрофессиональных дисциплин в разных регионах Российской Федерации.

Общее количество респондентов, принявших участие в анкетировании, составило 545 преподавателей учреждений среднего профессионального образования 7 федеральных округов, в число которых вошли 4 республики, 12 областей и 28 городов России.

Данные анкетирования по Центральному федеральному округу (ЦФО) и Южному федеральному округу (ЮФО) (с достаточно высоким уровнем экономического развития) (всего 94 респондента: 53 из ЦФО и 41 из ЮФО) свидетельствуют о положительной динамике изменений в проектировании учебных курсов в условиях интеграции профессионального и образовательного стандартов (четвертого поколения).

Несмотря на выявленные расхождения, результаты анкетирования показали, что около ½ респондентов (данные по ЦФО и ЮФО) оценивают подготовленность обучающихся СПО по своей дисциплине на достаточном уровне, как с точки зрения необходимых знаний для современного человека, так и с точки зрения их подготовленности к будущей профессиональной деятельности (рис. 2, 3). Ответы преподавателей на вопрос «Какие сложности в соответствии с требованиями ФГОС-4 СПО Вы испытываете в создании предположительных вариантов предстоящей деятельности?» свидетельствуют о том, что педагоги продолжают сталкиваться со сложностями в создании

предположительных вариантов своей деятельности как на этапе проектирования (рис. 4, 5), так и при вы-

боре подходов в изложении учебного материала (рис. 6, 7).

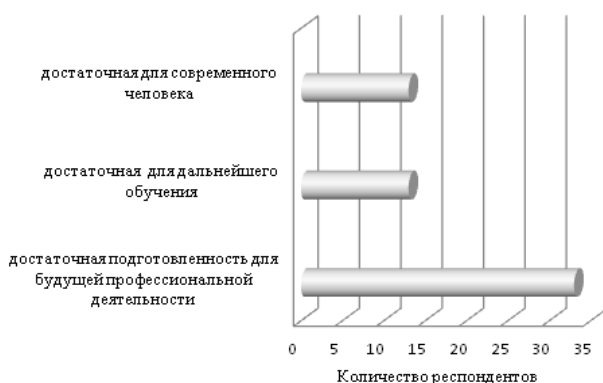

Рис. 2. Оценка преподавателями-практиками степени подготовленности обучающихся по преподаваемой им дисциплине (данные по ЦФО)

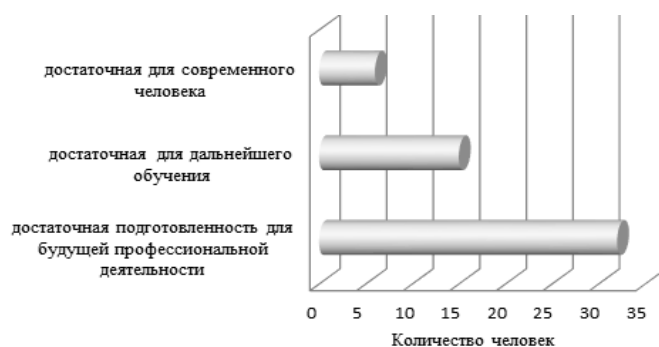

Рис. 3. Оценка преподавателями-практиками степени подготовленности обучающихся по преподаваемой им дисциплине (данные по ЮФО)

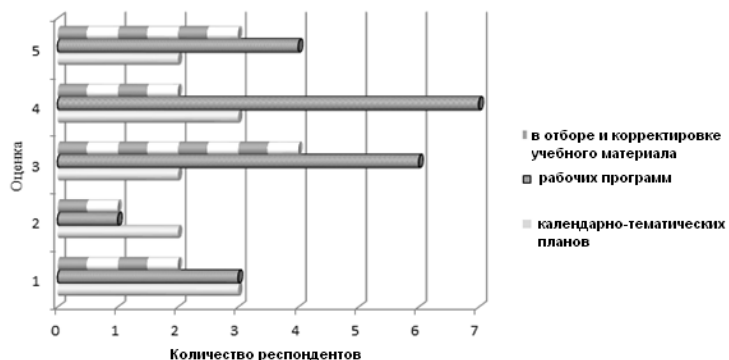

Рис. 4. Затруднения, которые испытывают преподаватели при проектировании календарно-тематических планов, рабочих программ и учебного материала (данные по ЦФО)

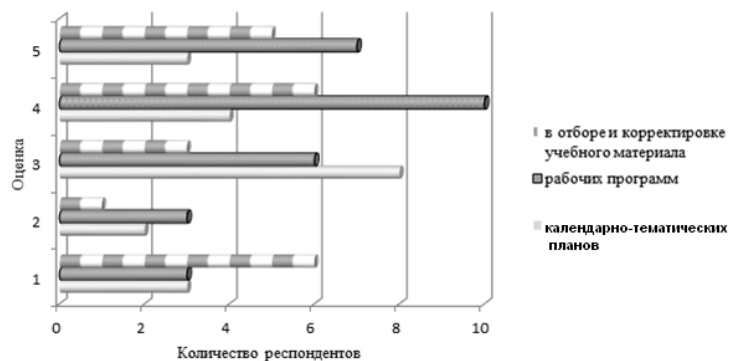

Рис. 5. Затруднения, которые испытывают преподаватели при проектировании календарно-тематических планов, рабочих программ и учебного материала (данные по ЮФО)

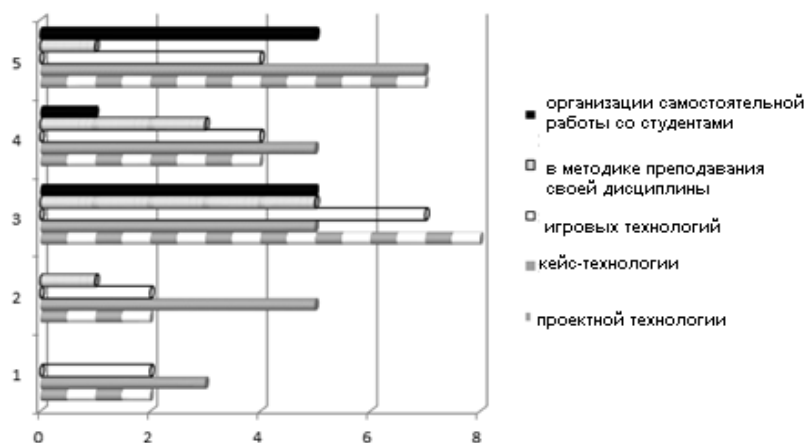

Рис. 6. Затруднения, которые испытывают преподаватели при выборе новых подходов в изложении учебного материала по преподаваемой дисциплине (данные по ЦФО)

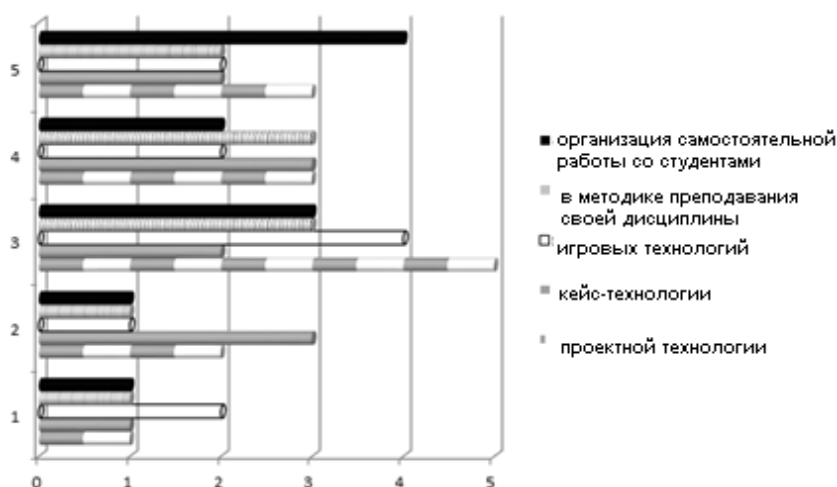

Рис. 7. Затруднения, которые испытывают преподаватели при выборе новых подходов в изложении учебного материала по преподаваемой дисциплине (данные по ЮФО)

При проектировании затруднения у большей части респондентов (около 41% в ЦФО и 25% в ЮФО) связаны с этапам проектирования рабочих программ. Также сложности есть с отбором и корректировкой учебного материала (40% в ЦФО и 51% в ЮФО) и календарно-тематических планов (около 38% в ЦФО и 29% в ЮФО).

Что же касается оценки отбора и применения обучающих технологий, форм и методов обучения, то около $\frac{1}{3}$ респондентов отмечают сложности в организации самостоятельной работы студентов (21% в ЦФО и 27% в ЮФО) и игровых технологий (36% в ЦФО и 27% в ЮФО), а также в методике преподавания своей дисциплины (19% в ЦФО и 24% в ЮФО).

Отмеченные затруднения отчасти могут быть объяснены дефицитом необходимой учебно-методической литературы в образовательных учреждениях (рис. 8 и 9), а именно: по рациональному использованию информационно-компьютерных технологий (53% в ЦФО и 46% в ЮФО), методической литературе по компетентностно-ориентированному оцениванию результатов обучения (47% в ЦФО и 61% в ЮФО), методической литературе по предмету (57% в ЦФО и 34% в ЮФО) и педагогической литературе (40% в ЦФО и 46% в ЮФО).

На вопрос анкеты «К кому Вы обращались за консультацией при разработке (совершенствовании)

учебных программ по своей дисциплине?» мнение преподавателей распределилось следующим образом (рис. 10 и 11). Количество обращений преподавателей к заместителям по методической и учебной работе к работодателям практически одинаково. Обращения к специалистам предприятий и к своим коллегам по количеству также примерно одинаковы. Это свидетельствует о том, что преподаватели осознают необходимость перестройки методики обучения преподаваемых ими дисциплин, усиления ее практикоориентированности с учетом требований профессионального стандарта.

Необходимость усиления практической направленности преподавания предмета (дисциплины) отмечается большинством преподавателей (рис. 12), что коррелируется с описанными выше данными.

Учитывая вышеизложенное, необходимо отметить, что в условиях, когда отсутствует преемственность между двумя стандартами (школьным стандартом и стандартом профессионального образования) и нет механизма перехода, преподавателям общеобразовательных естественнонаучных дисциплин профессиональных образовательных организаций приходится решать проблему создания условий для обеспечения реализации требований стандартов к результатам об-

разования не только среднего общего образования, но и формирования общих компетенций с целью дости-

жения результатов стандарта профессионального образования.

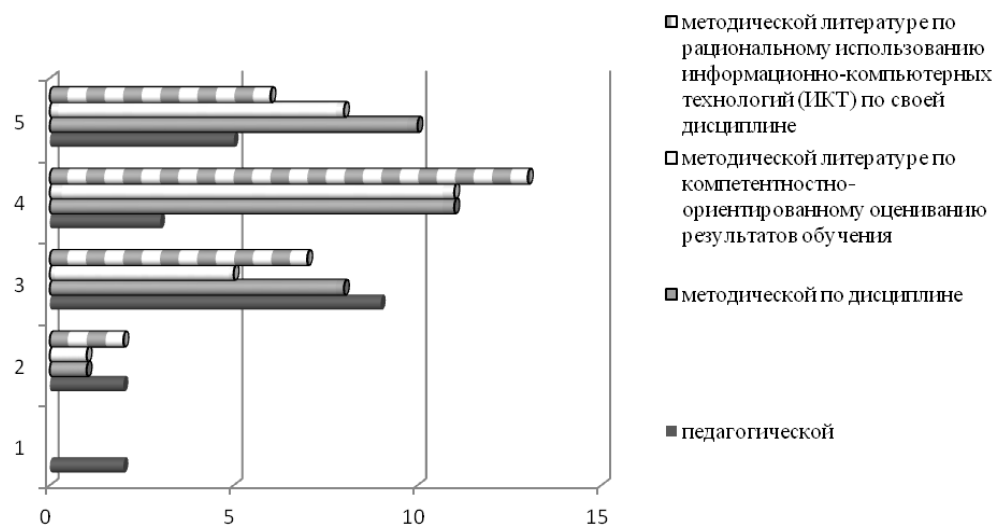

Рис. 8. Учебно-методическая литература, дефицит которой испытывают преподаватели при проектировании учебных программ (данные по ЦФО)

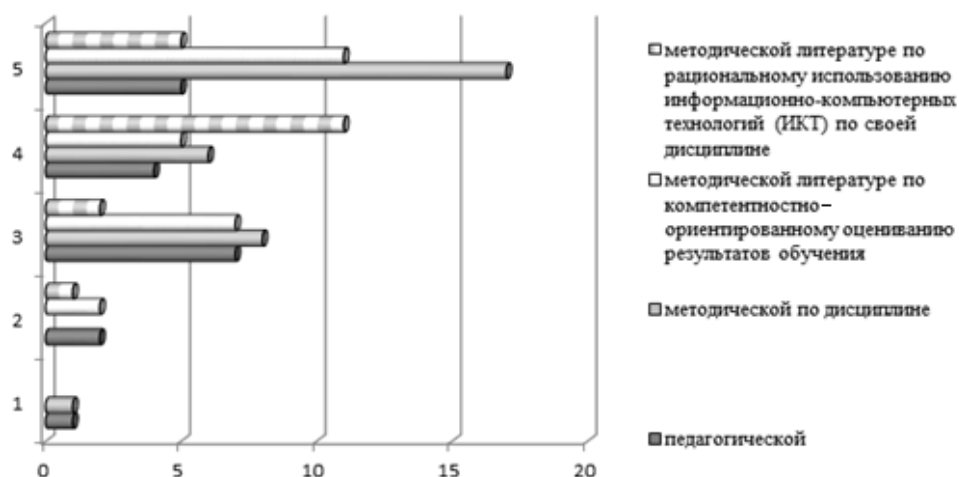

Рис. 9. Учебно-методическая литература, дефицит которой испытывают преподаватели при проектировании учебных программ (данные по ЮФО)

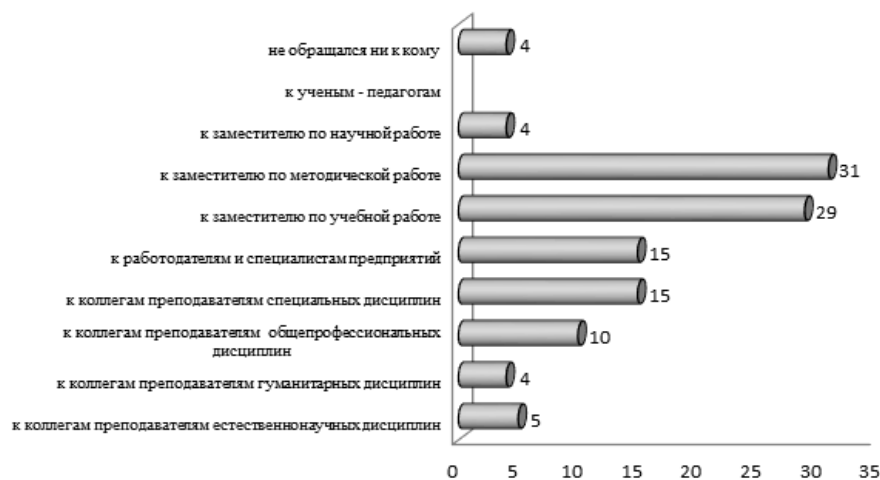

Рис. 10. Мнение преподавателей колледжей ЦФО по поводу необходимости консультации при разработке учебных программ дисциплин

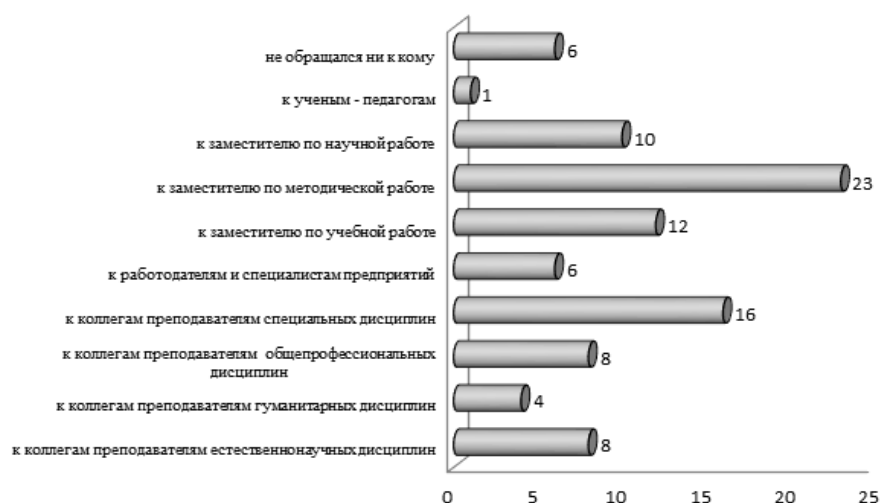

Рис. 11. Мнение преподавателей колледжей ЮФО по поводу необходимости консультации при разработке учебных программ дисциплин

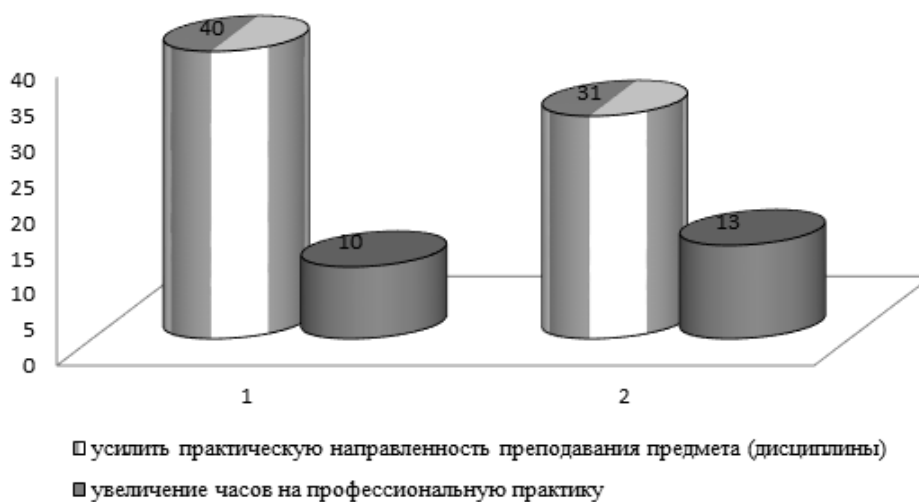

Рис. 12. Направление улучшения качества преподаваемых дисциплин с учетом пожеланий работодателей

Преподавателям же специальных дисциплин и междисциплинарных курсов при проектировании учебных программ необходимо ориентироваться не только на требования образовательного стандарта к знаниям, умениям и практическому опыту, но и учитывать, чтобы общие и профессиональные компетенции соотносились с требованиями как профессиональных стандартов, так и стандартов WSR по компетенции. Проведенное исследование показало, что в

регионах, как в ЦФО, так и ЮФО, которые характеризуются достаточно высоким уровнем экономического развития, преобладающая часть преподавателей колледжей даже условиях некоторого дефицита учебно-методической и научно-педагогической литературы осознает, что естественнонаучная и профессиональная подготовка студента СПО должна отвечать требованиям современного рынка труда в соответствии с требованиями разработанного профессионального стандарта.

ЛИТЕРАТУРА

1. История развития государственных образовательных стандартов в системе российского образования. URL: <http://pandia.ru/text/78/032/59366.php> (дата обращения: 20.12.2017).
2. Концепция федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования четвертого поколения / В.И. Блинов, О.Ф. Батрова, Е.Ю. Есенина, А.А. Факторович // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15137> (дата обращения: 17.01.2018).
3. Олейникова О.Н. Развитие интеграционных процессов в области профессионального образования и обучения – копенгагенский процесс // Среднее профессиональное образование. 2007. № 9. С. 2–4.
4. Синяговская М.Б. Механизм реализации Копенгагенского процесса и современные особенности развития европейской системы профессионального образования // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 166–168.
5. Ширин С.С. Управление общими образовательными пространствами в Европе // СИСП. 2012. № 2. С. 26.
6. Лемпинен П. Европа модернизирует профессиональное образование // Профессиональное образование. Столица. 2011. № 11. С. 12–15.
7. Трегубова Т.М. Диверсификация подготовки компетентных специалистов в рамках программы «ТЕМПУС» в условиях международной образовательной интеграции // Вестник Владимирского государственного гуманитарного университета. 2011. № 30. С. 138–143.

8. Грузкова С.Ю., Русскова О.Б. Контроль практико-ориентированного обучения студентов в организациях среднего профессионального образования (на примере дисциплин естественнонаучного и профессионального циклов) // Заметки ученого. 2016. № 6. С. 78.
9. Инновационные технологии обучения естественно-научным и профессиональным дисциплинам в современных образовательных учреждениях с учетом уровня профиля подготовки : учеб. пособие для организаций среднего профессионального образования. Казань : Изд-во «Данис» ФГБНУ «ИПП ПО», 2016. 98 с. С. 39–53.
10. Kamaleeva A.R. Design stages of natural-science preparation in SPO institutions // Applied and Fundamental Studies : Proceedings of the 13th International Academic Conference December 9–10. 2017. Vol. 1. St. Louis, Missouri, USA. Science and Innovation Center Publishing House. 2017. P. 142–147.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 15 марта 2018 г.

ON THE APPLICATION OF THE MECHANISM FOR IMPLEMENTING THE NEW EDUCATIONAL STANDARD IN INTEGRATION WITH THE DEVELOPED PROFESSIONAL STANDARDS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 144–151.

DOI: 10.17223/15617793/430/20

Alsu R. Kamaleeva, Institute of Pedagogics, Psychology and Social Problems Kazan (Volga) Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: Kamaleeva_Kazan@mail.ru

Keywords: educational standard; professional standard; design of training courses; teachers.

The aim of the article is to study changes in the designing of natural-science and vocational training of students of secondary vocational education institutions in the conditions of integration of new educational and professional standards. The author has checked a hypothesis of interrelation of educational and professional standards in the system of secondary vocational education. In the article, data of a poll of college teachers of the Central and the Southern Federal Districts in the conditions of a simultaneous introduction of the educational standard of the fourth generation and professional standards on the directions of training that unite professions and specialties were investigated. The results were processed on the basis of comparison of changes teachers made in the design of training courses in the conditions of professional and educational standards integration. The research resulted in the theoretical justification and development of the technique of studying the teachers' opinion on integration in the system of secondary vocational education at the level of two federal districts. Dynamics of the teachers' opinion is investigated by means of a questionnaire allowing to describe both quantitative and qualitative characteristics of the integration; difficulties of the teachers of general professional and interdisciplinary academic disciplines in designing training courses are revealed. The works of researchers on the development of modern Russian vocational education in the context of the Copenhagen Process and the Europe 2020 strategy in the conditions of integration of educational and professional standards are studied and analysed. The research has quite fully shown that even in the region with a rather high level of economic development the interested part of teachers has come to an understanding that natural-science and vocational training of students of secondary vocational education institutions has to meet the requirements of modern labour market according to the requirements of the developed professional standard. The practical value of the article consists in the revealed positive dynamics of the teachers' opinion on the need to change the design of training courses of the natural-science and professional cycles according to integrative processes. Results of the conducted research can be useful to experts in the field of education, and also of interest to the general public.

REFERENCES

1. Barsukova, O. (2011) *Istoriya razvitiya gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov v sisteme rossiyskogo obrazovaniya* [History of the development of state educational standards in the system of Russian education]. [Online] Available from: <http://pandia.ru/text/78/032/59366.php>. (Accessed: 20.12.2017).
2. Blinov, V.I., Batrova, O.F., E.Yu. Esenina, E.Yu. & Faktorovich, A.A. (2014) Kontseptsiya federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov srednego professional'nogo obrazovaniya chetvertogo pokoleniya [The concept of federal state educational standards for secondary vocational education of the fourth generation]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 5. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15137>. (Accessed: 17.01.2018).
3. Oleynikova, O.N. (2007) Razvitie integratsionnykh protsessov v oblasti professional'nogo obrazovaniya i obucheniya – kopengagenskiy protsess [Development of integration processes in the field of vocational education and training – the Copenhagen process]. *Srednee professional'noe obrazovanie*. 9. pp. 2–4.
4. Sinyagovskaya, M.B. (2013) Mekhanizm realizatsii Kopengagenskogo protsessa i sovremennye osobennosti razvitiya evropeyskoy sistemy professional'nogo obrazovaniya [Mechanism of implementation of the Copenhagen process and modern features of the development of the European system of vocational education]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 4 (41). pp. 166–168.
5. Shirin, S.S. (2012) Upravlenie obshchimi obrazovatel'nymi prostranstvami v Evrope [Management of common educational spaces in Europe]. *SISP*. 2. pp. 26.
6. Lempinen, P. (2011) Evropa moderniziruet professional'noe obrazovanie [Europe modernises vocational education]. *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa*. 11. pp. 12–15.
7. Tregubova, T.M. (2011) Diversifikatsiya podgotovki kompetentnykh spetsialistov v ramkakh programmy “TEMPUS” v usloviyakh mezhdunarodnoy obrazovatel'noy integratsii [Diversification of training of competent specialists within the framework of the Tempus program in the context of international educational integration]. *Vestnik Vladimirovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta – Bulletin of Vladimir State Humanitarian University*. 30. pp. 138–143.
8. Грузкова, С.Ю. & Русскова, О.Б. (2016) Контроль практико-ориентированного обучения студентов в организациях среднего профессионального образования (на примере дисциплин естественнонаучного и профессионального циклов) [Control over the practice-oriented training of students in organisations of secondary vocational education (on the example of disciplines of natural and professional cycles)]. *Zametki ucheno-go*. 6. pp. 78.
9. Kamaleeva, A.R. et al. (2016) *Innovatsionnye tekhnologii obucheniya estestvenno-nauchnym i professional'nyim disciplinam v sovremennykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh s uchetom urovnya profilya podgotovki* [Innovative technologies for teaching science and professional disciplines in modern educational institutions, taking into account the level of the profile of training]. Kazan: Izd-vo “Danis” FGBNU “IPP PO” pp. 39–53.
10. Kamaleeva, A.R. (2017) Design stages of natural-science preparation in SPO institutions. *Applied and Fundamental Studies*. Proceedings of the 13th International Academic Conference. December 9–10, 2017. Vol. 1. St. Louis, Missouri, USA: Science and Innovation Center Publishing House. pp. 142–147.

Received: 15 March 2018

Е.К. Протасова

ОБУЧЕНИЕ УСЛОВНО-СТИЛИЗОВАННОМУ ИЗОБРАЖЕНИЮ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ АБСТРАКТНО-ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Раскрывается механизм взаимодействия образного и логического мышления в решении студентами творческих задач на объемно-пространственное и условно-стилизованное представление визуальной информации. Впервые предложена система целенаправленного выполнения заданий для коррекции возможной асимметрии видов мышления у студентов с преобладанием логического либо образного мышления, способствующая развитию дизайнерского мышления через работу над условно-стилизированным изображением.

Ключевые слова: художественное образование; дизайн; образное мышление; дивергентный тип мышления; развивающая методика; условно-стилизованное изображение; операции мышления; креативность.

Введение

Проблема асимметрии типов мышления в решении творческих задач

В процессе работы со студентами специальности «Графический дизайн» в Томском государственном университете обнаруживается, что на начальном этапе обучения (первый курс) у учащихся с преобладанием логического мышления вызывают затруднение задания на образное представление. И наоборот, студенты с преобладанием образного мышления испытывают трудности в построении предметов на плоскости, где требуется понятие соотношения, пропорций, перспективы. Это обусловлено неравномерностью развития видов мышления у каждой отдельной личности (студента), часто встречающейся на момент поступления на первый курс. В то же время изобразительное творчество включает в себя работу как абстрактно-логического мышления (приобретение теоретических знаний, выявление закономерностей, логический анализ, обобщение), так и наглядно-образного (воображение, наглядно-образное представление, ассоциирование, эмоциональная проверка правильности найденного решения). Поэтому учащиеся с равновыраженными способностями образного и логического мышления могли бы получить наилучшие результаты в решении творческих задач. Для достижения этого результата необходима коррекция асимметрии видов мышления с помощью специально подобранных заданий, для выполнения которых требуется участие определённой мыслительной операции (либо логического, либо образного мышления).

В связи с этим, автор ставит целью разработку учебного курса, включающего программу, методические материалы и диагностический инструментарий для коррективки асимметрии типов мышления и развития дивергентного типа мышления как профессионально значимого качества будущего специалиста в области дизайна. Результатом проведенной работы стало создание методики развития логического и образного мышления студентов через работу с объемно-пространственным изображением (в первый период обучения, включающий 1-й курс), а затем – с условно-стилизированным изображением (2–3-й курс).

Гипотезой данного исследования является то, что творческие задания, подобранные с учетом обнаруженной асимметрии мышления исследуемой группы студентов, позволяют её скорректировать и способствуют развитию мышления дивергентного типа, необходимого для будущих дизайнеров, специфика профессиональной деятельности которых связана с нахождением новых авторских решений, предоставлением разнообразных решений одной задачи.

Современные исследования видов мышления

В настоящее время существуют многочисленные исследования биологических аспектов мышления человека [1. С. 12–18; 2; 3]. Многие современные исследования в области педагогики и психологии обращают внимание на развитие творческого потенциала обучающихся как залога успешного развития цивилизации. Отдельные аспекты развития творческого мышления и индивидуализации в обучении рассмотрены в работах Э.А. Голубевой [4], И.Н. Семенова [5. С. 69–82], А.С. Кизиловой [6] и др. Ustyuzhanina A., Plotnikova I., Efremova и др. Вопросы разностороннего развития мышления студентов, роль логического и образного мышления в процессе обучения студентов, в том числе инженерного вуза, были рассмотрены в работах [7. С. 72–78; 8. С. 13–14; 9. С. 202–206; 10. С. 44–47]. Вопросы организации развивающего обучения и проблемы развития личности в художественном образовании рассмотрены в работах И.Н. Яскевича, вопросы развития интеллекта и креативности – в работах Д.А. Борисановой, О.М. Красноярцевой и др. [11. С. 26–27; 12. С. 24–33; 13. С. 17–30; 14. Р. 897–915; 15. Р. 599–606]. Однако соотносимость задач художественного образования с видами мышления обучающихся в высшей школе не достаточно широко и системно изучена.

Традиционно в психологии виды мышления делаются по способу представления информации (образное, наглядно-действенное, абстрактное), а типы мышления – по характерному для человека способу решения задач. Здесь исследователи различают дивергентный и конвергентный типы мышления [16. С. 85–96; 17. С. 1–9]. Дж. Гилфорд связывает дивергентное мышление со способностью оперировать отношения-

ми, т.е. ассоциациями, образовывать системы символов (значений), способность к оригинальности и др. [18. С. 433–457]. Д.Б. Богоявленская и И.А. Сусоколова определяют дивергентное мышление как способность выдвигать множество решений (не связанное напрямую с креативностью) [16. С. 85–96]. М.А. Холодная отмечает и способность выдвигать множество решений относительной одной задачи, и способность создавать новое [19; 20. С. 213–230]. Дивергентность мышления активизируется в полной мере при творческой деятельности, поэтому для успешного решения такого рода задач студентам-дизайнерам необходимо его планомерное развитие. Данный тип мышления позволяет находить различные варианты творческих решений, характеризующихся новизной, что является важнейшим профессиональным качеством дизайнера.

Исследования этих двух типов мышления в психофизиологии связывают его формы с активностью полушарий головного мозга. Выявлено [21], что при конвергентном мышлении (направленном на последовательный поиск одного верного решения) происходит активация определённых зон коры головного мозга, соответствующих характеру решаемой задачи. При дивергентном мышлении (задействованном на этапе отработки нескольких вариаций) наблюдается активация межполушарных взаимосвязей. Учитывая, что с образной информацией работает преимущественно правое полушарие мозга, а логическим анализом занимается левое, можно предположить, что дивергентный тип мышления обусловлен именно активизацией образного и логического мышления в их взаимодействии [22]. Следовательно, его развитию будет способствовать одновременная работа обоих полушарий, и одним из оптимальных условий для этого является изобразительная деятельность.

Мыслительные операции в творческой деятельности

При разработке программы, направленной на творческое развитие образного и логического мышления, целесообразно рассмотреть мыслительные операции, соответствующие этим видам мышления (логические и образные).

Образное мышление эволюционно древнее логического, именно этот вид формируется у человека в детстве в первую очередь. Оно, в свою очередь, подразделяется на три вида: наглядно-действенное, наглядно-образное и визуальное.

Логическое мышление проявляется в таких мыслительных операциях, как сравнение, анализ, синтез, абстрагирование, конкретизация, обобщение [23. С. 298–331]. Сравнение – определение признаков подобия и различий в элементах и объектах в целом. Мыслительная операция позволяет выявить закономерности, сконцентрировать внимание на выделяющихся признаках объекта. Анализ – операция изучения характеристик составляющих элементов целого с последующим сравнением и заключением. Синтез – операция, позволяющая логически объединять разрозненные элементы в единое целое, сообразно выделенным признакам подобия; наряду с анализом способствует глубокому познанию действительности.

Абстрагирование – мыслительная операция, при которой внимание целенаправленно акцентируется на существенных признаках и характеристиках объекта при игнорировании второстепенных составляющих, не значимых в понимании сути. Эти функции касаются творческой интерпретации действительности, и выступают как средства ее глубокого изучения. В результате чего рождаются новые константы, понятия. Обобщение – объединение элементов по их сходным характеристикам. В художественном образовании данные операции актуализируются при создании стилизованного изображения, так как в этой работе происходят и анализ объектов постановки, и абстрагирование от несущественных деталей, и синтез ряда декоративных решений, и конкретизация – выделение наиболее выразительных признаков объектов.

Обучение условно-стилизованному изображению как способ развития мышления дивергентного типа

Условно-стилизованное изображение – это «декоративное обобщение изображаемых объектов (фигур, предметов) с помощью ряда условных приемов изменения формы, объемных и цветовых отношений» [24]. Условно-стилизованное, или декоративное, решение в живописи отличают организация, эмоциональная выразительность, интерпретация натурального материала посредством художественных приемов. Декоративное решение предполагает знание законов композиции и восприятия, владение тоном и формой, навыками работы в объемно-пространственном ключе академической живописи и средствами стилизации; умение выявлять изобразительную, смысловую сущность постановки, настроение, образ натуры, умение как передавать цветовой строй постановки, так и создавать новую колористическую систему. Данные навыки необходимы в становлении и профессиональной деятельности специалиста графического дизайнера.

Рассмотрим значение условно-стилизованного изображения в развитии творческих способностей обучающихся. В процессе перехода от объемно-пространственного изображения к условно-стилизованному меняются и расширяются представления об основных понятиях изобразительной грамотности. На этапе изучения законов изображения ведущую роль играет объемно-пространственное представление визуальной информации. Задача такого изображения – максимальное соответствие натурной постановке, законам строения пространства и объема на плоскости с учетом их восприятия. Переход к условно-стилизованному изображению (2-й курс) характеризуется расширением понятийного аппарата и операциональности. Учащиеся осваивают различные методы трактовки реальных форм и пространства (виды, перспективы, условность пространства, объема светового рисунка, принципы стилизации форм). Этап эскизирования здесь превращается в наработку художественных вариаций и творческих идей, позволяя свободное обращение со всеми параметрами натурального материала. Именно работа над условно-стилизованным изображением требует от студентов совместного участия большинства функций как логи-

ческого, так и наглядно-образного мышления, что способствует активизации межполушарных связей. При изображении, отвлеченном от копирования реальности, задействуются наряду с представлением, воображением, ассоциированием и анализ, абстрагирование, синтез и др.

На практике можно видеть, что задания на условно-стилизованное изображение позволяют раскрыть способности чувственно-образного представления действительности, творческие способности учащихся с явным преобладанием на предыдущих этапах стереотипных решений согласно алгоритмам.

Организация учебной работы над заданием условно-стилизованного изображения натюрморта

Данный раздел содержит предложения по организации учебного процесса при обучении студентов условно-стилизованному изображению, имеющего целью активизацию логических и образных мыслительных операций. Осознавая необходимость использования определённой операции на каждом конкретном этапе работы, преподаватель может подсказать студентам, что именно они должны сделать для успешного решения – вспомнить, найти аналогию, ассоциацию, обобщить или сравнить. Работа над заданием включает следующие этапы:

1. Постановка цели и задач – как в устной форме, так и используя наглядные образцы по заданной теме. Операции мышления, задействованные на данном этапе: логические операции – анализ, систематизация, сравнение; образные – восприятие, впечатление, представление, образная память, сензитивный анализ. В первую очередь задействуется восприятие, педагог предлагает ознакомиться с подготовленными постановками, студенты получают первые впечатления, сравнивают и выбирают понравившийся натюрморт в соответствии с личными мотивами (впечатления, ощущения, сензитивный анализ – невербализуемый уровень восприятия в сравнении деталей и общего, мысленное представление возможного хода работы и результата, сравнение с известными образцами в изобразительном искусстве и личном опыте). Педагог предлагает проанализировать работы других учащихся – что удалось и почему, какие средства и методы были использованы; студенты могут сравнить готовые работы с предложенным натурным материалом (натюрмортом); запоминают образцы.

2. Изучение теоретической информации – основных понятий стилизации и декоративности в живописи, истоков и оснований, задач и способов их решений художниками прошлого и настоящего, анализ примеров. Обозначение алгоритмов действий, пошаговые зарисовки преподавателя на доске, проговаривание задач на каждом этапе работы (здесь работают функции памяти, формирование понятийного аппарата и аналитических способностей). Разбор этапов работы художников на примерах, объяснение / понимание решения композиции, цвета, стилизации и т.д. задействует логические операции – запоминание, анализ, систематизацию, сравнение – и образные: восприятие, представление, нахождение аналогий (из уже имеющегося опыта – своего и других художников).

3. Выполнение натурной зарисовки, где необходимо передать пространство и плоскость, уловить характер, пропорции и особенности каждого предмета, исходя из их внутренней конструкции, их размерные и пространственные отношения, решить композицию предметов в целом, определить направление света и светотеневой рисунок постановки. Логическая работа: сопоставление, сравнение, анализ, синтез, конкретизация. Образное мышление: восприятие, представление.

4. На основе изученных алгоритмов и способов стилизации студенты выполняют ряд поисковых эскизов условно-плоскостного решения. Когда типовые решения отработаны (есть 5–6 эскизов), наступает этап свободного творчества, отличающийся желанием студента к эксперименту и поиском нового решения. Этот этап не контролируется педагогом, дается полная свобода поиска идей. Нахождению нестандартного решения для студентов с более развитым логическим мышлением способствует написание списка из слов-ассоциаций, важно, однако, чтобы педагог показал как им можно затем воспользоваться. При переработке натурной информации задействован процесс логической работы интеллекта – осмысление, анализ, соотнесение информации с существующими путями решения (алгоритмами), соотнесение с понятиями, способности к выявлению связей, сопоставлению, синтезу, сравнению, абстрагированию (отвлеченность от несущественного, выделение существенных признаков, главного и исключение несущественного), поиску аналогий, отношений, обобщению; и образной – восприятие образа предметов и целого, поиск решения (переработка впечатлений, соотнесение с образами памяти и представлениями); здесь задействуются воображение, представление, ассоциирование, сензитивный анализ.

Данный этап работы также характеризуется и регулируется эмоциями. «Чувство близости решения» [22], «эмоциональная активация способствует фиксации зоны поиска, сужению ее объема, изменению характера поисковых действий, эмоции принимают самое непосредственное участие в регуляции интеллектуальной деятельности» [19. С. 54], «эмоции позволяют на разном уровне группировать материал», эмоции могут трактоваться как «операторы процесса категоризации, меняющие «кривизну» семантического пространства и уровень категоризации. [25. С. 14, 17]. Исследования в психофизиологии мозговой активности отмечают особенность творческой работы интеллекта, где теряется сознательный контроль отдельных процессов при поиске оригинальных идей [26].

5. Все эскизы отсматриваются с педагогом (возможно участие группы), анализируются с точки зрения цели и поставленных задач, оригинальности, степени соотнесенности интерпретированного образа к реальному прототипу (объективной реальности), цельности, соподчиненности и т.д. Выбирается вариант решения для дальнейшего воплощения в итоговом формате. Определяется название.

6. Воплощение эскиза в формате. Это не этап копирования или переноса решения на больший формат, а уточнения выразительности решения. На этом этапе крайне важно не упустить настроение, а быстро вы-

полнить итоговое решение. «Правильность» выбора и ведения работы на этом этапе контролируется по принципу соответствия всех параметров и характеристик идее (сопоставление, сравнение).

7. Анализ учащимися готовых работ. При таком анализе еще раз проверяются сформированность понятийного аппарата, аналитические качества, умение формулировать мысли. Новые умения выводятся на вербальный уровень. Задействуются функции мышления – память, сопоставление, сравнение, анализ, оценка, систематизация.

Оценка результатов работы по предложенной программе

В конце третьего года обучения проводится оценка результатов проведенной со студентами работы с помощью критериев сформированности творческих способностей (Дж. Гилфорд, П. Торренс) [19, 21, 26]:

1) беглость – определяется количеством возникших идей за ограниченное время;

2) оригинальность – способность производить нестандартные идеи, отличающиеся от известных решений; способность не следовать стереотипам и длительное время «оставаться открытым» для раз-

нообразной поступающей информации при решении проблем;

3) гибкость – вариативность средств и стратегий в решении задач; смена ракурса взгляда на проблему;

4) восприимчивость – способность улавливать смысл через детали, намеки, отрабатывать множество вариантов идей;

5) метафоричность – способность к обнаружению ассоциативных связей, символов, подтекстов, способность к интерпретации;

6) способность к удержанию главного в творческой работе;

7) разработанность – целостное понимание изобразительной идеи до уровня деталей;

8) абстрактность названия – способность к поиску словесной формы сути изображенного образа;

9) удовлетворённость – положительный результат творческого процесса, подталкивающий к дальнейшему развитию.

Результаты исследования

Сводные результаты исследования соответствия мыслительных способностей и видов творческой деятельности отражены в таблице.

Участие видов мышления в решении творческих задач на этапе работы с условно-стилизированным изображением

Этапы работы с условно-стилизированным изображением натюрморта	Вид мышления	Мыслительные операции	Результат интеллектуальной деятельности
Усвоение основных понятий и теоретических принципов условно-плоскостного изображения	Логическое мышление	Запоминание; представление; анализ	Сформированность понятийного аппарата, владение понятием и видами перспективы, пространства, объема, светотени, теплоты
Анализ постановки, выявление её стилизующих элементов и их взаимосвязей	Логическое мышление	Сопоставление; абстрагирование; систематизация	Способность выявлять закономерности распределения светотени и объема, выделять существенные качества и признаки объектов. Способность выявлять соотношения форм по различным признакам (цвету, тону, размеру, пластике)
Выбор средств изображения (соответствие пропорций формата, соотношенности масс композиции, выявление главного и второстепенного, определение зрительных связей композиции). Выбор метода стилизации/трансформации, применение алгоритма	Логическое мышление	Сопоставление; анализ	Способность к уместному выбору средств реализации замысла
Сравнение стилистических, конструктивных параметров отдельных элементов композиции для их корректировки и приведения к целостному решению (поиск связей)	Логическое мышление	Синтез; сравнение, поиск аналогий отношений; обобщение; конкретизация	Умение находить визуальные связи композиции, приводить к единству элементы в соответствии с изобразительной идеей. Умение точно подобрать оттенок
Поиск изобразительной идеи представления композиции натюрморта – разработка ряда подготовительных эскизов небольшого размера (10 × 15 см)	Образное мышление	Воображение; представление; абстрагирование; обобщение; нахождение аналогий; ассоциирование; синтез; сенситивный анализ	Многообразие найденных решений и способов представления объекта. Семантическая гибкость мышления, вариативность. Нахождение решений, идущих вразрез со сложившимися представлениями об изображении, оригинальность. Способность к творческой интерпретации объектов действительности, умение стилизовать. Метафоричность, способность к изменению образа предмета (замена на другой образ). Восприимчивость к деталям. Определение главной линии, обобщение. Образная адаптивная гибкость (способность видеть скрытое). Семантическая спонтанная гибкость (при сопоставлении идей)
Выбор оптимального варианта по принципу «наилучшего впечатления» (с участием преподавателя)	Образное мышление	Представление; сенситивный анализ	Способность к анализу, диалогу, обсуждению и оценке собственной изобразительной идеи, конструктивным выводам

Этапы работы с условно-стилизированным изображением натюрморта	Вид мышления	Мыслительные операции	Результат интеллектуальной деятельности
Выбор варианта по принципу единства, соподчинения, целостности, гармоничности	Логическое мышление	Сопоставление; анализ	
Перенос эскиза на итоговый формат (A1)	Логическое мышление	Конкретизация; сравнение	Точность воспроизведения и детализации
Выполнение итогового решения в материале. Подчинение всех характеристик изобразительной идее (приведение формы, цвета, тона в соответствие с предполагаемым замыслом)	Образное мышление	Воображение, представление, абстрагирование, обобщение, нахождение аналогий, ассоциирование, синтез, сензитивный анализ	Соответствие изобразительной идее (интерпретативная точность, определяющая выразительность творческой работы), цельность, вовлеченность, эмоциональность, удовлетворённость
Анализ полученного результата, обсуждение с преподавателем и в коллективе студентов	Логическое мышление	Сравнение, сопоставление, анализ	Умение представлять готовую работу, обсуждать в коллективе, анализировать, делать выводы на будущее (видеть перспективу собственных возможностей)

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Проведенный анализ актуальности основных логических операций (сравнение, анализ, синтез, абстракция, конкретизация и обобщение) в работе над условно-стилизированными решениями позволяет утверждать об их полной включенности в творческий процесс работы художника наряду с необходимыми операциями образного мышления.

2. Синтез логического и образного мышления дает наилучший результат обучения, поскольку обеспечивает постепенное развитие дивергентного типа мышления, необходимого для профессионального дизайнера.

3. Использование на каждом этапе работы над заданием определенных мыслительных операций позволяет сделать выводы о компенсирующей эффективности заданий условно-стилизованного цикла для менее развитых функций интеллекта.

4. Знание преподавателя о необходимости включения определенной мыслительной операции на определенном этапе работы позволяет давать корректирующие подсказки и таким образом направлять развитие мышления будущего дизайнера по дивергентному типу.

5. Необходимо применение данной методики в работе со студентами 3-го курса Томского государственного университета, обучающихся по специальности «Графический дизайн», с целью дальнейшего экспериментального исследования её эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бехтерева Н.П., Старченко М.Г., Юпочарев В.А. и др. Исследование мозговой организации творчества. Сообщение II. Данные позитронно-эмиссионной томографии // Физиология человека. М. : Наука, 2000. Т. 26, № 5. С. 12–18.
- Разумникова О.М. Функциональная организация коры головного мозга при дивергентном и конвергентном мышлении : автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Новосибирск, 2003. 44 с.
- Загайнова А.Ю. Взаимосвязь конвергентного / дивергентного мышления и полушарных процессов селекции информации : значение моторной асимметрии : автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2013. 22 с.
- Голубева Э.А. Способности, личность, индивидуальность : взгляд и раздумья психофизиолога. Дубна : Феникс+, 2005.
- Семенов И.Н. Социокультурная роль экзистенциальной рефлексии в развитии целого образования и самоотношения творческой индивидуальности // Мир психологии. 2011. № 1. С. 69–82.
- Кизилев А.С. Индивидуализация обучения ландшафтному дизайну студентов вузов с учетом доминирующих у них видов мышления : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Сочи, 2004.
- Efremova O.N., Plotnikova I.V., Ustyuzhanina A.K. Forming Linguistic Competence of Foreign Students at the Preparatory Department of a Technical University. Procedia – Social and Behavioral Sciences. International Education and Cross-Cultural Communication, Problems and Solutions. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.576>
- Абакумова Н.Н., Дубовицкая Ю.В. Разноуровневая поливариантная среда как ресурс для развития обучающихся. Тенденции и закономерности развития современного российского общества: экономика, политика, социально-культурная и правовая сферы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 ч. Казань : Познание, 2016.
- Yanushchik O.V., Batbold M., Ustyuzhanina A.K. Improving the Organization of the Learning Process in Mathematics for International Students of Technical Universities // Procedia – social and behavioral sciences. International Education and Cross-Cultural Communication, Problems and Solutions. 2015. URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.11.621>
- Ustyuzhanina A., Plotnikova I., Efremova O. Business games in Quality control for students of technical universities. Proceedings of 2017 IEEE Global Engineering Education Conference. 2017. URL: <http://dx.doi.org/10.1109/EDUCON.2017.7942822>
- Яскевич И.Н. Исследование инновационного потенциала обучающихся художественного профиля : к постановке проблемы // Тенденции науки и образования в современном мире. Томск : ИП Иванов Владислав Павлович, 2017. № 2–3.
- Борисанова Д.А., Краснорядцева О.М. Актуализация творческих потенциалов подростков и молодежи в условиях дополнительного образования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 5. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1605.02>
- Будакова А.В., Мацуца В.В. Различия в показателях личностного потенциала у высокоинтеллектуальных студентов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 5. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1606.02>
- Dietrich A., Haider H. Human creativity, evolutionary algorithms, and predictive representations : The mechanics of thought trials // Psychonomic Bulletin and Review. 2015. Vol. 22. DOI: <http://dx.doi.org/10.3758/s13423-014-0743-x>
- Silvia P.J. Intelligence Are Pretty Similar After All // Educational Psychology Review. 2015. Vol. 27, is. 4. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s10648-015-9299-1>
- Богоявленская Д.Б., Сусоколова И.А. К вопросу о дивергентном мышлении. Психологическая наука и образование. М. : МГППУ, 2006.
- Симонов П.В. Нейробиологические основы креативности. Физиология человека. М. : Наука, 1995. Т. 21.
- Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта. Психология мышления : пер. с нем. и англ. М. : Прогресс, 1965.

19. Холодная М.А. Психология интеллекта : парадоксы исследования. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
20. Холодная М.А. Онтологическая теория интеллекта как основа технологии интеллектуального воспитания учащихся. Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека // *Фундаментальная психология – практике*. М., 2014.
21. Torrance E.P. Guiding creative talent. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1962. 278 p.
22. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности человека. М., 1969. 304 с.
23. Маклаков А.Г. Мышление. Общая психология. СПб. : Питер, 2001.
24. Мальцева О.И. Оптимизация процесса обучения декоративно-прикладному искусству в профессиональной подготовке художника-педагога // *Гуманитарные научные исследования*. 2016. № 3. URL: <http://human.snauka.ru/2016/03/14399>
25. Петренко В.Ф. Психосемантические аспекты картины мира субъекта // *Психология : журнал Высшей школы экономики*. М. : ГУ ВШЭ, 2005. Т. 2, № 2. С. 3–23.
26. Torrance E.P. Rewarding Creative Behavior. Experiments in Classroom Creativity. Englewood Cliffs N.J. : Prentice-Hall, 1965. 253 p.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 20 марта 2018 г.

TEACHING STYLISTED IMAGE AS A MEANS TO DEVELOP ABSTRACT IMAGINATIVE THINKING IN STUDENTS

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 152–1587.

DOI: 10.17223/15617793/430/21

Elena K. Protasova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: le22na@mail.ru

Keywords: art education; design; imaginative thinking; divergent thinking; development technique; stylised image; mental operations; creativity.

The article studies the interaction of imaginative and logical thinking in students-designers performing tasks on the volume-spatial and stylised image. The author reveals the interaction of the mental operations of logical analysis, synthesis, comparison, abstracting, concretisation, generalisation and finding regularities when working on the volume-spatial sketch from nature; and additional involvement of the imaginative thinking functions of imagination, visual-figurative representation, association, etc. when working on stylisation. A stylised image is characterised by organisation, emotional expressiveness, interpretation of natural material through artistic techniques. It presupposes the knowledge of composition and perception laws, tone and form, stylisation means; the ability to identify the pictorial, semantic essence of the setting, image, ability to create a new colour system in the composition. These skills are necessary in the professional activities of a graphic design specialist. With correctly set tasks, at each stage of work sequentially, logical and imaginative thinking functions are involved. The first impression of the setting is always generalising and emotional, then the functions of analysis, comparison, abstraction and synthesis are included. Only when the image is stylised, imagination, search for new solutions, the presentation function, etc. are involved. At the final stage, the work is again subjected to analysis and evaluation of the result. Based on the long-term observation and the stylised image programme introduction, the author draws a conclusion about the corrective function of the stylised image tasks. It is during the work on stylisation that all functions of creative thinking are involved. The programme is designed for three years, at the end of which the results are evaluated by the criteria of Torrens Guildford, final testing and expert evaluation of the works. As a result of the study, the following conclusions can be drawn: 1. Basic operations of logical thinking (comparison, analysis, synthesis, abstraction, specification and generalisation) are fully involved in the process of creating stylised images, along with the operations of imaginative thinking. 2. Use of certain mental operations at each stage of work makes it possible to draw conclusions about the compensating effectiveness of the tasks on the stylisation for less developed functions of the intellect. 3. Knowledge of the teacher about the need to use a certain mental operation at a certain stage of work (see Table 1) allows to give corrective advice and thus to guide the development of thinking of the future designer in a divergent type. 4. It is necessary to apply this technique in working with the 3rd-year students at Tomsk State University, specialty “Graphic Design”, for the purpose of further experimental research of its effectiveness.

REFERENCES

1. Bekhtereva, N.P. & Starchenko, M.G. et al. (2000) Issledovanie mozgovoy organizatsii tvorchestva. Soobshchenie II. Dannye pozitronno-emissionnoy tomografii [Study of the brain organisation of creativity. Communication II. Positron emission tomography data]. *Fiziologiya cheloveka*. 26:5. pp. 12–18.
2. Razumnikova, O.M. (2003) *Funktsional'naya organizatsiya kory golovnoy mozga pri divergentnom i konvergentnom myshlenii* [Functional organisation of the cerebral cortex in the case of divergent and convergent thinking]. Abstract of Biology Dr. Diss. Novosibirsk.
3. Zagaynova, A.Yu. (2013) *Vzaimosvyaz' konvergentnogo / divergentnogo myshleniya i polusharnykh protsessov selektsii informatsii: znachenie motornoy asimmetrii* [Interrelation of convergent / divergent thinking and hemispheric processes of information selection: the value of motor asymmetry]. Abstract of Biology Cand. Diss. Novosibirsk.
4. Golubeva, E.A. (2005) *Sposobnosti, lichnost', individual'nost': vzglyad i razum'ya psikhofiziologa* [Ability, personality, individuality: the view and meditation of a psychophysicologist]. Dubna: Feniks+.
5. Semenov, I.N. (2011) Sotsiokul'turnaya rol' ekzistentsial'noy refleksii v razviti tseobrazovaniya i samootnosheniya tvorcheskoy individual'nosti [Sociocultural role of existential reflection in the development of goal-setting and self-relation of creative individuality]. *Mir psikhologii*. 1. pp. 69–82.
6. Kizilov, A.S. (2004) *Individualizatsiya obucheniya landshaftnomu dizaynu studentov vuzov s uchetom dominiruyushchikh u nikh vidov myshleniya* [Individualisation of teaching landscape design to university students taking into account the types of thinking that dominate them]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Sochi.
7. Efremova, O.N., Plotnikova, I.V. & Ustyuzhanina, A.K. (2015) Forming Linguistic Competence of Foreign Students at the Preparatory Department of a Technical University. *Procedia – Social and Behavioral Sciences. International Education and Cross-Cultural Communication, Problems and Solutions*. 215. pp. 72–78. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.576
8. Abakumova, N.N. & Dubovitskaya, Yu.V. (2016) [A multi-level polyvariant environment as a resource for the development of students]. *Tendentsii i zakonomernosti razvitiya sovremennogo rossiyskogo obshchestva: ekonomika, politika, sotsial'no-kul'turnaya i pravovaya sfery* [Tendencies and patterns of development of modern Russian society: economy, politics, socio-cultural and legal spheres]. Proceeding of the conference: in 2 parts. Kazan: Poznanie.
9. Yanushchik, O.V., Batbold, M. & Ustyuzhanina, A.K. (2015) Improving the Organization of the Learning Process in Mathematics for International Students of Technical Universities. *Procedia – social and behavioral sciences. International Education and Cross-Cultural Communication, Problems and Solutions*. 215. pp. 202–206. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.621

10. Ustyuzhanina, A., Plotnikova, I. & Efremova, O. (2017) Business games in Quality control for students of technical universities. *Proceedings of 2017 IEEE Global Engineering Education Conference*. DOI: 10.1109/EDUCON.2017.7942822
11. Yaskevich, I.N. (2017) Issledovanie innovatsionnogo potentsiala obuchayushchikhsya khudozhestvennogo profilya: k postanovke problemy [Research of innovative potential of students of an art profile: to the statement of a problem]. *Tendentsii nauki i obrazovaniya v sovremennom mire*. 2–3.
12. Borisanova, D.A. & Krasnoryadtseva, O.M. (2016) Actualising creative potential of adolescents and young people by means of extra-curricular activities: the network resource. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 5. pp. 24–33. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1605.02
13. Budakova, A.V. & Matsuta, V.V. (2016) Differences in personal potential in highly intelligent students. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 5. pp. 17–30. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1606.02
14. Dietrich, A. & Haider, H. (2015) Human creativity, evolutionary algorithms, and predictive representations: The mechanics of thought trials. *Psychonomic Bulletin and Review*. 22. DOI: 10.3758/s13423-014-0743-x
15. Silvia, P.J. (2015) Intelligence and Creativity Are Pretty Similar After All. *Educational Psychology Review*. 27:4. DOI: 10.1007/s10648-015-9299-1
16. Bogoyavlenskaya, D.B. & Susokolova, I.A. (2006) *K voprosu o divergentnom myshlenii. Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [On divergent thinking. Psychological science and education]. Moscow: MGPPU.
17. Simonov, P.V. (1995) *Neyrobiologicheskie osnovy kreativnosti. Fiziologiya cheloveka* [Neurobiological basis of creativity. Human physiology]. Vol. 21. Moscow: Nauka.
18. Guilford, J. (1965) *Tri storony intellekta. Psikhologiya myshleniya* [Three sides of the intellect. Psychology of thinking]. Translated from German and English. Moscow: Progress.
19. Kholodnaya, M.A. (2002) *Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* [Psychology of the intellect: the paradoxes of research]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
20. Kholodnaya, M.A. (2014) Ontologicheskaya teoriya intellekta kak osnova tekhnologii intellektual'nogo vospitaniya uchashchikhsya. *Metody psikhologicheskogo obespecheniya professional'noy deyatel'nosti i tekhnologii razvitiya mental'nykh resursov cheloveka* [Ontological theory of intelligence as the basis of technology of intellectual education of students. Methods of psychological support of professional activity and technology of development of human mental resources]. In: Dikaya, L.G., Zhuravlev, A.L. & Kholodnaya, M.A. (eds) *Fundamental'naya psikhologiya – praktike* [Fundamental psychology to practice]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
21. Torrance, E.P. (1962) *Guiding creative talent*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
22. Tikhomirov, O.K. (1969) *Struktura myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka* [Structure of human thought activity]. Moscow: Moscow State University.
23. Maklakov, A.G. (2001) *Myshlenie. Obshchaya psikhologiya* [Thinking. General psychology]. St. Petersburg: Piter.
24. Mal'tseva, O.I. (2016) The optimization of the process of studying the graphic arts in the training of artists-teachers. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 3. [Online] Available from: <http://human.snauka.ru/2016/03/14399>. (In Russian).
25. Petrenko, V.F. (2005) Psychosemantic of the Person's Image of the World. *Psikhologiya: zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki – Psychology: Journal of the Higher School of Economics*. 2:2. pp. 3–23.
26. Torrance, E.P. (1965) *Rewarding Creative Behavior. Experiments in Classroom Creativity*. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall.

Received: 20 March 2018

С.Д. Резник, И.С. Чемезов

ИНСТИТУТ АСПИРАНТУРЫ РОССИЙСКОГО ВУЗА: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Рассматриваются современное состояние, проблемы и перспективы развития института аспирантуры российских университетов. Особое внимание уделено результатам мониторингов студентов, аспирантов и их научных руководителей. Они позволили выявить и проанализировать основные проблемы функционирования института аспирантуры в российских вузах, разработать и систематизировать механизмы и инструменты их решения, предложить систему научно-методической поддержки аспирантов и их научных руководителей.

Ключевые слова: институт аспирантуры; университет; аспирант; диссертация; научно-методическое обеспечение; диссертационный менеджмент.

Введение

Проблема качества подготовки *специалистов* в аспирантуре высших учебных заведений становится все более острой.

Успех деятельности аспиранта касается не только его самого, но и его университета и всей страны, ведь диссертации и их авторы важны для развития отечественной и мировой науки. Наука в современном мире является одним из главных факторов развития экономики и обеспечивает, по оценкам экспертов, около 70% экономического роста страны [1. С. 85]. Об этом же говорит *Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации* [2].

В то же время, если еще недавно показатели защит диссертаций учитывались при оценке эффективности вузов, то теперь ситуация изменилась. Среди учитываемых показателей эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования [3] нет не только процента защит диссертаций в срок, но вообще процента защит аспирантов (есть только показатели, связанные с численностью аспирантов). О защитах диссертаций речь не идет и в законе об образовании. С того момента, как аспирантура была определена как третий уровень высшего образования, обучение в ней стало заканчиваться государственной итоговой аттестацией (защитой выпускной квалификационной работы). После этой процедуры аспирант выпускается из вуза с дипломом об окончании аспирантуры независимо от защиты диссертации в диссертационном совете. А ведь целью обучения в аспирантуре всегда было получение ученой степени. Поступающие в аспирантуру всегда были нацелены главным образом на это. Кто будет заинтересован в доведении аспиранта до защиты диссертации после завершения его обучения в вузе? Вопрос пока остается открытым.

Проблемы перемен в аспирантуре – ее статуса, качества и своевременности подготовки и защит аспирантских диссертаций – становятся все более актуальными. На эти проблемы обратила внимание в одном из своих выступлений и министр образования и науки РФ О.Ю. Васильева: «Я не согласна, что аспирантура – третий уровень образования. У нас не решен вопрос аспирантуры до конца» [4].

Цель настоящей статьи – проанализировать современное состояние и перспективы развития инсти-

тута аспирантуры российских вузов, предложить на основе этого анализа и накопленного опыта систему научно-методической поддержки аспирантов университета и их научных руководителей.

Задачами исследования являлись:

- анализ состояния института аспирантуры в России;
- выяснение причин недостаточной эффективности вузовской аспирантуры;
- систематизация накопленного опыта организационной и научно-методической поддержки аспирантов.

Гипотезы нашего исследования заключались в следующих положениях:

1. Низкая эффективность аспирантуры связана, прежде всего, с тем, что значительная часть поступающих в аспирантуру молодых людей руководствуется ошибочными представлениями об аспирантуре и ошибочной мотивацией.

2. Среди тех, кто поступает в аспирантуру и обучается в ней, многие не подготовлены к выполнению главных аспирантских задач – подготовке диссертации (научно-квалификационной работы) и ее защите.

3. При обучении в аспирантуре студенты часто предоставлены сами себе: научные руководители, кафедра и вуз уделяют им недостаточно внимания, что приводит к неготовности аспирантов защищать диссертацию в срок, выполнять все необходимые требования, отвечать на вопросы на защите и в ВАКе, а часто приводит к уходу из аспирантуры или оставлению работы над диссертацией после окончания обучения.

Проверке этих гипотез и путям решения лежащих в их основе проблем посвящено проведенное исследование.

Изученность проблемы. Проблемы аттестации научных кадров в России за последние десятилетия постепенно стали предметом не только образовательных дискуссий, но и специальных научных исследований. За последнее время по результатам таких исследований издано немало статей и монографий, защищены диссертации.

Среди научных работ, посвященных развитию аспирантуры в высших учебных заведениях и подготовке аспирантов к научно-педагогической деятельности, отметим труды М.М. Алексова [5], Б.И. Бедного, А.А. Миронова [6–9], Т.Б. Катасоновой [10], И.В. Малигиной [11], Л.В. Непомнящей [12], Т.В. Серовой

[13], И.Л. Симонова-Емельянова [14], А.Р. Сулеймановой [15], Д.В. Устиновой [16] и других авторов.

В то же время, если учитывать происходящие изменения в системе подготовки и аттестации научно-педагогических кадров России, нельзя говорить о том, что изучены и решены все проблемы в этой сфере.

Объектами наших исследований стали студенты и аспиранты российских университетов, их научные руководители и молодые кандидаты наук, т.е. успешно защитившиеся в недавнем прошлом аспиранты. В мониторингах приняли участие более 400 студентов, более 500 аспирантов, около 200 молодых кандидатов наук и 154 научных руководителя аспирантов вузов России, представляющих университеты Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Саратова, Воронежа, Пензы, Чебоксар и др. Методом сбора первичных данных стало анкетирование.

Институт аспирантуры в России: о чем говорит статистика

Прием в аспирантуру в России увеличился с 43 тыс. человек в 2000 г. до 55,5 тыс. человек в 2009 г., но начиная с 2009 г. он ежегодно снижался и в

2016 г. составил 26,4 тыс. человек (табл. 1). В 2016 г. по сравнению с 2009 г. в аспирантуру поступило в 2 раза меньше человек.

Общая численность аспирантов была на начало 2016 г. около 100 тыс. человек, причем начиная с 2011 г. она ежегодно снижалась на 10 и более тысяч человек. За последние 5 лет аспирантов в России стало в 1,5 раза меньше, чем в предыдущие 5 лет. Выпуск из аспирантуры ежегодно колебался в пределах 34–35 тыс. человек, но за последние 3 года тоже резко снизился: почти на 9 тыс. человек, или 25%.

Казалось бы, при снижении количества аспирантов должны возрасти качество и эффективность их подготовки, однако если в 2013 г. с защитой диссертации из аспирантуры выпустилось около 9 тыс. человек, или примерно 26% от общего выпуска аспирантов (с 2000 г. этот показатель никогда не снижался ниже 25%), то в последующие годы показатели выпуска с защитой снизились сначала до 18% (в 2014–2015 гг.), а затем и до 14% (в 2016 г.) (именно в эти годы акцент в показателях эффективности аспирантуры сместился с результативности (защиты в срок) на количество). Кроме того, теперь окончание аспирантуры и защита диссертации напрямую не связаны между собой.

Т а б л и ц а 1

Показатели деятельности аспирантуры в Российской Федерации [17. С. 339]

Годы	Численность аспирантов		Прием в аспирантуру		Выпуск из аспирантуры		В т.ч. с защитой диссертаций	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
2000	117 714	100%	43 100	100%	24 828	100%	7 503	100%
2005	142 899	121%	46 896	109%	33 561	135%	10 650	142%
2006	146 111	124%	50 462	117%	35 530	143%	11 893	159%
2007	147 719	125%	51 633	120%	35 747	144%	10 970	146%
2008	147 674	125%	49 638	115%	33 670	136%	8 831	118%
2009	154 470	131%	55 540	129%	34 235	138%	10 770	144%
2010	157 437	134%	54 558	127%	33 763	136%	9 611	128%
2011	156 279	133%	50 582	117%	33 082	133%	9 635	128%
2012	146 754	125%	45 556	106%	35 162	142%	9 195	123%
2013	132 002	112%	38 971	90%	34 733	140%	8 979	120%
2014	119 868	102%	32 981	77%	28 273	114%	5 189	69%
2015	109 936	93%	31 647	73%	25 826	104%	4 651	62%
2016	98 352	84%	26 421	61%	25 992	105%	3 730	50%

В 2016 г. подготовкой аспирантов занимались 1 359 организаций, в том числе 611 вузов (46%) и 733 НИИ (54%). При этом численность аспирантов высших учебных заведений (87 180 чел., 89%) значительно превышала число аспирантов научных организаций (10 581 чел., 11%). Этим обусловлен выбор нами в качестве объекта исследования аспирантуры высших учебных заведений и обучающихся в них аспирантов.

Продолжают снижаться прием в аспирантуру и, соответственно, численность аспирантов. Почему? На наш взгляд, это объясняется следующим.

Во-первых, на пути к аспирантуре появилась еще одна ступень обучения в виде магистратуры. Увеличился срок обучения, предшествующий аспирантуре (с 5 (для специалистов) до 6 (для магистров) лет). А принять второй раз решение о продолжении обучения еще сложнее, чем первый (раньше решение об аспирантуре было первым таким решением, теперь же стало вторым, а первым – решение о поступлении в

магистратуру). Согласно экономическому закону убывающей предельной полезности каждый следующий год обучения дает обучающемуся меньше, чем предыдущий. Вследствие этого, как показало наше исследование, интерес к аспирантуре постепенно снижается у студентов от курса к курсу.

Во-вторых, обучение в аспирантуре в экономическом смысле сложно назвать эффективным: молодой человек лишается возможности полноценно зарабатывать в этот период, получает стипендию, несравнимую с заработной платой, а нередко вообще вынужден сам платить за обучение. При этом устанавливаемая государством с недавних пор стоимость контрактного обучения в аспирантуре даже государственных вузов (особенно по очной форме) весьма велика.

В третьих, падает привлекательность аспирантуры и педагогической деятельности.

Все эти изменения происходят на фоне ужесточения требований к диссертациям и существенного уменьшения числа диссертационных советов.

Таким образом, данные государственной статистики свидетельствуют о том, что *происходящие в системе образования (и в частности, в системе подготовки научно-педагогических кадров) перемены ставят под угрозу воспроизводство кадрового и научного потенциала высшей школы и всей страны*: резко снижается и количество аспирантов, и количество защит диссертаций.

На наш взгляд, именно аспирантский корпус должен стать главным стратегическим резервом вуза, основой его стабильного будущего, и задача общества – сделать все возможное, чтобы люди этой сферы потратили важные годы своей жизни не впустую.

Оснований полагать, что только ужесточение требований к аспирантам и диссертациям приведет к повышению качества их подготовки, нет, поскольку сама система работы с аспирантами претерпевает достаточно противоречивые изменения.

Все это заставляет искать новые пути решения назревших проблем, обеспечения необходимых перемен в сфере подготовки научных кадров.

Кто и почему поступает в аспирантуру

Снижение интереса молодежи к послевузовскому образованию выводит проблему подготовки студентов к обучению в аспирантуре в разряд особо актуальных. Даже сильные студенты, другими словами, потенциальные аспиранты, очень слабо представляют себе, что такое аспирантура, в чем смысл обучения в ней, что такое диссертация и ученая степень. В итоге аспиранты сталкиваются с различными трудностями как при освоении образовательных программ, так и при написании кандидатской диссертации.

Аспирантура на самом деле – это уже не студенчество, хотя и стала по Закону об Образовании в Российской Федерации высшей ступенью образования в России. Учеба в аспирантуре – это, как показывает опыт, напряженный творческий труд, это существенные затраты времени, сил, да и финансовых ресурсов. Строго говоря, раньше аспирантуру нельзя было назвать обучением в традиционном смысле. Аспирант занимался подготовкой диссертации, учась в процессе этой работы на своем опыте, опыте работы коллег и предшественников. Еще одной формой получения знаний (и шире – компетенций) можно было считать консультации с научным руководителем и специалистами. В настоящий момент обучение в аспирантуре стало больше напоминать традиционное обучение (аналогичное бакалавриату и магистратуре). С одной стороны, это, казалось бы, должно лучше подготовить аспиранта к научной работе и, следовательно, успешной защите диссертации. С другой стороны, защитить диссертацию теперь стало значительно сложнее. Из 3 161 диссертаций в 2013 г. на сегодняшний день осталось только 2 118 [18]. Это, конечно, усложняет возможности защиты и увеличивает затраты на нее. В 2015 г. председатель ВАК В.М. Филиппов отмечал, что *за два предыдущих года количество защищенных диссертаций в России уменьшилось наполовину* [19].

Как было отмечено выше, удельный вес защитивших диссертации в общем объеме выпуска аспиран-

тов снижается от года к году: в 2016 г. он составил 14% (при том, что еще не так давно министерство устанавливало вузам «планку» в 30%). Это значит, что теперь защищается в срок лишь один из шести аспирантов! В чем причины такой низкой эффективности? Ведь, казалось бы, в аспирантуру должны поступать люди наиболее способные и целеустремленные. К тому же, этот уровень образования не является необходимым для «выживания» на рынке труда.

Для этого были изучены *мотивы студентов*, принимающих решение о поступлении в аспирантуру.

Нами проведен специальный мониторинг, в котором приняли участие более 400 студентов государственных вузов г. Пензы, обучавшихся на «хорошо» и «отлично». Студентам был задан вопрос: «Какие факторы, могут оказать влияние на Ваше решение поступать в аспирантуру?» Результаты их ответов представлены в табл. 2.

Оказалось, что наиболее распространенными являются материальные мотивы: зарплата, карьерный рост и др. Стремление к преподавательской и научно-исследовательской деятельности у студентов занимает одно из последних мест. Однако можно увидеть, что *студенты, не имеющие намерения поступать в аспирантуру, более адекватны в своих оценках*. Если бы они решили пойти в аспирантуру, то в меньшей степени руководствовались бы такими мотивами, как *получение престижной работы* (52 против 78%), *получение высокой зарплаты* (54 против 77%). Напротив, для тех, кто намерен поступать, эти факторы значимы в большей мере. А аспирантура вряд ли предоставит им возможность реализовать такие ожидания.

Представляется, что *некоторые мотивы поступления в аспирантуру в значительной мере являются ошибочными, объясняются нечеткими представлениями об аспирантуре и преимуществах, которые она дает*. Особенно это видно, если сравнить ожидания желающих поступать в аспирантуру и экспертные мнения тех, кто уже имеет ученую степень (табл. 3).

К *ложным, либо второстепенным, мотивам* (табл. 2) можно отнести: *возможность повысить свой квалификационный уровень* (81%) для тех, кто в дальнейшем не собирается связывать свою деятельность с наукой; иметь более престижную работу (77%); хорошо зарабатывать, получать высокую зарплату (77%); получение отсрочки от армии (26%). Руководствуясь ими, абитуриент может принять неправильное решение: он поступит в аспирантуру, хотя на самом деле ему нужно что-то другое. Скорее всего, он затем разочаруется в своем выборе и не окончит обучение.

Те мотивы, которые, на наш взгляд, получают в аспирантуре наибольшее подтверждение (табл. 2) – это *мотивы объективные*. Руководствуясь ими, поступающий примет обоснованное решение. Среди этих мотивов прежде всего следует назвать: желание стать преподавателем вуза (41%), потребность реализовать свой творческий потенциал в сфере науки (46%), желание работать над интересными, сложными проблемами (45%), желание работать с высококвалифицированными коллегами (61%).

Таблица 2

Факторы, которые могут оказать влияние на решение студентов поступать в аспирантуру

Факторы	Среди всех студентов, %	В том числе среди	
		планирующих поступать в аспирантуру, %	не планирующих поступать в аспирантуру, %
Хорошо зарабатывать, получать высокую зарплату	59	77	54
Возможность повысить свой квалификационный уровень	56	81	53
Иметь более престижную работу	55	78	52
Установить связи с влиятельными людьми	50	53	48
Более успешно продвигаться по служебной лестнице, сделать карьеру	46	52	44
Возможность получить ученую степень и уехать за границу	43	46	43
Желание работать с высококвалифицированными коллегами	42	61	38
Желание стать преподавателем вуза	40	41	40
Возможность защитить кандидатскую диссертацию	38	63	34
Желание работать в столице или областном центре	38	42	35
Желание работать над интересными, сложными проблемами	35	45	32
Возможность выезжать за рубеж для участия в научных конференциях	34	44	31
Потребность реализовать свой творческий потенциал в сфере науки	29	46	24
Не хочу отставать от других	20	30	18
Получение отсрочки от службы в армии	18	26	16

Таблица 3

Сравнение ожиданий поступающих в аспирантуру и мнение экспертов относительно преимуществ аспирантуры [20]

На что рассчитывали поступающие в аспирантуру	Что на самом деле дает аспирантура (мнение экспертов)
Возможность повысить свой квалификационный уровень	Для работы в бизнесе более полезными будут практико-ориентированные курсы и стажировки
Иметь более престижную работу	Получение ученой степени может усложнить трудоустройство
Хорошо зарабатывать, получать высокую зарплату	Далеко не во всех организациях за ученую степень готовы доплачивать. А зарплаты педагогов и ученых, несмотря на тенденции к повышению, по-прежнему уступают зарплатам работников в коммерческих организациях

Из табл. 2 несложно увидеть, что количество поступающих с ложными (ошибочными) мотивами преобладает. На наш взгляд, это – одна из причин низкой эффективности работы вузовских аспирантур. Часто поступают в аспирантуру люди, которым она на самом деле не очень нужна. В итоге из общего числа аспирантов успешно защищает диссертацию в срок лишь одна седьмая часть (т.е. один аспирант из семи).

В то же время результаты наших исследований говорят о том, что *только треть аспирантов, уже обучаясь в аспирантуре, имеет желание остаться в вузе в качестве преподавателя и продолжить заниматься научно-педагогической деятельностью*. Это немногим больше того числа, кто выпускается из аспирантуры, защитив диссертацию. Если сделать скидку на то, что по различным обстоятельствам дойти до «финиша» удастся не всем, в итоге мы получим, что успешно завершает обучение один аспирант из семерых.

За время обучения в вузе большинству студентов о смысле и содержании обучения в аспирантуре ничего не рассказывали, это отметили 69,2% опрошенных. Кроме того, студенты не пытались как следует разобраться в этом вопросе самостоятельно – 95,8% респондентов не читали никаких книг об аспирантуре.

Уверены, что многих ошибок можно было бы избежать, наладив системную работу с потенциальными аспирантами еще до их поступления в аспирантуру. Что здесь прежде всего имеется в виду?

Информирование. Исходя из результатов исследований, напрашивается вывод и о том, что для увели-

чения числа желающих поступать в аспирантуру и повышения мотивации этого желания необходимо уделять больше внимания информированию студентов об особенностях, назначении, преимуществах, системе обучения в аспирантуре.

Делать это нужно как можно раньше: не только в период магистерской подготовки, а еще на стадии бакалавриата. Тогда и обучение в магистратуре станет осознанным подготовительным шагом к будущей научно-педагогической деятельности.

Представляется, что такую работу могут осуществлять: отдел аспирантуры вуза, заведующий кафедрой и его заместитель по научной работе, преподаватели, ведущие научные исследования, имеющие опыт работы с аспирантами.

Самоопределение поступающих в аспирантуру представляется особенно важным как для тех, кто только задумывается о научной деятельности, так и для тех, кто уже вступил на путь науки, но еще не до конца осознает свои цели, сложности и преимущества такого пути. Главное здесь – дать ответ самому себе на вопросы: для чего нужна ученая степень? Какие преимущества даст обучение в аспирантуре, написание и защита диссертации? Чем придется пожертвовать и с какими трудностями столкнуться при обучении в аспирантуре? В чем особенности кандидатской диссертации как научно-квалификационной работы и сколько времени и сил потребует ее выполнение?

Знакомство с методической литературой об аспирантуре, подготовке и защите диссертации. Ко-

нечно же, основательные знания о любом предмете можно почерпнуть только с помощью специальной литературы. Проблема обучения в аспирантуре здесь не является исключением. Тем более что литературный обзор – один из основных методов научной работы. И литературы, призванной помочь аспирантам, на сегодняшний день издано уже достаточно.

Консультирование поступающих. Конечно, самому студенту нелегко в одиночку принять правильное решение: стоит ему поступать в аспирантуру или нет. Помощь здесь должны оказать в первую очередь те люди, которые хорошо знакомы с проблемой, – научный руководитель и заведующий кафедрой, сотрудники отдела аспирантуры, обучающиеся аспиранты. Именно им следует, на наш взгляд, выяснить мотивацию поступающего, предупредить об ожидающих трудностях и предостеречь от возможных ошибок.

Повышение эффективности отбора при поступлении в аспирантуру. Хотя при современных условиях вузу выгодно принимать в аспирантуру всех желающих, необходимо отметить, что более требовательный отбор (в том числе и с учетом мотивов поступления) мог бы значительно повысить эффективность аспирантуры, под которой мы понимаем: во-первых, успешное завершение образовательной программы и защиту научно-квалификационной работы (НҚР); во-вторых, защиту кандидатской диссертации в течение года после выпуска из аспирантуры.

Проведенный экспертный опрос состоявшихся ученых и педагогов показал, что существующую систему отбора кандидатов для поступления в аспирантуру эффективной считает меньшинство – треть опрошенных.

Необходимо совершенствовать систему отбора студентов в аспирантуру, усилить их подготовку к научно-исследовательской деятельности, повышать преемственность образовательных программ высшего и послевузовского образования.

При этом отбор талантливой студенческой молодежи необходим еще задолго до окончания вуза. Для этого с самого начала обучения на бакалавриате вуз (в лице выпускающей кафедры) должен выявлять наиболее одаренных и продвинутых студентов, имеющих выраженную мотивацию к научной деятельности, создавать им особые условия для развития их творческих способностей. Также необходима разработка и утверждение критериев и положений по отбору студенческой молодежи для обучения в аспирантуре, выходящих за пределы традиционных вступительных экзаменов [21].

Готовность студенческой молодежи к обучению в аспирантуре

Результаты нашего исследования подтверждают предположения о недостаточной степени такой готовности.

Например, среди студентов, желавших продолжить учебу в аспирантуре, далеко не все (только половина опрошенных) активно участвовали в научно-исследовательской деятельности, имели достижения в этой области (48%). Но и среди них лишь 58% принимали активное участие в конкурсах научно-исследовательских работ, 62% имели опубликованные работы, 69% участвовали в олимпиадах, 21% – в научных конференциях, 22% занимались в научных кружках, 31% принимали участие в разработке грантов (рис. 1).

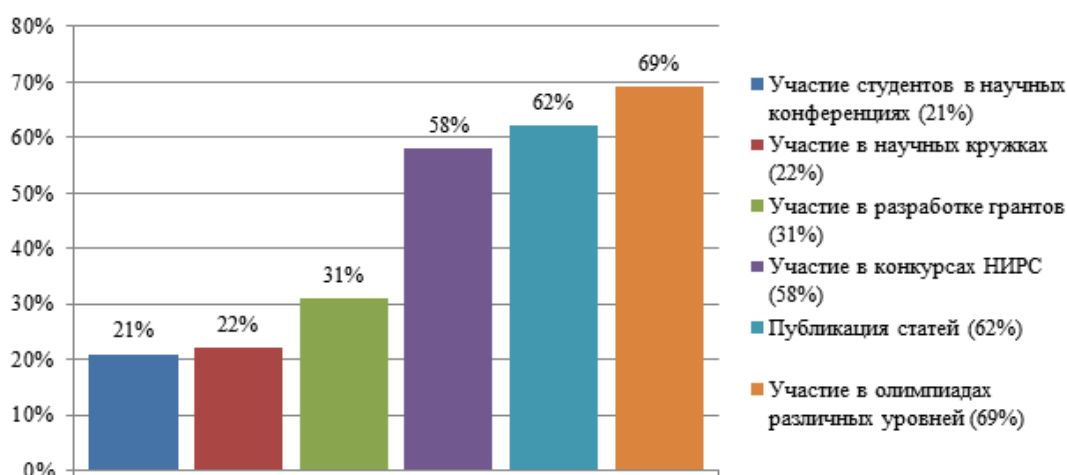

Рис. 1. Творческая активность студентов, планирующих поступать в аспирантуру [21]

Таким образом, можно утверждать, что среди тех, кто имел твердое намерение поступать в аспирантуру, только половина опрошенных более или менее активно проявляли себя в научной жизни вуза и осознанно подошли к необходимости продолжать образование.

Обратим отдельное внимание на количество публикаций тех студентов, кто имел намерение поступать в аспирантуру: 57% из них не имели ни одной публикации по результатам своей научно-исследовательской деятельности, 33% имели лишь 1–2 публикации,

и только оставшиеся 10% студентов имели 3 и более опубликованных работ.

Отметим, что намерение поступать в аспирантуру у способных студентов разных курсов обучения различается: на втором году обучения желающих поступать в аспирантуру больше (17%), чем на третьем (12%), а на третьем больше, чем на четвертом (7%). Это свидетельствует о том, что популярность науки и исследовательской деятельности на младших курсах достаточно высока. Но она снижается к концу обуче-

ния. Выше мы отмечали возможные причины этой тенденции: понимание полезности обучения с каждым курсом обучения снижается. Какой практический вывод можно сделать из этого? Начинать готовить студентов к аспирантуре оптимальнее всего со 2-го курса бакалавриата.

Опыт показывает, что даже сильные студенты, потенциальные аспиранты очень слабо представляют себе, что такое аспирантура, в чем смысл обучения в ней, что такое диссертация и ученая степень. Ведь на обычных учебных занятиях со студентами об этом речь не идет. Следовательно, студенты заранее не готовятся к новой и очень специфичной сфере учебы и деятельности – аспирантуре. В этих условиях трёх-четырёхлетний срок обучения в аспирантуре может показаться недостаточным для подготовки и защиты диссертации, и тем более – для подготовки к самостоятельной научной и педагогической деятельности.

Привлечением студентов к научно-исследовательской работе и подготовкой к поступлению в аспирантуру, на наш взгляд, нужно управлять. Для этого необходимы: популяризация НИР среди студенческой молодежи (удельный вес аспирантов, участвовавших в НИР в студенческие годы, к числу выпущенных с защитой достигает максимального значения!); ускоренная адаптация студентов к системе обучения в аспирантуре; повышение престижа должности преподавателя высшей школы; повышение репутации вуза.

Повышение интереса студентов университета к научно-исследовательской деятельности может быть достигнуто благодаря следующим мерам: популяризации разнообразных форм исследовательской деятельности; информированию студентов о различных аспектах и перспективах научной деятельности; развитию тематики научно-исследовательских работ; формированию групп научных наставников среди преподавателей кафедр, пользующихся авторитетом у студентов; формированию регулярно обновляемой базы данных и распространению информации о российских и зарубежных конкурсах, конференциях, олимпиадах, грантах для студентов; прикреплению к студентам первого курса старшекурсников (в том числе из числа аспирантов и магистрантов) в качестве наставников; развитию у студентов исследовательской активности, интереса к исследовательской деятельности на учебных занятиях; ознакомлению студентов с российскими и международными стандартами, регулирующими проведение научного исследования и представление его результатов; обмену передовым опытом между вузами России по вопросам работы с талантливой молодежью; организации факультативных и специальных курсов, программ, семинаров, выполнения исследовательских работ группами наиболее способных и имеющих стремление к науке студентов; обеспечению высокого уровня научно-методического сопровождения исследовательской деятельности студентов; повышению эффективности планирования личного времени студентов.

Очень важно, на наш взгляд, стимулировать преподавателей и сотрудников вуза, которые руководят научно-исследовательской работой студентов.

Подробнее об этих механизмах рассказано в наших статьях [22, 23] и монографии [21].

Методическая подготовленность к обучению в аспирантуре

А как обстоят дела с методической подготовленностью у самих аспирантов?

Опыт бесед одного из авторов статьи (Резник С.Д.) с приглашёнными соискателями (вчерашними аспирантами) в экспертном совете ВАК [24] говорит о том, что многие из них не были готовы к таким вызовам; не знали, о чем их будут спрашивать; не знали требований к аттестационным документам, к авторефератам, к заключениям диссертационных советов; не знали, как отвечать на задаваемые вопросы и даже не знали, как вести себя в ВАКе, вызывая соответствующую реакцию членов экспертного совета.

Какой же вывод после таких ответов соискателя должен сделать эксперт?

Один из этих выводов такой: многие соискатели ученых степеней методологически не были подготовлены своими кафедрами, научными руководителями к обучению в аспирантуре и написанию диссертации. Они «варились только в собственном соку»: своего научного руководителя, своей кафедры, своего диссертационного совета.

Как правило, на начальной, а часто и на последующих стадиях подготовки диссертации соискатели не изучали правила ее написания, не изучили соответствующие нормативные положения и методические пособия, их этому просто не научили, а в результате диссертационные советы получали замечания и предупреждения, их деятельность могли приостановить или даже прекратить.

В настоящий момент в учебные планы образовательных программ аспирантуры некоторые университеты включают дисциплины, призванные повысить методическую готовность аспиранта к написанию и защите диссертации, а также к педагогической работе. Возможно, это улучшит сложившуюся в предыдущие годы ситуацию. Однако это будет зависеть и от того, насколько преподаваемый материал будет соответствовать реальным задачам аспиранта и насколько тесно он будет связан с его научной работой.

В результате проведенного среди аспирантов исследования мы выяснили, что только половина из них имели в собственной библиотеке какие-то книги о работе над диссертацией и обучении в аспирантуре, хотя таких книг издано уже немало [25–31].

После серьезной подготовки студентов к целенаправленному поступлению в аспирантуру важным шагом университета должно стать повышение эффективности работы с действующими аспирантами. Наш опыт позволяет говорить об основных направлениях повышения эффективности работы с аспирантами в вузе, в том числе:

- обучение аспирантов методологии научной деятельности, подготовки и защиты диссертации;
- повышение мотивации и заинтересованности аспирантов в научной и педагогической деятельности;

– повышение качества научного руководства аспирантами и методическое обеспечение этого процесса. Для научных руководителей сегодня разработаны и изданы специальные практические пособия [7, 32];

– совершенствование системы подготовки аспирантов к педагогической деятельности;

– создание системы профессионального продвижения молодых ученых в вузе.

Научно-методическая поддержка аспирантов. По структуре авторефератов, заключениям диссертационных советов, библиографии, качеству ссылок на первоисточники видно, что во многих аспирантурах и диссертационных советах нет четкой системы работы, нет общих методических рекомендаций для аспирантов, научных руководителей и членов совета.

Система аттестации научных кадров России регулируется рядом нормативных документов, главным из которых является закон «Об образовании в Российской Федерации». Однако в реальной практике деятельности аспирантуры и диссертационных советов возникает масса проблем, подробно не рассматриваемых в нормативных документах. Здесь требуются комментарии, опирающиеся на опыт диссертационных советов, позицию экспертов ВАК, результаты научных исследований и др.

Еще лет тридцать назад в нашей стране существовала острая нехватка методической литературы по вопросам написания кандидатской диссертации, по технологиям обучения в вузе, аспирантуре. Сегодня такие работы есть, изданы массовыми тиражами, опираются на единую нормативную и методическую базу. Задача вузов, заведующих вузовскими кафедрами, преподавателей – как можно раньше познакомить студентов с этой базой, ввести их в увлекательный мир науки, а уже на этой основе привлекать к конкретным исследованиям.

Среди таких методических пособий можем назвать и те, которые подготовлены и испытаны нашей научно-педагогической школой в организации научной работы студентов и аспирантов за последние год. Они составили основу специального научно-методического комплекса учебников, практических пособий и монографий серии «Менеджмент в науке», выпущенного одним из ведущих издательств страны «Инфра-М».

Это учебники: «Аспирант вуза: технологии научного творчества и педагогической деятельности» [29], «Основы диссертационного менеджмента» [30], практические пособия «Как защитить свою диссертацию» [33], «Научное руководство аспирантами» [34], монографии [21, 31, 35], призванные помочь аспирантам и всем тем, кто связан с их подготовкой.

В целом наш опыт работы с аспирантами позволяет сделать вывод о том, что использование данного научно-методического комплекса в университетах позволяло создать единое информационное поле для всех участников диссертационного процесса: от аспиранта до председателя диссертационного совета и эксперта ВАК, сводит к минимуму ошибки, допускаемые аспирантами и докторантами, их научными руководителями и консультантами, диссертационны-

ми советами, повысить эффективность их деятельности и на этой основе – обеспечить повышение качества и своевременности защищаемых диссертаций, притока в науку добротного молодого пополнения.

Избежать многих проблем в значительной степени позволяет системная работа с аспирантами, организованная в вузе и на его кафедрах.

Основными формами работы с аспирантами в вузе должны, на наш взгляд, быть:

– проведение ежегодной аттестации аспирантов;

– организация сдачи кандидатских экзаменов;

– организация учебных курсов по подготовке аспирантов к самостоятельной научно-педагогической деятельности;

– привлечение аспирантов к участию в вузовских и вневузовских конференциях, научных конкурсах и др.;

– организация командировок аспирантов в научные центры страны.

Основная же нагрузка в работе с аспирантами так или иначе должна ложиться на кафедру. Можно отметить такие формы улучшения подготовки аспирантов кафедрой, к которой они прикреплены:

– организация аспирантских семинаров;

– участие аспиранта в заседаниях кафедры, работе научных и методических семинаров, привлечение их к выполнению кафедральной работы научного и методического характера;

– посещение учебных занятий, проводимых ведущими преподавателями кафедры и института;

– обязательное посещение всех предзащит и защит диссертаций и научно-квалификационных работ аспирантов;

– педагогическая практика под руководством ведущих преподавателей кафедры.

Безусловно, такой творческий и слабоформализованный процесс, как подготовка диссертации (или научно-квалификационной работы аспиранта), нуждается в систематическом контроле. Такой контроль позволяет выявить, были ли достигнуты поставленные цели, произвести необходимую корректировку задач и способов их решения.

В нашем университете основным инструментом осуществления такого контроля стала разработка **учебно-методических комплексов (УМК) аспиранта**, включающих в себя ключевые документы, связанные с написанием и защитой диссертации (общие сведения об аспиранте (название темы, научный руководитель, дата поступления и окончания аспирантуры); резюме аспиранта; индивидуальный план работы над диссертацией; обоснование диссертации; методологические основы исследования; оглавление диссертации; структурно-логическая схема увязки результатов исследования; дерево целей; календарный план подготовки диссертации; библиографический список источников; список и план публикаций и др.).

Составление и использование учебно-методических комплексов аспирантов стали хорошим подспорьем для молодых ученых, помогает им и их научным руководителям контролировать достижение поставленных целей, систематизировать совместную работу, повышать её эффективность.

Заключение

1. Институт аспирантуры в России переживает сложное время: об этом, в частности, говорят значительное снижение численности аспирантов (за последние 7 лет – в 1,5 раза) и в то же время продолжающееся падение эффективности аспирантуры с точки зрения защиты аспирантами диссертаций (доля выпустившихся из аспирантуры с защитой диссертации составляет 15–20%, т.е. защищается в срок один из шести аспирантов). К этим проблемам можно добавить неподготовленность многих выпускников аспирантуры к педагогической деятельности и нежелание оставаться в вузе после окончания аспирантуры. По этой причине системы аспирантской подготовки в США, странах ЕС и многих других ориентируются на тех, кто готовится не только к академической, но и другим видам деятельности. Вероятно, такой же путь ожидает и институт аспирантуры российских вузов.

2. В результате исследования выявлено следующее:

а) низкая эффективность аспирантуры связана, прежде всего, с тем, что значительная часть поступающих в аспирантуру руководствуется ошибочными представлениями и ошибочной мотивацией;

б) неподготовленность (ни методически, ни психологически) многих аспирантов к выполнению аспирантских задач – написанию диссертации и ее защите;

в) работа с аспирантами на кафедрах многих университетов ведется несистемно: научные руководители, кафедра и вуз уделяют им недостаточно внимания, что приводит к их неготовности защищать диссертацию в срок, выполнять все необходимые требования, отвечать на задаваемые вопросы на защите и в ВАКе, а часто приводит к уходу из аспирантуры или оставлению работы над диссертацией после окончания обучения в аспирантуре;

г) слабое методическое обеспечение деятельности аспирантов.

3. На основе накопленного опыта и выводов исследования предложены и апробированы инструменты решения выявленных проблем, в частности: более целенаправленная подготовка студентов к обучению в аспирантуре; тщательный отбор при поступлении в аспирантуру; продуманная система работы с аспирантами в университете и на его кафедрах; повышение престижа должности преподавателя высшей школы и репутации вуза; обучение аспирантов методологии научной деятельности, подготовки и защиты диссертации; повышение мотивации и заинтересованности аспирантов в научной и педагогической деятельности; повышение качества научного руководства аспирантами и методического обеспечения этого процесса; совершенствование системы подготовки аспирантов к педагогической деятельности; создание системы профессионального продвижения молодых ученых в вузе; использование инструментов и механизмов повышения эффективности личной организации и планирования жизнедеятельности аспиранта; использование разработанных и апробированных инструментов методического обеспечения аспирантов на основе научно-методического комплекса учебников, практических пособий и монографий комплекса «Менеджмент в науке».

4. Научная новизна исследования заключается в том, что его результаты позволили выявить и подтвердить основные проблемы функционирования института аспирантуры в российских вузах, предложить и систематизировать механизмы и инструменты их решения.

5. Практическая значимость работы состоит в том, что предложенные механизмы и инструменты научно-методической поддержки аспирантов университета, опирающиеся на апробированный в Пензенском государственном университете архитектуры и строительства опыт, могут повысить эффективность функционирования института аспирантуры в российских вузах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев М.К., Скоробогатый Э.И. Проблемы повышения эффективности использования кадрового потенциала науки // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 2. С. 85–95.
2. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации : утв. указом Президента РФ № 642 от 1 декабря 2016 г. URL: <http://sntr-rf.ru>
3. О проведении мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования: приказ Минобрнауки РФ № 244 от 18.03.2016 г. // Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>
4. Васильева предлагает сократить число аспирантов на кафедре до трех // ТАСС. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4173361>
5. Алексов М.М. Формирование опыта научно-исследовательской и преподавательской деятельности аспирантов в послевузовском образовании : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2005. 23 с.
6. Бедный Б.И. К вопросу о цели аспирантской подготовки (диссертация vs квалификация) // Высшее образование в России. 2016. № 3 (199). С. 44–52.
7. Бедный Б.И., Миронос А.А. Подготовка научных кадров в высшей школе. Состояние и тенденции развития аспирантуры. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2008. 219 с.
8. Балабанов С.С., Бедный Б.И., Миронос А.А. Подготовка научных кадров социогуманитарного профиля в аспирантуре // Социологические исследования. 2008. № 3. С. 70–78.
9. Стронгин Р., Бедный Б., Миронос А. Массовизация аспирантуры и проблемы качества подготовки научных кадров // Ректор вуза. 2009. № 5. С. 34–40.
10. Касасонова Т.Б. Повышение эффективности подготовки научно-педагогических кадров в аспирантурах высших учебных заведений : дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 211 с.
11. Малюгина И.В. Управление воспроизводством кадрового потенциала сектора науки в высших учебных заведениях России : дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.
12. Непомнящая Л.В. Аспирантура как научно-образовательная система развития кадрового потенциала высшей школы : дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2005. 158 с.
13. Серова Т.В. Система оценки эффективности подготовки научных кадров в аспирантуре в области точных и естественных наук : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2011. 27 с.

14. Симонов-Емельянов И.Д. Подготовка научно-педагогических кадров: опыт эффективного решения // Высшее образование в России. 2010. № 6. С. 56–62.
15. Сулейманова А.Р. Проектирование образовательных маршрутов аспирантов на основе анализа подготовки научно-педагогических кадров в России и за рубежом : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2015. 22 с.
16. Устинова Д.В. Разработка системы и механизмов управления подготовкой студентов к обучению в аспирантуре высшего учебного заведения : дис. ... канд. экон. наук. Пенза, 2014. 196 с.
17. Россия в цифрах. 2017 : краткий стат. сб. / Росстат. М., 2017. 511 с.
18. Перечень действующих советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по состоянию на 04 августа 2017 г. // Официальный сайт Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации. URL: <http://vak.ed.gov.ru>
19. Диссертаций стало меньше // Коммерсант.ру. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2653258>
20. Кротков А.П. Нужна ли карьеристу аспирантура? // Образование и карьера. 2005. № 45.
21. Резник С.Д., Устинова Д.В. Подготовка студентов к обучению в аспирантуре вуза: система и механизмы управления. М. : ИНФРА-М, 2016. 158 с.
22. Резник С.Д., Устинова Д.В. Продвижению в аспирантуру одаренных студентов нужна система // Преподаватель XXI века. 2012. № 4. С. 32–38.
23. Резник С.Д., Устинова Д.В. Формирование мотивации студентов к научно-педагогической деятельности в вузе // Проблемы современной экономики. 2012. № 3 (43). С. 361–365.
24. Резник С.Д. Как повысить шанс получить высокую оценку диссертационной работы: кого и почему приглашают в ВАК // Университетское управление : практика и анализ. 2010. № 6.
25. Кузин Ф.А. Диссертация. Методика написания. Правила оформления. Порядок защиты : практ. пособие для докторантов, аспирантов, магистров / под ред. В.А. Абрамова. 3-е изд., доп. М. : Ось-89, 2011.
26. Кузнецов И.Н. Диссертационные работы : методика подготовки и оформления : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Н.П. Иващенко. М. : Дашков и Ко, 2014.
27. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. М. : Либроком, 2010.
28. Райзберг Б.А. Диссертация и ученая степень : пособие для соискателей. 9-е изд., доп. и испр. М. : ИНФРА-М, 2012.
29. Резник С.Д. Аспирант вуза : технологии научного творчества и педагогической деятельности : учеб. М. : ИНФРА-М, 2015.
30. Резник С.Д. Основы диссертационного менеджмент : учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2015.
31. Аспиранты России : отбор, подготовка к самостоятельной научной и педагогической деятельности / С.Д. Резник, С.Н. Макарова и др.; под общ. ред. С.Д. Резника, перераб. и доп. М. : ИНФРА-М, 2016.
32. Резник С.Д. Как защитить свою диссертацию : практ. пособие. М. : ИНФРА-М, 2014.
33. Резник С.Д. Научное руководство аспирантами : практ. пособие. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2016.
34. Резник С.Д., Макарова С.Н. Эффективное научное руководство аспирантами. М. : ИНФРА-М, 2014.
35. Рынки труда и образовательных услуг России: реалии и перспективы / под общ. ред. С.Д. Резника, Р.М. Нижегородцева, Г.А. Резник. М. : ИНФРА-М, 2017.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 5 марта 2018 г.

POSTGRADUATE EDUCATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES: STATE, PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 159–168.

DOI: 10.17223/15617793/430/22

Semen D. Reznik, Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russian Federation). E-mail: disser@bk.ru

Igor S. Chemezov, Penza State University of Architecture and Construction (Penza, Russian Federation). E-mail: chemezoff@list.ru

Keywords: postgraduate student; postgraduate education; university; thesis; scientific and methodological support; thesis supervision.

The aim of the article is to analyse the current state and the prospects of the development of postgraduate education in Russian universities, to offer a system of scientific and methodological support of postgraduate students of the university and their research supervisors on the basis of this analysis and the accumulated experience. The main results of monitoring (sociological polls) of students focused on scientific and pedagogical activity, postgraduate students and experts from skilled research supervisors, heads of departments and deans of faculties of Russian universities are analysed. Mechanisms of implementation of changes in the functioning of postgraduate education in universities are offered. As a result of the research, it is revealed: a) the low efficiency of postgraduate education is connected, first of all, with the fact that many postgraduate students are guided by wrong representations and wrong motivation; b) many postgraduate students are not prepared (both methodologically and psychologically) to perform their tasks – to write and to defend their thesis; c) work with postgraduate students at departments of many universities is not conducted systematically: research supervisors, department and the university do not pay them enough attention, which results in their inability to defend the thesis in time, to fulfil all necessary requirements, to answer the asked questions at the defence and in the Higher Attestation Commission, and often leads to students' abandoning postgraduate education or stopping to work on their thesis after the end of training; d) weak methodological support of postgraduate students. On the basis of the accumulated experience and conclusions of the research, tools for the solution of the revealed problems are proposed and tested. Experience of the development and use of scientific and methodological support of postgraduate students' work is presented. The scientific novelty of the research is that its results allowed to reveal and confirm the main problems of postgraduate education functioning in Russian universities, to offer and systematise mechanisms and tools for their decision. The practical value of the work is that the proposed mechanisms and tools of scientific and methodological support of postgraduate students of the university, relying on the experience approved at Penza State University of Architecture and Construction, can increase the efficiency of postgraduate education in Russian universities.

REFERENCES

1. Vorob'ev, M.K. & Skorobogatyy, E.I. (2008) Problemy povysheniya effektivnosti ispol'zovaniya kadrovogo potentsiala nauki [Problems of increasing the efficiency of using the human resources potential of science]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2. pp. 85–95.
2. Sntr-rf.ru. (2016) *Strategiya nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii: utv. ukazom Prezidenta RF № 642 ot 1 dekabrya 2016 g.* [Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation: approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 642 of December 1, 2016]. [Online] Available from: <http://sntr-rf.ru>.

3. Indicators.miccedu.ru. (2016) *O provedenii monitoringa effektivnosti obrazovatel'nykh organizatsiy vysshego obrazovaniya: prikaz Minobrnauki RF № 244 ot 18.03.2016 g.* [On monitoring the effectiveness of educational institutions of higher education: the order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 244 of March 18, 2016]. [Online] Available from: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo>
4. TASS. (2017) *Vasil'eva predlaet sokratit' chislo aspirantov na kafedre do trekh* [Vasilieva proposes to change the number of postgraduate students at the department to three]. [Online] Available from: <http://tass.ru/obschestvo/4173361>.
5. Aleksov, M.M. (2005) *Formirovanie opyta nauchno-issledovatel'skoy i prepodavatel'skoy deyatel'nosti aspirantov v poslevuzovskom obrazovanii* [Formation of experience of research and teaching activities of post-graduate students in postgraduate education]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Krasnodar.
6. Bednyy, B.I. (2016) *K voprosu o tseli aspirantskoy podgotovki (dissertatsiya vs kvalifikatsiya)* [On the purpose of postgraduate studies (thesis vs qualification)]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 3 (199). pp. 44–52.
7. Bednyy, B.I. & Mironos, A.A. (2008) *Podgotovka nauchnykh kadrov v vysshey shkole. Sostoyanie i tendentsii razvitiya aspirantury* [Training of scientific personnel in higher education. State and development trends of postgraduate education]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
8. Balabanov, S.S., Bednyy, B.I. & Mironos, A.A. (2008) *Podgotovka nauchnykh kadrov sotsiogumanitarnogo profilya v aspiranture* [Training of scientific personnel in the social and humanitarian profile in postgraduate education]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 3. pp. 70–78.
9. Strongin, R., Bednyy, B.I. & Mironos, A.A. (2009) *Massovizatsiya aspirantury i problemy kachestva podgotovki nauchnykh kadrov* [Massification of postgraduate education and the quality of the training of scientific personnel]. *Rektor vuza*. 5. pp. 34–40.
10. Katasonova, T.B. (2009) *Povyshenie effektivnosti podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v aspiranturakh vysshih uchebnykh zavedeniy* [Increase of efficiency of training of scientific and pedagogical staff in postgraduate education at universities]. Pedagogy Cand. Diss. Moscow.
11. Malyugina, I.V. (2006) *Upravlenie vosproizvodstvom kadrovogo potentsiala sektora nauki v vysshih uchebnykh zavedeniyakh Rossii* [Management of the reproduction of the human resources potential of the science sector in higher educational institutions of Russia]. Economics Cand. Diss. Moscow.
12. Nepomnyashchaya, L.V. (2005) *Aspirantura kak nauchno-obrazovatel'naya sistema razvitiya kadrovogo potentsiala vysshey shkoly* [Postgraduate education as a scientific and educational system for the development of the human resource potential of higher education]. Pedagogy Cand. Diss. Krasnodar.
13. Serova, T.V. (2011) *Sistema otsenki effektivnosti podgotovki nauchnykh kadrov v aspiranture v oblasti tochnykh i estestvennykh nauk* [The system for assessing the effectiveness of training scientific personnel in postgraduate education in exact and natural sciences]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. N. Novgorod.
14. Simonov-Emel'yanov, I.D. (2010) *Podgotovka nauchno-pedagogicheskikh kadrov: opyt effektivnogo resheniya* [Training of scientific and pedagogical staff: experience of effective solution]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 6. pp. 56–62.
15. Suleymanova, A.R. (2015) *Proektirovanie obrazovatel'nykh marshrutov aspirantov na osnove analiza podgotovki nauchno-pedagogicheskikh kadrov v Rossii i za rubezhom* [Designing educational routes for postgraduate students on the basis of analysis of the training of scientific and pedagogical personnel in Russia and abroad]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Kazan.
16. Ustinova, D.V. (2014) *Razrabotka sistemy i mekhanizmov upravleniya podgotovkoy studentov k obucheniyu v aspiranture vysshego uchebnogo zavedeniya* [Development of a system and mechanisms for managing the preparation of students for postgraduate education at a higher educational institution]. Economics Cand. Diss. Penza.
17. Surinov, A.E. et al. (eds) *Rossiya v tsifrakh. 2017: kratkiy statisticheskiy sbornik* [Russia in figures. 2017: a brief statistics collection]. Moscow: Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki.
18. Official site of the Higher Attestation Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2017) *Perechen' deystvuyushchikh sovetov po zashchite dissertatsiy na soiskanie uchenoy stepeni kandidata nauk, na soiskanie uchenoy stepeni doktora nauk po sostoyaniyu na 04 avgusta 2017 g.* [List of acting councils for defending dissertations for the academic degree of Candidate of Sciences, for the academic degree of Doctor of Sciences as of August 4, 2017]. [Online] Available from: <http://vak.ed.gov.ru>
19. Kommersant.ru. (2015) *Dissertatsiy stalo men'she* [Dissertations are fewer in number]. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/2653258>
20. Krotkov, A.P. (2005) *Nuzhna li kar'eristu aspirantura?* [Does a careerist need postgraduate education?]. *Obrazovanie i kar'era*. 45.
21. Reznik, S.D. & Ustinova, D.V. (2016) *Podgotovka studentov k obucheniyu v aspiranture vuza: sistema i mekhanizmy upravleniya* [Preparation of students for postgraduate education at the university: system and management mechanisms]. Moscow: INFRA-M.
22. Reznik, S.D. & Ustinova, D.V. (2012) *Prodvizheniyu v aspiranturu odarenykh studentov nuzhna sistema* [Promotion of talented students to postgraduate school needs a system]. *Prepodavatel' XXI veka*. 4. pp. 32–38.
23. Reznik, S.D. & Ustinova, D.V. (2012) *Formirovanie motivatsii studentov k nauchno-pedagogicheskoy deyatel'nosti v vuze* [Formation of students' motivation for scientific and pedagogical activity in the university]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 3 (43). pp. 361–365.
24. Reznik, S.D. (2010) *Kak povysit' shans poluchit' vysokuyu otsenku dissertatsionnoy raboty: kogo i pochemu priglasyayut v VAK* [How to increase the chance to get a high opinion of the dissertation: who and why are invited to the Higher Attestation Commission]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 6.
25. Kuzin, F.A. (2011) *Dissertatsiya. Metodika napisaniya. Pravila oformleniya. Poryadok zashchity* [Thesis. Method of writing. Rules of registration. Defence order]. 3rd ed. Moscow: Os'-89.
26. Kuznetsov, I.N. (2014) *Dissertatsionnye raboty: metodika podgotovki i oformleniya* [Dissertations: methods of preparation and design]. Moscow: Dashkov i Ko.
27. Novikov, A.M. & Novikov, D.A. (2010) *Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Methodology of a scientific research]. Moscow: Librokom.
28. Rayzberg, B.A. (2012) *Dissertatsiya i uchenaya stepen'* [Thesis and academic degree]. 9th ed. Moscow: INFRA-M.
29. Reznik, S.D. (2015) *Aspirant vuza: tekhnologii nauchnogo tvorchestva i pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Postgraduate student of the university: technology of scientific creativity and pedagogical activity]. Moscow: INFRA-M.
30. Reznik, S.D. (2015) *Osnovy dissertatsionnogo menedzhmenta* [Fundamentals of thesis management]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M.
31. Reznik, S.D. (ed.) (2016) *Aspiranty Rossii: otbor, podgotovka k samostoyatel'noy nauchnoy i pedagogicheskoy deyatel'nosti* [Postgraduate students of Russia: selection, preparation for independent scientific and pedagogical activity]. Moscow: INFRA-M.
32. Reznik, S.D. (2014) *Kak zashchitit' svoyu dissertatsiyu* [How to defend your thesis]. Moscow: INFRA-M.
33. Reznik, S.D. (2016) *Nauchnoe rukovodstvo aspirantami* [Scientific supervision over postgraduate students]. Moscow: NITs INFRA-M.
34. Reznik, S.D. & Makarova, S.N. (2014) *Effektivnoe nauchnoe rukovodstvo aspirantami* [Effective scientific supervision over postgraduate students]. Moscow: INFRA-M.
35. Reznik, S.D., Nizhegorodtsev, R.M. & Reznik, G.A. (eds) (2017) *Rynki truda i obrazovatel'nykh uslug Rossii: realii i perspektivy* [Labor markets and educational services in Russia: realities and perspectives]. Moscow: INFRA-M.

Received: 05 March 2018

ПРАВО

УДК 343.985

А.В. Варданын

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРЕВЕНЦИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ

Рассматривается современное состояние криминалистического научного знания о предупреждении преступлений с учетом междисциплинарного характера данной категории. Автор обращает внимание на содержание действующих уголовно-процессуальных норм, предопределяющих объем профилактической деятельности следователя, формулирует рекомендации по оптимизации данной деятельности.

Ключевые слова: криминалистика; преступление; деяние; раскрытие; расследование; предупреждение преступлений; профилактика; превенция; меры; уголовное судопроизводство; уголовный процесс; следственные действия.

На современном этапе развития криминалистического научного знания содержанием общепризнанной концепции предмета криминалистики охватываются не только закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств, но и специальные методы и средства судебного исследования и предотвращения преступлений. Данная концепция предмета криминалистики, будучи сформулированной Р.С. Белкиным еще во второй половине прошлого века [1. С. 42], не утратила своей актуальности, несмотря на смену уголовно-процессуальной парадигмы.

Согласно ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., действовавшего в период формирования указанного определения предмета криминалистики, уголовное судопроизводство было призвано способствовать «укреплению социалистической законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов, уважения правил социалистического общежития». Во взаимосвязи с указанными задачами строились другие процессуальные нормы, регулирующие деятельность следователей и иных субъектов расследования, в структуре которых отчетливо предусматривались меры, по своей направленности относящиеся не только к установлению обстоятельств преступлений, но и к их предупреждению.

Общеизвестно, что нормы уголовно-процессуального законодательства выступают одним из источников для развития науки криминалистики, регламентируя общий порядок осуществления уголовного судопроизводства, а также систему процессуальных гарантий защиты основных прав, свобод, законных интересов различных участников уголовного процесса. Модернизация уголовно-процессуальных норм как воплощение научных изысканий ученых, а также потребностей правоприменительной практики, нередко стимулирует очередной этап эволюции криминалистического научного знания: от разработки новых криминалистических приемов и рекомендаций вплоть до формулирования обновленных криминалистических категорий [2. С. 17–18].

В свою очередь, воплощенный в научных криминалистических трудах передовой опыт раскрытия и

расследования преступлений, отражающий криминалистические приемы и рекомендации, обладающие высокой эффективностью независимо от ситуаций (иными словами, приобретающие универсальный характер), нередко со временем получают законодательную легитимацию. Неразрывная связь уголовно-процессуального законодательства и криминалистической науки [3. С. 73–79] также предопределяет различные тенденции в представлениях об объеме и содержании криминалистических мер превентивного характера.

Как уже отмечалось, на рубеже тысячелетий, в контексте широкомасштабных правовых реформ, сочетающихся со сменой общественно-экономической формации, был принят УПК РФ, закрепивший обновленную концепцию уголовного судопроизводства. Новый процессуальный закон воплотил многочисленные достижения передовой научной мысли о дальнейшей демократизации и гуманизации процессуального законодательства, минимизации инквизиционных и расширении состязательных начал. К сожалению, одновременно с этим данный нормативный акт содержал множество пробелов, изъянов, упущений, коллизий, избыточное количество бланкетных норм и т.п., затрудняющих его применение. Очевидное стремление к ликвидации «советского наследия» проявилось в том, что в содержание нового нормативно-правового акта не вошла целая плеяда норм, доказавших свою высокую эффективность и практическую востребованность.

Одной из многочисленных иллюстраций послужила минимизация в УПК РФ 2001 г. полномочий следователя по профилактике (предупреждению, предотвращению) преступлений, что, на наш взгляд, послужило одним из сопутствующих последствий легитимации концепции о трех уголовно-процессуальных функциях (обвинения, защиты и разрешения уголовного дела) [4. С. 5–8; 5. С. 11–16]. Согласно данной концепции, как известно, следователь оказался наделен полномочиями по осуществлению функции обвинения (уголовного преследования). Предпосылки данного подхода проецируются уже исходя из формулировки назначения уголовного судопроизводства, которым, согласно ст. 6 УПК РФ, выступает защита

прав, законных интересов потерпевших (как физических, так и юридических лиц), а также защита личности от незаконного обвинения, осуждения, иного незаконного ограничения прав и свобод. То есть назначение уголовного судопроизводства в качестве приоритетной декларирует правозащитную деятельность (в широком смысле), но не предусматривает проявления превентивных публичных функций по обеспечению законности, безопасности, правопорядка, предупреждению и предотвращению преступлений, безотносительно реальных участников уголовного судопроизводства. В юридической литературе также вызывает критику [6. С. 67–74; 7. С. 71] исключение существовавшего прежде принципа всесторонности, полноты и объективности расследования, что исследователями нередко увязывается с отнесением следователя к стороне обвинения и, как следствие, минимизации следователем превентивных функций.

Итак, наделение следователя полномочиями по осуществлению уголовного преследования (как содержания реализуемой им функции обвинения) находится в коррелятивной зависимости с минимизацией полномочий превентивного характера. Вместе с тем еще в период Античности было известно, что гораздо эффективнее предупреждать преступления, чем затем карать за них. Вечность данного постулата наглядно продемонстрировал очередной виток истории, а именно постсоветский период, когда одновременно со свертыванием превентивных функций субъектов расследования произошел небывалый рост преступности в сочетании с ее глобализацией [8. С. 97–104; 9. С. 118–121; 10. С. 106–109; 11].

Для сравнения, в советский период нашего государства уголовно-процессуальные меры превентивного характера не только активно применялись сотрудниками следственно-судебных органов, но и регулярно становились предметом научных изысканий [12. С. 48–58]. Осознание важности роли превентивных мероприятий проявлялось также и в том, что профилактическая деятельность следователей, дознавателей, прокуроров, судей возводилась на уровень одной из уголовно-процессуальных функций [13, 14].

В научных трудах, посвященных разработке или совершенствованию частных криминалистических методик различных видов или групп преступлений, профилактике соответствующих деяний, в данный период времени регулярно посвящались самостоятельные главы или хотя бы параграфы.

Другое дело, что среди исследователей отсутствовало единство в отношении не только содержания профилактической деятельности уполномоченных субъектов [15], но и самого наименования деятельности по упреждению преступлений, совершаемых в пространственно-временных условиях, аналогичных по отношению с теми, в которых осуществляется расследование конкретного преступления. Различные авторы, обращаясь к филологическому значению близких по смыслу терминов «профилактика», «предупреждение», «предотвращение» и т.п., представляли собственные позиции о соотношении указанных понятий, как

в общеупотребительном смысле, так и применительно к деятельности по недопущению совершения выявленных преступлений впредь. Иные исследователи считали названные и аналогичные понятия синонимичными [16]. Несмотря на активную полемику, единой позиции так и не было выработано.

Кроме того, следует учитывать, что в тоталитарный период истории нашего государства криминология как наука, призванная изучать преступность как сложное социальное явление и разрабатывать меры по предупреждению преступлений, подверглась некоторому забвению, в связи с чем профилактическая деятельность должностных лиц государственных органов, реализующих публичный интерес в сфере обеспечения правопорядка и безопасности, рассматривалась сквозь призму смежных отраслей юридического знания, включая криминалистику [17. С. 11–51]. Этим можно объяснить свертывание в нынешнем уголовно-процессуальном законодательстве профилактических начал при осуществлении следственно-судебной деятельности. Между тем, в отличие от уголовно-процессуального закона, современное как уголовное, так и оперативно-розыскное законодательство в качестве одной из своих задач предусматривает предупреждение преступлений (ст. 2 УК РФ, ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Нынешний этап развития криминалистической науки характеризуется своеобразным ренессансом научного интереса к исследованию профилактической деятельности следователя, очередным витком переосмысления научного наследия отечественных ученых, включая деидеологизацию наработок исследователей советского периода. Специальному исследованию криминалистической превенции, например, посвящено диссертационное исследование И.И. Иванова, выполненное в 2004 г., а также последующие труды указанного автора, содержащие немало интересных, нетривиальных, заслуживающих внимания выводов, предложений и рекомендаций, пусть и не всегда бесспорных.

И.И. Иванов относит раскрытие и расследование преступлений к специфическому виду предупреждения преступности [18. С. 8]. Разумеется, что данное утверждение в определенном смысле справедливо, поскольку установление, задержание, привлечение к уголовной ответственности, осуждение и наказание лица, совершившего преступление, обладает воспитательным воздействием, в отношении как самого обвиняемого и осужденного, так и иных лиц, склонных к противоправной деятельности. Тем самым демонстрируется принцип неотвратимости уголовной ответственности, что может побудить лиц, осуществляющих приготовление к преступлению, добровольно отказаться от дальнейших противоправных действий. В то же время далеко не каждый субъект преступления склонен к исправлению и перевоспитанию, только лишь в связи с его изобличением и дальнейшим осуждением, о чем наглядно свидетельствует явление рецидива.

Несомненно, в результате производства различных следственных действий в рамках осуществления

предварительного расследования, в распоряжении следователя или дознавателя поступает информация, позволяющая установить не только обстановку преступления и условия, способствующие его совершению, но и причины становления субъектов на путь конфликта с законом. Причины совершения преступлений не исчерпываются деформацией у субъектов соответствующей системы моральных ценностей [19. С. 54–57]. Они также порождаются совокупностью различных условий внешней среды: будь это отсутствие надлежащих мер по обеспечению сохранности имущества, соблюдению дисциплины, правил внутреннего распорядка, производственных технологий и мер безопасности, виктимизация определенных категорий лиц [20. С. 145–147] и т.д. Однако само по себе обладание исчерпывающей доказательственной информацией относительно всех обстоятельств преступления, включая причины и условия его совершения, еще не означает исключения возможности совершения впредь аналогичных деяний. Применение к подозреваемым или обвиняемым мер пресечения или иных мер процессуального принуждения, равно как и лишение свободы осужденного, само по себе не исключает вероятности совершения аналогичных преступлений другими лицами.

Кроме того, трактовка раскрытия и расследования преступления как разновидности профилактической деятельности, с точки зрения наиболее распространенного в науке понимания объекта криминалистики, может способствовать размыванию граней между раскрытием, расследованием и предупреждением (профилактикой) преступлений как структурными элементами единой деятельности. Безусловно, криминалистические аспекты профилактической деятельности взаимосвязаны с деятельностью по раскрытию и расследованию преступлений, однако они не тождественны ей и не находятся в соотношении общего и частного.

Во-первых, превентивные меры рассчитаны на исключение (либо хотя бы минимизацию) совершения впредь соответствующих деяний, как в конкретных пространственно-временных условиях, в связи с которыми уже осуществляется расследование, так и в иных, сходных по своим характеристикам с указанными ранее. Примером первого направления выступает принятие мер по усилению охраны территории конкретной организации, в пределах которой совершено хищение. Примером второго направления выступают проверки соблюдения противопожарного законодательства в различных организациях в связи с выявленными фактами нарушений требований пожарной безопасности, повлекшим пожар и тяжкие последствия на аналогичном объекте; обеспечение дополнительных мер сохранности материальных ценностей, перевозимых с помощью железнодорожного транспорта [21. С. 248–256] и т.д.

Во-вторых, осуществление профилактических мероприятий необходимо не только в связи с полным раскрытием и расследованием конкретных преступлений; оно не менее актуально в ситуациях, когда преступления, несмотря на предпринятые процессуальные действия и оперативно-розыскные мероприятия, так и остались нераскрытыми, соответственно

субъекты преступления остались незадержанными и (или) неразоблаченными. Разумеется, мы не имеем в виду, что профилактическая деятельность в данных ситуациях исключает проведение оперативного эксперимента и иных оперативно-розыскных мероприятий, организация и тактика проведения которых подконтрольны соответствующим уполномоченным субъектам. Наоборот, целесообразно оптимальное сочетание данных различных по направленности видов деятельности.

Другое дело, что в действующем УПК РФ мероприятия профилактического характера, осуществляемые дознавателем, следователем или руководителем следственного органа в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ, во-первых, связываются с моментом завершения расследования, во-вторых, трактуются как право, а не обязанность указанного должностного лица. Это влечет довольно низкую профилактическую активность субъектов расследования в рамках УПК РФ.

Представляется, что возможность профилактического воздействия субъектов расследования, с одной стороны, не должна исчерпываться этапом окончания предварительного расследования. Более того, в зависимости от конкретных ситуаций и выявленных обстоятельств, способствующих совершению преступления, иногда настоятельно необходимо реагирование на более ранних этапах расследования [22], включая этап неотложных следственных действий [23], в частности, если промедление грозит наступлением опасных последствий для людей, общества или государства. Примеры могут быть самые различные: от производства и сбыта фальсифицированной продукции до угрозы террористических актов.

С другой стороны, далеко не по каждому преступлению объективно требуется внесение представления в соответствующую организацию об устранении обстоятельств, способствующих совершению преступления или иных нарушений закона. Возложение на следователя (дознавателя) обязанности внесения представлений по каждому уголовному делу в период действия УПК РСФСР обуславливало высокий уровень фиктивности таких процессуальных документов. Поэтому субъекта расследования целесообразно обязать осуществлять внесение указанных представлений не по каждому уголовному делу, а при наличии такой необходимости, а именно наличия обстоятельств, требующих профилактического реагирования в целях предотвращения совершения аналогичных преступлений.

Резюмируя вышеизложенное, констатируем, что в современных условиях криминалистическая превенция как система знаний о криминалистических средствах и методах предупреждения преступлений выступает специфической разновидностью деятельности субъектов уголовного судопроизводства, реализующих публичный интерес в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства. Однако, в отличие от расследования преступлений, содержанием и направленностью превентивных мер должны охватываться не только конкретные объекты (юридические лица, иные социальные структуры), в пределах которых выявлено деяние, но и другие

сходные по своим характеристикам объекты гражданского общества, не попавшие в орбиту уголовно-процессуальных отношений в связи с расследованием этого преступления. Потребность в реализации следователем мероприятий профилактического характера актуализируется с момента реального установления причин совершенного преступления, независимо от текущего этапа расследования и нередко приобретая

незамедлительный характер. Поэтому представляется ошибочным, порождающим формальный подход и снижающим эффективность профилактического воздействия распространенное в современной следственной практике представление об отнесенности профилактических мер к сугубо завершающему этапу расследования, основанное на узком толковании ч. 2 ст. 158 УПК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская ; под ред. Р.С. Белкина. М. : НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С. 42.
2. Айвазова О.В. Криминалистический прием как криминалистическая научная категория // Юристъ-Правоведь. 2015. № 3 (70). С. 17–18.
3. Айвазова О.В., Коновалов С.И. Криминалистический прием как категория современной науки криминалистики // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. Вып. 2, ч. 2. С. 73–79.
4. Айвазова О.В. Некоторые аспекты реализации принципа состязательности сторон // Юристъ-Правоведь. 2007. № 1. С. 5–8.
5. Коновалов С.И., Айвазова О.В. Разделение равнозначных процессуальных функций обвинения, защиты и разрешения дела в системе принципов уголовного судопроизводства: современные проблемы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. Вып. 3, ч. 2. С. 11–16.
6. Варданян Г.А. Криминалистически значимые особенности организованных групп, осуществляющих серийное производство и оборот фальсифицированных лекарственных средств, как информационный ориентир для организации раскрытия и расследования указанных преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. Вып. 3, ч. 2. С. 97–104.
7. Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ : теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 67–74.
8. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук: М., 2003. С. 71.
9. Варданян Г.А. Современные тенденции совершения преступлений, связанных с оборотом фальсифицированных лекарственных средств // Юристъ-Правоведь. 2013. № 1 (56). С. 118–121.
10. Варданян А.А. Преступления, связанные с торговлей людьми, в контексте тенденции глобализации противоправных посягательств на свободу, честь и достоинство личности // Философия права. 2011. № 3 (46). С. 106–109.
11. Варданян А.А. Особенности расследования преступлений, связанных с торговлей людьми: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2012.
12. Иванов И.И. К вопросу о понятии профилактической функции уголовно-процессуального права // Ученые записки юридического факультета. 2014. Вып. 32 (42). С. 48–58.
13. Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976.
14. Михайлянц А.Г. Профилактическая функция советского уголовного процесса. Ташкент, 1977.
15. Агильдин В.В. Профилактика преступлений: история, теория, практика : монография / В.В. Агильдин, В.С. Ишигеев. Иркутск, 2010.
16. Иванов И.И. Криминалистическая превенция: Комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
17. Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций. Томск : Томский государственный университет, 2008. С. 11–51.
18. Иванов И.И. Криминалистическая превенция: Комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 8.
19. Грибунов О.П. Некоторые аспекты предупреждения и раскрытия хищений грузов на железнодорожном транспорте / О.П. Грибунов, А.А. Кузнецов // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сборник трудов участников Междунар. научно-практич. конф. 2017. С. 54–57.
20. Князьков А.С. Тактико-криминалистическое значение сведений о личности потерпевшего // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Томск, 2013. С. 145–147.
21. Грибунов О.П., Ишигеев В.С. Характеристика личности преступника, совершающего кражи на объектах транспорта // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 2. С. 248–256.
22. Яблоков Н.П., Князьков А.С. Этапность как метод структурирования предварительного следствия и повышения уровня его организации // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2012. № 1. С. 3–18.
23. Айвазова О.В. Концепция института производства неотложных следственных действий в контексте российского уголовно-процессуального закона : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2002.

Статья представлена научной редакцией «Право» 10 апреля 2018 г.

CRIME PREVENTION IN THE SYSTEM OF STATE MEASURES FOR CRIME PREVENTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 169–173.

DOI: 10.17223/15617793/430/23

Akop V. Vardanyan, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Rostov-on-Don, Russian Federation).

E-mail: avardanyan@ya.ru

Keywords: criminology; crime; act; disclosure; investigation; crime prevention; prevention; measures; criminal proceedings; criminal procedure; investigative actions.

The object of the study is issues of forensic prevention of crimes, which, being unfairly subject to oblivion in the early post-Soviet period, in modern conditions are experiencing a kind of a scientific Renaissance. The author states that the revival of scientific interest in the issues of forensic prevention is due to the obvious quantitative and qualitative growth of crimes that occurred during the period of global legal reforms at the turn of the new millennium. Using historical, formal-logical, analytical and other methods of scientific cognition, as well as referring to the points of view of various researchers and to the realities of law enforcement practice, the author comes to a conclusion that the “curtailment” of the scope and content of preventive activities of the investigator at the post-reform stage (as well as a marked decrease of scientific interest in the consideration of forensic prevention in the same period) is

predetermined by the formulation of the existing norms of the RF Code of Criminal Procedure (adopted in the context of large-scale legal reforms) that set the preventive activities of the investigator. In the current RF Code of Criminal Procedure, preventive measures carried out by the inquirer, investigator or head of an investigative body in the order of Part 2 of Article 158 of the RF Code of Criminal Procedure are, firstly, connected with the completion of the investigation and, secondly, treated as a right, not a duty, of the official. The author concludes that the possibility of preventive influence of the subjects of investigation should not be limited to the stage of completion of the preliminary investigation. Depending on the specific situations and circumstances that contribute to the commission of a crime, it is sometimes imperative that a response be made at an earlier stage of the investigation, including an urgent investigative stage, in particular, if a delay threatens to have dangerous consequences for people, society or the state. This requires the improvement of procedural norms regulating the issues of the investigator's preventive activities.

REFERENCES

1. Belkin, R.S. (ed.) (1999) *Kriminalistika* [Forensic science]. Moscow: NORMA-INFRA-M.
2. Ayvazova, O.V. (2015) Kriminalisticheskiy priem kak kriminalisticheskaya nauchnaya kategoriya [Criminalistic technique as a criminalistic scientific category]. *Yurist "-Pravoved"*. 3 (70). pp. 17–18.
3. Ayvazova, O.V. & Kononov, S.I. (2016) Kriminalisticheskiy priem kak kategoriya sovremennoy nauki kriminalistiki [Criminalistic technique as a category of modern science of criminology]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2:2. pp. 73–79.
4. Ayvazova, O.V. (2007) Nekotorye aspekty realizatsii printsipa sostyazatel'nosti storon [Some aspects of the implementation of the adversarial principle of the parties]. *Yurist "-Pravoved"*. 1. pp. 5–8.
5. Kononov, S.I. & Ayvazova, O.V. (2014) Razdelenie ravnoprazdnykh protsessual'nykh funktsiy obvineniya, zashchity i razresheniya dela v sisteme printsipov ugolovnogo sudoproizvodstva: sovremennye problemy [Separation of equal procedural functions of prosecution, defence and resolution of the case in the system of principles of criminal justice: current problems]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 3:2. pp. 11–16.
6. Vardanyan, G.A. (2014) Kriminalisticheskiy znachimye osobennosti organizovannykh grupp, osushchestvlyayushchikh seriynoe proizvodstvo i oborot fal'sifitsirovannykh lekarstvennykh sredstv, kak informatsionnyy orientir dlya organizatsii raskrytiya i rassledovaniya ukazannykh prestupleniy [Criminologically significant features of organized groups engaged in the mass production and trafficking of counterfeit medicines as an informational reference point for organising the disclosure and investigation of these crimes]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 3:2. pp. 97–104.
7. Zazhitskiy, V.I. (2005) Istina i sredstva ee ustanovleniya v UPK RF: teoretiko-pravovoy analiz [Truth and the means of its establishment in the RF Code of Criminal Procedure: a theoretical and legal analysis]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 6. pp. 67–74.
8. Khimicheva, G.P. (2003) *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam: kontseptsiya sovershenstvovaniya ugolovno-protsessual'noy deyatel'nosti* [Pre-trial proceedings in criminal cases: the concept of improving criminal procedural activities]. Law Dr. Diss. Moscow.
9. Vardanyan, G.A. (2013) Sovremennye tendentsii soversheniya prestupleniy, svyazannykh s oborotom fal'sifitsirovannykh lekarstvennykh sredstv [Modern trends in the commission of crimes associated with the trafficking of counterfeit medicines]. *Yurist "-Pravoved"*. 1 (56). pp. 118–121.
10. Vardanyan, A.A. (2011) Prestupleniya, svyazannye s trgovley lyud'mi, v kontekste tendentsii globalizatsii protivoprazdnykh posyagatel'stv na svobodu, chest' i dostoinstvo lichnosti [Crimes related to human trafficking in the context of the tendency of globalisation of unlawful encroachments on freedom, honor and dignity of the individual]. *Filosofiya prava*. 3 (46). pp. 106–109.
11. Vardanyan, A.A. (2012) *Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s trgovley lyud'mi: ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty* [Features of investigation of crimes related to human trafficking: criminal procedural and criminalistic aspects]. Abstract of Law Cand. Diss. Rostov-on-Don.
12. Ivanov, I.I. (2014) K voprosu o ponyatii profilakticheskoy funktsii ugolovno-protsessual'nogo prava [On the concept of the preventive function of the criminal procedural law]. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*. 32 (42). pp. 48–58.
13. El'kind, P.S. (1976) *Tseli i sredstva ikh dostizheniya v sovetskom ugolovno-protsessual'nom prave* [The goals and means to achieve them in the Soviet criminal procedure law]. Leningrad: Leningrad State University.
14. Mikhaylyants, A.G. (1977) *Profilakticheskaya funktsiya sovetskogo ugolovnogo protsesssa* [Preventive function of the Soviet criminal procedure]. Tashkent: TVSh MVD SSSR.
15. Agil'din, V.V. & Ishigeev, V.S. (2010) *Profilaktika prestupleniy: istoriya, teoriya, praktika* [Prevention of crime: history, theory, practice]. Irkutsk: BGUEP.
16. Ivanov, I.I. (2004) *Kriminalisticheskaya preventsiya: Kompleksnoe issledovanie genezisa, sostoyaniya, perspektiv* [Forensic prevention: A comprehensive study of genesis, condition, perspectives]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.
17. Knyaz'kov, A.S. (2008) *Kriminalistika: kurs lektsiy* [Forensic science: lectures]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 11–51.
18. Ivanov, I.I. (2004) *Kriminalisticheskaya preventsiya: Kompleksnoe issledovanie genezisa, sostoyaniya, perspektiv* [Forensic prevention: A comprehensive study of genesis, condition, perspectives]. Abstract of Law Dr. Diss. St. Petersburg.
19. Gribunov, O.P. & Kuznetsov, A.A. (2017) [Some aspects of preventing and uncovering theft of goods in railway transport]. *Kriminalistika: aktual'nye voprosy teorii i praktiki* [Forensics: Topical Issues of Theory and Practice]. Proceedings of the international conference. Rostov-on-Don. pp. 54–57. (In Russian).
20. Knyaz'kov, A.S. (2013) Taktiko-kriminalisticheskoe znachenie svedeniy o lichnosti poterpevshego [Tactical-criminalistic significance of information about the personality of the victim]. In: Zhuravlev, M., Barnashov, A. & Kuznetsov, S. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Gribunov, O.P. & Ishigeev, V.S. (2015) Kharakteristika lichnosti prestupnika, sovershayushchego krazhi na ob'ektakh transporta [Characteristics of the identity of the perpetrator who commits theft in transport]. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 9:2. pp. 248–256.
22. Yablokov, N.P. & Knyaz'kov, A.S. (2012) Etapnost' kak metod strukturirovaniya predvaritel'nogo sledstviya i povysheniya urovnya ego organizatsii [Stages as a method of structuring the preliminary investigation and improving its organisation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. 1. pp. 3–18.
23. Ayvazova, O.V. (2002) *Kontseptsiya instituta proizvodstva neotlozhnykh sledstvennykh deystviy v kontekste rossiyskogo ugolovno-protsessual'nogo zakona* [The concept of the institution for the production of urgent investigative actions in the context of the Russian criminal procedure law]. Law Cand. Diss. Volgograd.

Received: 10 April 2018

Д.В. Жмуров

КРИМИНАЛЬНАЯ АЛКОГОЛИЗАЦИЯ ЗА РУЛЕМ: ВЗГЛЯД ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРОФИЛАКТИКИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-03-50123.

Изучены некоторые проблемы применения ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию». Для этой цели был проведен опрос 37 мировых судей и 114 инспекторов ГИБДД Иркутской области. Экспертов просили оценить ряд моментов, связанных с личностью правонарушителя, потенциалом ее ресоциализации и прогнозом развития проблемы на ближайшее будущее. Также на основе эмпирического материала предложена типология личности преступника и выявлены частотные показатели встречаемости тех или иных типов нарушителей.

Ключевые слова: уголовно-наказуемое управление автомобилем в нетрезвом состоянии; криминальная алкоголизация водителей транспортных средств.

Опасность употребления алкоголя за рулем не вызывает сомнений. Риск возникновения дорожно-транспортных происшествий возрастает с увеличением концентрации алкоголя в крови [1]. Вместе с тем вопрос о целесообразности уголовного преследования за это деяние остается дискуссионным. В одних странах этот вопрос решен положительно и к нарушителям применяются строгие наказания вплоть до тюремного заключения (США) [2], в других – репрессии подобного рода исключены (Австралия) [3. С. 37].

Применение ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» позволило в краткосрочном периоде выявить масштабы алкоголизации отечественных водителей. Так, с 2015 по 2017 г. в России за повторное употребление алкоголя за рулем осуждено более 220 тыс. человек [4]. Впервые привлеченных за нетрезвое вождение по ст. 12.8 КОАП за аналогичный период насчитывается около 800 тыс. человек. При этом общее число автолюбителей в стране составляет порядка 42 млн человек (288 машин на 1 тыс. человек) [5], из них административному и уголовному преследованию за алкогольные деликты подверглись не более 2,5%. Для сравнения: в США число автомобилистов – примерно 262 млн (799 машин на 1 тыс. человек) [5], а задержанных за управление в состоянии опьянения примерно столько же, сколько в России (1,1 млн человек) [6].

Вместе с тем очевидно, что оценивать эффективность применения ст. 264.1 УК РФ пока преждевременно. Достоверно неизвестно, стала ли указанная норма дисциплинировать водителей или на ситуацию влияют какие-то другие причины. Например, снижение числа нетрезвых правонарушителей вполне может зависеть и от кадровых сокращений в ГИБДД, переведенного на рейдовую схему работы, когда множество инцидентов попросту не регистрируется. С другой стороны, уменьшение пьянства на дороге может быть следствием снижения общего уровня потребления алкоголя на душу населения, отмечаемого в последние годы [7].

Также нельзя не упомянуть, что суровость предусмотренного уголовным законодательством наказания по ст. 264.1 УК РФ компенсируется ее «гуманным»

применением. Так, из 75 тыс. осужденных в 2016 г. только 3 тысячи получили реальные сроки в колониях [8]. Остальным назначены обязательные работы и, значительно реже, штрафы. Целесообразность применения этих санкций представляется дискуссионной, поскольку чаще всего нарушителем оказывается дезадаптированный мужчина, не имеющий постоянных источников дохода, страдающий хроническим или бытовым алкоголизмом. Очевидно, что в большей степени такой человек нуждается в медицинском вмешательстве, чем в возмездии со стороны государства.

Таким образом, очевидны следующие моменты:

– статья 264.1 УК РФ апробирована на незначительном количестве правонарушителей (около 0,7% от контингента водителей) в течение непродолжительного времени. Это позволяет отдельным исследователям вполне аргументированно утверждать, что общепреventивное воздействие запрета на употребление алкоголя за рулем чрезвычайно низкое, поскольку многим водителям очевидно, что большинство таких нарушителей не поймано и не наказано [9. С. 124].

– эффективность наказания, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ вызывает сомнения. Об этом свидетельствует тот факт, что в конце 2017 г. МВД потребовало ужесточения санкций по рассматриваемой статье и перевода этого преступления из категории легких в деяния средней тяжести [10]. Подобная позиция аргументирована тем, что слишком мягкое наказание не оказывает должного воздействия и провоцирует многочисленные рецидивы. То есть, несмотря на применяемые к водителям меры, МВД признает их непродуктивность и рост числа повторных деяний;

– оптимистическая корректировка показателей, связанных с нетрезвым вождением, фиксируемая государственной статистикой, может быть не заслугой введенной нормы, а результатом действия совершенно иных факторов (численного сокращения ГИБДД, затруднившего возможность фиксации объективной картины нетрезвого вождения; изменения общей динамики алкоголизации населения, отразившейся и на водителях и пр.);

– статистические данные не позволяют говорить о том, что массовое применение ст. 264.1 УК РФ приве-

ло к снижению показателей дорожно-транспортных происшествий с участием пьяных водителей. Напротив, эти показатели с 2015 по 2018 г. стабильны, а по отдельным параметрам выросли, например, по числу погибших (2015 г. – 16 358 ДТП с участием водителей в состоянии опьянения и 3 997 погибших, 2016 г. – 16 836 ДТП и 4 851 погибших, 2017 г. – 16 265 ДТП и 4 647 погибших) [11].

В связи со сказанным следует отметить, что эффект от действия ст. 264.1 УК РФ оценить достаточно сложно, полагаясь лишь на статистику правонарушений. Особый интерес представляет изучение мнения профессионального сообщества, т.е. самих правоприменителей, а именно инспекторов ГИБДД и мировых судей, рассматривающих данную категорию дел. Для каждой

группы экспертов были составлены опросники и проведено анкетирование 37 мировых судей и 114 инспекторов ГИБДД Иркутской области. Экспертов просили оценить ряд общих моментов, связанных с личностью правонарушителя, особенностями ее поведения, типологией, потенциалом исправления и прогнозом развития проблемы на ближайшее будущее.

В ходе анкетирования были получены следующие данные. На вопрос «увеличилось ли в последнее время число нетрезвых водителей?» 41% сотрудников ДПС и 61% судей ответили утвердительно. 59% представителей дорожной полиции не отметили серьезных изменений в динамике потребления алкоголя автолюбителями. Те же, кто ответил утвердительно, указали следующие причины данной тенденции (рис. 1).

Рис. 1. Причины увеличения числа нетрезвых водителей на дорогах России

При этом представители ДПС зачастую видели проблему в неэффективной организации службы и снижении числа сотрудников (67%), а судьи в большей степени обращали внимание на ее социальные корни (например, алкоголизацию населения – 38%, неэффективность превентивных и карательных мер – 29%).

На вопрос «отражает ли статистика МВД реальную ситуацию по проблеме алкоголизации водителей?» 75% инспекторов и 71% судей дали положительные ответы. То есть 2/3 правоприменителей доверяют системе государственной отчетности, до некоторой степени проявляя признаки неосведомленности и, возможно, наивности. Не исключено, что такое положение дел является результатом отсутствия объективных оценок проблемы, умаления ее масштабов. Разрыв между официальной отчетностью и реальным положением дел катастрофический. Это наглядно демонстрируют примеры других стран. Так, в США при 1,1 млн эпизодов управления в нетрезвом виде, зафиксированных официальной статистикой, национальные обзоры, основанные на самоотчетах водителей, содержат альтернативную цифру в 29 млн эпизодов нетрезвого вождения [12. Р. 37]. В ходе проведенного нами опроса 778 водителей в среднем каждый четвертый признался, что употреблял алкоголь за рулем. Эта цифра значительно выше показателей, публикуемых МВД.

По результатам опроса было выявлено, что предупреждение нетрезвого вождения сотрудниками ДПС ранее не ограничивалось только формальными мерами, т.е. составлением протокола и применением соответствующих санкций. 43% респондентов сообщили, что им известно о неформальных способах воздействия, которые ранее применялись к пьяным водителям, чтобы «преподать им урок». Были названы формы такого воздействия (рис. 2).

79% из числа сотрудников, которые были слышаны о неформальных мерах, в целом признали их эффективность. Наличие в недавнем прошлом подобных подходов к правонарушителям свидетельствует не о деформациях правосознания отдельных инспекторов, а об отсутствии реальных инструментов воздействия на нетрезвых лиц. Силовые и иные методы применялись, поскольку сотрудникам было достоверно известно о ничтожности применяемых наказаний, пренебрежительном отношении водителей к их вероятному использованию. Помимо этого, нельзя исключать фактор агрессивного и провокационного поведения со стороны нарушителей.

Безусловно, агрессия – далеко не единственная стратегия поведения пьяных водителей в ситуации задержания, когда им грозит уголовная ответственность. Многие пытаются решить вопрос на месте без составления протокола. 48% сотрудников дорожно-патрульной службы сообщили, что нетрезвые водители почти всегда (9%) или достаточно часто (39%) пытаются «договориться».

Неформальные меры, применяемые сотрудниками ДПС

- Применение физического давления по отношению к нарушителю;
- Повреждение автомобиля, чтобы «поучить» водителя (напр., засыпка песка в двигатель, сброс давления в колесах, прокол шин);
- Моральное давление на нарушителя

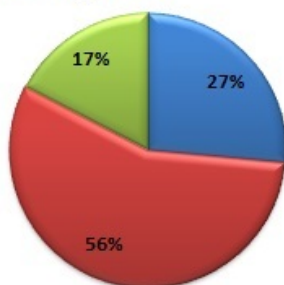

Рис. 2. Неформальные меры, ранее применяемые сотрудниками ДПС к нетрезвым водителям

В ходе анкетирования и интервьюирования инспекторов ДПС была составлена типология водителей, задерживаемых по ст. 264.1 УК РФ. Она включает 7 основных типов:

- открыто агрессивные – явно противодействующие, угрожающие, оказывающие физическое сопротивление, применяющие насилие по отношению к инспекторам. Встречаемость таких водителей в последнее время участилась;

- пассивно агрессивные – неявно противодействующие, затягивающие осуществление мероприятий по задержанию, не подписывающие протокол, многократно соглашающиеся / отказывающиеся от медосвидетельствования в надежде выиграть время и т.д.;

- сотрудничающие – не оказывающие сопротивления, признающие вину и не протестующие;

- жалующиеся – обращающиеся с просьбой отпустить, ссылаясь при этом на материальные трудности, жизненные проблемы, пытающиеся разжалобить отсутствием работы, трудным положением семьи и т.п.;

- коррупционные – признающие вину и предлагающие отпустить за вознаграждение;

- самоуверенные – предлагающие отпустить их ввиду занимаемого должностного положения, имеющих личные связи с начальством ГИБДД, угрожающие сотрудникам потерей места работы и пр.;

- лицемерные – отрицающие факт управления автомобилем, например, пересаживающиеся на соседнее сидение, утверждающие, что спали или, к примеру, имитирующие какое-либо заболевание.

Респондентам было предложено оценить частоту встречаемости тех или иных типов нарушителей по следующей шкале: а) часто; б) не часто; в) редко. Полученные результаты сведены в табл. 1.

Сотрудников дорожной полиции попросили обозначить наиболее типичные ситуации задержания по ст. 264.1 УК РФ. Эти ситуации были систематизированы по частотным показателям в табл. 2.

Опрос мировых судей в большей степени был посвящен целесообразности применения уголовного наказания за повторное задержание нетрезвого водителя при имеющемся административном взыскании,

эффективности указанной нормы и ее влияния на исправление преступника. В том, что уголовная ответственность за указанное нарушение необходима, большинство респондентов сомнений не высказали (89%).

Таблица 1
Частота распространенности различных типов водителей, задерживаемых по ст. 264.1 УК РФ, %

Встречаемость правонарушителей (число упоминаний в %)	Часто	Не часто	Редко
Жалующиеся	57	20	18
Лицемерные	57	20	20
Открыто агрессивные	39	30	27
Пассивно агрессивные	36	39	20
Коррупционные	30	20	43
Сотрудничающие	25	23	45
Самоуверенные	20	34	41

Таблица 2
Обстоятельства задержания водителей, нарушивших ст. 264.1 УК РФ, %

Обстоятельства задержания	Упоминаемость
В ночное время суток	87
В выходные дни	86
В праздничные дни и днем после праздника	66
В летнее время года	52,3
В садоводствах	38,6
Во дворах спальных районов	36,4
Водителя с пассажирами	29,5
В зимнее время	22,7
Водителя без пассажиров	15,9
В дневное время суток	6,8

На вопрос «считаете ли Вы применение ст. 264.1 УК РФ эффективным?» 39,3% опрошенных ответили отрицательно, 60,7% – положительно. Сомнения в эффективности уголовного наказания как инструмента противодействия алкоголизации водителей высказали 43% представителей судейского сообщества против 57%.

Отдельно следует сказать об экспертной оценке потенциала ресоциализации лиц, совершивших деяние по ст. 264.1 УК РФ. Так, по мнению обследованных, осознание опасности совершенного деяния для этих лиц нехарактерно, а прогноз их исправления в целом негативный (рис. 3, 4).

Осознают ли водители, привлеченные по ст. 264.1 УК РФ, реальную степень общественной опасности своего деяния?

- Да, в полной мере
- Возможно, отчасти
- Нет, реальной опасности своего поведения не сознают

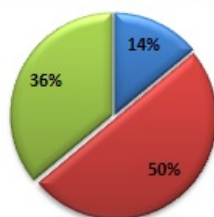

Рис. 3. Осознание правонарушителями реальной степени общественной опасности (опрос мировых судей)

Прогноз исправления водителей, привлеченных по ст. 264.1 УК РФ

- Позитивный
- Негативный

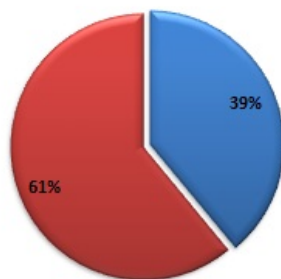

Рис. 4. Прогноз исправления водителей, привлеченных по ст. 264.1 УК РФ (опрос мировых судей)

Еще одним важным моментом, затрудняющим ресоциализацию правонарушителей, является, по мнению экспертов, отсутствие практики назначения подобному контингенту лиц принудительных мер медицинского характера, а именно лечения от алкоголизма. 100% опрошенных судей сообщили, что эта мера не используется, поскольку сопряжена с назначением наказания в виде лишения свободы, почти неприменимым за подобные преступления. Следовательно, один из ключевых инструментов, влияющих на причины алкоголизации водителей, почти не находит практического применения.

Респондентам обеих групп был задан вопрос о том, как эффективно противодействовать уголовно-

наказуемому пьянству на дороге. Полученные ответы представлены в табл. 3 (допускалось несколько вариантов ответа).

В последнюю очередь экспертам было предложено ответить на вопрос «каков, на Ваш взгляд, прогноз развития проблемы нетрезвого вождения в России?». Среди сотрудников ДПС 25% указали на позитивные тенденции решения этой проблемы, 23% – дали негативный прогноз, 52% сообщили, что не прогнозируют особых изменений. Среди судей позитивный прогноз дали только 11% опрошенных, 89% ответили, что не ожидают серьезных подвижек в решении проблемы («без особых перемен»).

Таблица 3

Возможные меры профилактики преступлений по ст. 264.1 УК РФ, по мнению сотрудников ДПС и мировых судей, %

Сотрудники ДПС					
Изъятие автомобиля	Усиление наказания, более активное Применение карательных мер	Увеличение числа сотрудников ДПС	Установка алкозамков на автомобили нарушителей	Изменение правил оборота алкогольной продукции (напр., запрет на продажу алкогольных напитков после 22.00)	
9	50	66	14	2	
Мировые судьи					
Усиление наказание, более активное Применение карательных мер	Увеличение числа сотрудников ДПС	Установка алкозамков на автомобили нарушителей	Увеличение социальной рекламы о вреде алкоголя	Воспитание неприязни нетрезвого вождения	Пожизненное лишение права управлять ТС
14	14	75	4	7	7

В последнюю очередь экспертам было предложено ответить на вопрос «каков, на Ваш взгляд, прогноз развития проблемы нетрезвого вождения в России?». Среди сотрудников ДПС 25% указали на позитивные тенденции решения этой проблемы, 23% – дали негативный прогноз, 52% сообщили, что не прогнозируют особых изменений. Среди судей позитивный прогноз дали только 11% опрошенных, 89% ответили, что не ожидают серьезных подвижек в решении проблемы («без особых перемен»).

Таким образом, результаты проведенного исследования наглядно демонстрируют неоднозначное отношение профессионального сообщества к практике применения ст. 264.1 УК РФ. Почти 75% сотрудников дорожно-патрульной службы и 89% мировых судей воздержались от оптимистического прогноза развития ситуации в России. Более 60% судей выразили сомнения в положительном прогнозе исправления преступников, привлеченных за повторное нетрезвое вождение, а около 40% скептически оценили эффективность применения данной статьи уголовного кодекса.

Вместе с тем проведенный опрос выявил некоторые проблемные моменты, в частности неосведомленность или нежелание профессионального сообщества видеть реальное положение дел, ограничиваясь при этом верой в объективность государственной статистики. Серьезных оснований для этого, пожалуй,

нет. Сложившаяся ситуация, прежде всего, является результатом отсутствия независимых национальных исследований по проблеме алкоголизации водителей. В целом положение правоприменителя нельзя назвать завидным. Получив полномочия по применению ст. 264.1 УК РФ, он приобрел инструмент профилактики, эффективный только при наличии корреспондирующего арсенала вспомогательных мер. Одной уголовной ответственности явно недостаточно, она должна сопровождаться целым комплексом социальных последствий и мероприятий. Это может быть установка специальных цветовых номеров на машины правонарушителей [13], их обязательное оборудование алкозамками [14], вменение в обязанность лицам, привлеченным по ст. 264.1 УК РФ, пройти курс лечения от алкоголизма, их постановка на учет в наркологической службе, запрет на перевозку несовершеннолетних и на работу в такси (шофером), кратное повышение размера страховой премии для указанного контингента и пр. К сожалению, эти корреспондирующие меры до настоящего времени использовались недостаточно. Быть может, именно поэтому борьба с пьянством на дороге лишь административно- и уголовно-правовыми средствами вызывает у правоприменителя скептицизм и неверие в продуктивность своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grand Rapids Effects Revisited : Accidents, Alcohol and Risk. Center for Traffic Sciences, University of Wuerzburg, Röntgenring 11, D-97070 Würzburg, Germany. Retrieved. URL: <http://israeliteknight.com/t95paper.htm> (дата обращения: 22.01.2018).
2. DWI Penalty Table-State of New Jersey. URL: <http://www.state.nj.us/oag/dcj/agguide/dwi2005-penaltytable.pdf> (дата обращения: 2018-01-17).
3. Энциклопедия уголовного права / отв. ред. В.Б. Малинин. Т. 24 : Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта. СПб. : Изд-во. проф. Малинина, 2014. 699 с.
4. Пьяные водители: ловят часто, сажают редко. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2017/09/14_a_10887542.shtml (дата обращения: 18.01.2018).
5. В России подсчитали количество машин на тысячу жителей. URL: https://auto.vesti.ru/news/show/news_id/672222/ (дата обращения: 18.01.2018).
6. Department of Justice (US), Federal Bureau of Investigation (FBI). Crime in the United States 2015: Uniform Crime Reports. Washington (DC): FBI; 2016 [cited 2017 Jun 1]. URL: <https://ucr.fbi.gov/crime-in-the-u.s/2015/crime-in-the-u.s.-2015/tables/table-29> (дата обращения: 15.01.2018).
7. Русский эксперт: потребление алкоголя в России. URL: https://ruxpert.ru/Потребление_алкоголя_в_России (дата обращения: 18.01.2018).
8. Костогоров Е. Пьяные водители обрушили статистику. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2017/05/19_a_10681493.shtml (дата обращения: 26.02.2018).
9. Агильдин В.В. Некоторые моменты уголовно-правовой политики борьбы с дорожно-транспортными преступлениями (на примере статьи 264.1 УК РФ) // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2016. Т. 10, № 1. С. 117–125.
10. Филипенко А., Истомина М. МВД предложило увеличить срок за повторное пьяное вождение. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/10/2017/59ee24679a79475bfdbcb1a2> (дата обращения: 23.02.2018).
11. Портал официальной статистической отчетности ГИБДД. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 01.02.2018).
12. Results from the National Survey on Drug Use and Health : Summary of National Findings. U.S. department of health and human services. 2012. P. 164
13. Bob Dyer, Dyer Streets : DUI plates are another Ohio Flop, akron beacon J. (June 19, 2009, 2:30 AM). URL: <http://www.ohio.com/news/48584482.html> (дата обращения: 03.08.2017).
14. Pamer Melissa. Ignition Interlock Requirement for DUI Offenders. Signed Into Law by Gov. Jerry Brown. KTLA 5. URL: <http://ktla.com/2016/09/28/ignition-interlock-requirement-for-dui-offenders-signed-into-law-by-gov-jerry-brown/> (дата обращения: 06.02.2018).

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 марта 2018 г.

CRIMINAL DRINK-DRIVING: A LOOK OF A LAW ENFORCEMENT AGENT AND PERSPECTIVES OF PREVENTION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 174–179.

DOI: 10.17223/15617793/430/24

Dmitry V. Zhmurov, Baikal National University of Economics and Law (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: zdevraz@ya.ru

Keywords: criminally punishable drink-driving; criminal alcoholisation of drivers of motor vehicles.

The article deals with the problems of applying Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation “Violation of Traffic Rules by a Person Subjected to Administrative Punishment”. For this purpose, a survey of 37 justices of the peace and 114 inspectors

of the State Traffic Safety Inspectorate of Irkutsk Oblast was conducted. Experts were asked to assess a number of points related to the personality of the offender, the potential for their resocialisation and the forecast of the development of the problem for the near future. Also, on the basis of empirical material, a typology of the criminal's personality was proposed and frequency characteristics of the occurrence of these or other types of violators were revealed. Thus, during the study, the following types of offenders were identified: 1) openly aggressive (obviously opposing, threatening, physically resisting); 2) passively aggressive (implicitly opposing, delaying the implementation of measures to detain, not signing the protocol); 3) cooperating (not resisting, recognising guilt and not protesting); 4) complainants (requesting release, referring to financial difficulties, life problems, trying to deceive road patrol officers); 5) corruption (recognising guilt and offering to let go for a reward); 6) self-confident (offering to release them due to their official position, available personal connections with the authorities of the State Traffic Safety Inspectorate); 7) hypocritical (denying the fact of driving). Also, respondents expressed their views on possible measures to prevent crimes under Art. 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, among which were: car seizure, increased penalties, increased number of road patrol officers, ignition interlocks for violators' cars, change in the rules for alcohol products turnover, lifetime deprivation of driver's license and so on. In addition, experts were asked about the main trends in the development of the problem of drink-driving in Russia. Among road patrol officers, 25% indicated positive trends in the solution of this problem, 23% gave a negative forecast, 52% reported no observable significant changes. Among justices of the peace, only 11% of the respondents gave a positive forecast, 89% answered that they did not expect a serious progress in solving the problem of drink-driving. According to experts, another important factor that makes it difficult to resocialise offenders is the lack of practice of coercive measures of a medical nature for them, namely, forced treatment for alcoholism. 100% of the interrogated justices of the peace reported that this measure is not used, since it is associated with the imposition of punishment in the form of deprivation of liberty, almost inapplicable for such crimes. Consequently, one of the key tools affecting drivers' alcoholisation has almost no practical application.

REFERENCES

1. Center for Traffic Sciences, University of Wuerzburg. (2017) *Grand Rapids Effects Revisited: Accidents, Alcohol and Risk*. Center for Traffic Sciences, University of Wuerzburg, Germany. [Online] Available from: <http://israeliteknight.com/t95paper.htm>. (Accessed: 22.01.2018).
2. State.nj.us. (2005) *DWI Penalty Table-State of New Jersey*. [Online] Available from: <http://www.state.nj.us/oag/dcj/agguide/dwi2005-penaltytable.pdf>. (Accessed: 17.01.2018).
3. Malinin, V.B. (ed.) (2014) *Entsiklopediya ugolovnogo prava* [Encyclopedia of criminal law]. Vol. 24. St. Petersburg: Izd-vo. prof. Malinina.
4. Gazeta.ru. (2017) *P'yanye voditeli: lovyat chasto, sazhayut redko* [Drunken drivers: often to catch, seldom to imprison]. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/auto/2017/09/14_a_10887542.shtml. (Accessed: 18.01.2018).
5. Auto.vesti.ru. (2017) *V Rossii podschitali kolichestvo mashin na tysyachu zhiteley* [In Russia, the number of cars per thousand inhabitants was calculated]. [Online] Available from: https://auto.vesti.ru/news/show/news_id/672222/. (Accessed: 18.01.2018).
6. Department of Justice (US), Federal Bureau of Investigation (FBI). (2016) *Crime in the United States 2015: Uniform Crime Reports*. Washington (DC): FBI. [Online] Available from: <https://ucr.fbi.gov/crime-in-the-u.s/2015/crime-in-the-u.s.-2015/tables/table-29>. (Accessed: 15.01.2018).
7. Russkiy ekspert. (2018) *Potreblenie alkogolya v Rossii* [Alcohol consumption in Russia]. [Online] Available from: https://ruxpert.ru/%D0%9F%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%B0%D0%BB%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D1%8F_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8. (Accessed: 18.01.2018).
8. Kostogorov, E. (2017) *P'yanye voditeli obrushili statistiku* [Drunken drivers brought down statistics]. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/auto/2017/05/19_a_10681493.shtml. (Accessed: 26.02.2018).
9. Agil'din, V.V. (2016) Some aspects of the criminal law policy of counteracting traffic crimes (using the example of Art. 264.1 of the Criminal Code of the RF). *Kriminologicheskij zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava – Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 10:1. pp. 117–125. (In Russian). DOI: 10.17150/1996-7756.2016.10(1).117-125
10. Filipenok, A. & Istomina, M. (2017) *MVD predlozhilo uvelichit' srok za povtornoje p'yanoe vozhdzenie* [The Ministry of Internal Affairs offered to extend the period for repeated drunk driving]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/23/10/2017/59ee24679a79475bfdcb1a2>. (Accessed: 23.02.2018).
11. Portal of official statistics reports of the State Traffic Safety Inspectorate. [Online] Available from: <http://stat.gibdd.ru/>. (Accessed: 01.02.2018). (In Russian).
12. U.S. Department of Health and Human Services. (2012) *Results from the National Survey on Drug Use and Health: Summary of National Findings*. U.S. Department of Health and Human Services.
13. Dyer, B. (2009) Dyer Streets: DUI plates are another Ohio Flop, *Akron Beacon J.* (June 19, 2009, 2:30 AM). [Online] Available from: <http://www.ohio.com/news/48584482.html>. (Accessed: 03.08.2017).
14. Pamer, M. (2016) Ignition Interlock Requirement for DUI Offenders. Signed Into Law by Gov. Jerry Brown. *KTLA*. 5. [Online] Available from: <http://ktla.com/2016/09/28/ignition-interlock-requirement-for-dui-offenders-signed-into-law-by-gov-jerry-brown/>. (Accessed: 06.02.2018).

Received: 07 March 2018

А.А. Исаева

СИСТЕМА ИСТОЧНИКОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Рассматриваются различные классификации источников правового регулирования статуса религиозных объединений. С конституционно-правовой точки зрения анализируется обоснованность принятия региональными органами государственной власти актов не только защищающих, но и регулирующих права и свободы человека и гражданина. Раскрывается группировка нормативных правовых актов субъектов Федерации в зависимости от их юридической силы и содержания. Делается вывод о необходимости системного пересмотра регионального законодательства и приведения его в соответствие с федеральным регулированием.

Ключевые слова: свобода совести; свобода вероисповедания; светское государство; религиозные объединения; региональное законодательство.

Основные элементы конституционно-правового статуса религиозных объединений нашли свое закрепление в системе источников российского права. Исходя из федеративной природы нашего государства и в зависимости от уровня органов, их принявших, такие источники могут быть подразделены на федеральные и региональные.

Федеральными органами государственной власти принято и действует более сотни правовых актов, закрепляющих элементы правового статуса религиозных объединений в России. Они могут группироваться по различным основаниям. Так, О.Н. Терехов, исходя из содержания соответствующих актов, выделяет семь групп [1. С. 185–189]. В то же время **по своей юридической силе среди федеральных источников можно выделить следующие виды.**

Во-первых, необходимо упомянуть *Конституцию РФ*, имеющую высшую учредительную силу в нашем государстве. Для рассматриваемой сферы непреходящее значение имеют ст. 13, 14, 19, 28–30, 59 и пр. В отношении закрепления свободы совести конституционная формулировка соответствует международным стандартам, приближаясь по своему содержанию и смыслу к соответствующим положениям Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Но право менять религиозные и иные убеждения, зафиксированное в указанных документах, в Конституции России специально не оговаривается. Хотя, учитывая признание ею в ч. 4 ст. 15 международных договоров частью правовой системы РФ, можно констатировать также наличие и указанного права. При этом в российской Конституции, в отличие от вышеуказанных документов и Основных законов большинства стран, относящихся к европейской культурной традиции, специально оговорено право не исповедовать никакой религии, что означает формально больший учет интересов неверующих. Отдельное упоминание об атеистических взглядах в Конституции РФ отсутствует, однако формулировка «иные убеждения», безусловно, подразумевает и их защиту [2. С. 259].

Теперь на конституционном уровне свобода совести связывается со свободой вероисповедания, но не

отождествляется с ней. Очевидно, дело в том, что их в принципе стали считать близкими, но самостоятельными понятиями, каждое из которых должно иметь специфическое юридическое наполнение. Однако содержание ст. 28 Конституции 1993 г. ставит этот вывод под сомнение, давая единое их толкование. И свобода совести, и свобода вероисповедания рассматриваются как единая категория, включающая в себя: право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Исходя из этого, на наш взгляд, было бы логичным вместо формулы «свобода совести, свобода вероисповедания» использовать формулу «свобода совести и вероисповедания» или «свобода совести и религии», т.е. исходить из единой дефиниции. Также можно было раскрыть оба понятия либо опираться не на положения международных актов при формулировании статьи, а учесть зарубежный опыт и указать в Конституции лишь на гарантию соответствующих свобод, как, например, это сделано в конституциях Турции, Бразилии, Греции, Швейцарской Конфедерации, Основном законе Германии и др.

Во-вторых, можно указать *федеральные законы* [3–7 и др.], в том числе и отдельные нормы кодифицированных актов (Гражданского кодекса РФ, Налогового кодекса РФ, Трудового кодекса РФ, Земельного кодекса РФ).

Важное место в регулировании вопросов реализации свободы совести в России, в том числе в ее коллективных формах, занимает *Федеральный закон РФ от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях»* (далее Федеральный закон № 125-ФЗ). Им определены основные понятия (например, «свобода совести и свобода вероисповедания», «религиозное объединение», «религиозная группа», «религиозная организация», содержание принципа отделения религиозных объединений от государства и пр.), закреплены способы и порядок реализации свободы совести, светский характер государственно-конфессиональных отношений, статус и источники правового регулирования деятельности религиозных объединений, их

права и условия деятельности, органы, осуществляющие контрольные и надзорные функции в данной сфере, а также другие положения. И хотя в основном рассматриваемый закон отвечает положениям Конституции 1993 г. и международно-правовым обязательствам России, ряд его норм, на наш взгляд, носит противоречивый характер. К его недостаткам относят: некорректно сформулированную преамбулу, где все религиозное разнообразие нашей страны представляется как иерархия религий с признанием особого вклада «православия в историю России и в формирование и развитие русской духовности и культуры» [8. С. 107; 9]; законодатель, используя в законе критерий разделения религиозных объединений в зависимости от наличия у них статуса юридического лица, не уточнил объем прав тех и других; отсутствие самостоятельных определений таких понятий, как «свобода совести» и «свобода вероисповедания»; некорректность самого термина «свобода совести», «кальки» с английского *«freedom of conscience»*, которое при буквальном прочтении представляет собой внутренне противоречивую конструкцию – «свобода моральной ответственности за свои какие бы то ни было поступки»; отсутствие в законе возможности предоставления государственной поддержки социально значимой деятельности религиозных организаций (реабилитация лиц, отбывших наказание, профилактика наркомании и алкогольной зависимости, забота о социально незащищенных слоях населения и т.д.); отсутствие правовых оснований и механизмов содействия государства религиозному паломничеству верующих; неэффективность и даже коррупционность существующего порядка производства государственной религиозно-экспертной экспертизы (отсутствуют четко обоснованные требования к экспертам, в качестве которых нередко заявляются люди недостаточно компетентные, представители отдельных конфессий и пр.) [9; 10. С. 47–50; 11].

Сам принцип, лежащий в основе Федерального закона № 125-ФЗ, позволяет при желании в судебном порядке запретить деятельность любого религиозного объединения и вводит то, что можно назвать «квази-официальной религией». При этом не могут не огорчать попытки некоторых отечественных авторов обосновать клерикализацию российского государства и общества, а также легальное закрепление понятия «традиционная религия» [12. С. 198; 13. С. 9; 14. С. 71–78]. По справедливому замечанию Н.В. Витрука, вряд ли можно говорить как о положительном факте о высоком, все нарастающем уровне интеграции Русской православной церкви (Московский патриархат) в жизнь государства, о необходимости придания ей особого правового статуса на основе соглашения с РФ, так как это противоречит конституционным нормам, не учитывает многоконфессиональность общества, интересы атеистов [15. С. 413–414]. Государство, предоставляя статус «официального» религиозному объединению, тем самым ограничивает его свободу. У власти появляется возможность влиять на внутреннее устройство церкви, принимать участие в назначении и освобождении клира от занимаемых постов, с помощью финансовых рычагов оказывать давление и направлять руководство и политику церк-

ви, тем самым контролировать деятельность и вероучение объединения. Подобная ситуация сегодня наблюдается в Великобритании, Греции, Швеции, Норвегии, Дании и пр. В этом случае утрачивается независимость церкви и искажается ее миссия. Применительно к практике Германии, это обстоятельство в качестве отрицательного рассматривали такие авторы, как Кристиан Р. Баркер [16. С. 4–12], Г. Робберс [17. С. 643–668] и др.

В качестве следующей группы можно назвать *подзаконные акты*, закрепляющие необходимый механизм, который позволяет упорядочить совместную деятельность органов государственной власти различных уровней, религиозных объединений и граждан [18. С. 11]. Эти акты «принимаются различными органами исполнительной власти и должностными лицами в установленных законом пределах их нормотворческой компетенции. Подзаконный характер нормативных актов по общему правилу означает, что они должны приниматься на основе и во исполнение действующих законов и прежде всего – Конституции страны» [19. С. 403]. Всем подзаконным актам государственных органов присущи общие черты: они издаются в пределах компетенции исполнительного органа государственной власти, не должны противоречить закону, но принимаются в развитие и дополнение его положений. Подзаконные нормативно-правовые акты вместе с законами составляют единую систему, и невозможны какое бы то ни было противостояние между ними, автономность их функционирования [20–22].

Далее, исходя из юридической силы, идут *региональные правовые акты*, регулирующие конфессиональные отношения и правовой статус религиозных обществ, – это весьма обширный массив норм. Однако существование многих из них сомнительно с конституционно-правовой точки зрения. В соответствии с п. «в» ст. 71 Конституции 1993 г. регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина находятся в ведении Федерации. Одновременно защита прав и свобод человека и гражданина отнесены п. «б» ст. 72 Конституции РФ к совместному ведению Федерации и ее субъектов. При этом понятие «регулирование прав и свобод человека и гражданина» «охватывает собой достаточно широкий круг нормотворческих возможностей, который включает в себя прежде всего государственно-правовое признание и, соответственно, юридическое закрепление прав и свобод, в том числе путем установления их нормативного содержания, определения условий реализации, введения возможных ограничений» [23. С. 563]. Поэтому Федерация, с одной стороны, может определять перечень прав и свобод, их конституционно-правовое закрепление, устанавливать конституционные и иные гарантии, механизмы и процедуры их реализации, ответственности за нарушение норм.

С другой стороны, защита прав и свобод является самостоятельным правовым институтом. Под ней можно понимать «обеспечиваемую государством эффективную возможность пользования правами и свободами путем создания социально-политических, материально-финансовых, организационно-процедурных и

других условий для их осуществления; оказания помощи, содействия в их реализации и, напротив, устранения к тому препятствий; предотвращения их нарушения; а также путем воздержания самого государства от необоснованного и неправомерного вмешательства в права и свободы, от блокирования возможности воспользоваться ими, тем более от умаления их существа. По смыслу Конституции, защита прав и свобод является обязанностью всех органов и должностных лиц как государственной власти, так и местного самоуправления» [23. С. 563–564]. Защита прав и свобод осуществляется в различном порядке: административном и судебном, специальными международными инстанциями, путем самозащиты [24. С. 239].

Разработка механизма защиты прав и свобод человека и гражданина должна идти по двум направлениям: создание конкретных норм и процедур, которые могли бы использоваться гражданами для своей защиты; правовое регулирование деятельности всех государственных институтов, включая разработку и совершенствование принципов деятельности органов власти. «Отнесение Конституцией тех или иных вопросов к исключительному ведению РФ означает установление исключительной компетенции федеральных органов» [25. С. 338–339], по которым они могут издавать присущие им правовые акты, осуществлять нормативное регулирование и текущее управление. Так как защита прав и свобод человека и гражданина, в частности, свободы совести и свободы вероисповедания, отнесены к совместному ведению Федерации и ее субъектов, то это означает «отнесение этих вопросов к компетенции в равной степени как федерации, так и ее субъектов. По этим вопросам, следовательно, могут издаваться» [Там же] как федеральные, так и региональные акты. Однако в ряде регионов это требование нарушается.

Например, в некоторых субъектах России (Белгородской, Воронежской, Костромской, Курской, Смоленской областях, Республики Северная Осетия – Алания) долгое время действовали акты, регулирующие миссионерскую деятельность. По существу, являясь формой распространения религии, она рассматривается, согласно ст. 28 Конституции РФ, как один из элементов свободы совести и свободы вероисповедания. Поэтому специальное регулирование миссионерской деятельности возможно либо федеральными источниками права, либо региональными, если субъектам Российской Федерации будут переданы соответствующие полномочия (чего сделано не было). В 2016 г. были приняты поправки к Федеральному закону № 125-ФЗ, и в его содержании появилась новая глава III.1 «Миссионерская деятельность». В субъектах РФ акты, регулирующие такую деятельность, были отменены (например, в Еврейской автономной области, Ямало-Ненецком автономном округе, Новгородской и Сахалинской областях, Республике Северная Осетия – Алания и т.д.).

Конституция РФ предоставляет субъектам Федерации иную возможность. Вместо принятия норм, регулирующих права и свободы, они вправе выступать с законодательной инициативой, в целях начала работы над принятием необходимого акта на федеральном уровне [26. С. 47–50].

Региональные правовые акты очень разнообразны и их можно классифицировать. О.Н. Терехов предлагает выделить следующие несколько групп законов и иных правовых актов: 1) законы, предназначенные для регулирования всего комплекса вопросов государственно-церковных отношений; 2) правовые акты, принятые в целях ограничения деятельности иностранных миссионеров и религиозных организаций на своих территориях; 3) нормативные правовые акты, выделяющие в качестве субъектов правового регулирования так называемые религиозные секты и иные нетрадиционные верования; 4) законы, регулирующие ту или иную сферу жизнедеятельности религиозных объединений. Отдельно в работе выделены и классифицированы подзаконные акты (акты коллегиальных и единоличных органов исполнительной власти, представительной и судебной властей, а также органов местного самоуправления) [1. С. 206–223].

Однако, представляется, что для целей правоприменения наиболее востребованными будут классификации **правовых актов субъектов РФ исходя либо из их юридической силы, либо из их содержания**. Согласно первому критерию, они могут быть подразделены на Конституции (Уставы), законы и подзаконные акты субъектов РФ. По содержанию региональных источников сейчас можно объединить в две группы: 1) в целом регулирующие вопросы реализации свободы совести, свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений на территории отдельного субъекта; 2) регулирующие отдельные аспекты, связанные с функционированием религиозных объединений.

Анализ правовых актов, в целом регулирующих свободу совести, свободу вероисповедания и деятельность религиозных объединений на территории отдельного субъекта, позволяет выделить в качестве их особенности ряд спорных моментов и неточностей содержания. Это, в частности, наличие в тексте законов преамбул, которые признают особую роль отдельных конфессий, чаще всего православия и ислама [27, 28 и др.]. Другим моментом является, по сути, дублирование законами субъектов РФ норм федеральных источников права. Ими стали положения конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, налогового, земельного и других отраслей права, а также Федерального закона № 125-ФЗ. В Законе Республики Татарстан от 14.07.1999 № 2279 «О свободе совести и о религиозных объединениях» такими дублирующими нормами являются 4, 5, 9, 10–15 и пр., а в Законе Республики Адыгея от 12.01.1999 № 107 «О свободе совести и свободе вероисповедания в Республике Адыгея» – 4, 15, 16. Это, в основном, нормы-дефиниции и общие положения относительно места и роли религиозных объединений.

Применительно к рассматриваемой группе актов обращают на себя внимание имеющая место неточность и смешение понятий. Например, в Законе Республики Тыва от 01.04.1995 № 253 «О свободе совести и о религиозных организациях» [30] в названии фигурируют только религиозные организации, а нормы, включенные в текст акта, регулируют также правоотношения с участием религиозных групп. Таким

образом, в заглавии закона лучше было бы использовать термин «религиозные объединения».

Часто в законах используются некорректные формулировки и нарушения юридической техники. Например, в Законе Республики Дагестан от 16.01.1998 № 5 «О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях в Республике Дагестан» в ст. 1 закреплено: «Право на свободу совести и свободу вероисповедания осуществляется в соответствии со ст. 3 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях”» [32]. Возникает вопрос, а почему только в соответствии с ней, если данная свобода имеет обширное закрепление в международных и федеральных актах? А пункт 7 ч. 1 ст. 3 рассматриваемого закона предусматривает, что «государство в своей правотворческой деятельности может использовать общечеловеческие ценности, содержащиеся в религиях» [32]. Значит, может и не использовать? И почему использование общечеловеческих ценностей ограничено только сферой правотворчества?

Другой особенностью источников первой группы является включение в их содержание норм-дефиниций. При этом определения даются отнюдь не правовым понятиям. При отсутствии аналогов в федеральном законодательстве, они почерпнуты из науки (философии, религиоведения и пр.), где относительно их содержания ведутся споры и нет единообразного понимания. Это вызывает определенное недоверие к ним и сложности в правоприменении. Так, Закон Вологодской области [29] определяет понятие «основы вероучения и соответствующая практика» (ст. 1 закона); Закон Республики Тыва раскрывает такие понятия, как «религия», «атеизм», «свобода совести», «вероисповедание», «конфессия», «традиционные конфессии», «религиозный культ», «святыне (священные) места» [30]; Закон Республики Бурятия – «религия», «вероисповедание (конфессия)», «миссионерская деятельность», «святыне (священные) места» [31].

Однако в законах субъектов РФ *можно встретить дополнительные правовые разработки.* Например, Закон Республики Дагестан вводит статью, предусматривающую участие религиозных организаций в общественной жизни. Согласно ей религиозная организация в соответствии со своим уставом и с учетом территориальной сферы своей деятельности вправе: вносить в органы государственной власти и органы местного самоуправления предложения по вопросам, связанным с реализацией права граждан на свободу совести, свободу вероисповедания; выступать с инициативами по вопросам общественной жизни и вносить соответствующие предложения в органы государственной власти и органы местного самоуправления; в установленном законодательством порядке пользоваться средствами массовой информации и пр. (ст. 23). Иным примером может послужить ч. 6 ст. 19 Закона Республики Татарстан от 14.07.1999 № 2279 «О свободе совести и о религиозных объединениях», согласно которой по просьбе верующих в

трудовом распорядке предприятий, согласно действующему на территории Республики Татарстан законодательству, работникам может быть предоставлен перерыв для совершения религиозных обрядов. Только в Законе Тюменской области [33] в ст. 7 фиксируется порядок уведомления органов местного самоуправления гражданами, образовавшими религиозную группу с намерением в дальнейшем преобразовать ее в религиозную организацию. Законом Республики Бурятия [31] закреплены специальные положения о святых (священных) местах и праве членов религиозных объединений на занятие народной медициной (целительством).

Вторую группу составляют **правовые акты субъектов РФ**, в том числе законы, подзаконные и ведомственные акты, **регулирующие отдельные аспекты, связанные с функционированием религиозных объединений.** Например, в части противодействия экстремистской деятельности [34, 35], предоставления налоговых льгот [36], передачи религиозным организациям имущества [37, 38], финансовой поддержки [39] и т.д.

Помимо этого в ряде субъектов были созданы органы по вопросам религии и взаимодействию государства (его органов) с религиозными объединениями [40, 41]. Их деятельность имеет большое значение в деле выстраивания государственно-конфессиональных отношений. В частности, такие органы, как правило, проводят межведомственные консультации по вопросам, связанным с деятельностью религиозных организаций, анализ религиозной обстановки на территории региона, обсуждение проектов нормативных актов и др.

В России действует большое количество актов, регулирующих правовое положение религиозных объединений. Однако в них зачастую встречаются коллизии, ошибки юридической техники, противоречивость федерального и регионального законодательства, отсутствие должной регламентации применительно к важнейшим вопросам (например, образования, капелланства, юридической ответственности и пр.). Существование подобных явлений сдерживает прогрессивное развитие отношений в сфере реализации свободы совести, приводит к нарушению прав человека. Потому на федеральном уровне необходимо внести изменения в действующее законодательство, реализовать концепцию светского государства и обеспечить верующим всех религий равные возможности для отправления культа, как это гарантируется Конституцией 1993 г. Региональное законодательство следует привести в соответствие с общегосударственными нормами, исключить ненужные повторы федеральных актов и развивать регулирование актуальных для региона проблем, его национальных и культурных особенностей. Искоренение указанных в настоящей работе спорных положений, как представляется, должно стать одним из направлений реформирования системы законодательства в рамках модели человек – церковь – государство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Терехов О.Н. Проблемы развития конституционно-правового статуса религиозных объединений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
2. Стецкевич М.С. Свобода совести : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

3. О некоммерческих организациях : Федеральный закон РФ от 12.01.1996 № 7-ФЗ (в ред. 14.11.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 15.01.1996. № 3. Ст. 145; Российская газета. 24.01.1996. № 14.
4. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях : Федеральный закон РФ от 11. 08.1995 № 135-ФЗ (в ред. 05.05.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 14.08.1995. № 33. Ст. 3340; Российская газета. 17.08.1995. № 159.
5. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : Федеральный закон РФ от 08.08.2001 № 129-ФЗ (в ред. 30.10.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 13.08.2001. № 33 (часть 1). Ст. 3431; Российская газета. 10.08.2001. № 153–154.
6. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 114 (в ред. 23.11.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.07.2002. № 30. Ст. 3031; Российская газета. 30.07.2002. № 138–139.
7. О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности : Федеральный закон РФ от 30.11.2010 № 327-ФЗ (в ред. 23.06.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 06.12.2010. № 49. Ст. 6423; Российская газета. 03.12.2010. № 274.
8. Со А.А. Конституционно-правовые основы свободы вероисповедания и деятельности религиозных объединений в России (на примере субъектов Российской Федерации Северо-Западного федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2010.
9. Заключение Уполномоченного по правам человека в РФ «О проверке соответствия Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» международно-правовым обязательствам Российской Федерации» // Российская газета. 22.04.1999. № 77.
10. Пчелинцев А.В. Какой должна быть государственная религиоведческая экспертиза // Российская юстиция. 2009. № 3.
11. Бурьянов С.А., Мозговой С.А. Проблемы реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями в России. М. : Ин-т свободы совести, 2004.
12. Тарасевич И.А. Конституционно-правовое положение религиозных организаций в Российской Федерации : учеб. пособие. Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2007.
13. Тарасевич И.А. Конституционно-правовой статус Русской Православной Церкви в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. С. 9.
14. Губин М.Ю. Незаконные и традиционные религиозные объединения по законодательству Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 6.
15. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М. : НОРМА, 2008.
16. Christine R. Barker. Church and State Relationships in German «Public Benefit» Law // The International Journal of Not-for-Profit Law. 2000. December. Vol. 3, is. 2.
17. Robbers G. Religious Freedom in Germany // BYU Law Review. 2001. № 2.
18. Шибанова М.А. Конституционное право человека и гражданина на свободу совести и вероисповедания в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
19. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства : учеб. для вузов. М. : Норма, 2004.
20. О порядке передачи религиозным организациям находящегося в федеральной собственности имущества религиозного назначения, отнесенного к музейным предметам и музейным коллекциям, включенным в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации, либо документам Архивного фонда Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2001 № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 09.07.2001. № 28. Ст. 2889.
21. Об утверждении перечня предметов религиозного назначения и религиозной литературы, производимых и реализуемых религиозными организациями (объединениями), организациями, находящимися в собственности религиозных организаций (объединений), и хозяйственными обществами, уставной (складочный) капитал которых состоит полностью из вклада религиозных организаций (объединений), в рамках религиозной деятельности, реализация (передача для собственных нужд) которых освобождается от обложения налогом на добавленную стоимость : Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2001 № 251 // Собрание законодательства Российской Федерации. 09.04.2001. № 15. Ст. 1495; Российская газета. 13.04.2001. № 73.
22. Об утверждении Порядка регистрации, открытия и закрытия в Российской Федерации представительств иностранных религиозных организаций : Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 03.03.2009 № 62 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 30.03.2009. № 13.
23. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева. М. : Эксмо, 2009.
24. Дмитриев Ю.А. Основы конституционного строя // Конституция Российской Федерации : научно-практический комментарий (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. М. : Юстицинформ, 2007.
25. Баглай М.В. Конституционное право России : учеб. для вузов. М. : Юристъ, 2003.
26. Пчелинцев А.В. Законодательная практика и проблемы разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов в сфере свободы совести и вероисповедания // Российская юстиция. 2011. № 1.
27. О свободе совести и свободе вероисповедания в Республике Адыгея : Закон Республики Адыгея от 12.01.1999 № 107 // Собрание законодательства Республики Адыгея. 1999. № 1.
28. О свободе совести и о религиозных объединениях : Закон Республики Татарстан от 14.07.1999 № 2279 // Республика Татарстан. 28.08.1999. № 174.
29. О защите прав граждан на свободу совести и свободу вероисповедания на территории Вологодской области : Закон Вологодской области от 27.10.2001 № 634-ОД // Вологодская правда. 15.01.2002. № 6.
30. О свободе совести и о религиозных организациях : Закон Республики Тыва от 01.04.1995 № 253 // Тувинская правда. 23.05.1995.
31. О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия : Закон Республики Бурятия от 23.12.1997 № 610-I // Бурятия. 16.01.1998. № 8; Ведомости Народного Хурала Республики Бурятия. 1998. № 21.
32. О свободе совести, свободе вероисповедания и религиозных организациях : Закон Республики Дагестан от 16.01.1998 № 5 // Дагестанская правда. 21.01.1998. № 12.
33. О деятельности религиозных объединений в Тюменской области : Закон Тюменской области от 08.02.2001 № 263 // Парламентская газета «Тюменские известия». 15.02.2001. № 36; Вестник Тюменской областной Думы. 2001. № 1.
34. О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан : Закон Республики Дагестан от 22.09.1999 № 15 // Дагестанская правда. 24.09.1999. № 198.
35. О Комплексной программе по противодействию религиозно-политическому экстремизму в Республике Дагестан : Постановление Правительства Республики Дагестан от 30.01.2009 № 18 // Собрание законодательства Республики Дагестан. 30.01.2001. № 2. С. 59.
36. О предоставлении льгот по уплате земельного налога религиозным объединениям : Закон Курской области от 14.08.2006 № 67-ЗКО // Курская правда. 29.08.2006. № 127; Курские ведомости. 2006. Сентябрь. № 9.
37. Постановление Правительства Республики Мордовия от 26.05.2014 № 223 «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной собственности Республики Мордовия» // Известия Мордовии. 30.05.2014. № 77–29.
38. О предоставлении областного государственного имущества в безвозмездное пользование религиозной организации Община Римско-католической церкви в г. Томске : Постановление Государственной Думы Томской области от 31.07.2008 № 1529 // Официальные ведомости Государственной Думы Томской области. 27.08.2008. № 18 (140)-II.
39. О финансовой поддержке религиозных организаций в Нижегородской области : Постановление Правительства Нижегородской области от 09.06.2010 № 345 // Правовая среда. 24.06.2010 (приложение к газете «Нижегородские новости». 24.06.2010. № 111 (4483)). № 68 (1190).

40. О Комитете Правительства Республики Дагестан по делам религий : Указ Президента Республики Дагестан от 06.07.2007 № 97 // Собрание законодательства Республики Дагестан. 15.07.2007. № 9. С. 469.
41. Об утверждении Положения об экспертно-консультативном Совете по вопросам свободы совести и вероисповедания при Губернаторе Свердловской области : Распоряжение Губернатора Свердловской области от 30.06.1998 № 69-р // Собрание законодательства Свердловской области. 1998. № 6.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 января 2018 г.

SOURCES OF LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF RELIGIOUS ASSOCIATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND PROBLEMS OF REGIONAL LEGISLATION

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 180–187.

DOI: 10.17223/15617793/430/25

Anastasia A. Isaeva, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tess@mail2000.ru

Keywords: freedom of conscience; freedom of religion; secular state; religious associations; regional legislation.

The author analyses the sources of Russian law governing the status of religious associations in the country and outlines the main features of modern regional legislation in this area. The aim of this study is to identify inaccuracies and contradictions in federal and regional legislation, as well as to develop specific proposals and recommendations for improving the legal system of Russia. The study is based on the theoretical and empirical material. In particular, the former is works by Russian scholars (A.A. Agafonova, M.V. Baglay, S.A. Burianov, N.V. Vitruk, V.S. Nersesyants, A.V. Pchelintsev, A.A. So, O.N. Terekhov, M.A. Shibanova and others) and studies of foreign authors (Christian R. Barker, G. Robbers and others). Federal legislation and acts of regional public authorities were also used. The methodological basis of the research was dialectical, historical-legal and formal-legal methods. In particular, the use of the dialectical method contributed to the study of the legislation on religious associations in Russia in its formation and development. The use of historical legal and formal legal methods helped to identify contradictions between the norms of acts of various levels of power. As a result, the author came to a conclusion that, based on the federal nature of Russia, such sources can be subdivided into federal and regional ones. Among the federal sources, taking into account their legal power, it is possible to single out the Constitution of the Russian Federation, which has the highest constituent power in the state (Articles 13, 14, 19, 28, 29, 30, 59 and others), federal laws, including separate norms of codified acts, and by-laws. The latter fix the necessary mechanism to regulate the joint activities of state authorities of different levels, religious associations and citizens. Further in the hierarchy of sources of Russian law regulating the elements of the right status of religious associations are regional legal acts. They are very diverse, and they can be classified either from their legal force or from their content. In Russia, there is a large number of acts regulating the legal status of religious associations. However, they often encounter collisions, errors in legal techniques, the contradictoriness of federal and regional legislation. The existence of such phenomena restrains the progressive development of relations in the sphere of realisation of freedom of conscience and should become subject of reform.

REFERENCES

1. Terekhov, O.N. (2004) *Problemy razvitiya konstitutsionno-pravovogo statusa religioznykh ob"edineniy* [Problems of development of the constitutional and legal status of religious associations]. Law Cand. Diss. Moscow.
2. Stetskevich, M.S. (2006) *Svoboda sovesti* [Freedom of conscience]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
3. Russian Federation. (1996) *O nekommercheskikh organizatsiyakh*: Federal'nyy zakon RF ot 12.01.1996 № 7-FZ (v red. 14.11.2017) [On non-profit organisations: Federal Law of the Russian Federation No. 7-FZ of January 12, 1996 (as amended on November 14, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 3. Art. 145.
4. Russian Federation. (1995) *O blagotvoritel'noy deyatel'nosti i blagotvoritel'nykh organizatsiyakh*: Federal'nyy zakon RF ot 11. 08.1995 № 135-FZ (v red. 05.05.2014) [On charitable activities and charitable organisations: Federal Law of the Russian Federation No. 135-FZ of August 11, 1995 (as amended on May 05, 2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 33. Art. 3340.
5. Russian Federation. (2001) *O gosudarstvennoy registratsii yuridicheskikh lits i individual'nykh predprinimateley*: Federal'nyy zakon RF ot 08.08.2001 № 129-FZ (v red. 30.10.2017) [On the state registration of legal entities and individual entrepreneurs: Federal Law of the Russian Federation No. 129-FZ of August 08, 2001 (as amended on October 30, 2017)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 33 (1). Art. 3431.
6. Russian Federation. (2002) *O protivodeystvii ekstremistskoy deyatel'nosti*: Federal'nyy zakon RF ot 25.07.2002 № 114 (v red. 23.11.2015) [On Countering Extremist Activity: Federal Law of the Russian Federation No. 114 of July 25, 2002 (as amended on November 23, 2015)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 30. Art. 3031.
7. Russian Federation. (2010) *O peredache religioznym organizatsiyam imushchestva religioznogo naznacheniya, nakhodyashchegosya v gosudarstvennoy ili munitsipal'noy sobstvennosti*: Federal'nyy zakon RF ot 30.11.2010 № 327-FZ (v red. 23.06.2014) [On the transfer of religious property belonging to state or municipal property to religious organisations: Federal Law No. 327-FZ of November 30, 2010 (as amended on June 23, 2014)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 49. Art. 6423.
8. So, A.A. (2010) *Konstitutsionno-pravovye osnovy svobody veroisповедaniya i deyatel'nosti religioznykh ob"edineniy v Rossii (na primere sub"ektov Rossiyskoy Federatsii Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga)* [Constitutional-legal bases of freedom of creed and activity of religious associations in Russia (on an example of subjects of the Russian Federation of Northwest Federal District)]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
9. Rossiyskaya gazeta. (1999) Zaklyuchenie Upolnomochennogo po pravam cheloveka v RF "O proverke sootvetstviya Federal'nogo zakona "O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh" mezhdunarodno-pravovym obyazatel'stvam Rossiyskoy Federatsii" [Conclusion of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation "Concerning the Conformity of the Federal Law "On Freedom of Conscience and on Religious Associations" to the International Legal Obligations of the Russian Federation"]. *Rossiyskaya gazeta*. 77. 22 April.
10. Pchelintsev, A.V. (2009) *Kakoy dolzhna byt' gosudarstvennaya religiovedcheskaya ekspertiza* [What the state religious expert examination should consist in]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 3.
11. Bur'yanov, S.A. & Mozgovoy, S.A. (2004) *Problemy realizatsii svobody sovesti i tendentsii v otnosheniyakh gosudarstva s religioznymi ob"edineniyami v Rossii* [Problems of realization of freedom of conscience and tendencies in relations of the state with religious associations in Russia]. Moscow: In-t svobody sovesti.
12. Tarasevich, I.A. (2007) *Konstitutsionno-pravovoe polozhenie religioznykh organizatsiy v Rossiyskoy Federatsii* [The Constitutional and Legal Status of Religious Organizations in the Russian Federation]. Tyumen: Tyumen State University.
13. Tarasevich, I.A. (2006) *Konstitutsionno-pravovoy status Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v Rossiyskoy Federatsii* [The constitutional and legal status of the Russian Orthodox Church in the Russian Federation]. Abstract of Law Cand. Diss. Tyumen.

14. Gubin, M.Yu. (2009) *Nezakonnnye i traditsionnye religioznye ob"edineniya po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [Illegal and traditional religious associations under the legislation of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 6.
15. Vitruk, N.V. (2008) *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [General theory of the legal position of the individual]. Moscow: NORMA.
16. Barker, C.R. (2000) Church and State Relationships in German "Public Benefit" Law. *The International Journal of Not-for-Profit Law*. December. 3:2.
17. Robbers G. (2001) Religious Freedom in Germany. *BYU Law Review*. 2.
18. Shibanova, M.A. (2009) *Konstitutsionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na svobodu sovesti i veroispovedaniya v sovremennoy Rossii* [The constitutional right of man and citizen on the freedom of conscience and religion in modern Russia]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
19. Nersesyants, V.S. (2004) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and state]. Moscow: Norma.
20. Russian Federation. (1996) O poryadke peredachi religioznykh organizatsiy nakhodyashchegosya v federal'noy sobstvennosti imushchestva religioznogo naznacheniya, otnesennogo k muzeynym predmetam i muzeynym kollektsiyam, vkluchennym v sostav gosudarstvennoy chasti Muzeynogo fonda Rossiyskoy Federatsii, libo dokumentam Arkhivnogo fonda Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 30.06.2001 № 490 [On the procedure for the transfer to religious organisations of federal property for religious purposes, referred to museum objects and museum collections included in the state part of the Museum Fund of the Russian Federation, or documents of the Archival Fund of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation No. 490 of June 30, 2001]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 28. Art. 2889.
21. Russian Federation. (1996) Ob utverzhdenii perechnya predmetov religioznogo naznacheniya i religioznoy literatury, proizvodimyykh i realizuemyykh religioznymi organizatsiyami (ob"edineniyami), organizatsiyami, nakhodyashchimisya v sobstvennosti religioznykh organizatsiy (ob"edineniy), i khozyaystvennymi obshchestvami, ustavnoy (skladochnyy) kapital kotorykh sostoit polnost'yu iz vkladov religioznykh organizatsiy (ob"edineniy), v ramkakh religioznoy deyatel'nosti, realizatsiya (peredacha dlya sobstvennykh nuzhd) kotorykh osvobodzhaetsya ot oblozheniya nalogom na dobavlenuyu stoimost': Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 31.03.2001 № 251 [On approval of the list of religious items and religious literature produced and sold by religious organisations (associations), organisations owned by religious organisations (associations), and economic companies whose authorized (share) capital consists entirely of the contribution of religious organisations (associations)), within the framework of religious activity, the implementation (transfer for own needs) of which is exempt from the taxation of value added tax: Resolution of the Government of the Russian Federation No. 251 of March 31, 2001]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 15. Art. 1495.
22. Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti. (2009) Ob utverzhdenii Poryadka registratsii, otkrytiya i zakrytiya v Rossiyskoy Federatsii predstavitel'stv inostrannykh religioznykh organizatsiy: Prikaz Ministerstva yustitsii Rossiyskoy Federatsii ot 03.03.2009 № 62 [On the approval of the procedure for the registration, opening and closing in the Russian Federation of representations of foreign religious organisations: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 62 of March 03, 2009]. *Byulleten' normativnykh aktov federal'nykh organov ispolnitel'noy vlasti*. 13.
23. Zor'kin, V.D. & Lazarev, L.V. (eds) *Kommentariy k Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow: Eksmo.
24. Dmitriev, Yu.A. (2007) Osnovy konstitutsionnogo stroya [Fundamentals of the constitutional system]. In: Dmitriev, Yu.A. (ed.) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: nauchno-prakticheskiy kommentariy (postateyny)* [The Constitution of the Russian Federation: a scientific and practical commentary (article by article)]. Moscow: Yustitsinform.
25. Baglay, M.V. (2003) *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [The Constitutional Law of Russia]. Moscow: Yurist'.
26. Pchelintsev, A.V. (2011) Zakonodatel'naya praktika i problemy razgranicheniya predmetov vedeniya Rossiyskoy Federatsii i ee sub"ektov v sfere svobody sovesti i veroispovedaniya [Legislative practice and problems of delimitation of the subjects of jurisdiction of the Russian Federation and its subjects in the sphere of freedom of conscience and religion]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1.
27. Republic of Adygea. (1999) O svobode sovesti i svobode veroispovedaniya v Respublike Adygeya: Zakon Respubliki Adygeya ot 12.01.1999 № 107 [On Freedom of Conscience and Religious Freedom in the Republic of Adygea: Law of the Republic of Adygea No. 107 of January 12, 1999]. *Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Adygeya*. 1.
28. Respublika Tatarstan. (1999) O svobode sovesti i o religioznykh ob"edineniyakh: Zakon Respubliki Tatarstan ot 14.07.1999 № 2279 [On Freedom of Conscience and on Religious Associations: Law of the Republic of Tatarstan No. 2279 of July 14, 1999]. *Respublika Tatarstan*. 174.
29. Vologodskaya pravda. (2002) O zashchite prav grazhdan na svobodu sovesti i svobodu veroispovedaniya na territorii Vologodskoy oblasti: Zakon Vologodskoy oblasti ot 27.10.2001 № 634-OD [On the protection of the rights of citizens to freedom of conscience and freedom of religion in the territory of Vologda Oblast: Vologda Oblast Law No. 634-OD of October 27, 2001]. *Vologodskaya pravda*. 6. 15 January.
30. Tuvinskaya pravda. (1995) O svobode sovesti i o religioznykh organizatsiyakh: Zakon Respubliki Tyva ot 01.04.1995 № 253 [On Freedom of Conscience and on Religious Organizations: The Law of the Republic of Tuva No. 253 of April 01, 1995]. *Tuvinskaya pravda*. 23 May.
31. Buryatiya. (1998) O religioznoy deyatel'nosti na territorii Respubliki Buryatiya: Zakon Respubliki Buryatiya ot 23.12.1997 № 610-I [On religious activities in the territory of the Republic of Buryatia: Law of the Republic of Buryatia No. 610-I of December 23, 1997]. *Buryatiya*. 8. 16 January.
32. Dagestanskaya pravda. (1998) O svobode sovesti, svobode veroispovedaniya i religioznykh organizatsiyakh: Zakon Respubliki Dagestan ot 16.01.1998 № 5 [On Freedom of Conscience, Religious Freedom and Religious Organizations: Law of the Republic of Dagestan No. 5 of January 16, 1998]. *Dagestanskaya pravda*. 12. 21 January.
33. Tyumenskaya pravda. (2001) O deyatel'nosti religioznykh ob"edineniy v Tyumenskoy oblasti: Zakon Tyumenskoy oblasti ot 08.02.2001 № 263 [On the activities of religious associations in Tyumen Oblast: Law of Tyumen Oblast No. 263 of February 08, 2001]. *Tyumenskaya pravda*. 36. 15 February.
34. Dagestanskaya pravda. (1999) O zaprete vakhkhabskoy i inoy ekstremistskoy deyatel'nosti na territorii Respubliki Dagestan: Zakon Respubliki Dagestan ot 22.09.1999 № 15 [On the prohibition of Wahhabi and other extremist activities on the territory of the Republic of Dagestan: Law of the Republic of Dagestan No. 15 of September 22, 1999]. *Dagestanskaya pravda*. 198. 24 September.
35. Republic of Dagestan. (2001) O Kompleksnoy programme po protivodeystviyu religiozno-politicheskomu ekstremizmu v Respubliki Dagestan: Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Dagestan ot 30.01.2009 № 18 [On the Comprehensive Program to Counter Religious and Political Extremism in the Republic of Dagestan: Decree of the Government of the Republic of Dagestan No. 18 of January 30, 2009]. *Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Dagestan*. 2. pp. 59.
36. Kurskaya pravda. (2006) O predostavlenii l'got po uplate zemel'nogo nalogu religioznym ob"edineniyam: Zakon Kurskoy oblasti ot 14.08.2006 № 67-ZKO [About granting of privileges on payment of the ground tax to religious associations: The law of Kursk Oblast No. 67-ZKO of August 14, 2006]. *Kurskaya pravda*. 127. 29 August.
37. Izvestiya Mordovii. (2014) Postanovlenie Pravitel'stva Respubliki Mordoviya ot 26.05.2014 № 223 "O peredache religioznykh organizatsiy imushchestva religioznogo naznacheniya, nakhodyashchegosya v gosudarstvennoy sobstvennosti Respubliki Mordoviya" [Decree of the Government of the Republic of Mordovia No. 223 of May 26, 2014 "On the transfer of religious property belonging to the Republic of Mordovia to religious organisations"]. *Izvestiya Mordovii*. 77–79. 30 May.
38. Ofitsial'nye vedomosti Gosudarstvennoy Dumy Tomskey oblasti. (2008) O predostavlenii oblastnogo gosudarstvennogo imushchestva v bezvozmezhnoe pol'zovanie religioznoy organizatsii Obshchina Rimsko-katolicheskoy tserkvi v g. Tomske: Postanovlenie Gosudarstvennoy Dumy Tomskey oblasti ot 31.07.2008 № 1529 [On provision of regional state property for free use of a religious organisation. The community of the

Roman Catholic Church in Tomsk: Resolution of the State Duma of Tomsk Oblast No. 1529 of July 31, 2008]. *Ofitsial'nye vedomosti Gosudarstvennoy Dumy Tomskoy oblasti*. 18 (140)-II. 27 August.

39. Pravovaya sreda. (2010) O finansovoy podderzhke religioznykh organizatsiy v Nizhegorodskoy oblasti: Postanovlenie Pravitel'stva Nizhegorodskoy oblasti ot 09.06.2010 № 345 [On financial support of religious organisations in Nizhny Novgorod Oblast: Decree of the Government of Nizhny Novgorod Oblast No. 345 of June 09, 2010]. *Pravovaya sreda*. 24 June. 68 (1190).
40. Republic of Dagestan. (2007) O Komitete Pravitel'stva Respubliki Dagestan po delam religiy: Ukaz Prezidenta Respubliki Dagestan ot 06.07.2007 № 97 [On the Committee of the Government of the Republic of Dagestan on Religious Affairs: Decree of the President of the Republic of Dagestan No. 97 of July 06, 2007]. *Sobranie zakonodatel'stva Respubliki Dagestan*. 9. pp. 469.
41. Sverdlovsk Oblast. (1998) Ob utverzhdenii Polozheniya ob ekspertno-konsul'tativnom Sovete po voprosam svobody sovesti i veroispovedaniya pri Gubernatore Sverdlovskoy oblasti: Rasporyazhenie Gubernatora Sverdlovskoy oblasti ot 30.06.1998 № 69-r [On approval of the Regulation on the Expert Advisory Council on Freedom of Conscience and Religion under the Governor of Sverdlovsk Oblast: Order of the Governor of Sverdlovsk Oblast No. 69-r of June 30, 1998]. *Sobranie zakonodatel'stva Sverdlovskoy oblasti*. 6.

Received: 26 January 2018

О.К. Минева, Л.В. Каширская

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА АУТСОРСИНГА И АУТСТАФФИНГА ПЕРСОНАЛА

Уточняется сущность и правовая природа аутсорсинга и аутстаффинга персонала. В России на законодательном уровне с 2016 г. запрещен заемный труд, что не позволяет недобросовестным работодателям, преследующим цель снижения налогооблагаемой базы, нарушать конституционные права россиян. Авторами доказано, что аутсорсинг не может рассматриваться как заемный труд, а аутстаффинг персонала, напротив, свидетельствует, что его применение на территории России запрещено.

Ключевые слова: Трудовой кодекс; правовое сопровождение; аутсорсинг; аутстаффинг; трудовое право; договор; трудовые отношения; Гражданский кодекс.

Современные управленческие технологии направлены на преодоление одного из вызовов XX–XXI в. ограниченности времени. Время выступает тем специфическим ресурсом, который не может быть эконоmlен или передан другим, – время должно преумножать конкурентные преимущества компании. Вместе с тем современная компания является наследником традиционной структуры управления, которая предполагала замкнутость деятельности. При этом часть функций, которые компания выполняет (бухгалтерия, ИТ, охрана и т.д.) являются для нее непрофильными. Это существенно замедляет все управленческие решения, отвлекает компанию от совершенствования профильных функций, тем самым снижает ее конкурентоспособность. По данным независимых источников, при передаче непрофильных функций снижение издержек бизнеса составляет в среднем 30% от затрат на их ведение [1–3].

Выгода для бизнеса очевидна, но вместе с тем возникает целый ряд проблем, вызванных отсутствием в нормативной базе понятий и процедур регулирования данного вида услуг – аутсорсинга и аутстаффинга персонала. Аутсорсинг подразумевает передачу непрофильных функций компании сторонней специализированной фирме. Юридически трудовые отношения у работника возникают с компанией-аутсорсером (сегодня можно работать на одну компанию заказчика, завтра – на другую). Аутстаффинг предполагает вывод части персонала компании из штата в компанию аутстаффера. Юридически трудовые отношения у работника возникают с компанией-аутстаффером, а не с компанией-заказчиком (работник всегда будет работать только на компанию-заказчика). Можно сказать, что основная разница между двумя видами услуг заключается в том, что аутсорсинг – это передача подрядчику определенных функций компании (предмет договора – реализация услуг уставной деятельности), а аутстаффинг – сотрудников подрядчика (предмет договора – предоставление персонала).

Вместе с тем оба эти вида услуг можно рассматривать как пользование заемным трудом. *Я.В. Кривой считает, что заемный труд* «представляет собой экономическое и правовое явление, соответствующее идеям рыночной экономики и концепции правового государства, предоставляющее работникам (гражданам) одну из новых специфических гибких форм за-

нятости, которую они могут использовать, свободно распоряжаясь своими способностями к труду и выбирая род деятельности в соответствии с пунктом 1 статьи 37 Конституции Российской Федерации» [4]. Однако до 2016 г. в России официально заемного труда не существовало, а соответственно, он не регулировался никакими нормативно-правовыми актами. Впервые о проблемах регулирования заемного труда стало известно в конце 1990-х гг., когда судебные инстанции были вынуждены рассматривать дела по идентификации заключенных с работниками договоров.

В мае 2014 г. был принят Закон № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно ст. 56.1. ФЗ № 116-ФЗ от 05.05. 2014 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» записано, что «заемный труд запрещен», вместе с тем, впервые в российской юридической нормативно-правовой практике введена дефиниция «заемный труд». Под «заемным трудом следует понимать труд, который осуществляет сотрудник по согласованию с официальным работодателем, но при этом под управлением лица, не являющегося работодателем этого работника официально». Однако, понимая, что фактически данный вид трудовой занятости широко используется в России, законодатель ввел в Трудовой кодекс гл. 53.1. «Особенности регулирования труда работников, направленных временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала)». Статья 341.1 гл. 53.1 регулирует круг юридических лиц, которые вправе осуществлять деятельность по предоставлению труда персонала. Ими могут выступать исключительно аккредитованные государством частные агентства занятости, соответствующие следующим параметрам: уставной капитал компании – не менее 1 млн руб., не должны быть задолженности по налогам, сборам, иным обязательным платежам, руководитель должен иметь высшее образование, трудовой стаж в сфере трудоустройства или содействия занятости населения как минимум два года в течение последних трех лет, не должны иметь судимости за экономические преступления или преступления против личности, и, что особенно важно, юридическое лицо должно работать на общей системе налогообложения. Последнее особенно актуально для упорядочения использования

заемного труда, когда выгодно «арендовать» персонал у компании аутстаффера (как правило, работающего по упрощенной системе налогообложения) с целью снижения налогооблагаемой базы на прибыль компании и существенного уменьшения отчислений с фонда оплаты труда (6% вместо 30%). Законодательство напрямую запрещает нанимать персонал для работы с вредными или опасными условиями труда, для лицензионных должностей, в качестве членов экипажей морских судов, для замены участвующих в забастовке работников, в случае простоя, банкротства, введения неполного рабочего дня принимающей стороной.

В юридической науке существует целый ряд работ, посвященных как общим вопросам оказания

услуг, так и отдельным их видам. Диссертационные исследования Баразговой Э.Г., Васильевой Е.Е., Козл И.И., Мирошника А.В., Мородумова Р.Н., Прищепы С.Ю., Салчак А.А., Санниковой Л.В., Шабловой Е.Г. и других авторов раскрывают особенности поведения участников гражданского оборота. Ряд исследователей, таких как Ещенко И.А., Кисурина Л.Г., Санникова Л.В., Харитонов Ю.А. и другие затрагивают вопросы правовой природы договора аутсорсинга и аутстаффинга и правовых отношений, вытекающих из них.

В табл. 1 представлены некоторые дефиниции «аутсорсинг», данные современными российскими и зарубежными учеными.

Таблица 1

Дефиниция «аутсорсинг» в работах современных ученых*

Авторы	Дефиниция
Аникин Б.А., Рудая Л.М. [5]	Аутсорсинг есть технология бизнеса, состоящая в выведении за пределы компании отдельных функций или видов производственной деятельности, выполняемых ранее самостоятельно
Абрамов Э. [6]	Аутсорсинг – сосредоточение всех ресурсов на том виде деятельности, который является основным для организации и передачи остальных или поддерживающих функций профессионалу. Аутсорсинг – передача на договорной основе непрофильных или сопутствующих функций профессионалу
Хейвуд Дж.Б. [7]	Аутсорсинг – это перевод внутреннего подразделения или подразделений организации и всех связанных с ним активов в организацию поставщика, предлагающего оказать некую услугу в течение определенного времени по оговоренной цене
Бравар Ж.-Л., Морган Р. [8]	Аутсорсинг – это обусловленное договором использование материальных средств, имущества, знаний третьего лица с гарантированным уровнем качества для предоставления услуг, ранее оказываемых внутренними силами компании, с возможным переходом существующего персонала к поставщику услуги и / или трансформация / обновление процессов и технологий, поддерживающих бизнес

* Составлено авторами.

Как можно убедиться, при аутсорсинге ранее не уделялось внимание проблемам регулирования правоотношений с персоналом, которые фактически выполняют работу для компании заказчика.

Популярность аутсорсинга напрямую зависит от размера компании. Наиболее охотно привлекают внешние ресурсы в компании с численностью менее 50 человек.

В действующем законодательстве (например, в Налоговом кодексе РФ) имеются упоминания о договорах по предоставлению персонала [9]: «договор на предоставление рабочей силы», «услуги по предоставлению работников (технического и управленческого персонала)» сторонним организациям для участия в производственном процессе. Также имеется упоминание подобных договоров в судебной практике, например в информационном письме в Высший Арбитражный Суд РФ от 29.09.1999 г. № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг», Постановление Московского округа от 27.02.2010 г. по делу № КА-А40/617-01 и др.

На федеральном уровне существует несколько подзаконных актов, фиксирующих аутсорсинг как одну из возможностей деятельности организации, например: письмо ЦБ РФ от 24.05.2005 г. № 76-Т «Об организации управления операционным риском в кредитных организациях»; письмо ЦБ РФ от 13.05.2002 г. № 59-Т «О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору»; Положение об использовании аутсорсинга филиалами ОАО «РЖД»

(утв. ОАО «РЖД» 27.04.2006 г. № 530); распоряжение Комитета экономического развития, промышленной политики и торговли правительства Санкт-Петербурга от 31.08.2006 г. № 106-р «Об утверждении специальной программы «финансовый аутсорсинг» и др.

Одним из возможных вариантов заключения договора аутсорсинга является договор возмездного оказания услуг. Согласно п. 1 ст. 779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Договор аутсорсинга, по мнению И.А. Ещенко [10], представляет собой смешанный гражданско-правовой договор, как правило, включающий в себя элементы договоров подряда и возмездного оказания услуг. Вместе с тем ряд цивилистов, в частности В.С. Витко и Е.А. Цатурян, утверждают, что поскольку «договор аутсорсинга представляет собой самостоятельный тип договора и... содержит в себе элементы (существенные условия) только одного вида договора, то нет оснований квалифицировать его в качестве смешанного договора» [11]. На наш взгляд, следует согласиться с выводами упомянутых авторов.

Тогда сторонами договора аутсорсинга выступают хозяйствующие субъекты различной формы собственности и публично-правовые образования. При этом персонал, который передается аутсорсером организации-заказчику, участником договора не является. Между аутсорсером и компанией-заказчиком возникают гражданско-правовые отношения, а между аутсорсером и персоналом – трудовые. До недавнего

времени это приводило к возникновению спорных ситуаций (как правило, это вопросы материальной и дисциплинарной ответственности). Компания-заказчик не имеет возможности применять подобные процедуры к «арендованному» персоналу, так как их правовые отношения не соответствуют ст. 16 Трудового кодекса РФ, устанавливающей, что трудовые отношения между работником и работодателем возникают только при условии наличия трудового договора. Вместе с тем возможны ситуации, когда, учитывая нормы ст. 67 Трудового кодекса РФ, отношения между «арендованным» персоналом и компанией-заказчиком при определенных условиях следует квалифицировать как трудовые.

По своей юридической сути аутсорсинг представляет покупку услуг у сторонних организаций без оформления трудовых отношений с исполнителями. При этом до 2016 г., компания-заказчик не несла никакой ответственности за персонал: она не предоставляла гарантий, предусмотренных Трудовым кодексом РФ. Раз в месяц компания выплачивала аутсорсеру вознаграждение согласно договору на обслуживание. Следовательно, правоотношения по аутсорсингу регулировались Гражданским кодексом РФ.

Возможность заключения договора аутсорсинга базируется на п. 2, 3 ст. 421 Гражданского кодекса РФ. Учитывая, что одним из основополагающих принципов гражданского права служит свобода договора, т.е. право заключать договоры, не предусмотренные Гражданским кодексом, отсутствие поименования договора аутсорсинга не является препятствием для его использования. Отсутствие же специального правового регулирования этого института означает, что договор об аутсорсинге должен быть детально проработан сторонами с точки зрения налоговых, административных и гражданско-правовых последствий. В противном случае компания может столкнуться с рядом неприятных последствий.

Поскольку аутсорсинг в юридическом смысле есть услуга по определенной деятельности в пользу организации-заказчика, для оформления отношений по аутсорсингу используется конструкция гражданско-правового договора возмездного оказания услуг (гл. 39 Гражданского кодекса РФ).

По договору возмездного оказания услуг исполнитель (ранее – компания-аутсорсер, теперь частное агентство занятости) обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги (п. 1 ст. 779 ГК РФ).

Правила гл. 39 ГК РФ применяются к договорам оказания аудиторских, консультационных, информационных услуг, услуг по подбору кадров и иных, за исключением услуг, оказываемых по договорам: подряда; выполнения научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ; перевозки; транспортной экспедиции; банковского вклада; банковского счета; расчетов; хранения; поручения; комиссии; доверительного управления имуществом.

Если иное не предусмотрено договором возмездного оказания услуг, то исполнитель, в соответствии

со ст. 780 ГК РФ, обязан оказать услуги лично. Оплата выполненных услуг производится в соответствии со ст. 781 ГК РФ: п. 1. «Заказчик обязан оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг». П. 2. «В случае невозможности исполнения, возникшей по вине заказчика, услуги подлежат оплате в полном объеме, если иное не предусмотрено законом или договором возмездного оказания услуг». П. 3. «В случае, когда невозможность исполнения возникла по обстоятельствам, за которые ни одна из сторон не отвечает, заказчик возмещает исполнителю фактически понесенные им расходы, если иное не предусмотрено законом или договором возмездного оказания услуг».

Заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг, но при этом он обязан оплатить исполнителю фактически осуществленные им расходы.

Исполнитель также может отказаться от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг, но лишь при условии полного возмещения убытков заказчику.

В договоре возмездного оказания услуг отсутствует материальный результат, а значит, оплачивается услуга как таковая.

Согласно ст. 780 ГК РФ отсутствует возможность передачи права и обязанности по договору возмездного оказания услуг третьему лицу – другому исполнителю, если иное не предусмотрено договором.

Необходимо отметить [12], что схожесть правового регулирования договора возмездного оказания услуг и договора подряда дает возможность регулирования правоотношений, связанных с договором возмездного оказания услуг, нормами договора подряда, что отражено в ст. 783 ГК РФ: «Общие положения о подряде (ст. 702–729 ГК РФ) и положения о бытовом подряде (ст. 730–739 ГК РФ) применяются к договору возмездного оказания услуг, если это не противоречит ст. 779–782 ГК РФ, а также особенностям предмета договора возмездного оказания услуг». Отметим, что, передавая какую-то функцию организации на аутсорсинг, в некоторых случаях могут быть заключены договоры о техническом или абонентском обслуживании заказчика.

Как правило, при оказании аутсорсинга работники состоят в трудовых отношениях с аутсорсером (в современной терминологии – частным агентством занятости), имеют с ним трудовые договоры, заключаемые согласно действующему законодательству. Они не включаются в отношения между заказчиком и исполнителем, поскольку исполняют свою трудовую функцию, определенную в трудовом договоре исходя из целей деятельности аутсорсера. Работник получает заработную плату у аутсорсера и подчиняется приказам и распоряжениям своего работодателя, хоть и выполняет указания должностных лиц компании для качественного и своевременного предоставления услуги.

В целях снижения налоговых рисков при заключении любого вида договоров на оказание аутсорсинга, как уже сказано, рекомендуется использовать в тексте

договора и подтверждающих его исполнение документов (актах) дословную терминологию Налогового кодекса РФ. Кроме того, процесс оказания аутсорсинга должен быть документирован, причем учетная документация должна содержать все существенные реквизиты, поскольку осуществленные расходы, указанные организацией в первичных документах, не соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации, не могут быть признаны документально подтвержденными, и, следовательно, не могут быть учтены для целей налогообложения прибыли. Особое внимание следует обратить на дату предъявления документов, служащих основанием для расчета за оказанные услуги аутсорсинга. Расхождения в дате составления (дате предъявления) акта об оказании аутсорсинга и периоде оказания таких услуг в большинстве случаев связаны с тем, что исполнитель нарушает требования п. 4 ст. 9 Федерального закона от 06.12. 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». В соответствии с этим пунктом первичный учетный документ должен быть составлен в момент совершения операции, а если это не представляется возможным – непосредственно после ее окончания.

Отметим, что при оказании аутсорсинга в договоре следует отметить момент об имуществе, которое исполнитель будет применять в своей деятельности. Возможно несколько вариантов: либо аутсорсер оказывает услуги с использованием имущества заказчика, либо имущество заказчика передается в пользование аутсорсеру (например, по договору аренды либо безвозмездного пользования).

Практикующие юристы сходятся во мнении, что существенное значение имеет стратегическое обоснование цели заключения договора аутсорсинга. Такой целью может быть возможность сосредоточения на основных видах деятельности; повышение качества выполнения работ, услуг, обслуживания; снижение затрат; получение доступа к ведущим технологиям, предоставляемым специализированными компаниями и др.

Об этом свидетельствует арбитражная практика, сложившаяся в России.

В постановлениях ФАС Западно-Сибирского округа от 11 июля 2006 г. № Ф04-3725 (23668-А46-26) по делу № 25-918/04, ФАС Западно-Сибирского округа от 20 марта 2006 г. № Ф04-1521/2006 (207640А46-15) по делу № 25-1760/04 указано, что услуги, оказанные по договору аутсорсинга, должны быть документально подтверждены и экономически обоснованы и реально приводить к увеличению прибыли компании.

Отсутствие подобного обоснования может быть положено в основу фактического признания работника сотрудником компании-заказчика.

Разновидностью мошенничества может выступать заключение прямых договоров на возмездное оказание услуг с работниками частного агентства занятости. В данном случае, как правило, судебные органы признают подобные договора трудовыми. Возникает вопрос: почему компании идут на это нарушение? Ответ прост: трудовой договор более «дорого» обходится любой компании.

В табл. 2 представлены принципиальные различия между гражданско-правовым и трудовым договором.

Таблица 2

Сравнение основных позиций трудового и гражданско-правового договора*

Гражданско-правовой договор	Трудовой договор
1. Нормативный акт, регулирующий правоотношения	
Гражданский кодекс РФ	Трудовой кодекс РФ
2. Стороны договора	
Исполнитель / заказчик	Работник / работодатель
3. Отношения между сторонами	
Равенство сторон	Отношения подчинения работника работодателю (в рамках действующего законодательства)
4. Порядок оформления отношений	
Заключение гражданско-правового договора в письменной форме	Многоступенчатая процедура, включающая следующие этапы: предъявление организации необходимых для установления трудовых отношений документов; медицинское освидетельствование (при необходимости); заключение трудового договора в письменной форме в двух экземплярах для каждой из сторон
5. Функция	
Конкретно определенный результат работы или услуги. Исполнитель не подчиняется правилам внутреннего трудового распорядка, ведет свою деятельность полностью самостоятельно, в определяемое им время и по собственным правилам (если иное не указано в договоре)	Определенная трудовая функция, которую работник выполняет лично, подчиняясь при этом правилам внутреннего трудового распорядка
6. Процедура оплаты	
Выплата вознаграждения определяется соглашением сторон	Заработная плата работнику выплачивается не реже двух раз в месяц. Своевременно и не ниже установленного законом минимального размера оплаты труда
7. Сроки договоров	
Заключается на определенный срок или до момента достижения определенного результата	Может быть как срочным, так и бессрочным
8. Формулировка предмета договора	
Четко описывается результат деятельности	Описание трудовой функции: работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессией, специальностью с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы

Гражданско-правовой договор	Трудовой договор
9. Допуск к работе	
Заключенный договор является необходимым условием начала деятельности	Помимо заключенного договора требуется издание приказа о приеме на работу
10. Форма выплаты вознаграждений	
Форма выплаты вознаграждения может быть любая (оговаривается сторонами в договоре)	Доля зарплаты, выплачиваемой в неденежной форме, не может превышать 20% (ст. 131 ТК РФ)
11. Социальные гарантии по договору	
Исполнителю предоставляются только те гарантии, которые указаны в договоре	Работнику предоставляются все гарантии, предусмотренные Трудовым кодексом РФ
12. Подтверждение результатов работы	
Передача в собственность заказчика результатов деятельности по договору, как правило, по акту приема-передачи	Заполненные табеля учета рабочего времени (при повременной форме оплаты труда); передача результатов деятельности работодателю (при сдельной форме оплаты труда)
13. Ответственность гражданина (сотрудника, подрядчика)	
Подрядчик несет перед заказчиком ответственность, предусмотренную гл. 25 Гражданского кодекса РФ. Подрядчик обязан возместить заказчику убытки (реальный ущерб и упущенную выгоду), причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением своих обязательств. Заказчик не может привлекать подрядчика к дисциплинарной ответственности	Сотрудник несет перед организацией материальную ответственность за прямой действительный ущерб (т.е. без упущенной выгоды) в пределах своего месячного заработка. Компания вправе привлечь сотрудника к дисциплинарной ответственности
14. Ответственность организации (работодателя, заказчика)	
Заказчик несет перед подрядчиком ответственность, предусмотренную гл. 25 Гражданского кодекса РФ. Заказчик обязан возместить подрядчику убытки (реальный ущерб и упущенную выгоду), причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением своих обязательств	Неполученный заработок во всех случаях незаконного лишения возможности трудиться; ущерб (без упущенной выгоды), причиненный его имуществу; проценты за задержку выплаты зарплаты; причиненный моральный вред
15. Расторжение договора	
По общему правилу, если работы выполнены и приняты, то обязательства подрядчика перед заказчиком по данному договору прекращаются. В целях завершения договорных отношений необходимо составление и подписание акта приема-сдачи работ	Компания вправе расторгнуть трудовой договор в строго определенных случаях, установленных законодательством при наличии особых оснований. Сотрудник вправе расторгнуть трудовой договор в любой момент (предупредив организацию за две недели)
16. Уплата налогов по договору за физическое лицо	
Если исполнителем является физическое лицо, за него уплачиваются взносы в Пенсионный фонд и в Фонд обязательного медицинского страхования	Уплата обязательных страховых взносов: в Фонд социального страхования РФ, в Пенсионный фонд РФ и в Фонд обязательного медицинского страхования в соответствии с Федеральным законом от 24.07.2009 № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный и территориальный фонды обязательного медицинского страхования»
17. Положительные моменты для нанимателя	
1. Не начисляются страховые взносы в части взносов в ФСС РФ, если иное не предусмотрено договором. 2. Часть выплат можно провести как сумму компенсации заказчиком издержек исполнителя, которая не является вознаграждением за труд и, соответственно, страховыми взносами не облагается. При этом исполнитель должен документально подтвердить свои расходы. 3. Отсутствие необходимости соблюдать гарантии по трудовому законодательству	1. Работник обязан подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка. 2. Имеется возможность наложить дисциплинарное взыскание, уволить без каких-либо штрафных санкций
18. Отрицательные моменты для нанимателя	
1. Возможность признания в судебном порядке договора трудовым, если будет установлено, что данным договором фактически регулировались трудовые отношения со всеми вытекающими негативными последствиями для нанимателя. 2. Возможность переквалификации договора налоговыми органами для уплаты страховых взносов и взыскание недоначисленных сумм (в судебном порядке)	1. Своевременная выплата заработной платы не ниже МРОТ. 2. Необходимость включения данного сотрудника в штат, при этом данная должность должна быть предусмотрена штатным расписанием, иначе требуется внесение соответствующих изменений. 3. Необходимость предоставления гарантий по трудовому законодательству. 4. Ведение кадровой документации и отчетности перед ФСС РФ, ПФР РФ, ФОМС РФ, Госкомстатом. 5. Уплата взносов

* Составлено авторами.

Таким образом, можно заключить, что аутсорсинг не предполагает наступления правоотношений между работниками и компанией-заказчиком.

Вместе с тем при более глубоком изучении гл. 53.1 Трудового кодекса можно сделать вывод, что аутсорсинг не может рассматриваться как заемный труд, применение которого запрещено на территории России. При аутсорсинге не наступает одновременного наличия трех базовых признаков заемного труда, а именно наличия труда работника в интересах, под управлением и контролем работодателя. При аутсорсинге труд работника не осуществляется под контро-

лем работодателя. Данная глава четко описывает гарантии работника, исполняющего услуги у компании-нанимателя, так как при направлении работника для выполнения этих услуг с ним заключается дополнительное соглашение к трудовому договору, в котором фиксируются право принимающей стороны требовать от направленного работника исполнения им трудовых обязанностей, бережного отношения к имуществу принимающей стороны (в том числе к имуществу третьих лиц, находящемуся у принимающей стороны, если принимающая сторона несет ответственность за сохранность этого имущества) и к имуществу работ-

ников принимающей стороны, соблюдения правил внутреннего трудового распорядка принимающей стороны; об обязанности принимающей стороны обеспечивать направленного работника оборудованием, инструментами, технической документацией и иными средствами, необходимыми для исполнения им трудовых обязанностей; об обязанности принимающей стороны обеспечивать бытовые нужды направленного работника, связанные с исполнением им трудовых обязанностей. У частного агентства занятости возникает обязанность контроля за соответствием фактического использования принимающей стороной труда направленных работников трудовым функциям, определенным трудовыми договорами этих работников, а также за соблюдением принимающей стороной норм трудового права.

Важной новацией, защищающей права работников на профессиональное развитие, стало введение в ст. 341.2 ТК

РФ требования, согласно которому «частное агентство занятости обязано вносить сведения о работе по договору о предоставлении труда работников (персонала) у принимающей стороны в трудовую книжку работника», а это выступает гарантией подтверждения профессионального (не путать с трудовым) стажа работы.

Рассмотрим подробнее процесс аутстаффинга персонала. Зачастую аутстаффинг персонала в простонародье называют лизингом персонала. Аутстаффинг персонала, так же как и аутсорсинг, позволяет компании сфокусироваться на основном виде деятельности, сокращении затрат на обслуживание вспомогательных служб, повышении имиджа компании за счет сокращения судебных разбирательств с работниками непрофильных служб.

В табл. 3 представлены некоторые дефиниции «аутстаффинг», данные современными российскими учеными.

Таблица 3

Дефиниция «аутстаффинг» в работах современных ученых (составлено авторами)*

Автор	Дефиниция
Аникин Б.А., Рудая Л.М. [5]	Аутстаффинг – это услуга, которую оказывают специализированные агентства (staffing agency), предоставляющие организации-заказчику квалифицированный персонал на условиях, определяемых контрактом (соглашением об аутстаффинге)
Тимошук Ю.А., Семенов А.А. [13]	Аутстаффинг – это процедура фактического вывода персонала за штат компании. При этом между работодателем и работником появляется третья сторона (агентство), которая выполняет функцию внештатного отдела кадров. Все вопросы, традиционно подведомственные этому подразделению компании, переходят в данном случае под ответственность агентства
Сергеичева И.А. [14]	Аутстаффинг – это привлечение компанией внешних специалистов, имеющих соответствующие знания, опыт и компетенции на время выполнения определенного проекта

* Составлено авторами.

Проведенные исследования показали, что компании, использующие аутстаффинг, могут снизить свои расходы на персонал на 25–30% [5]. Аутстаффинг может быть реализован в двух вариантах: за счет выведения за штат собственных сотрудников или привлечения из штата компании аутстаффера. Первый вариант наиболее распространен в России. Следует понимать, что в данном случае работодатель искусственно подменяет постоянную занятость персонала временной, фактически используя заемный труд, применение которого в Российской Федерации запрещено. В пользу этого вывода можно привести следующий аргумент: при рассмотрении правоотношений при аутстаффинге следует заметить, что договор аутстаффинга, в отличие от договора аутсорсинга, не может регулироваться договором подряда, так как человека нельзя арендовать.

Таким образом, при изучении современной нормативно-правовой базы (в частности, главы 53.1 Трудового кодекса) можно сделать вывод, что аутстаффинг, в том виде, в котором он реализовывался до введения ФЗ № 116-ФЗ, и вступает тем самым заемным трудом, применение которого запрещено на территории России.

Обобщая проведенное исследование, можно сделать вывод, что для совершенствования правоприменительной практики в сфере регулирования трудовых отношений в Российской Федерации много было сделано ФЗ № 116-ФЗ. Это подтверждается и последней статистикой, согласно которой 70–80% работодателей отказались от найма временного персонала на де-

факто постоянные работы [15]. Это отвечает и существующей мировой практике. В Америке, например, разрешено предоставление персонала не более чем на 15 дней. В Бельгии, если труд заемного работника используется более 6 месяцев, такой сотрудник становится постоянным [5]. Гарантией отсутствия «завуалированности» трудовых отношений персонала частных агентств занятости, выполняющих работы в иных компаниях, сегодня в России выступает временный характер занятости на срок не более 9 месяцев, в противном случае работника следует зачислить в штат (ст. 341.1 ТК РФ).

Еще одной несомненной правовой новацией вступает ст. 341.5 ТК РФ о субсидиарной ответственности по обязательствам работодателя, согласно которой обязательства по выплате заработной платы и иных сумм, причитающихся работнику, по уплате денежной компенсации за нарушение работодателем установленного срока, соответственно, выплаты заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и (или) других выплат, причитающихся работнику, субсидиарную ответственность несет принимающая сторона.

На сегодняшний день (после выхода ФЗ № 116-ФЗ) еще не сформирована судебная база привлечения компаний-нарушителей к административной ответственности. Так, компанию не привлекут к ответственности за нарушение трудового законодательства (ст. 5.27 КоАП РФ), если не будет доказана ее вина или административный орган неверно квалифицирует нарушение. Это значит, что выиграть спор помогут не

только доказательства, но и ссылка на нарушение порядка привлечения к ответственности. Компания также вправе ссылаться на недоказанность нарушения. Так, суд не согласился с выводом о виновности лица (решение Костомукшского городского суда Республики Карелия от 16.08.16 по делу № 12–124/2016). Суд посчитал, что она не доказана. Нет договоров, подтверждающих заемный труд, нарушение следовало квалифицировать по ч. 2 или 3 ст. 5.27 КоАП РФ (фактический допуск к работе без поручения работодателя). Также суд не принял довод о том, что в служебных заданиях и авансовых отчетах работников не соответствовали сроки, на которые работники откомандировывались в другую компанию. Он отменил решение налогового органа в части начисления страховых взносов на обязательное пенсионное и медицинское страхование, предоставленное работникам.

Спорный договор имел признаки аутстаффинга, но это не свидетельствует о его мнимом или притворном характере и незаконности в проверяемом периоде (Постановление Одиннадцатого ААС от 10.10.16 по делу № А49-14869/2015) [16].

Таким образом, возможность применения современных управленческих технологий, таких как аутсорсинг и аутстаффинг, современной нормативно-правовой базой четко обозначены. Для того чтобы не входить в противоречие с федеральным законодательством, компании, предоставляющие услуги сторонним компаниям, должны быть аккредитованными частными агентствами занятости, реестр которых представлен на сайте Федеральной службы по труду и занятости РФ, а компании-заказчики – проверять наличие лицензии и нести субсидиарную ответственность за привлекаемый к ним персонал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Global market size of outsourced services from 2000 to 2016 (in billion U.S. dollars). URL: <https://www.statista.com/statistics/189788/global-outsourcing-market-size/>
2. Butterworth G., Kuchler M., S.Westdijk Outsourcing in Europe An in-depth review of drivers, risks and trends in the European outsourcing market. 2013. EYGM Limited. All Rights Reserved. P. 32.
3. Байдалина О. Выгода аутсорсинга. URL: https://lco.ru/klientam/otzyvy_klientov/vygoda-autsorsinga/
4. Кривой Я.В. Правовое регулирование заемного труда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 4.
5. Аникин Б.А., Рудая Л.М. Аутсорсинг и аутстаффинг: высокие технологии менеджмента : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2009. С. 22.
6. Абрамов Э. Аутсорсинг // Аудит и налоги. 2007. № 3. С. 27–31
7. Хейвуд Дж. Б. Аутсорсинг в поисках конкурентного преимущества. М. : Вильямс, 2004. С. 76.
8. Бравар Ж.-Л., Морган Р. Эффективный аутсорсинг. Понимание, планирование и использование успешных аутсорсинговых отношений. М. : Баланс Бизнес Букс, 2007. С. 12.
9. Налоговый кодекс РФ // Собрание законодательства РФ. 07.08.2000. № 32. Ст. 3340.
10. Ещенко И.А. Договор аутсорсинга в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 3.
11. Петрыкина Н. Правовое регулирование договора аутсорсинга. URL: <http://www.klerk.ru/law/articles/42984/>
12. Коршунова Т.Ю. Осторожно – аутстаффинг // Кадровик.Ру. 2012. № 4. С 60–63.
13. Тимошук Ю.А., Семенов А.А. Аутстаффинг: проблемы применения и пути их преодоления // Менеджмент и менеджер. 2015. № 6. С. 9.
14. Сергеева И.А. Аутстаффинг персонала как путь снижения транзакционных издержек компании // Междисциплинарный диалог: современные тенденции в общественных, гуманитарных, естественных и технических науках. 2014. № 3. С. 144.
15. Закон о запрете заемного труда станет еще строже. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/07/27/650679-zaprete-zaemnogo-truda>
16. Запрет заемного труда: как уберечь компанию от штрафов. URL: <https://www.tspor.ru/article/2105-qqla-17-m2-08-02-2017-zapret-zaemnogo-truda-kak-uberech-kompaniyu-ot-shtrafov-za-persona>

Статья представлена научной редакцией «Право» 7 апреля 2018 г.

LEGAL SUPPORT OF PERSONNEL OUTSOURCING & OUTSTAFFING

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 188–195.

DOI: 10.17223/15617793/430/26

Oksana K. Mineva, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: okmineva@rambler.ru

Lyudmila V. Kashirskaya, Astrakhan State University (Astrakhan, Russian Federation). E-mail: kashirskaya76@mail.ru

Keywords: borrowed labour; outstaffing; labour legislation; contract; labour relations; legal support.

This paper provides a comparative analysis of the authors' approaches and the current legal regulation of personnel outsourcing and outstaffing. The paper also sets and tackles tasks to specify the essence and the legal nature of personnel outsourcing and outstaffing. The specified management techniques imply application of world expertise and "the best practices" of business administration, instead of developing one's own competencies in those activities that are not strategically important or crucial for a company. Both personnel outsourcing and personnel outstaffing imply attraction of resources, which belong to external organisations, to create a value. The main reason for applying external resources is that no company possesses a complete set of knowledge, skills and abilities to sustain its competitiveness in all the spheres of its primary and secondary activities. At that, the legal vacuum in the field of attracting external labour resources resulted in the fact that dishonest employers tried to reduce the taxation base and violated constitutional rights of their staff. Statistic data confirm that an outsourcing contract would frequently conceal personnel outstaffing. Absence of a clear and distinct legal support resulted in numerous litigations to determine the legal nature of contracts. Legal support in this field was provided by Federal Law 116-FZ of May 05, 2014 "Concerning Introduction of Changes into Particular Legal Acts of the Russian Federation". For the first time in the Russian legal practice, the definition of the notion "borrowed labour", which is prohibited in Russia, was introduced in Article 56.1. Besides, if one considers Chapter 53.1 of the Russian Labour Code more profoundly, one could conclude that outsourcing cannot be regarded as borrowed labour that is prohibited in Russia. This is due to the simultaneous absence of the three basic features of borrowed labour: an employee works to meet the demands of their employer, under their employer's supervision and control. In case of outsourcing, an employee works beyond their employer's control. In contrast, the essence of personnel outstaffing makes it possible to identify it as borrowed labour. This is proved in the current practice when an

employer intentionally presents their staff's permanent employment as temporary employment, thus actually using borrowed labour that is prohibited in the Russian Federation. Therefore, the current legal basis determines clearly whether or not one could apply personnel outsourcing and outstaffing. To avoid violation of the federal legislation, any company that provides services for another company must be accredited by a local employment agency. The official register of the employment agencies is presented on the website of the Federal Service for Labour and Employment (Rostrud), whereas customers ought to verify their contractors' licenses and bear subsidiary liability for the staff they attract.

REFERENCES

1. Statista.com. (2016) *Global market size of outsourced services from 2000 to 2016 (in billion U.S. dollars)*. [Online] Available from: <https://www.statista.com/statistics/189788/global-outsourcing-market-size/>.
2. Butterworth, G., Kuchler, M. & Westdijk, S. (2013) *Outsourcing in Europe An in-depth review of drivers, risks and trends in the European outsourcing market*. EYGM Limited.
3. Baydalina, O. (n.d.) *Vygoda autorsinga ochevidna* [Outsourcing has obvious benefits]. [Online] Available from: https://1cbo.ru/klientam/otzyvy_klientov/vygoda-autorsinga-ochevidna-eto-snizhenie-zatrat/.
4. Krivoy, Ya.V. (2006) *Pravovoe regulirovanie zaemnogo truda* [Legal regulation of outsourcing]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
5. Anikin, B.A. & Rudaya, L.M. (2009) *Autorsing i autstaffing: vysokie tekhnologii menedzhmenta* [Outsourcing and outstaffing: high technology management]. Moscow: INFRA-M.
6. Abramov, E. (2007) Autorsing [Outsourcing]. *Audit i nalogi*. 3. pp. 27–31
7. Heywood, J.B. (2004) *Autorsing v poiskakh konkurentnogo preimushchestva* [Outsourcing in search of competitive advantage]. Translated from English. Moscow: Vil'yams.
8. Bravar, J.-L. & Morgan, R. (2007) *Effektivnyy autorsing. Ponimanie, planirovanie i ispol'zovanie uspekhnykh autorsingovykh otnosheniy* [Effective outsourcing. Understanding, planning and using successful outsourcing relations]. Translated from English. Moscow: Balans Biznes Buks.
9. Russian Federation. (2000) Nalogovyy kodeks RF [Tax Code of the Russian Federation]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 32. Art. 3340.
10. Eshchenko, I.A. (2009) *Dogovor autorsinga v grazhdanskom prave* [The contract of outsourcing in civil law]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
11. Petyrkina, N. (2006) *Pravovoe regulirovanie dogovora autorsinga* [Legal regulation of the outsourcing contract]. [Online] Available from: <http://www.klerk.ru/law/articles/42984/>.
12. Korshunova, T.Yu. (2012) Ostorozhno – autstaffing [Caution: outstaffing]. *Kadrovik.Ru*. 4. pp. 60–63.
13. Timoshchuk, Yu.A. & Semenov, A.A. (2015) Autstaffing: problemy primeneniya i puti ikh preodoleniya [Outstaffing: application problems and ways to overcome them]. *Menedzhment i menedzher*. 6.
14. Sergeicheva, I.A. (2014) Autstaffing personala kak put' snizheniya transaktsionnykh izderzhek kompanii [Outstaffing as a way to reduce transaction costs of the company]. *Mezhdistsiplinarnyy dialog: sovremennye tendentsii v obshchestvennykh, gumanitarnykh, estestvennykh i tekhnicheskikh naukakh*. 3.
15. Vedomosti.ru. (2016) *Zakon o zaprete zaemnogo truda stanet eshche strozhe* [The law on the prohibition of loan work will become even stricter]. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2016/07/27/650679-zaprete-zaemnogo-truda>.
16. Tspor.ru. (2017) Zapret zaemnogo truda: kak uberech kompaniyu ot shtrafov. [Online] Available from: <https://www.tspor.ru/article/2105-qqla-17-m2-08-02-2017-zapret-zaemnogo-truda-kak-uberech-kompaniyu-ot-shtrafov-za-persona>.

Received: 07 April 2018

А.М. Никитин, С.Н. Лосева

ЖЕНЩИНЫ-ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (по материалам исследований М.Н. Гернета)

На основе анализа исследований выдающегося криминолога, ученого-пенитенциариста Михаила Николаевича Гернета (1874–1953) характеризуется положение женщин, лишенных свободы, в дореволюционной России. Основным источником для написания статьи послужил фундаментальный пятитомный труд М.Н. Гернета «История царской тюрьмы»; использовались также другие работы, касающиеся пенитенциарной тематики. Приводятся архивные документы, впервые введенные в научный оборот. Главное внимание уделено условиям отбывания наказания женщинами, осужденными за политические преступления.

Ключевые слова: лишение свободы; женщина; политический заключенный; тюремный режим; дискриминация.

Об уровне цивилизации народа можно судить, когда открываешь ворота его тюрем.

Ф.М. Достоевский

Одной из важнейших задач современной пенитенциарной системы России является проведение эффективной работы, направленной на улучшение условий отбывания наказания, смягчение режима содержания женщин в исправительных учреждениях, защиту их личных прав, свобод и законных интересов. Прогрессивные перемены в правовом статусе осужденных женщин в связи с дополнениями, внесенными в пенитенциарное законодательство Евросоюза, свидетельствуют о том, что тенденция гуманизации назначения и исполнения наказания в виде лишения свободы, присутствующая уголовно-правовой и уголовно-исполнительной системам нашей страны, в последние годы получила наиболее полное выражение именно в отношении осужденных женщин.

Вместе с тем очевидно, что действующие ныне нормы, регулирующие исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, нуждаются в совершенствовании. Как показывает практика, процесс гуманизации исполнения этого вида наказания в отношении женщин еще далеко не исчерпал себя, и имеются значительные возможности для его дальнейшего углубления и расширения [1. С. 21].

Факторы, влияющие на женскую преступность, определяются в первую очередь социальными и экономическими условиями жизнедеятельности женщин. В частности, женщины (особенно с несовершеннолетними детьми) менее конкурентоспособны на рынке труда, более беззащитны перед угрозой потери работы и одновременно более ответственны за семью, детей. С обострением социальных противоречий, с ухудшением материального положения напрямую связана корыстная преступность женщин. Разница в материальных условиях жизни оказывает негативное влияние на поведение женщин, особенно молодого возраста. Этим во многом объясняется тот факт, что в настоящее время в местах лишения свободы находится в основном наиболее активная в социальном отношении категория женщин.

В условиях лишения свободы психологические механизмы адаптации среди осужденных женщин по сравнению с осужденными мужчинами являются ме-

нее мобильными, что при освобождении может способствовать их повторной криминализации. Утрата и ослабление адаптивных способностей женщин значительно усложняют усвоение ими функционально-ролевых обязанностей и могут отрицательно сказаться на процессе возвращения в общество.

Вместе с тем важным фактором, позволяющим рассчитывать на положительный эффект исправительного воздействия, является то, что женщины, осужденные к лишению свободы, при отбывании наказания избирают преимущественно нейтральную линию поведения. Мотивация к правопослушному поведению и исправлению у них достаточно развита, и в процессе отбывания наказания они более склонны совершать положительные, чем отрицательные поступки [2. С. 87–88].

Для профилактики нарушения женщинами порядка и условий отбывания наказания нередко бывает достаточно применения мер убеждения, а в случае нарушения режимных требований эффективным нередко оказывается однократное применение дисциплинарного взыскания. Осужденным женщинам несвойственны межличностные конфликты на религиозной и национальной почве. В процессе отбывания наказания они обычно стремятся искупить вину за совершенное преступление посредством активного погашения исков.

В настоящее время в 69 исправительных колониях содержатся 49 237 женщин, что составляет почти 8% от общего количества осужденных к лишению свободы, причем более трети (38,1%) осужденных женщин отбывают наказание вдалеке от дома (в отличие от мужчин, колонии для которых есть в каждом регионе). Кроме того, при женских исправительных колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживают 577 детей. Таким образом на каждые 100 тыс. жителей России приходится примерно 40 женщин, лишенных свободы, что значительно больше, чем, например, в странах Евросоюза.

В этой связи изучение исторического опыта исполнения лишения свободы в отношении женщин не только дополнит наши представления о состоянии дореволюционной карательной политики, но и может

послужить отправной точкой для совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы современной России.

Пяти томный труд выдающегося отечественного ученого Михаила Николаевича Гернета «История царской тюрьмы» является непревзойденным по точности, доступности, скрупулезности изложения материала работой, лучше и масштабнее которой вряд ли будет что-то написано. Десятки, сотни исследователей неоднократно анализировали его детище, ссылались на собранные им архивные и документальные данные. Авторы, имеющие непосредственное отношение к уголовно-исполнительной системе, в своих научных изысканиях в течение ряда лет неоднократно обращались к этой книге [3. С. 149–152; 4. С. 97–108]. И каждый раз находишь какие-то новые сведения, важные выводы и не перестаешь удивляться непреходящей актуальности этого труда, несмотря на то, что его первому изданию в следующем году исполнится уже 70 лет.

И вот очередное такое прочтение натолкнуло нас на мысль написать статью о положении в дореволюционной России женщин-заключенных, о которых на страницах своего труда и других работ нередко упоминает М.Н. Гернет. Сам автор отмечал, что «несмотря на то, что десятки тысяч женщин поступали ежегодно в царские тюрьмы, законодательство совсем не знало “женского вопроса” в местах лишения свободы; уравнение в тюрьме мужчин и женщин создавало в действительности для женщин новые, добавочные тяготы. При этом тяжесть положения осужденной женщины в различных местах свободы увеличивалась еще и потому, что тюремная администрация, как правило, набиралась из мужчин» [5. С. 396–397]. Надеемся, что статья будет интересна не только специалистам-историкам, но и широкому кругу читателей.

Во все времена участь женщин, попавших в тюремное заключение, была достаточно тяжелой. Иногда на арестантов накладывались оковы, нередко они сковывались попарно, причем бывали случаи, что женщины сковывались с мужчинами [6. С. 93]. Вплоть до XVIII в. русская тюрьма не знала деления на мужскую и женскую, в связи с чем условия содержания женщин в тюрьме в действовавших тогда нормативных актах фактически не оговаривались. Лишь в Москве заключенные-женщины в большинстве своем содержались отдельно в Женской избе [7. С. 35]. Идея об обязательном раздельном содержании мужчин и женщин получила свое развитие в проекте Устава о тюрьмах, составленном Екатериной II в 1787 г. – «в уездных и губернских тюрьмах предусматривалось устройство “горниц” для мужчин и отдельно для женщин». Тем не менее раздельное содержание мужчин и женщин в местах заключения впервые нормативно было закреплено только Общей тюремной инструкцией 1831 г.

По финансовым соображениям отдельные женские тюрьмы строились крайне редко. На практике это порождало столкновения между заключенными обоих полов, а также невнимание администрации мест заключения к проблемам женщин.

Русское уголовное право при назначении наказания обычно не делало различий между мужчиной

и женщиной, а если и делало, то не в пользу последней. Заковывание женщин в кандалы и «плечные желез» были отменены лишь в 1822 г., а за убийство мужа или ребенка вплоть до 1740 г. действовало такое чисто «женское» наказание, как закапывание заживо в землю. За остальные преступления женщину, как правило, заточали в монастыри, которые в течение XV–XVIII столетий выполняли роль государственных тюрем. Они были расположены во многих регионах России, в том числе в Москве: во Владимирской губернии – Покровский и Ризоположенский, в Пермской губернии – Далматовский и Введенский, в Тверской губернии – Кашинский, а также Енисейский, Рождественский, Иркутский, Знаменский и др. В Москве женщин помещали в Ивановский, Новодевичий и Вознесенский монастыри. Женщинам-колодницам в монастырях было не легче, чем мужчинам. Их ждали такие же суровые условия жизни, скудная еда, тяжелая работа, жестокое «смирение» в случае непослушания железными батогами. Данные об особенностях их содержания в монастырях, наличии у них детей в литературе также отсутствуют. Случаи освобождения женщин, заключенных в монастырь, были единичными [8. С. 35–36; 9].

Иногда заключения в монастыри не избегали даже представители дворянского сословия. Так, в Ивановский монастырь Москвы была заточена Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха (1730–1801) – русская помещица, вошедшая в историю как изощренная садистка и серийная убийца нескольких десятков подвластных ей крепостных крестьян. Решением Сената и императрицы Екатерины Второй, которая все же освободила ее от телесного наказания и каторги, была лишена достоинства столбовой дворянки и приговорена к пожизненному заключению в монастырской тюрьме. Салтычиха была приговорена:

- к лишению дворянского звания;
- пожизненному запрету именоваться родом отца или мужа (запрещалось указывать своё дворянское происхождение и родственные связи с иными дворянскими фамилиями);
- отбыванию в течение часа особого «поносительного зрелища», в ходе которого осужденной надлежало простоять на эшафоте прикованной к столбу с надписью над головой «мучительница и душегубица»;
- пожизненному заключению в подземной тюрьме без света и человеческого общения (свет дозволялся только во время приёма пищи, а разговор – только с начальником караула и женщиной-монахиней).

Наказание осужденной «Дарьи Николаевны дочери» было исполнено 17 октября 1768 г. на Красной площади в Москве. В Ивановском монастыре, куда прибыла осужденная после наказания на Красной площади, для неё была приготовлена особая камера, названная покаянной. Высота открытого в грунте помещения не превышала трёх аршин (примерно три с половиной метра), оно полностью находилось ниже поверхности земли, что исключало всякую возможность попадания внутрь дневного света.

Узница содержалась в полной темноте, лишь на время приёма пищи ей передавался свечной огарок. Салтычихе не позволялись прогулки, ей было запре-

щено получать и передавать корреспонденцию. По крупным церковным праздникам её выводили из тюрьмы и отводили к небольшому окошку в стене храма, через которое она могла прослушать литургию. Жёсткий режим содержания продлился 11 лет, после чего был ослаблен: осуждённая была переведена в каменную пристройку к храму с окном. Посетителям храма было дозволено смотреть в окно и даже разговаривать с узницей. Источники свидетельствуют, что через окошечко Салтыкова плевала на любопытствующих, ругала их и совала сквозь решетку палку. Салтыкова провела в тюрьме 33 года и умерла в 1801 г. [10. С. 241–242].

В это же время в другом московском монастыре – Вознесенском – содержалась также за истязания своих крепостных помещица Анна Лопухина. Она была приговорена к пожизненному заключению в монастыре, но уже через три года решением императора Павла I была передана под присмотр родных. За время заключения Лопухина никак не проявила себя: вела тихий образ жизни, добросовестно исполняя все требования тюремного режима. Видимо, незначительность, по мнению императора, проступка Лопухиной, связи при дворе и принадлежность к дворянскому сословию сделали свое дело [Там же. С. 242].

Однако, судя по материалам М.Н. Гернета, встречалось и прямо противоположное отношение к женщинам-заключенным. Известно о крайне тяжелых условиях пребывания в Петропавловской крепости «княжны Таракановой», самозванки, выдававшей себя за дочь императрицы Екатерины II. Она содержалась в крепости чуть более полугода и была одной из немногих женщин-узниц, к тому же страдала чахоткой. Из вещей у заключенной при себе имелись только постель и одежда, еды было велено давать столько, сколько хватило бы для поддержания ее жизни. Запрещалось допускать к ней священнослужителей. Но самым тяжелым в тюремном режиме этой женщины было то, что в ее камере постоянно находились три человека тюремной стражи. Главной целью такого количества охранников было, по-видимому, отягощение режима содержания, поскольку побег или самоубийство вполне можно было предотвратить другими способами, не унижая достоинства женщины [Там же. С. 152–153].

Что уж говорить о деле солдатской жены Авдотьи Васильевой, проходившей по делу об оскорблении. По приговору суда она подлежала жестокому наказанию кнутом, но решением императрицы было «повелено учинить ей публичное, с барабанным боем, жестокое плетью наказание и сверх того, подрезав платье, яко нетерпимую в обществе, через профосов (палачей) выгнать за город метлами» [11. С. 26]. Данный приговор был явно рассчитан на оскорбление чести заключенной-женщины.

До XIX столетия положение женщин, лишенных свободы, в российских тюрьмах было тяжелым и фактически не отличалось от положения мужчин. А учитывая, что женщины сложнее как в физическом, так и психологическом плане переносят заключение, такое положение можно признать невыносимым.

Девятнадцатый век ознаменовался подъемом революционного движения и, как следствие, большим

количеством политических процессов, по которым проходили и женщины: С.Л. Перовская, Г.М. Гельфман, В.Н. Фигнер, Л.А. Волкенштейн, С.М. Гинсбург и др. Несмотря на юный возраст большинства заключенных, все они как в ходе судебных процессов, так и во время нахождения в тюрьме проявляли выдержку, силу воли и до конца верили в свое дело. Ни тюремный режим, ни исключительно мужской персонал не учитывали «полового» статуса заключенных, поэтому условия содержания были для мужчин и женщин одинаково тяжелыми. Но, как показала практика, женщины гораздо тяжелее переносили тяжести заключения.

Софья Львовна Перовская (1853–1881) и Гесса Миловна Гельфман (1855–1882) были в числе шестерых обвиняемых по делу об убийстве в марте 1881 г. императора Александра II. Первая из них была повешена, второй по причине беременности была предоставлена отсрочка смертной казни. Позднее смертная казнь была заменена Г.М. Гельфман каторжными работами, но через восемь месяцев после небрежности врача, принимавшего роды, она умерла в тюремной больнице. Отобранный незадолго до этого ребенок был передан в воспитательный дом, где вскоре и умер. Тяжелые тюремные условия, в которых содержалась его мать, не могли пройти бесследно.

Приговоренные к смертной казни, содержавшиеся в доме предварительного заключения, перед отправкой на плаху были посажены на две «позорные колесницы» – телеги с устроенными на них скамьями на высоте двух саженей (около двух с половиной метров) от земли, к которым ремнями были привязаны заключенные. Руки их были связаны веревками, а на груди висели черные доски с крупной надписью «цареубийца». По свидетельству очевидцев, руки С.Л. Перовской были связаны так туго, что она попросила немного ослабить веревки, но получила грубый отказ [12. С. 10]. Вслед за колесницами ехали две кареты с пятью священниками в траурных одеждах и с крестами в руках. Известно, что Перовская отказалась от напутствия священника. На эшафоте она поцеловалась со всеми, кроме Рысакова, которого считала предателем. Через некоторое время при огромном стечении народа все было кончено.

Следующим судебным процессом, сильно ударившим по партии народovolьцев, стал процесс четырнадцати, проходивший в Санкт-Петербурге в 1884 г. Среди подсудимых было две женщины – Вера Николаевна Фигнер (1852–1942) и Людмила Александровна Волкенштейн (1857–1906), обвиненные в подготовке и совершении террористических актов. Вынесенный судом смертный приговор для Фигнер был заменен бессрочной каторгой, для Волкенштейн – каторжными работами на 15 лет. После оглашения приговора заключенные были направлены в Шлиссельбургскую крепость, режим которой отличался в те годы особой суровостью [13].

Перед отправкой в Шлиссельбург Фигнер полтора года, с февраля 1883 г. по октябрь 1884 г., провела в Трубецком бастионе Петропавловской крепости (через 20 лет после освобождения из Шлиссельбурга она перед ссылкой опять ненадолго сюда вернется).

Фигнер не оставила воспоминаний о содержании в Трубецком бастионе; она описала лишь тяжелую картину своего переодевания в арестантскую одежду, не подходящую по размеру и пропитанную потом, указала, что имела свидания с родственниками и хвалила тюремную библиотеку.

М.Н. Гернет на основании архивных материалов приводит некоторые сведения о нахождении Веры Фигнер в Трубецком бастионе. В частности, Департамент полиции предупреждал коменданта Петропавловской крепости, что она является одним из наиболее «важных» государственных преступников и может совершить побег. Видимо, по этой причине ей не разрешали заниматься рукоделием в камере [5. С. 150–151].

Чтобы представить, в каких условиях содержались заключенные, в том числе женщины, приведем описание камеры Трубецкого бастиона, сделанное одним из арестантов: Камера большая, шагов десять по диагонали и поперек в пять-шесть шагов. Камера была такая высокая, что, даже встав на стол, можно было достать руками лишь до подоконника. В камере были грязь, сырость и полумрак: солнечные лучи попадали в камеру только вечером и только на подоконник. Керосиновая лампа горела в камере всю ночь, а глазок оставался на ночь открытым для наблюдения за заключенным. Утром приносили полотенце, мыло не давали, для чтения давали лишь Новый завет. Заключенным выдавались лишь черный хлеб и кипяток вместо чая. В определенные дни разрешалось за собственные деньги покупать чай, белый хлеб и некоторые другие продукты. Находившиеся в камере кровать, стол, умывальник и стульчик с выносным ведром были сделаны из железа и прочно прикреплены к стенам и полу. Во время пребывания в камере узники носили казенное белье и халат, а на прогулки (ежедневно по 15 минут) и свидания (один раз в две недели) им разрешалось переодеваться в свою одежду. К концу XIX в. в связи с уменьшением с 50 до 30 коп. в сутки суммы, выделяемой на довольствие, резко ухудшилось питание заключенных, что приводило к болезни и смерти многих из них. Арестанты вспоминали прогорклое масло, червей в супе, непеченный хлеб.

Режим в Трубецком бастионе сводился к полной изоляции арестанта от внешнего мира: устанавливался запрет на свидания с родными, переписку, физические и умственные занятия. Лишь в 1886 г. начались занятия продуктивным трудом, когда во дворе тюрьмы были устроены 12 огородов, разделенных между собой высокими заборами. Заключенным были розданы железные лопаты, семена и баки с водой для поливки. Несмотря на то что многие из них совсем не были знакомы с огородничеством, радость от занятий не знала предела. В 1889 г. была открыта первая мастерская – столярная, затем переплетная, токарная и кузнечная. Работали заключенные как для собственных нужд, так и по заказам тюремной администрации. Женщины в большинстве своем работали на огородах и в переплетной мастерской, обучаясь ремеслу самостоятельно. Например, В.Н. Фигнер преподавала переплетное мастерство нескольким заключенным через окно своей одиночной камеры.

В течение всего времени нахождения в Шлиссельбурге Фигнер была на плохом счету у администрации: постоянные конфликты с администрацией, протесты, голодовки; при всей своей женственности она всегда вела себя в тюрьме с чисто мужской решительностью и твердостью. Не раз она помещалась в карцер, которые, по ее описанию, представляли собой сырые и холодные камеры, а на койках не было матрацев и постельных принадлежностей. Иногда приходилось просто лежать на полу, подложив под голову обувь. Кормили в карцере черным хлебом с плесенью, не давали соли.

Самым страшным орудием пытки Фигнер считала тюремную тишину: «Тюрьма должна быть мертва, мертва, как могила, мертва день и ночь». В своих воспоминаниях она отмечала особую болезненную изоционность слуха арестантов одиночных камер, в особенности, когда звук достигал значительной силы и повторялся.

Тюремная администрация должна была постоянно помнить, что узникам надлежало быть полностью изолированными от внешнего мира, что они являлись лишь арестантами под определенным номером. Фигнер указывала, что за 20 лет пребывания в тюрьме никто из тюремного персонала ни разу не назвал ее по имени.

Освобождение В.Н. Фигнер из Шлиссельбургской тюрьмы, где она провела 20 лет, состоялось в 1904 г. ввиду ее закрытия. До этого еще во время следствия по делу она была помещена в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, куда повторно вернулась после Шлиссельбурга перед отправлением в Архангельскую ссылку.

Первые часы вторичного пребывания в Трубецком бастионе были для Фигнер очень тягостными. Низший чин тюремной администрации охотно рекомендовал ей «новое жилище»: «У нас Вам будет хорошо. Не то, что прежде: электричество и все удобства...». Когда же он бесцеремонно сел на койку, поджав под себя ногу, она гневно, повышенным голосом потребовала, чтобы он ушел.

Переживания этой женщины наглядно показывают, насколько тяжело переносилось длительное одиночное заключение без возможности любого общения с внешним миром. «Уверенным, привычным шагом иду я по привычным местам, как ходила раньше, тысячи раз ходила, иду, как будто меня ждет обычная прогулка или работа в мастерской, а не великий перелом жизни – возвращение в «мир». Но как только я переступаю за рубеж, вхожу в новую непривычную обстановку, мне делается дурно: тело теряет равновесие, пол, как вата, подается под ногами, а стена, за которую я тщетно стараюсь ухватиться рукой, быстро, как декорация, убегает, вперед» [14. С. 232].

Оказавшись на свободе, Фигнер, по свидетельству М.Н. Гернета, который лично встречался с ней в 1906 г., долго чувствовала себя удрученной, свобода со всеми ее преимуществами не доставляла ей радости. Ее нервность и впечатлительность были развиты до крайней болезненности. Она вздрагивала каждый раз при звуке раздававшегося у входной двери колокольчика. Она болезненно реагировала на вос-

поминания об обращении тюремной стражи с узниками крепости. Лишь по прошествии нескольких лет она возвратилась к своему прежнему состоянию [15. С. 40–41].

Л.А. Волкенштейн пробыла в Шлиссельбургской крепости 13 лет. Она ярко описывала проведение обысков в ее камере: «Эти обыски – ужасная вещь: они бессмысленны, грубы до цинизма, мучительны. Во время обыска ирод без всякого стеснения следил в “глазок” за происходившим в камере. Когда женщины заметили это и подняли крик, ирод ответил: “Что же мы не видали голых женщин – вот пустяки выдумали”» [5. С. 238–239]. Таким образом обыск, доставлявший заключенным большие мучения, в присутствии мужчины становился еще более невыносимым.

Волкенштейн отмечала, что заключенных-женщин не били, не связывали, с женщинами были «менее грубы, – вернее, реже грубы». По словам других узников, стойкость и твердость Волкенштейн приводили жандармов в бешенство. Смотритель тюрьмы, зная, что она не переносила жару, накаливал печь в камере так, что нахождение там становилось настоящей пыткой, но даже это не могло лишить энергии и бодрости Волкенштейн.

К сожалению, не у всех узников хватало сил устоять перед тюремным режимом. Об этом свидетельствует трагическая смерть слушательницы Бестужевских курсов, молодой революционерки Марии Фёдоровны Ветровой (1870–1897). Ее арестовали по делу тайной типографии, созданной «Группой народолюбцев» в Лахте.

Грубое обращение жандармов, одиночество и гробовая тишина довели М.Ф. Ветрову до отчаяния. Вечером 8 февраля 1897 г. в камере № 7 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости вспыхнул живой факел. Узница вылила из лампы керосин на одежду и подожгла ее. Когда жандармы вбежали в камеру, Ветрова лежала на кровати, вся объятая пламенем. Несмотря на тяжесть полученных увечий, к ней не пригласили других врачей, кроме тюремного, однако пришла акушерка, в присутствии которой она не нуждалась. В страшных мучениях М.Ф. Ветрова умерла через четыре дня.

Перед смертью она говорила священнику, посетившему ее: «...мне было так тяжело здесь, эта мертвая тишина вокруг, эти страшные стены наводили на меня тоску и уныние. Я не могла выносить этого, не могла мириться с окружающей обстановкой. А эта мужская прислуга тут же при мне, все это берет, приносит. О, как это ужасно. Мне казалось, стыдно сказать, что я попала в какой-то непотребный дом. Мне слышались все какие-то голоса, какие-то позорные предложения. Я кричала днем, кричала по ночам. Мне казалось, что эти стены не защитят меня. Мое терпение истощилось, и вот я решила покончить с собой» [16. С. 50–66].

После самосожжения М.Ф. Ветровой для предотвращения попыток самоубийства в тюрьме керосиновые лампы были заменены восковыми свечами. Почти одновременно с этим комендант Петропавловской крепости поднял вопрос о введении в штат Трубецкого бастиона двух должностей женщин для обслужи-

вания заключенных женского пола. Департамент полиции разрешил ввести только одну такую должность, хотя очевидно, что одна женщина не смогла бы должным образом исполнять свои обязанности. Поэтому вплоть до Октябрьской революции жандармы-мужчины продолжали осуществлять надзор за заключенными-женщинами [5. С. 174].

Последний «народовольческий» процесс состоялся в 1890 г. над Софьей Михайловной Гинсбург (1863–1891), которой было предъявлено обвинение в принадлежности к революционному сообществу, ставившему задачей убийство императора и свержение государственного строя. Гинсбург была приговорена к смертной казни, которая была заменена бессрочными каторжными работами, после чего была заключена в Шлиссельбург.

Тяжесть пребывания С.М. Гинсбург в одиночной камере усугублялась нахождением в непосредственной близости двух душевнобольных арестантов, постоянные крики и вопли которых причиняли ей настоящие мучения. Заключенная с трудом переносила одиночество и разлуку с матерью. При этом Департамент полиции не обратил внимание ни на просьбу Гинсбург перевести ее в другое учреждение, ни на предупреждение коменданта крепости о том, что она плохо переносит тюремное заключение. Из занятий ей разрешалось заниматься только шитьем, для чего были выданы тупоконечные ножницы, при помощи которых через 37 дней после пребывания в крепости Гинсбург вскрыла сонную артерию [Там же. С. 251–252].

Одной из последних казней, состоявшихся в Шлиссельбургской крепости, была казнь З.В. Коноплянниковой (1878–1906), осужденной военным окружным судом за убийство полковника Мина – участника подавления восстания 1905 года в Москве. Она провела в крепости чуть менее часа: на эшафоте вела себя спокойно, сама отстегнула воротничок своего платья, после чего палач связал ей руки. Во время казни двое солдат упали в обморок, у троих началась рвота. Когда все закончилось, труп казненной был положен в простой белый ящик, который зарыли во дворе [17. С. 11].

По имеющимся данным, только во второй половине XIX в. по политическим процессам прошли более 8 тысяч человек, около четверти из которых были женщины. Заключенные-женщины наравне с мужчинами стойко переносили все тяготы пребывания в тюрьме, демонстрируя выдержку и твердость характера [20].

Еще одним местом заключения женщин, осужденных по так называемым политическим статьям, была Кари́йская каторга. Эта тюрьма, существовавшая всего 18 лет, с 1873 по 1890 г., представляет интерес потому, что режим пребывания здесь был непохож на тюремный. Заключенные жили артелью, вели свое хозяйство. Режим женской кари́йской тюрьмы, в которой за годы ее существования перебивали всего 32 женщины, был мягче мужской. Во дворе тюрьмы находилось здание с кухней и баней, мастерские и дом караула. Женщины получали на руки продукты, сами готовили себе пищу, могли свободно общаться друг с другом, имели

в распоряжении газеты и журналы. Два раза в неделю им полагались свидания, а на прогулки за ворота тюрьмы женщины выводились под конвоем.

Так протекала жизнь каторжан до лета 1888 г., пока здесь не произошло событие, вошедшее в историю под названием «Карийская трагедия», оказавшая значительное влияние на режим в мужской тюрьме. В ходе посещения женской тюрьмы приамурским генерал-губернатором бароном А.Н. Корфом одна из каторжанок, Е.В. Ковальская, отказалась встать перед ним. Корф приказал перевести эту заключенную в общеуголовную тюрьму в Чите.

Приказание о переводе было выполнено в очень грубой форме: жандармы ночью вошли в камеру, завернули не одетую женщину в одеяло, и, заткнув ей рот тряпкой, вынесли на руках из тюрьмы и положили на подводу. После этого Ковальскую переодели в арестантское платье и отправили в Читу, где ее поместили в секретную камеру. Ей запрещалось вступать в разговоры даже с жандармами, из книг разрешалось иметь только Евангелие, соседние камеры оставались во избежание перестукивания пустыми. В камеру к Ковальской могли входить только военный прокурор, областной прокурор и с его разрешения товарищ прокурора и лица, командированные для этого лично генерал-губернатором. Лишь доброжелательные отношения с уголовными арестантками позволили заключенной иметь в камере довольно сносную пищу.

Подруги Елизаветы Ковальской – М.П. Ковалевская, М.В. Калюжная и Н.С. Смирницкая, узнав об этом, подали письменное заявление с требованием уволить коменданта тюрьмы Масюкова, посчитав его ответственным за происшедшее. Кроме того, женщины объявили голодовку. Летом 1889 г. к ним присоединились и мужчины. Однако администрация не пошла на уступки. Тюремный врач сообщил администрации тюрьмы о тяжелом состоянии голодавших женщин. В ответ на телеграфное сообщение о голодовке в женской и мужской тюрьмах губернатор телеграфно распорядился: «Администрации безразлично, будут ли они есть или не будут. Продолжайте поступать, как приказано».

В тюрьме не прекращались волнения. За попытку нанести коменданту тюрьмы пощечину заключенная Н.К. Сигида была высечена розгами, получив 100 ударов. Опозоренную женщину доставили в общую камеру женской общеуголовной тюрьмы. Так тюремная администрация впервые применила к «политическим» телесные наказания, тем самым уравнивая их с остальными заключенными. В знак протеста Н.К. Сигида, М.П. Ковалевская, М.В. Калюжная и Н.С. Смирницкая приняли яд. Сигида умерла первой в ночь на 8 ноября в общей камере. Три другие женщины были доставлены в лазарет еще живыми, но вскоре скончались. По словам очевидцев, умиравшая Смирницкая с помощью сиделки подползла к кровати очень страдавшей Калюжной, гладила ее по голове и целовала, пока та не успокоилась [5. С. 316–318].

Таким было положение политических заключенных-женщин. Однако это существование в тюрьме можно назвать вполне сносным по сравнению с тем, что приходилось переживать женщинам, осужденным

за общеуголовные преступления. «В то время, как мы занимались только самообслуживанием, они целый день выполняли тюремные уроки, вязали варежки и шили рубахи на мужские тюрьмы, сучили пряжу на казну, выполняли работы за оградой тюрьмы, стряпали на всю тюрьму», – описывали быт женского уголовного корпуса социалистки-революционерки, отбывавшие наказание на Мальцевской женской каторге в Восточной Сибири [21. С. 522].

Дореволюционное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России следует признать дискриминационным в отношении женщин. Так, за убийство внебрачного ребенка, совершенное из чувства стыда, женщина могла бы приговорена к каторжным работам, за аборт следовало наказание до пяти лет лишения свободы с лишением всех прав состояния. В то же время, например, конокрадство каралось сильнее, чем похищение женщины, а изнасилование замужней женщины наказывалось строже, чем аналогичное деяние в отношении девушки или вдовы. Самое суровое наказание – каторжные работы – назначалось женщинам наравне с мужчинами. Кроме того, важным объективным моментом, оказывавшим негативное влияние на положение женщин в местах заключения, стала отмена в 1861 г. крепостного права. Огромные массы крестьян, а также многие представители дворянства (особенно провинциального) не всегда могли приспособиться к новой социально-экономической обстановке в стране, что вызвало небывалый рост преступности, который значительно увеличил тюремное население и ухудшил без того неважные условия содержания женщин [22. С. 38–39]. Беременность, что уже отмечалось, лишь влекла отсрочку исполнения смертной казни, а беременные женщины имели незначительные послабления в режиме. Только в 1893 г. после «Карийской трагедии» в отношении женщин было отменено наказание розгами.

При этом архивные данные подтверждают то обстоятельство, что арестанты, в том числе и женщины, в большинстве тюрем рассматриваемого периода имели практически все необходимое для существования. Одежда, пища, лекарства в большинстве случаев предоставлялись заключенным бесплатно. Принимались достаточные меры для религиозно-нравственного просвещения арестантов; многие арестанты учились в тюремных школах, пользовались библиотеками [23–26]. Условия труда заключенных-женщин были регламентированы Главным тюремным управлением лишь в конце 1880-х гг: кроме ткацкого производства в помещениях они выполняли простые работы – от плетения из ниток или соломы до щипания перьев, изготовления щеток, корзин или пуговиц. Более сложные виды труда с применением ткацких машин фабрично-заводского типа стали внедряться в тюрьмах с начала XX в.

На рубеже XIX и XX столетий женщины составляли около 13% всех проходящих через места заключения лиц. Несмотря на это законодатель мало внимания уделял «женскому вопросу», хотя на международном уровне вопрос о выработке особых правил для содержания женщин заключенных уже активно обсуждался.

В 1895 г. на международном тюремном конгрессе в Париже было решено создать исходя из особенностей психологии и физиологии для заключенных женского пола специальные условия содержания в тюрьме. Это касалось и организации труда женщин, наложения дисциплинарных взысканий, питания, медицинского обслуживания.

Тяжесть нахождения женщины в тюрьме усугублялась постоянными покушениями на ее половую неприкосновенность со стороны тюремной администрации, состоявшей исключительно из мужчин. Сюда же следует добавить различные формы издевательств над женщинами, которые затрагивали физиологические особенности женского организма и вызывали чувство стыда. Например, особый приказ по учреждениям острова Сахалин определял порядок и очередность раздачи женщин мужчинам-поселенцам [27. С. 106].

Вот как описывал жизнь женщин-заключенных на каторге А.П. Чехов, командировка которого на остров Сахалин продолжалась более полутора лет. «Нравы на острове были ужасающими. Вероятно, не последнюю роль тут играл безнадежный женский алкоголизм. На первых порах каторжанки прямо с парохода отправлялись в дом терпимости. Потом их стали распределять по ссыльным – сожительницами, иногда даже – по богатым каторжникам, отдавали и тюремному начальству в качестве прислуги. Но на каторжные работы женщин не посылали, хотя на остров привозили в основном женщин-убийц. Судя по характеру преступности на острове, повторных преступлений у женщин – опасных уголовниц – не было. Следовательно, смягчение наказания – его фактическая отмена – никак не способствовало рецидиву преступлений. Особая проблема – проституция. Дело доходило до торговли малолетними дочерьми, содержания семейного дома терпимости. Что касается “детей каторги”, то по вине самой системы многие из них, к сожалению, вставали на преступный путь» [28. С. 320].

Кроме того, недостаточное количество исключительно женских тюрем вело к тому, что принцип раздельного содержания мужчин и женщин нередко нарушался, что создавало дополнительные лишения для заключенных женского пола. Многим женщинам ничего не оставалось делать, кроме как использовать свое положение для облегчения режима; в таких случаях тюрьма становилась похожа на публичный дом [29. С. 67].

В тюрьмах, где общение с мужчинами оказывалось невозможно, многие женщины вступали в одно-

полые отношения. Используемое в настоящее время в тюремном арго определение «ковырялка» было известно еще в начале XX в. «Так зовутся на жаргоне тюрьмы женщины-трибады, исполняющие при противоестественных отношениях с товарками по заключению роль мужчин», – описывал тюремный быт М.Н. Гернет. Он цитирует свою переписку с одной из заключенных: «Эти женщины имеют все выходы мужчин и ходят, и причесываются, как мужчины, и курят, и носят рубашки-косоворотки, подпоясанные шнурком. Ухаживание начиналось с записок, с уверений в безумной любви и просьб никому не принадлежать. В записках она писала, что целует ее маленький ротик и глазки и хочет всю расцеловать» [30. С. 27–28].

Таким образом, женщина, лишенная свободы, во все времена предстает перед нами как сбившаяся с пути мученица, оказавшаяся в чуждой для себя среде. Конечно, выбранный ею преступный путь не заслуживает оправдания, однако условия жизни в заключении до настоящего времени не учитывают психологических, физиологических и других особенностей женского организма. Будучи изолированы от общества, часто не имея никакой финансовой или моральной поддержки извне, женщины полностью теряют социальные связи; страдает их волевая сфера, способность адаптации к условиям жизни после освобождения. Удаленность от дома намного уменьшает и без того незначительное число разрешенных свиданий с мужем, детьми, родными (не каждому по силам и по средствам ехать на свидания далеко), еще больше разрывает нарушенные изоляцией семейные связи.

Лишение свободы физически переносится женщинами более мучительно, чем мужчинами. Санитарно-гигиенические условия не в полной мере учитывают особенности женской физиологии – повсеместно отмечается отсутствие или недостаток элементарных средств гигиены, минимальных жизненных удобств, достаточного количества одежды и белья, невозможность нормальной стирки и т.п. Психологически трудны для женщин многие требования режима: единая форма одежды, необходимость ходить строем, отсутствие личных вещей и др. Женщина подчинена тем же режимным требованиям, что и мужчина, – то же число положенных свиданий, почти одинаковые виды взысканий.

По меткому замечанию М.Н. Гернета, общее тяжелое и бесправное положение женщин в дореволюционной России в значительной степени отражалось и на ее положении в тюрьме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минстер М.В. Правовое положение женщин, осужденных к лишению свободы: монография. Новосибирск : ООО Альфа-Порте, 2011. 190 с.
2. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М. : Российское право, 1992. 256 с.
3. Пионтковский А.А. М.Н. Гернет «История царской тюрьмы» в пяти томах. Изд. 3 [Рецензия] // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 149–152.
4. Захаров Д.П. Михаил Николаевич Гернет. 1874–1953 // Правоведение. 1978. № 5. С. 97–108.
5. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Юрид. лит., 1952. Т. 3. 400 с.
6. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М. : Университетская типография, 1923. 342 с.
7. Тимофеев В.Г. Уголовно-исполнительная система России : цифры, факты и события : учеб. пособие. Чебоксары : Чуваш. гос. Ун-т им. И.Н. Ульянова, 2009. 206 с.
8. Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М. : Типография Первой сибирской трудовой армии, 1905. 366 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 109. Оп. 221. Д. 73. Л. 2.
10. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Юридическая литература, 1951. Т. 1. 328 с.

11. Мордовцев Д.Л. Политические движения русского народа : в 2 т. СПб. : Издание книгопродавца С.В. Звонарева, 1871. Т. 1. 489 с.
12. Фигнер В.Н. Софья Перовская // Былое. 1918. № 10–11. С. 6–18.
13. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 9. Л. 2.
14. Фигнер В.Н. Запечатленный труд : в 2 т. М. : Мысль, 1932. Т. 2. 90 с.
15. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Юрид. лит., 1956. Т. 5. 340 с.
16. Ростов Н. Самоубийство М.Ф. Ветровой и студенческие беспорядки 1897 года // Каторга и ссылка. 1926. № 2 (23). С. 50–66.
17. Казнь З.В. Коноплянниковой // Былое. 1918. № 3. С. 11.
18. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 129. Л. 1–2.
19. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 133. Л. 1–2.
20. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 141. Л. 82–83, 120–121.
21. Радзиловская Ф., Орестова Л. Мальцевская женская каторга 1907–1911 гг. // Женщины-террористки в России. Бескорыстные убийцы. Ростов-н/Д : Феникс, 1996. С. 500–542.
22. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М. : Изд-во МГУ, 1980. 204 с.
23. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1286. Оп. 8. Д. 499. Л. 1–4; Ф. 1286. Оп. 9. Д. 714. Л. 20–34; Ф. 1406. Оп. 1. Д. 53. Л. 12–21; Ф. 1488. Оп. 5. Д. 51. Л. 1–12.
24. РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 714. Л. 20–34.
25. РГИА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 53. Л. 12–21.
26. РГИА. Ф. 1488. Оп. 5. Д. 51. Л. 1–12.
27. Лобас Н.С. Каторга и поселение на Сахалине. СПб. : Издание «В.С. Лобас», 1903. 160 с.
28. Чехов А.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Наука, 1956. Т. 10. 390 с.
29. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке : исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. СПб. : А. Моригеровский, 1872. 719 с.
30. Гернет М.Н. В тюрьме : очерки тюремной психологии. Харьков : Юрид. изд-во Украины, 1930. 263 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 октября 2017 г.

WOMEN-PRISONERS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA (ON THE MATERIALS OF M.N. GERNET'S RESEARCH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 196–204.

DOI: 10.17223/15617793/430/27

Alexandr M. Nikitin, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: snloseva@yandex.ru

Svetlana N. Loseva, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: snloseva@yandex.ru

Keywords: imprisonment; woman; political prisoner; prison regime; discrimination.

This article examines the situation of women serving sentences for political and ordinary crimes, characterises the psychological state of women prisoners. The primary sources of material was the five-volume work *History of the Royal Prison* by M.N. Gernet; the works of other prominent Russian scholars (S.V. Poznyshchev, N.M. Yadrintsev), memoirs of women prisoners were also used. Some of the archival materials in the article are first introduced into scientific use. In the course of the study, systematic, historical, comparative and analytical methods were used, which allowed to comprehensively consider the situation of women prisoners in pre-revolutionary Russia. The execution of criminal penalties by convicted women is one of the most difficult issues in legislative and practical terms. At all times, an imprisoned woman is seen as a martyr, who turned out to be in an alien environment. Of course, the path of crime she chose cannot be approved of, but since the conditions of deprivation of liberty do not take into account the peculiarities of the female body and psychology, the punishment becomes doubly heavy. This is clearly illustrated by examples from the life of prisoners in ordinary prisons of pre-revolutionary Russia. Being in isolation, often without the financial or moral support from outside, women practically lost social ties; their volitional sphere suffered, the ability to adapt to the conditions of life after liberation was low. There also were constant attacks on her sexual freedom and various forms of bullying. However, as practice shows, many of the “cornerstones” of modern execution of imprisonment against women was partly solved in the previous periods of the domestic penal system development. The study of this area of prison policy during the “great” reforms in the second half of the nineteenth century, the revitalisation of the revolutionary movement, changes in the composition of the prison population can help avoid current errors and miscalculations in finding ways to improve the rules governing the enforcement of sentences of imprisonment in relation to women.

REFERENCES

1. Minster, M.V. (2011) *Pravovoe polozhenie zhenshchin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [The legal status of women sentenced to deprivation of freedom]. Novosibirsk: OOO Al'fa-Porte.
2. Antonyan, Yu.M. (1992) *Prestupnost' sredi zhenshchin* [Crime among women]. Moscow: Rossiyskoe pravo.
3. Piontkovskiy, A.A. (1964) M.N. Gernet “Istoriya tsarskoy tyur'my” v pyati tomakh. Izd. 3 [Retsenziya] [M.N. Gernet's “History of the Royal Prison” in five volumes. 3rd ed. [Book Review]]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 149–152.
4. Zakharov, D.P. (1978) Mikhail Nikolaevich Gernet. 1874–1953. *Pravovedenie*. 5. pp. 97–108. (In Russian).
5. Gernet, M.N. (1952) *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 t.* [History of the Tsar's Prison: in 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. Poznyshchev, S.V. (1923) *Osnovy penitentsiarnoy nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
7. Timofeev, V.G. (2009) *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossii: tsifry, fakty i sobytiya* [Russia's criminal executive system: numbers, facts and events]. Cheboksary: Chuvash State University.
8. Prugavin, A.S. (1905) *Monastyrskie tyur'my v bor'be s sektantstvom* [Prisons at monasteries in the fight against sectarianism]. Moscow: Tipografiya Pervoy sibirskoy trudovoy armii.
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 221. File 73. Page 2. (In Russian).
10. Gernet, M.N. (1951) *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 t.* [History of the Tsar's Prison: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Mordovtsev, D.L. (1871) *Politicheskie dvizheniya russkogo naroda: v 2 t.* [Political movements of the Russian people: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa S.V. Zvonareva.
12. Figner, V.N. (1918) *Sof'ya Perovskaya. Byloe*. 10–11. pp. 6–18. (In Russian).
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 11. File 9. Page 2. (In Russian).
14. Figner, V.N. (1932) *Zapechatlennyy trud: v 2 t.* [Registered work: in 2]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

15. Gernet, M.N. (1956) *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 t.* [History of the Tsar's Prison: in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
16. Rostov, N. (1926) Samoubiystvo M.F. Vetrovoy i studencheskie besporyadki 1897 goda [Suicide of M.F. Vetrova and student unrest in 1897]. *Katorga i ssylka*. 2 (23). pp. 50–66.
17. Byloe. (1918) Kazn' Z.V. Konoplyannikovoy [Execution of Z.V. Konoplyannikova]. *Byloe*. 3. pp. 11.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 221. File 129. Pages 1–2. (In Russian).
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 221. File 133. Pages 1–2. (In Russian).
20. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 221. File 141. Pages 82–83, 120–121. (In Russian).
21. Radzilovskaya, F. & Orestova, L. (1996) Mal'tsevskaya zhenskaya katorga 1907–1911 gg. [Maltsevo female forced labor camp of 1907–1911]. In: Budnitskiy, O.V. (ed.) *Zhenshchiny-terroristki v Rossii. Beskorystnye ubiytsy* [Women-terrorists in Russia. Disinterested killers]. Rostov-on-Don: Feniks.
22. Ostroumov, S.S. (1980) *Prestupnost' i ee prichiny v dorevolutsionnoy Rossii* [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Moscow State University.
23. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 8. File 499. Pages 1–4. (In Russian).
24. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 9. File 714. Pages 20–34. (In Russian).
25. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1406. List 1. File 53. Pages 12–21. (In Russian).
26. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1488. List 5. File 51. Pages 1–12. (In Russian).
27. Lobas, N.S. (1903) *Katorga i poselenie na Sakhaline* [Forced labor camps and settlement in Sakhalin]. St. Petersburg: Izdanie "V.S. Lobas".
28. Chekhov, A.P. (1956) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Works: in 12 vols]. Vol. 10. Moscow: Nauka.
29. Yadrintsev, N.M. (1872) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke: issledovaniya i nablyudeniya nad zhizn'yu tyuremnykh, ssyl'nykh i brodyazheskikh obshchin* [Russian community in prison and exile: research and observation of the life of prison, exile and vagrancy communities]. St. Petersburg: A. Morigerovski.
30. Gernet, M.N. (1930) *V tyur'me: ocherki tyuremnoy psikhologii* [In prison: essays of prison psychology]. Kharkov: Yurid. izd-vo Ukrainy.

Received: 04 October 2017

ДИСКУРС МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В СОВРЕМЕННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рассматриваются вопросы, связанные с анализом теоретико-исследовательской продуктивности некоторых методологических подходов в современных юридических исследованиях, сфере и относительности диапазона их эффективного применения. В статье описывается и дается методологическая оценка таких подходов научного исследования, как формально-догматический, герменевтический, аксиологический, цивилизационный, феноменологический, интегративный, структурно-функциональный, системный, синергетический.

Ключевые слова: методологические подходы; юридическая наука; исследование; государство; право.

Проблематика методологических ориентиров в отечественной юридической науке является весьма актуальным направлением исследования. В настоящее время, с учетом констатации некоторыми учеными наличия признаков кризиса методологии современного российского правоведения [1. С. 22], обусловленного динамикой государственно-правовой реальности, представляется продуктивным в очередной раз обратиться к анализу существующего в юридической науке разнообразия методологического инструментария, призванного раскрыть способы и средства познания и понимания юридических явлений.

Рефлексия научного знания на обозначенную тематическую область зачастую проявляется в поиске альтернативной, сообразной тенденциям современного мира, методологии теории права. Однако вряд ли можно говорить о том, что существует хотя бы одна научная парадигма или подход, который зиждется на безальтернативной однозначной позиции. Это попросту противоречит основному принципу науки – «*Du choc des opinions jaillit la verité*» (перевод с лат. – «В споре рождается истина»). Не случайно некоторые авторы отмечают, что «излишняя увлеченность методом приводит к забвению истины. Исследователь погружается в методологические изыскания, пытается выработать универсальный метод познания, с помощью которого возможно решить любые познавательные задачи. Следует заметить, что поиск такой универсальной «отмычки», о чем свидетельствует история науки, оказался безрезультатным, и то, что было естественно и прогрессивно для Нового времени, вряд ли является таковым для сегодняшнего дня. Теперь задача состоит не в поиске единственно правильного, универсального метода познания, а в ситуации методологического плюрализма, в выработке стратегии и тактики собственной познавательной деятельности, соответствующей изучаемому объекту, фундаментальным методологическим принципам и своим ценностным установкам» [2. С. 459].

Далее, не исключая значимость иных эпистемологических концепций, осуществим обзорный анализ некоторых, имеющих определенную теоретико-исследовательскую востребованность, методологических подходов в современных юридических исследованиях, обозначим сферы и относительность диапазона их эффективного применения.

Формально-догматический подход. Юрико-догматический подход, несмотря на свою традиционность, обусловленную многовековым опытом применения, не является априори неизменным, он эволюционирует вместе с развитием философской рефлексии и научного видения правовых проблем. Так, первые редакции юридической догматики, формирующейся на основе диалектики, становятся известны правовой науке в связи с деятельностью глоссаторов XI–XII вв. Позднее, в Новое время, философско-методологическая основа глоссаторов получит название «схоластика». Диалектика, применяемая глоссаторами, была направлена главным образом на создание системы понятий и установление соотношения между ними. Право, в соответствии с юридической догматикой, – это совокупность правовых норм, принятых или санкционированных властью (государством) и обязательных для исполнения всеми лицами.

Ведущее значение догмы права и ее составных элементов (правовых норм, прав и обязанностей субъектов, правоотношений, источников права, нормативного материала, доктрины права) придает формально-догматическому подходу основную роль в наборе общенаучных методов. Формально-догматический метод связан с применением правил логики и языка, поскольку существование права неотъемлемо от нормативного материала: правовых актов, договоров, распоряжений, судебных решений и т.п., их трактовки в связи с конкретными событиями. Например, здесь выделяется соотношение теоретического применения формально-догматического подхода (доктрина права) и практического применения (официальное толкование).

Г. Гуго трактовал юридическую догматику как «юридическое ремесло», для которого достаточно обладать знаниями об источниках права. Г. Кельзен, разъясняя свою концепцию чистого учения о праве, утверждал, что оно исследует только право и освобождает его от всего того, что не является нормативным материалом; данное учение является теорией позитивного права в целом, а не конкретного правового порядка.

С помощью формально-догматического подхода осуществляются исследования, направленные на формирование научных определений; выделение направлений юридической деятельности и т.д. Для

юридической науки имеет значение разграничение языка и метаязыка права. Правовой язык – это язык, который находит свое отражение в нормативно-правовых актах и юридической практике. Метаязык права – язык юриспруденции и ее основных дисциплин, например, теории государства и права, конституционного права и т.д.

Одна из проблем современного использования формально-догматического подхода в правовой системе связана с увеличивающейся подвижностью (эволюционностью) правовой сферы. В этой связи представляется целесообразным синтезирование формально-догматического подхода с элементами иных методологических установок, для которых характерно распространение на предмет субъективной рефлексии сознания. Это позволит преодолеть «деструктивность» трансформации догматических положений права и выйти на путь оптимизации при регулировании общественных отношений.

Вместе с тем юриспруденция может достигать своих целей и использоваться по собственному назначению в том случае, когда она выдвигает исходные положения в рамках правовой системы, т.е. доктрины. Доктрина может являться предметом усвоения юриспруденции, изучающей законы существования права как языка, на котором происходит общение субъектов перед лицом публичного порядка. В то же время преобладание формально-догматического подхода теоретически может повлечь сущностные ограничения в процессе познания, так как юридическая наука в этом случае имеет в качестве мировоззренческой основы юридический позитивизм.

На основе формально-догматического подхода право формализуется, структурируется, а затем систематизируется. В то же время догма права есть продукт неодушевленной социальной реальности, следовательно порождающей юридическую практику. С.С. Алексеев прав в своем утверждении, называя догму конкретной правовой реальностью, независимой от мышления субъектов правоотношения. Овеществление права состоит непосредственно в правоотношении, деятельности его участников, реализации их прав и обязанностей, где непосредственно проявляется весь смысл существования и ценность догмы права [3. С. 109].

Герменевтический подход. Надо сказать, что герменевтика как искусство и теория истолкования текстов разрабатывается и применяется в различных областях общественнознания: философии, филологии, психологии, праве. Взаимосвязь юриспруденции и герменевтики проявляется, прежде всего, в истолковании различных форм и источников права, относящихся как к историческим правовым документам, так и к действующим в современный период различным видам правовых актов.

Во многих жизненных ситуациях мы имеем коллизию принципов и ценностей международного права, анализ которой обращен к воле человека и требует скорейшего разрешения, в том числе путем толкования. Преодолеть эти антиномии способна только герменевтика, которая выступает в качестве средства диалектического синтеза [4. С. 78].

Таким образом, говоря о юридической герменевтике как о разделе науки о понимании, можно сделать следующий вывод. Возможность исключить двусмысленность понимания правовой нормы может быть достигнута способами толкования, а также техническими средствами и приемами организации и построения правового текста (юридической техникой). Толкование как процесс, сконцентрированный на установление (уяснение), разъяснение воли законодателя, также невозможен без применения знаний о формировании законодательного текста. И, наоборот, при отсутствии или недостаточности знаний о проблемах восприятия, интерпретации юридического текста невозможно обогатить, усовершенствовать юридическую технику. Так образуется единый возвратный процесс работы с текстом правовой нормы и волей законодателя, осуществляемый различными субъектами правовой деятельности.

Аксиологический подход. Конвертация правовых норм в правовые ценности позволяет определить действительное социальное предназначение той или иной нормы. Например, с течением времени или вследствие недостатков юридической техники нормативные формулировки правовых актов в буквальном понимании могут приобретать значение, которое расходится с действительным (предполагавшимся) смыслом правовой нормы. В этой ситуации соотнесение нормы права с ее ценностными характеристиками дает возможность использовать не буквальное, а аксиологическое толкование.

Следовательно, основные ценности личности или общества находят отражение в соответствующих интересах (частных или публичных), на обеспечение которых направлена правовая система, и становление правовой охраны, системы права связано с определенными тенденциями развития общества, и прежде всего с ценностными ориентирами.

По мнению А.Н. Бабенко, содержательно аксиологический подход предполагает рассмотрение права и всех правовых явлений с точки зрения ценностей – духовных образований, предшествующих сущему и реальному. Право в этом смысле рассматривается как важнейшая ценностная форма существования социально-нормативной действительности [5. С. 6].

Аксиологический подход к праву предполагает ответы на такие вопросы: что в действительности отражает данная правовая идея или нормативный акт? По каким причинам и закономерностям, присущим самой социальной действительности, они возникли? Что лежит в основании целесообразной правовой деятельности человека как таковой? Существует мнение, что наряду с указанными одним из основных вопросов аксиологии права является вопрос о соотношении личности и права (личности политика, юриста и права), о том, каким образом правовые установления становятся личными мотивами поведения человека [6. С. 52].

Следовательно, в рамках аксиологического подхода право выступает не просто как идея или принцип, но и как действительная цель и движущий мотив поведения человека, т.е. ценность, благо. Применяя ценностный метод к праву, исследователи выходят за

строгие очертания самого права и оценивают его с помощью внеправовых критериев, ценностей самого общества.

Таким образом, аксиологический метод позволяет раскрыть сущностно-целевой аспект восприятия права в сфере формирования правовой культуры, а также через различные интерпретации ценности прав человека выйти на качественно новый уровень оценки социальной ценности права в целом, а также может дать оценку социальной опасности нарушений прав человека. В то же время другой аспект востребованности ценностного метода в юриспруденции связан с возможностью толкования норм права, что также подтверждается судебной практикой.

Цивилизационный подход. Цивилизационный подход, возникнув и развиваясь в качестве методологической альтернативы подходу формационного, дает возможность проследить и выявить тот исторический социокультурный контекст, в котором формируются политико-правовые феномены, а также сформулировать некий обобщенный тип власти и права, политико-правовую конструкцию, специфичную именно для данной конкретной цивилизации.

Цивилизационная теория показывает уникальность и, вместе с тем, равноценность цивилизаций, их несводимость друг с другом. Этот аспект имеет особую значимость в связи с переосмыслением в отечественном общественном сознании положений, касающихся европоцентристских установок. В силу контекста современной истории подвергаются критическому анализу западноориентированные социальные теории (в некоторых радикальных вариантах теории глобализации и модернизации), которые можно интерпретировать как постепенное расширение «центральной», т.е. западной, цивилизации на все прочие ареалы человечества с перспективой превращения в глобальную общечеловеческую цивилизацию. Отсюда тенденция выдавать многие характерные европейские идеалы и ценности за «общечеловеческие». С позиций цивилизационной теории можно однозначно идентифицировать эти ценности и институты как специфически западные, и при формулировании соответствующих общественных проектов относиться к ним более критично и избирательно.

«Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы не только невозможная и вовсе не желательная неполнота, – утверждал Н.Я. Данилевский. – Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы прикнудить, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, – идеал достижимый последовательным, или совместным, развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем» [7. С. 104].

Важно обратить внимание на значительный объем как теоретического, так и фактологического материала, свидетельствующего о необходимости в процессе выработки концепции государственно-правового регулирования учитывать самобытность культурно-исторических особенностей государственно-

общественного развития отдельных национально-культурных сообществ, что, в свою очередь, является особенно актуальным на современном этапе развития российской государственности.

Феноменологический подход. Феноменологическая школа права сформировалась в результате влияния идей философской феноменологии на сферу юридической науки, где они были восприняты отраслевыми направлениями: теорией и историей государства и права, философией и социологией права, конституционным и административным правом, теорией управления, муниципальным правом и др. Обращение к философской феноменологии было обусловлено, согласно убеждению представителей феноменологической школы права, эффективностью феноменологии как методологии исследования правовой действительности.

Н.Н. Алексеев считает, что понятие права изначально не должно, да и не может определяться через другие понятия, феномен права выступает носителем обнаруживающихся ценностей. По Алексееву, через понятие права должны определяться все другие понятия научной теории.

Феноменология обращается не к эмпирически изменчивым экзистенциальным формам права, но к его сущностной – эссенциальной основе, явленному сознанию исследователя, правовому эйдосу. В видении феноменологов права идеальная сущность права не зависит от времени и пространства, она представляет собой структуру, в которой выражается эйдетический смысл права.

Феноменология представляет собой оригинальную, продуктивную, синтезирующую разнообразные исследовательские подходы в понимании права методологию. Феноменология как теория и методология познания права является частью неклассической юридической науки, отдельные элементы этого метода используются в рамках иных неклассических подходов – юридической герменевтики, аксиологии права. Необходимо констатировать, что феноменология права выступает как альтернатива социологическому и естественно-правовому подходам в понимании права, одновременно в ее рамках осуществляется, в определенном смысле, синтез этих двух способов исследования права. Особенностью феноменологии права является ее ориентированность на исследование, с одной стороны, актуального права как социального процесса, происходящего в принципиально «открытом» жизненном мире, с другой – потенциального права как универсальной идеальной основы права. Феноменологический подход может быть использован в качестве технологии исследования действующего позитивного права. В таком ракурсе в любой правовой норме выявляется идеальная правовая структура, обуславливающая процесс реализации нормы.

Вместе с тем в современной отечественной науке этот подход используется достаточно редко по ряду причин. Во-первых, неприятие феноменологии связано со сложностью и недостаточной определенностью феноменологической терминологии, в частности таких терминов, как интенция, нозма, нозис и др.; во-вторых, невостребованность феноменологии как ме-

тодологии познания права вызвана отсутствием стойкой исследовательской традиции приложения феноменологического метода к познанию российской правовой действительности.

Одним из недостатков феноменологических концепций права принято считать отсутствие, по определению Р. Мертона, теорий среднего уровня, позволяющих связать абстрактное основание феноменологии права с конкретными исследованиями права как социокультурного феномена. Так, известный теоретик права И.Л. Честнов полагает, что «трансцендентальной феноменологии права не хватает конкретики имманентного, тогда как социологической феноменологии права недостает априорного основания, свойственного всем правовым явлениям» [8].

Проблема использования в российском правоведении феноменологического подхода, остается нерешенной, но представляется, что основные феноменологические установки способны сыграть важную методологическую роль в познании правовой действительности.

Интегративный подход. Под интегративным подходом понимают целостное представление совокупности объектов, явлений, процессов, объединяемых общностью как минимум одной из характеристик, в результате чего создается его новое качество. В последние годы наблюдается тенденция широкого использования интегративного подхода для изучения социальных практик. Активное внедрение интегративного подхода существует, в частности, в исследованиях по юриспруденции. В качестве примеров можно привести следующие работы: Графский В.Г. «Интегративная юриспруденция в условиях плюрализма подходов к изучению права», Залоило М.В., Черкашина-Шмидт О.В. «Интегративное правописание», Кошелев М.С. «Интегративный подход к выявлению ценностного содержания права в русской философии права», Стахов А.И. «Интегративный подход к пониманию административного процесса в России», Карташов В.Н. «О многообразии подходов к праву и интегративному его определению», Зазаева Н.Б. «Соотношение права и нравственности в свете интегративного подхода» и др.

Накопленный потенциал интегративного подхода позволил использовать его в области правопонимания и сформулировать ученым новые концепции и правовые парадигмы.

Анализ современных взглядов позволяет выделить следующие основные направления рассмотрения вопроса о правопонимании: позитивистско-нормативистское (монистическое) (право – это нормы, генетически и функционально связанные с государством); естественно-правовое (различия права и закона; право имеет человеческую природу); интегративное (интегральное), которое объединяет известные атрибуты существующих школ правопонимания [9].

Современный период эволюции правовой мысли (вторая половина XX – начало XXI в.) ознаменован появлением, среди прочих, следующих теоретико-методологических концепций: коммуникативная теория А.В. Полякова, институциональная теория В.А. Четвернина, либертарная теория В.С. Нерсесян-

ца, гуманистическая теория С.С. Алексеева, антропологическая теория А.И. Ковлера. Не вдаваясь в подробности изложения каждой теории, можно однозначно говорить о том, что они являются «синтезично-интеграционными» теориями права.

«Современная российская юридическая наука, – отмечает Р.Р. Палеха, – демонстрирует отчетливо наметившийся вектор развития интегративных концепций правопонимания, рассматриваемых как прогрессивное направление правовой мысли по преодолению методологического кризиса общей теории права и выработке подхода адекватного требованиям XXI в.» [10]. Действительно, на сегодняшний день интегративный подход занимает собственное место в методологических началах общей теории права. Он активно используется в исследованиях, начиная с первичного элемента правовой системы – нормы права и заканчивая областью типов правопонимания. Интеграция происходит как в рамках отдельных правовых институтов, так и в области национальных правовых систем. Данный процесс давно вышел за рамки правоотношений и применяется в различной социальной практике, включая и мировоззренческий уровень. Несомненно, стоит говорить о том, что интегративный подход в юридических исследованиях является современным драйвером, стимулирующим научную мысль (в том числе в контексте критики его применимости) как в области теории государства и права, так и в отдельных отраслях права.

Структурно-функциональный подход. Любая наука в той или иной мере использует функциональный (динамический) и институциональный, структурный (статический) методы. Когда государственные или правовые явления исследуются в движении, развитии, через выполняемые в обществе функции, то говорят об использовании функционального метода. Если правовые или государственные институты исследуются в статике, со стороны их структуры, содержания вне их развития и функционирования в обществе, то речь идет об институциональном, структурном методе. Всестороннее и полное исследование части государственно-правовой действительности невозможно без использования как функционального, так и институционального, структурного методов в совокупности: глубокие знания государственных и правовых явлений предполагают исследование не только статичной структуры того или иного государственного или правового института, но и постижение тех качеств, свойств, которые актуализируются у такого института в результате его функционирования, выполнения возложенных на него целей, задач, а также результатов различных направлений его деятельности.

В то же время использование структурно-функционального подхода имеет огромный эвристический потенциал не только в рамках социологии (где он первоначально использовался), но и при изучении государственно-правовых явлений, социального управления, разнообразных феноменов административно-хозяйственной деятельности.

Так, результатом применения структурно-функционального подхода к феномену системы «сдержек и противовесов» может стать вывод о един-

стве публичной власти и функциональном характере полномочий, вторичных к структурным компонентам (элементам) властеотношений.

Справедливым является утверждение о том, что механизм социального управления – сложная система, элементы подсистем которой сами выступают как очень сложные системы [11. С. 54].

В качестве примера использования структурного и функционального анализа в юридических исследованиях можно привести положения монографии Ю.М. Козлова, посвященной административным правоотношениям [12]. Так, при отграничении функций организации от функций управления говорится об организации в двух смыслах: структурном и функциональном. Происходит раскрытие статической и динамической сущности организации как фундамента управляющего воздействия, вводится категория «организующая деятельность», объединяющая структуру и функцию в единое целое для полноценного рассмотрения феномена административных правоотношений.

При этом стоит сделать оговорку: не все, что претендует на структурный функционализм, заявляет о себе в качестве соответствующей методологии, является ею. Дело в том, что структура и функция могут быть обнаружены в любом социальном явлении, не говоря уже о государственно-правовой действительности. Но данное обстоятельство еще никаким образом не указывает на то, что был целенаправленно (в теоретической и практической деятельности) использован структурно-функциональный подход. Ценность рассматриваемой методологии именно в том, что в результате ее разумного, целенаправленного использования должны быть открыты, объяснены, усовершенствованы элементы правовой системы.

Таким образом, структурно-функциональный подход в юриспруденции имеет достаточно широкий спектр применения (действия), является необходимым при изучении государственно-правовых явлений, в том числе административно-правовых, но, тем не менее, не претендует на абсолютный универсализм. Комплексный характер исследуемого подхода проявляется в возможности рассмотрения структурных либо функциональных компонентов, свойств и т.д. в качестве первичных или производных. Эвристический потенциал названного подхода не исчерпан, что указывает на его актуальность для современной юридической науки и практики.

Системный подход. Основой этой методологической установки получения научных знаний является важная философская категория – «система», охватывающая такую целостность, которая представляется самостоятельным организационным образованием. В социальных науках термин «система» отождествляется с интегральным единством однородных явлений и ролью (функцией), которую элемент выполняет в поддержании целостности и стабильности системы, частью которой он является.

Уже в XIX и XX вв. в специальной научной литературе по философии, а затем в социальных науках – философии права, общей теории права и социологии права – активно используется термин «система», что

позволяет объяснить явление на основе его элементного взаимодействия. Системный метод познания правовой действительности в его истинном научном значении относится не столько к общенаучным, сколько к философским методам познания. Собственно, на это обращали внимание разработчики системного метода, философы: И.В. Блауберг, Б.Г. Юдин, В.Н. Садовский, В.Н. Сагатовский, а также современные теоретики и юристы, которые обращают внимание ученых на философские проблемы и системный метод познания: С.С. Алексеев, Н.И. Карташов, В.Н. Синюков, В.Н. Протасов и др.

В современной юридической науке тезис о том, что закон имеет системное качество, никем не оспаривается. «Возможности познания остаются крайне ограниченными, если они не поднимаются выше уровня единства и непосредственности бытия объекта, если только они не исследуют конкретное явление как систему явлений...» [13. С. 46]. Система права – одна из проблем, которая постоянно находится в центре внимания юристов. В юридической литературе существует теория системы права, наличие определенной логической абстракции «системы права» ее собственного концептуального аппарата. Возможно, сегодня разработаны самые общие аспекты проблемы, которые связаны с количественным аспектом правовой системы, традиционно привлекающим внимание представителей как теории права, так и отраслевых наук.

Однако, несмотря на признание научным сообществом толкования права как системного явления, мало внимания уделяется знанию истинных (в данном случае – системных) принципов его формирования и развития, которое является условием для привлечения в качестве методологической основы такой специальной теории, как теория систем, способной объективизировать и актуализировать исследования в этой области знаний.

Так, право представляет собой сложное полиструктурное системное образование, обладающее основными свойствами, присущими системам в целом. Одной из важнейших особенностей правовой системы является организация, которая зависит от различных факторов, в частности от состояния отношений в системе.

Состав системы права формируется набором основных элементов его содержания (нормативных и правовых предписаний, институтов и отраслей права) и форм (нормативных актов, договоров и т.д.). Здесь, как и в любой системе, прослеживается зависимость каждого элемента (его части, свойств и т.д.) от места, роли и функции этого элемента в системе в целом. Все отмеченные элементы контента и формы взаимодействуют друг с другом (структурированы), образуя единую целостность – право.

Право является функциональной подсистемой социальной системы высшего порядка. Возникновение, развитие, существование и функционирование системы права тесно связаны с системой государственной организации общества с экономическими, религиозными и другими подсистемами.

Право – это функциональная система, которая предполагает подробный анализ не только основной

его деятельности в различных сферах общественной жизни, но также изучение функций отраслей, институтов и нормативных правовых положений. Снисходя по функциональной лестнице элементов системы более высокого порядка, проводится анализ иных элементов и, соответственно, формируется целостное знание о правовой материи.

Система права характеризуется не только единством, но и дифференциацией. Каждый компонент системы права (отрасли, институты, нормативные акты и т.д.) можно рассматривать как независимую систему (подсистему), которая имеет определенную целостность, единство, расчленение, структуру. С усложнением системы степень ее дифференциации возрастает, структура становится более сложной.

Отношения между компонентами гармонизированной системы механизма правового регулирования принципиально важны. Изменение одного из них обязательно требует изменения других, а часто и всей системы в целом. Существование такого тесного взаимодействия, органичной связи компонентов связано с тем, что во множестве процессов, во взаимодействии с окружающей средой вся система институтов государственной власти действует как единое целое. Естественно, жизнеспособность компонентов всей системы намного выше, чем жизнеспособность ее компонентов по отдельности.

Процессы и явления, внешние по отношению к этому интегральному механизму правового регулирования, с которым механизм так или иначе взаимодействует, влияя на них и изменяя в одно и то же время, составляют его среду. Можно сказать, что существенными характеристиками механизма правового регулирования являются его системные качества, состав, т.е. набор конкретных частей, динамическая структура и характер взаимодействия с внешними условиями.

Поскольку каждый человек индивидуален, а разные правовые системы развиваются по-разному, возникает проблема совместного развития, проблема коэволюции теорий и практики правового регулирования. В то же время деструктивно навязывать субъективное видение верховенства права и путей его ассимиляции для носителей других мировоззрений и цивилизационных ценностей. В соответствии с общими законами самоорганизации сложных правовых систем деструктивно стороннее навязывание вектора развития. Скорее, в рамках теоретического познания необходимо понимать, как продвигать собственные тенденции, как выводить системы по приоритетным направлениям развития.

Таким образом, системный характер является одним из важнейших качеств права, и он присущ ему объективно. Объективность этого свойства означает, что система права не может быть построена произвольно, она обусловлена законами социальной жизни, сферой общественных отношений.

Синергетический подход. Следуя насущным тенденциям постнеклассической научной парадигмы, использование методов синергетики в юриспруденции обусловлено системой взаимосвязанных способов познания междисциплинарного характера, применяемых сообразно принципам самоорганизации, которые

направлены на изучение связей и результатов взаимодействия между предметными областями теории права, в результате чего научно обосновываются правовые явления, которые ранее считались аномальными, случайными. Синергетический подход содержит в себе приемы и способы познания особых явлений – качественного изменения поведения динамической системы при незначительном изменении её параметров, бифуркационных явлений. Методы синергетики являются уникальными направлениями воздействия на познавательную и научную деятельности, которые возникли на идеях открытости, нелинейности, возможности использования хаотических (кризисных, неравновесных) процессов в целях самоорганизации систем различной природы [14]. Синергетика в юриспруденции выступает в роли метода, реализуя свои идеи в исследовании принципов становления и развития правовой системы.

Основной целью синергетического подхода в юриспруденции является поиск ранее не рассматриваемых тенденций эволюции и самоорганизации правовой системы и системы права. Методология синергетического подхода в современной юриспруденции является весьма актуальной в связи с необходимостью системологизации умножающегося объема издаваемых нормативных правовых актов, призванных оптимизировать усложняющиеся общественные отношения. Указанная методология развивает теорию правовой системы, акцентируя внимание на ее открытости и динамичности как условиях самоорганизационного развития посредством идеи соответствия правотворческого процесса функции общественного волепродуцирования.

Так, система права может быть представлена системой синергетической; будучи явлением объективным, система права формируется под влиянием факторов конкретно-исторических общественных отношений. При самоорганизации упорядоченные изменения системы права вызываются внутренними силами и факторами, присущими ей. Поэтому причины происходящих изменений самореферентны, заключены в самой системе права. Синергетика в теории права изучает систему права как самоорганизующуюся под действием внутренних механизмов системообразования, в результате чего появляется самопроизвольный порядок, отражающийся в равновесии между общественными отношениями и их нормативным регулированием, обеспечивая динамическую устойчивость их развития.

Синергизм является одним из критериев самоорганизации общетеоретических знаний о системе права и ее элементах: норм права, правовых институтов, подотраслей и отраслей права. Элементы системы права являются системными образованиями и занимают свое место в иерархии теоретического строения системы права. Теоретическое видение междотраслевых правовых институтов позволяет разделить их на группы правовых норм, регулирующих однородные отношения, что ведет к взаимодействию элементов системы права, появлению новых отраслей права.

Синергетика акцентирует внимание на имманентном характере противоречий между системой

права, системой законодательства и социумом, стабилизация отношений между которыми обеспечивается временным ориентиром народного целеполагания и систематически нарушается активностью самого общества.

Синергетика в юриспруденции ставит задачи изучения правового статуса личности в социальной среде, усматривая в качестве базового условия развития (нелинейного развития) общества и государства свободу воли (свободу неволи) отдельного индивида. В этом месте в качестве сопряженного предмета исследования появляется ключевая идея «правового синергизма». Понятие правового синергизма в теории права означает критерий соотношения в регулировании материальных и духовных потребностей общества, находящихся свое отражение как в научных теориях, так и в законодательстве.

Таким образом, анализ целого ряда правовых явлений с позиций синергетического подхода является оригинальным и может дать весьма интересные результаты в плане взаимодействия, взаимовлияния этих явлений друг на друга, поможет ответить на многие существующие в науке вопросы [15]. Можно сказать, что если в правовой сфере исследователем усматривается присутствие сложных, открытых, самоорганизационных системных феноменов, то методологию научного поиска, связанную с выявлением законов их развития и функционирования, целесообразно соотносить с концептуальными положениями синергетического подхода, способного привести положительные результаты при решении актуальных вопросов юридической науки.

Подводя итог вышеизложенному, надо сказать, что выбор методологического подхода играет определяющее значение в рамках любого исследования, поскольку подход дает сущностные ориентиры, понятийный аппарат и, по большому счету, весь инструментарий, который будет использоваться для достижения желаемого, а чаще всего – предполагаемого научного результата.

Отличаясь высокой степенью субъективизма, научное познание является весьма специфичным в спектре социальных типов деятельности. «Наука – это деятельность по развитию, конструированию и созданию наших понятий, средств нашего мышления. А уже ее результаты дальше поступают в сферу образования. И там уже становятся средством развития способностей. А потом люди поступают в сферу практики и там работают» [16. С. 190]. Выходит что научные исследования – это множественные индуктивные процессы, которые создают средства мышления, необходимые для образования практического базиса.

Таким образом, во благо развития общества и прогресса юридической науки представляется необходимым в области исследовательской деятельности опираться на опыт предшественников и учитывать позиции современников для того, чтобы объективно конструировать научные новеллы. Видится продуктивной познавательная установка ученого, совмещающая в себе как критический, так и самокритический анализ научных достижений, что, в свою очередь, обуславливается объемом знаний о количестве и качестве существующих методологических подходов в юридических исследованиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. М. : Аванта+, 2000. 560 с.
2. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.А. Воротникова; В.Л. Кулапов, Н.И. Матузов, А.В. Малько. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юр. норма, НИЦ ИНФРА-М, 2017. 640 с.
3. Алексеев С.С. Собрание сочинений. М. : Статут, 2010. Т. 7. 495 с.
4. Инишев И.Н. Чтение и дискурс : трансформации герменевтики / И.Н. Инишев. Вильнюс : ЕГУ, 2007. 168 с.
5. Бабенко А.Н. Ценности в государственно-правовом измерении / А.Н. Бабенко. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2015. 130 с.
6. Балайц М.С. Сущность ценностного подхода к праву / М.С. Балайц // История государства и права. 2007. № 3.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа : Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому / Н.Я. Данилевский. СПб. : Изд-во СПб. ун-та : Глаголь, 1995. 552 с.
8. Честнов И.Л. Правопонимание в эпоху постмодерна / И.Л. Честнов // Правоведение. 2002. № 2 (241). С. 4–16.
9. Залоило М.В. Интегративное правопонимание / М.В. Залоило, О.В. Черкашина-Шмидт // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 143–147.
10. Осинцев Д.В. Административная ответственность и ее превращенные формы // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 148–160.
11. Бахрах Д.Н. Основные понятия теории социального управления : учеб. пособие. Пермь : Перм. ун-т, 1978. 174 с.
12. Козлов Ю.М. Административные правоотношения. М. : Юрид. лит., 1976. 320 с.
13. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М. : Политиздат, 1976. 401 с.
14. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М. : Прогресс, 1986. 431 с.
15. Кирдяшов Е.В. К вопросу о возможности использования синергетики в теории государства и права // Российское право в Интернете. 2003. № 1. С. 28–35.
16. Щедровицкий Г.П. Психология и методология. М. : Путь, 2004. 368 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 марта 2018 г.

DISCOURSE OF METHODOLOGICAL APPROACHES IN MODERN LEGAL STUDIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 205–212.

DOI: 10.17223/15617793/430/28

Aleksandr V. Petrov, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: petrov_av2012@mail.ru

Aleksey V. Zyryanov, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: lotos495@mail.ru

Keywords: methodological approaches; legal science; research; state; law.

The object of the research is methodological approaches in contemporary legal studies. The article solves problems associated with the definition of the theoretical and research demand, the scope and range of effective application, the description and the methodological assessment of formal dogmatic, hermeneutic, axiological, civilisational, phenomenological, integrative, structural-

functional, systemic and synergetic approaches to research. The methods used include dialectics, comparative analysis, system approach, generalisation, concretisation, historical, logical, functional and comparative legal ones. Conclusions of the study were the following provisions: The problem of the modern use of the formal dogmatic approach to the legal system is connected with the increasing (evolving) mobility of the legal sphere. It is advisable to talk about the possibility of synthesising the formal dogmatic approach with elements of other methodological principles. When talking about legal hermeneutics, it is concluded that interpretation as a process concentrated on determining (understanding) and explanation of the will of the legislator is impossible without the knowledge of the legislative text generation. In turn, the axiological method allows revealing the essential goals of the perception of law in the formation of legal culture and reaching a qualitatively new level of assessment of social values of law as a whole through different interpretations of human rights values. In the context of the civilisational approach, attention is drawn to the need for the development of the concept of state-legal regulation to take into account the identity of the historical and cultural features of the public development of individual national-cultural communities. A feature of the phenomenology of law is its focus on the study of the current law as a social process and the potential law as a universal ideal which is the modern foundation of law. The integrative approach today occupies its own place in the methodological principles of the general theory of law. It is widely used in research, starting with the primary element of the legal system and ending with the types of law interpretation. The structural-functional approach in law is necessary in the study of state legal phenomena including legal and administrative ones. The comprehensive nature of the approach is in dealing with the structural or functional components, properties, etc. as primary or derived. The systemic approach, interpreting law as a systemic phenomenon, determines the use of the systems theory as a methodological framework. Synergy in law sets the task of studying the legal status of the individual in the social environment, seeing the freedom of will (freedom of no will) of an individual as the basic condition for the development (non-linear development) of society and the state. Here, the key idea of “legal synergy” appears as a related object of the research.

REFERENCES

1. Kerimov, D.A. (2000) *Metodologiya prava. Predmet, funktsii, problemy filosofii prava* [Methodology of law. Subject, functions, problems of the philosophy of law]. Moscow: Avanta+.
2. Matuzov, N.I. et al. (eds) (2017) *Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy* [Theory of state and law: lectures]. 3rd ed. Moscow: Yur. Norma, NITs INFRA-M.
3. Alekseev, S.S. (2010) *Sobranie sochineniy* [Works]. Vol. 7. Moscow: Statut.
4. Inishev, I.N. (2007) *Chtenie i diskurs: transformatsii germeneytiki* [Reading and discourse: the transformation of hermeneutics]. Vilnius: Estonian State University.
5. Babenko, A.N. (2015) *Tsennosti v gosudarstvenno-pravovom izmerenii* [Values in the state-legal dimension]. Chelyabinsk: South Ural State University.
6. Balayants, M.S. (2007) *Sushchnost' tsennostnogo podkhoda k pravu* [Essence of the value approach to law]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 3.
7. Danilevskiy, N.Ya. (1995) *Rossiya i Evropa: Vzgl'yad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe: A glance at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romance one]. St. Petersburg: Glagol'.
8. Chestnov, I.L. (2002) *Pravoponimanie v epokhu postmoderna* [Understanding of law in postmodernity]. *Pravovedenie*. 2 (241). pp. 4–16.
9. Zaloilo, M.V. & Cherkashina-Shmidt, O.V. (2014) *Integrativnoe pravoponimanie* [Integrative understanding of law]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 4. pp. 143–147.
10. Osintsev, D.V. (2012) *Administrativnaya otvetstvennost' i ee prevrashchennyye formy* [Administrative responsibility and its transformed forms]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 5. pp. 148–160.
11. Bakhrakh, D.N. (1978) *Osnovnye ponyatiya teorii sotsial'nogo upravleniya* [Basic concepts of the theory of social administration]. Perm: Perm State University.
12. Kozlov, Yu.M. (1976) *Administrativnye pravootnosheniya* [Administrative legal relations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
13. Kuz'min, V.P. (1976) *Printsip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa* [The principle of systematicity in Marx's theory and methodology]. Moscow: Politizdat.
14. Prigozhin, I. & Stengers, I. (1986) *Poryadok iz khaosa* [Order from chaos]. Moscow: Progress.
15. Kirdyashov, E.V. (2003) *K voprosu o vozmozhnosti ispol'zovaniya sinergetiki v teorii gosudarstva i prava* [On the possibility of using synergetics in the theory of state and law]. *Rossiyskoe pravo v Internetе*. 1. pp. 28–35.
16. Shchedrovitskiy, G.P. (2004) *Psikhologiya i metodologiya* [Psychology and methodology]. Moscow: Put'.

Received: 26 March 2018

К.В. Черкасов, Д.А. Осипов

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Анализируются принципы функционирования представителей органов государственной власти и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Освещена их специфика, предложена классификация. Раскрыты роль и значение принципов в механизме правового регулирования отношений представительства. Сформулированы предложения и рекомендации, направленные как на повышение эффективности деятельности представителей, так и на совершенствование государственного управления регионального уровня в целом.

Ключевые слова: представитель; принципы; высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации; законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации; глава региона; региональный парламент; субъект Российской Федерации; регион; региональное законодательство.

Характер и содержание правового регулирования той или иной сферы всегда определяют соответствующие исходные идеи и принципы. Являясь концептуальными правовыми основами функционирования государственно-правовых и иных институтов, они могут быть напрямую не закреплены в нормативных положениях, но проистекать из их смысла. При этом понимание и учет принципов, на которых строится деятельность субъектов правоотношений, крайне важны, так как позволяют соблюсти не только букву закона, но и его дух. На данное обстоятельство в своих учениях в свое время акцентировали внимание, в частности, Кун Цю (Конфуций), Ф. Аквинский, Г.В. Лейбниц. С развитием юридической науки принципы права также содействуют объединению норм, институтов, подотраслей права в общую систему, служат исходной точкой для толкования его норм и отправным положением при их сопоставлении с аналогичными правовыми образованиями иностранных государств [1. С. 6]. Подтверждением этого сегодня в полной мере выступает практика деятельности органов конституционной юстиции страны, судов общей юрисдикции в ходе рассмотрения и разрешения по существу подведомственных дел. Принятие принципов за отправную точку и их нормативное закрепление позволяют системно подойти к правовому регулированию общественных отношений и организовать единообразный правотворческий процесс, обеспечивающий унификацию и гармонизацию законодательства, что в полной мере применимо и к функционированию представителей органов государственной власти и высших должностных лиц регионов.

Отношения представительства в субъектах России урегулированы рядом актов, в большинстве своем регионального уровня: указы, постановления и распоряжения высших должностных лиц субъектов России; постановления высших органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации; уставы, конституции и законы субъектов России; договоры, регламенты и положения межпарламентских ассоциаций. Отдельные аспекты раскрыты и в федеральном законодательстве. Однако в этих документах отсутствуют нормы, четко закрепляющие принципы, в соответствии с которыми представители органов госу-

дарственной власти и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации должны осуществлять свою деятельность. Вместе с тем определение и реализация принципов в работе данных представителей, несомненно, будут способствовать решению проблем существующего фрагментарного регулирования отношений представительства на региональном и муниципальном уровнях, противоречия директив органов исполнительной власти и должностных лиц, отсутствия единых правил имплементации и единой терминологической основы. В этой связи имеется настоятельная потребность в выявлении, характеристике, классификации и нормативном закреплении принципов функционирования представителей органов государственной власти и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации.

Следуя традиционной системе классификации принципов организации и деятельности властных субъектов в юридической науке, позволим предложить аналогичным образом разделить принципы функционирования представителей органов государственной власти и высших должностных лиц субъектов России на две группы: общие принципы (определяют общие требования к работе представителя как субъекта конституционно-правовых отношений) и организационные принципы (определяют требования к работе представителя как к лицу, входящему в иерархию государственно-властных отношений). К первой группе могут быть отнесены принципы законности, объективности, конкретности, эффективности и экономичности. Ко второй группе – принципы подотчетности, независимости, открытости, подотчетности и ответственности, сочетания единоначалия и коллегиальности, непосредственности деятельности. Большинство принципов, прямо либо в том или ином контексте, подробно рассматривались Конституционным Судом России и конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации в процессе разрешения подведомственных дел. Конечно, в этой связи позиции органов конституционной юстиции не могут быть не учтены. Вместе с тем непосредственное комментирование принципов представительства органов государственной власти и высших должностных

лиц субъектов Российской Федерации органами конституционного контроля до настоящего времени не осуществлялось. Рассмотрим каждый из обозначенных принципов подробнее в отдельности.

Первая группа. *Принцип законности.* Еще в 1995 г., впоследствии неоднократно подтвержденная высшим органом конституционной юстиции России выражена правовая позиция, согласно которой установление верховенства закона (применение принципа законности) возможно при условии определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, а также отсутствия неограниченного усмотрения в процессе правоприменения [2–4]. Вместе с тем механизм экстраполяции сформулированной идеи в конкретные институты предложен не был, чем фактически созданы правовые основы для самостоятельной конкретизации иными субъектами содержания принципа законности в конкретных отраслях и институтах права.

Содержание принципа законности в рамках рассматриваемого института сводится к тому, что любая деятельность представителя органа государственной власти и высшего должностного лица региона должна осуществляться не на основании исключительно личного усмотрения и субъективного отношения к ситуации, а на основе соблюдения предписаний нормативных правовых актов. Данный принцип также предполагает недопустимость противопоставления законности и целесообразности, а также единство понимания и применения положений правовых актов. К сожалению, нормативные правовые акты, раскрывающие правовой статус представителей региональных органов государственной власти и должностных лиц часто содержат различные правила, регламентирующие их деятельность, что в некоторой степени затрудняет реализацию принципа законности. В этой связи представляется целесообразным закрепить данный принцип непосредственно в общих положениях основополагающих нормативно-правовых актов, регламентирующих основы правового статуса представителя органа государственной власти и высшего должностного лица субъекта России.

Принцип объективности. Согласно нему закрепляется идея истинного отражения положения вещей в области функционирования лица, воспроизведении его таковым, какое оно есть на самом деле. Данный принцип также означает стремление получить максимум достоверной информации о явлениях, подвергаемых изучению, при том, чтобы влияние субъективных факторов было сведено к минимуму. Содержание принципа объективности в конституционно-правовой сфере также конкретизируется в ч. 2 § 34.1. Регламента Конституционного Суда Российской Федерации в том ключе, что соблюдение требования объективности предполагает свободу от политических пристрастий [5]. В контексте отношений представительства это значит максимально полное, конкретное и беспристрастное отражение сведений о результатах своей деятельности и работы лиц, с которыми осуществляется взаимодействие, в отчетах представляемым должностному лицу или органу власти. Соблюдение принципа объективности крайне важно для повышения эффективности государственного администриро-

вания и развития институтов гражданского общества. Так, представитель регионального парламента в межпарламентском объединении (ассоциации) может прийти к выводу, что ассоциация не справляется с закрепленными за нею функциями, а решение поставленных перед ней задач и, как следствие, достижение цели её деятельности невозможны. Представитель органа государственной власти в органе управления (контроля) хозяйственного общества может обнаружить, что деятельность общества нерентабельна или, что финансово-хозяйственная политика, утвержденная главой региона, ошибочна. В этой связи принцип объективности должен быть не только нормативно закреплен, но и обеспечен соответствующим механизмом реализации.

Принцип конкретности. Наличие принципа конкретности в деятельности представителей органов государственной власти субъектов России обусловлен и предопределен четкостью (конкретностью) государственного администрирования вообще, составной частью которого выступает институт представительства государственных органов и должностных лиц [6, 7]. Принцип конкретности (обособленно либо в структуре других принципов) заключается в осуществлении управления применительно к конкретным жизненным обстоятельствам с учетом разнообразных форм проявления объективных законов, на основе достоверной информации как о внутреннем состоянии объекта управления, так и о внешних условиях, в которых он находится, и существует наряду с иными общими (социально-правовыми) принципами государственного администрирования [8].

Применительно к институту представительства принцип конкретности состоит в осуществлении представителем деятельности с учетом объективно сложившейся предметной политической и социально-экономической обстановки, а также действующего законодательства на основе достоверной, полной и систематизированной информации об объекте, на который распространяется спектр усилий лица, и внешней среде. Представитель должен рассчитывать на получение от представляемого и иных субъектов информации, соответствующей профилю его деятельности и возложенным на него функциям (за исключением случая, когда представитель назначается лишь для того, чтобы собрать определенные сведения и систематизировать их). В противном случае это может негативно сказаться на результатах деятельности представителя.

Практическую реализацию принципа конкретности в механизме представительства региональных государственных структур возможно обеспечить посредством установления в нормативных документах соответствующих положений, закрепляющих право представителя получать и обязанность представляемого передать информацию о сложившейся ситуации в сфере, в которой должен действовать представитель. В отношении каждого вида представителя логично разработать форму отчетной документации, максимально отражающую поставленные перед ним задачи и реализуемые функции. Так, в частности, отчет представителя регионального государственного органа в органе управления (контроля) хозяйственного общества может содержать систематизированную информацию о состоянии хозяй-

ствующего субъекта, прогноз экономического развития предприятия, предложения и рекомендации по повышению уровня его рентабельности. Формы отчетов или как минимум перечень сведений, которые должны содержаться в отчетах, возможно, могли бы найти закрепление в правовых актах, регламентирующих функционирование представителей.

Принцип эффективности и экономичности. Предполагает рациональное распределение усилий, решение задач и достижение поставленных перед представителем целей при наименьших затратах сил, материальных средств и времени. Иными словами, под эффективным и экономичным осуществлением деятельности понимается то, что при минимальных вложениях дает требуемый результат надлежащим образом, неукоснительно и к установленному сроку. Существуют разные критерии эффективности – сроки окупаемости, размеры затрат, сроки выполнения задач и т.д. Индикаторы результативности деятельности представителей органов государственной власти и высших должностных лиц субъектов России не должны иметь формальный характер и включать лишь количественные критерии, например число принятых решений, проведенных заседаний или внесенных проектов нормативно-правовых актов. При этом критерии эффективности не могут быть абсолютно идентичными для представителей региональных органов государственной власти и высших должностных лиц разной видовой принадлежности. Реализация принципа эффективности и экономичности напрямую связана со стимулированием и заинтересованностью должностных лиц (государственных служащих субъектов Российской Федерации; лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации), их инициативностью и ответственностью.

Вторая группа. *Принцип подчиненности.* Закрепляет обязанность для представителя исполнять законные поручения представляемого государственного органа или должностного лица. Сегодня реализацию данного принципа несколько осложняет пробельность и размытость правовых предписаний, определяющих статус представителей. Примером такого может служить следующее. Согласно п. 3.8. Положения о министре Правительства Нижегородской области – полномочном представителе Губернатора в Законодательном Собрании Нижегородской области установлено, что представитель «обеспечивает подготовку заключений Губернатора на проекты законов Нижегородской области о введении или об отмене налогов, освобождении от их уплаты, изменении финансовых обязательств Нижегородской области, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет средств областного бюджета» [9]. Таким образом, определено, что представитель осуществляет обеспечение подготовки заключений главы региона, но при этом не конкретизировано, в чем именно оно выражается, в чем собственно состоит. Это может быть не только сбор информации, необходимой для подготовки заключения, но и подготовка проекта заключения, прочее. Такая свобода усмотрения высшего должностного лица субъекта России предоставляет возможность последнему поручать своему представи-

телю выполнять функции, не свойственные его назначению и месту в механизме осуществления региональной государственной власти.

В контексте рассматриваемого принципа нельзя обойти вниманием встречающиеся так называемые отношения двойной подчиненности представителя. Так, п. 1.5 указанного нормативного акта устанавливает, что «министр – полномочный представитель Губернатора – несет ответственность перед Губернатором за выполнение возложенных на него задач и в своей деятельности непосредственно курируется заместителем Губернатора, заместителем Председателя Правительства Нижегородской области, курирующим вопросы государственно-правового, организационного и информационного обеспечения деятельности Правительства». Вместе с тем не определены содержание кураторства и конкретные полномочия куратора. Исходя из общепринятого значения, «куратор» представляет собой «опекуна, попечителя, лицо, отвечающее за работу курируемого лица». Отсюда «куратор» в данном документе фактически используется в значении «руководитель», что предполагает двойственность подчинения представителя как главе региона, так и его заместителю. Схожий пример: «Полномочный представитель Губернатора Омской области, Правительства Омской области в судах, правоохранительных и контролирующих органах представляет интересы Губернатора Омской области, Правительства Омской области во всех судах, правоохранительных и контролирующих органах». При этом «Деятельность полномочных представителей координируется и обеспечивается Главным государственно-правовым управлением Омской области» [10]. Подобная ситуация гипотетически может негативно отразиться на эффективности деятельности представителя в условиях политического противостояния на региональном уровне.

Думается, отношения представительства подразумевают тесную связь «представитель – представляемый» и не предполагают наличия между ними иного лица – куратора, координатора и т.п. В этой связи логичной представляются непосредственная подчиненность и подотчетность представителя представляемому субъекту. В этой части можно назвать образцовым п. 3.2 Положения о представителе Губернатора и Правительства Алтайского края в Алтайском краевом Законодательном собрании, в соответствии с которым «Представитель несет персональную ответственность за исполнение своих должностных обязанностей перед Губернатором Алтайского края. В своей деятельности Представитель непосредственно подчиняется Губернатору Алтайского края» [11].

Принцип независимости. По содержанию включает в себя институциональное и функциональное обособление. Устанавливается определенная (относительная) степень автономности представителя в иерархической системе органов государственного управления регионального уровня, а равно запрет на необоснованное вмешательство в его деятельность, что, тем не менее, также предполагает взаимодействие представителя с иными институтами государства и гражданского общества для достижения целей его существования. Крайне важно соблюсти требуе-

мый баланс в рамках автономности и взаимодействия. В данном ракурсе особое значение приобретает личностное доверительное отношение представляемого и представителя, что в реальности затрудняет нормативное определение исчерпывающего перечня обстоятельств досрочного или иного прекращения полномочий последним. При этом можно говорить о персональной независимости представителя, состоящей в профессионализме и беспристрастности. Это обуславливает ситуацию, когда положения нормативных актов вообще не определяют условия прекращения полномочий представителя [12]. Данная позиция вполне обоснована распространением на представителей норм законодательства о государственной гражданской службе субъекта России или о лицах, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации. Пример последнего. В Нижегородской области должность министра Правительства Нижегородской области – полномочного представителя Губернатора в Законодательном Собрании Нижегородской области – относится к государственной должности Нижегородской области в органах исполнительной власти Нижегородской области [13]. Освобождение от должности по каким-либо причинам высшего должностного лица, роспуск или ликвидация регионального государственного органа должны влечь за собой освобождение от должности их представителей. К представителям глав регионов логично применить те же основания освобождения от должности, что и к высшим должностным лицам субъектов России [14].

Принцип открытости. Сегодня наполнен обновленным содержанием в связи с активным формированием системы открытого правительства (открытого государственного управления) на региональном уровне. Проект (концепция) «Открытый регион» в целом означает не только некую прозрачность, информационную открытость данных представителя для институтов гражданского общества, но и предполагает существование механизма обратной связи граждан с представителем, некий определенный учет потребностей первых в деятельности последнего. К сожалению, воплощение данного принципа в деятельность представителя государственного органа или высшего должностного лица субъекта России на практике наталкивается на ряд как объективных, так и субъективных обстоятельств. Между тем реализация принципа открытости, несомненно, будет способствовать развитию исследуемого института.

Принцип подотчетности и ответственности. Знаменует собой аргументирование представителем своих действий и решений перед представляемым и безусловное претерпевание негативных правовых последствий в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения своих должностных обязанностей. Представительство в силу своей сущности обязывает представителя реализовывать свои задачи и функции в соответствии с волей представляемого, отчитываться перед ним о проделанной работе в установленный срок и в определенной форме. При этом отступление от обозначенных правил деятельности влечет юридическую, в том числе конституционно-правовую, ответственность представителя. Для механизма реали-

зации принципа подотчетности и ответственности принципиальное значение имеет характеристика представляемого субъекта – коллегиальный или единоначальный региональный государственный орган, либо должностное лицо. Это в значительной мере обуславливает специфику форм и процедур подотчетности и ответственности. К сожалению, приходится констатировать, что на сегодняшний день в региональном законодательстве должного внимания легальному раскрытию содержания данного принципа и его нормативному закреплению не уделено. Нет его толкования и в судебных решениях.

Принцип сочетания единоначалия и коллегиальности. Содержание данных принципов достаточно подробно освещено в административно-правовой и гражданско-правовой литературе доктринального уровня как относительно принятия управленческого решения (административного акта), так и судебного решения (акта правосудия). При этом должное внимание уделено и положительным, и отрицательным сторонам этих принципов. В целом мнения ученых сводятся к тому, что коллегиальность обеспечивает более тщательное и многостороннее обсуждение принимаемых решений, их основательность и затруднительность подкупа, разрешение трудных вопросов толкования и применения закона, в то время как единоначалие обеспечивает быстроту принятия решения. В этой связи рациональной представляется позиция Г.Л. Осокиной, которая, рассуждая о преимуществах и недостатках принципов коллегиальности и единоначалия, справедливо говорит о необходимости «разумного сочетания указанных начал с тем, чтобы максимально были задействованы положительные моменты коллегиальности и единоначалия и минимизированы их отрицательные черты» [15. С. 128].

Применительно к исследуемому институту, рассматриваемый принцип состоит в единоличном в рамках своей компетенции решении представителем вопросов текущего характера, что определяет его персональную ответственность и оперативность решения поставленных задач. Однако ряд функций и полномочий представителю затруднительно действенно реализовывать без профессиональной помощи и консультационной поддержке иных лиц. Так, подготовка предложений или замечаний по существу проблем, обсуждаемых на конференции межпарламентской ассоциации, осуществляется представителем регионального парламента совместно с другими членами делегации. Представитель главы субъекта Российской Федерации в муниципальном образовании единолично принимает решения по обращениям граждан, но при подготовке решения обращается к сотрудникам общественной приемной главы региона. Отдельные аспекты реализации принципа сочетания единоначалия и коллегиальности в некоторых случаях могут также проявляться в учреждении и функционировании при представителях структур, осуществляющих организационно-техническое и консультативно-информационное сопровождение их деятельности. Речь идет об аппаратах представителей (определенном их аналоге) и консультативных (совещательных) органах при них. Вместе с тем наличие коллегиальной

составляющей в деятельности представителя не означает нивелирования его персонифицированной (персональной) ответственности. Интеллектуальный потенциал коллектива профессионалов и принятие ответственности за вынесенное решение одним лицом позволяют принять оптимальное решение и достичь уровня максимально эффективного осуществления представителем принадлежащих ему полномочий.

Принцип непосредственной деятельности. Требуется личного участия представителя в осуществлении возложенных на него функций и полномочий. При этом не отрицается его право поручить отдельным лицам выполнение некоторых работ, например сбор информации или технические мероприятия по подготовке документов. Но возникает закономерный вопрос, какие действия представитель может поручить исполнить иным лицам, а какие нет. Региональное законодательство не дает исчерпывающего ответа на данный вопрос. Можно лишь предположить, что, например, представитель регионального парламента в межпарламентской ассоциации должен лично участвовать в работе органов межпарламентских объединений, поскольку именно он входит в делегацию

регионального парламента, а перечень функций и полномочий по большей части таковы, что позволяют осуществить их лично. Вместе с тем подобные догадки вряд ли следует признать в полной мере юридически обоснованными, как и любые иные, аналогичные им. В этой связи представляется необходимым закрепить в официальных документах, определяющих правовой статус представителей, перечень прав и обязанностей, реализуемых ими непосредственно. Логично, что данный перечень будет отличаться для разного вида представителей региональных государственных органов и должностных лиц.

В заключение отметим, в целом, нормативное закрепление принципов организации и деятельности представителей органов государственной власти и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации, а равно их детализация в региональных нормативных правовых актах, несомненно, будет способствовать не только конкретизации их правовых статусов применительно к видовой характеристике, но и повышению эффективности функционирования, оптимизации их места в механизме реализации властных полномочий на региональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пилипенко А.А. Принципы финансового права России и их нормативное закрепление : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 26 с.
2. По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Н. Ситаловой : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.04.1995 № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 18. Ст. 1708.
3. По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.07.1999 № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 30. Ст. 3988.
4. По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области» в связи с запросом Челябинского областного суда : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11.11.2003 № 16-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 46 (ч. 2). Ст. 4509.
5. Регламент Конституционного Суда Российской Федерации (ред. от 10.10.2017) // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. Российское законодательство (Версия Проф). Электрон. дан. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
6. Бородин С.С. Административное право. Общая и Особенная часть : курс лекций / С.С. Бородин, С.С. Громыко. СПб., 2007. 432 с.
7. Максимов С.Н. Принципы государственного управления и формирование системы экономической безопасности // Публичное и частное право. 2013. № 1. С. 34–42.
8. Корнев А.П. Административное право России : учеб. : в 3 ч. М. : Изд-во Моск. юрид. ин-та МВД России, 1996. Ч. 1. 268 с.
9. Об обеспечении взаимодействия с Законодательным Собранием Нижегородской области : указ Губернатора Нижегородской области от 26.08.2010 № 65 / КонсультантПлюс : справ.-правовая система. Российское законодательство (Версия Проф). Электрон. дан. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
10. О полномочных представителях Губернатора Омской области и Правительства Омской области в судах, правоохранительных и контролирующих органах : указ Губернатора Омской области от 15.03.2004 № 62 (с послед. изм. и доп.) // Омская правда. 2004. № 23.
11. Об утверждении Положения о Представителе Губернатора и Правительства Алтайского края в Алтайском краевом Законодательном Собрании : указ Губернатора Алтайского края от 30.12.2016 № 178 // Алтайская правда. 2017. № 8.
12. О полномочном представителе губернатора Магаданской области в Магаданской областной думе : Постановление Губернатора Магаданской области от 25.03.2004 № 55 // КонсультантПлюс : справ.-правовая система. Электрон. дан. М., 2005. Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
13. О государственных должностях Нижегородской области и Реестре должностей государственной гражданской службы Нижегородской области : закон Нижегородской области от 30.12.2005 № 225-3 (с послед. изм. и доп.) // Правовая среда. 2006. № 3 (676).
14. Черкасов К.В., Осипов Д.А. Представитель главы региона в региональном парламенте : место, роль и значение в механизме осуществления публичной власти // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 228–234.
15. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть : учеб. 3-е изд., перераб. М. : Норма : НИЦ Инфра-М, 2013. 704 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 27 января 2018 г.

PRINCIPLES OF ORGANISATION AND ACTIVITIES OF COMMISSIONERS OF THE AUTHORITIES OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORY AND PRACTICE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 213–218.

DOI: 10.17223/15617793/430/29

Konstantin V. Cherkasov, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation); Russian Academy of National Economy under the President of the Russian Federation (Nizhny Novgorod Administration Institute) (Nizhny Novgorod, Russian Federation); Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Syktyvkar, Russian Federation). E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

Daniil A. Osipov, Russian Academy of National Economy under the President of the Russian Federation (Nizhny Novgorod Administration Institute) (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: daniilosipov92@gmail.com

Keywords: commissioner; principles; highest official of subject of Russian Federation; legislative (representative) body of state power of subject of Russian Federation; head of region; regional parliament; subject of Russian Federation; region; regional legislation.

The article is devoted to the principles of functioning of commissioners of regional government bodies. Understanding and taking into account the principles on which the activities of subjects of power relations are based allow observing both the letter and the spirit of the law. The principles provide an opportunity to systematise the legal regulation of public relations and organise a uniform law-making process that maximises the unification of legislation. In the field of representation of government bodies and senior officials of the constituent entities of the Russian Federation, it directly contributes to solving the problems of fragmented regulation of relations of representation at the local level of administration, the contradiction of the directives of state bodies, the absence of unified rules of implementation and a single terminological basis. The aim of the study is to formulate general theoretical conclusions and provisions, to develop recommendations and proposals aimed at optimising the organisational and legal framework for the activities of commissioners of regional government bodies. Federal legislation that regulates the organisation and functioning of the system of regional state bodies, fundamental and diverse regional legal acts and acts of constitutional justice bodies, treaties, regulations and provisions of inter-parliamentary associations were analysed. Approved methods of scientific cognition were used: general scientific (logical, dialectical, structural functional, systemic) and specific-legal (formal legal, interpretations of law, comparative law, legal forecasting). The principles of the institution of representation of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation were divided into two groups: general principles, which determine the general requirements for the work of the commissioner as a subject of constitutional and legal relations, and organisational principles, which determine the requirements for the work of the commissioner as a person, entering into the hierarchy of state-power relations. The article presents proposals and recommendations aimed at increasing the effectiveness of the institution of representation of regional bodies and officials. It is argued that the normative consolidation of the principles of organisation and activity of the commissioner of regional government bodies, as well as their detailing in regional normative legal acts, will help not only to specify their legal status in relation to the species characteristic, but also to increase the efficiency of their functioning, to optimise their place in the mechanism for implementing powers at the regional level.

REFERENCES

1. Pilipenko, A.A. (2013) *Printsipy finansovogo prava Rossii i ikh normativnoe zakreplenie* [Principles of the financial law of Russia and their normative consolidation]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
2. Russian Federation. (1995) Po delu o provere konstitutsionnosti chastei pervoy i vtoroy stat'i 54 Zhilishchnogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhaloboy grazhdanki L.N. Sitalovoy: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 25.04.1995 № 3-P [On the verification of the constitutionality of the first and second parts of Article 54 of the RSFSR Housing Code in connection with the complaint of citizen L.N. Sitalova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 3-P of April 25, 1995]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 18. Art. 1708.
3. Russian Federation. (1999) Po delu o provere konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy Zakona RSFSR "O Gosudarstvennoy nalogovoy sluzhbe RSFSR" i zakonov Rossiyskoy Federatsii "Ob osnovakh nalogovoy sistemy v Rossiyskoy Federatsii" i "O federal'nykh organakh nalogovoy politzii": Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 15.07.1999 № 11-P [On the verification of the constitutionality of certain provisions of the RSFSR Law "On the State Tax Service of the RSFSR" and the laws of the Russian Federation "On the Basis of the Tax System in the Russian Federation" and "On Federal Tax Police Authorities": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 11-P of July 15, 1999]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 30. Art. 3988.
4. Russian Federation. (2003) Po delu o provere konstitutsionnosti polozheniy punkta 2 stat'i 81 Zakona Chelyabinskoy oblasti "O byudzhetnom ustroystve i byudzhetnom protsesse v Chelyabinskoy oblasti" v svyazi s zaprosom Chelyabinskogo oblastnogo suda: Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 11.11.2003 № 16-P [On the verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of Article 81 of the Chelyabinsk Oblast Law "On the Budget Structure and the Budgetary Process in Chelyabinsk Oblast" in connection with the request of the Chelyabinsk Regional Court: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of November 11, 2003]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 46 (2). Art. 4509.
5. Konsul'tantPlyus. (2005) *Reglament Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii (red. ot 10.10.2017)* [Regulations of the Constitutional Court of the Russian Federation (as amended on October 1, 2017)]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
6. Borodin, S.S. & Gromyko, S.S. (2007) *Administrativnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chast': kurs lektsiy* [Administrative law. General and Special part: lectures]. St. Petersburg: GUAP.
7. Maksimov, S.N. (2013) The principles of state government and economic safety system formation. *Publichnoe i chastnoe pravo*. 1. pp. 34–42. (In Russian).
8. Korenev, A.P. (1996) *Administrativnoe pravo Rossii: v 3 ch.* [Administrative Law of Russia: in 3 parts]. Pt. 1. Moscow: IMoscow Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
9. Konsul'tantPlyus. (2005) *Ob obespechenii vzaimodeystviya s Zakonodatel'nym Sobraniem Nizhegorodskoy oblasti: ukaz Gubernatora Nizhegorodskoy oblasti ot 26.08.2010 № 65* [On ensuring interaction with the Legislative Assembly of Nizhny Novgorod Oblast: the decree of the Governor of Nizhny Novgorod Oblast No. 65 of August 26, 2010]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
10. Omskaya pravda. (2004) O polnomochnykh predstaviteley Gubernatora Omskoy oblasti i Pravitel'stva Omskoy oblasti v sudakh, pravookhranitel'nykh i kontroliruyushchikh organakh: ukaz Gubernatora Omskoy oblasti ot 15.03.2004 № 62 (s posled. izm. i dop.) [About plenipotentiary representatives of the Governor of Omsk Oblast and the Government of Omsk Oblast in courts, law enforcement and controlling bodies: the decree of the Governor of Omsk Oblast No. 62 of March 15, 2004 (with latest amendments)]. *Omskaya pravda*. 23.
11. Altayskaya pravda. (2017) Ob utverzhdenii Polozheniya o Predstavitele Gubernatora i Pravitel'stva Altayskogo kraya v Altayskom kraevom Zakonodatel'nom Sobranii: ukaz Gubernatora Altayskogo kraya ot 30.12.2016 № 178 [On approval of the Provision on the Representative of the Governor and the Government of Altai Krai in Altai Krai Legislative Assembly: Decree of the Governor of Altai Krai No. 178 of December 30, 2016]. *Altayskaya pravda*. 8.
12. Konsul'tantPlyus. (2005) *O polnomochnom predstavitele gubernatora Magadanskoy oblasti v Magadanskoy oblastnoy dume: Postanovlenie Gubernatora Magadanskoy oblasti ot 25.03.2004 № 55* [On the plenipotentiary representative of the Governor of Magadan Oblast in the Magadan Oblast Duma: Resolution No. 55 of the Governor of the Magadan Oblast of March 25, 2004]. Moscow: Konsul'tantPlyus.
13. Pravovaya sreda. (2006) O gosudarstvennykh dolzhnostyakh Nizhegorodskoy oblasti i Reestre dolzhnostey gosudarstvennoy grazhdanskoy sluzhby Nizhegorodskoy oblasti: zakon Nizhegorodskoy oblasti ot 30.12.2005 № 225-Z (s posled. izm. i dop.) [On the state posts of Nizhny Novgorod Oblast and the Register of posts of the state civil service of Nizhny Novgorod Oblast: law 225-Z of Nizhny Novgorod Oblast of December 30, 2005 (with later amendments)]. *Pravovaya sreda*. 3 (676).
14. Cherkasov, K.V. & Osipov, D.A. (2017) The commissioner of the head of the region in the regional parliament: the place, role and importance in public authority. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 228–234. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/418/30
15. Osokina, G.L. (2013) *Grazhdanskiy protsess. Obshchaya chast'* [The civil process. General part]. Moscow: Norma: NITs Infra-M.

Received: 27 January 2018

А.В. Юрковский, И.А. Кузьмин

О ПЕРСПЕКТИВАХ И ПЕРВИЧНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ КОМПАРАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СФЕРЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Статья содержит итоговые материалы проведенного авторами комплексного исследования в сфере конституционно-правовой охраны в странах Северо-Восточной Азии и России с 2014 по 2017 г. Понятие и элементы конституционно-правовой охраны рассмотрены с учетом политического, экономического, социального и идеологического факторов в каждой из стран. Сделаны выводы относительно возможной конституционно-правовой интеграции России с государствами региона на основе общности охраняемых интересов.

Ключевые слова: конституционно-правовая охрана; Северо-Восточная Азия; Россия; КНР; Япония; Республика Корея; КНДР; Монголия; интеграция; перспективы.

В период с сентября 2014 по март 2017 г. авторами было проведено исследование конституционно-правовой охраны в странах Северо-Восточной Азии и России, промежуточные результаты которого нашли отражение в целом ряде научных публикаций, материалах международных конференций, периодических изданиях и в монографии¹. В настоящей публикации содержатся итоговые («отчетные») материалы, обобщающие ключевые этапы названного исследования.

Северо-Восточная Азия представляет для России сферу жизненно важных интересов. Здесь сосредоточено от 60 до 80% запасов стратегически важных ресурсов мирового значения: лес, пресная вода, цветные и редкие металлы, нефть, газ, каменный уголь и т.д. Особо следует отметить, что именно в этой части мира Россия непосредственно соприкасается с крупнейшими, помимо Европейского союза, экономиками мира – США, Японией, Китайской Народной Республикой, АСЕАН [1].

Президент Российской Федерации В.В. Путин неоднократно отмечал, что «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо честно сказать, не всегда использовали это преимущество. Думаю, что пришло время нам вместе со странами, входящими в Азиатско-Тихоокеанский регион, переходить от слов к делу – наращивать экономические, политические и другие связи. Все возможности для этого в современной России есть» [2].

В состав Северо-Восточной Азии принято включать территориальные пространства России, Японии, Монголии, Китайской Народной Республики, Корейской Народной Демократической Республики и Республики Корея. Настоящее исследование основано на целой системе источников с их комплексной (проблемной) интерпретацией, что предопределяет теоретическую и практическую необходимость изучения области динамики политических и юридических процессов в названных странах [3. С. 61–66].

Неразрешенность политических и юридических проблем в государствах рассматриваемого региона порождает факторы дестабилизации мирного, эволюционного, прогрессивного, социально-позитивного

развития, не только в самих перечисленных государствах и в регионе, но и оказывает соответствующее влияние на состояние стабильности современного миропорядка.

Между государствами региона существуют многочисленные нерешенные проблемы в политической и юридической областях, которые потенциально затрудняют дальнейшее продвижение по пути межнационального культурного, политического и экономического сотрудничества. В данном контексте, прежде всего, необходимо упомянуть такие обстоятельства, как сохраняющийся раскол Кореи, нестабильность на Корейском полуострове, раскол Китая, наличие вероятностных угроз в сфере взаимоотношений между КНР и Тайванем, а также наличие территориальных разногласий и связанное с этим отсутствие мирного договора между Российской Федерацией и Японией.

Большинство проблем в международных отношениях обусловлено наличием внутригосударственных проблем конституционализации наиболее значимых сфер общественной жизни и их охраны особыми социальными институтами, при помощи которых достигается стабильность в системах социальных отношениях и обеспечиваются предпосылки цивилизованного диалога между странами. Данный аспект в значительной степени подчеркивает роль конституционно-правовой охраны в области обеспечения безопасности и усиливает почву для конфликтов, сформировавшихся в ходе длительной истории конституционно-правового развития рассматриваемых стран.

Многие специалисты из сферы юридических, политических и социологических наук убеждены, что существующие между государствами Северо-Восточной Азии противоречия усложняют или даже делают невозможным нормальное «региональное конституционно-правовое строительство». Полагаем, что такой подход отрицательно влияет на правовое и политическое мышление, укрупнение и укрепление межнациональных, межкультурных связей, прогрессивные управленческие и экономические решения.

В современных условиях недостаточно и даже наивно полагаться на иллюзорные представления о благополучном состоянии конституционно-правового регулирования в странах Северо-Восточной Азии.

Необходимо использовать все имеющиеся возможности коммуникативных, технических и научно-исследовательских средств для установления любых закономерностей и противоречий, влияющих на выстраивание межкультурного, цивилизованного диалога в форматах правового поля с вектором на интеграцию рассматриваемых государств (для международного сотрудничества и в разрезе общепризнанных принципов международного права).

Конституционно-правовая охрана выступает неперменным условием существования любой национально-правовой системы, является одним из звеньев, объединяющих между собой государства и иные социальные общности. В настоящее время потенциал конституционно-правовой охраны каждого из государств неодинаков. В первую очередь это касается развития самих национальных правовых систем. В каждом из государств Северо-Восточной Азии, несмотря на относительно высокие темпы роста объемов конституционно-правового регулирования, неодинаково формируются представления о сущностном предназначении позитивного права, его ценностных свойствах для реализации политических, правовых, экономических культурных и других интересов. Названные обстоятельства соразмерно влияют на международные отношения, складывающиеся между Россией и её Дальним Востоком с Японией, Республикой Корея и Китаем, КНДР, а также Монголией.

Конституционное право, осмысление его предназначения и состояние его реализации (конституционализм) могут рассматриваться как фактор, определяющий вероятность прогнозов тактических и стратегических изменений конкретного геополитического пространства и их потенциального влияния на соседние участки политической географии. Конституционное право и конституционно-правовая охрана обозначенных государств Северо-Восточного азиатского региона позволяют создавать сценарии развития политической обстановки в регионе.

Для всех рассматриваемых государств Северо-Восточной Азии равнозначным объектом конституционно-правовой охраны выступает реализация политики встраивания данного макрорегиона в общий процесс и динамику развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Конституционно-правовая охрана здесь приоритетно направлена на такие виды социальных отношений, которые позволяют их участникам стимулировать рост экономического и демографического развития, технической и технологической модернизации производства, кардинального улучшения инвестиционного климата.

Применительно к проблематике конституционно-правовой охраны, полагаем правильным вести речь не только и не столько об охране самой конституции, сколько об охране общественных отношений, составляющих предмет конституционного права. В данном контексте уместно заметить, что конституционно-правовая охрана выражается в деятельности специально уполномоченных, а также иных заинтересованных субъектов, которая не выходит за рамки правового поля и направлена на установление и поддержание предполагаемого определенного конституционного порядка. Рассматривая перспективные цели государ-

ства в обеспечении основных демократических ценностей, В.Н. Бутылин обоснованно отмечает, что научные исследования и юридическая практика предполагают нахождение путей смягчения властно-императивного характера государственной охраны и усиление ее организационной, цивилистической и гуманитарной составляющих, что касается (в первую очередь) и правоохранительных органов. Для достижения такого положения вещей правоохранительные органы определяют приоритетные направления, цели и задачи государственно-правовой охраны, планируют свою деятельность, осуществляют правотворческую и программно-правовую, а также собственно-охранную, контрольную и координирующую деятельность, обеспечивают ее материально-техническое и кадровое оснащение, обмениваются опытом, в том числе в ходе международного сотрудничества [4. С. 2, 26].

М.В. Романова, характеризуя систему охраны прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, обоснованно заметила, что в большинстве случаев «охрана осуществляется в самых различных областях общественных отношений: политической, экономической, правовой, социальной, научной, медицинской, организационной, технической и др. Это свидетельствует о разнообразии инструментов охраны, системном подходе в процессе ее реализации и сложности обеспечительного механизма» [5. С. 201]. Тем не менее феномен конституционно-правовой охраны может быть рассмотрен и в отношении отдельных объектов ее охраны [6–7].

Конституционно-правовая охрана государств Северо-Восточной Азии обслуживает как первоочередные потребности общественных отношений внутри каждой отдельной из рассматриваемых стран, так и приоритетные потребности региона в целом для создания и модернизации опорной транспортной и энергетической инфраструктуры, способной дать импульс всем отраслям экономики региона, а также оказать положительный эффект на качество жизни населения и инвестиционный климат. Как институт механизма государственной власти в каждом из государств Северо-Восточной Азии конституционно-правовая охрана предполагает создание специального инструментария для реализации региональной политики координации деятельности публичных органов при организации и проведении мероприятий, направленных на снятие соответствующих инфраструктурных ограничений.

В результате проведенного авторами комплексного исследования (2014–2017 гг.), были установлены характерные черты конституционно-правовой охраны в каждой из стран региона. Авторы умышленно воздержались от единой жесткой системы критериев для описания соответствующего феномена в государствах Северо-Восточной Азии, чтобы иметь возможность подчеркнуть его особые национально-правовые свойства и идентичность [8. С. 35–36].

I. Специфика конституционно-правовой охраны в Китайской Народной Республике.

Особенности конституционно-правовой охраны в КНР обусловлены приоритетным существованием особых разновидностей источников китайского кон-

ституционного права. Полагаем возможным выделить следующие элементы конституционно-правовой охраны в КНР:

- политический элемент (выражается в зависимости установления и реализации мер конституционно-правовой охраны от политической конъюнктуры и сформировавшихся в КНР политических традиций и обычаев);

- юридический элемент (заключается в установлении компетентными субъектами правотворчества в КНР мер конституционно-правовой охраны и средств их реализации в нормах права);

- организационный элемент (отражает организационно-управленческую систему государственных органов и должностных лиц, а также материально-технические средства, участвующие в охране основ конституционного строя КНР);

- идеологический элемент (сложившаяся в КНР система политико- и социально-правовых взглядов, ценностей, выражающих отношение населения КНР и его отдельных групп к основам государственности).

Прогнозируемые пути дальнейшего развития конституционно-правовой охраны в КНР определяют ее ориентацию, с одной стороны, на либерализацию по отношению к рядовым гражданам, а с другой – на ужесточение в плане борьбы с коррупцией и должностными преступлениями. Наметившийся путь оптимизации юридико-технической составляющей законодательства, учет китайским законодателем достижений западного государственно-правового строительства могут быть оценены не иначе как положительно, свидетельствует о грамотном и продуманном подходе. Авторы не исключают, что уже в течение ближайшего десятилетия Китай с его экономическими и политическими амбициями, прогрессивным развитием способен стать общемировым лидером по ряду направлений (в том числе в социально-правовой сфере). Российским правотворческим и правоприменительным органам, их должностным лицам в процессе учреждения и осуществления мер конституционно-правовой охраны, по-видимому, не стоит пренебрегать соответствующим опытом своего ближайшего соседа и стратегического партнера.

II. Специфика конституционно-правовой охраны в Японии.

Наиболее консервативным государством в формате конституционно-правового строительства и конституционно-правового регулирования в разряде государств Северо-Восточной Азии является Япония. Обозначим особенности конституционно-правовой охраны в Японии:

- конструкция конституционно-правовой охраны в Японии (фундамент которой заложен в Конституции 1947 г.) в современных условиях претерпевает коренные изменения в связи с корректировкой внутреннего и внешнего политического курса на расширение общего объема охраны конституционализма и во многом основывается на интерпретациях законодательства органами исполнительной власти Японии (прежде всего – Правительством);

- субъектный состав конституционно-правовой охраны составляют публичные органы Японии (обще-

государственные и местные), действующие в тесной взаимосвязи с научно-исследовательскими организациями и иными общественными институтами;

- объектами конституционно-правовой охраны являются охраняемые в большинстве современных демократических стран ценности и интересы (Конституция, государственная власть, законодательство, правовой статус и ответственность государства и личности и др.);

- методологическое и инструментальное содержание конституционно-правовой охраны выражено в системе подходов, приемов (способов) и средств обеспечения законности и правопорядка в Японии, которые тяготеют к концепции «мягкой силы», которая на сегодня претерпевает существенную деформацию с тенденцией на ужесточение;

- высокие показатели эффективности конституционно-правовой охраны обуславливаются тремя ведущими ориентирами: идеологическим (общегосударственная и общесоциальная приверженность к национальным религиозно-историческим традициям и убежденности участников общих и конкретных правоотношений в исключительной роли Японии в мире), социально-активным (наличие стойких общественных связей и разнообразных общественных институтов, складывающихся в полноценное гражданское общество) и официально-профилактическим (первичная нацеленность государства и его органов на поддержание, разработку и реализацию предупредительных мер по борьбе с правонарушаемостью);

- борьба с преступностью в Японии осуществляется на основе ценного накопленного опыта в этой области, связанного с привлечением общественности (общественных институтов) в эту деятельность и общего понимания необходимости обеспечения соразмерности наказания совершенному деянию и достижения общих и частных превентивных целей.

Японский конституционализм демонстрирует свою состоятельность и имеет глубокие социальные корни, что отражается во всех аспектах юридической практики и нуждается в изучении для определения и применения соответствующего положительного опыта в нашем государстве.

III. Специфика конституционно-правовой охраны в Республике Корея (Южной Корее).

Южная Корея, исторически являясь частью единой Кореи, демонстрирует приверженность западным концепциям конституционно-правового регулирования. К особенностям системы конституционно-правовой охраны в Республике Корея можно отнести следующие:

- Южная Корея является прогрессивным и высоко развитым государством со своей исключительной национальной идентичностью и правовыми традициями;

- Конституция Республики Корея по своему содержанию и структуре имеет много общего с основными законами западных государств, является демократически ориентированной и устанавливает разветвленную систему конституционно-правовой охраны;

- объектами конституционно-правовой охраны в Республике Корея признаются высшие нормативно-

правовые акты и правовые ценности (Конституция и другие законы, демократический порядок), законные интересы социальных общностей и отдельных лиц (члены парламента и избирательных комитетов, народ, политические партии, судьи, частные предприятия, фермеры, рыболовы и иные индивиды), экономические ценности (экономика государства, государственные земли), а также массовые социально-значимые процессы и их результаты (охрана от войны, обеспечение национальной безопасности, культурное развитие);

- основными субъектами конституционно-правовой охраны и конституционного контроля в Южной Корее являются высшие органы государственной власти, прежде всего, Национальная Ассамблея, Президент и Конституционный Суд, уполномоченные применять различные меры и использовать специальные средства обеспечения конституционной законности (в том числе исключительные);

- национальная политика противодействия преступности и антикоррупционные механизмы в Южной Корее как основной элемент реализации конституционно-правовой охраны также доказывают свою состоятельность, а накопленный в этой области опыт позволяет государству поддерживать высокие уровни конституционной законности даже в условиях международной нестабильности и глобальных угроз.

IV. Специфика конституционно-правовой охраны в Корейской Народно-Демократической Республики.

Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) является уникальным государством, обладающим исключительно самобытным восприятием конституционно-правового регулирования и системы конституционно-правовой охраны. Обозначим несколько принципиальных выводов относительно действующей системы конституционно-правовой охраны в КНДР:

- конституционно-правовая охрана в КНДР (осуществляемая на основе действующей Конституции КНДР 1961 г.) в основной своей сути заключается в охране действующей официальной идеологии чучхе (с учетом течений сонгун и чхонсанри);

- к субъектам конституционно-правовой охраны КНДР относятся не только государственные и иные публичные органы, но и партийные организации, а также отдельные граждане (объединения граждан);

- объекты конституционно-правовой охраны КНДР определяются социалистическими ориентирами и включают в себя: власть и социалистический строй государства; экономическое (в том числе производственно-техническое) и культурное достояние нации; интересы трудового народа; жизнь и здоровье граждан; материнство и детство;

- содержание конституционно-правовой охраны КНДР представляет собой совокупность подходов, средств и приемов (способов) поддержания законности и правопорядка, в своем большинстве – репрессивных, но не исключающих предоставление отдельных преимуществ лояльным власти гражданам, посредством ранжирования населения и назначения их на государственные и партийные должности;

- закрытый режим выбора и применения методов и средств конституционно-правовой охраны в КНДР

обуславливается кулуарностью государственно-политической организации высших органов власти КНДР и недоступностью информации об их деятельности (в особенности – для зарубежных источников);

- конституционно-правовая охрана в КНДР реализуется с высокой степенью эффективности за счет комплексного, методичного и долговременного использования «стабильного набора» идеологических, организационных и экономических инструментов.

Основы конституционализма в Северной Корее на протяжении длительного периода подтверждают свою незыблемость, а также состоятельность в практике отдельно взятого государства и, по мнению авторов, могут и должны быть изучены с позиции их применимости для совершенствования российской правовой системы.

V. Специфика конституционно-правовой охраны в Монголии.

Рассуждая о закономерностях закрепления и реализации мер конституционно-правовой охраны, можно выделить ее специфические черты:

- политико-правовой (гибридный) характер оснований конституционно-правовой охраны (политическое убеждение, чрезвычайные обстоятельства, отсутствие возможности исполнять полномочия и т.д.);

- сравнительно-развернутый перечень объектов конституционно-правовой охраны (начиная от государственных интересов, прав и свобод человека и гражданина и заканчивая биологическими ресурсами и благом народа);

- разнородность оснований конституционно-правовой охраны, относящихся как к правомерному, так и неправомерному поведению;

- контрольно-надзорный и политико-ориентированный правовой статус Конституционного Суда (Цэца) Монголии;

- широкий круг субъектов конституционно-правовой охраны (включающий в себя органы и их должностных лиц от всех ветвей власти на разных уровнях правовой системы).

Обозначенные свойства в самом общем виде характеризуют систему конституционно-правовой охраны в Монголии. При этом направленность и смысл законодательства Монголии указывают на наличие двух факторов, существенно повлиявших на его содержание и структуру – это преемственность существовавшей ранее советской системы управления и заимствование аналогичного опыта у Китайской Народной Республики.

Для Российской Федерации обеспечение тесного взаимодействия с Монголией (в том числе в политико-правовой сфере) относится к одной из ключевых задач внешней политики. По справедливому мнению В.В. Грайворонского, наша страна длительное время имеет важные стратегические интересы в Монголии, в том числе в политической, экономической, военной, экологической, культурной, гуманитарной и других сферах. Россию и Монголию связывают, в первую очередь, общая граница протяженностью 3,5 тыс. км и многовековая история преимущественно дружественных взаимоотношений. Россия внесла большой вклад в возрождение и защиту государственности

и независимости Монголии, в развитие экономики и культуры, в превращение ее в современную процветающую страну [9]. Вектор дальнейших отношений между государствами был задан Декларацией о партнерстве между Российской Федерацией и Монголией (Улан-Батор, 25 августа 2009 г.). Подписанное в начале сентября 2014 г. соглашение об отмене визового режима [10] дополнительно подтверждает дружественность намерений наших государств и позволяет создать дополнительные условия для дальнейшего сближения стран, что отвечает интересам каждой из сторон.

VI. Специфика конституционно-правовой охраны в Российской Федерации.

Интеграция России в социально-политические, культурные и иные отношения со странами Северо-Восточной Азии обусловлена не только спецификой современной геополитической ситуации, но и самой сущностью общественно-исторического развития.

Конституционно-правовая охрана в России – сложное социальное явление, и одновременно, универсальный социальный феномен, обуславливающий конституционализм, поглощающий доминанты правовой культуры, средства правовой пропаганды. Он объединяет социальные ценности, обеспечивает реализацию потребностей и нужд, является объектом общественных интересов, рассматривается как социальная потребность, является неотъемлемым критерием государственного суверенитета, функцией механизма государственной власти, механизма государства и государственного аппарата (отдельных органов). По результатам изучения проблематики конституционно-правовой охраны в России мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, конституционно-правовая охрана в России представляет собой сложное социальное обстоятельство, обладающее юридическими, конституционно-правовыми свойствами.

Во-вторых, конституционно-правовая охрана в России является функцией механизма государственной власти, механизма государства, государственного аппарата (отдельных государственных органов), характерным признаком правового государства, формой реализации правомочий гражданского общества, а также параметром легальности и легитимности государственной власти, объективно обусловленным институтом конституционного права, составной частью национальной системы права, обеспечивающей цели и задачи конституционно-правового регулирования, параметром правового режима конституционной законности.

В-третьих, в государственной политике конституционно-правовой охраны, рассматриваемой в качестве формы деятельности, присутствуют как минимум две стороны. В первую очередь, речь идет о концептуальной составляющей, которая содержит базисные, теоретические представления о деятельности государства в исследуемой сфере (цель, назначение, содержание, средства и т.д.), а также совокупности конкретных действий предпринимаемых / предпринятых по реализации конституционно-правовой охраны.

Тем не менее, несмотря на очевидные плюсы правовой интеграции России со странами Северо-

Восточной Азии, приходится констатировать, что в России сложилась в целом негативная тенденция к восприятию зарубежного опыта конституционного строительства и охраны. Так, по результатам проведенного авторами статистического исследования мнения прокурорских работников из Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (охвативших 25 регионов России), был сделан вывод о том, что использование юридического опыта стран Северо-Восточной Азии более 75% опрошенных считают нецелесообразным [11. С. 13–14].

На основании изложенного, подведем выводы по вопросу об интеграции конституционно-правовой охраны в России и странах Северо-Восточной Азии:

1) конституционно-правовая охрана как особая категория правоведения является неотъемлемой частью конституционализма, элементом национальной безопасности и общегосударственной охранной деятельности в России и иных странах, включая государства, входящие в состав Северо-Восточной Азии;

2) помимо собственно охранительного аспекта конституционно-правовая охрана России является сложным социальным явлением, объединяющим публичные ценности и обеспечивающим общественные интересы (потребности) за счет многоуровневой инструментальной структуры и множественности проявлений;

3) общие факторы, параметры взаимодействия и развития систем конституционно-правовой охраны в России и в странах Северо-Восточной Азии связаны с историческими особенностями, спецификой становления экономической системы в условиях расхождения экономики и социокультурной сферы, наличием общих геополитических проблем и необходимостью расширения сотрудничества между крупнейшими «игроками» региона;

4) программные и концептуальные правовые основы интеграции системы конституционно-правовой охраны России с аналогичными системами современных государств Северо-Восточной Азии заложены в ряде нормативно-правовых актов законодательного и подзаконного уровня, принятых на среднесрочную и долгосрочную перспективы;

5) одним из наиболее эффективных и базовых объектов конституционно-правовой охраны для межгосударственного сотрудничества и интеграции является институт государственного управления, согласованное использование которого позволяет выявить общие приоритеты государственной политики России в Северо-Восточной Азии и развивать основные (прежде всего внешнеэкономические) направления сотрудничества.

В итоге, обобщая целый ряд проведенных исследований, полагаем возможным заключить, что конституционно-правовая охрана – это универсальный социально-правовой феномен и элемент конституционализма, функционирование которого обеспечивается специально уполномоченными на то субъектами, который опосредует защиту конституционных ценностей в государстве и его национальные интересы (суверенность), а также основные параметры правового регулирования, исходя из особенностей формы государства и уровня легитимации публичной власти.

Функциональная характеристика конституционно-правовой охраны позволяет рассматривать последнюю как комплекс официально установленных правотворческими субъектами мер, обеспечивающих

незыблемость конституционного строя, которые могут быть применены в случае отклонения от основных позитивно-правовых предписаний, составляющих основы государственного строительства.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ С основными публикациями авторов по теме исследования можно ознакомиться на сайте elibrary.ru: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=499288

ЛИТЕРАТУРА

1. Со Ми Э Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) во внешней политике СССР/РФ 1967–2002 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 258 с.
2. Путин В.В. Россия: новые восточные перспективы (09.11.2000) // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21132> (дата обращения: 04.03.2017).
3. Волынчук А.Б., Скалецкий Е.В. Российский Дальний Восток в составе трансграничного региона «Северо-Восточная Азия»: Территория новых возможностей // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2014. № 2. С. 60–68.
4. Бутылин В.Н. Милиция в государственно-правовом механизме охраны конституционных прав и свобод граждан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 55 с.
5. Романова М.В. Конституционно-правовая система охраны прав, свобод и законных интересов человека как стратегический фактор предотвращения правонарушений // Сервис в России и за рубежом. 2013. № 9. С. 199–211.
6. Андреев К.М. Конституционно-правовая охрана религиозной тайны: зарубежный опыт правового регулирования и зарубежная судебная практика // Право и образование. 2014. № 6. С. 94–107.
7. Саенко Л.В. Конституционно-правовая охрана и защита семьи: международные стандарты // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2006. № 3. С. 143–146.
8. Чигринов С.П. Конституционная идентичность и конституционное развитие в XXI веке // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3. С. 32–38.
9. Грайворонский В.В. Монголия: светлые перспективы динамичного развития // НП «Российский совет по международным делам». URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3009#top (дата обращения: 02.03.2017).
10. Латухина К. Юрта соглашения (04.09.2014) // Российская газета. 2014. 04 сент. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/04/mongolia.html> (дата обращения: 08.03.2017).
11. Юрковский А.В., Кузьмин И.А. Отечественная система права и законодательства: взгляд сотрудников прокуратуры // Государственная служба. 2016. № 3. С. 11–14.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 марта 2018 г.

ON PERSPECTIVES AND PRIMARY RESULTS OF COMPARATIVE STUDIES IN THE SPHERE OF CONSTITUTIONAL LEGAL PROTECTION IN NORTHEAST ASIAN STATES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 219–225.

DOI: 10.17223/15617793/430/30

Alexei V. Yurkovsky, Irkutsk Institute of Law (Branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: avyurkovsky@mail.ru

Igor A. Kuz'min, Irkutsk Institute of Law (Branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: grafik-87@mail.ru

Keywords: constitutional legal protection; Northeast Asia; Russia; China; Japan; Republic of Korea; Democratic People's Republic of Korea; Mongolia; integration; prospects.

The aim of this study is to characterise constitutional and legal protection as an element of constitutionalism using the countries of North Eastern Asia and Russia as an example. During a long period, since 2014 till 2017, the authors conducted a comprehensive analytical research and studied the texts of the Constitutions and other legislative acts of the countries, Russian-language and foreign scientific publications on the topic, materials of legal practice, as well as materials from foreign media and official statements (texts), various verified Internet resources and sites providing important information. To ensure the reliability of the results of the scientific research, a variety of methods were applied including general scientific (philosophical, logical), special (sociological, linguistic) as well as special (formal legal, legal modelling, legal comparative). After defining the concept, the signs and forms of the manifestation of constitutional and legal protection, the authors' attention was paid to the objects of constitutional and legal protection stipulated in the legislations, the real ways and means of their proper protection by the states of the North Eastern Region. As a result of summarising the information, the authors characterised the structures of constitutional and legal protection in each of the countries under study such as the People's Republic of China, Japan, the Republic of Korea, the Democratic People's Republic of Korea, Mongolia and Russia. In the case of the People's Republic of China, the political, legal, organisational and ideological elements of constitutional and legal protection were characterised; their joint functioning ensures high effectiveness of this phenomenon. Proceeding from the content of doctrinal and practical materials, subjects, objects, as well as methods and means of constructing constitutional and legal protection in Japan were identified, the determinants and indicators of its effectiveness were revealed. Taking into account the specifics of the foundations of Korean constitutionalism and individual historical development, modern trends, objects, subjects and internal patterns of the implementation of constitutional and legal protection and national policies for fighting violations in the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea were named. The general trends in consolidation and implementation of measures (instruments) of constitutional and legal protection in Mongolia were determined with an emphasis on the activities of the central bodies of constitutional control and the legal bases for their activities, and considering the socialist (Soviet) past of the state and the broad adoption of political and legal experience by the People's Republic of China. Conceptual provisions of constitutional and legal protection in the Russian Federation were indicated on the basis

of various incarnations of this phenomenon in public practice. It is concluded that there are real opportunities and prospects for the use of foreign experience of the countries of North-East Asia by our state, as well as the forms/directions of fruitful interethnic integration. The general scientific (doctrinal, methodological) and functional (praxeological, methodological) definitions of the category “constitutional and legal protection” were formulated.

REFERENCES

1. So Mi E. (2003) *Assotsiatsiya stran Yugo-Vostochnoy Azii (ASEAN) vo vneshney politike SSSR/RF 1967–2002 gg.* [Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in the foreign policy of the USSR / RF, 1967–2002]. History Cand. Diss. Moscow.
2. Putin, V.V. (2000) *Rossiia: novye vostochnye perspektivy* [Russia: New Perspectives in the East]. [Online] Available from: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21132>. (Accessed: 04.03.2017).
3. Volynchuk, A.B. & Skaletskiy, E.V. (2014) Russian Far East as part of crossborder region “Northeast Asia”: Territory of new opportunities]. *Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa*. 2. pp. 60–68. (In Russian).
4. Butylin, V.N. (2001) *Miliitsiya v gosudarstvenno-pravovom mekhanizme okhrany konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan* [Militia in the state-legal mechanism for the protection of constitutional rights and freedoms of citizens]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
5. Romanova, M.V. (2013) The constitutional legal system of protection of human rights, freedoms and legitimate interests as a strategic factor of the prevention of wrong. *Servis v Rossii i za rubezhom – Services in Russia and abroad*. 9. pp. 199–211. (In Russian).
6. Andreev, K.M. (2014) Konstitutsionno-pravovaya okhrana religioznoy tayny: zarubezhnyy opyt pravovogo regulirovaniya i zarubezhnaya sudebnaya praktika [Constitutional and legal protection of religious secret: foreign experience of legal regulation and foreign judicial practice]. *Pravo i obrazovanie*. 6. pp. 94–107.
7. Saenko, L.V. (2006) Konstitutsionno-pravovaya okhrana i zashchita sem'i: mezhdunarodnye standarty [Constitutional legal protection and family protection: international standards]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 3. pp. 143–146.
8. Chigrinov, S.P. (2016) Constitutional identity and constitutional development in XXI century. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 3. pp. 32–38. (In Russian).
9. Grayvoronskiy, V.V. (2014) *Mongoliya: svetlye perspektivy dinamichnogo razvitiya* [Mongolia: bright prospects for dynamic development]. [Online] Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-svetlye-perspektivy-dinamichnogo-razvitiya/>. (Accessed 02.03.2017).
10. Latukhina, K. (2014) Yurta soglasiya [Yurt of consent]. *Rossiyskaya gazeta*. 04 September. [Online] Available from: <http://www.rg.ru/2014/09/04/mongolia.html>. (Accessed 08.03.2017).
11. Yurkovskiy, A.V. & Kuz'min, I.A. (2016) Otechestvennaya sistema prava i zakonodatel'stva: vzglyad sotrudnikov prokuratury [Russian system of law and legislation: the view of employees of the prosecutor's office]. *Gosudarstvennaya sluzhba*. 3. pp. 11–14.

Received: 01 March 2018

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ВАРДАНЫЯН Акоп Вараздатович – д-р юрид. наук, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России (г. Ростов-на-Дону). E-mail: avardanyan@ya.ru

ВОЛКОВ Иван Олегович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: wolkoviv@gmail.com

ЕВДОКИМОВА Елена Гершечевна – канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики факультета психологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: a1-ero@yandex.ru

ЖМУРОВ Дмитрий Витальевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права (г. Иркутск). E-mail: zdevgaz@ya.ru

ЗЫРЯНОВ Алексей Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: lotos495@mail.ru

ИЗБАСАРОВА Гульбану Болатовна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: iz_gulbanu@mail.ru

ИСАЕВА Анастасия Александровна – канд. юрид. наук, ст. преподаватель кафедры конституционного и международного права Томского государственного университета. E-mail: tess@mail2000.ru

КАЗЬМИН Владимир Николаевич – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кемеровского государственного университета. E-mail: vladkaz231@yandex.ru

КАЗЬМИНА Маргарита Васильевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Кемеровского государственного университета. E-mail: Rita-KMV@yandex.ru

КАМАЛЕЕВА Алсу Рауфовна – д-р пед. наук, доцент, вед. науч. сотр. научно-исследовательского отдела Института педагогики, психологии и социальных проблем (г. Казань). E-mail: Kamaleyeva_Kazan@mail.ru

КАШИРСКАЯ Людмила Васильевна – д-р экон. наук, профессор кафедры «Национальная безопасность» Астраханского государственного университета. E-mail: kashirskaya76@mail.ru

КЛЕЦКИН Михаил Васильевич – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и культурологии Самарского государственного медицинского университета. E-mail: samkoms@mail.ru

КРОТТ Иван Иванович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. E-mail: ivkrott@mail.ru

КУЗЬМИН Игорь Александрович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. E-mail: grafik-87@mail.ru

КУЛИКОВ Иван Александрович – ст. преподаватель кафедры гуманитарных проблем информатики Томского государственного университета. E-mail: kulikov.ivan.tsu@gmail.com

ЛИХАНОВ Максим Владимирович – аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: maximus.minimus@mail.ru

ЛОСЕВА Светлана Николаевна – начальник отдела изучения проблем управления и реформирования уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (г. Москва). E-mail: snloseva@yandex.ru

МАХОВА Екатерина Евгеньевна – магистрант кафедры педагогики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского. E-mail: a1-ero@yandex.ru

МИНЕВА Оксана Карловна – д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента Астраханского государственного университета. E-mail: okmineva@rambler.ru

МУРАТШИНА Ксения Геннадьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: ksenia-kgm@mail.ru

НИКИТИН Александр Макарович – д-р юрид. наук, гл. науч. сотр. центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (г. Москва).

ОЛИЗЬКО Наталья Сергеевна – д-р филол. наук, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета. E-mail: olizko@yandex.ru

ОСИПОВ Даниил Александрович – преподаватель кафедры административного, финансового и информационного права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: daniilosipov92@gmail.com

ПАСИЦКА Оксана Игоревна – канд. ист. наук, докторант отдела новейшей истории Института украиноведения им. И. Крипьякевича Национальной академии наук Украины (г. Львов, Украина); в.о. доцента кафедры украиноведения Львовского национального медицинского университета им. Данила Галицкого (Украина). E-mail: pasitska@ukr.net

ПЕТРОВ Александр Васильевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск). E-mail: petrov_av2012@mail.ru

ПЕЧЕРСКИЙ Владимир Арнольдович – канд. ист. наук, вед. науч. сотр. сектора истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы, истории (г. Абакан). E-mail: volody75.75@mail.ru

ПИЛЮШЕНКО Александра Валерьевна – канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии Ижевского государственного технического университета им. М.Т. Калашникова. E-mail: Che-pi@yandex.ru

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович – канд. юрид. наук, зав. кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург). E-mail: ropot@mail.ru

ПРОТАСОВА Елена Константиновна – аспирант кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета, ст. преподаватель кафедры дизайна Томского государственного университета. E-mail: le22na@mail.ru

ПУТИЛИНА Татьяна Геннадьевна – магистрант кафедры современного русского языка и методики его преподавания Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: push.lock2012@gmail.com

РЕЗНИК Семён Давыдович – д-р экон. наук, зав. кафедрой менеджмента Пензенского государственного университета архитектуры и строительства. E-mail: disser@bk.ru

РЫЧКОВ Александр Васильевич – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета. E-mail: alex-rychkov@mail.ru

СЕРГОДЕЕВ Илья Витальевич – канд. филол. наук, доцент кафедры философии и лингвистики Снежинского физико-технического института Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ».

СТЕПНОВ Алексей Олегович – лаборант лаборатории социально-антропологических исследований, аспирант кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: ASAOM@yandex.ru

ТУЛЯКОВА Анастасия Андреевна – аспирант школы филологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: anastasia.tulyakova93@gmail.com

ЦУЙ Лу – аспирант кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: cuilujiayou@mail.ru

ЧЕМЕЗОВ Игорь Станиславович – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента Пензенского государственного университета архитектуры и строительства. E-mail: chemezoff@list.ru

ЧЕРКАСОВ Константин Валерьевич – д-р юрид. наук, профессор кафедры конституционного, административного права и правового обеспечения государственной службы Вятского государственного университета (г. Киров); профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, зав. кафедрой административного, финансового и информационного права Нижегородского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: CherkasovKV1978@yandex.ru

ШЕРЕМЕТЬЕВА Зинаида Викторовна – аспирант кафедры романо-германской филологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: sheremeteva_zv@students.dvfu.ru

ЮРКОВСКИЙ Алексей Владимирович – канд. юрид. наук, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. E-mail: avyurkovsky@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2018. № 430. Май

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 28 мая 2018 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Усл. печ. л. 26,5. Тираж 50 экз.
Заказ № 3231. Цена свободная.

Дата выхода в свет 29 июня 2018 г.

Редактор – Н.А. Афанасьева
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru